

Сергей Черемнов

Своё *призвание*

Избранные очерки
из серии сборников
«Творческие люди»

г. Кемерово

Сергей Черемнов

Своё призвание

**Избранные очерки
из серии сборников
«Творческие люди»**

**г. Кемерово
2025 ©**

Сборник «Своё призвание» рассказывает о выдающихся медийных личностях, тесно связанных с территорией современного Кузбасса. В настоящее издание вошло более двух десятков биографических очерков, написанных автором в период с 2000-го по 2005-й годы и опубликованных на интернет-портале слово-сочетание.рф, а также в серии книг автора под общим названием «Творческие люди». Публикации повествуют об известных журналистах, поэтах и писателях, художниках и актёрах, и других неординарных людях, оставивших заметных след в новейшей истории Кемеровской области.

12 +

© С. Черемнов.
Своё призвание. Избранные очерки
– Кемерово, 2025. – 551 с., илл.

Письма ей подписывали просто: «Кемерово,
газета «Кузбасс», Бабанакowej»

Однажды в пред рождественском номере «Кузбасса» я увидел шуточные заметки Галины Бабанакowej. Это была подборка коротких житейских «картинок» с натуры, из тех, что собираются понемногу в блокнот опытного репортёра – просто так, на всякий случай, – а потом проходит несколько лет, и – на тебе! – серия неповторимых рассказов.

Впрочем, чего убеждать читателя: Галина Андреевна писала так, что, бывало, зачитаешься. Пусть сам оценит. Нашёл те самые заметки, вот из них отрывок под названием «Чучело-мяучело», как говорится, на пробу:

«Идёт мимо магазина, судя по прикиду, бомж. Видимо, всё своё несёт на себе: камуфляжные штаны, грязную куртку, поверх – женский плащ, на голове тоже женская шапочка с помпоном. Завершает наряд шпагат на плаще по линии талии.

Подбегает к нему девочка лет пяти. Дёрг – и шпагат развязался. Полы плаща и куртки распахнулись, а под ними – ничего, голый торс.

– Ты почему из огорода ушёл? – спрашивает девочка. – Почему ворон не пугаешь? Бабушка ругаться будет.

Может, впервые за последние годы застенялся бомж своей внешности. Понял, что приняла его смелая девочка за чучело, которые ещё до сих пор в садах и огородах ставят – в качестве страшилки для птиц. А вот, наверное, и бабушка спешит из магазина с полной сумкой продуктов. Испугалась, что не сидит внучка на скамеечке, а с незнакомцем беседует.

– Настюша, сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не приставала к людям.

– Я ж не к людям, я – к чучелу...

– Ну вот, довела человека до слёз, – вздохнула молодая ещё бабушка, глядя, как с грязной сумкой на плечах побрёл мужик по тротуару, низко опустив голову...».

Нет никаких сомнений в том, что читатели любили публикации Галины Андреевны. Где бы они ни выходили: в серьёзной областной газете «Кузбасс» или молодёжном «Комсомольце Кузбасса», в районной газете «Заря» или газетах Гурьевска и Белова, с которых начиналась её журналистика, – если в номере был очередной материал Бабанакowej, тираж из газетных киосков исчезал быстро. Настолько оригинальным и неповторимым был её слог, её подача материала, её умение «зацепить» читателя «на крючок» буквально с первой фразы.

По таким материалам, как статьи и очерки Бабанакowej, надо учить молодых настоящему репортёрскому делу. Впрочем, и учат. Например, в пресс-клубе «Облачко» Кедровского центра развития творчества детей и юношества. Во всяком случае, участница этого клуба Ольга Титова призналась:

«Умелый журналист с первых же строчек интригует и притягивает внимание читателя, как это делает Галина Бабанакowa, корреспондент областной газеты «Кузбасс». Я с удовольствием читаю её очерки, которые разбавляют официоз серьёзного издания, становятся своеобразной изюминкой газеты. У Бабанакowej свой неповторимый стиль.

Она погружает читателя с головой в особый мир, подаёт историю так ярко и так живо, с юмором, что иногда хочется самому побывать на том месте, которое посетил журналист. Например, в очерке «...И приплыла ко мне золотая рыбка», где она попробовала себя в роли рыбака, Галина Бабанакowa, не боясь, смеётся над собой, использует рыбацкие шутки-прибаутки. Читаешь и улыбаешься.

Чувство юмора помогает ломать стереотипы, которые мешают думать. Оно даёт возможность мыслить нестандартно и находить необычные ракурсы, придаёт человеку уверенности в себе, вселяет оптимизм». («Зачем журналисту чувство юмора?», <https://ctsvet.ucoz.com/publ/>).

Симпатичная, общительная, доброжелательная, она могла ненавязчиво разговорить любого собеседника. Шла на нужный для очередного материала контакт с открытой душой, умела искренне посочувствовать человеку, попавшему в непростую ситуацию, дать ему хороший житейский совет.

Её опыт ковался в нескольких редакциях газет. И где бы ни работала журналистка, обладавшая уникальным даром писать о людях, редакторы изданий были довольны творчеством своей подчинённой.

Помню, как однажды, примерно в 2002 году, редактор газеты «Кузбасс» Валерий Михайлович Гужвенко восхищался очередной публикацией Бабанаквой: «И откуда она только слова такие берёт?! Вроде бы всё просто рассказывает, а читаешь с удовольствием, с интересом. И смех, и слёзы! Талант! И у народа сразу интерес к газете растёт. Нам бы в редакцию ещё пару таких перьев...».

Галина Андреевна относилась к той редкой, к сожалению, в последнее время когорте журналистов, которые видят своё предназначение в защите «маленького» человека. Обидеть этого человека легко. Среди его обидчиков чиновники и руководители предприятий, работники коммунальных служб и продавцы магазинов, соседи и родные, казалось бы, самые близкие люди... И когда такому человеку становилось совсем невмоготу, он писал письмо в редакцию, обращаясь к Бабанаквой. Скорая на подъём, Галина Андреевна откладывала другие дела и шла к автору послания в его промерзающую (протекающую) квартиру, разрушенную соперницей семьёй, разговаривала с соседями, звонила чиновникам, взывая к справедливости и наведению порядка.

И почти всегда после её публикаций бытие кузбасского жителя менялось к лучшему. Заметки Бабанаквой внимательно читали и губернаторы, и мэры, и другие представители власти или работодатели. На её статьи всегда откликались неравнодушные сограждане, помогали, чем могли, попавшим в беду землякам.

Галина Андреевна родилась 7 августа 1949 года в Гурьевске Кемеровской области. Окончила гурьевскую школу № 16. Профессию журналиста, теорию и секреты репортёрского мастерства изучала в Уральском государственном университете в Свердловске (ныне Екатеринбург).

Однако первые практические шаги в журналистике сделала в гурьевской газете «Знамя Ильича» (ныне «Знамя»). В эту редакцию она пришла в 1966-м, после школы, когда Гале было 17 лет. И ни разу не пожалела о выбранной профессии, ведь в редакции было у кого поучиться – гурьевская «Знамя» всегда славилась крепкими творческими кадрами.

Это было время, когда Галина как губка впитывала суть и тонкости профессии, советы наставников. За первые два года не по одному разу побывала во всех коллективах предприятий и учреждений города, рассказывала на газетных страницах о проблемах, которых в маленьком городе всегда было немало. Но больше всего ей нравилось общаться с простыми жителями, писать об их радостях и печалях.

Через пару лет Галина перешла в городскую газету «Знамя коммунизма» (ныне – «Беловский вестник») соседнего города Белово. Был период, когда она успела потрудиться и в редакции «Луч Ильича» – такая большая многотиражка – орган партийного бюро, стройкома и администрации Всесоюзной ударной комсомольской стройки Беловской ГРЭС. Так что Бабанаква конкретно причастна к созданию крупнейшего предприятия кузбасской энергетики в посёлке Инской и рукотворного Беловского водохранилища, которое местные любовно именуют «морем».

С конца шестидесятых до начала восьмидесятых годов XX века Галя курсировала между городами Белово и Гурьевск, благо расстояние между этими населёнными пунктами не превышает 30 километров, работая в местных периодических изданиях. Наверное, не зря есть пословица: «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше». Согласно этой пословице, считается, что каждый человек ищет место, где ему будет комфортнее. Но паремиология – наука о пословицах и поговорках – считает, что первоначально было и другое продолжение этой пословицы: «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше послужить Родине». Кажется, в этом и была суть Галиных переходов из одного СМИ в другое.

Хотелось лучшего приложения своих сил, своего таланта.

– Мы с Галиной познакомились, когда она работала в нашем «Знамени коммунизма», – вспоминает многолетний редактор «Беловского вестника» Владимир Голубничий. – Общительная, как говорят в редакции, «писучая», она сразу обращала на себя внимание. Писала легко, живо и увлекательно. И характер лёгкий, кокетливый.

Помню, летом 1979 года отмечали Гале 30-летие. Она, шутя, говорила: «Да, уже тридцать! Да, старуха! Ну и что!» Прошли годы, мы иногда пересекались, я вспоминал те её слова, а она смеялась и поправляла шляпку. Галя была модницей и следила за своей внешностью и в семьдесят, и старше, не считая себя старухой...

Уже тогда, в гурьевско-беловский период, она видела своё творческое амплуа в том, чтобы как можно больше рассказывать о простых людях, в прямом смысле следуя выражению: «Чужую беду руками разведу...». Ей нравилось исследовать судьбы, находить и подсказывать читателям «рецепты счастливой жизни».

Владимир Николаевич Голубничий в ответ на мою просьбу прислал мне одну любопытную публикацию Галины Андреевны, которая вышла в номере «Беловского вестника», посвящённом 90-летию газеты (май 1991 года). По просьбе главного редактора сотрудники издания описали интересные случаи из своей журналистской практики. Бабанаква прислала ему заметку, которая вышла потом под заголовком «Здравствуйте! Корреспондента вызывали?»:

«...Вот эта улица в шахтёрском посёлке, вот этот дом, откуда пришло письмо в редакцию. На воротах рядом с почтовым ящиком – табличка «Осторожно: злая собака». Надеюсь, что, услышав лай своей дворняги, кто-то выйдет на крыльцо.

Появилась женщина. Явно не автор письма. Та называла свой возраст – 23 года. А этой наверняка за 50. Хмурая, негостеприимная. Даже калитку не открыла и собаку не поприветствовала. Узнав, кто я и откуда, хозяйка хмыкнула:

– Вот же негодница, жаловаться на меня вздумала. Хорошо, что я её вовремя выгнала. Не нужна мне такая невестка. И сыну такая непутёвая не нужна...

Разошлась свекровь в своём монологе. За несколько минут умудрилась все косточки уже бывшей невестке перемыть. А с автором письма я всё-таки встретилась. Она не столько жаловалась на своё неудачное замужество, сколько больше сетовала на вмешательство родных в личную жизнь молодожёнов. Уж лучше бы в шалаше с милым, то есть, в чужих стенах жили, чем в этом просторном доме...

Итогом той поездки в посёлок стала моя статья «Не ко двору» в газете «Знамя коммунизма». Пожалуй, с неё-то и началось моё желание больше писать не на производственные темы, а на житейские, семейные. Уже работая в областных газетах – «Комсомольце Кузбасса» и «Кузбассе», – я охотно приезжала в Белово. Столько здесь интересных адресов. И столько замечательных людей!

Здесь я познакомилась с бриллиантовой (60 лет вместе!) супружеской парой Кубаревых. У Николая Семёновича и Тамары Михайловны не просто привычка друг к другу, а самая что ни на есть настоящая и вечная любовь. Каждое утро Николай Семёнович дарит супруге цветы, а ещё стихи собственного сочинения: «Глаза твои меня пленили...». Живёт эта семья в посёлке Инском. Да, годы посеребрили их головы. Но красоты и любви не унесли!

Не унесли годы и моей признательности дорогой «Знаменке». Так мы называли тогда газету «Знамя коммунизма». Конечно же, самую-самую лучшую! Спасибо, родная, что научила «трое суток шагать и трое суток не спать ради нескольких строчек в газете».

Её желание «больше писать не на производственные темы, а на житейские, семейные», и писать так, что читателя за душу брало, не могли не заметить в Кемерове. К тому же, в областной молодёжке уже не раз печатали «семейные заметки» беловской журналистки.

Правда, считается, что первым «проторил дорогу в область» Галин муж Лёша.

– Кстати, – добавляет Владимир Голубничий, – и с мужем Лёшей Бабанакowym она познакомилась у нас в редакции. Он приносил к нам в газету заметки на спортивную тему. Ответственный секретарь и его однофамилец Юлия Борисовна Бабанакова (Бабанакowych в Белово и Беловском районе не счесть!) была загружена и переправила его к Гале. Так они и познакомились. Как я помню, Алексея взяли в «Кузбасс», она следом в молодёжную газету «Комсомолец Кузбасса» устроилась. Это был 1981 год.

А я же с этой семьёй познакомился в следующем, 1982-м. Я тогда работал собственным корреспондентом газеты «Кузбасс» по Прокопьевску. Нас, десяток собкоров областной газеты, разбросанных по всей области, регулярно собирали в «конторе» – кемеровской редакции, чтобы подвести итоги очередного периода, сверить планы на будущее.

Здесь-то я и встретился с журналистами Бабанакowymi – сначала с Алексеем на одной из вечерних посиделок, потом и с Галиной. Симпатичная, черноволосая женщина – она производила впечатление. Да и об её резонансных публикациях в редакции ходило немало одобрительных разговоров.

Галина Андреевна писала тогда о многодетных семьях, (и у самой было трое ребятишек), о проблемах воспитания приёмных детей. Особой темой для неё всегда были судьбы ветеранов Великой Отечественной войны. Она считала своим долгом рассказывать о подвигах и послевоенной жизни тех, кому страна обязана своей свободой. Но особенно её и её коллег волновала и судьба самой молодёжной газеты после того, как развалился Советский Союз, и канули в Лету такие советские

организации, как пионерская, комсомольская. В редакции было много споров о том, стоит ли менять название «Комсомольца Кузбасса».

В годы перестройки издание поддерживало происходившие в стране перемены и отошло от прямолинейной «комсомольской» тематики. В этот период газета переживала расцвет публицистики. Кроме Галины Бабанаквой здесь тогда работали журналисты, реально претендующие на роль лидеров общественного мнения: Василий Попок, Андрей Ореховский, Дмитрий Сагара, Наталья Ким, Валентина Акимова, Михаил Гревнёв, Татьяна Черкасова, Андрей Королёв, Сергей Бондаренко. Возглавлял газету не менее известный и амбициозный редактор Евгений Богданов. Трезвые голоса предлагали оставить прежнее название газеты. Ведь у неё был свой устоявшийся читатель, тираж перешагнул 100 тысяч экземпляров. Опыт столичных коллег из «Московского комсомольца» подсказывал, что со сменой названия торопиться не стоит. Но победило мнение: всё прежнее – на слом! И в 1991 году газета получила новое имя – «Кузнецкий край», постепенно начала отходить и от молодёжной тематики, представляла диалоговую площадку для самых разных политических сил, уходила в оппозицию к областной власти.

Насколько помню, Галина Андреевна переименование газеты не поддерживала, считая, что многолетний раскрученный бренд вполне устраивает читателей, но решение большинства коллег приняла. Ведь у Бабанаквой был свой читатель, который, думается, на название газеты не обращал внимания, больше интересуясь публикациями, подписанными фамилией нашего автора.

Галина в тот период много и плодотворно работала. Редкая неделя в газете обходилась без её очерка, большой статьи с размышлениями, увлекательными фактами, занимательными диалогами. Она раздумывает о перспективах культуры Кузбасса, которая нелегко переживает тяжелейшие 90-е годы, о том, как трудно живётся людям, оказавшимся на сломе эпох, в переходные годы от социализма к рыночному, малоуправляемому, жёсткому капитализму.

Но публикации её по-прежнему незлобивы, добры, человечны. Вспоминаются её очерки тех лет: «У дома моего просвечивают стены» – о поэте Игоре Киселёве, его жизни, стихах, творчестве («Кузнецкий край», 31 марта 1998 года); «Как долго-долго до тепла...» («Кузнецкий край», 25 февраля 1999 года) – о судьбах участников Великой Отечественной войны, чьими именами названы кемеровские улицы, другие её материалы. В публикации «Я счастлива тем, что кому-то нужна» («Кузнецкий край», 27 июня 1998 года) журналистка, которая приближается к своему «золотому» юбилею, вступает в открытый диалог со своими читателями, подводит некоторые итоги своей жизни, рассказывает о себе и своей работе.

Наступил XXI век.

В стране, в регионе начались перемены к лучшему. По всей вероятности, перемен требовала и Галина неуёмная натура, и она согласилась на предложение перейти в областную газету «Кузбасс».

Писала она по-прежнему много, быстро и интересно, не отказывалась от многочисленных командировок иногда и в самую кузбасскую «тмутаракань», куда

и общественный транспорт-то не ходит. Но, что поделать, очередное письмо позвало в дорогу.

А письма в её адрес приходили часто. И адрес-то порой указывали на конвертах довольно просто: Кемерово, газета «Кузбасс», Бабанакowej. Почта своё дело знала туго, без сбоев доставляла послания адресату. Распечатает, бывало, Галина Андреевна такое послание, а там: «Галина, помогите! Она увела моего мужа...». Или и того похлеще: «Наша местная власть вконец обнаглела, не хочет решить нашу проблему...». Вот и едет Бабанакowa на помощь, чтобы отвести чужую беду, разобраться, помочь, чем сможет. А потом опубликовать для всех очередную поучительную историю.

Вот одна из них – «А я вовсе не колдунья...» («Кузбасс», 16 января 2000 года):

«... Мама рассказывала, что, когда ей изменял отец, то она жаловалась на него в партком. И это действовало: на какое-то время охота увильнуть «на сторону» у отца пропадала. Правда, потом появлялась снова. И умер-то он (царство ему небесное, конечно) в чужой постели. Сердце отказало. Но мама говорит, что это его сам Бог наказал за его измены.

Мне досталась участь матери: мой муж тоже изменяет. Сейчас он ходит к одной ведьме. Приворожила она его – это точно. И куда, кому на неё жаловаться, не знаю. Парткомов-то нет. А начальники сами... Остаётся одна надежда – на вас. Напишите вы о ней, проклятой». (Из письма в редакцию от Натальи).

Я знала заранее, что ни пером, ни руками не разведа чужой беды. Насильно мил не будешь. Это ещё наши бабушки говорили. Как и прабабушки, не бегающие по начальству с жалобами на мужей.

А ещё старые люди придерживались правила – не выносить сора из своей избы. Людям и курам на смех.

Нет, я не намекаю на письмо Натальи. Она и сама делает приписку в конце своей исповеди: «Знаю, что завтра я уже не отправлю это письмо. Будет стыдно. Потому сделаю это сейчас, поздним вечером. А заодно и схожу к дому своей соперницы. Ведь там он, чувствует моё сердце, что там...».

...Наверное, Наталья так и сделала. Припозднилась она с визитом. Никто из соседей не видел, не знает, когда появилась она здесь. Но все уверены, что именно она и «наследила», напакостила... на двери зло сорвала. Дверь, вроде, как и ни при чём.

Уже приехав в тот город, узнала я про дверь-то, ведущую в квартиру Натальиной соперницы. Так вот, не то лезвием, не то ножичком, но нацарапано было на той двери следующее: «Будь ты проклята, ведьма!»

«Ведьму» звали Любой. Она была разведённой женщиной тридцати шести с половиной лет. Воспитывала дочку – восьмиклассницу. Хорошо, что девочки сейчас не было дома: гостила на каникулах у бабушки...».

Читаешь и думаешь: и смешно, и грешно. Чем тут может помочь корреспондент, если мужик и жену с детьми бросать не хочет, и любовницу оставить в покое не желает? Пожалуй, ничем. Вот и корреспондент, «расшифровав» читателям эту историю, в завершение пишет:

«...С главным героем этой банальной, «треугольной» истории – Павлом встречаться не стала. Не захотелось. Что я могла у него спросить? Что сказать? Разве только вот это:

– Да будьте вы мужчиной, в конце-то концов! Решайтесь. Хватит мучить вам и жену, и Любу. И детей тоже.

Но ведь на всё на это он мог ответить одним вопросом.

– А ваше-то какое дело? – И ведь был бы прав, наверное...».

Но ведь написала же Галина Андреевна об этом в газете. Написала! С юмором и с грустью. Рассказала всем нам, что да как было. Делайте, мол, люди, выводы, мотайте на ус. Берегите сердца близких, да и своё тоже берегите... Знаю, что статью эту читали и перечитывали. Читательницы – молча, поджав губы, читатели – ехидно похмыкивая, почёсывая затылки. Дело-то житейское вроде, а надо же, как сумел журналист приподняться над этим житейским, да и нас всех сумел заставить задуматься...

А Бабанакоева пишет и пишет. И слова у неё вроде бы простые, но сложит их вместе – предложения получаются образные. Что ни публикация – зачитаешься! И она с каким-то особым удовольствием печатает свои статьи, зарисовки. Найдите и перечитайте её очерковый материал «Я пригласить хочу на танец Вас» – об участнике Великой Отечественной войны, почётном шахтёре СССР, полном кавалере Шахтёрской Славы, горняке кемеровской шахты «Ягуновская» Петре Васильевиче Белоусове.

Или оцените вот эти замечательные публикации: «Благословите нас, батюшка!» (О том, как боец спецназа стал служителем церкви. «Кузбасс», 10 января 2019 года); «Неужели всё это было со мной? (О женщине, которая в Великую Отечественную войну служила водителем в автомобильном полку. «Кузбасс», 7 мая 2021 года).

Вот с таких рядовых кузбасских героев нашей молодёжи надо бы «делать жизнь», а не с тех, кто только и умеет петь под «фанеру», вертеть аппетитными частями тела и именовать себя «звёздами» ТВ и «всемирной паутины».

Ещё предлагаю заглянуть в Галину публикацию «Иудин хлеб» и хлеб писателя Сергея Павлова» («Кузбасс», 6 июня 2019 года). Писатель Сергей Михайлович Павлов родом из знакомого уже нам города Белово, из семьи шахтёров. Окончил филфак КемГУ и Свердловский юридический институт, работал учителем в школе, редактором многотиражной газеты. 20 лет служил в органах МВД, трудился в областной прокуратуре, где занимался реабилитацией жертв политических репрессий.

«Иудин хлеб» – четвёртая книга «Кузбасской саги» Сергея Павлова. География этого эпического полотна необычайно широка: Япония, Германия, Украина, Белово, село Урское Кемеровской области. В центре повествования «Саги» – сибирская семья Кузнецовых, за судьбой которой читатели наблюдают с первой книги. Многие из героев Павлова являются вымышленными собирательными образами, но рядом с ними органично существуют реальные исторические персонажи. Автор рассказывает о жизни простой семьи – с XIX века до наших дней – с её радостями, горестями, победами и поражениями, талантливо вписанной в летопись большой

страны. «Родина ведь для человека и начинается с рода, семьи, улицы, села, города», – размышляет вместе с Павловым журналист Бабанаква.

Галина Андреевна убеждена, что труд писателя заставляет посмотреть на историю России под другим – неофициальным – углом, глазами литературного «маленького человека». В этом и заключён главный смысл книг Сергея Павлова. Уверен, после прочтения заметок об «Иудином хлебе», появляется желание обратиться к Павловскому первоисточнику.

Более 20 лет Галина Андреевна трудилась в газете «Кузбасс». Ещё сотрудничала с газетой «Заря» Кемеровского района. Этот период её жизни с творческой точки зрения был самым плодотворным. В свои газетные материалы социальной тематики, которые выходят под такими рубриками как «Житейские истории», «Особый случай», «Спецкор для читателя», она вкладывает всю свою любовь к людям.

За время работы в печати она, не считаясь со временем, объехала все без исключения города и районы области. Статьи Бабанаквой побуждают на добрые дела. Она не только не изменяет своему главному журналистскому принципу: забота о человеке, внимание к человеку, – она творчески развивает и углубляет его. Ради этого и работает.

«Галина Андреевна – человек с большим сердцем, редкой душевной теплоты и обаяния. Её очерки всегда вдохновляли и дарили надежду, становясь настоящим открытием для читателей и меняя судьбы героев», – говорит о ней нынешний обозреватель «Кузбасса» Дмитрий Уваров.

«Это же Галина в своё время «нашла» губернатору Аману Тулееву внука», – напомнила о работе дотошной Галины Андреевны руководитель пресс-службы Кемеровского городского совета ветеранов, пенсионеров войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов Лариса Лекомцева.

Напомню, младший сын А. Г. Тулеева Андрей в 1998 году трагически погиб в автоаварии, ему было 26 лет. До трагедии Андрей учился в Тайгинском железнодорожном техникуме, дружил там с девушкой, потом молодые расстались, девушка вернулась домой к родителям в село Литвиново Яшкинского района. Выяснилось, что она носила под сердцем внука Тулеевых:

«На вопрос, почему молчали 12 лет, родители Ларисы ответили Аману Гумировичу: «Родила наша Лариса от твоего Андрея, так что ж теперь делать? Вот, растим. Ты-то – губернатор, а мы – люди простые, скромные, обычные...».

С тех пор Тулеевы считают Стаса своим».

С кем ни заговоришь о творчестве Галины Андреевны Бабанаквой, сразу вспоминают ту или иную, запавшую в память, её публикацию, её неповторимый стиль изложения событий и описания планиды своих героев.

Хочу и я снова напомнить – пусть небольшими отрывками – некоторые из её печатных работ.

«...Как раз у Золотого ручья пришлось выйти из машины. Дальше по такой дороге без проблем может проехать только трактор. Так что надёжней – пешком. К тому же до острога, как сказал наш провожатый, рукой подать. Да и в ручей лишний раз

заглянуть не мешает. А вдруг именно нам повезёт, и приплывут прямо в руки золотые песчинки. Не зря же ручей Золотым назвали!

Журчит Золотой, не отпускает. Вот что-то и впрямь блеснуло. Опускаю руку и... На ладони только лучик от солнца. Снова ловлю что-то блестящее. А это просто листик золотой, слетевший с куста. Но ведь в этих местах и вправду искали и находили и серебро, и золото! У нашего всезнающего проводника – Владимира Петровича Ломекина – столько папок с документами об этих первооткрывателях и добытчиках драгоценных металлов, что вполне хватило бы для написания кандидатской диссертации. Но Владимир Петрович, исполняющий обязанности главы Утинской территории (Тисульский район), отодвинув в сторону папки, сказал:

– Кандидатской мне уже не надо. Вот построить бы острог...». («Хочу в острог!», «Кузбасс», 2 сентября 2011 года).

«Самым богатым дедушкой называют новокузнецанина Алексея Шаповала. У Алексея Павловича 117 внуков и 33 правнука. А детей у него 13: одиннадцать сыновей и две дочери.

– Сто семнадцатую внучку зовут Леночка. Она дочка моего сына старости Матвея, – рассказывает Алексей Павлович о недавнем пополнении в своём семействе.

– Чей-чей сын? Какой старости? – прошу его уточнить.

– Матвей у меня самый младший, тринадцатый. Ему 39 лет. А мне 79. Когда он родился, мне было сорок. Вот и зову я Матвея сыном старости...». («Самый богатый дедушка России», «Кузбасс», 20 января 2015 года).

«Завтра, 22 июня, ещё до зорьки, к 4 часам утра на холме в деревне Береговая, где стоит памятник погибшим в боях фронтовикам (более 120 фамилий в скорбном списке), соберутся благодарные земляки. И будут среди них последние свидетели того страшного лихолетья – дети войны, труженики тыла, вдовы. Они зажгут свечи, поплачут, помолчат... Накануне одной из самых печальных дат в истории России мы попросили уважаемых селян вспомнить и рассказать об их крестьянском фронте в глубоком сибирском тылу. Да, здесь не рвались снаряды, не свистели пули, не горела земля. На ней колосились хлеба. Для фронта.

– Без вас, родные, не было бы нашей Победы! Вы её тоже приближали, – так говорили солдаты, вернувшиеся в Береговую в 1945-м. А вот их-то называли дважды победителями. За то, что воевали, и за то, что выжили всем смертям назло. Но годы взяли своё, аукнулись ранения. Ушёл из жизни последний фронтовик...». («А в деревне зори были не тихими», «Кузбасс», 21 июня 2018 года).

«Кто стучится в дверь ко мне с толстой сумкой на ремне? Это он, это он, ленинградский почтальон...».

Вспомнив стихи Самуила Маршака, я подумала, что нынче вряд ли эти строчки актуальны. Газет и журналов люди выписывают меньше. А социальные сети, скайп, эсэмэски заменили эпистолярный жанр, то есть письма. Сумка почтальона наверняка похудела. Но я ошибалась, думая так. И поняла это сразу же, как приехала в Новостройку к почтальону Марине Черезовой.

Она как раз выходила, а точнее, выезжала на велосипеде из своего почтового отделения. К багажнику была прикреплена не просто большая, а большущая и

толстенная сумка на ремне...». («Получите! Распишитесь! И – до новых встреч!», газета «Заря», 11 октября 2018 года).

В 2012 году специального корреспондента редакции газеты «Кузбасс», члена Союза журналистов России Г. А. Бабанаккову включили в состав комиссии по вопросам помилования на территории Кемеровской области.

Целое десятилетие опытная журналистка вносила свой вклад в непростую работу этого органа. Подсчитано, что при её непосредственном участии было рассмотрено более 2 тысяч ходатайств осуждённых.

Чтобы разобраться в том или ином деле, приходилось часто выезжать в исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы Кузбасса. Зачастую тяжёлые судьбы осуждённых, обратившихся к Президенту России с ходатайством о помиловании, становились темой для очередного любопытного газетного материала Галины Андреевны.

Я заглянул в одну из таких публикаций Бабанакковой – отчёт о работе комиссии по помилованию. Речь идёт о выезде комиссии в исправительную колонию № 40 Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Кемеровской области («Выпил, украл – в тюрьму или Запоздалое «прости». Вину признаёт, раскаивается...», «Кузбасс», 9 марта 2018 года). В статье журналиста речь идёт о рассмотрении более 20 ходатайств о помиловании, поданных осуждёнными. Материал лишь на беглый взгляд кажется «суховатым», на самом деле равнодушие писавшего его человека кроется за каждой строчкой:

«Убийцы, насильники, грабители, воры, торговцы наркотиками... Да, на этот раз контингент ходатайствующих о своём помиловании подобрался по разным статьям Уголовного кодекса. А всего на очередном заседании областной комиссии было рассмотрено 21 дело осуждённых. Десять человек присутствовали лично, а одиннадцать ходатайств были от «заочников».

В колонии № 40 содержатся так называемые «первоходки», то есть, не судимые ранее. На день заседания комиссии, о котором идёт речь в публикации, в колонии находилось более тысячи человек. В основном «сидельцы», то есть неработающие: «Хотя производственные цеха в колонии есть. Просторные, с современным оборудованием. Ассортимент продукции от павильонов и мебели до хозяйственного мыла. И объём производимого здесь можно было бы увеличить, но нет заказов».

И вот, сообщает Галина Андреевна, работа комиссии началась:

«Пригласите, пожалуйста, Ольгу Евгеньевну З., – просит председатель комиссии по помилованию Сергей Моисеенко.

Входит она: опрятная, женственная даже в своей зелёной эсковской униформе с биркой. Осуждена по ч. 4 ст. 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего). В графе «Семейное положение» сказано: вдова, имеет 9-летнюю дочь, 14-летнего сына, 55-летнюю мать и сестру.

Вдовой Ольга (1985 года рождения) стала... по собственной вине. Ведь это она ударила мужа ножом. Но прежде он ударил по голове её сына. От того, якобы, пахло спиртным. Хотя мальчик был абсолютно трезв. А вот мама и отчим – под хмельком. И как итог – поножовщина.

Ольга сама вызвала «скорую», сразу протрезвев и ужаснувшись тому, что натворила. Но спасти мужа не удалось... Да, жизнь не имеет сослагательного наклонения. И уже не прожить заново тот злополучный день...

– А как вы вообще жили с мужем? Раньше он поднимал руку на мальчика? – спрашивают Ольгу.

Отвечает, волнуясь:

– Жили по-разному: ссорились-мирились, потом снова ссорились. А тогда, перед самой большой бедой, он три дня не был дома. Пришёл, выпил и накинудся на сына.

– Раньше наказывал? Строжил над пасынком? – ещё вопрос Ольге.

– Я бы не позволила... А вообще-то он, считай, и воспитал сына.

– С кем сейчас живут ваши дети?

– С моей мамой. Но опекуństwo оформила тётя.

– А как вела себя на суде потерпевшая сторона? – спрашивают осуждённую.

– Его мама – то есть моя свекровь – просила меня строго не наказывать. Я её по-прежнему называю «мамой». Мои дети постоянно общаются с ней. Любят бабушку, а она любит их. Конечно, я перед ней тоже виновата. Но убивать-то я не хотела...

Как скажет потом представитель колонии, где Ольга отбывает наказание, семейные проблемы после трагедии не закончились. Обострилось дочкино заболевание, а сын стал хуже учиться. В общем, осиротели дети. Хорошо ещё, что в школе им сочувствуют. Администрация учреждения, где Ольга отбывает наказание, поддержала её ходатайство о помиловании.

Да и приговор суда, если так можно выразиться, был щадящим: четыре года и шесть месяцев. А санкция по этой статье предусматривает лишение свободы до 15 лет. Отбытый срок наказания – чуть больше года. Но за «колючкой» время тянется ох как долго...».

Ольга – одна из трёх осуждённых, к кому большинством голосов членов комиссии были применены акты помилования. Ей, в частности, – сократить наказание на два года. Но ещё «за» или «против» должен высказаться наш губернатор. А затем – российский Президент. За ним последнее слово.

Бабанаква подробно рассказывает о биографиях и преступлениях тех, кому в этот день комиссия пообещала ускорить освобождение. Репортёр не даёт оценок, не делает каких-то определённых выводов, кроме разве что: «Вообще, грустно, что только в одной «сороковке» отбывают наказание более тысячи мужчин. Как жаль, что 8 Марта они не обнимут и не поздравят своих жён, матерей, невест, дочек...». Галина рассчитывает на то, что выводы сделают сами читатели. И, может быть, её статья уберёжёт кого-то от необдуманного шага, нелепого поступка, от того, чтобы преступить закон, после чего следует справедливое, но суровое наказание.

За эту её непростую роль, которая возложена на члена комиссии-журналиста, за её большой личный вклад в защиту прав человека и просветительскую деятельность уполномоченный по правам человека по Кемеровской области наградил Галину Андреевну специальным дипломом.

Впрочем, если уж заговорили о наградах Галины Бабанакowej, то их у неё – хоть пруд пруди за победы в различных творческих конкурсах. Мне не удалось установить, какая из них была самой первой. Да, наверное, не в этом суть. Как только наша героиня посылала свои публикации на тот или иной всероссийский или областной конкурс, жюри обязательно включало её в число лучших участников. Да вот же, к примеру, факты из XXI века.

В списке лауреатов премий Союза журналистов России за 2002 год находим имя нашей героини: «Дипломом Союза журналистов России за участие в конкурсе «Преодоление» под девизом «Вместе мы сможем больше» на лучшее журналистское произведение по проблемам инвалидов награждена Бабанакowa Галина Андреевна, корреспондент газеты «Кузбасс» (г. Кемерово)».

На областные творческие конкурсы размениваться не буду. Их она выиграла немало. Было дело, когда я сам, работая в администрации Кемеровской области, поздравлял её и вручал очередные победные лавры.

А среди межрегиональных состязаний очень престижными считаются конкурсы журналистского мастерства «Сибирь – территория надежд», в которых участвуют средства массовой информации регионов Западной Сибири.

Одно перечисление этих территорий внушает уважение: материалы на конкурс поступают из Новосибирской, Омской, Томской, Кемеровской, Иркутской и Тюменской областей, Алтайского, Забайкальского, Красноярского, Пермского краёв, республик Алтай, Тыва, Хакасия, Саха, Удмуртия, Ханты-Мансийского и

Ямало-Ненецкого автономных округов, и даже из Республики Белоруссия, Москвы и Санкт-Петербурга.

Главные требования этого репортёрского турнира заключаются в том, чтобы героями конкурсных материалов становились люди, делающие сибирский край лучше, богаче и привлекательнее. Эти требования как будто специально под Бабанаккову писаны. Не случайно она четырежды (!) становилась победителем и лауреатом этого ежегодного авторитетного состязания.

Особо выделяю её первое место в «Сибирь – территория надежд», в номинации «Солдаты победы», посвящённой в 2015 году 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Галина Андреевна представила на него серию статей и очерков, названия которых говорят сами за себя: «Когда герой всем родной», «Он памятник воздвиг! Но не себе», «В бой летят «ночные ведьмы».

В 2014 году для журналистов, блогеров, студентов и аспирантов, пишущих на социальные темы, появился Всероссийский конкурс «Семья и будущее России». Его организовал Фонд Андрея Первозванного при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Фонда целевого капитала «Истоки», Центра национальной славы России.

Для журналистов федеральных, региональных, муниципальных и иных СМИ Российской Федерации конкурс стал самым значимым из многих подобных авторских соревнований. На него ежегодно поступают тысячи публикаций со всех уголков России. Рискнула послать в Москву свои заметки и Галина Бабанаккова.

Её материал пробился в финальную часть конкурса. И осенью 2015 года она вернулась из столицы, где награждение победителей проходило в Центральном доме журналистов, с дипломом лауреата и наградой за второе место в номинации «Печатные СМИ». И это при том, что конкуренция была высочайшая: жюри рассмотрело 6519 работ конкурсантов из 79 регионов страны!

Бабанаккова участвовала и всегда выходила в финал в этом конкурсе и в 2016, 2017, 2018, 2020, 2023 годах. На финальных торжествах, устраиваемых для конкурсантов в лучших столичных залах, звучали заголовки её победных публикаций: «Любовь и верность до свадьбы – железной», «Папа, Маргарита и тройняшки», «Красиво жить они себе не запрещают» и другие.

А их автор – улыбчивый и доброжелательный, талантливый газетчик, публицист, без сомнения, один из лучших журналистов России – под аплодисменты горделиво и грациозно поднималась на сцену, чтобы получить ещё одну, заработанную талантом и усердием награду.

Были у Галины Бабанакковой и другие – не менее заслуженные, официальные – награды.

За многолетний добросовестный труд, активную жизненную позицию и высокие профессиональные достижения Галина Андреевна награждена медалями Кемеровской области «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени, «За веру и добро», «За достойное воспитание детей». Удостоена звания почётного работника

культуры Кузбасса. Не раз её отмечали благодарственными письмами губернатора и почётными грамотами администрации Кемеровской области.

За значительный вклад в освещение значимых социально-экономических событий региона ей вручили грамоту Министерства труда и социального развития Российской Федерации. За большой вклад в отечественную журналистику она удостоена особой награды Союза журналистов России – почётного знака «За заслуги перед профессиональным сообществом».

12 июня 2024 года Галины Андреевны Бабанакowej не стало. Тяжёлая болезнь унесла жизнь человека, более 50 лет талантливо, беззаветно и преданно служившего Её Величеству Журналистике...

– Меньше чем через месяц у Галины был бы юбилей – 75-летие, – горестно вздыхает Владимир Голубничий. – Не случился... Похоронили её на «семейном» кладбище – в Гурьевске. На родине. Это было её последнее желание. Будем помнить её всегда... Да, будем всегда её помнить!

Но вот о чём ещё хочется сказать: кроме обычных воспоминаний о журналисте, которые хранят наши сердца, может быть создана и материальная память о человеке, оставившем после себя огромное печатное наследие. Когда-то, в не такие уж и далёкие времена, в стране была хорошая традиция выпускать книги с очерками ведущих журналистов.

Именно через эти книги мы, мечтавшие в 1970-1980 годах связать свою жизнь с газетой, могли знакомиться с публикациями таких классиков «корпоративного цеха» страны, публицистов, как Анатолий Аграновский, Василий Песков, Татьяна Тэсс, Ярослав Голованов и других. Читали и учились у «золотых» перьев, как надо писать настоящие материалы, а не мелкотравчатую туфту, которой сегодня переполнены многие СМИ.

Между прочим, сборники очерков ведущих журналистов региона выходили и в Кузбассе...

Галину Бабанакowу можно смело причислить к классикам кузбасской журналистики. Её многочисленные очерки, её творческое наследие сегодня разбросано по многочисленным номерам газет «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса», «Кузнецкий край», «Заря», другим периодическим изданиям, некоторые можно встретить в интернете. Вот бы собрать всё это вместе, отобрать лучшее и сделать сборник лучших публикаций Галины Андреевны...

Такая книга могла бы стать интересным документальным чтивом, ориентиром для начинающих, для тех, кто мечтает о настоящей высокой журналистике. Книга могла бы стать хорошим учебным пособием, скажем, для студентов кафедры журналистики, русской литературы и медиакоммуникаций Кемеровского госуниверситета.

г. Кемерово,
июнь 2024 г.

Ойкумена Владимира Берязева

– Я в детстве мечтал стать не поэтом, а великим шахматистом, – разоткровенничался известный новосибирский поэт, эссеист, переводчик Владимир Алексеевич Берязев в интервью к своему 60-летию, которое вышло в газете «Новая Сибирь». – Однажды – лет в 14 – уже будучи перворазрядником, даже сыграл партию в сеансе одновременной игры на одной из сорока двух досок с кем бы вы думали? – с чемпионом мира Михаилом Талем, он приезжал в мой родной Прокопьевск в начале 1970-х. Вообще, я думаю, что между шахматами и стихами много общего, особенно если брать в расчёт любимую мной эпическую поэзию.

– Ну а позже меня увлекли политэкономия, социология и прочие серьёзные вещи, – продолжает он рассказывать о себе. – Хотелось разобраться, как всё в жизни устроено, поэтому я, не набрав баллов на планово-экономический (Бог миловал), поступил на статистику в Новосибирский нархоз. Хотя я с детства считал себя не таким, как все. И не просто беспричинно, как все подростки, а в связи с тем, что у меня были странные отроческие видения-состояния...

– Как бы объяснить... – задумался он. – Ну, например, я обладал способностью к астральным полётам, которые с атеистическим пионерским и комсомольским мировоззрением никак не стыковались. Может быть, я бы и к поэзии никогда не пришёл, если бы не эти полёты на световых скоростях, видения и ощущение бескрайности Вселенной – бесконечности и конечности всего. Я ведь там действительно путешествовал и видел всё это. И лет в 11 осознал, что смертен. И это было страшным потрясением! Но я к самым полётам тогда относился без тревоги (хотя никому не признавался в таких способностях). Да и к сочинительству, по чести сказать, долго был равнодушен. Хотя стихи легко запоминал уже с двух с половиной лет – и в больших объёмах...

Родители иногда возили маленького сына Володю по знакомым и, как это нередко бывает с молодыми папами и мамами, просили своё чадо что-нибудь продекламировать с табуретки – для изумления взрослой компании. Малыш, читающий наизусть сказки Пушкина и «Конька-Горбунка», конечно, радовал и восхищал зрелых людей.

Позже он стал и сам сочинять. Однако буквально до совершеннолетия не считал это серьёзным занятием: «Мне казалось, что так всякий может. Но однажды меня просто вышибла из колеи ода «Бог» Державина».

– Я тогда подумал: что-то тут не так! – припоминает он. – Что поэзия-то, может быть, штука на самом деле серьёзная. Поскольку и до Державина осознавал, что я песчинка посреди бесконечного пространства, которое с того мгновения я уяснил, как Творение. Как раз тут-то всё и совместилось: Гаврила Романович послужил чем-то вроде спускового крючка...

1.

Владимир Берязев родился 14 апреля 1959 года в шахтёрском городе Прокопьевске в семье рабочих. Жил в рабочем посёлке возле шахты имени Дзержинского.

«Я родился в горняцком городе на юге Сибири. Вырос на шахте – среди грохота металла, криков маневровых паровозов, среди шлака, пыли, угля, на берегу мёртвого ручья и у подножия террикона, подобного чёрной пирамиде, – рассказывает он о себе. – Иногда террикон был схож с вулканом, потому что изрыгал клубы ядовитого газа из похожих на фурункулы огненных жерл.

В нашей избе под терриконом всё было очень просто и по-деревенски, как на Алтае, откуда корни моей родовой. Дед мой из Каменки (село в Кытмановском районе Алтайского края). Кстати, не случайно так же называется небольшой район в Прокопьевске.

Мы, подростки горняцкой окраины, не боялись ни шахты, ни террикона, ни взрывчатки, которая иногда попадалась в отвалах пустой породы. Мы купались в заполненных глинистой водой обвалах на месте обрушенных выработок. Мы устраивали взрывы на пустырях, иногда лишаясь конечностей или глаз. Мы плавил свинец и алюминий в багровых кратерах самовозгоревшихся угольных барханов и отливали кастеты, рукояти ножей, биты для игры в чик и зоску, а также грузила для рыбалки и дробь для самодельных пугачей-поджиг. Коробка спичек нам хватало для того, чтобы выстрелом картечи пробить миллиметровый стальной лист...».

Я, тоже родившийся и выросший в Прокопьевске, могу всецело подтвердить истинность этого чуть романтического описания детства – как и моего, и моих друзей-соседей. Наши родители, в основном, работали на добыче угля. Посёлок между шахтой «Чёрная гора» и городским садом был нам малой Родиной, где росли, изучали премудрости жизни и выживания, осваивали и школьные науки, и уличный политес.

Так что мальчик Володя рос вполне нормальной шахтёрской шпаной. «Лыжи, коньки, футбол, хоккей – всё это было, – уверяет Владимир Берязев. – На велосипедах за 15 километров от города в тайгу ездили, в кедров шишки бить. И самопалы-поджиги с пацанами делали, и капсюля взрывали. До сих пор на пальцах следы остались... Мы были хорошо вооружены и верили в счастье! А рядом была девственная дикая тайга, где мы, подобно индейцам на поджарых велосипедах, ощущали себя хозяевами. Я серьёзно отношусь к тому, что сейчас модно стало называть «местами силы». Между местом, где ты родился, и твоей душой и судьбой всегда есть определенная тонко-невидимая связь. Из этого парадокса и возникла поэзия».

Учился наш герой в прокопьевской школе-восьмилетке № 46. Был активным учеником, не стеснялся общественно полезных дел: «Меня там очень активно привлекали ко всем мероприятиям. Как главный персонаж, был представлен на всех концертах и вечерах. Читал стихи, пел, был ведущим...».

В 1976-м Владимир окончил среднюю школу. И поехал в Новосибирск, где поступил в Институт народного хозяйства. Его специальность по диплому о первом высшем образовании, которое Берязев завершил в 1980 году, была более чем прозаической – статистик. При этом, вспоминает он: «будучи студентом, я посещал три самых крупных литературных объединения Новосибирска. Там познакомился, подружился с литературными критиками, настоящими поэтами». После окончания вуза, как принято в советские времена, молодой специалист получил направление на работу и пару лет трудился фининспектором в городе Барабинске Новосибирской области.

Познакомились же мы с Берязевым в редакции городской газеты «Шахтёрская правда», куда молодую чету – Владимира и его жену Наталью – в 1983 принял на работу редактор Анатолий Иванович Поздеев. «В молодые лета на три года я возвращался (в Прокопьевск) уже с семьёй, с двумя малыми детьми – поработать в редакции газеты «Шахтёрская правда» и получить от родного города жильё (за что по гроб жизни буду Прокопьевскому горкому партии благодарен и признателен)».

Я же в это время только-только перешёл в собкоры областной газеты «Кузбасс». Но в своей родной «Шахтёрке» бывал часто. Здесь мы вели нескончаемые беседы о жизни, журналистике, политике и о многом другом.

К сожалению или к счастью, но прокопчанин Берязев за студенческие годы по-настоящему влюбился в столицу Западной Сибири – Новосибирск. И часто вслух мечтал о возвращении туда. Этот город манил его своей широтой и размахом, глубиной культуры, её сильными традициями. Столичный Новосибирск, по его мнению, чем-то подобен Петербургу: «Новосибирск в советские времена был славен, прежде всего, своим Академгородком, – размышлял он однажды об этой

тяге к перемене мест. – За сто лет с пустого места он вырос до двух миллионов жителей. Всё как в сказке про Емелю: и мост, и город, и заводы, и консерватория с театрами, и наука, и искусство... А значит, он обладает подлинностью и полнотой жизни. Растёт и развивается какими-то чудовищными темпами, я это наблюдаю уже лет тридцать, поскольку родом из Кузбасса, приезжий, как и большая часть новосибирцев. В этом городе заключена огромная энергия, он подобен и трансконтинентальному экспрессу, и стреле Аполлона, он, подобно хищному зверю, – и жесток и прекрасен».

В 1986 году Владимиру нашлось место в многотиражной газете «Рабочая трибуна» Новосибирского приборостроительного завода. Параллельно он освоил специализацию радиожурналиста и стал автором и ведущим радиопрограммы «Слуховое окно» на облрадио в Новосибирске.

«Всю свою уже немалую жизнь, за исключением короткого (менее двух лет) эпизода фининспекторства в барабинской степи, я так или иначе был связан со словом – печатным или эфирным (радийным), – пишет Владимир Алексеевич в своём интернет-блоге. – В общей сложности в новосибирском Доме радио я отработал почти 10 лет. Начинал в молодёжной редакции, а потом почти семь лет вёл литературную программу «Слуховое окно» – была такая еженедельная двадцатиминутка».

Как бы подводя итог своей журналистской деятельности, он – не в обиду коллегам – с определённой колкостью высказался об этой профессии так: «Журналисты – особая порода людей – своеобразный подотряд в биологическом виде «человека разумного». Они обладают крайней степенью внушаемости...». Если учитывать более язвительные высказывания других литераторов о работе СМИ, думаю, Берязеву можно простить его иронию. Тем более, что так же самокритично он оценивает и свой десятилетний труд, связанный с этим ремеслом...

Новосибирск – главный центр сибирской культуры. Могу сказать это со всей определённостью, ведь и мне посчастливилось несколько лет учиться здесь. К достоинствам Новосибирска надо отнести и способность замечать талантливых людей. Несмотря на свои огромные пространства, город умеет ценить тех, кто отмечен каким-либо даром. Наверное, благодаря этому в 1990 году Владимир Берязев стал директором издательства «Мангазея». Кстати, к этому времени он заочно окончил литературный институт имени А. М. Горького: «Литинститут дал многое, был уникальный преподавательский состав и творческая тусовка со всего Советского Союза. Всё это и сформировало вкус, умение видеть ценное...».

Новое издательство «Мангазея» было образовано в 1990 году в Новосибирске как акционерное общество при поддержке Союза писателей России и Новосибирского отделения издательства «Детская литература». В те годы Новосибирск становится книгоиздательской столицей современной Сибири. Здесь к началу нового тысячелетия функционировало уже более 90 различных издательств. Конкуренция огромная!

При этом «Мангазея» считалась самым коммерческим издательством России и одним из немногих за Уралом, которое пытается работать в сегменте массового

спроса, издавая карманные книжки – небольшого формата в мягкой обложке, которые с лёгкостью умещаются в кармане любителя чтения в поездке, на отдыхе.

В годы директорства Владимира Алексеевича «Мангазея» превращается в издательство, широко известное не только в своём регионе, но и в центре страны. Ориентированное на выпуск массовой литературы, оно работало также успешно по совместным проектам с издательством «Детская литература. Сибирское отделение». Наиболее популярные серии «Мангазеи» – детективы, женская проза, сентиментальный роман.

Семь лет им руководил Владимир Берязев. За это время стал составителем литературного альманаха – одноимённого с издательским названием. Здесь же параллельно занимался и поэтическим творчеством.

В 1989 году его приняли в Союз писателей СССР. За время руководства «Мангазеей» он близко сходитя со многими коллегами – членами СП, занимает активную позицию по вопросам строительства организации и работы творческого писательского сообщества. Не стесняясь, спорит с известными членами Союза писателей, отстаивая свою точку зрения. Его авторитет год от года растёт, его часто привлекали в экспертные группы. Его редакторский рейтинг тоже высок.

Учитывая всё это, члены местной организации СП России в 1997 году избрали Берязева председателем правления Новосибирской писательской организации, он стал секретарём Союза писателей России.

Таким образом, он ступил на ещё одну – очень непростую – стезю. Писательский народ, независимо от региона, в общении очень непрост, часто – обидчив, нередко – инертен, требует определённого подхода, лавирования между интересами разных писательских групп... Всё это надо было учесть Владимиру Алексеевичу в председательской деятельности. Была ещё и куча других проблем. Поэтому, и избрание на этот пост, и работа в новом качестве – всё было не так просто, как кажется теперь, спустя годы, со стороны.

Надо обязательно отметить, что до Берязева новосибирскую писательскую организацию возглавлял тот, про кого говорят: человек-легенда, – Александр Иванович Плитченко. Он был старожилом местного правления СП: с конца семидесятых годов входил едва ли не в каждый его состав. Его литературный, издательский и гражданский авторитет были высоки. Именно Плитченко в своё время открыл для Новосибирска и России много молодых литературных имён. Именно он создавал и выпускал новые литературные издания – журналы, альманахи, поэтические сборники такие, как «Гнездо поэтов», «Горница», «Мечта», «Проза Сибири», «Дарование». Владимир Берязев всегда подчёркивал особое уважительное отношение к этому удивительному новосибирцу, считая его своим учителем и другом.

В начале 1990-х, по признанию А. И. Плитченко, «организация писателей в Новосибирске была на грани исчезновения». У организации отобрали помещение. Старое, на улице Каменской, напротив Центрального рынка, городские власти отдали Дому детского творчества, новое, на углу улиц Орджоникидзе и Мичурина оттяпал один из новоявленных банков – говорят, не без участия чиновников.

С приходом А. И. Плитченко к руководству областного СП за это помещение развернулась настоящая битва. На кону была тысяча квадратных метров – весь огромный первый этаж, специально для Новосибирской писательской организации спроектированный и Литфондом оплаченный, в самом центре города. Отвоевать удалось всего несколько комнат, которые сейчас и занимает Новосибирское отделение Союза писателей России. На годы работы В. А. Берязева в СП пришлось «окончание» этой «войны».

– Если говорить чисто о моей секретарской писательской деятельности, – рассказывает Берязев, – то она была весьма непродолжительной и случилась вскоре после того, как скорпостижно умер мой учитель и друг Александр Иванович Плитченко, знаменитый новосибирский поэт и общественный деятель. Это случилось 8 ноября 1997 года. А немного погодя люди из окружения Плитченко предложили мне, 38-летнему молодому и деятельному человеку, заняться делами Союза писателей, который находился тогда в очень сложном положении. Начиная с самого «писательского» помещения, из-за проблем с которым, похоже, у Александра Ивановича и случился инфаркт. В конце концов, 176 квадратных метров в собственность писательская организация получила...

Другой серьёзной проблемой была приостановка издания старейшего сибирского литературного журнала «Сибирские огни» – это случилось из-за нехватки средств. Издание почти на целый год исчезло из поля зрения читателей и писателей. Ценой немалых организаторских усилий Берязеву удалось вернуть «Сибогни» в информационное пространство:

– С помощью коллег со всей Сибири и, в частности, моего товарища Валерия Николаевича Казакова, который тогда был представителем Президента России по Красноярску, в 1999 году мы провели III Съезд писателей Сибири. (Первые два сибирских съезда проводились ещё в середине 1920-х). Именно там мы в условиях «разрухи» и договорились о возрождении «Сибогней», которые не выходили уже год. Повезло, что тогда были ещё такие живые организации, как «Сибирское соглашение», администрация СФО, так что всё нам удалось...

Словом, дел у него было невпроворот. Организационная работа в областной писательской организации, собрания и совещания, приём новых членов СП, чтение и разбор многочисленных рукописей. Ещё он взял на себя редакторство в «Сибирских огнях». К началу нового тысячелетия всё это навалилось на председателя новосибирской СП так, что он слёг в больницу:

– Зимой 2000-го я, честно сказать, совсем измотался, да и здоровье подвело: отказала почка, и я оказался в больнице, где перенёс тяжёлую операцию и был действительно между жизнью и смертью. Ну, а пока меня откачивали, мои друзья-товарищи провели собрание и освободили меня от должности председателя правления писательского Союза...

2.

И всё же Владимир остался директором и редактором «Сибирских огней» и секретарём правления Союза писателей России. Говорят, что именно это помогло провести в Новосибирске IV Съезд сибирских писателей в ноябре 2002 года. Съезд

собрал 58 делегатов из 12 регионов. Для эффективности руководства писателями была создана Ассоциация писателей Сибири (АПС) – как инструмент консолидации и конкретный механизм сотрудничества с властью и обществом. Координаторам АПС стали В. А. Берязев и В. Н. Казаков.

«Сибогнями» Берязев руководил по 2013-й год: являлся и директором, и главным редактором. Для одного из старейших литературных журналов России это был благотворный период. Во-первых, удалось основательно и серьёзно выстроить авторскую политику редакции. Ведь каждому журналу необходимо иметь своё лицо, как-то отличаться от остальных изданий.

Исключительной особенностью «Сибирских огней», по мнению Берязева, был уникальный подбор авторов. И, прежде всего, поэтов: «Недаром... мы зачастую пересекаемся на этом поле с «Новым миром», а зачастую – сначала публикуем мы, потом – они. В публицистике – это уникальные материалы по истории Сибири. В прозе? Это отдельный большой разговор. Но из последних публикаций это, несомненно, роман Валерия Казакова «Тень гоблина» («Сибирские огни», № № 2 и 3 за 2008 год).

Во-вторых, решился самый главный вопрос существования журнала. Его содержание включили в ежегодную статью расходов областного бюджета Новосибирской области. «Сибирские огни» стал единственным «толстым» журналом Сибири, который выходил с периодичностью раз в месяц. Интерес авторов к журналу вырос многократно: в месяц редакция стала получать порядка 300-400 рукописей...

Кроме традиционного бумажного варианта журнал стал доступен читателю в электронном виде – в интернет-портале «Журнальный зал». («ЖЗ» – это литературный интернет-проект, который начал работать в 1996 году, представляющий деятельность ряда русских «толстых» литературно-художественных и гуманитарных журналов, выходящих в России и за рубежом). Появился у «Сибогней» и свой сайт: www.sibogni.ru, который действует с 2001 года.

– Общее посещение «Сибирских огней» в «ЖЗ» и на сайте нашего журнала ежемесячно переваливает за 40 тысяч читателей, – подводил Владимир Берязев итоги этой работы в одном из интервью. – Если на www.sibogni.ru заходят около 5 тысяч наших постоянных читателей каждый месяц посмотреть свежий номер, то в ЖЗ открывают нашу страницу около полутора тысяч ежедневно. Это очень даже неплохой результат. Бумажный тираж у нас всего-навсего 1500 экземпляров. Это – библиотеки и редкие подписчики. А в интернете нас читают. Но надо признать – читают больше за рубежами России, в русском и русскоязычном мире: в Германии, Франции, Америке, Англии, Израиле и ближнем зарубежье. Благодаря онлайну журнал стал за эти годы любимым и авторитетным во всём русскоязычном мире. К нам стали приходить рукописи из Австралии, Индонезии, Бразилии, а это дорогого стоит... Интернет, онлайн – это современный способ сохранить такое уникальное культурное явление, как «толстый» литературный журнал, – уверенно заявлял издатель Берязев.

– Мы – всероссийский журнал. И всегда «Сибогни» были таковым со дня основания в марте 1922 года. ...И двумя самыми тиражными журналами противоположного

направления «Новым миром» и «Молодой гвардией» долгие годы руководили выходцы из «Сибирских огней» – Сергей Залыгин и Анатолий Иванов, – подчёркивал редактор Берязев.

На вопрос о том, как ему, по существу, поэту, удаётся успешно возглавлять столь разнообразно формируемое издание? – он ни много ни мало вспоминал имена таких поэтов-издателей журналов, как Жуковский, Тютчев, Некрасов, Гумилёв, Заболоцкий, Твардовский...

Залогом успешной работы «Сибирских огней» В. А. Берязев считает команду друзей-единомышленников: «Талантливых людей в Новосибирске и в Сибири, уверяю, хватает. Посмотрите нашу редколлегию... Потом, всё это зиждется на традиционном уважении к журналу, ведь такое издание обладает огромной инерцией, мы не вправе поступать вопреки эстетике и художественному мировоззрению П. Васильева, Л. Мартынова, С. Маркова, В. Шукшина, В. Астафьева, В. Распутина и многих других, печатавших свои произведения на страницах «Сибирских огней».

По существу, Владимир Берязев отдал журналу около полутора десятков лет жизни. Работал бы ещё, но, всё проходит... В декабре 2013 года по решению администрации области главный редактор «Сибогней» вынужден был уйти в отставку.

Как сообщили в Новосибирской обладминистрации, смена руководителя издания, финансировавшегося из бюджета, «связана исключительно с финансово-хозяйственной деятельностью». А Министерство региональной политики так прокомментировало своё решение информационному агентству Тайга.инфо: «Увольнение главного редактора журнала «Сибирские огни» Владимира Берязева связано с невыполнением госзадания по объёмам тиража».

Владимир Алексеевич с доводами чиновников не согласился...

Сегодня, когда прошло достаточное количество лет после скандальной истории этого увольнения, можно с уверенностью сказать одно – то, что написано сегодня на сайте «Сибирских огней» в разделе «О журнале»: «Творческая судьба многих деятелей российской литературы была прочно связана с «Сибирскими огнями», – относится и к известному поэту, многолетнему редактору этого журнала Владимиру Берязеву.

И его почитатели, и просто понимающие люди уверены, когда лет этак через «...дцать» будут говорить о «берязевском» периоде в истории журнала (как сегодня говорят о «зазубринском», «кожевниковском», «смердовском», «никульковском» или «карпунинском»), то непременно найдутся как его сторонники, так и оппоненты.

Одни скажут, что при его руководстве была заметно приподнята планка издания, и журнал был поставлен вровень с другими российскими «толстыми» журналами. Другие, напротив, найдут, что, публикуя произведения не только авторов из Сибири, но и писателей со всей России и зарубежья, журнал тем самым ущемлял интересы «своих». Что же, при В. А. Берязеве редакция журнала провозглашала художественность как основное кредо. И при отборе материалов отдавала предпочтение сибирской литературе.

«Сибирские огни», – всегда подчёркивал Владимир Алексеевич, – издание всероссийское, поскольку едва мы станем провинциальным, как тут же превратимся в издание для графоманов». Да, планета сегодня стала очень компактной, коммуникативные и технические средства усовершенствовались до такой степени, что замыкаться даже в сибирском мире – величайший грех.

И если есть возможность общаться и делиться тем, что достигнуто в России ли, в Казахстане или дальнем зарубежье, если там есть крупные писатели, которые стремятся публиковаться в «Сибирских огнях», то почему мы должны этому препятствовать? Напротив, надо самые мощные, самые могучие силы сюда привлекать. Для современного журнала, я считаю, это абсолютно нормальная модель, она позволяет сохранять коренную традицию «толстого» русского журнала и в то же время считаться с требованиями времени...».

После увольнения он ещё оставался секретарём правления Союза писателей России. Но, прежде всего, он был и есть известный поэт, автор многочисленных стихов, поэм, книг.

3.

Юрий Михайлович Кублановский российский поэт, эссеист, публицист, критик, искусствовед, около десяти лет проведший в эмиграции и в 1990 году вернувшийся в Россию, так написал о поэзии Владимира Берязева:

«Писать стихи в посттоталитарной России... занятие неблагодарное. Не чувствуешь отклика, ощущение, что все заняты «другими делами», что несмотря на литературный девятый вал, нет в современной литературе (а шире – культуре, жизни) чистоты, прозрачности, искреннего культурного аристократизма. Всё замутнено мировоззренческой невнятицей и словесной необязательностью. Да и спонтанности тоже не хватает – поэзия в целом выглядит как с усилием выжатая из

тубика паста. На это накладывается и общий кризис поэзии в «мировом сообществе»: настоящее искусство вымывается из технотронной цивилизации...

И всё-таки не писать – нельзя: когда есть вдохновение, дуновение, веяние (любимое слово Аполлона Григорьева), дар Божий. Им наделён – и вполне щедро – Владимир Берязев. Стихийность... Берязева выверена поэтическим мастерством, в его поэзии много жизни. Пожалуй, я сравнил бы её с лирическим миром покойного Евгения Блажиевского: пафос и лиризм находятся здесь в непринуждённой стихийной спайке. Это поэзия свежая, незакаменевшая, незабронзовевшая в самолюбовании и самозначительности. Правда, иногда её энергетика переходит в «нахрап», но, слава Богу, намного чаще хороший вкус не изменяет поэту.

Как Россия прирастает Сибирью, так и поэзия её центра прирастает сибирскими литературными самородками, в той или иной степени отшлифованными культурой. Кислород поэтического мира Берязева – ей в помощь.

3 декабря 2007 г.,
Париж».

Писать стихи, по признанию самого героя нашей публикации, он начал в юности: «Ода Гавриила Державина «Бог», которую я считаю отправной точкой для большинства русских поэтов, в том числе и для Пушкина, меня поразила и вдохновила на дерзость поэтическую...».

Впервые стихи Владимира Берязева были опубликованы в журнале «Сибирские огни» № 8 за 1982 год. Первая его поэтическая книга «Окоём» увидела свет в Новосибирске в 1986 году. Как говорит сам поэт, она-то и послужила главной причиной его возвращения из Прокопьевска в столицу Сибири: так как профинансировать издание могли только жителю Новосибирска. И он сменил место жительства.

Я уже отмечал, что Владимир Алексеевич признаётся: большую роль в его судьбе сыграл издатель А. И. Плитченко, который брал на особую заметку и по-учительски опекал и поддерживал молодые новосибирские таланты. Владимир Ярцев в статье «Мой Плитченко» («Сибирские огни» № 11, 2017) подтверждает:

«Именно равнодушие я бы назвал главной чертой характера Александра Ивановича... Для него было естественным поддержать того, кто находился рядом, или того, кто ранее с ним знаком не был, но в его помощи нуждался. Это, если хотите, было его образом жизни. Может быть, не самой яркой, но весьма показательной иллюстрацией к этому утверждению является история выпущенного в 1989 году коллективного сборника «Гнездо поэтов». Не погружаясь в детали, скажу, что каким-то образом близкий к Плитченко, пользующийся его покровительством молодой поэт Владимир Берязев вышел на участников городского литобъединения конца 60-х – начала 70-х годов. Все они писали стихи (в их числе и автор этих строк), но до того времени отметились лишь единичными публикациями в периодике. Их имена были неизвестны ни читающей аудитории, ни тем более – писательскому сообществу...

Александр Иванович, который был в ту пору главным редактором Новосибирского книжного издательства, ознакомился с творчеством некоторых из нас, возникла

идея издания «Гнезда». Другой бы не стал возиться с этой совершенно непонятной публикой, к тому же ещё и в возрасте, однако Плитченко разглядел в каждом что-то неординарное и принял решение объединить безвестных поэтов в общей книжке под одним переплётом. Забегая вперед, замечу, что впоследствии практически у каждого из «птенцов» «Гнезда» вышли персональные сборники стихов, и первые из них – в Сибирском отделении издательства «Детская литература».

Затем новые книги В. Берязева стали выходить с завидной регулярностью. В Новосибирске вышли: «Золотой Кол» (1989), «Могила Великого Скифа» (1996), «Посланец» (1997). Затем были – книга поэм «Тобук» (2003, Улан-Удэ, издательский дом «Буряад-Унэн»), «Кочевник» (2004, издательство Иркутска); «Золотоносная мгла» (2008) и «Ангел расстояния» (2009) – обе вышли в Москве. И это далеко не весь перечень книг Владимира Алексеевича.

В издательстве «Сова» (Новосибирск) в 2008 напечатан его трёхтомник под общим названием «Моя ойкумена» – том лирической прозы «Сумасбродные мысли о выборе веры», эссеистики и публицистики; том избранных стихов и том лирических и тюрко-монгольских исторических поэм («Девыш», «Свистульки», «Поле Пелагеи», «Знамя Чингиса», «Тобук», а также роман в стихах «Моготá»).

Наряду с историческими поэмами, такими как «Тэмуджин-Чингисхан», «Гуннская легенда», В. Берязев создаёт и поэмы о современности, среди которых «Баллада о молодом генерале», «Псковский десант» и другие.

Поэт публикуется во многих журналах, альманахах и антологиях России: «Новый мир», «Наш современник», «Москва», «Северная Аврора», «Урал», «Сибирские огни», «Алтай», «Огни Кузбасса», «Дальний Восток», «Сибирь», «Рубеж», «День и ночь», «Сибирская горница» и других.

Также его широко печатают за рубежом: «Зарубежные записки», «Крещатик» (Германия); «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 2004); «Немига», (Минск, 2004 и 2005); «Дикое поле» (Украина, 2005). В журнале «Аманат» (Казахстан) он – постоянный автор с 2001 года, здесь опубликовано несколько его поэм и роман в стихах. Стихи Владимира Берязева входят в школьную хрестоматию «Шедевры русской поэзии второй половины XX века» («Внеклассное чтение», 2011).

Литературный критик Виталий Науменко в рецензии на книгу Владимира Берязева «Ангел расстояния» пишет (в журнале «Интерпоэзия», № 1, 2010): «С засилием поэзии абстрактной мы начали постепенно терять поэзию повествовательную. В этом смысле Берязев, часто рассказывающий истории, любящий в большей степени глагол, чем прилагательное, – скорее исключение. Это попытка поговорить о быте вроде бы просто, непретенциозно, но взятый ракурс таков, что, узнавая реалии, мы видим их уже по-другому, уходит «обыкновенность». Берязев всегда хочет наговориться, выговориться, не боясь наглядности. С первой строфы.

За дощатой, просящей пощады,
За подпёртой с обеих сторон
Древоколем, за старой оградой
Мы сидим на крыльце впятером.

У соседа скулит кобелишко,
На решётке шипит барбекю,
И на пару Саврасов и Шишкин
Опрокинули по коньяку...

Вот эти-то Саврасов и Шишкин, «опрокинувшие по коньяку», сразу дают новое освещение намеренно приземлённой картинке. Эпика, разумеется, не противоречит лирике. Из размеренного приборя эпика лирика и родилась. Эпический поэт лишь иначе расставляет акценты. Берязев как будто делает глубокий вдох – и выдох становится периодом стиха, который невозможно остановить, как и я, например, не могу здесь прервать цитату – просто негде.

...Но, погоди, не загадывай,
Не торопи, не шути!
В звёздной дали мириадовой,
Там, далеко впереди –
Где-то за мартовским маревом,
То ль на трамвайном кольце,
То ли на солнце миндалевом,
На воробьином крыльце
Встретимся, ангел полуденный,
Встретимся, милая, мы!..
Флейтою, зябкою лютнею,
Как из бродяжьей сумы...

Красивости – оттого, что вот так поймано настроение и с такой силой хочется его передать. Это своего рода есенинская нота, когда не ощущение подбирается к словам, а слова – к ощущению. Слова могут быть неточными, но если они работают на ощущение, если они органичны, значит, они те самые...».

Берязевскую поэму «Люди льда» называют поразительной. Она повествует об изгнанных из рая Адамовых детях, застывших перед роковыми дверями на границе мира. Ценители отмечают, что в поэме показана «непроницаемость некой отвлечённой границы, отделяющей падшего человека от Эдемского сада». Граница – понятие не только культурное, но и пространственное. Приближаясь к окраине времён и к окраине Ойкумены, человек наталкивается на границу человеческого, за которым начинается не хаос, а Бог:

Только Спаситель, только лишь Он один
Ад одолел, возгласивши: «Аллах един!»
Только Спаситель, слышите, только Он
Пасхою сделал обморок похорон.

Вот ещё яркое мнение о не менее яркой книге «Золотоносная мгла» (издательство «Водолей-Паблишер», Москва, 2008), высказанное Алексеем Ивантером – поэтом, редактором, журналистом, лауреатом национальной литературной премии «Поэт года» и Пушкинской премии:

«Потомок пастухов – я чую кожей этот родной запах зимних овец и пота усталых кобылиц. Мы кочуем под одними звёздами, дышим тем же пряным ветром, и свист

одной степной пурги горячит нам кровь. Когда есть название – можно издавать книгу. Золотоносная мгла. Золотоносное название. Но могло бы быть иное. Книга даёт такую возможность.

Каждая десятая строка могла бы быть вынесена на обложку – язык Берязева концентрирован и закручен, как травяная алтайская настойка, как тетива лука кочевника. Он весь – за Уралом. С цепким глазом хищной птицы, доброй рукой пастуха, это его земля – а мы... мы просто его табунщики. И шутки его – шутки чингизида, кровь проступает на клинке этой улыбки...».

4.

Специалисты отмечают, что его поэзия пронизана кочевым духом и овеена ветром странствий. Каждая новая выпущенная поэтом книга – новое путешествие. На Восток или на Запад, в века минувшие – к миражам умерших городов и образам ушедших воинов или во времена нынешние. В своих бесконечных странствиях поэт «в восторге непереводаемом» вдыхает запахи алтайских костров, возносит гимны звёздному своду, слушает птичье камлание и ведёт разговоры у очага с «аксакалом нелюдимым»...

И хотя в его стихах есть и парижские улочки, и лондонские сады, и московские кафе, стихия Азии с её стоянками и юртами поэту всё же ближе и роднее. Древней историей северной Азии – от Тибета до Казахстана и Сибири – и исследованием эпосов населяющих её народов поэт увлечён давно. Это пристрастие стало неотъемлемой частью и его жизненной философии, и его поэзии.

Друзья, шутя, обвиняют Берязева в «тюркизации» действительности, а новосибирские художники с удовольствием изображают его то в образе древнего воина, то шамана, то восточного вельможи.

– Когда мне «шьют» пантюркизм и говорят: «Берязев, ты – азиат, татарин, тюркок!» – я не спорю, – откровенничает он в интервью газете «Вечерний Новосибирск» (5 июля 2009). – Я отвечаю: да, мы полтора тысячелетия, может быть, и больше, кочуем туда-сюда, кочуем по этому пространству, называемому Дешт-и-Кыпчак (исторический регион Евразии, представляющий собой Великую Степь от низовий Дуная до Иртыша и озера Балхаш). Да, мы кочевники, хотя и земледельческого толка. Господи, так получается, что мы зачастую не знаем и не помним, где похоронены наши предки...

Так называемые «евразийские поэмы» занимают в его творчестве большое место. Евразийская цивилизация, всегда подчёркивает поэт, это особый культурный феномен. Её возраст насчитывает несколько тысячелетий. Она имеет очень глубокие корни, оказала самое сильное влияние на формирование русской культуры, в том числе поэтической. Более того, многообразие языков, культур, традиций евразийских народов обогатило духовную культуру людей всей планеты. Евразийские поэмы Владимира Берязева написаны на материале многочисленных мифов, поэм, баллад, которые зародились на огромном пространстве: от Алтая – Байкала – до Каспия. «Они все невидимо живы в культурном поле, – подчёркивает автор, – их смысл нам близок и понятен. И я рассказываю о них в евразийских поэмах. Например, в поэме «Знамя Чингиза» подробно, на основании исторических

источников, рассказываю, как мальчик Темучин стал Чингисханом. Я даже побывал на том месте, где стояла юрта, в которой родился Чингис...».

В «Знамени...» поэт стремится создать идеальный образ собирателя народов, властителя Великой Державы, усмирителя ссор и раздоров, установителя Закона. Текст этого произведения насыщен историческими данными и малознакомыми широкому читателю именами и названиями, поэтом движет желание рассказать историю великого завоевателя и, что важнее, – создать поэтический образ, за который не жалко умереть.

Сквозь время Чингисхана явственно прочитывается боль автора за судьбу России «эпохи великой криминальной революции», по выражению Юрия Кублановского, эпохи распада национального самосознания. В глубине веков поэт ищет объединяющую идею...

В поэме «Мать Чингисхана» «я» поэта отступает на второй план, но сама история наполняется другим, не менее волнующим смыслом. В нём появляется настоящая боль и драма матери, родившей того, кто принесёт в этот мир смерть:

И мать ли виновна в жестоком
Порядке на долгой земле,
Где демоны борются с Богом
И – чья-то печать на челе...

Удивительные легенды стали материалом и для создания поэмы «Ганлин». Так, по легенде 1927 года, бурятский религиозный деятель, один из выдающихся буддийских подвижников Даши-Доржо принял позу лотоса и ушёл в нирвану. Саркофаг, в который было помещено его тело, открыли спустя тридцать лет – он всё так же сидел в той же позе. И это была не мумия, а нетленное тело. Позже его тело перенесли в Иволгинский дацан (село Верхняя Иволга, Республика Бурятия) и поместили в стеклянный саркофаг.

– Я был в тех местах под Улан-Удэ и там, в дацане, узнал и о флейте-ганлин, – рассказывает Владимир Берязев. – Она изготавливается из берцовой кости невинной девушки, погибшей от несчастного случая. Тело должно истлеть, прежде чем мастер возьмёт кость. На этой флейте играют только по особым случаям. Меня легенда поразила до глубины души. На первый взгляд, нам может показаться это дикостью – из кости человека делать музыкальный инструмент. Но в этом есть особый смысл. На Востоке ведь к праху относились именно как к праху. Тело человека просто предавали огню.

Эта флейта из кости юной девы продолжает петь для живых. История о Даши-Доржо и обычай изготовления флейты-ганлин стали материалом для создания поэмы, в которой эти события и истории перекликаются с современностью, с трагедией 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, с давним противостоянием Востока и Запада...

Его роман в стихах «Могота» потрясает своей широтой лирико-эпического пространства, которое охвачено в произведении. Сочинение создавалось автором на протяжении семи лет: в период с 1996-го по 2003-й годы. В основе повествования критики усматривают средневековую «Повесть о Петре и Февронии Муромских»,

точнее, первую её часть, рассказывающую о беде, случившейся в семье князя, к жене которого летает змей и, принимая образ мужа, учиняет над ней насилие. В тексте Берязева нет Февронии, а легенда перенесена в наши дни. Главный герой романа художник Павел своим творчеством, питаемым «мором страсти», даёт возможность воплотиться в жизнь дьявольскому наваждению, жертвой которого становится жена художника – Анна.

«Художественный центр романа – не рассказ о злоключениях главных героев и изгнании демона, а взволнованное, яркое, страшное лирическое повествование об осквернении души и тела, о блуждании души в кругах «ирреального» ада, растворении её в морке сладострастия и стыда», – отмечается в одной из публикаций о произведении.

Когда «Сибирские огни» начали печатать крупными кусками «Моготу», заявленную автором как «Роман о любви», скептически настроенные товарищи по цеху, не скрывали своих сомнений относительно того, что далеко задуманная вещь (первые главы появились в 1998 году) будет когда-либо вообще закончена. Слишком редок этот жанр – роман в стихах – в русской, да и во всей мировой литературе. Примеры успешного освоения поэтами столь сложной формы повествования буквально наперечёт.

Вот что пишет о сюжетной линии берязевского произведения кандидат филологических наук Владимир Яранцев («Сибирские огни», № 8, 2004): «У Владимира Берязева возник замысел романа о любви. Точнее, о той обители духовной истины, где врачуют увечных и заблудших, даруют цельность раздвоенным, и которая станет началом общерусского возрождения и единения России.

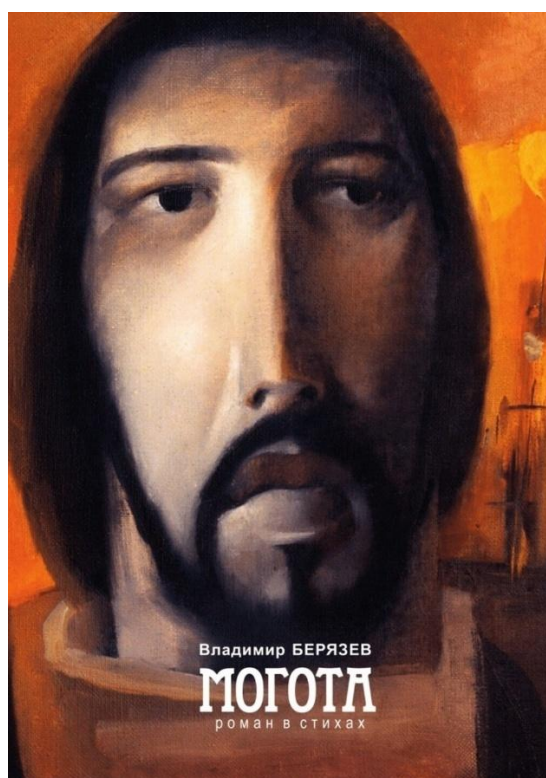
Таким образом, с самого начала стихотворное произведение В. Берязева было обречено на метафизику и мистику, чьи герои, полные грехов и скверны, проходят очищение в сфере высшей духовности, в идеальном, Божественном пространстве. Этим местом и стала заповедная Могота в трёх стадиях своего развития: сначала она – Ад («могоча» по-татарски – «яма», «гиблое место») для сосланных в период репрессий, затем, со строительством монастыря во главе с владыкой Иоанном это – Чистилище, место осознания каждым своей греховности, и оно же (так как в Православии нет такого понятия) – Рай, вернее его прообраз для тех, кто готов его узреть.

Так же троичны и триипостасны и герои романа: Павел, его брат Михаил и Анна, жена Павла. Поначалу они тоже ссыльные, правда, собственной совести, как тоже повинные в разгуле бесовщины в стране. Во второй ипостаси – это медленно прозревающие люди, мучительно сбрасывающие прежние оболочки художника-авангардиста, ветерана кровавой войны и романтически настроенной провинциальной девушки.

И, наконец, ипостась третья: любовью осенённые и одухотворённые и ею же обращённые в апостолов Любви. Но любви разной: мужской, антично-эротичной, взирающей на небесное сквозь телесное, и любви братской, платонической, переходящей в православно-монашескую и возвеличивающей Анну в Пресвятую Деву».

Роман вызвал неоднозначное к себе отношение. Его публикация породила немало споров о смысле и содержании повествования. Автора неоднократно обвиняли и в смысловых, и в фактических ошибках, в незнании жизни и неумении до конца разобраться в сложной фактуристике, мешающей расставить все нужные точки над «і». Вот, например, мнение прозаика В. В. Дворцова («Сибирские огни», там же):

«По прочтении романа практически у всех опрошенных осталось тяжёлое, удручающее состояние, как бы в промежуток между двумя болезненными снами. Словно нужно ещё раз заснуть и досмотреть, допереживать кошмар, иначе он не останется «там», в прошедшей, душащей ночи, а потянется в день. Отравленность. Эта тяжесть, цинковая кислота послевкусия «Моготы» от невозможности пережить через финал катарсис...».

Вместе с тем, «Моготу» критики называют уникальным для современной поэзии трудом Владимира Берязева, известного русского поэта конца XX – начала XXI века. Так, литературовед В. Н. Яранцев отмечает:

«...Любовь – это Могота... Любовь вездесуща: и на поле боя, и среди бомжей и «рерихнувшихся», и даже у дьявола, завидующего Творцу... Автор немало постарался, чтобы проторить свой путь к читателю: негодовал и восторгался, поучал и грешил, думал вслух и наудачу, не стесняясь наивностей или общих мест, но всегда нараспашку, честно. И всегда слово «любовь» у него выступало не только существительным (что значит, «сущим, насущным»), но и глаголом и прилагательным, то есть активным, сильным, теряющим смысл и ни к чему не годным и неприменимым без живых людей. Ну а сам В. Берязев сказал бы проще: могота и есть любовь, как монастырь среди тайги, повенчавший и примиривший человека и природу, «как знак века, преддверие иного духовного опыта» (из эссе «Хожделение в обитель отца Иоанна»). А ещё короче и точнее: любовь – это Сибирь.

Сибирь, как, может быть, последний приют любви и надежды, бога и человечества. И конечно, поэта, который сочинил роман, так и не вместившийся в рамки романа: эссе в начале книги и «драматическое произведение» в конце её – знак бесконечности романа-триптиха о Сибири, новой колыбели любви».

Сам же автор так сказал о своём произведении: «Роман в стихах «Могота», с которым я провозился лет семь с половиной, издал тиражом 44 экземпляра – по числу моих тогдашних годов».

Зачем я его сочинял столько времени и для кого – до сих пор не знаю. Но недавно полистал и убедился: чёрт возьми, ведь хорошо написано, оказывается! А главное – передана, запечатлена картина и атмосфера целой эпохи – периода 1990-х. Но могу признаться, что иногда большие объёмы сочинять бывает очень мучительно, особенно когда это связано с трагедией, геополитической катастрофой, случившейся с твоей Родиной».

5.

Поэт выраженного эпического начала и космогонического мироощущения, – снова и снова пишут о нём исследователи его произведений. Мысль о равновеликости мощи природы и человеческого духа стала в творчестве В. Берязева краеугольной. В. Берязев тяготеет к монументальным символам и метафорам, позволяющим ему постичь «тайную смежность почвы с небом» и выразить, как «рождается таинственная связь души с необозримым».

Он мастерски владеет и малыми формами лирического стиха, однако именно в самых объёмных повествовательных полотнах Берязев предстаёт как лирик по преимуществу, автор необыкновенно сгущённого, насыщенного чисто поэтическими смыслами текста.

Восторг мастера перед словесной глиной, могущей превратиться в упругий стих, кочевая энергия путешествия по всему дольному миру, бесконечная тяга к дразнящей Азии с её легендами и преданиями, искусство дружества и опеки... Подобные живописные обороты выплывают из воображения, когда думаешь о стихах Владимира Берязева.

«Берязев – поэт-реалист, проводник между прошлым и настоящим, поводырь, ведущий читателя по опасным нехоженым тропам инокультурного пространства, – довершает образ поэта кандидат филологических наук, литературовед Е. А. Иванова. – ...Работа поэта – созидание нового художественного образа иной России, лирическое постижение её невообразимого пространства – духовного, исторического, географического.

Кажется, что Берязев в своём творчестве ищет пресловутый «третий путь», но находит нечто большее – уверенность в неисчерпанности культурного потенциала России, незаконченности её исторического пути, возможности будущего».

Надо подчеркнуть, что его поэтический дар, как говорится, замечен. Его талант, его стихи, поэмы, книги отмечены многочисленными творческими, профессиональными наградами. Их за десятилетия публичной творческой деятельности собралось уже так много, что есть вероятность пропустить какую-либо. И всё же попытаемся сгруппировать их и выстроить основные из них в

хронологическом порядке. По итогам 2002 года В. Берязев – лауреат первой премии конкурса межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» «Сибирь – территория надежд» – в номинации «Публицистика».

В 2007 награждён премией журнала «Аманат» и медалью Международного клуба Абая (Казахстан) за роман в стихах «Могота», поэмы «Тобук», «Сухой колодец», «Белый старец», переводы и эссеистику.

В 2008 году в Ханты-Мансийске В. Берязев был признан лучшим поэтом Урала и Сибири по итогам регионального конкурса. В 2009 награждён медалью и премией имени Константина Симонова за поэму «Псковский десант». В 2010 году получил медаль и премию «Белуха» (Алтай), а также специальный приз международной премии Максимилиана Волошина за книгу «Ангел расстояния» (Крым).

В январе 2013 года получил «Серебряного Дельвига» – премию «Литературной газеты» имени Антона Дельвига в номинации «Поэзия» – за издание антологии «Поэты «Сибирских огней», век XXI», за верность классической традиции русской поэзии и творческое развитие евразийских идей.

...Однажды, обидевшись чуть ли не на весь белый свет за непонимание, неоправданные «наезды» от недругов, да и некоторых бывших друзей, решив уйти от «мира», уединиться, он в сердцах сказал: «Я лучше буду сидеть у себя в имении Абрашино, выращивать овощи, собирать грибы и воспитывать внуку...».

Но жить полным отшельником не умеет. Владимир Алексеевич активно занят творчеством, пишет стихи, публицистические заметки, которые публикует не только в своих аккаунтах соцсетей, но и на интернет-порталах известных журналов, газет.

В 2021 году вышла его обновлённая книга – теперь уже пятитомник «Моя ойкумена», куда вошла лирика, поэмы, эссе, избранная переписка, интервью о сути литературной, творческой деятельности. И много чего ещё.

Он постоянно откликается на все заметные события, касающиеся не только творческого Новосибирска, но и Союза писателей России, и самой страны в целом. Одна из таких острых критических его статей «Корни плебейства» обнаружилась на интернет-портале «Литературной России» (№ 2022/35, 16.09.2022):

«...В силу того, что мой дом-усадьба в Абрашино располагается на расстоянии 130 км от Новосибирска, большую часть пути за рулём я могу слушать лишь «Радио России», остальные каналы в ФМ-диапазоне не простираются далее 30 км от мегаполиса. Посему именно из этого всероссийского источника информации я и познакомился с явлением, именуемым «Поэзия русской весны»...

Идея возвращения поэзии в публичное поле сама по себе не вызывает ни сомнения, ни протеста. Однако возникает несколько «но», не придёт ли на место попсы и развлекаловки, на место убожества шоу и юмора ниже пояса, не придёт ли самодеятельность, гопота, самоуверенное и амбиционное невежество? Как минимум, те кто сегодня пишут на актуальные, горячие, кровавые темы, те, кто в гуще событий и эмоционально переживают исторический слом, ... они должны знать ремесло, быть профессионалами, они обязаны работать в рамках традиции. А традиция эта имеет протяжённость не менее двух веков. И вот я слушаю главное радио страны... Кого нам представляют в качестве новой поэтической волны,

когорты пришедших с передовой, несущих в поэтическом слове боль, надежду, гражданское мужество и дух победный, хранимый в сердцах?..

А нижеприведённый текст, транслировавшийся на 150-миллионную аудиторию всероссийского радио, я не могу, не могу интерпретировать иначе как самодеятельность сельскую, клубную. Скажу мягче: эмоция понятна, ситуация на грани жизни и смерти не может не вызывать сочувствие, но вспоминается классический афоризм: «Не стреляйте в пианиста, он играет как умеет»... Вы поймите, поэзия – не место выяснения отношения с несправедливым миром, поэзия есть попытка примирения с миром через связь с небесами. Поэтому, когда я читаю подобное, я вспоминаю Николая Тихонова с его «Мы разучились нищим подавать» и начинаю шарить по карманам, Господи, прости...».

Он делает детальный разбор стихов авторов этой радиопередачи. Это серьёзный, может быть, даже злой, но очень полезный профессиональный анализ стихотворства молодых, во многом только начинающих, но Владимир Берязев искренен в своём желании доказать, что писать плохие стихи лучше не надо, а публиковать их на всю страну – тем более...

Он многому может научить молодых и начинающих. И для этого – и не только для этого, конечно, – он пытается организовать новую радиопередачу «Сибирская муза». В конце 2017 года на своей интернет-странице в Живом Журнале (livejournal.com) он сообщает:

«Областное радио готово предоставить мне студию и эфир, но оплачивать мою работу, увы, не способно. Помимо еженедельных радиопередач в FM-диапазоне на всю территорию Новосибирской области, аудио архив «Сибирской Музы» будет выкладываться и на отдельном сайте в свободной доступе. Обсудив эту идею с друзьями,.. мы решили – почему бы не попробовать?! Достаточно набрать стартовый капитал для пилотных выпусков программы, а там – Бог даст...».

О чём он намеревался говорить со слушателями? Вот некоторые из предложенных тем: «Тобольский гений. Пётр Павлович Ершов...»; «Поэзия декабристов-ссыльных...»; «Традиция поэзии ссыльно-каторжан...»; «Харбинская поэтическая школа. «Чураевка» – одно из значительных явлений литературной жизни русского Харбина»; «Поэты советской эпохи»...

Ведь сам Берязев и сегодня не стесняется учиться секретам поэтического мастерства, обращаясь к текстам самых признанных Учителей: «Я читаю Евангелие. Пушкина, опять-таки, да его любимца Гоголя. С огромным интересом перечитываю того же Михаила Юрьевича Лермонтова, чья фигура так до сих пор и не разгадана. Я считаю, что ничего подобного в мировой поэзии не было явлено и уже вряд ли будет. ...Я почти представляю себе живого Пушкина, особенно когда читаю гениальные воспоминания Гоголя. Но вот голоса его не могу себе представить. Это для меня опять остается тайной...».

Владимир Берязев часто размышляет о том, какое будущее ждёт нас, живущих на огромном евразийском пространстве. Он уверен, если мы сможем сохранить нашу духовность, веру, имея в виду «веру в самом широком смысле, думаю, что Господь будет на нашей стороне и мы сохраним нашу землю. Без этой земли не будет того,

что называют живой душой. Человек, особенно в России, не может в полной мере жить без связи со своим Отечеством. Будучи до конца преданным своей земле, человек становится её защитником, настоящим воином, а в награду получает способности Творца»...

Когда-то давно он написал стихотворенье «Тоска по призраку». Им и хочу завершить этот неполный рассказ о поэте:

Всё больше нас – надменных и сухих,
Свободных и безапелляционных,
Размерявших на блюдцах порционных
Любовь и смысл,
Страдание и стих.
Всё в пользу, всё рассчитано, всё в срок:
Когда войти, о чём распространяться.
Диета – символ веры сыроядца.
Разумность – долголетия залог.
Но не бессмертья...
Боже упаси,
От сытости и самосозерцанья.
...Рябит в глазах от звёздного мерцанья.
И оглашая космос бубенцами,
Из топота и храпа вырастая,
Косматый призрак мчится по Руси.

г. Кемерово,
март 2023 г.

А споры-разговоры мы вели обо всём на свете...

В своём очерке «По ту сторону взгляда», посвящённом памяти юргинской писательницы Екатерины Владимировны Дубро, он написал: «...Моя записная книжка за долгие годы истрепалась до крайности – не поймёшь, где, что, кто, номера телефонов выцвели. Недавно я купил новую книжку, в кожаном переплёте. Взялся переписывать фамилии и телефонные номера, а заодно провёл ревизию прошлого – вычистил всё ненужное, ушедшее, потерявшее необходимость. Вот телефон Дубро Е. В... Вычеркнуть? Нет! Пусть остаётся. Среди живых».

Этот материал известного кузбасского журналиста Петра Бугаева опубликовал областной журнал «Огни Кузбасса» в февральском номере 2013 года, в канун пятилетия ухода писательницы из жизни.

Образно и «сочно», как умеет настоящий профессионал пера, Пётр Михайлович рассказывает читателю о том, как «завязалась... непростая дружба – со взаимным

любопытством, со взаимным притяжением, но и с бесконечными спорами, даже ссорами», прикованной к постели писательницы и молодого юргинского журналиста. «Самый вредный читатель», – так она меня называла, – вспоминает он. – Почему «самый вредный»? Я помогал Кате готовить к изданию первые книги, многое читал в рукописи...».

Недаром свою первую книгу «Вернусь звездопадом» Екатерина Дубро подарила ему, сопроводив ехидно-шутливой дарственной надписью: «Самому вредному читателю». Понимала и принимала его помощь...

Как-то двадцатичетырёхлетняя Катя в своём дневнике оставила своего рода... завещание: «...Вещей у меня ценных нет, но всё же – кому что?» И далее: «Во-первых, книги...». Шло перечисление, кому и какие книги отдать. Потом – магнитофон, ковёр, кресла... И такая строчка: «Пишущую машинку – Пете Бугаеву».

«Это признание, открывшееся только теперь, очень дорого для меня, – признаётся помогавший жить-выживать смертельно больному таланту Пётр Михайлович. – Ведь пишущая машинка на протяжении всей её жизни, лимит которой, очерченный медициной, Екатерина Дубро, благодаря природной воле, неземному упорству, превзошла вдвое, – была для Кати верным товарищем, сродни смыслу пребывания на Земле. Спасибо! А споры-разговоры мы вели обо всём на свете – от замёрзшей на стекле дождинки до проблем космического масштаба».

Такая, видно, выпала ему судьба: его редакторский дар «прорезался» смолоду, – когда ещё о «большом редакторстве» он, наверное, и не мечтал. Уверен, что по жизни он научил настоящему писательству, азам профессии и основательной журналистике не один десяток газетчиков. И занимался этим всегда: и в первые годы работы в редакции, и когда стал известным в Кузбассе журналистом, публицистом и редактором.

Он родился 14 августа 1948 года на Украине – в городе Нежине Черниговской области, в семье военнослужащего. Не раз рассказывал мне о том, как армейская служба отца мотала его родителей по белу свету, поэтому непросто было ему привыкать к новым городам и школам. Но по всему видно, такая «неоседлая» жизнь ему нравилась. И во многом подтолкнула его к профессии журналиста. А от отца-офицера парню передалось упорство в достижении цели, умение рассчитывать на свои силы, точность и ясность мысли и конкретность формулировок. И крепкий внутренний стержень, и упрямство...

С журналистикой связана вся его трудовая деятельность. Начинал корреспондентом юргинской городской газеты «Свет Ильича». Уже в молодые годы проявил широту кругозора и ответственность за написанное. Не случайно в 1976 году его, 27-летнего, пригласили работать в Прокопьевск, в газету «Шахтёрская правда», где стал заместителем ответственного секретаря. А вскоре – заместителем редактора.

Здесь мы впервые и встретились в конце августа 1978 года. В «Шахтёрскую правду» меня приняли сразу по окончании филфака Кемеровского университета. Когда в первый день я вышел на работу, редактор Анатолий Иванович Поздеев находился в отпуске, его обязанности выполнял его зам – Пётр Михайлович. Помню, как

поднял он усталый взгляд, оторвавшись от чтения очередной полосы завтрашнего номера, сказал: «Мы про тебя с редактором всё обговорили, будешь работать в отделе промышленности...», – и сразу дал задание...

Работы было хоть отбавляй! Наша газета выходила пять раз в неделю, была второй городской газетой – после Новокузнецкого «Кузнецкого рабочего» – в области по тиражу. В каждый номер литсотрудник должен был ежедневно сдавать не менее 200 строк. Прямо скажу, система – потогонная, но «затягивает» моментально. Приходилось почти ежедневно бывать на предприятиях, находить себе рабкоров, информаторов на местах, чтобы постоянно «вариться» в гуще и быть в курсе городских событий, и успевать при этом отписываться.

Конечно, Пётр Михайлович редактировал, то есть, правил наши материалы. Иногда даже, чего греха таить, отправлял их в корзину. Но, если можно было исправить и «углубить» предстоящую публикацию, делал это умело, довольно тактично и обязательно разъяснял свою редакторскую позицию.

И я до сих пор уверен: в том, что я надолго – да что там, на всю жизнь! – задержался в этой потогонной профессии, в том, что работал в «Шахтёрке» корреспондентом, а потом заведующим отделом промышленности, – есть и заслуга Бугаева.

Мы не теряли друг друга из виду, и тогда, когда в 1979 году Петра (в «Шахтёрке» привыкли его называть Петей) пригласили работать собственным корреспондентом «Кузбасса» по Прокопьевску, Киселёвску и Прокопьевскому району. Он сменил на этом посту Валерия Зубарева, перебравшегося в Кемерово, где стал большим поэтом.

Петя всё равно заходил в «Шахтёрку» чуть не ежедневно, благо жил с семьёй неподалёку от редакции, на улице Комсомольской, в доме, где располагался

известный на весь Прокопьевск магазин «Тысяча мелочей». И его супруга Галина не раз угощала вкуснейшим борщом случайно забредших иной раз к ним в гости коллег...

Мы обсуждали вышедшие публикации, новые темы для предстоящих статей, генсека Брежнева, кажется, да и мало ли что... Словом, говорили обо всём. Больше всего спорили о том, что в жизни справедливо, а что нет. Петя спорщик был ещё тот, как говаривала про таких моя бабушка Матрёна Ермолаевна: «Ежели чего втемяшится ему в голову, не своротишь!» Но как же часто приходилось убеждаться, что спорщик Бугаев оказывается прав.

Писал он в областную газету много, хорошо и вдумчиво. Публикации его были заметны не только читателю, а посему в высоких кабинетах решили, что место Бугаева в Кемерове – непосредственно в «конторе» – в редакции «Кузбасса». И в 1983-м его позвали на должность заведующего отделом этой областной газеты.

– Знаешь, что уезжаю в Кемерово, в «контору» перехожу, – сообщил он мне, хотя его переход уже не был секретом. – Да, ты про это в курсе, но я про другое... Вместо себя на место собкора я предложил твою кандидатуру...

Неожиданно! К этому времени я уже успел потрудиться в редакции, полтора года в армии отслужить, потом снова вернулся в «Шахтёрку», где был завотделом. Заволновался, перемены в жизни для меня всегда были волнительными.

– Не бойся, – успокаивал Петя. – Встречаемся завтра в обед на стадионе «Шахтёр», и я тебе там всё расскажу.

Стадион всего лишь через дорогу от редакции, на трибунах – ни души, на огромном футбольном поле – тишина. Только мы с Бугаевым, с нами – портвейн, колбаска, кильки в томате, вкусный прокопьевский хлеб... В этот по-летнему тёплый майский солнечный день просидели мы за разговорами часа четыре. Наговорились, как водится, от души. Пётр делился секретами собкорской жизни, я – тревогами о предстоящих переменах. Словом, настроил и наставил меня Пётр Михайлович на новую работу. И обязательство взял, что не подведу его...

И я, как мог, не подводил.

А к середине 1980-х перемены в жизни пошли косяком. В 1984-м Кемеровский обком комсомола принял решение и назначил Петра Бугаева редактором областной молодежной газеты «Комсомолец Кузбасса». Меня же в марте 1985 года назначили редактором «Шахтёрской правды». Стало не до встреч с посиделками, разве что изредка виделись на каких-нибудь областных совещаниях, типа: «Привет, как дела?..».

«Комсомолец» в это время гремел на всю страну. Писали там обо всём, и остро, и злободневно. Многие, кто работал с Бугаевым, до сих пор считают, что благодаря его «корпению» над каждым выпуском «Комсомольца Кузбасса», значительно вырос тираж газеты (до 124 тысяч экземпляров!). Публикации здесь были иногда настолько интересными, что их буквально «рвали» на цитаты.

А ещё на этой должности Пётр Михайлович продолжал традиции предшественников – постоянно заботился и о журналистах, и других работниках газеты, в обустройстве редакции сумел добиться заметных улучшений.

Правда, и сам редактор изменился – стал более серьёзным, что ли, хмурых складок на лбу прибавилось. В редакции он дневал и только что не ночевал.

Разве может быть иначе у настоящего редактора!?

Соединение в одном таланте гражданской зрелости и умения блестяще владеть пером – довольно редкое сочетание. Именно за эти качества в 1987 году Петра Бугаева пригласили в заместители редактора газеты «Кузбасс». В мае этого же года меня перевели на работу в Кемерово – заведующим сектором печати, радио и телевидения Кемеровского обкома КПСС. Теперь снова встречались чаще, но всё равно больше по делам.

Их у Петра было по горло. В 1990 году кемеровчане избрали журналиста Бугаева депутатом Кемеровского городского Совета народных депутатов, добавив ему хлопот.

Потом в стране началась безудержная «перестройка» всего и вся. Я с коллегами в 1991 году организовал первую в области независимую телерадиокомпанию «Агентство информации Кузбасса» (АИК), где работал главным редактором. Пётр же Михайлович был ярым газетчиком, телевидению не доверял, «подкалывал», дескать, вы, телеболтуны, за словом не следите, ляпните чего-нибудь, а газете потом приходится людям ваши опусы «разжёвывать»...

Всё это время чехарды и перемен, связанных с развалом страны, её экономики и политики, он так и трудился – до 1999 года – в ответственной должности заместителя редактора главного издания области. Отстаивал вместе с коллективом право на свободу слова, на сам выход газеты в свет, ведь, пришедшая после ГКЧП, новая власть Кемеровской области делала всё, чтобы буквально закрыть «Кузбасс».

Журналисты выстояли, выиграли эту нелёгкую схватку... В эти годы талант журналиста Бугаева проявился особенно ярко, практически ни один номер «Кузбасса» не выходил без его актуальных материалов на социально-экономические и политические темы.

Вскоре Губернатор региона А. Г. Тулеев предложил Бугаеву очень ответственную работу: возглавить самую большую за Уралом газету для ветеранов – «Земляки». Знаю, как долго Пётр раздумывал над этим предложением, советовался, сомневался – потянет ли... Мы много говорили с ним об этом (я был начальником управления по работе со СМИ администрации Кемеровской области). А когда он согласился и приступил к новым обязанностям, все почувствовали на деле, как «Земляки» «прибавили»...

Вот что вспоминала ветеран журналистики, корреспондент «Земляков» Нелли Прокопьевна Ермакова:

«В 1992 году ушёл из жизни первый редактор и создатель «Земляков» Владимир Яковлевич Бобров, его сменила Эвелина Суворова. А после ухода Эвелины Владимировны на пенсию редактором стал талантливый журналист и организатор Пётр Михайлович Бугаев. Газета, конечно, неузнаваемо изменилась за эти годы.

Благодаря его хлопотам, кардинально улучшились условия работы сотрудников: из двух крохотных комнатусек в здании обкома профсоюзов на площади Советов в Кемерово, где не у всех были даже письменные столы, редакция переехала на

проспект Октябрьский, в шикарный издательский корпус «Кузбасс», где на восьмом этаже нам дали сразу несколько просторных кабинетов. Несравненно улучшилось и техническое обеспечение редакции, да и внешне газета стала другой, яркой, заметной – на 16-ти полосах, интересно оформлена, первая и последняя полосы – цветные.

Штат редакции пополнился новыми журналистами. Конечно, такое новое, второе рождение «Земляков» – во многом заслуга редактора П. М. Бугаева...».

Под его руководством значительно расширилась тематика газеты, появились новые рубрики – «Акценты недели» (оперативная информация на злободневные темы), «Герои ушедшего века» (о лучших людях советской эпохи), «Спорт», «Вся пресса» (знакомство с наиболее интересными публикациями в отечественной и зарубежной прессе), «Корни», «Радуга искусств», «Поколения вместе» (о преемственности старшего и молодого поколения кузбассовцев).

Газета больше стала писать о молодых, уделяет внимание их нуждам и проблемам. «Земляки» по-настоящему интересны любому кругу читателей, не ослабла связь газеты и с областным советом ветеранов...

Неизменная и основная позиция газеты – защита интересов рядовых кузбассовцев, страдающих от реформ, борьба с клеветниками на прошлое, патриотическая настроенность. И эта преемственность «старых» и «новых» «Земляков» просматривается со всей очевидностью.

Газета, как и прежде, защищает интересы простых людей, протестуя против повышения цен на ЖКХ, услуги связи, медицинское обслуживание и лекарственные препараты, против отмены льгот пенсионерам. Она поддерживает все социальные проекты, направленные на улучшение жизни ветеранов, подробно рассказывает о буднях ветеранов, их социальном положении, культурных запросах.

«Земляки» ратуют за союз с Белоруссией: широко освещается всё, что делается в Кузбассе для укрепления связей между Россией и Республикой Беларусь.

«Газета работает для читателей», – уверенно заявляла Нелли Прокопьевна.

С приходом Петра Бугаева в «Земляки» газета получила сильный импульс: вырос её объём, увеличился тираж. «Земляки» стали ближе к читателю – выросла редакционная почта. Улучшилось техническое оснащение редакции, повысилась зарплата сотрудников. Всё это – результаты кропотливой работы Петра Михайловича, умелого организатора, лёгкого на перо, яркого журналиста и публициста.

Все годы его редакторства в «Земляках» мы встречались часто. Были и общие командировки, семинары, торжественные вечера в дни печати и другие праздники. У Петра словно крылья выросли за спиной. Скорый на подъём, придумщик всего нового в работе редакции, он часто делился идеями с коллегами-журналистами, передавал свой опыт, строил «планов громадьё». Свой публицистический и литературный талант Пётр Михайлович реализовывал и в книгах. Он – автор таких книг, как «С чем идём к людям», «Такие женщины в Сибирской стороне», «Связанные одной болью», «Между вчера и завтра», «Не ставшие на колени» и других.

Его работу и талант ценили. За свою трудовую деятельность Пётр Михайлович Бугаев удостоен немалых наград, среди них – знак «Шахтёрская слава» III степени, медали Кемеровской области «За служение Кузбассу», «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени, «За веру и добро», гражданский орден Серебряная Звезда «Общественное признание».

В 2008 году за большой вклад в развитие журналистики Кузбасса и в связи с 60-летием со дня рождения главному редактору газеты «Земляки» Петру Бугаеву присвоили звание «Лауреат премии Кузбасса».

И когда в 2011-м его лишили газеты, почему-то поверив неким странным анонимкам, и решив, что так для газеты будет лучше, то и отличного редактора-журналиста-организатора потеряли, и «Земляки» понемногу вообще сошли без него на нет. В конце концов, исчезли совсем...

Бугаев долго не мог с этим смириться, не хотелось ему сидеть на «заслуженном отдыхе»... Пытался понемногу заниматься литературным трудом, да только как это делать, когда тебе «связали крылья»...

Мне тоже пришлось уехать из Кузбасса в другой регион в поисках работы. Мы редко, но созванивались, обменивались впечатлениями о жизни, часто не очень весёлыми. В последние годы его спасала лишь дача под Кемеровом, где занимался грядками, картошкой да морковью. Ему-то с его опытом, конечно, это было непросто, но он не ныл.

...Он ушёл 22 октября 2020 года. Ему было 72.

На всех, кто знал Петра Михайловича, эта внезапная кончина навевала глубокую печаль. Кемеровский литературовед, исследователь творчества кузбасских литераторов, дочь поэта-фронтовика Михаила Небогатова Нина Инякина написала в своём блоге в «Одноклассниках» (<https://ok.ru/tsbsgoroda/topic/152406640070797>): «...Печальная новость... Я знала Петра Михайловича. Он давал мою большую публикацию в «Земляках» о моём муже, фронтовике, инвалиде Великой Отечественной войны Александре Никифоровиче Инякине. Я благодарна ему за публикацию».

2 февраля 2009 года она отправила письмо редактору «Земляков» П. М. Бугаеву:

«Убедительно прошу Вас внимательно прочитать мой материал. Для меня он очень важен. Думаю (и надеюсь), что он достоин быть опубликованным. Хочу, чтобы он привлёк внимание и интерес к судьбам воинов-победителей, к тому, какой ценой далась нам, ныне живущим, наша Победа, какими были защитники Родины, как им живётся сегодня. Мне кажется, на примере судьбы одного защитника Отечества можно судить обо всём поколении...».

«Интересный момент, – продолжает Нина Михайловна, – Пётр Михайлович хотел дать наш с мужем портрет на всю первую полосу, но что-то, как теперь говорят, пошло не так: «рассыпался» наш снимок при увеличении, никак не хотел занимать целую полосу. Пётр Михайлович спросил: «А, может, я pošлю к Вам домой своего фотокорреспондента, и он сделает фото в домашней обстановке?» Я огорошила его встречным вопросом: «Что, прямо в памперсах снимать будете? Он же у меня лежачий...». Пётр Михайлович смутился и попросил, если есть, какой-нибудь другой

снимок в хорошем разрешении. Снимок такой нашёлся – сделан профессиональным фотографом в компании «Кузбассразрезуголь» на одном из Дней Победы в совете ветеранов. И этот снимок поместили в верхней половине первой полосы...».

«Ещё вспоминается дневниковая запись Михаила Небогатова, касающаяся Петра Бугаева, – сообщает Нина Инякина. – Я её приведу:

«1985 год, 21 февраля, четверг, 2 ч. 30 м. дня: мой Венок (сонетов) напечатан (в «Комсомольце Кузбасса») на четвёртой странице, на её левой стороне сверху донизу на двух колонках с маленькой (моей) вводкой и с портретом...

Сразу же... позвонил редактору «Комсомольца Кузбасса» Петру Михайловичу Бугаеву, поблагодарил его за публикацию Венка, а он ответил умно:

– Я рад за газету.

Вот так бы и в «Кузбассе» дорожили хорошими авторскими материалами, радовались, что это хорошее предложили их газете».

Всякое известие о смерти неожиданно... И это – из их числа. Светлая память хорошему журналисту...», – завершает Нина Михайловна.

...В очерке Бугаева о Екатерине Дубро есть такие строки:

«...Может быть, этот уход явился для неё своего рода освобождением, переходом, согласно её же воззрениям, в иные миры? Кто знает?! Ведь не раз утверждала шутливо: «Жизнь – дело посмертное. Или смерть – дело пожизненное? А?»

«Время от времени, – пишет он, – я перечитываю её стихи, её книги, где столь многое знакомо до подробностей. И тогда у меня возникает странное чувство, будто мы не договорили, не доспорили и продолжаем наш спор.

И ещё одно чувство: вины. Я перед Катей виноват. В чём? Не знаю. А может, и знаю:
Но ведь судьбам перечая,
Расставаться не впрок:
Лишь отложена встреча
На неведомый срок.
В жизни экая невесть,
Догадаемся ли:
Так какую же весть
Мы друг другу несли?!»

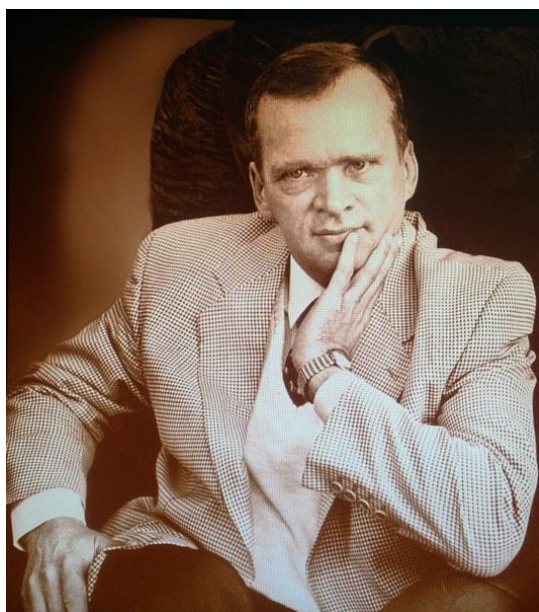
...Редко кто теперь записывает телефоны друзей и знакомых в записные книжки. XXI век всеобщей сотовой телефонизации их как-то незаметно отменил.

Иногда копаешься в этой телефонной памяти в поисках нужного номера и «натыкаешься» на тех, кого уже и нет. Говоришь себе, что однажды надо почистить телефонный «мозг», удалить из него всё ненужное, ушедшее, потерявшее необходимость. Вот телефон Пети Бугаева... Вычеркнуть? Нет ничего проще. Но как быть с памятью человеческой...

пос. Константиново,
ноябрь 2020 г.

Валерий Гужвенко: «Читайте нашу газету, в ней всё напечатано»

Однажды Валерий Гужвенко сказал, что в молодости готов был мыть пол в редакции ради того, чтобы в штат взяли. Не пришлось, потому что и так приняли. Не могли не принять, раз родился журналистом.

1.

Журналист – не журналист, если он не любопытен и не настырен. «Ради нескольких строчек в газете...». Помните песню? Хотя несколько избитые, но золотые слова, которые сегодняшнему молодому блогерскому племени уже не понять. (Но и песня не про них). Не знаю, впрочем, про всех ли прокопьевских журналистов эти песенные строчки? Про одного, оставившего яркий след на небосклоне журналистики Прокопьевска и Кузбасса, – точно. Ведь с профессиональной точки зрения, да и просто с человеческой, его творческая судьба уникальна. Валерий Михайлович единственный из главных редакторов областной газеты «Кузбасс», кому покорились эта должность, однако он так и не завершил высшего образования. То есть, формально вузовского диплома не имел. Наверное, он ему был ни к чему. В своей профессии он и без того всегда шёл первым. Был отличным редактором и руководителем СМИ – к этому у него имелся талант...

Профессию журналиста он хорошо знал изнутри, потому что начинал, как говорится, со «стрелочника». Прошёл все ступеньки газетной специальности и мастерства: от Валеры Гужвенко – Валерия Михайловича – до Михалыча. Но для друзей неизменно оставался Гужей.

Впервые мы познакомились в августе 1978 года в родном для нас обоих Прокопьевске. В редакции городской газеты «Шахтёрская правда».

Я – выпускник госуниверситета с направлением на работу в «Шахтёрку», он – уже известный читателям заведомо партийной жизни и душа редакции. Но, пальцы, как говорится, не гнул, только много курил, без конца промакал платочком слезящийся глаз и без оговорок делился опытом с неизменной улыбочкой-ухмылкой на лице.

Он родился в шахтёрском городе 24 ноября 1954 года в семье рабочего. Здесь окончил школу, поступил в Свердловский госуниверситет на факультет журналистики. Но ушёл из вуза после третьего курса...

В газете начал работать с 1974-го. Здесь его уже знали по юнкорским заметкам. К моменту официального трудоустройства Валерий успел пройти опытных редакторов: Владимира Лаврентьевича Барина, Юрия Софроновича Тотыша. Одним из его учителей-редакторов был и Анатолий Иванович Поздеев, который до «Шахтёрки» сам освоил хорошую школу в газете «Кузбасс».

Сначала Гужвенко приняли литсотрудником, корреспондентом. Потом назначили заведующим отделом партийной жизни. В то время партотделы в редакциях считались ведущими.

Кстати, в прокопьевской редакции всегда была хорошая традиция: самостоятельно «выращивать» кадры для газеты. По возможности не брать готовых «перьев» со стороны, чтобы не переделывать потом под газету этот штучный «товар».

Наверное, поэтому «Шахтёрская правда» стала хорошей кузницей кадров для газет Кузбасса и даже для центральных изданий. Здесь в 1950-1970-е годы начинали творческий путь будущие редакторы газет Кемеровской области – городов Кемерово, Прокопьевск, Киселёвск, Юрга – Иван Филиппович Ларин, Яков Алексеевич Атучин.

Здесь начинали популярные корреспонденты «Известий» и «Комсомольской правды» Пётр Семенович Ворошилов и Владимир Николаевич Снегирёв. Отсюда вышли редактор областной газеты ветеранов «Земляки» Пётр Михайлович Бугаев, главный редактор областного книжного издательства Зинаида Александровна Чигарёва, главные редакторы газеты «Кузбасс» Александр Васильевич Трутнев и Виктор Спиридонович Кладчихин, ответственный секретарь «Кузбасса» Юрий Васильевич Дьяконов. В прокопьевской газете вставали на крыло известные фотокорреспонденты Виктор Грызыхин, Дмитрий Коробейников. Юрий Сергеев. И многие другие.

Эта газета стала школой подготовки настоящих личностей со здоровыми амбициями, настырных и целеустремлённых. Коллеги не раз шутили, что, пожалуй, нет в России престижного печатного издания, где бы ни поработали выходцы из прокопьевской «Шахтёрской правды».

И Гужвенко, став редактором этой газеты, достойно продолжил традицию. Именно в годы его руководства в газете выходила страница юнкоров под названием «Побочный эффект», где ученики 10-11 классов средних школ публиковали свои первые заметки. Её авторы – будущие именитые журналисты – сейчас работают не только в Прокопьевске, но и в Новокузнецке, Москве, Санкт-Петербурге.

А пока, в первой половине 1980-х, за умение писать вдумчиво и остро, интересно и читабельно Валерия взяли на работу в Кемерово – заместителем редактора областной молодёжки «Комсомолец Кузбасса». А вскоре перевели в один из отделов главной региональной газеты «Кузбасс». Каждая его публикация тех лет становилась для читателей своеобразным откровением. Кроме того, в столице области продолжал складываться опыт его будущего редакторства.

Пока он проживал в Кемерове, встречались мы редко, больше общались по телефону или во время нечастых наездов в Кемерово, куда вызывали меня, ставшего тогда собственным корреспондентом «Кузбасса» по Прокопьевску и Киселёвску.

Но недолго пожилось ему в кузбасской столице. Накопились личные, семейные проблемы – с кем из творческих людей не бывает?! Он снова вернулся в родной город. И когда меня назначили главным редактором «Шахтёрки», нисколько не сомневаясь, позвал его в замы.

2.

Мне выпало сменить Анатолия Ивановича Поздеева на посту редактора «Шахтёрской правды» в 1985 году. Ох, как я сомневался перед этим назначением в своих силах и способностях! Кто я – 29-летний?! К этому сроку успевший поработать лишь литсотрудником, заводделом и собственным корреспондентом областной газеты... И – зубр журналистики Поздеев!

Долго сопротивлялся этому назначению, не хотел менять соборовскую вольницу на большую ответственность за коллектив, за газету. Меня вызывали в прокопьевский горком КПСС, «прессовали». Чтобы избежать назначения этого, редактор «Кузбасса» – а тогда редактором был Александр Васильевич Трутнев – отозвал меня, собкора, из Прокопьевска в длительную командировку в Кемерово, как бы «спрятал» от партийных властей.

Но кончилось всё тем, что вызвал меня к себе «на ковёр» секретарь Кемеровского обкома КПСС Пётр Михайлович Дорофеев, сказал: «Хватит прятаться, ты уже не мальчик, так что бери на себя ответственность! Всё у тебя ещё впереди...».

Заместителем редактора я пригласил Валеру Гужвенко. Он согласился. Так мы снова стали работать вместе.

Конечно, Анатолий Иванович тяжело принял решение городских и областных властей. Он очень переживал за газету, которой отдал лучшие годы жизни, заходил в редакцию, справлялся, как мы тут...

В редакции тех дней работали 28 человек, включая творческих и технических сотрудников. Тогда в стране начиналось интересное и, как всегда, непростое Время. М. С. Горбачёв затеял «перестройку». «Пахнуло» свежим воздухом. И нам хотелось острых публикаций, нового взгляда на журналистское ремесло, на газетное дело.

Прокопьевск, состоящий сплошь из рабочих посёлков, по площади – больше европейского Парижа, растянулся на десятки километров. Во время работы в «Шахтёрке» приходилось часто мотаться из одного конца в другой. Знал многие его закоулки. Добрым словом вспоминаю свою малую родину: незатейливые улицы рабочих окраин бывших шахт «Чёрная гора», «Маганак», бесконечный частный жилой сектор Зенковского района, где в простых домах жили все без исключения мои одноклассники и большинство моих учителей, заросшие тропинки Ванчевой горы, довоенные застройки Берёзовой рощи и Ясной Поляны, белые многоэтажки микрорайонов Тыргана.

На редакционных летучках мы с Гужвенко и с журналистами газеты строили планы: как помочь проживающим здесь людям решить свои бытовые проблемы, улучшить жизнь их детей, условия и безопасность труда тех земляков, кто трудится на производстве, особенно, в угольной промышленности.

Ведь большинству из нас посчастливилось жить в Прокопьевске в ту пору, когда он в 1970-1980 годы достиг пика своей угольной славы. И его по праву называли «угольной жемчужиной» Кузбасса. Искренне хотелось возродить это былое реноме Прокопьевска.

В редакции «Шахтерской Правды». 1987г.

Потому что были же периоды, когда шахтёры города добывали почти по 25 миллионов тонн угля в год! И как заведующий отделом промышленности «Шахтёрки» тех лет, я с корреспондентами моего отдела – Сергеем Марковым, Геннадием Марущенко и Владимиром Маракулиным, Борисом Хакдыровичем Хожеевым – усердно сдавал в каждый номер газеты материалы под специальной «угольной» рубрикой.

Помню, как однажды на небольшом редакционном застолье, накануне Нового года, заведующий отделом партийной жизни Валерий Гужвенко читал шуточные стихи собственного сочинения:

«Даёшь угля! Хоть мелкого, но много!» –
Воскликнул Черемнов Серёга...».

Поэтому в пору перестройки и гласности мы с заместителем редактора Валерием Гужвенко предложили журналистам газеты: пишите свободно, делайте материалы на любую тему, чтобы людям от этого жить становилось лучше.

Коллеги словно «раскрепостились», у многих будто крылья за спиной выросли. Такая работа ещё недавно и не снилась... Газете очень пригодился Божий дар журналистов Ларисы Фроловой, Нины Засадной, ответственного секретаря Галины Александровны Щербаковой и других. На страницах «Шахтёрки» появилась целая серия актуальных публикаций-раздумий о недостатках в работе парторганизаций на крупных предприятиях, застое в их работе, они буквально всколыхнули городскую общественность.

Печатали такое, что ещё совсем недавно казалось невозможным. Критиковали руководителей шахт, заводов. Вели журналистские расследования так, что ими зачитывался весь город. И я почувствовал поддержку коллектива, поддержку читателей, которым мы давали хороший предлог для дискуссий, создавали повод для появления новых, молодых городских лидеров.

Хочу подчеркнуть, что «Шахтёрка» всегда была в гуще событий, инициатором многих интересных дел. Эта замечательная традиция активно продолжилась.

Но мы понимали, что нельзя стоять на месте и в том, как газета выглядит внешне. Ведь, как говорится, «встречают по одежке». А современный вихрь перестройки донёс до Прокопьевска новые принципы печатного оформления. Тем более, прокопьевские полиграфисты славились в Кузбассе тем, что ещё в 1970-х первые в Кемеровской области начали печатать газету офсетным способом.

Мы долго совещались и прикидывали с Гужвенко, Щербаковой, пока, наконец, не решили попросить поддержки у бывшего сотрудника «Шахтёрки» – ответственного секретаря газеты «Кузбасс» Юрия Дьяконова, чтобы помог «осовременить» внешний вид нашей газеты. Юрий Васильевич согласился приехать на несколько дней в Прокопьевск.

В результате мы первыми в области перешли в газетном оформлении на современную модульную вёрстку. Газета приобрела абсолютно новый дизайн. Стала более стильной, элегантной. Даже выпустили номер, где снимок передовых горняков занимал всю первую полосу...

«Коллеги из других редакций завидовали, – вспоминает ветеран журналистики Галина Александровна Щербакова. – В этом «Шахтёрская правда» оказалась впереди планеты всей».

3.

Как неумолимо быстро летит время...

Когда в 1987-м меня назначили завсектором печати, теле- и радиовещания Кемеровского обкома КПСС, уговорил прокопьевское городское руководство – в лице первого секретаря горкома Владимира Петровича Жеваго, – что лучше Валерия Гужвенко с газетой никто не справится, что отсутствие высшего образования – далеко не главное.

По характеру Гужвенко был не так уж и прост. Да, он всегда готов был защитить своего сотрудника от нападков любого уровня, даже мог испортить приятельские отношения ради этого. Но и бездельников не любил. Не кричал на таких, не ругался, не «напирал» голосом, как другие руководители. Но от его негромких, жёстких слов, сказанных в адрес провинившегося, мороз мог пойти по коже.

Редактором «Шахтёрки» Валерий Михайлович трудился 13 лет. Для тех, кто не понимает напряжённую жизнь городского газетчика-руководителя, ещё раз уточню, что газета при нём выходила пять раз в неделю, каждый номер тогда был тиражом 20-50 тысяч экземпляров. Редактору каждый день надо прочитать около трёх тысяч строк предстоящего газетного номера, сделать правки. Узнать, как дела в полиграфическом цехе, хватит ли бумаги на газетные выпуски, так как, в отличие от большинства городских газет, печатный цех «Шахтёрской правды» – это структурное подразделение редакции. Надо вникнуть в проблемы электро-, тепло- и водоснабжения кабинетов, ибо двухэтажное здание «Шахтёрки» тоже является собственностью редакции. Просмотреть почту от читателей. Поставить очередные задачи десятку сотрудников. Побывать на двух-трёх заседаниях, потому что он – член бюро или комитета... Выслушать предложения от собственного корреспондента прокопьевской газеты в Кемерове (!). Не считая телефонных звонков, ежедневных посетителей редакции.

И так далее, и тому подобное.

Побывавшего однажды в Прокопьевске кемеровского журналиста Александра Шрайбера удивил кабинет редактора «Шахтёрской правды»: редактор очень доходного издания работает в обычных условиях, не кичится прибылями – тогда немалыми – своей организации, как в конце 90-х принято было в других доходных «конторах», где кабинеты «первых лиц», порой, ломились от роскоши.

«Скажу сразу, что в кабинете редактора Гужвенко не стоит ничего особенного – добротная офисная мебель, но вполне обычная, – описывал гость. – На стенах тоже всё в норме – плакаты, календари... Но в верхнем углу над дверью – небольшая иконка. Дань моде? Или вера такая, что молиться тянет даже на работе? «Да нет, – отвечает он. – Мода ни при чём...».

Официального, сусально-золотого, церковного Бога Гужвенко никогда особо не жаловал, как и служителей культа. А иконка – напоминание о конфликте, расколовшем было коллектив редакции. Конфликт удалось разрешить. После этого и появилась иконка – ею освятили итог...

Он был деловым, умел принимать решения быстро и точно. Не зазнавался и не «бронзовел», хотя в Прокопьевске его знал буквально каждый. Но редакторская работа и прежде-то никогда не была простой. За годы его руководства газетой, можно сказать, исчезла одна страна и появилась новая. Другой становилась жизнь, рушились нерушимые, казалось бы, устои. В Прокопьевске менялись руководители города, а редактор Гужвенко оставался. И к нему – а что делать, если у него опыт?! – городские начальники обращались за советом.

Разваливались шахты и заводы, появились в городе другие газеты, создали своё городское телевидение и радио, а «Шахтёрская правда» крепко стояла на ногах.

Потому что у Гужвенко всё было своё – типография, здание редакции, прочие основные фонды... Но прежде, чем появилось это своё, редактору пришлось изрядно покрутиться, договориться, принять соответствующие закону неординарные решения.

И за примером можно далеко не ходить. Допустим, кому из редакторов газет кузбасских городов пришла в голову идея включить в протокол Прокопьевского городского забастовочного комитета по итогам летней забастовки шахтёров 1989 года пункт о покупке для своей газеты офсетной печатной машины? Шахтёры тогда бастовали во всех угольных городах. Но никто из коллег-редакторов, кроме Гужвенко, на такое не решился. А в результате у «Шахтёрки» тогда появилась новенькая газетная офсетная печатная машина.

Вообще, горняцкие забастовки 1989 года стали для Валерия Михайловича настоящей школой управления, школой жизни. Очевидцы хорошо помнят, какие это были грозные дни, пропитанные для кого-то – страхом, что вот-вот могут начаться едва ли не военные действия, для кого-то – гордостью от того, что смогли подняться против системы и не струсить.

Это были очень непростые и тревожные для города и области дни и недели. Многие решали для себя: как быть и с кем быть...

4.

12 июля 1989 года смена горняков на шахте имени Калинина отказалась спускаться в забой. Следующим утром к ним стали присоединяться рабочие других шахт Прокопьевска. К полудню центральная площадь города – площадь Победы – была до отказа заполнена бастующими.

Ушли они с площади лишь спустя неделю. И все эти дни они каждое утро читали свежую газету – «Шахтёрскую правду».

Вот как об этом рассказывает Николай Кузнецов, журналист одной из кемеровских редакций, оказавшийся в это время в Прокопьевске:

«...Находился в дни забастовки на этой площади. На что обратил внимание – шахтёры передавали друг другу газеты. Не «Правду», не любимый когда-то «Труд» – городскую «Шахтёрскую правду». Восемь номеров её целиком были посвящены забастовке и забастовщикам. Такой журналистской смелости не проявило практически ни одно издание в области. В лучшем случае газеты и телеканалы стремились к некоей «сбалансированности мнений», предоставляя страницы и бастующим, и их ярким оппонентам из партгосноменклатуры».

Валерий Михайлович в первый же день стачки собрал коллектив и чётко поставил задачу:

– О забастовке и причинах, которые привели к ней, будем писать правду и только правду. По-другому события в городе освещать не будем!

Он сказал им: газета должна быть объективной. Не «перевешивать» ни в одну из сторон громадного, сложного конфликта, а освещать его так, как есть. Это была непростая цель. Не всякий редактор и не всякий корреспондент смогли бы работать в таких тяжёлых условиях. В редакции были отменены выходные. Всех журналистов редактор направил на шахты и на бунтующую площадь.

Корреспондент «Шахтёрки» Игорь Семёнов позднее напишет в своих заметках:

«Работали тогда действительно ударно. Редакционные работники успевали дома только поспать. Кто-то не успевал. Ночевал в редакции, заодно держа руку на пульсе ночных событий. А рано утром на площади Победы, которая была заполнена бастующими шахтёрами, появлялись свежие номера «Шахтёрки». Люди читали сами о себе, о том, что происходит вокруг события, эпицентром которого они стали». Фотокорреспондент газеты Николай Бабарицкий, фотоснимки которого о тех событиях облетели весь мир, вспоминает:

– Рано утром идёшь на работу и не знаешь, что будет происходить. Прежде чем снимать, я вникал в ситуацию, чтобы понять, что за ночь изменилось, беседовал с людьми и только потом доставал фотокамеру. Но было опасно. Мне забастовочный комитет даже сопровождающего выдал. Для безопасности. Потому как люди были возбуждены, кто-то озлоблен.

Кто-то из шахтёров пытался указывать фотокамере, что можно фотографировать, а что нельзя. Для пресечения таких выскочек ему и дали сопровождающего. Да и среди активистов забастовочного комитета единодушия не было. Часто не могли прийти к общему мнению, принять единое решение.

– Благодаря редактору мы заняли независимую позицию, – уточняет Николай Фёдорович. – Печатали о происходящем всё как есть. Пишущие работали посменно. А меня заменить было некому. Отснял – и быстрее в редакцию. Проявил, отпечатал – и снова на площадь. Ведь каждую минуту происходили уникальные события. Было крайне необходимо, чтобы они попали в кадр, сохранились для истории.

В те жаркие дни коллектив «Шахтёрской правды» проходил уникальную репортёрскую школу. Намного больше стали понимать в журналистике, признавались потом журналисты. Уровень каждого заметно вырос. А простым шахтёрам нравилось, что про них писали, как есть.

Известны и такие факты, когда родные и знакомые горняков из других регионов спрашивали: что у вас в городе на самом деле происходит? По телевизору говорят одно, народная молва – иное. Где правда? И прокопчане отправляли им в конвертах свежий номер «Шахтёрской правды» и записку: «Читайте нашу газету, в ней всё напечатано».

5.

– Когда забастовка закончилась, – поведал Бабарицкий. – Гужвенко мне сказал: «Нужен заключительный, последний снимок. Найди его, Коля!» И я нашёл. Группа шахтёров уходит с площади и один из них, обернувшись, приподнимает каску, как прощальный жест. Так появился снимок «Шахтёры уходят».

На самом деле, Гужвенко целую ночь думал над этим номером газеты, который «завершал» стачку. Подсказал идею фотографу. Но и это было ещё не всё. Как опубликовать «точку» в крупном социально-политическом конфликте СССР?

Сам Валерий вспоминал эту историю с волнением и дрожью в голосе:

– Николай Бабарицкий сделал прекрасный снимок. Он запечатлел момент, когда шахтёры покидают площадь, которая была для них местом круглосуточных жарких споров, дебатов и выступлений с трибуны. Я сделал подпись, которая щемила душу:

«Шахтёры уходят. Победа или поражение? Спасибо вам, родные, за стойкость, мужество, выдержку!»

– И тут же у редактора возникла сногшибательная мысль, – добавляет Галина Щербакова. – Возбуждённый, с горящим взглядом, знакомым мне, когда его осеняла какая-нибудь безумная, но оригинальная идея, он врывается ко мне в кабинет и буквально с порога восклицает: «Галина Александровна, давай рискнем и поставим этот исторический снимок на всю первую полосу!» И мы рискнули. Потом на семинарах в Москве, Кемерове нашу газету ставили в пример... Её называли школой нового направления модульного дизайна.

Позже этот кадр назовут «Снимок-легенда». Он обойдёт страницы десятков периодических изданий мира. А имя Николая Бабарицкого станет известным профессионалам многих стран...

Между тем, после стачки шахтёров в горкоме КПСС Валерию Михайловичу устроили разборку. Чего греха таить, и сегодня-то немало чиновников разного уровня искренне уверены в том, что, если бы пресса не говорила о проблемах в жизни людей, то никаких проблем и не было бы. А уж тогда, тем более, мало кто из руководителей хотел смотреться в зеркало прессы и видеть в нём собственное неприятное отражение. На «Шахтёрку» и на редактора попытались «свесить всех собак»: чуть ли не газета организовала стачку со всеми вытекающими последствиями. Ругали его и первый секретарь горкома, и руководство объединения «Прокопьевскуголь». И даже... руководитель стачечных рабочих комитетов города не удержался, бросил свой упрёк журналистам: мол, газета слишком натуралистично описывала острые моменты в действиях бастующих. Впрочем, набор обвинений был больше стандартным, чем объективным: говорили,

что, якобы, газета однобоко освещает стачку, обливает грязью руководителей, увлекается негативными явлениями.

Но и Гужвенко уже давно не был «мальчиком для битья». В ответ высказался прямо: «Надо признать, что сегодняшняя власть города, партийная и советская, получила вотум недоверия. Во время забастовки аппарат продемонстрировал полную неспособность...». Ну, и так далее. Они, конечно, взбеленились, а он был спокоен, как всякий, уверенный в своей правоте, как специалист своего дела.

К слову, в те июльские дни «Шахтёрка» прославилась на всю страну, стала, пожалуй, едва ли не единственной городской газетой, которая не ждала ни одной секунды приказаний «сверху», а сразу решительно окунулась в самую сложную тематику времени. Многие отмечали потом, что это было очень смело. Просто самоубийственно для члена бюро горкома КПСС, коим в ту пору был Гужвенко в соответствии с его должностью.

– Так, интересно, как работалось в 89-м, уже, наверное, никогда не будет... – поделился со мной Валерий Михайлович.

При этом его радовало и другое, не менее важное событие: у газеты появилась своя новая, самая современная офсетная печатная машина. Такой не было ни в одной редакции области! «Вот она, красавица, выстрадавшая нами! Наконец-то, украсила наш печатный цех! – хвалился он. – Для читателя старались. Он стал получать «Шахтёрку» в лучшем виде».

Восемьдесят девятый год давно уже – глубокая история. Но то, что июль этого года стал испытанием на зрелость шахтёрской газеты – бесспорно. Из участников шахтёрского конфликта в то время никто ещё не знал, какие «побочные» эффекты и катаклизмы он вызовет. Какие потрясения и развал ожидают страну и город...

«В одном можно быть уверенным – газета честно расскажет о том, что было, о том, что есть и будет», – размышляет Александр Шрайбер.

Конечно, Гужвенко далеко не всем кажется идеальным редактором. Отношение к нему и в городе, и среди коллег – разное. Кому-то не нравится, что о нём и его коллективе часто пишут не только в федеральных СМИ России, но и за рубежом. Что его хвалят и ставят в пример, подчёркивают его независимость. Например, интервью Валерия после забастовочных событий опубликуют в «Литературной газете» под заголовком «Самый неудобный редактор страны».

После тех событий Валерий Гужвенко стал лауреатом Всесоюзной премии «Лучший журналист года». За большие заслуги в журналистике в 1999 году его удостоили звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». В 2000 году прокопчане выбрали его «Человеком года». Согласитесь, любому приятно...

Но для него всегда на первом месте был не собственный имидж, а доверие и уважение читателей к газете. Включая и тех читателей, кто «рулит».

В одном из опросов об отношении горожан к «Шахтёрской правде» бывший председатель Прокопьевского городского рабочего комитета Валерий Строканев отметил: «Она всегда была близка шахтёрам. В дни июльской забастовки, августовского путча газета была с нами. Объективно отражала и отражает

шахтёрские проблемы, рабочее и профсоюзное движение, выступает за экономические реформы и демократические преобразования».

А экс-прокурор города Николай Янкин добавляет: «Для меня «Шахтёрка» – это пульс жизни города. Именно в этой газете самые свежие новости. Я знаком с ней столько, сколько себя помню. Если выбирать, то она – самая любимая газета».

Председатель городского женсовета Александра Карпова: «Во всех добрых делах помощь «Шахтёрской правды» для нас неоценима. Это трибуна, с которой формируется общественное мнение».

6.

Когда внезапно освободилось должностное руководство областной газеты «Кузбасс», у меня не было сомнений, кто может с успехом взять её штурвал в свои руки.

Как удалось уговорить на это решение руководство области? – отдельная история. Мне указали: «Под твою ответственность!.. Если что, головы не сносить!» И с августа 2001 года Гужвенко назначили главным редактором областной газеты «Кузбасс».

Он был в этой должности недолго: всего два года. Но благодаря его настойчивости и таланту за это время газета стала другой, острой, деловой, будто проснулась от спячки. Укрепилась материально-техническая база редакции. Это было непросто... Ему снова выпало работать почти без выходных. Да ещё он начал заочно учиться в новосибирском филиале Академии госслужбы (ныне это Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации в Новосибирске).

И в областной редакции Валерий Михайлович видел свою задачу в том, чтобы нести читателям достоверную информацию о событиях и фактах, правдиво рассказывать, чем живут Кузбасс и Россия. Он всегда считал, что журналист должен прочувствовать то, о чём пишет. Поэтому требовал от областных корреспондентов чаще бывать в коллективах, видеть жизнь своими глазами.

«Главное, что за это время ему удалось создать в редакции особую атмосферу, – оценит позднее Юрий Кухмарь, сменивший Валерия Гужвенко на посту редактора «Кузбасса». – Тёплая товарищеская обстановка в коллективе до сих пор. Во всём этом чувствуется, что именно Валерий Михайлович сумел людей собрать, настроить. И этот настрой есть и сейчас. За это я ему благодарен».

Валерий Михайлович скончался 13 августа 2003 года: скоропостижно, после непродолжительной болезни. Ушёл очень рано. Сердце не выдержало нагрузки...

Главный редактор областной газеты «Кузбасс», член коллегии администрации Кемеровской области, председатель региональной организации Союза журналистов России, член Центрального исполкома Союза журналистов России, делегат нескольких съездов журналистов страны, председатель Совета редакторов газет угольных городов Кузбасса – всё это Валерий Гужвенко.

Однажды, в день юбилея бывшего редактора «Шахтёрской правды», его коллеги и друзья-прокопчане организовали вечер памяти. Бывшие соратники вспоминали его светлыми словами. Рассказывали интересные истории, припоминали совместные командировки.

– А ведь мы и сегодня сверяем свои действия с тем, как бы Валерий Михайлович сделал, что подумал бы, что предложил или сказал, – признался тогда заместитель редактора газеты «Шахтёрская правда» Михаил Ткачёв. – Наш коллектив его помнит и благодарит за всё то многое, что он сделал для нашей газеты, для всех нас.

«Значит, мы вместе хорошо работали», – если мог, ответил бы ему Валерий Гужвенко...

г. Кемерово,
сентябрь 2021 г.

Юрий Дьяконов: «Журналистика – профессия с высокими нагрузками»

Однажды одну из своих многочисленных публикаций Юрий Васильевич Дьяконов подписал так: «Выпускник газеты «Шахтёрская правда» 1974 года». Прокопчане, те, кто это прочитал, одобрительно отметили: «Наш человек».

Так и есть. Юрий Васильевич родился в Прокопьевске 20 мая 1940 года. Здесь же учился в школе № 7. По первому образованию он строитель – в 1960 году окончил Сталинский горный техникум (ныне Новокузнецкий горнотранспортный колледж имени В. Ф. Кузнецова).

Пока учился, был внештатным корреспондентом прокопьевской городской газеты «Шахтёрская правда». И вообще, непонятно, зачем ему этот техникум? Ведь писательская жилка проснулась в нём ещё в детстве: «Моя первая заметка в этой газете была опубликована, когда я ещё учился в пятом классе», – признаётся он. Но потом Юра понял, где находятся «ключи» от его призвания, поехал в Москву и

поступил в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. А окончив его в 1971 году, получил диплом журналиста.

Учился хорошо, поэтому предлагали продолжить учёбу в аспирантуре МГУ, но он не согласился. Позднее вспоминал, что в столице не понравилось, как люди друг к другу относятся: обсуждают, кто что сказал, кто что сделал, а деньги для них – главный интерес: «Наши люди как-то честнее». И отношения в редакции, в которой он начинал свою карьеру, не то чтобы дружеские, более человеческие были.

К теме МГУ мы ещё вернёмся. А пока – про «Шахтёрку». В прокопьевской городской газете он отработал 13 лет – до возраста Христа.

– Годы, отданные «Шахтёрской правде», стали для меня, пожалуй, одними из лучших, – делится Юрий Васильевич. – Основное время моей работы там пришлось на редакторство очень мудрого, умеющего ценить инициативу Владимира Лаврентьевича Барина. Я перед ним снимаю шляпу, как и перед Екатериной Белокопытовой, Леонорой Бейлиной, Эвелиной Васильевой, Анатолием Цыряпкиным, Эдуардом Савицким, Валентиной Ерофеевко и многими другими, с которыми пришлось держать газету в тонусе жизни.

Профессиональная школа, которую прошёл здесь герой нашего повествования, трудно переоценить. Пятиразовая газета всегда требовала большого напряжения сил каждого работника редакционного коллектива. Отсидеться за чужими спинами тут было невозможно, да и не в правилах Дьяконова прятаться за других. Он трудился с огоньком, с интересом вникая в таинства газетного штаба – секретариата редакции, учился макетированию, осваивал вёрстку полос.

Здесь, в Прокопьевске, он обрёл профессиональный опыт, здесь по-настоящему раскрылось его редкое оформительское дарование, в котором слились острый ум, сметливый взгляд на содержание очередного номера, умение сделать его привлекательным или, как говорят газетчики, «читабельным». И вообще, ветераны прокопьевской редакции отмечали, что их молодого коллегу отличает постоянный творческий поиск, исключительная добросовестность, высокая ответственность за своё дело.

Надо отметить, «Шахтёрка» первой в Кемеровской области и одной из первых газет в СССР перешла в 1970-х на офсетную печать. И в этом принимал участие Юрий Дьяконов. И когда он в 1974 году перевёлся в областную молодёжную газету «Комсомолец Кузбасса» и переехал в Кемерово, не забывал свою малую родину, часто бывал здесь, навещал и редакцию, в стенах которой начиналась его журналистская биография.

А дальше творческий рост ожидаемо привёл его в 1978 году в главную газетную редакцию области – в «Кузбасс». Здесь Юрий Васильевич более 30 лет трудился в одной из самых ответственных должностей – до 2009 года (с небольшими перерывами) был в секретариате, в том числе ответственным секретарём этого издания. Работа, прямо скажем, хлопотная, с интригами – как же без этого! – и «подводными камнями». В его бытность в областной газете Кузбасс работали такие «зубры пера», как Максим Щербаков, Александр Зайцев, Анатолий Бельчик, Инна Золина, Лев Амбиндер, Александр Ивачёв, Виктор Моисеев, Татьяна Ганичева и

многие другие. И каждый – талант со своим характером, к каждому надо суметь найти подход... Дьяконов умел найти компромисс во многих щекотливых ситуациях, которые нередко возникают в творческом коллективе среди «звёздных» коллег. Потому что пользовался у них авторитетом, а также – не завистлив, не жаден на доброе слово, умеет быть объективным.

Отыскались замечательные заметки о Дьяконове, написанные коллегой-журналистом Василием Попком:

«Глуховатый голос в телефон: «Здорово. Это Юра». Это Юрий Васильевич Дьяконов, старый товарищ. Ветеран нашей журналистики. Мастодонт и звероящер профессии. Неотъемлемая часть редакционного пейзажа. Всегдашний и вечный, как Горелая гора напротив конторы, на том берегу Томи.

Когда я пришёл в «Кузбасс», а это, дай Бог памяти, 1986 год, он уже был. Когда уходил, это было не столь давно, он оставался. Кстати, такой же меднокожий, как та Горелая гора: все бледные после зимы, а он сияет во всю лысину – успел до схода снегов на Поднебесные Зубья, там и нахватался солнышка. Заодно семинар фотографов провёл. Самое место для таких семинаров: много света, много воздуха и сахарные снежки на дальних пиках.

Все фотографии Кемеровской области – его ученики. Или, по крайней мере, земляки, как Юра Сергеев. А ещё есть Юра в квадрате – Юрий Юрьев. Они все, которые с камерой, – Юры, что ли? Нет, вот же Федя Баранов...

Дьяконов не только фотограф. Фотография из основной профессии перешла в хобби, в отдохновение от дел. Он много лет был газетным архитектором, ответственным секретарём редакции. Ответственный за дизайн, за газетный облик. Чтоб было не только содержательно (признаемся, это не так уж часто случается), но и красиво (при нём – всегда)».

Да уж, Юрий Дьяконов не из тех, кого читатель знает по публикациям, потому что у него была другая задача – создать лицо газеты. Заботился, чтобы можно было легко найти «гвоздь» номера, чтобы газету было удобно читать, чтобы полосы не казались «слепыми», а тексты гармонично дополнялись фотографиями. Для всех, кто знаком с Юрием Васильевичем, он безусловный авторитет газетного и полиграфического мира.

Дьяконов любил экспериментировать с вёрсткой и газетным оформлением, не боялся внедрять в облик издания что-нибудь новое, современное, чтобы лицо газеты не отставало от времени. Признаётся, что этому его в своё время Москва научила, учёба в МГУ дала много знаний и возможностей.

В студенчестве Юрий Васильевич прочитал немало книг по дизайну (в университете великолепная библиотека), покупал зарубежные газеты, сравнивал их с нашими. Так у него возникла идея: внедрить в газетное «лицо» модульную сетку, которую повсюду использовали на Западе. Благодаря Дьяконову «Кузбасс» стал одной из первых газет в стране, где применили эту технологию, даже в Москве о ней знали мало.

«Любая пропорция, – объясняет Юрий Васильевич, – соотносится с «золотым сечением», испортить этим соотношением газетную полосу просто невозможно.

Незнающий человек даже не поймёт, почему обычная газетная страница настолько притягивает взгляд. Просто захочет читать...».

Разработка модуля для «Кузбасса» у него заняла два года: «Я всё отнёс верстальщикам, объяснил. Сначала они сопротивлялись, но потом согласились – оказалось, очень удобно», – рассказывает журналист. Редакционное руководство безраздельно ему верило, мол, Дьяконов плохо сделать не может.

За разработку и внедрение инновационных технологий вёрстки газет Юрий Васильевич удостоен звания заслуженного работника культуры РСФСР (1984), а позже ему за это присудили премию Правительства Российской Федерации.

Модульную вёрстку газеты Юрий Васильевич помог внедрить и в родной «Шахтёрской правде». Мне вспоминается 1986 год – я в это время был главным редактором «Шахтёрки». Однажды мы с Валерием Гужвенко, который работал заместителем редактора, разговорились о том, как сделать нашу газету более привлекательной. Вспомнили о Юре Дьяконове и его модульной вёрстке. Созвонились с ним, попросили помощи, и он на несколько дней приехал в Прокопьевск. За эти дни мы много чего услышали от него о правилах «золотого сечения», «золотых пропорциях», и как это можно и нужно использовать в газете.

Как сейчас помню его рассуждения о том, что «корни любой формы находятся в природе и могут быть описаны с помощью чисел в математике, золотое сечение представляет собой идеальное сочетание баланса и гармонии», что красота есть и в чёрно-белой газетной полосе. Юрий Васильевич всё нам рассчитал, помог создать шаблоны новых макетов газетных полос (модульные сетки), провёл несколько занятий с нашим ответственным секретарём Галиной Щербаковой и метранпажами газетного цеха типографии.

Не углубляясь в теорию и постоянные расчёты идеальных пропорций между колонками, строками, фотографиями и прочим, скажу, мы просто ахнули, когда вышел первый номер нашей обновлённой газеты! Она стала какая-то воздушная, светлая, просторная, хотя материалов в ней было опубликовано не меньше, чем раньше. Мы поздравляли друг друга, жали руку мэтру Дьяконову, который устроил нам и нашим читателям этот праздник.

Бывший ответственный секретарь «Шахтёрской правды» Г. А. Щербакова добавила: – «Шахтёрская правда» приобрела абсолютно новый дизайн. Стала более современной, стильной, элегантной. Это началось при редакторе Сергее Черемнове. А следом – уже при редакторе Валерии Гужвенко – мы, можно сказать, совершили переворот в оформлении первой полосы...

Помню, как я тогда предложил Юрию Васильевичу приличный по тому времени гонорар, но он отказался наотрез, согласился только с тем, чтобы мы взяли на себя его командировочные расходы: «Я «Шахтёрке» обязан многим, если не всем», – сказал он. На том и порешили.

После Дьяконов начал проводить семинары по этой теме для редакторов других городских, районных и иных периодических изданий Кемеровской области.

Свои передовые идеи он помогал внедрять в газеты, и уже находясь на заслуженном отдыхе, в 2000-2010-е. Например, именно Дьяконов по просьбе

спортивных журналистов разработал макет приложения к газете «Кузбасс» с названием «Спортивная арена» – и оригинальный, и логичный, и насыщенный, и яркий. А главное – понравившийся читателям.

– Я сменил его на посту ответсека газеты «Кузбасс», – вспоминал Андрей Королёв, который позднее стал членом редколлегии литературного журнала «Огни Кузбасса», – но часто спрашивал у Юрия Васильевича совета, уговаривал его, удивительно скромного мэтра, написать о каком-либо событии или прислать фото из богатейшего личного архива. Потому что знаю: всё, что исходит от Дьяконова, будет качественно.

И вообще главная его черта (и главное наследие, оставленное им газете) – реальная, осязаемая, подкреплённая образованием, талантом и опытом солидность. Её впитывали страницы «Кузбасса» на протяжении тридцати с лишним лет работы Юрия Васильевича в редакции, он буквально излучал её. Именно любовь и серьёзное, вдумчивое отношение к своему делу и отличают этого мастера в первую очередь.

Дьяконов всегда любил путешествия. объездил едва ли не всю нашу страну и ещё полмира. А начиналась тяга к путешествиям с тех времён, когда трудился в Прокопьевске. О необычных поездках в молодости – в начале 1970-х – он рассказал в публикации «Прокопьевск и океаны» (газета «Кузбасс», 11 сентября 2010):

«Шахтёрская правда» подарила мне множество встреч с интереснейшими людьми и... кораблями. Эти встречи происходили, как мне сейчас кажется, на грани мистики и счастливого стечения обстоятельств в очень ограниченное время. Корабли носили имя «Прокопьевск». Одно рандеву состоялось в Мурманске, а другое – во Владивостоке...».

Сначала он побывал в Мурманске на большом морозильном рефрижераторном траулере (БМРТ) «Прокопьевск». Как-то вечером, будучи в Москве, он прочёл в газете «Известия» заметку о том, что «Прокопьевск» вернулся в порт Мурманска с полными трюмами рыбы: «На следующее утро я позвонил в Мурманск директору тралового флота. Он меня разочаровал, сказав, что «сегодня в 16 часов «Прокопьевск» уходит на промысел. Он уже стоит на рейде».

Я бесшабашно заявил, что постараюсь в обед быть в Мурманске и, схватив фотоаппарат, рванул во Внуково».

Он благополучно долетел и в уже 15 часов был у проходной в порт. И тут с ужасом обнаружил, что редакционное удостоверение в спешке забыл в Москве. Обзвонил всех начальников порта, но телефоны молчали. Тогда Юрий Васильевич, набравшись смелости, подошёл к начальнику на КПП и сказал, что он корреспондент из Прокопьевска и ему срочно надо попасть на БМРТ «Прокопьевск». Не попросив удостоверения, тот сказал: «Ну, иди».

Он пулей прибежал в диспетчерскую, там вызвали катер, чтобы доставить на корабль. Портовые краны, корабли стали объектами для его фотосъёмки: «сплошная экзотика для сухопутного человека. А вот и «Прокопьевск» – стометровый красавец...

«Вбегаю по трапу на палубу. Меня встречает третий помощник капитана, и мы идём к капитан-директору. Излагаю просьбу: мне нужен человек, который ходил в первый рейс и может интересно рассказать о корабле, команде.

– Лучше старшего механика мы никого не сыщем, – сказал он...

Пришли в каюту стармеха. Здесь десятки приборов, все системы корабля под контролем. Представляюсь:

– Я из Прокопьевска.

– А я тоже с «Прокопьевска», – сказал он.

– Я из города Прокопьевска, – пришлось уточнить.

– Слушай, какое это имеет значение!

Пришлось изложить цель своего визита. На что стармех ответил неожиданно: «Пока не выпьем бутылку коньяка, ни о чём рассказывать не буду». Из сейфа он достал баночку икры, и мы стали с удовольствием употреблять зло. Незакатное июньское солнце клонилось к горизонту, как уровень коньяка ко дну. Беседа постепенно затеплилась впечатлениями о бразильском карнавале с эмоциональными и пышногрудыми танцовщицами, о «Сахарной голове» – холме, обрывающемся к океану, о статуе Христа на холме Корковаду.

В Рио-де-Жанейро «Прокопьевск» забрёл случайно: у рыбака случился аппендицит, и нужна была срочная операция.

– А вообще-то в иностранные порты мы редко заходим. Наша рыбная нива – Атлантический океан и прилегающие моря, – продолжал стармех. – Например, Джорджес-банка.

С бутылкой коньяка вошёл капитан. Я взмолился: «Вы показали бы мне своего красавца».

– Тогда идём на палубу...».

В общем, прокопьевский корреспондент пробыл на корабле едва ли не до утра. А когда вернулся в родной город, написал в газету материал о поездке, в местном Лито (так назывался тогда отдел цензуры) долго удивлялись, кто разрешил всё это фотографировать?! В итоге в газете было опубликовано лишь два снимка – общий вид корабля и портрет капитана на фоне надписи «Прокопьевск». Ни одной государственной тайны «Шахтёрка» не выдала.

А в 1973-м, во время морского круиза по странам Юго-Восточной Азии на лайнере «Русь», он побывал на сухогрузе «Прокопьевск»:

«Рано утром, выглянув в иллюминатор (мы ночевали на «Руси»), я увидел борт корабля с надписью «Прокопьевск»! Схватил фотоаппарат – и на пирс. Там объявляют: «Сухогруз «Прокопьевск» поставить на разгрузку». Через 15 минут «Прокопьевск» был пришвартован, а я поднялся в штурманскую рубку.

Пришёл капитан. Я представился. Встретили очень тепло и подарили альбом для фотографий с объёмной цветной обложкой. Рассказали, что судно построено в Выборге и работает в основном на Тихом океане, перевозя зерно из Канады в нашу страну. Рейсы не из лёгких, так как приходится пересекать буйные сороковые широты...

Моя встреча с «Прокопьевском» продолжалась ровно 30 минут. По возвращении из круиза я заполнил фотографиями, которые сделал на этом корабле, целый альбом и передал его в краеведческий музей.

Такими мимолётными, но запоминающимися стали для меня, тогда корреспондента «Шахтёрской правды», встречи на кораблях, которые носили имя рабочего сибирского города Прокопьевска».

С тех пор утекло много воды. За Юрием Васильевичем прочно закрепилось звание заядлого путешественника, он побывал в странах и Востока, и Запада, везде стараясь запечатлеть на фото здешний колорит и людей, изучить местную историю, географию, флору и фауну. Но всё-таки больше всего он любит ездить по России и Кузбассу, где красивых мест нисколько не меньше, чем в остальном мире, и они всегда придают нашему герою новые силы и вдохновение.

Десятки раз он бывал на горных маршрутах Поднебесных Зубьев. Там, где по-хозяйски и по-доброму сметливо расставил домики-приюты для путешественников настоящий хозяин тех мест, большой друг Юрия Васильевича, незабвенный Михаил Шевалье. Нет уже Михаила Михайловича на этом свете, а тысячи людей, особенно детей, пользуются его приютами, которые предоставляют путникам надёжный кров и тепло.

Есть среди нескольких десятков высокогорных туристических приютов один – имени Юрия Васильевича Дьяконова. Он расположен в одном из живописнейших мест Кузнецкого Алатау – в туристической зоне Поднебесных Зубьев (Междуреченский район), у пересечения ручья Высокогорный и реки Малый Казыр. Здесь имеются удобные и нужные путешественникам постройки: двухэтажный дом, баня, навес и туалет. Приют – действующий, если что, можно проверить...

Хотя судьба приюта одно время была незавидной. В 2007-м судебные органы Хакасии признали Дьяконовский стан, а также три других приюта, построенных для

туристов неуёмным Михаилом Шевалье, незаконными строениями, в результате дома были разрушены. Но потом справедливость восторжествовала. Земля, где теперь расположен приют Дьяконова, находится в постоянном пользовании Кемеровского «Областного центра детского и юношеского туризма и экскурсий». В день открытия обновлённого приюта по поручению и благословлению Митрополита Кемеровского и Прокопьевского Аристарха священнослужитель Знаменского собора города Кемерово отец Михаил освятил возрождённый стан.

В этот день Шевалье устроил возле приюта детский праздник, на котором был и Юрий Васильевич, он же и вручил всем участникам торжества медали общества «Юных краеведов и путешественников Кузбасса».

Кстати, Дьяконов никогда не был бесцельным путешественником. После его поездок, пеших маршрутов появлялись в газете отчёты, фоторепортажи, выходили книги. У каждого из его походов была определённая цель. Поэтому об одном путешествии хочу сказать подробнее. Оно состоялось летом 2012 года. В нескольких номерах газеты «Кузбасс» об этом рассказал один из его участников Василий Попок под общим заголовком «Наша экспедиция: с «Кузбассом» по Кузбассу» (газета «Кузбасс» от 14, 17 и 19 июля 2012).

Они сплавлялись по Томи – с юга области на север – на надувной оранжевой лодке, которую автор называет «наш рафт, то есть, плот, вернее... «пэддл» по-английски, а в водническом просторечии «падла». На ней – Василий Попок и Юрий Дьяконов, журналисты Владимир Михеев и Сергей Лепихин, заслуженный путешественник России и полный кавалер «Шахтёрской славы» Виктор Зайцев и бывший химик, ставший затем рекламщиком, Владимир Доценко. У каждого из членов экипажа свои обязанности. Попок исполняет поварские обязанности: «Вчера, к примеру, сварил щи со свежей капустой и очень угодил команде». Юрий Васильевич, как всегда, с фотокамерой: «Мы с Юрием Дьяконовым – созерцатели, смотрим и впитываем впечатления. Дьяконов, кроме того, ещё и фотокамерой постоянно целится и очередями стреляет в разные стороны». Остальные – матросы, средний возраст команды далеко за шестьдесят.

Есть у этой экспедиции и основная цель – экологическая, чтобы посмотреть, как чувствует себя главная водная артерия региона. А тут дела не очень хороши. Попок пишет:

«...Большой город Новокузнецк – главный поставщик производственных и бытовых миазмов на кузбасском юге. Им из этого котла деваться некуда – только вниз или вверх по течению Томи. От этого в воздухе самым ясным днём висит неизменная дымка, какой никогда нет, например, на Алтае.

Про воду вообще молчу. Юг Кузбасса делает её чёрно-серой. Кондома, принявшая в себя стоки рудничных посёлков, от Таштагола до Каза, входит в Томь мутной струёй. Мрассу после Мысков уже не такая светлая, как где-нибудь на Хомутовском пороге. Да и Томь, слившаяся с Усой, густеет цветом и консистенцией, подходя к дачным пригородам Новокузнецка.

А уж Новокузнецк довершает дело. После него томскую воду пить нельзя даже прокипячённой. Может быть, прокипячённой даже опаснее – в этой воде, убитой

стоками, масса органических и неорганических соединений и производных от них, не известных науке – просто потому не известных, что не существует способов и методов их определения.

Поэтому Кемерово с осторожностью относится к своей водопроводной воде, уже однажды прошедшей через кишечники новокузнецчан, предпочитая природную, бутилированную вне города, а Томск вообще отказался от речной воды и пьёт её, беря из артезианских скважин».

И далее:

«Крапивинский гидроузел – позднесоветская, гигантская, по масштабам Кузбасса, стройка. Вокруг неё было множество споров... Неохота повторяться, углубляясь в былые дебаты. Стройку прикрыли и, наверное, сделали правильно, потому что она уничтожила бы реку».

Для тех цитирую, (и не сомневаюсь, что Ю. В. Дьяконов согласен со мной), кто решил позабыть мудрость отстоявших было в конце 1980-х – начале 1990-х судьбу Томи учёных, журналистов и общественников и уступил необычайно скоростному напору новых экспертов, родивших прямо противоположное экологическое мнение о предстоящем перекрытии Томи. Неужели многочисленные трагические истории весеннего половодья в нашей стране, связанные, в первую очередь со строительством искусственных водохранилищ, не заставят решивших всё-таки поставить малопредсказуемый и дорогостоящий эксперимент с рекой, не заставят задуматься о судьбе будущих поколений...

«Река – навсегда, – писал Попок. – Люди это сознавали очень хорошо: народы приходят и уходят, а реки остаются тысячелетия...».

Ну а любитель путешествий Дьяконов не гнушался даже самыми короткими маршрутами. Здесь, по-моему, уместно вспомнить загородные поездки, которые он «сотоварищи» организовывал в праздничные для коллектива редакции «Кузбасса» дни. Была такая традиция (похоже, изжитая сегодня) в главной газете области.

– Встречали самую новогоднюю ночь на турбазе в Берёзово, – рассказывает Юрий Васильевич. – Были творческие работники и печатники. Все – с мужьями-жёнами и детьми. Новый год – семейный праздник, но мы были как одна семья и потому праздновали его вместе. Приехали вечером, ночь праздновали, днем катались на лыжах, и вечером обратно.

Обязательно выпускали новогоднюю стенгазету. Её курировали Инна Золина, корреспондент, и Александр Зайцев, он заведомом тогда был. Стенгазеты были длинные, на ватманах. Там были авторские тексты, много фото, монтажи, шаржи, юмористические рассказы. Помню, был у нас объектив «рыбий глаз», им можно было снимать лицо человека с расстояния в три сантиметра, мы сделали портреты каждого. Понятно, что мало кто себя узнавал, а некоторые барышни даже обижались. Но было смешно.

Вообще вариантов любых «отмечаний» было довольно много, всё было интересно. Большими компаниями выезжали на природу, по грибы-ягоды. Сейчас в редакциях не хватает коллективизма. Если тогда гуляли как одна команда, то сегодня – в кабинетах по кучкам...».

К сожалению, мне не пришлось попутешествовать с Юрием Васильевичем. Однажды, правда, я собирался сопроводить его на Поднебесные Зубья. «Поедем, – позвал он меня тогда. – Миша Шевалье приглашает». Надо сказать, хотелось съездить, но... так и не собрался. Какие-то дела не пустили.

А вот с Василием Попком Юрий Васильевич поездил, помотался по свету к их обоюдному удовольствию, о чём сам Василий Борисович не забыл упомянуть в своих воспоминаниях (газета «Кузбасс», 20 мая 2015):

«Лично ему благодарен за рубрику «Кругосветка», под которой опубликовал немалую часть заметок о водно-дорожных приключениях. И за «Круг чтения», наше совместное детище. И за совместные путешествия. Мы, а ещё покойный Владимир Мазаев, много ездили. Больше, чем среднестатистический журналист. И дальше, чем многие из коллег. Правда, за пределы Сибири не выбирались – мы тутошние.

С ним хорошо преодолевать пространства и жить в полевых условиях, ибо Дьяконов непривередлив к походному быту, покладист и терпелив в общении. Такой вот добрый и восхищённый созерцатель жизни. Не по разу Чуйский тракт просквозили от начала до конца. И Ябоганским трактом проникали в укромную Уймонскую долину (в Горном Алтае), красивее которой ничего нет на белом свете...».

«Что можно сказать об этом безумно интересном человеке? – задавался вопросом в заметке, посвящённой одной из «круглых» дат со дня рождения Ю. В. Дьяконова, известный новокузнецкий журналист Валерий Немиров в газете «Кузнецкий рабочий». – Перефразируя Исаака Бабеля, можно от имени многих его друзей, товарищей по туристскому и фотографическому братству сказать: «Я пил вино его бесед». И хмелел от восторга!»

Красиво сказано, ничего не скажешь!

Завершая тему путешествий, отмечу: за активную пропаганду здорового образа жизни Юрий Дьяконов дважды награждён международной премией в сфере туризма – туристским «Оскаром».

«Человек с фотоаппаратом» – это тоже про Дьяконова. Эта «болезнь» у него тянется из Прокопьевска. Его первые газетные снимки начались в «Шахтёрской правде», продолжились в «Комсомольце Кузбасса», в «Кузбассе»... Не раз публиковался он в советских и российских изданиях, да и в зарубежных – тоже.

Фотографий Дьяконова в его личной коллекции – не счесть: со всего света, из разных уголков России и многочисленных мест Кузбасса. Удивительно, но он каждую свою фотографию знает и помнит, может рассказать целую историю её появления. Однако ж, какие-то моменты своей фотожизни Юрий Васильевич выделяет особо:

«Самая интересная съёмка моей жизни была во время событий 1989-го года (шахтёрские забастовки), – рассказывал он в объёмном интервью корреспонденту сайта Photographer.ru (<https://www.photographer.ru/cult/practice/364.htm>, 20 января 2003). – Это были действительно репортажные снимки. Я в газете проработал много десятилетий, и считаю, что эти дни работы – самое интересное в моей жизни.

События, важные для страны, происходили в нашем регионе, шли очень стремительно, и народ верил газете. И в то же время я осознаю, что это был последний пик доверия к нашей профессии, который стал началом развала журналистской корпорации.

Когда подписали документ между шахтёрами и правительством о том, что шахтёры прекращают забастовку, мы подписали номер газеты в печать лишь в семь утра, потому что только в пять часов утра был подписан документ. Шахтёры сидели на площади перед обкомом партии, благо было лето, и ждали газету – не увидев документа в прессе, не хотели уходить. В девять утра они её получили и разошлись...».

Десятки фотографов из разных СМИ бывшего СССР снимали события в те жаркие июльские дни. Но всё же лучше кузбасских фотожурналистов этого никто не сделал. Потому что фотошкола Кузбасса была на уровне. И Дьяконов приложил к этому руку, воспитывая коллег «в духе высокого профессионализма», если можно так выразиться. Ведь он привык всё делать профессионально.

В конце 1976 года Юрий Васильевич, который в то время трудился в «Комсомольце Кузбасса», выступил инициатором создания городского фотоклуба в Кемерове. Его поддержали известные в области фотокорреспонденты Пётр Павлович Костюков, Виктор Никифорович Грызыхин и фотограф завода химического волокна Николай Фёдорович Карев.

– Официальной датой рождения городского фотоклуба «Томь» стало 7 января 1977-го, – припоминает Дьяконов. На первое собрание пришло более 250 человек.

Первым адресом клуба стала редакция газеты «Кузбасс». В столичном журнале «Советское фото» № 2 за 1978 год появилась скромная заметка за подписью В. Запорожченко «В добрый путь, фотоклуб», в которой рассказывалось о рождении фотоклуба в Кемерове:

«О создании фотоклуба при Кемеровской городской организации Союза журналистов было объявлено в газете «Кузбасс», и на первое организационное заседание в редакции собралось почти 300 человек.

Клубу присвоили название «Томь». Приняли устав, провели вступительный фотоконкурс. «Проходной балл» набрали 30 человек. Пятнадцать участников конкурса зачислены кандидатами. Однако двери на клубные «четверги» открыты для всех желающих.

На «четвергах» обсуждаются проблемы фотографического мастерства, делаются обзоры фотолитературы, проводятся конкурсы снимков. Интересной была встреча с корреспондентом Фотохроники ТАСС А. Кузариным. Первым отчётом «Томи» перед общественностью стала фотовыставка, посвящённая 60-летию Великого Октября.

Авторы работ – журналист и шахтёр, электрослесарь и архитектор, инженер-конструктор и зоотехник, шофер и учитель... На хорошем полиграфическом уровне был выполнен иллюстрированный каталог, оригинально сделана афиша. В этом немалая заслуга председателя клуба, заместителя редактора газеты «Комсомолец Кузбасса» Ю. Дьяконова».

Напомним, на каждое собрание клуба определялась тема клубного фотоконкурса. Плюс к этому – на каждой такой встрече проходила отчётная выставка члена клуба. Из лучших работ формировался клубный фонд, из которого работы отправляли на российские, всесоюзные и международные конкурсы, где члены фотоклуба «Томь» неоднократно становились призёрами. Примером может служить выставка «World Press Photo», которая ежегодно проходит в Амстердаме.

– Если говорить о советских временах, – уточняет Юрий Васильевич, – наш фотоклуб, которым я руководил двадцать лет, с 1977 по 1997 годы, участвовал и в «Уорлд пресс фото», и в болгарский город Габрово мы ездили на фестиваль юмористического фото, и куда бы чего не посылали, всегда что-нибудь проходило. У нас было правило – если тебя приняли в клуб, ты должен был раз в год сделать выставку: 30 фотографий размером тридцать на сорок. Представляете, сколько для этого каждому нужно было потрудиться? Помимо этого, были собрания раз в две недели и тематические выставки, «Снег», например, в которых тоже непременно участвовали все члены фотоклуба. Коллективно определяли: хороший или плохой у тебя снимок, – все втёмную голосовали.

Особое место в выставочной деятельности клуба занимала фотоюморина (выставка фотографий с юмористическим содержанием), которая с начала 1980 годов ежегодно проходила в День смеха 1 апреля. Её исток находится в болгарском Габровском фестивале, где фотоклуб «Томь» имел честь участвовать. А фотография Виктора Грызыхина «Судья всегда прав» долгое время представляла Кемерово в Габровском музее фотоюмора.

Были многочисленные награды и у самого клуба. Так, на Международной выставке «Интерпрессфото-77» в Москве фотоклуб «Томь» отметили медалью «За мир и дружбу, за гуманизм и прогресс». И в 1984 году за участие во Всесоюзной фотовыставке «Фотообъектив и жизнь» клуб был удостоен медали...

По инициативе Юрия Дьяконова в организации выставок фотоклуб «Томь» объединял свои усилия с Новокузнецким фотоклубом «Сибирь», который имеет не меньшую известность в России. Вообще-то в Новокузнецке, где Юрий Васильевич любит бывать, у него много друзей, в том числе, влюблённых в фотоискусство. Среди них всегда были Юрий Романов, Николай Бахарев, участники фотогруппы «ТриВА» – Владимир Воробьев, Владимир Соколаев и Александр Трофимов и многие другие таланты.

– В Новокузнецке фотографическая жизнь вообще несколько активней, – отмечал Ю. В. Дьяконов. – В фотоклубе «Сибирь» очень плодотворно занимались бытовой, документальной, реалистической фотографией. Ещё была такая группа «ТриВА»: «Три Володи», – которая увлекалась довольно острой социальной фотографией. Один из них, Соколаев, снимал «лейкой» и магическим образом всегда оказывался в нужном месте...

О многочисленных выставочных удачах фотоклуба «Томь» до сих пор одобрительно вспоминают в определённых кругах кузбасских фотографов. Да, были времена и было на что посмотреть! Впрочем, Юрий Дьяконов и сам нередко и успешно выставлял на всеобщее обозрение свои фотографические шедевры.

Например, прокопьевские зрители в 2015 году с восторгом приняли его персональную ретроспективную фотовыставку «Мимо времени», которая разместилась в городском культурно-выставочном центре «Вернисаж». На ней автор представил фотографии разных лет – числом 50 – в различных техниках: соляризация, изогелия, крупное зерно, традиционная чёрно-белая и цветная печать как с негативов, так и с электронных носителей. Техники ушедших лет, как представил их автор, которые в эпоху цифровой фотографии практически не употребляются, оставаясь достоянием плёнки, позволявшей такие эксперименты.

На открытии той выставки Юрий Васильевич сказал, что, может, и изъял бы из экспозиции некоторые фотографии, но оставил, чтобы дать представление о различных способах съёмки. Снимки, кроме подписей, сопровождали его авторские трёхстишья – в жанре японской поэзии хокку.

Специалисты отмечали, что большинство его фотографий сделаны так называемым «репортажным методом» во время журналистских командировок и путешествий. При этом снимки Дьяконова – это не снимки туриста, делающего «метки» – типа «я тут был». Он отрывает для зрителя то, что спрятано от глаз многих, замечает и показывает вещи и события, кажется, незначительные, наделяя их смыслом и значением.

Мэтр фотографии доказал, что ему доступен и портретный жанр. Не менее интересная фотовыставка «Лица и личность» Юрия Дьяконова прошла весной 2019 года в Государственной научной библиотеке Кузбасса имени В. Д. Фёдорова, с которой он дружит много лет. В выставочную экспозицию автор включил 40 фотографий. Снимки были представлены ликами Африки, Европы, стран Юго-Восточной Азии и, конечно, Кузбасса. Многие его портреты людей хорошо известны в мировом сообществе. Например, космонавт, впервые вышедший в открытый космос, Алексей Леонов; один из самых знаменитых музыкантов планеты, эксперт кемеровского органа Гарри Гродберг; прокопьевский художник-

примитивист, показавший свои работы в Нью-Йорке и во всех столицах Европы, Иван Селиванов; дважды занесённый в Книгу рекордов Гиннеса врач Карим Диаб... Организованный Дьяконовым фотоклуб «Томь» жив – в январе 2022 года отметил 45-летие. А там, глядишь, – и полувековой юбилей несмотря на то, что судьба у этого профессионального сообщества выдалась не такая уж и простая. Сам Юрий Васильевич, напомним, возглавлял «Томь» до 1997 года. Затем, чем мог, помогал клубу, консультировал его руководителей.

– В конце 1990 годов, – вздыхает он, – дефолт и резкое ухудшение материального положения жителей нашей страны отрицательно повлияли на деятельность фотоклубов в стране и на фотоклуб «Томь», в частности. Цена на плёнку выросла в 20 раз, а цена на фотобумагу в 5 раз. По стране число фотоклубов почти с пятисот сократилось до нескольких десятков.

На собраниях нашего клуба реже стали проводить конкурсы и отчётные выставки. К тому же, в связи с уменьшением площади редакции газеты «Кузбасс», у фотоклуба не осталось помещения для проведения собраний. Из-за этого его деятельность свернулась до минимума.

Но в конце концов 12 марта 2007 года на сайте депкульта Кемеровской области появилась заметка под названием «Второе рождение фотоклуба»:

«...И вот сейчас происходит второе рождение «Томи». В связи с приходом нового руководителя – старшего преподавателя кафедры фото-видеотворчества КемГУКИ Нуримана Лендо». Началась новая веха в истории клуба, местом прописки которого стал Культурный центр Кемерова. Однако в 2008 году председатель был переизбран. Им стал фотограф-любитель Александр Чаплыгин, врач по профессии. А фотоклуб перебрался в областную библиотеку имени В. Д. Фёдорова.

Однако же клуб всё реже организует авторские и общие выставки, которые всегда объединяли профессиональных фотографов и фотолюбителей, повышали их художественный уровень и мастерство, пропагандировали фотографию как вид изобразительного искусства, давали возможность для общения и обмена опытом.

Хочется, конечно, чтобы детище Дьяконова было живо! Ведь за годы своего существования фотоклуб принял в свои ряды много талантов. Вот лишь несколько имён: Юрий Сергеев, Александр Блотницкий, Фёдор Баранов, Рашид Салихов, Сергей Тюнни, Юрий Юрьев. Каждый из них, уверен, всегда готов сказать доброе слово о Юрии Васильевиче.

При всех общественных нагрузках ответсекретарь «Кузбасса» Дьяконов и о газете не забывал, улучшая, делая её более содержательной, интересной, современной. И для это он смотрел на газету не только глазами ответсекретаря, но и фотографа. Снова обратимся к мнению Василия Попка:

«Фотографа, однако, из Дьяконова не изживёшь. В нём всегда жил особый пиетет к человеку с фотокамерой, остроглазому и приметливому.

Когда «Кузбасс» выходил воскресным выпуском (это было давно, но это было), Дьяконов придумал на тот особый номер обязательный фотоочерк: чтобы во всю первую страницу ударный снимок, причём в цвете, типография «Кузбасс» тогда освоила офсет, а весь основной разворот – бенефис фотокорреспондента с малой

толикой текста (его сочинял обычно я), объясняющего, кто и что на снимках. А он радовался удаче во всю свою зубастую улыбку...».

Тем не менее, мастер фотографии Юрий Дьяконов не мог не отметить, что с годами, с развитием цифровых гаджетов, со смещением акцентов с героев трудовых будней на «серые», сиюминутные потребности, «размытость» идеологии, на коммерциализацию нашего бытия, мастерство фотографов и качество фотоизображения начало падать («Кто для чего щёлкает – ловит ковыряние в носу или взмах руки... Сейчас в моде компьютерное фотоизображение, так-сяк переиначенное. Мы завидовали в своё время искусству соляризации таллиннской фотошколы – лицо полосами или в точках, но достигалось это гораздо более трудоёмкими ухищрениями, чем «фотошоп». Но помилуйте, «фотошоп» – это примерно, как клонирование. Секса нет, а ребенок есть»). И это не ворчливость человека, отягощённого прожитыми годами, это – чувство досады таланта, настоящего, умеющего снимать жизнь людей и природу по классическим канонам: – 20-30 лет назад текст ставили к трём снимкам с предприятия, где делались какие-нибудь табуретки, банки, болванки. С одной стороны – предмет труда, с другой стороны – человек труда. Такие репортажи были и в наших гранд-журналах типа «Советский Союз» или «Огонёк», я не говорю уже о газетах. Сегодня репортаж такого типа сохранился только в районных провинциальных газетах.

Забыли все опять про шахтёров. Вроде бы с хорошей аппаратурой в шахту не полезешь – условия экстремальные. Но ведь горняки – главная сила Кузбасса, так горько за них... Сегодня образ шахтёра в газете отсутствует. Ребята по-прежнему добывают миллионы тонн, но такого ажиотажа, как раньше, их производственные подвиги не вызывают. Я всю жизнь живу здесь, были в Кузбассе и союзные, и мировые рекорды, и всегда шахтёр был здесь на первом месте...

В то же время, Юрий Васильевич благоволит коллегам – фотомастерам своего дела – и при случае всегда находит для них доброе слово: «За последние годы очень многие ребята уехали в Москву. Андрей Рудаков, Сергей Ильницкий, Дмитрий Коробейников... И они не последние в тех местах, где теперь осели. Это говорит о том, что потенциал наших ребят очень высок».

И хотя Дьяконов иногда шутит, что пессимистам живётся легче, сам он всегда был оптимистом. Оптимистом и остался:

– Можете смеяться надо мной, не соглашаться, но я абсолютно убеждён, что будущее всё равно за реальной, документальной, социальной, репортажной фотографией, а не за фотографией сделанной, компьютерной и суррогатной. Конечно, многое определяет спрос, но никакое безумие и торжество рекламы не может перебить востребованность человеком чуткого и живого отражения текущей жизни.

Когда у меня вышел очерк «Михаил Шевалье и его Поднебесные Зубья» (сайт словосочетание.рф, 18 апреля 2022), Юрий Васильевич позвонил и похвалил. Он, кстати, консультировал меня в ходе работы над этим материалом, делился воспоминаниями о легендарном Михаиле Михайловиче, которые включены в

публикацию: «Не раз бывал в горах у Шевалье и сам Юрий Васильевич, который лишь недавно – в силу возраста – оставил любимые горные тропы. О дружбе с Михаилом Михайловичем, о разных приключениях в горах может рассказывать часами. Он своими глазами видел Шевалье в деле.

– Однажды наша группа во главе с Мишей, в которой было полтора десятка детей и пять-шесть взрослых, в горах попала под ливневый дождь. Предстояло вброд перебраться через речку, а уровень воды в ней рос прямо на глазах. Люди запаниковали, появился страх, особенно у ребятишек, перед водной преградой. Один Шевалье не растерялся. Время шло к вечеру, и он приказал ставить палатки для ночлега. Поставили палатки, устроились кое-как. Дождь не прекращался, шёл всю ночь, лишь к утру стих. А реку переходить надо. Один из наших опытейших туристов попробовал перебраться в одиночку, но не дошёл до противоположного берега – его понёс поток, он едва сумел выбраться.

«По одному не получится, – сказал Миша и скомандовал нам, – для переправы разбиться на тройки». Так по трое, придерживая друг друга, все перешли реку. Сам он раз пять сгонял туда-сюда, поддерживая ребят, помогая им. Если бы мы поддались панике, от которой он нас удержал, ничего бы не вышло. Кстати, за время работы Михаила Шевалье с туристами у него ни разу не было ЧП, где пострадали бы люди. Он хорошо понимал, что там, где человеческая жизнь особенно хрупка, в экстремальных таёжных условиях, – требуется не деловая хватка, а порядочность и надёжность...

– Потом он велел развести костёр, чтобы обогреться, просушиться, – продолжает Дьяконов. – Костёр вышел на славу! Миша любил для детей делать такие большие костры, чтобы пламя – вверх метров на пять. Говорил, это пацанам особенно

запомнится. Смотрю, ребяташки согрелись, развеселились... И, между прочим, в таких туристических походах дети обучаются всем премудростям полевой жизни...».

– Давай, – предлагает по поводу этого очерка Дьяконов, – сделаем о Шевалье книжку. Возьмём твой текст, добавим фотографий из моего архива. Выйдет замечательно! Я даже выделю на это... – и он называет сумму, которую готов дать на выпуск книги из своих скромных доходов.

– Нет, – вынужден был отказаться я. – Этих денег явно не хватит, а я не готов добавить, времена теперь не те, не из чего... Словом, не получилось пока книжки..

Сам же Юрий Васильевич участвовал в выпусках не менее полутора десятков различных книжных изданий, только за недавние три-четыре года не одну свою книгу издал. Они у него – настоящие произведения искусства!

Из тех, что вышли недавно, назову книжки-альбомы «Поднебесные Зубья», «Вдоль времени. Музыка цвета», «Играют мысли в прятки. Хайку о мироздании и временах жизни». Название альбома «Поднебесные Зубья» говорит само за себя. Прекрасные снимки Ю. В. Дьяконова, размещённые в нём, можно рассматривать часами.

Впрочем, все издания – уникальные, в них собраны снятые им в разные годы портреты, пейзажи, фотозарисовки из жизни. Документальные и художественные фотографии разных лет выполнены всё в тех же любимых автором различных техниках: соляризация, изогелия, крупное зерно, чёрно-белая и цветная печать.

Но особо хочу подчеркнуть ещё одну особенность этих изданий: в них ярко проявилось увлечение Юрия Васильевича специфической поэтикой – а именно, японской поэзией хокку (хайку), известной ещё с XIV века. Все свои снимки автор сопровождал изящными поэтическими миниатюрами – нерифмованными трёхстишиями в стиле хайку. Юрий Васильевич пишет их сам и считает их «фотографией мысли».

Чтобы понять, насколько непросты эти короткие философские сочинения с заключённым в каждом бездонным, порой, едва уловимым смыслом, отмечу, что любое классическое трёхстишие хайку состоит из 17 слогов, составляющих один столбец иероглифов. Особыми разделительными словами – кирэдзи – текст хайку делится в отношении 12:5 либо на 5-м слоге, либо на 12-м. Таким образом, хайку записываются как трёхстишия:

– Хайку – один из наиболее популярных жанров классической японской поэзии. Он почитаем во многих странах мира. Интерес к сочинительству трёхстиший не прошёл мимо меня. Все хайку написаны под сильным впечатлением от общения с природой... – Дьяконов ни при каких условиях не отступает от строгих правил поэтического сложения, выработанных за века в Стране восходящего солнца.

Хайку, по его мнению, позволяют сделать фотоизображения более объёмными, ассоциативными и глубокими по мировосприятию. Юрий Васильевич увлекается сочинением хайку давно и серьёзно. И немало преуспел в этом. Он – в своих стихах – настоящий философ нашего времени... Вот как хайку выглядит в его исполнении:

«Музыка мыслей

Воплотившись в слово,

Звучит поэзией».

«Моя колыбель
В межзвёздном пространстве,
А дом мой – Земля».

Это – вполне в духе восточной эстетики и стихов хокку Басё – японского поэта XVII века, которого Юрий Васильевич некогда открыл для себя, восхитившись лаконизмом и философичностью его стиха. Он, Юрий Васильевич, глубоко воспринял форму лирической миниатюры, требующей точности и весомости каждого слова. Теперь, сочиняя стихи хокку сам, он добивается их предельной точности и выразительности. Например, к фотографии «Око времени», где – крупным планом влажный глаз лошади, преподнесено такое трёхстишие:

«Глядит природа
Вдоль времени и событий.
Родилась улитка».

А вот ещё:

«Под белым танцем
Прячется в любви признание.
В цветку подснежник».

«Древний свет восточной афористичной всеохватности мира позволяет сочинителю передать разноликость человека и вечно-бесконечной природы с её метаморфозами, – пишет в предисловии к одной из своих книг наш увлечённый автор издания. – При этом, важно подчеркнуть: одна деталь должна вызывать у читателя представление о всей картине. Истинная красота раскрывается лишь тогда и тому, кто мысленно дополняет недосказанное или подразумеваемое:

В сиянии галактик
Беззвучен чёрный космос –
Дизайн Вселенной».

«Здесь... надо обратить внимание на философскую сущность фотографии, – подчёркивает Дьяконов. – Мы снимаем не просто окружающую действительность, а Время».

В его книге «Вдоль времени. Музыка цвета» целый раздел посвящён ассоциативным фотографиям. Они являются цветомзыкальными метафорами и аллегориями симфонической поэмы «Прометей» русского композитора Александра Скрябина.

Как отмечает автор книги, А. Н. Скрябин верил, что музыку можно увидеть. И потому стремился соединять звуковые тональности с цветом. Вот и Юрий Дьяконов предлагает свои музыкальные ассоциации в фотографиях: «Рождение дня» (синее туманное утро в тональности фа-мажор), «Фантазии мироздания» (красно-жёлто-оранжевый солнечный рассвет в тональности фа-диез мажор – до-мажор). Поэтому к каждому книжному томику «Вдоль времени» прилагается компьютерный диск с музыкой Скрябина.

На одной из встреч я спросил Юрия Васильевича, как он находит средства на издание таких прекрасных книг-фотоальбомов?

– А мне Тулеев помогает, – улыбнулся он и скромно потупился, – мне же с подачи губернатора Амана Гумировича в 2015 году присвоили звание «Почётного гражданина Кемеровской области». А за это положена доплата к пенсии. Я эти деньги коплю, а потом на книги трачу. Поэтому часть тиража передаю в свой именной туристический приют, чтобы книги в подарок от меня получали дети, которые путешествуют по горным тропам Поднебесных Зубьев и останавливаются там на ночлег...

Эрудит, газетчик, фотограф, турист, преподаватель – во всех этих сферах у Дьяконова много друзей и учеников. Один из них Андрей Королёв, сменивший Юрия Васильевича на посту ответсекретаря редакции, считал, что «есть люди, чьё присутствие поблизости – особенно в профессиональной среде – придаёт всему окружающему осмысленность и значимость. Именно такой человек Юрий Дьяконов, – написал он (газета «Кузбасс», 19 мая 2020). – Серьёзность и солидность в случае с Дьяконовым – вовсе не синоним нудности и надутости. Юрий Васильевич – очень остроумный, весёлый, лёгкий в общении...».

Эти черты его характера по достоинству оценивали и студенты вузов, которых Юрий Васильевич долгие годы приобщал к профессии фотожурналиста. Он читал интересные лекции по фотографии – первом из «технических искусств» – в Кемеровском государственном институте культуры, погружая своих учеников в историю и теорию фотодела, раскрывая им секреты современного фотоискусства. От дагеротипии, калотипии и мокроколлодионного процесса они шли – «верной дорогой» за мыслью учителя – к современным фотографическим технологиям XX-го и XXI веков.

К фотографии Юрий Васильевич, ещё раз подчеркну, относится с особым пиететом. – Вот скажите, – мог он неожиданно задать студенческой аудитории вопрос, – вы можете сфотографировать то, чего нет? – и сам же отвечал. – Не можете. Значит, абстрактной фотографии не существует. Воздействие светом – принципиальный и неизменяемый момент. Это одинаково верно для документальной и художественной фотографии. Всё. Остальное – от лукавого...

В Кемеровском государственном университете он, обучая будущих «акул пера», вёл курс по технике средств массовой информации, производству и оформлению газет. Изучали процессы формообразования печатного издания – от редакционного (допечатного) и до типографского, проходили размерные характеристики издания, знакомились с постоянными элементами оформления газеты, современными приёмами и методами оформления.

Его выпускники до сих пор вспоминают, что самой интересной темой были рассказы учителя о правиле «золотого сечения»...

Юрия Васильевича всегда слушали с непреходящим интересом, сам-то он, как говорится, «собаку» в этом деле «съел», а уж образно и интересно рассказывать о том, что любит сам, он горазд.

– А ещё он регулярно вывозил одарённую молодёжь на природу, вместе с другими профессионалами, проводя замечательные семинары по фотоискусству, –

добавляет Андрей Королёв. (А я уточню, что немало таких познавательных выездных семинаров Юрий Васильевич провёл на Поднебесных Зубьях). – Их итогом становились опять-таки конкурсы: заснять, к примеру, воду – в самых разных видах и состояниях. И потом прекрасные кадры с завораживающими заснеженными вершинами, бойкими ручьями и каплями росы, конечно же, с удовольствием публиковал «Кузбасс».

Где ещё найдёте такого творческого учителя и такие обстоятельные и доброжелательные уроки?!

Между тем, на своих занятиях Дьяконов ненавязчиво повторял, что настоящая журналистика – это профессия с высокими нагрузками. Что будь ты женщина или мужчина, журналист должен быть честным, в первую очередь, перед собой. Что нельзя быть скучающим и безразличным. Мир вокруг удивителен, и журналист, как никто другой, должен это замечать...

В одном из интервью, делаясь своими преподавательскими секретами, Юрий Васильевич рассказывал, что студенты, приходя на практику, часто не знают, о чём писать: «Я предлагаю им просто выйти на улицу. Вокруг нас жизнь во всём её многообразии. Интересное рядом с нами. Но, в конце концов, важно даже не то, что видно из окна, важен человек, который в него смотрит».

Свою 84-ю весну в 2024-м ветеран кузбасской журналистики встречает на своём загородном дачном участке под Кемерово.

– Буквально вчера сюда приехал, – рассказывает по телефону.

На дворе – конец апреля, но погода пока не особо балует нас, сибиряков, теплом. Прошедшую зиму он провёл в Новосибирске, присматривая за правнучкой. На улицу, говорит, почти не выходил: четвёртый этаж, высокие потолки, а лифта нет... Но ничего, справился со своими дедовскими обязанностями.

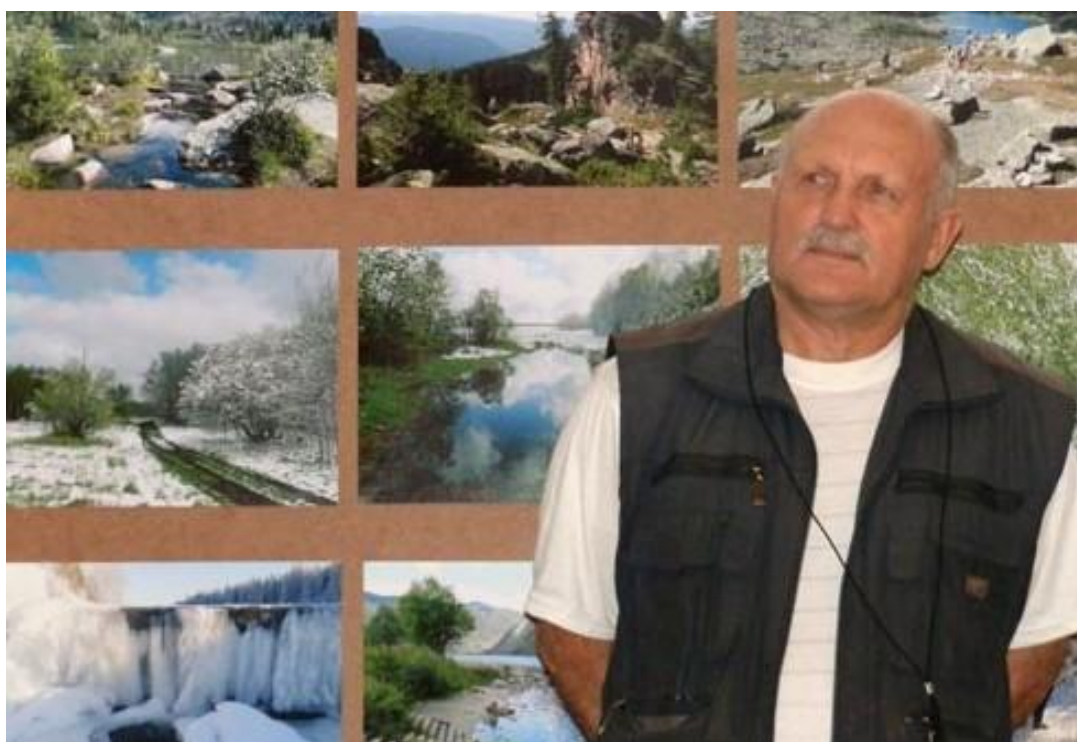
– Теперь вот буду шагать по огороду. А скоро жена возьмётся за лопату, и я буду ею командовать, – шутит и смеётся он в трубку.

Дача – это у него на всё лето. А осенью, даст Бог, снова очно свидимся, обменяемся планами и творческими наработками. Ведь творческий поиск – это как раз про него...

г. Кемерово,
май 2024 г.

Юрий Зыков – Кулибин Яшкинского района

С раннего детства Юра Зыков что-нибудь мастерил. И его друзья, и коллеги – сколько помнят своего земляка – утверждают, что он постоянно что-то придумывал и не просто изобретал на словах, а старался претворить свою придумку в жизнь.

– Голова! – говорили одни.

– Самородок! – считали другие.

– Упрям и талантлив, – утверждали те, кто знал Юрия Ивановича поближе.

И все были правы: он любил докапываться до истины, где бы она ни скрывалась – в технических недрах, необъятных тонкостях природы или секретах художественного познания мира.

Недаром же говорят, что талантливый человек талантлив во всём. Наверное, поэтому Юрий Зыков из старинного села Пача Яшкинского района Кузбасса, что

раскинулось на живописном берегу реки Томи, был замечательным изобретателем, прекрасным журналистом, одарённым фотохудожником.

У таланта этого человека немало и других неординарных граней: конструктор, первоклассный токарь, замечательный педагог, упорный коллекционер, общественник, прекрасный рассказчик, – о которых обязательно надо сказать. Но об этом чуть позже. А пока – об истоках нашего самородка.

Он родился в самое трудное для страны время – 28 августа 1941 года. Всего два месяца назад фашистская Германия и её многочисленные сателлиты вероломно напали на СССР, и началась самая страшная война – Великая Отечественная.

Конечно, маленький Юра не знал военных ужасов, не отложился в памяти ребёнка день, когда в их семью пришла «похоронка» на погибшего на фронте отца. Но навсегда отпечатались в детском сознании слёзы мамы, причитания бабушки.

Жили тяжело. Взрослые много работали в колхозе. У всех была одна задача: чем-то помочь фронту. Если не помогут – не будет нашей победы. В колхозе оставались одни лишь женщины, подростки да фронтовики, пришедшие домой после серьёзных ранений и непригодные больше к военной службе.

И хотя в Сибири не так остро ощущался голод военного лихолетья, особых разносолов на семейном столе не было. На детей у матери, деда и бабушки не всегда хватало времени. А подрастающему мальчишке это было на руку: он мог безнаказанно заниматься любимым делом – разбирать какую-либо вещицу, чтобы понять, как она устроена.

Увидев однажды настоящий трактор, он решил понять, как устроен и тот, почему движется, что такое мотор? Эти же вопросы волновали его при виде настоящего автомобиля. Тем более что техники в 1940-х в деревне было не так уж много.

– Вот выучишься в ремесленном, – наставлял его дед, – и всё это тогда узнаешь.

А мальчишке хотелось узнать всё «это», и не только «это», и как можно скорее. В школе Юрий учился хорошо. Точные предметы были для него любимыми. Правда, он и литературу с историей постигал с удовольствием. А к середине 1950-х школьник Зыков прямо-таки «заболел» мечтой поступить в ремесленное училище и получить профессию токаря-универсала.

Председатель Яшкинской организации ветеранов комсомола Мария Тимофеевна Вагина, которая хорошо знала Юрия Ивановича, вспоминала:

– Ещё учась в школе, Юра с завистью смотрел на стройные шеренги ребят из Яшкинского ремесленного училища № 6 в форменных шинелях, фуражках, марширующих под музыку духового оркестра...

Он спал и видел себя в этом строю будущих настоящих рабочих. В училище обучали кузнецов, электромонтёров, слесарей-котельщиков и токарей.

Юрию Зыкову не сразу удалось поступить сюда, некоторое время его мечта была несбыточной. Наконец, в 1955 году его зачислили учеником в Яшкинское РУ № 6 на специальность токаря-универсала. И это событие было в жизни паренька особым, он гордился тем, что преодолел серьёзный барьер.

Ребята в училище были разные, многие шалили, хулиганили, не успевали по предметам. Юрий же, в отличие от таких, старательно постигал и теорию, и практические навыки профессии, с удовольствием трудился и в учебных мастерских, и на полях, куда ребят посылали в помощь селянам. Он не раз подчёркивал, что два года учёбы в ремесленном стали решающими в его судьбе.

Его прилежание и целеустремлённость, отличная успеваемость не остались незамеченными. По итогам первого года занятий за отличные успехи в учёбе комсомольца Зыкова отметили грамотой ЦК ВЛКСМ. А 1957-м за помощь в уборке урожая звеньёвого Зыкова наградили медалью «За освоение целинных и залежных земель».

И вот уже Юрий в составе делегации от Кемеровской области едет на первый Всесоюзный слёт отличников Трудовых резервов в Москву.

Мыслимое ли дело?! Ведь в Москву на этот форум отбирали лучших из всех ремесленных училищ страны! От Яшкинского училища в качестве делегата единогласно избрали яркого и талантливого Юрия Зыкова. Ему и новенький фотоаппарат в поездку выдали с наказом «поснимать наших в столице».

Юра с заданием справился на отлично. Не только своих сверстников – делегатов слёта – сфотографировал, но и красавицу Москву успел поснимать. Он и до этого-то умел обращаться с фотоаппаратом. А с той поездки его любовь к фотографии укрепилась: на всю оставшуюся жизнь увлёкся фотоискусством...

В 1958 году, когда парень окончил училище на одни пятёрки, ему присвоили квалификацию «токарь-универсал» 5-го разряда. Выдали соответствующее свидетельство. С этим документом по распределению он направился в инструментальный цех завода «Кузбассэлектромотор», что находился в городе Ленинск-Кузнецкий. Здесь поднабрался и опыта, и мастерства. Очень, кстати говоря, серьёзного.

Но, вскоре пришла пора – юношу призвали на срочную армейскую службу. И попал он не куда-нибудь, а в речной флот Красноярска. Годы службы – а это были почти пять лет – тоже не миновали для него даром: «Четыре навигации во флоте, – подчёркивал он, – что-то да значили!» Потом он успел поработать и в гражданском речфлоте. И свою любимую реку жизни – Томь – никогда не забывал, она хоть и поменьше Енисея, но в половодье бывает по-сибирски широка.

Вернувшись в Яшкино («Нагулялся... Где родился, там и пригодился», – любил повторять Зыков), задумал регулярно плавать по Томи на своём судне, своими же руками построенном. И эта опять-таки «профессиональная болезнь» тоже оказалась на всю жизнь.

В 1968 году Юрий Зыков нашёл ещё одно, наверное, самое главное в жизни, призвание – учить молодых рабочим профессиям. Его пригласили преподавать в родное училище, которое к тому времени уже именовалось не ремесленным, а профессионально-техническим. (Позже оно стало ПТУ-51, ныне Яшкинский техникум технологий и механизации). Наряду с профессией в учебном заведении учащиеся стали получать среднее образование. Расширился и список профессий:

ребята в первую очередь осваивали профессии, необходимые для Яшкинского цементно-шиферного комбината, а также строительные – штукатур-маляр, столяр-плотник, мастер сельского строительства. Зыков и его коллеги выпускали сотни квалифицированных рабочих для предприятий сельского и жилищно-коммунального хозяйства, машиностроения, строительства и сферы услуг района и Кемеровской области.

40 лет Юрий Иванович проработал в учебном заведении мастером производственного обучения и механиком. Учил подростков, во-первых, токарному делу и, во-вторых,.. фотографии. А, главное, жизни учил. Он любил возиться с пацанами. Многие из них приходили в училище оттого, что неважно учились в школе, поступали сюда в надежде как-нибудь «перекантоваться», а потом – в армию или ещё куда. Зыков же многим из их сумел внушить, что быть рабочим – это не стыдно, что хороший токарь – престижная профессия, востребованная на многих производствах, ею можно и нужно гордиться.

Немало яшкинских парнишек наставил на путь истинный. Не просто учил – отдавал им частичку своей души. Как молитву, неустанно повторял им: «Ваша жизнь в ваших руках! Трудитесь, мечтайте, воплощайте! Будьте интересны себе и окружающим, любите свою профессию, развивайте свой талант!»

Эти слова наставника для многих не пропали даром. Сотни его учеников добросовестно трудятся на благо России – и это не высокие слова, это – реальность. Собираясь на дни памяти своего учителя, они вспоминают его с искренней благодарностью. На встречах, посвящённых воспоминаниям о нём, рассказывают студентам техникума о талантливом Учителе – именно так: с большой буквы, – и яркой личности, чтобы о нём помнили, чтобы такими, как Юрий Иванович Зыков, в учебном заведении гордились, чтобы новые поколения студентов знали, какие выдающиеся и мудрые наставники трудились здесь...

Итак, второе, чему Зыков учил молодёжь, была фотография.

Сам он занимался фотографией около 60 лет. Фотографом Юрий Иванович был удивительным, если хотите, фотохудожником был, который умел смотреть на окружающий мир через небольшой видоискатель и находить необычные ракурсы природы, особенные выражения лиц земляков, фиксировать интересные мгновения калейдоскопа жизни, которая, кажется, сама вращалась в ускоренном ритме вокруг этого непоседы.

Фотограф и консультант Молодёжного центра Яшкинского района Николай Николаевич Шушаков, друг и соратник Ю. И. Зыкова, поделился одним из секретов товарища:

«У Юрия Зыкова в кармане всегда лежал маленький фотоаппарат, как записная книжка. Где бы он ни был, он делал кадры-зарисовки, а потом на лучшие места и в лучшее время выезжал с большим фотоаппаратом...».

Фотодело Юрий начал осваивать, ещё когда учился в школе. Про его первый настоящий фотоаппарат, с которым в 16 лет ездил в Москву, уже сказано. После этого с фотоделом он уже не расставался. В шестидесятые годы даже руководил

фотосекцией в районном клубе. Любовь к фотографии однажды привела его в редакцию районной газеты. Кажется, она тогда называлась «Путь Ленина» или «Знамя труда», а сейчас – это «Яшкинский вестник». Его снимок понравился редактору и был опубликован на страницах «районки». Потом Юрий приносил сюда свои фото ещё и ещё. Журналисты хвалили парня за интересные кадры. Постепенно он стал постоянным автором газеты, а затем в течение долгих лет – неизменным репортёром редакции.

Как-то Зыков узнал, что в Кемерове есть фотоклуб «Томь», в который объединились мэтры фотоиллюстрации Кемеровской области. Приехал в областную столицу, встретился с председателем клуба Юрием Васильевичем Дьяконовым. Они поговорили, поняли друг друга. Кемеровские коллеги придирчиво оценили работы яшкинца и приняли его в ряды клуба. С тех пор Юрий Иванович навещал кемеровчан как постоянный член областного сообщества фотомастеров.

Больше того, он и у себя в районе организовал фотоклуб, назвал его «Ракурс», стал его руководителем, настоящим «заводилой» фотолюбителей. Двери «Ракурса» были открыты для любого автора. Сюда собирались местные поклонники фотоискусства, независимо от возраста, оценивали работы друг друга, спорили, обсуждали. Опытные давали советы начинающим.

Человеку несведущему разговоры здесь могли показаться скучными и непонятными: «выдержку надо бы поменьше», «фокус-то сбился», «глубина резкости нормальная», «после проявителя – промой её как следует, а только потом закрепляй»... Но в клубе-то знали, о чём говорят.

По примеру товарищей из «Томи» в «Ракурсе» свои фотовыставки организовывали, работы для них отбирались тщательно. И если мнения о том или ином снимке у организаторов расходились, решающее слово было за Зыковым. Его мнению доверяли, он всегда был доказателен. Впрочем, сам Юрий Иванович примерно с 1970-х годов тоже стал постоянным участником фотовыставок, которые проходили

как в Яшкино, так, кстати, и в Кемерове. Делал он и свои персональные фотовыставки. За удачные ракурсы его нередко отмечали дипломами.

Осенью 2015 года он организовал свою персональную выставку «Природа смотрит на тебя», посвящённую 85-летию Яшкинского района. Юбилейный художественный буклет Юрия Ивановича был составлен из оригинальных снимков цветов и пейзажей, выполненных в разных декоративных фототехниках.

Не стеснялась выставлять для публики фотографии Зыкова Государственная научная библиотека Кузбасса имени В. Д. Фёдорова: его персональные выставки бывали и здесь. Об одной из них с названием «Природа, события, люди», разместившейся в Фёдоровке весной 2016 года, пресса писала: «Автор фотографий – фоторепортёр, краевед и большой патриот малой родины – села Пача Яшкинского района. Основной позицией своего творчества автор считает этику, поэтику и эстетику. Фотовыставка задумана как передвижная. Она уже экспонировалась в Яшкино, в селе Пача, в селе Пашково, в селе Поломошное...».

«В нашем районе природу можно снимать от рассвета до заката и абсолютно всё, на что падает твой взгляд, – уверял посетителей автор выставки. – Это рай для фотографа: потрясающий свет, цвет и оттенки, прекрасные виды: реки и речушки, водопады и ручьи, горы и лес, луга, и во всём – гармония природы».

Сотрудник Яшкинской районной библиотеки Анна Кусерова подтверждает: «У Юрия Ивановича множество фотографий с природой. Благодаря его наблюдательности и восхищению местной природой я, например, узнала, что у нас есть такое растение, как венерин башмачок, занесённое в Красную книгу... Прекрасный рассказчик, про каждую свою удачную фотографию он мог поведать целую историю...».

Юрий Иванович не раз удивлял и покорял своим фотоискусством и земляков, и профессионалов. Но мы же помним о неординарности этого человека. Он не умел делать, как все. Он делал лучше всех! Токарь-универсал 5-го разряда был не только уникальным фотографом, он ещё изобретал и конструировал новые модели фотоаппаратов, активно используя токарные навыки в этом виде деятельности.

Одним из его технических открытий в этой сфере стал созданный им фоторевольвер! Конечно, к оружию тот не имел отношения. Хотя, смотря что считать оружием... Это был фотоаппарат с крутящимся барабаном, напоминающим барабан пистолета. Только вместо пуль в нём прокручивались четыре разных объектива. С такой техникой у фотографа 1970-1980-х годов отпадала необходимость носить с собой несколько фотоаппаратов или отдельных съёмных объективов.

Ещё одно увлечение Зыкова тоже было связано с фотографией, и заключалось в том, что он был заядлым коллекционером фототехники: собирал её на протяжении нескольких десятилетий. В результате у него появилась уникальная коллекция фотоаппаратов, объективов и других вещей, используемых в фотоделе.

Такого собрания фотоартефактов в Кузбассе не было больше ни у кого. В его коллекции насчитывалось более 500 экспонатов, каждый из которых был люб владельцу.

Посудите сами, он отыскал первый стереофотоаппарат, который считается «отцом» 3D-видеокамеры. Нашёл объектив, которому целых 100 лет! Имел ценные модели фотоаппаратов разных марок, многие из них сегодня почти забыты: «Москва», «Салют», «Любитель» «Кварц», «Киев-Вега» «ФТ», «Агат 18», «Сокол».

Чтобы любой из его земляков мог познакомиться с редкими диковинами фототехники, Юрий Иванович задумал создать в Яшкино музей фотографии. Предлагал выделить для этого место в техникуме технологий и механизации. Однако это оказалось не очень удобно для сторонних посетителей, но другого помещения выхлопотать не удавалось.

Тогда навстречу коллекционеру пошли в коллективе Яшкинской библиотеки. Здесь есть зал местного краеведческого музея. Именно там и выставлялась уникальная фотоколлекция Зыкова. Очевидцы до сих пор вспоминают, что такая выставка в районной библиотеке работала осенью 2012 года. Её посетители – знатоки и просто любознательные земляки всех возрастов – с интересом рассматривали уникальные технические чудеса. «Фотография является и свидетельством важнейших событий в мире, и личных моментов каждого», – подметил на открытии Юрий Иванович.

О каждом экспонате хозяин выставки готов был рассказывать долго и увлечённо. Вот, – показывал он, – «Зениты», «Лейки», «Кодаки» и многое другое самых различных годов выпуска, а рядом лежат очки, через которые можно посмотреть на стереоснимок. Есть фоторужьё, похожее на то, с каким герой мультфильма Шарик из «Простоквашино» бегал за животными, чтобы снять их на память.

А вот деревянный фотоаппарат на штативе: им когда-то фотографировали людей в районном Доме быта – для документов или для семейного альбома. В уникальном собрании чего только не было: и кинокамеры, и диапроекторы. Множество других вещей, без которых раньше не мог обойтись фотограф. «Молодёжь сегодня и не знает, что такое фотобачки, экспонометры, кадрирующие рамки, ванночки, – пояснял Юрий Иванович. – Сейчас изображение – в «цифре», а «вывод» осуществляется на принтере за считанные секунды. Тогда же это был длительный процесс, его называли настоящим чудом, колдовством, над которым чародействовали одержимые фотоделом...».

Выставка фототехники регулярно проводилась в Яшкинской библиотеке. А потом... Интересна дальнейшая судьба коллекции Зыкова. О ней рассказала Анна Сергеевна Кусерова: «Попытка создать музей кино-фотодела «Остановись, мгновение» в стенах Яшкинского техникума технологии и механизации по объективным причинам не удалась. Тогда Юрий Иванович решился на уникальный шаг: 7 июля 2020 года всю свою обширную коллекцию, насчитывающую более полутысячи единиц фото и видеотехники прошлого века, он безвозмездно передал в Кемерово – в фонды Кузбасского государственного краеведческого музея.

Лишь несколько экспонатов осталось в Яшкино, в музейной комнате Центральной библиотечной системы».

Я уже отметил, что Юрий Иванович был хорошим конструктором и изобретателем. К этому надо добавить – и рационализатором. «Голова у него «варила» за

десятерых, – услышал я в одном из разговоров о нём. – И руки золотые. Кулибин, да и только!»

Тот же Николай Шушаков, кроме всего прочего, говорил об увлечении мастера вырезать изделия из древесного капа:

– Юрий Иванович был мастером с золотыми руками, он мог сделать всё, что угодно...

Служба во флоте, работа в речфлоте, жизнь на берегу Томи давно породили у него желание сделать своими руками речное судно. Быстрое, лёгкое, скоростное, комфортное, чтобы и палуба была, и уютное местечко для отдыха капитана.

Первый быстроходный катер Зыков спустил на воду в конце 1970-х. Он собирал его вместе со своими студентами, с теми, кто потом активно помогал нашему герою создавать всё новые речные посудины.

– Это сейчас можно купить всё что угодно, – вспоминал, усмехаясь, мастер уже в середине десятых годов XXI века. – А тогда каждую деталь и заклёпку приходилось придумывать, вытачивать на станке самому. Но оно того стоило!

В те непростые времена дефицита он конструировал новые модели катеров, ходил на них по рекам страны. Своими изобретениями стал известен не только по всей Сибири – на весь Советский Союз прославился. Статьи о нём и его катерах не раз печатались в 1970-1980-е годы в ленинградском журнале «Катера и яхты».

В этом издании для судостроителей-любителей, для профессионалов малого судостроения, а также для водных туристов и спортсменов опубликоваться было очень престижно. После выхода очередной статьи Юрию Ивановичу приходило немало писем от частных судостроителей с просьбами дать совет, помочь с чертежами или расчётами. Иной раз адрес получателя у таких посланий был до наивности простым: посёлок Яшкино, Зыкову. Но советская почта не подводила – доставляла их адресату, который великодушно делился своими секретами.

Не лишним будет напомнить, что Ю. И. Зыков является автором ряда запатентованных изобретений в области конструкций судовых водомётных установок. Так, один из патентов он получил в феврале 2012 года – «на полноповоротное реверсивно-рулевое устройство водомётного движителя».

Между прочим, Юрий Иванович собственноручно сконструировал и построил не один, не два – целых пять водомётных катеров.

«Желание реализоваться, сделать что-то самому никак не проходит, – подчёркивал в связи с этим Зыков. – Если сделанное самостоятельно изделие, как в моём случае, водомёт для катера, улучшает работу судна, делает её более комфортной, почему бы не заниматься этим?!»

Кстати, меня судьба свела с этим удивительным человеком в сентябре 1991 года именно из-за увлечения Юрия Ивановича строительством речных судов. Я тогда работал главным редактором негосударственной областной телерадиокомпании «Агентство информации Кузбасса» – АИКа. Мы с моим коллегой и напарником, популярным журналистом Евгением Красносельским делали цикл телепередач под общей рубрикой «Глубинка». Для съёмок выезжали в разные отдалённые уголки Кузбасса, снимали интересных, увлечённых своим делом людей, творческие

коллективы, местных инженеров, писателей, поэтов, рабочих с необычными судьбами.

Однажды мы отправились за материалами для очередной передачи в Яшкинский район. «Обязательно найдите умельца из Пачи Зыкова, – напутствовал нас директор АИКа Евгений Михайлович Баранов. – Второго такого в нашей области больше нет. Кулибиным называют. Сам строит корабли, сам на них плавает...».

Евгений Михайлович знал, что говорил. Ведь он – тоже уроженец Пачи – знал там буквально всех и каждого. Ещё бы! Недаром его родной отец, Михаил Матвеевич Вернер, много лет был директором совхоза «Пачинский».

Я, между прочим, эпизод встречи с Ю. И. Зыковым описал в очерке «Ипостаси Евгения Красносельского» («Творческие люди. Очерки, зарисовки, статьи, эссе». Книга вторая. Кемерово, 2022. С. 4-57). Но в нынешнем рассказе про Юрия Ивановича вспомнить это тоже будет уместно. Поэтому, приведу его почти полностью.

Стало быть, мы тогда загорелись идеей встретиться с умельцем, да и на катере прокатиться по Томи для красивого телевизионного кадра – первое дело. Тем более, что ради необычных съёмок Евгений иногда придумывал такие трюки, которые и выполнить-то было трудно. И если он чем-нибудь загорался, отговорить было невозможно.

Вот так в начале осени мы и оказались на катере Зыкова. Снимали долго и тщательно. Оператор Сергей Кузьмин облазил каждый уголок прекрасного быстроходного судна, наснимал виды реки, берега, нас с мастером и Евгением, зная, что для большой еженедельной передачи нужно много хороших, ярких планов. Записали интервью с Юрием Ивановичем. Он и тридцать с лишним лет назад был общительным. Выглядел симпатичным энергичным крепышом с большой шапкой волос на голове, голубыми глазами, сильными, красивыми руками.

Собрались было прощаться и ехать дальше по заранее определённом маршруту, как вдруг Зыков предложил:

– Может, хотите на водных лыжах прокатиться? Так у меня они есть...

А дело было, напоминаю, прохладным осенним утром.

– Нет-нет, что вы! – поёжились мы с оператором от утренней свежести, категорически отвергая любезное предложение.

– Как это – нет?! – вскинулся Евгений. – А я хочу! Серёга, сними меня как следует. Обязательно возьмём эти кадры в передачу.

Он разделся тут же, на каменистом берегу Томи. Получил от мастера необходимые инструкции, уселся на край деревянных мостков, опустил ноги в реку. Надел лыжи, взялся одной рукой за тянувшийся к катеру трос, другой – помахал нам на прощание и по плечи погрузился в холодную воду.

– Готов? – слышалось с судна сквозь рокот мотора.

– Давай! – бодро крикнул Евгений, улыбнулся в камеру и приветственно взмахнул рукой.

Катер медленно отправился вперёд, трос натянулся, сдвинул Евгения с места.

Тело его неловко мотнулось над водой и исчезло в пучине Томи. Это было так безумно комично, что мы с Сергеем рухнули от хохота на береговую гальку. Хорошо, что камера стояла на штативе, а то технике пришёл бы конец... Я едва не надорвал живот от смеха. Юрий Иванович на катере, похоже, тоже посмеялся.

Все думали, холодная ванна Женьку успокоит, и он откажется от своего замысла. Куда там! Он влез на мостки, встряхнулся, снова всунул ноги в лыжи. Зыков на катере тем временем сделал круг по реке, принял исходную позицию. Евгений опять весело помахал в объектив, трос натянулся, сдернул лыжника с места, и тот снова полностью исчез в волнах. Мы – хохотать! А упрямый Красносельский не сдаётся – идёт на третью попытку.

В общем, он сделал шесть или семь таких рывков. И – о чудо! – заскользил-таки за катером по водной глади. Сделал круг и снова упал возле самого берега. Но эпизод вышел на славу! Когда мы просматривали эти съёмки в студии, народ угорал от смеха.

И все пожали руку упорному герою сюжета Красносельскому. Я всё удивлялся: как он не заболел? Наверное, молодость брала своё...

Помнится, и Юрий Иванович от души поздравил Евгения, сказав, – не думал, что съёмки на телевидении проходят так сложно...

Передача удалась на славу. Сюжет о мастере из Пачи стал в ней украшением. И наш Женька грациозно скользил по речной глади. Словом, вышло всё, как надо, получилось очень хорошо.

В том давнем интервью мы с Красносельским постарались раскрыть нашего героя как можно полнее. Говорили не только о катерах – о жизни, других увлечениях Юрия Ивановича. Он поделился своей страстью к фотографии, мечтой когда-нибудь сделать книгу – фотоальбом об удивительно прекрасных местах, в которых живёт.

Прошли годы – и эту мечту он сделал былью. Ведь, за что бы ни брался этот одарённый человек, всё у него получалось основательно и талантливо.

Увлечение журналистикой, постоянное сотрудничество с районной газетой смолоду приучили Юрия Зыкова к ясному и понятному читателям изложению мыслей, ответственному отношению к фактам, о которых пишешь, привили объективность и доказательность при подготовке материалов.

Со временем Юрий Иванович начал пробовать себя и на литературном поприще, в публицистике. В местной печати много раз публиковались его очерки, статьи и рассказы. Особо увлекла его тема краеведения, сохранение памяти об истории и людях своей малой родины.

Его энтузиазму, жизнелюбию, творческой активности, казалось, не существует границ. К примеру, Зыков был, пожалуй, одним из самых активных членов творческой студии «Светлица» Яшкинского муниципального округа. В газетах «Яшкинский вестник», «Яшкино», районном литературно-публицистическом альманахе «Содружество» один за другим публиковали такие очерки Юрия Ивановича, как «Батюшка Енисей», «В Москву на комсомольский слёт», «Пача историческая», «Художник, опалённый войной» (о творчестве участника Великой Отечественной войны, самодеятельного художника Фёдора Захаровича Мурашова), рассказ «Драма на ночной Томи», материалы, посвящённые 90-летию профучилища № 51 (2013), и другие.

Руководитель литературной студии «Светлица» Валентина Азакова отмечает, что это были необычные и живые материалы: «Читать публикации Зыкова интересно и сегодня, написаны они легко и образно, хорошим литературным языком».

– Юрий Иванович был начитан, – добавляет Валентина Валентиновна. – То, что им написано о сибирской природе, о сибиряках, о жизни страны является ценным вкладом в изучение истории родного края.

Наконец, особой «пробой пера» для Зыкова стала книга «Яшкино, природа, события, лица». Она снабжена множеством зыковских фотографий. Вышла в 2015 году при содействии отдела культуры райадминистрации.

Добавим, что вскоре после этого, в 2016 году, Зыкова приняли в Союз журналистов России. Это членство он заслужил своим дарованием и многолетней верностью журналистике.

Честно говоря, его землякам из Пачи, из Яшкинского района очень повезло, что здесь жил и работал такой разносторонний человек. Про таких говорят: настоящий державник, который не боится признаться в любви к Отечеству. Многие из земляков, понимая это, гордятся соседством и личным знакомством с ним.

Краеведением Юрий Иванович увлёкся не случайно – старался увековечить свою малую родину. Заодно хотел понять, откуда «есть пошла земля» пачинская.

Библиотекарь Анна Сергеевна Кусерова:

– Юрий Иванович ничего не знал поверхностно, он изучал всё досконально. Я не помню, чтобы я задала вопрос, и он чего-то не знал. А когда я начала заниматься историей края, он для меня стал палочкой-выручалочкой. Когда бы я ему ни позвонила, он вёл рассказ подробно, последовательно. Юрий Иванович был

патриотом Пачи и Яшкинского округа в целом. Например, благодаря таким его заметкам, как «Память должна жить» (о поездках в старообрядческую деревню), его фотографиям можно заглянуть в прошлое наших деревень. Эти материалы хорошо выражают его любовь к истории края.

Одним из самых ценных подарков журналиста и публициста Зыкова своим землякам стала книга-альбом «С любовью к родному селу. Пача и окрестности». Она вышла в 2017 году – к 365-летию села. Впервые в одном издании Юрий Иванович собрал фотографии, которые знакомят читателей с нынешним обликом села, с его жителями. В издании – и пейзажные работы автора, и фотографии разных лет из личного архива. Снимки сопровождаются авторским экскурсом в историю села.

Считается, что именно Юрий Зыков написал самую полную на данный момент историю Пачи: с опорой на архивные источники, с фамилиями и лицами.

Из книги Зыкова мы узнаём, что возникновение старинного села восходит к далёким временам освоения Сибири. Тщательно порывшись в архивах, Зыков установил, что имя речке и деревне дали, говоря языком документа, «гуляющие люди Тимошка Степанов, да Мартишка, да Андронка Степанов же, да Ерофецка и Юрга Петровы». Пришли они в Томск в 1663 году и в приказной избе заявили, что бежали с речки Исети на Урале, где их погромили башкирцы. А до Сибири «гуляющие» жили в Пачинской волости за Уралом. Беглецов записали в крестьяне Томского Алексеевского монастыря. Так и возникла Пача.

Юрий Иванович детально рассказал о далёком времени заселения и освоения территорий Пачинского поселения, почерпнутых им из достоверных источников. Подробно он остановился и на истории своих предков – семей Корляковых, Целоусовых, Пырсиковых, потомки которых до сего времени проживают в селе.

Со временем село разрослось и превратилось в крупный сельскохозяйственный центр. Жители Пачи занимались земледелием, разными ремеслами: варили мыло, лепили посуду, мяли кожу, шили обувь, торговали хлебом и поделками из дерева. Держали извоз на Иркутском тракте, промышляли пушного зверя, ловили рыбу, плотничали. Пача славилась своими ярмарками, на которые съезжались крестьяне из соседних деревень, купцы из Томска, Новониколаевска. По Томи ходили большие пароходы, приставали у Пачи...

Книги-альбомы Зыкова учат земляков патриотизму, воспитывают любовь к родной земле, к своей стране.

Книгу о Паче Юрий Иванович подарил Яшкинской центральной библиотеке имени поэта А. П. Саулова, Государственной научной библиотеке Кузбасса имени В. Д. Фёдорова.

Юрия Ивановича Зыкова не стало 2 декабря 2021 года... Ему было восемьдесят. Не знаю, правильно ли это прозвучит, но, на мой взгляд, Юрий Иванович прожил долгую и интересную жизнь.

Подводя итог жизнеописания нашего героя, ещё раз отмечу, насколько огромен был круг профессиональных интересов этого жизнелюба, талантливого человека:

токарь-универсал, сварщик, изобретатель, конструктор, художник по металлу и дереву, фотограф, журналист, краевед.

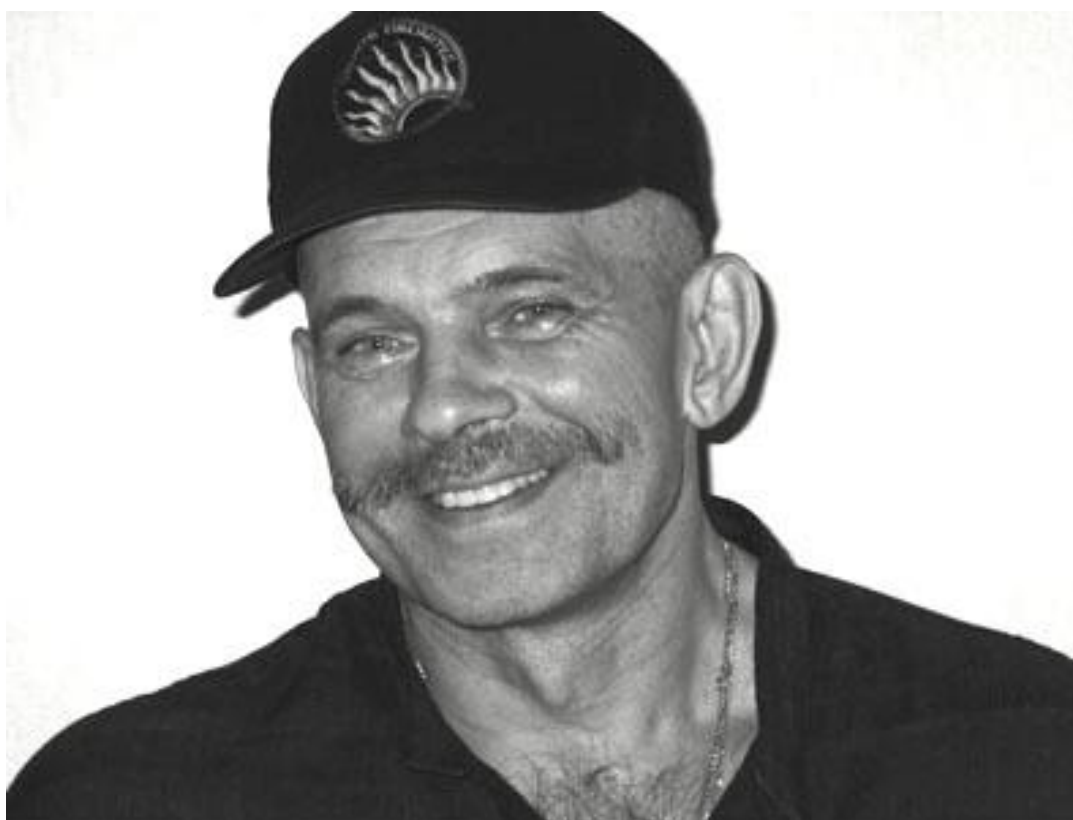
А ещё – путешественник, который любил пройти по Томи на построенном своими руками катере. Ещё Юрий Иванович и пел замечательно, и играл на баяне.

Особо подчеркну: сорок лет жизни отдал он родному училищу, делясь своим огромным опытом, воспитывая молодёжь. Не знаю, сумеют ли молодые до конца понять его девиз: «Ваша жизнь в ваших руках! Трудитесь, мечтайте, воплощайте! Будьте интересны себе и окружающим, любите свою профессию, развивайте свой талант!» Повторю его, надеясь на глубокий смысл этих простых слов...

г. Кемерово,
август 2023 г.

Александр Карин: от Прокопьевска до Парижа

«Итак, кино! Волшебный мир и интернациональный табор. Оставляю сразу всякую попытку описать этот феномен из четырёх букв и уверен, что кто-нибудь из великих режиссёров или всезнающих киноведов когда-нибудь объяснит явление «кино» как нечто разумное, базирующееся на технических знаниях, плюс художественная позиция, плюс... и так далее, и тому подобное...

Я же как человек, занимавшийся предметом неразумным и алогичным для нормальных людей, то есть кинотрюками, позволю себе воспоминания и эмоции. Дай Бог, если за этим дымом вдруг всё же проявится абрис Кинематографа, если же нет, то меня вполне устроят составные части оногo, как-то: руки – люди, душа – фантазия...». Эти строки написал актёр, каскадёр, писатель, сценарист Александр

Александрович Карин в своей книге «Господа каскадёры». Для меня же ближе всего и милей тот факт, что родом он из Прокопьевска – места и моего рождения, детства, отрочества и юности, где я познал первую любовь и азы журналистики в местной городской газете. И не беда, что я теперь проживаю в иных весях, а он – в Париже, Прокопу из сердца не вырвешь.

«...Фантазия! Конечно же, это главное, – рассуждает автор далее. – Её не убили разочарования, рабочие конфликты, тяжкий труд или безработица. Она выживала всегда! Обижаясь на Кино, как на близкого человека, я в итоге всё ему прощал, и вновь сказка и любовь к эфемерному заполняли моё сердце. Люди!.. Ставлю тире – друзья. Трюковые мои братья, что обняли за плечи и горели, и убивались за «спасибо» десять с лишним лет!.. Сто фильмов посчастливилось отработать вместе с ними по всем регионам СССР...».

1.

Итак, Александр Карин родился в Прокопьевске 28 апреля 1952 года. Не случайно его книга «Господа каскадёры» начинается именно с автобиографического повествования «Страна Трюкания», рассказывающего о жизненном пути автора.

«На мой взгляд, – подчеркнул однажды секретарь Союза писателей России Николай Переяслов, – эта повесть является лучшей вещью сборника – необычайно сочная, правдивая, полная живых и беззлобных воспоминаний о вернувшемся из многолетнего тюремного заключения отце, рисующая картины жизни автора в глухой шахтёрской провинции, какой был в пятидесятые годы кузбасский город Прокопьевск, а позже – среди режиссёров, актёров, каскадёров и других людей искусства Москвы и Парижа...».

«Городок», «глухая провинция»... Мне, родившемуся в Прокопьевске в тех же 1950-х, правда, на четыре года позднее, такие сравнения не совсем по душе. Мои родители – коренные прокопчане, шахтёры с дважды ордена Ленина шахты «Коксовая» – называли родной город «Угольной жемчужиной Кузбасса».

Да, в городе было полтора десятка шахт. Да, каждая вторая семья почти трёхсоттысячного в те времена Прокопьевска имела отношение к угольной промышленности. Да, провинция. Но называть её «глухой» язык не поворачивается. Город с кино- и театрами, дворцами культуры, спорткомплексами, стадионами, трамваями, аэропортом Спиченково, откуда ежедневно в те годы вылетал в Москву самолёт ИЛ-18, в каждом рейсе на борту которого, как минимум, половина пассажиров – были шахтёры, летавшие на выходные в столицу «за тряпками» или возвращающиеся из отпусков с морей и из лучших санаториев страны.

И даже резонные сравнения с Парижем у Прокопьевска были. Малая родина, сплошь состоящая из рабочих посёлков, сгруппировавшихся вокруг шахт и заводов, и широко разбросанных друг от друга, по площади, слышал об этом не раз, равна прекрасной французской столице... Хотя, чего греха таить, где шахты, там и угольная чернота.

Александр Карин рассказывает о своём детстве и отрочестве в таких своих произведениях, как «Прогулка с папой», «Пока ручьи звенят», «Будня», «Псы»... «Мой путь в Трюканию начался в небольшом сибирском городе Прокопьевске, –

повествует в книге «Страна Трюкания» Александр. – Снег там тёмнен от пыли, небо серо от терриконов шахт, тротуары деревянные и асфальтовые, сугробы до крыш. Среди шахтёров много репрессированного люда... Горняки – сердечный, добрый народ, любят песни, домино и отдых на природе. ...В самом конце XX века Прокопьевск активно опровергал взгляды правящего класса и слыл самым революционным городом Кузбасса».

Хотя... в одном из видеоинтервью Карин говорит, что с детства мечтал вырваться в другой мир. Как известно, родителей не выбирают. Тут уж, как говорится, кому как повезёт. Мама нашего героя Елена – урождённая сибирячка. Отец Александр Васильевич – кубанский казак. Дед Александра Карина – высоченный бородач Василий, «огромный, будто медведь», – приехал с Кубани в глубинку Сибири, в Прокопьевск. «Видно, 1930-е годы для казаков были безрадостны, если не сказать трагичны», – считает внук. Дед служил сотником в белой гвардии, вспоминает Александр, поэтому после «дед так «зашифровался», что до конца дней своих служил только сторожем на разных предприятиях города».

В рассказе «Игра в ножички, казаче...» Александр Карин напишет: «Корни их рода уходили аж к казакам атамана Ермака, искупавшим свои грехи пред батюшкой царём покорением Сибири. Однако, пойдя попробуй сказать чирским или донским (казакам), что ты свой, – забьют гордецы!»

Александр уверяет, что его любимую бабушку Акулину за рождение четырнадцати ребятишек наградили орденом «Мать-героиня». Бабушка жила «в бревенчатом бараке по улице Революции». Насколько помню, – этот посёлок в районе шахты имени Ворошилова именуется Берёзовой рощей.

Любимой песней детства Александр называет песню «Бродяга» из одноименного индийского фильма с популярным актёром Ранбиром Радж Капуром. Карин-актёр, который из-за многочисленных киносъёмок вёл кочевой образ жизни, уверен, что «в ряду фатальных совпадений и обстоятельств моей жизни она (песня) занимает далеко не последнее место».

Первым кинофильмом, оставшимся в памяти Карина-мальчишки, была франко-итальянская лента 1961 года «Три мушкетёра». Он смотрел её много раз и мечтал «о волшебной Франции, куда непременно уеду, вступлю в полк де Тревиля и уйду на пенсию маршалом, как д'Артаньян. Меня совсем не удивляет, что ныне я живу в Париже, пенсионер, правда, до маршала не дотянул – «сломался» на Фестивале каскадёров Мира в Тулузе...».

Отец мальчика дважды отбывал срок по уголовной статье. Когда он вернулся домой из мест заключения, оказалось, что стал инвалидом – потерял ногу на рудниках Магадана, «впитал своей лирической душой всю романтику уголовщины, ...знал «феню», придерживался «кодекса чести» и был татуирован от плеч до пят».

При этом у отца были золотые руки. Он работал по дереву, шил валенки, имел права водителя 1-го класса и массу других профессий. Александр на всю жизнь запомнил «картинку» строительства родительского дома под руководством отца. «Сруб казался мне огромным, а родитель грозным, так как громко командовал строителями на пока непонятном матерщинном наречии и топал деревянной

ногой, за которую я, собственно, и держался». Ещё отец обожал читать книги, его любимым произведением был исторический роман итальянского писателя Рафаэлло Джованьоли «Спартак».

Отец Александра любил и выпить. В нетрезвом виде заставлял сына выполнять различные «чудеса»: мог налить ему спиртного или в непогоду выставить на улицу, – для закалки мальчишеского характера. Впервые на лошадь Александра посадил тоже отец. Вот как сын вспоминает об этом:

«...Отец сыскал как-то у магазина возчика, напоминающего внешне Шукаря, напоил его «городскими напитками» и прикатил к дому. ...Новая установка предполагала путешествие с сыном в ночь, проскоки по близлежащим оврагам и, возможно, возвращение с рассветом верхом! Надо сказать, всё так и было: где-то мы галопировали в полной темноте, где-то опрокинулись и потеряли дедушку, а затем с третьей попытки взгромоздились на уставшую клячу и гордым шагом (король всех аллюров) прибыли в родовое имение».

Как многих прокопьевских детей тех лет, Сашу отправили в детский сад, правда, ненадолго – был там всего полдня. Когда его привели в садик, «дети собирали кремль из деревянных колец, а девочка необычайной красоты собиралась завершить строение красной деревянной звездой, но тут первое чувство любви толкнуло меня к ней, я поцеловал её, получил удар в лоб деревяшкой и через окно комнаты нянечки убежал навсегда домой». И больше всего полюбил вольницу прокопьевских улиц: «Улица навсегда открыла мне свои объятия. Кто позволит разжечь костёр и прыгать сквозь пламя? Кто разрешит взять трёх собак сразу и охотиться за воронами? Улица, больше никому!»

Не обходилось и без смелых мальчишеских схваток. Бывало, там же на улице он покрывался боевыми синяками от колен до локтей. Наш герой даже участвовал в детской, но самой настоящей дуэли, в ходе которой стрелялся с обидчиком из самодельной «поджиги». Поджиги делали из прочных металлических трубок, закреплённых на деревянном или карболитовом контуре пистолета. Ствол начинали серой от спичек и даже кое-чем пострашнее. Та дуэль едва не закончилась трагедией...

Наверняка, уличная вольница тоже стала одним из определяющих факторов в выборе профессии каскадёра. Александр признаётся, что нередкие уличные бои без правил, в которых закалялся мужской характер, «вполне органично перешли в сценическое движение актёрского вуза, а затем и на экран... На сцене или в Кино надо было сочинять не правдивый, но красочный бой».

Отец Александра часто впадал в запои, и мама, не выдержав, ушла от него, уехала вместе с сыном сначала на Дон к сестре, потом в Волгоград.

Рассказы Александра Карина во многом автобиографичны. В одном из них он повествует, как мать увезла двенадцатилетнего мальчишку в казацкую станицу Чирскую, к сестре. Хорошо там показалось сибиряку – тепло, хотя и хлопотно, – уж очень задиристы были его сверстники... «Казаковать станичные ребятишки начинали сизмальства. Слушали brave рассказы дедов, залихватские песни в цветущих яблоневых садах, за хлебосольными столами, и рано, ох как рано

просыпалась в них любовь к оружию. Уж и пороты бывали в кровь за игры с настоящими, припрятанными по чуланам шашками. На учёт в милицию поставлены поголовно – за постоянное ношение ножицков в карманах, но победить казацкую генетику, видно, не дано было никакой власти!»

Что ж, мы тоже помним о казацкой крови в организме нашего героя. Никакая Сибирь не смогла её извести. Забегая вперёд, скажу, что о смерти отца Александр узнал в 1974-м через Мосгорсправку...

Школьные годы и комсомольскую юность Александр Карин не очень любит вспоминать. В своей повести он отвёл им всего несколько строк, охарактеризовав, «как нечто бесформенное, серое, недостойное воспоминаний и попыток письменного изложения». Между тем, в тот период он выучился играть на гитаре и с удовольствием пел в компаниях.

В 1970 году его призвали на срочную службу в Советскую Армию. Сержантскую «учебку» проходил на востоке Демократической Республики Германии – в Котбусе – городе на реке Шпрее, втором по величине в земле Бранденбург. Если сравнивать его с Прокопьевском, то по населению – около 100 тысяч человек – город был втрое меньше. Впрочем, на этом сравнения заканчиваются.

Учебная часть размещалась в тех же казармах, где в 40-е годы располагались подразделения гитлеровских дивизий СС, и это накладывало особый отпечаток на службу, вспоминает Александр. Кто служил в учебной части в советское время, знает, как воспитывалась там солдатская воля, тренировалась выдержка, закалялась физическая крепость:

«Сержанты гоняли нас каждое утро на трёхкилометровую пробежку вдоль автобанов. Было забавно наблюдать за лицами пассажиров в пролетающих мимо «мерседесах» и «фольксвагенах» – они скукоживались при виде бегущей советской роты в черных трусах и сапогах под белым весенним снегом. Немцы, очевидно, вновь задумывались о непобедимости русских...».

Готовили советских воинов серьёзно. Будущего сержанта-штурмовика учили всему: бегать, прыгать, стрелять в падении, прыгать ночью с вышки, выбивать противника из окопов всеми имеющимися подручными средствами.

Строптивый солдат Александр Карин часто получал наряды вне очереди: «Я очистил не одну тонну картошки, – рассказывает он, – мыл ночами посуду, коридоры, туалеты и т. п.».

Но и армейскому делу он обучался: ездил на стрельбище, овладевал разными видами оружия, чтобы поражать врага ночью и днём, научился водить бронетранспортёр.

После «учебки» Александру присвоили звание сержанта и направили для прохождения дальнейшей службы в одну из действующих частей группировки советских войск, дислоцировавшейся в ГДР (ГСВГ). Между прочим, ГСВГ считалась одной из наиболее боеспособных в Советской Армии, была оснащена самой совершенной и современной боевой техникой и оружием. При этом ГСВГ имела собственные заводы, объекты инфраструктуры, подсобные хозяйства, школы для офицерских детей, пионерские лагеря, санатории, торговую сеть, дома офицеров,

телевизионные центры, комбинаты бытового обслуживания – в каждом гарнизоне, клубы с военными ансамблями песни и пляски – в каждой воинской части.

Карина назначили командиром отделения: «Мне пришлось ходить в караул разводящим, помощником, затем, где-то через месяц, начальником караула».

У рядовых Александр Карин пользовался уважением. Не допускал в своём отделении дедовщины. Справлялся с «дедами», например, принародным вызовом побоксировать с кем-нибудь из них вечером. Проиграть не боялся, ведь «с отличием» прошёл школу прокопьевских улиц: «Через пару ударов они, обычно, «молодели», лёжа в нокауте – спасибо боксу».

Впрочем, в целом воспоминания Карина об армейской службе печальны: два этих года (в запас он был уволен в 1972-м) Александр считает потерянным временем жизни...

2.

Чем можно заняться на «гражданке»? Выбор был широким, а впереди – целая жизнь. Но к нему давно пришло понимание, что должен связать свою жизнь с профессией артиста. «Никогда не думал я стать милиционером, космонавтом или пожарником, – уверяет он во второй части «Господ каскадёров». – Класа с четвёртого, а может, чуть раньше решил я быть актёром и задуманному не изменял вплоть до годичного пребывания в Московском театре комедии Росконцерта».

Сразу после демобилизации он поехал поступать в Театральное училище имени М. С. Щепкина – на отделение актёрского искусства, где обучали актёров и режиссёров театра.

Поступить сюда было очень сложно: конкурс составлял 150 человек на место! «Готовился я довольно тщательно, – вспоминает Александр, – но в первый же заход мне объяснили, что я имею зубы вруна (редкие) и шепелявлю на все согласные сразу. «Приговор» ...как говорится, «обжалованию не подлежит». Пришлось вернуться в Волгоград. В первую же неделю я сточил четыре передних зуба и поставил пластмассовый частокор. Мама пришла в ужас! Успокоил её тем, что дикция стала лучше. Несколько месяцев занятий у логопеда увеличили мои шансы, к тому же решил познать театр изнутри, устроился осветителем в местной драме...».

Проработал он здесь недолго – уволили. Также немного потрудился постановщиком декораций в местном театре кукол. Потом в Волгограде наступила весна, в течение которой Александр не только гулял с друзьями, но учил стихи и басни, монологи и сцены из различных произведений. Словом, готовился к повторному поступлению в театральное.

Летом 1973-го он вернулся в Москву и прошёлся по всем театральным вузам... «Должен пояснить, что бороться можно было всюду, но до третьего тура. Затем необходимо решиться, выбрать училище и сдать в учебную часть документы. Пишу об этом необычайно легко, хотя на деле исстрадался напрочь! Дважды менял программу, много репетировал с братом Геннадием, дрожал после каждой читки, – месяц провёл в абсолютно горячечном состоянии! Итак, приоритет принадлежит Щепкинскому. Написаны: диктант, заявление, биография и пройдены все проверки «на голос», на танец и прочее... Я – студент!»

Щепкинское училище – старейшее престижнейшее высшее театральное учебное заведение (институт) – было создано ещё в 1809 году в Москве как Московская театральная школа при Государственном академическом Малом театре. Обучение здесь, конечно же, намного интереснее армейской «учебки». Педагоги «Щепки» (так училище называют в театральных кругах) в своём большинстве – маститые актёры и режиссёры Малого театра.

Кафедрой мастерства актёра руководил народный артист СССР, профессор, член худсовета Малого театра и учёного совета Училища Н. А. Анненков, сыгравший сотни ролей на театральной сцене и десятки образов в кино. Николай Александрович считал, что учить актёров можно только на первоклассном литературном материале. Важным разделом профессиональной подготовки студентов кафедра полагала практику на сцене Малого театра. Среди учеников Н. А. Анненкова были такие выдающиеся артисты, как Никита Подгорный, Олег Даль, Виктор Павлов, Виталий Соломин и многие другие.

Начался первый семестр. Студенческая жизнь в «Щепке»: пары по три часа, актёрское мастерство, уроки танцев, этюды, песни под аккомпанемент, штудирование родной культуры, – малая толика того, чем занимаются здесь. Начинающие актёры, включая Александра Карина, выкладывались по полной программе, обучаясь каждый день с утра до вечера.

Предметы Александр делил на любимые и «не очень». Первые касались специализации: мастерство актёра, сценическая речь, сценическое движение, танец, музыкальные занятия. А те, что «не очень» – общеобразовательные предметы – всеобщая история, история зарубежного театра, история советского театра и так далее. Но куда же без них?! Добавьте к дисциплинам, которые

преподают на кафедре мастерства актёра, ещё и грим, а также факультативы: фортепиано, гитара, баян, – и получится практически полная картина занятий.

«Необычайно радостное и восторженное состояние не покидало меня полгода, – делится Карин. – Шли каждодневные упражнения на внимание, реакцию, чувство сценического времени и многие другие, присущие актёрскому ремеслу. Особенно полюбил я этюды. Вся моя нереализованная прежде фантазия пошла в дело: гонки на автомобилях, жуткие средневековые трагедии, любовь с первого взгляда, мушкетёрские дуэли! Думалось и игралось необыкновенно...».

Но вскоре у него возник конфликт с художественным руководителем курса В. Б. Монаховым. По словам Александра, преподаватель его невзлюбил: «Будучи прекрасным пародистом, он так передразнивал неудачи и промахи студентов, что они надолго утрачивали способность быть органичными и приобретали чудовищный «сценический зажим». Такой «зажим» произошёл и с Кариным. И в студенте поселился страх отчисления, «страх изгнания из школы, ужас потери искусства!»

Однако, когда закончился первый курс, страх отступил – не выгнали! А во время летних каникул случилась беда: он получил в Волгограде удар ножом в живот. Горячий, порой, запальчивый, остро переживающий несправедливость, парень не мог пройти мимо хулиганов, которые ударили в ресторане девушку. Он потребовал выйти и разобраться по-мужски, по законам прокопьевских улиц. Обидчиками девушки оказались отсидевшие «блатари», которые отмечали чей-то «выход» с зоны...

25 дней жизнь Карина была под вопросом. Позднее он напишет: «Я выжил благодаря Богу, хирургу, маме, следовательно, проникшей ко мне симпатией – очень уж оказался похожим на её сына!» Карин даже вовремя – к началу сентября – успел приступить к новому учебному году.

На втором курсе программа обучения стала гораздо интересней: «Столь любимые мною этюды закончились, на смену пришли драматические сцены, то есть роль, работа над ней и работа над собой».

В экзаменационном спектакле Александр должен был играть роль злодея – дона Саллюстия де Базана из «Рюи Блаза» – романтической драмы, написанной двенадцатисложным александрийским стихом французским писателем, поэтом и драматургом Виктором Гюго. («Это произведение я читал в театре Волгограда, когда был застигнут начальником цеха осветителей и изгнан»).

В костюмерной училища Карин нашёл для образа чёрный бархатный колет и панталоны. Присовокупил к этому огромную шпагу, массивный кинжал и «вечно тяжёлый «злодейский взор» на всех окружающих». На репетициях всё было хорошо. И вот экзамен. Педагоги и актёры Малого театра заполнили аудиторию. С середины сцены Александр «обнаружил себя в паузе... Дальнейший текст выпал из памяти! Мой партнёр от ужаса замер с гуммозной улыбкой на лице. Так и сидели: он – чему-то улыбаясь, я – от чего-то в свирепом молчании...».

Спас сцену посторонний звук: кто-то громко чихнул. Все зашевелились, неодобрительно глянули на нарушившего очарование паузы, а Карин очнулся,

отошёл к окну и озвучил-таки коварную интригу. Его партнёр убрал с лица улыбку и рассвирепел. Сидевший в зале народный артист Михаил Иванович Царев одобрительно хмыкнул – развитие спектакля ему нравилось...

Им аплодировали! Актёры хоть чудом, но сыграли вполне достойно. Но после спектакля Александр подвергся потрясающей пародии руководителя курса и хохотал больше всех: «Мне со скрипом натянули «четвёрку», и из сердца навсегда пропал страх перед сценой... и перспективой быть выгнанным из института». Через пару недель был экзамен по сценической речи. И тут он заспорил с педагогами, так как посчитал, что ему предлагают серые или избитые монологи, никак не соответствующие ни его индивидуальности, ни душевному состоянию: «Я вспылел и заявил, что сам выберу и подготовлю достойную прозу, сняв с них всю ответственность...». С ним согласились: выбирай себе монологи сам.

Стало быть, второкурснику Карину предстоял, быть может, самый главный бой. Впереди уже маячил третий курс, а это – работа над пьесами и шанс получить хорошую роль на четвёртом курсе, где без пяти минут выпускники «Щепки» будут играть спектакли на настоящей театральной сцене не просто для публики, но также – для режиссёров московских театров.

К экзамену по сценической речи Александр выбрал финальную сцену из любимого романа «Идиот» Ф. М. Достоевского и замечательный рассказ Василия Шукшина «Миль пардон, мадам»! То есть ему предстояло вначале исполнить сложнейшую трагичную сцену из «Идиота», где и Мышкин и Рогожин впадают в безумие, а после быстро перевоплотиться и читать комедийный рассказ!

«Спасло замечательное подспорье, – признаётся он, – мы уже давно работали с другом Игорем Арсеньевым над некой композицией по сцене из «Идиота»... А рассказ Шукшина я видел в фильме, где охотника и вруна Пупкова играл всеми любимый и народный актёр Лебедев. Ну чем не пособие и помощь?!»

В результате экзамен сдал на пятёрку, рыдая и хохоча вместе со своими героями и, наконец, «содрал с себя ярлык жигана, хулигана и т. п.».

Потом завершился и третий курс. На четвёртом начали репетировать пьесу «Верные друзья» для подмостков филиала Малого театра. Пьесу студенты готовили с замечательным педагогом, заслуженным деятелем искусств РФ, профессором кафедры актёрского мастерства Риммой Гавриловной Солнцевой.

«О чудо! – восклицает Александр. – Она даёт мне роль и полную творческую свободу в пьесе «Верные друзья»! Пусть это вполне рядовое советское «творение», но с темой войны, а это меняет всё».

Через полгода репетиций четверокурсники начинают играть спектакль в филиале Малого театра. Постановка имела тёплый зрительский приём и всегда аншлаг: «Работа над ролью с таким режиссёром как Римма Гавриловна оказала на меня положительное, почти медицинское воздействие – я поуспокоился сердцем и душой».

Дальше – больше! Художественный руководитель курса Владимир Багратович Монахов репетирует со своими студентами «Тартюфа». Карину здесь достаётся роль Клеанта. Он так профессионально и задорно отплясывал в финале общий танец в

масках Тартюфа, что педагог по танцу исправил ему тройку за танцы на четвёрку: «Вот радость-то! Ведь я был таким увальнем, что и «удовлетворительно» звучало подарком, а тут... Благодарил милейшего Виктора Тэйдера, запинаясь и краснея. Он же без тени улыбки объявил: «Заслужил...».

Студенту А. Карину начали предлагать роли и в других спектаклях, которые ставили силами вуза. Например, педагог С. В. Харченко включил его в актёрский состав для постановки «Егора Булычёва». И вскоре Александр с воодушевлением играл роль лесника Доната:

«В вязаных носках и с бородой имею успех у студентов вуза, а главное, у приехавшей на сдачу спектакля мамы. А что ещё надо?!»

Вскоре другой педагог курса Н. А. Верещенко предлагает Карину роль в американской пьесе «12 рассерженных мужчин». Жизнь на сцене его персонажа вроде бы коротка, но очень важна для фабулы постановки: его персонаж через полтора часа заседания присяжных должен эффектно спасти подсудимого от высшей меры. Как сыграть эту роль, чтобы зритель поверил? У Александра Карина множество вопросов к режиссёру. А тот отмахивается:

– Не до тебя, Карин!

Однокурсники сами растеряны... Карин запаниковал. Что делать? И тогда начинающий актёр Александр Карин начал сам искать пути к образу своего героя. Вооружился авторучкой, записной книжкой, делал пометки, внимательно выслушивал всех и, особенно, главных героев пьесы, размышлял, прикидывал: «О, чудо! ...Я пробился сквозь «джунгли» пьесы, мою «тончайшую игру» оценили. Я победил! Но кого?.. Себя, конечно, и, как мне кажется, стал, наконец, актёром».

Учёба в «Щепке» подошла к концу. Остаётся добавить, что Александр также успешно завершил курс фехтования и сценического движения профессора А. Б. Немировского. Кроме того, освоил французский язык. И – получил диплом о высшем актёрском образовании.

Прибавим к этому, что вместе с Александром на курсе учились те, кто впоследствии тоже сделал хорошую артистическую карьеру. Среди них народная артистка России Наталья Кутасова, окончившая Театральное училище, как и Карин, в 1977 году. Затем прошла хорошую школу в Челябинском театре драмы, в Санкт-Петербургском Академическом театре имени Ленсовета, в Театре на Васильевском (Санкт-Петербург). Известна также по фильмам и сериалам «Агентство НЛС», «Тайны следствия», «Секретные поручения», «Лиговка», «Время Синдбада», «Поиски улики», «С небес на землю». Этот список можно продолжать.

Вместе с Кариним диплом «Щепки» получал Валерий Хромушкин, к сожалению, рано ушедший из жизни. Был актёром Московского Театра юного зрителя. Сыграл более 30 ролей в кино: в фильмах «Вечный зов», «Овраги», «Анна Петровна», «Вот такая история», «Без вины виноватые», «В круге первом»...

«...С удовольствием «убегаю» на профессиональную сцену Театра Комедии, ибо сразу за ним начинается любимый табор кино с бесчисленными приятелями и трюковыми братьями в новой и самой любимой профессии – каскадёр», – так заканчивается ещё одна из глав книги «Господа каскадёры».

В 1977 году выпускника «Щепки» Александра Карина приняли в Театр Комедии (Московский гастрольный театр комедии), который работал по договорам «Росконцерта». Главным режиссёром театра в те времена был Я. М. Кракопольский. Яков Миронович предложил выпускнику главную роль Бродяги в малоизвестной пьесе румынского драматурга: «Главреж... тихо спал на репетициях, а я семнадцать дней бродил по сцене, направляемый актёрами, так как спектакль шёл давно, и они прекрасно знали и мизансцены, и выгодные моменты роли, не раз проверенные на зрителе. Должен сказать, что такая доброжелательная и свободная режиссура меня вполне устраивала. ...Я с удовольствием и азартом ввёлся в спектакль».

Подкрепил успех начинающего Бродяги и педагог курса Владимир Багратович Монахов – принёс за кулисы Карину букет гвоздик и комплимент: «Не ожидал!»

Труппа театра мало чем отличалась от других «богемных» коллективов конца 1970-х годов. Многие актёры часто отдавали должное «зелёному змию». Почти не было интриг из-за ролей. Процветала неудержимая страсть к импровизациям. За кулисами часто возникали непредвиденные конфликты: «Пожилые забывали слова, а молодёжь выдумывала столько новых, что подчас мы не знали, как закончить спектакль!»

Работа в этом театре была интересна тем, что он постоянно гастролировал по разным городам СССР, всегда находился в движении. Александр вспоминает, что благодаря гастролям он с Театром Комедии попал в родной Прокопьевск:

«Нет слов! – Порадовал всех родственников. Особенно памятным был торжественный приход на спектакль моего дядюшки Ивана, он же «Король» и вдохновитель всех моих фантазий детства. ...Одет он был строго, в чёрный костюм и белую рубашку без галстука. Высоко поднятая голова, побелевшие кудри и, явно нафабранные усики над губой, должны были, очевидно, прояснить окружающим, что приглашён он был не просто племянником, а лучшим артистом всей Москвы, к чему лично он приложил невероятные усилия! ...Играл я в этот вечер необычайно легко, часто срывал аплодисменты, хохот, так как это была комедия».

После нескольких сыгранных спектаклей Александр повидал всю прокопьевскую родню, прошёлся по переулкам и улицам родного города. «Больше уж мне не удалось вернуться в сказочную Сибирь никогда, а жаль до слёз!»

В Театре Комедии Александр Карин отработал два года. В этом коллективе у него состоялась ещё одна главная роль – в пьесе «Дикарь». Но каких-либо подробностей об этом образе не удалось отыскать. В 1979 году он ушёл из театра.

Одна из причин заключалась в том, что его позвали сниматься в настоящем кино, которое стало несомненной удачей всей его последующей жизни.

Режиссёры Станислав Ростоцкий и Никита Хубов набирали артистов для съёмок военно-приключенческого, историко-биографического художественного фильма «Эскадрон гусар летучих» – о событиях Отечественной войны 1812 года, её влиянии на мировоззрение, жизнь и творчество знаменитого гусара и поэта, генерал-лейтенанта Дениса Давыдова. Лента рассказывала о партизанском отряде гусар, ставшем образцом мужества и храбрости в боях с коварным захватчиком.

Александр предложили сыграть роль Михаила Григорьевича Бедряги – героя той войны, командовавшего эскадроном гусар. Он просто горел этой работой. Съёмки происходили в окрестностях города Истра – в селе Пионерское, доме отдыха имени А. П. Чехова, Ново-Иерусалимском монастыре, на берегах реки Малая Истра. Были захватывающие скачки на лошадях, серьёзные и весёлые эпизоды, неподражаемая игра партнёров по площадке. А имена коллег – как на подбор. Дениса Давыдова играл Андрей Ростоцкий, Евгений Лебедев – Кутузова, Николай Ерёменко – князя Болховского. В ролях были заняты ещё Иван Краско, Виктор Шульгин, Борис Клюев... Критики назвали фильм «темпераментным, зрелищным, озорным». После выхода на экран лента стала одним из лидеров проката: её посмотрело больше 23 миллионов зрителей. А у Карина состоялся первый настоящий контакт с профессией каскадёра.

В следующем же году Александр стал участником съёмочной группы художественного фильма «Ярослав Мудрый» – картины режиссёра Григория Кохана о жизни русского князя Ярослава, ставшего великим князем Киевской Руси Ярославом Мудрым. Ленту совместно делали Киевская киностудия имени Александра Довженко и «Мосфильм».

Карин сыграл роль Рубача. В других ролях были: Юрий Муравицкий – Ярослав Мудрый, Пётр Вельяминов – великий князь Киевский, отец Ярослава, Людмила Смородина – Ингигерда, жена Ярослава, Леонид Филатов – Твердислав, воевода...

И эта картина стала успешной. «Ярослав» вышел на большие экраны в 1981-м и был очень хорошо принят зрителями. А в 1982-м на XV Всесоюзном кинофестивале в Таллине фильм удостоился приза и диплома жюри.

Однако окончательный выбор: театр или кино, – Александр тогда вновь не сделал. Поэтому ещё одним театром в актёрской судьбе Карина стал «Сатирикон».

Прародителем «Сатирикона» является основанный в 1939 году Ленинградский театр эстрады и миниатюр, получивший известность как театр Райкина. В 1982 году театр переехал в Москву, став Государственным театром миниатюр. В его коллектив влилась большая группа молодёжи. Рядом с Аркадием Райкиным в нём появился другой лидер – Константин Райкин.

«Несмотря на то, что я уже отработал в кино два огромных фильма, ...1981 год был самым безденежным, если не сказать, голодным... – поясняет Карин. – На этом фоне, коли этот оборот речи здесь уместен, мне передал друг Александр Ожигин, что обо мне спрашивает Константин Райкин. Ранее я показывался ему в студии О. Табакова на роль Шерхана в столь нашумевшем и талантливом спектакле «Маугли», ...но меня тогда не взяли».

Александр с радостью пошёл собеседовать. Кстати, они с Константином были знакомы ещё и по общежитию «Современника», где жил тот самый Ожигин, то вместе справляя Новый год, то вечеринку.

Константин Райкин встретил его очень приветливо, расспросил о занятости и предложил «показаться» снова: «Я с радостью согласился. Если пройду, думалось мне, то вполне смогу выживать на актёрские 130 рублей в месяц и продолжать работать в Кино».

На показе в зале оказались и актёры театра Аркадия Райкина, и он сам. Это необычайно воодушевило Карина, ведь эту фамилию впервые в жизни он услышал в далёком детстве:

«Мне было около шести. Мама пришла с работы и, смеясь, стала рассказывать отцу, что Райкин так опять насмешил, такую сатиру выдал!.. Тут я вмешался, вставив:

– Опять дядя Федя напился?! – это вызвало дружный смех родителей. Мама пояснила, что есть такой человек, который помогает людям жить веселей и это, якобы, его работа и призвание. Так и услышал я первую артистическую фамилию в моей жизни – Райкин...».

Показ прошёл очень удачно. За кулисами Александра и его партнёра поздравили актёры и сказали, что даже шеф смеялся. Его приняли в труппу, и он стал участвовать в рабочем репертуаре театра.

Ставили спектакль «Лица» по нескольким чеховским пьесам, где хорошо раскрыты судьбы и характеры людей из провинции. Режиссёром-постановщиком был Валерий Фокин. Ранее Александр видел на малой сцене «Современника» его композицию по произведениям Ф. М. Достоевского и был в восторге: «Именно такого подхода к профессии, такой работы с актёром мне не хватало в вузе имени Щепкина! Недаром моим «Первым Учителем» был Марлон Брандо: только у него я брал уроки полной веры в обстоятельства, скупость и точность оценки фраз, событий, невидимой подготовки к эмоциональному взрыву – всему».

Наступил день, когда спектакль «Лица» был завершён, сдан комиссии, и труппа поехала гастролировать с ним по стране. Месяцы изнурительных репетиций прошли для артистов недаром. Кроме всего, они ежедневно занимались и танцами. Все актёры «сильно схуднули и окрепли». Для Карина же это была дополнительная нагрузка к утренним пробежкам и необходимым для каскадёра упражнениям.

Гастроли получились очень интересными: Ленинград, Ялта, снова Ленинград – всюду полные залы и радушный приём публики. Константин Райкин работал с необычайной отдачей и, конечно же, требовал максимума от актёров. Многие со временем не выдержали темпа, нагрузок и покинули спектакль. Некоторые ушли из театра. Александр во время гастролей в Волгограде тоже уволился и – уже насовсем – вернулся в Кино.

«От души благодарю Константина Райкина – он регулярно отпускал меня на съёмки в 1982 году, хотя это была пора невезений: перелом кистей, травма плеча, колена, обгоревшие руки, лицо, голова. Представьте – еду в Питер и в поезде прошу заглянуть его в моё купе... Он, удивлённый просьбой, входит, видит мой бритый череп, ахает, затем, помолчав, с восторгом произносит:

– Саша, это очень хорошо для роли!

Редкий режиссёр прощал актёрам подобную экстравагантность вкупе с гипсовыми накладками... Прощай мой второй и последний театр. Было весело, обрёл друзей и новый подход к профессии», – откровенничает Карин.

4.

Всё-таки он выбрал кино. В своей книге «Господа каскадёры» он старается писать обо всём этом подробно и серьёзно. Уверен, что база окончательного решения

была заложена на первом фильме «Эскадрон гусар летучих» благодаря большому профессионализму «тренера» и, конечно же, высокому индивидуальному уровню многих участников съёмок.

Думаю, надо ещё раз вернуться к этой первой его работе на большом экране. Напомню, в картину его пригласил преподаватель сценического движения и сценического боя в ГИТИСе, постановщик и участник «боёв» в кинофильмах Николай Васильевич Карпов: позвал фехтовать в батальных сценах и эпизодах. И Карин был «безмерно счастлив».

Он вспоминает, как режиссёр «Эскадрона гусар летучих» Никита Хубов подтрунивал над мужской доблестью исполнителей и вынуждал биться в кадре почти по-настоящему, язвительно улыбался, когда кто-либо выпадал нечаянно из седла или неточно выполнял поставленную задачу!

«Я ему очень благодарен! ...Ибо он – первый режиссёр, кто научил думать о работе, забывая в этот момент о безопасности собственной жизни. Актёры фильма были подобраны Хубовым необычайно тщательно и удачно. ...Что же касается меня, приход на фильм Станислава Ростоцкого тоже был везением, так как этот человек многое прояснил в лабиринтах Кинематографа и даже преподавал урок личного мужества. Однажды Станислав неожиданно предложил мне прогулку по заснеженному лесу. Он галопировал на коне, имея вместо ноги протез! А когда мы вернулись, – водитель, нечаянно газанувший за рулем грузовика, отнял у всадника ещё и почку. Лошадь встала «на свечку», Ростоцкий выпал наземь и травмировал орган».

Ростоцкого удачно прооперировали, он быстро восстановился и продолжил съёмки.

«Кстати, думаю, – продолжает Александр, – что его предложение прогуляться верхом было, скорее всего, неким пардоном за пару замечаний в мегафон:

– Карин, будешь скакать впереди моего сына, когда тебя будут снимать героем картины!

Или:

– Саша, не маши так шустро саблей – Андрей не успевает...

Не скажу, что меня это очень обижало – он прав! Увлечённость и лихость не повод забывать о субординации...».

Помимо Хубова и Станислава Ростоцкого, был ещё один человек, который повлиял на отношение Александра к кино и подарил ему встречу с самым любимым существом на Земле – лошадью! Звали его Валерий Сергеевич Филатов. Сын чемпиона мира по выездке и сам прекрасный специалист конного дела, он был постановщиком трюков и тренером актёров, занятых в батальных сценах картины.

Филатов запомнился ему как очень принципиальный, резкий, внимательный тренер, не позволяющий шутить с четвероногими братьями. А тем – делать что-либо против воли всадника. Соответственно, всадник нёс серьёзнейшую ответственность как за здоровье коня, так и за становление его характера.

Карин говорит, что «Валерий был добрейшим человеком и скоро стал для большинства из нас другом. На занятиях Филатова мы репетировали, помимо всего

прочего, сцены баталий, приучали лошадей к сабельному бою и сами овладевали этим интересным и очень специфическим делом. Подобный бой подразумевал почти автоматическое управление конём».

Позже добавился ещё один элемент – учились выбирать талантливых и пригодных для подобных упражнений лошадей. Они должны быть и храбрыми, и гибкими телом.

Что же, Карин активно осваивает профессию каскадёра кино.

Хочу особо подчеркнуть – это одна из самых трудных и рискованных профессий в кинематографе. Каскадёр – исполнитель сложных и опасных трюков. Наименование профессии определилось от заимствования из французского языка «cascadeur», что означает: «каскадный актёр, актриса; трюковый артист, трюкач»; любитель риска».

Зачастую каскадёры дублируют, то есть, подменяют актёров в кадре на время выполнения трюков, если актёры не могут сами выполнить сложную задачу режиссёра. В случае «подмены» или дублирования актёра каскадёром для съёмок подбирается каскадёр (дублёр), похожий по телосложению на актёра. Каскадёра гримируют под актёра и во время выполнения трюка его не снимают крупно анфас – так для зрителя подмена актёра каскадёром остаётся незаметной.

В СССР дублёры актёров впервые были использованы в 1934-м при съёмках комедии «Весёлые ребята», чтобы максимально реалистично снять сцену драки оркестрантов... А в фильме «Смелые люди» (в 1948 году) впервые в советском кино известный наездник Алибек Кантемиров разработал и выполнил технику подсечки – падения с лошадью. Подсечка станет, впоследствии, классическим конным трюком, а правила Кантемирова – основой техники нескольких поколений конных каскадёров.

Однако многие годы в советском кинематографе профессия каскадёра не была узаконена. У советских каскадёров не было единой тренировочной базы с залами

для репетиций, им приходилось самим изобретать сёдла, упряжь, сложные приспособления для рискованных трюков. Нет и постоянной зарплаты, следовательно, не идёт непрерывный стаж работы. В общем, многое держалось на сплошном энтузиазме и любви к своему ремеслу. На неких временных частных школах или группах по обучению трюкачей под конкретные кинофильмы. Лишь к середине 1980-х каскадёры сами стали создавать различные профессиональные объединения. Возросла и роль каскадёра-постановщика. Только в трудовых книжках представители каскадёрского цеха по-прежнему значились дворниками, малярами, сторожами или, в лучшем случае, спортивными тренерами.

В целом в советской киноиндустрии «трюкачей» было немного. Наверное, поэтому они ощущали себя настоящей кастой, войти в которую людям со стороны было крайне сложно. Как пишет на сайте «Энциклопедия кино» известный российский киновед и архивист Пётр Багров, всю работу делили между собой примерно 120 человек (на «Мосфильме» трудилось около 80): «Максимальная стоимость трюка не превышала 56 рублей. Чтобы получить больше, нужно было договариваться с оператором: он «браковал» первый, а то и второй дубль (по распоряжению Госкино их должно было быть не более двух), а за повторное исполнение трюка каскадеру полагалась надбавка в 50 процентов от утверждённой ставки...».

Особое поколение «трюканцев» на пути Александра Карина в каскадёры – конники-спортсмены, работавшие в кинематографе и не имевшие постоянного коллектива. «Не скрою, – отмечает Александр, – контингент слыл сильно пьющим, что не мешало делать хороший каскад с минимальным для дела снаряжением. Обычно оно ограничивалось кожаной лонжей (арканом, верёвкой) для подсечки лошадей и парой эластичных бинтов. Не много...».

Трюковая бригада кинофильма «Эскадрон гусар летучих» состояла из двух казаков с Дона – Богородского и Стагнеева, и троих москвичей из спорткомплекса «Спартак». Позднее к ним присоединились прибалты...

Рабочее расписание бригады вызывало у киногруппы удивление и постоянное раздражение. Оставалось тайной, когда каскадёры ели, спали, где брали деньги, почему они до утра шумели по коридорам, а потом режиссёр, актёры и другие работники ждали их по полчаса в автобусах. Утро трюкачам «давалось» с трудом. Выходили парни с мятыми лицами, прибаутками и уверенностью, что без них «кина не будет». Фильм-то «конный», каскад необходим каждый день, и кинематографисты с кислой улыбкой терпели их буйства и капризы.

«Первый, кто повстречался на моём «трюковом пути», – делится Карин, – и остался впоследствии членом нашей самой конфликтной и опальной группы, был Евгений Богородский. ...Казак по рождению и конник по призванию, он многое не принял в столице и кинематографе. ...Никогда не проходила его тоска по вольному Дону. Постоянно мечтал он вернуться на коне домой, кликнуть батьку и порадовать старика успехами в делах и боевой казачьей славой».

По колориту и по немислимым «коленцам», которые выплясывал в кино Евгений, он в группе был первым. Неубиваемая цивилизацией индивидуальность, богатая поговорками речь, странные обиды на всё и вся после лишнего стаканчика, безумная любовь к лошадям делали его фигуру всегда заметной в работе и

компаниях: «Закрою глаза и тут же вижу Богородского, вылетающего на киноплощадку эдаким Пугачёвым: глаза горят, конёк в сборе, посадка атаманская, усы закручены! Кто в советском кино не знает Женьку? Нет таких».

Ещё одним верным другом Карина по ремеслу стал каскадёр Александр Андреев: «Закрою глаза и вижу подаренную матерью покойного друга фотографию: ему лет семь, он стоит на тротуаре и его маленькая фигурка отражается в послегрозовой луже, причём, смотрит он в небо, и вода ясно дублирует его позу... Есть у меня кадры с его падением на горящем автомобиле в воду с высоты восемнадцати метров, есть и другие, но именно эта нечаянная композиция «детства и неба» – первое, что возникает в воображении...».

Встреча Карина с Андреевым состоялась также на съёмках «Эскадрона». Потом были годы совместной работы – трюки, падения, травмы. Напомню, после фильма «Эскадрон гусар летучих» у Александра почти год не было рабочих предложений. В этот период жилось очень нелегко, приходилось даже занимать деньги у приятелей.

В ту пору он «мелькнул» в нескольких небольших телефильмах, в постановке фехтования в бенефисе Татьяны Дорониной, и только к осени 1980-го пришло интересное предложение от организаторов кинокартины «Ярослав Мудрый». На этом историческом материале он вновь встретился с Андреевым и Богородским, и в дальнейшем они трудились «вместе, объединившись к тому же с тремя выходцами из Киргизии: Усеном Кудайбергеновым и братьями Саттаром и Султаном Дикамбаевыми...».

Но прежде – несколько слов о бенефисе Татьяны Дорониной, мастерство которой «зацепило» Карина за душу.

Режиссёром-постановщиком кинодействия стал Евгений Гинзбург, задачей которого было раскрыть все грани актёрского таланта Татьяны Васильевны. Она играла в классике и современной драме, танцевала и пела в мюзикле, представляла в образах королевы Елизаветы и Марии Стюарт, Аркадиной, Альдонсы, Прекрасной Елены, Шахерезады, Снежной королевы и Герды, Золушки.

В работе над лентой участвовали звёздные актёры Н. Караченцов, А. Джигарханян, Э. Виторган, А. Балтер, Н. Крачковская, Е. Стеблов. А также – артисты балета Московского театра оперетты, Московского ансамбля пантомимы и Московского театра пантомимы, инструментальный ансамбль «Мелодия» Всесоюзного радио и Центрального телевидения.

В такой престижной компании очень даже здорово показала себя группа каскадёров под управлением Александра Карина, которого Е. Гинзбург пригласил «на постановку сцен фехтования и небольшой трючок». Пролетая на канате над альковом, где нежились персонажи Т. Дорониной и Э. Виторгана, он должен был разрушить его ногами и упасть на пол. Выполнить это получилось «очень натурально, но больно». Александр с удовольствием рассказывает:

«Описываю этот трючок в противовес оригинальной работе Татьяны Васильевны. Она должна была пройти через коридор шпажистов, отразив их атаку тройкой ответных защит и молниеносным выпадом.

Но! Вместо этого Доронина смела моих партнёров градом ударов, после чего подошла ко мне и шепнула: «Саш-ша, кто-то задел мне лезвием прическу!»

Я успокоил:

– Накажу, бывает...

А про себя подумал: о, женщина, вам нельзя давать оружие, это может кончиться гибелью нас, усатых слабых существ... Однако пришлось сделать ещё пару дублей и на все мои вежливые советы обходиться лишь тройкой предложенных ударов шпагой, она вновь разметала напавших и пришлось похвалить:

– Татьяна Васильевна, великолепно исполнено!

Режиссёру тоже понравилось, хотя он понял, что это была лихая импровизация, а не точное исполнение постановки боя. Н-да... Ну и темперамент, прелестная Татьяна! На этом возгласе, с величайшим сожалением закончу описание краткой встречи с любимой актрисой. С Евгением Гинсбургом мне ещё посчастливится потрудиться на весёлом фильме «Золотое руно или путешествие будет опасным». А вот с Татьяной Дорониной больше свидеться не удалось...».

Большой красочный фильм «Ярослав Мудрый» предоставил Карину не только возможность частично вернуть долги, но и по-настоящему раскрыть свой талант. Позволил ему поставить несколько отличных эпизодов драк на холодном оружии, сыграть небольшую роль и, главное, – начать делать вполне серьёзные трюки.

Ему многое удалось в этой ленте, прежде всего, потому что в съёмках участвовали лучшие друзья – трюкачи Андреев и Богородский. Правда, они уехали через неделю, на другой фильм, но это уже другая история...

Не обходилось на съёмочной площадке и без травм: «Сашка (Андреев) всё это время страдал. При подсечке лошадь чуть не размозжила ему грудь седлом, и по ночам он пил то таблетки, то водку. Лёгкая травма сердечного клапана дала о себе знать только два года спустя».

Без мнимых трюкачей тоже не обходилось. На «Ярославе Мудром» объявился «постановщик каскада» некто Потокин. Александр видел его ещё на съёмках «Эскадрона», но «там он зажёг пороховую дорожку против ветра, обгорел лицом и исчез». Очевидно позже, лёгкие шрамы на коже позволили убедить режиссёра Григория Кохана, что он «крутой» и может сделать всё.

И вот он начал... Дождь. Молодой князь прощается с простолюдинкой Любавой во дворе дома её отца, охрана на конях у ворот, режиссёр, оператор, гримёры хлопочут вокруг героев сцены, а Потокин, ломая кусты, влетает эдаким «гонцом из Пизы» и поздновато тормознув, заваливается перед всей трудовой кампанией вместе с лошадью – люди и камера заляпаны грязью.

Так что второй дубль отложили на завтра.

Отличился парень и в другом эпизоде – свадьбе Ярослава с половецкой княгиней. В разгар веселья вспыхивала драка, каскадёры слаженно отработали общий план, а Потокину достался сольный номер. Он должен был получить удар мечом в живот и, «раскусив презерватив с «кровью» и пустив жуткую струйку, упасть вниз с высоты трёх метров. Однако «вояка» не смог прокусить изделие советской медицины и,

шлепнувшись о спецмат, почти проглотил презерватив! Понадобилось немало усилий киногоруппы, чтобы спасти незадачливого каскадёра.

«Я мог бы ещё долго рассказывать подобные случаи, – поясняет Александр, – но лучше продолжу о лучших представителях профессии...».

5.

Актёр, каскадёр и постановщик трюков Александр Александрович Карин был очень востребован при создании многих советских кинофильмов. С 1978-го по 1989 годы он принял участие в производстве более 100 кинолент. Среди них, кроме уже названных, он сам выделяет такие, как «Русь изначальная», «Россия молодая», «Пётр Великий» (исторический сериал советско-американского производства), «Объездчик», «Отряд», «Кармелюк», «Война». Можно ещё добавить «Вам и не снилось...», «Предчувствие любви», «ТАСС уполномочен заявить...» и многие другие. Однажды он признался, кто стал для него образцом актёрской вершины, на чей талант, опыт и знания он ориентировался и старался быть похожим:

«Простите за нескромность, но будучи и физически схожим, я отождествлял с Брандо не себя, а себя-актёра. (Марлон Брандо американский актёр; родился 3 апреля 1924 года, умер 1 июля 2004 года). Пожалуй, только в фильме режиссёра Александра Бибарцева «Объездчик» и в возрасте 34-х лет я лишь чуть-чуть приблизился к школе моего Учителя и то со слов других. ...С величайшим удовольствием добавлю и о воздействии русских актёров на моё понимание профессии. Конечно же, в ряду первых стояли Сергей Бондарчук (фильмы «Судьба человека», «Война и Мир»), Евгений Матвеев (Макар Нагульный в фильме «Поднятая целина»), Олег Стриженов («Сорок первый», «Путешествие за три моря»), уникальный Ролан Быков, забытый всеми Владимир Дорофеев (гениальный дед Щукарь в «Поднятой целине»), Николай Симонов («Пётр Великий»), а далее... список гениальных актёров пополнился бы ещё десятком фамилий – дар XX века!»

Карин не мог стоять на месте – постоянно работал над собой, развивая и углубляя свой талант, свои профессиональные навыки и умения. Именно с этой целью он в 1987 году поступил на двухгодичные Высшие курсы режиссёров и сценаристов Госкино СССР, в мастерскую известного актёра, режиссёра, сценариста, педагога, народного артиста СССР Ролана Быкова.

Эти курсы были созданы в начале 1970-х как творческие мастерские, тяготевшие к индивидуальным формам обучения, тесному контакту мастеров с учениками. Набирали маленькие учебные группы – от 4 до 8 человек, а в дальнейшем даже по 2-3 человека. Мастер помогал учащимся на всех этапах работы над учебными заданиями и на съёмках фильмов. А те, в свою очередь, помогали ему: как правило, во время обучения мастер сам снимал фильмы, – учились у него прямо на съёмочной площадке. Каждая мастерская занималась по собственному плану, составленному руководителем.

Курсы долго не имели своего помещения. До 1979 года располагались в двух небольших комнатах в здании московского Театра киноактёра на улице Воровского. В 1979-м получили часть первого и цокольного этажей в жилом доме по Большому Тишинскому переулку, 12.

Во все времена существования курсы славились своими просмотрами в рамках учебных программ, в которые входили лучшие фильмы мирового кино из коллекции Госфильмофонда СССР. На курсах Ролан Быков руководил производственной практикой, читал лекции по кинорежиссуре, был шефом мастерской режиссёров игрового кино.

Об этом отрезке жизни Александра Карина так же известно немного. Сам он в своих мемуарах уделил учёбе на курсах совсем мало внимания. Можно лишь догадываться о конечной цели его обучения: Карин всерьёз намеревался попробовать себя в ипостаси режиссёра кино... И, между прочим, в 1989-м, как режиссёр-постановщик, снял фильм «Страна Трюкландия», преисполненный сатиры и юмора о жизни и работе каскадёров.

Удалось найти небольшую заметку, из которой вытекает, что Александр Александрович на курсах Ролана Быкова работал над фильмом с названием «Война».

Он пишет, что однажды в Киеве познакомился с уникальным человеком Женей Очертяным. Тот оказался заведующим авиапарком киностудии имени А. Довженко: «Меня это очень заинтересовало:

– Ты можешь пригнать ко мне на съёмку курсовой работы (мастерская Ролана Быкова) «Мессершмитт»?

– Конечно! Но надо купить запчасти к мотору, и я из двух соберу один.

Я удивился:

– Серьёзно?

Он, в тон, ответил:

– Я ж казак, Саня!

Мы сговорились на том, что пришлю из Москвы 450 рублей, столько же найдёт он, и как только двигатель будет готов, позвонит. Казак сдержал слово. Мне было всё равно, где снимать эпизод, и Женя предложил недалеко от Винницы... Теперь пару слов об эпизоде, а, конкретнее, трюке. Дело в том, что будущий голливудский актёр Витька Иванов напрочь отказался сниматься в «Стране Трюкландии». Тогда я, в присутствии каскадёров, предложил ему сущую ерунду – прыгнуть с колёс «Мессера» в подушку из коробок. Он ужаснулся, но отказаться не смог – трюковой закон суров! Я же был абсолютно спокоен – самолёт пойдёт на бреющем, подушка 3 метра высотой и 25 метров длиной – промахнуться сложно.

Итак, я позвонил Жене и уточнил дату съёмки. Он сказал, что вылетит на «Мессере» из Киева ночью и тут-же сообщит, куда нам приезжать. Фантастика, не правда ли?!

– Но было. Однако за Киевом в хвост «Мессеру» пристроились два военных истребителя и под угрозой уничтожения заставили его сесть на каком-то аэродроме.

Тут же на киностудию Довженко пришла такая «телега», что дирекция, с трудом вытащила и самолёт, и казака обратно. Храбрец потерял на время работу, я устал объясняться с военными и студией, но в итоге, дело «замяли». Почти погибший Иванов воспрял духом, но я предложил ему исполнить падение с вертолёт –

первый дубль за мной, а второй сделает он. Мы подгадали под праздник авиации на аэродроме Планерный и исполнили. Маленькая деталь – вертолётчик был с такого перепою, что мы только чудом остались в живых». Чего тут было больше: бесшабашности или авантюризма, – сказать трудно. Но совершенно очевидно, что каскадёры – смелые парни, которые делают для кино опасные трюки: спады, волочения, подсечки, горения, падения, невероятные прыжки. А главное, Карин обожал своё опасное ремесло. «Моя любимая профессия позволила объездить СССР вдоль и поперёк, – подчёркивал он. – А города Вильнюс, Киев, Тбилиси, Ташкент стали близкими и любимыми».

Так, вероятно, и есть. Потому что без любви заниматься этим делом непросто: реальные доходы людей этой рискованной профессии всегда оставляли желать большего. Сам Александр вместе с друзьями – этими «рыцарями без страха и упрёка» – не раз предпринимали самые разнообразные попытки, чтобы «добиться, наконец, материального уровня достойного советского каскадёра». Увы...

Зато травмы постоянно преследуют каскадёров. Хорошего в этом мало, однако спустя время Александр вспоминает об этом с иронией:

«Новый фильм назывался «Юность гения, или Авиценна». (Съёмки шли в 1981 году). Снимал его талантливый и интеллигентный режиссёр Ильёр Ишмухамедов. Картина нуждалась во многих конных трюках и небольших баталиях. Сами понимаете, нас это очень радовало! Голодная зима миновала, мы подписали контракты и вновь обрели некий официалитет.

...Хороши восточные лошадки! Обученные хозяином бить и кусать любого, кто приближался на опасное расстояние, они доставили каскадёрам массу хлопот. Чтобы въехать в кадр, каждый из нас просил владельца предварительно накинуть на голову коня халат, прыгал в седло и затем на виду у смеющейся киногоруппы демонстрировал эпизоды родео. Надо сказать, занятие интересное, но не тогда, когда стоит камера, одеты актёры и т. п. ...Изготовились камеры, люди, лошади, и по команде: «Мотор!», – пошёл заезд. «...Авиценна спасался от погони. Его конь

вылетел на обрыв, замер на мгновение и ринулся вниз!» (Почти цитирую сценарий). Всё так примерно и вышло. Конечно, «слуги эмира», то есть, мы, долго загоняли коня гения медицины короткими арапниками на обрыв и очень переживали, что он не хотел прыгать, но трюк в итоге получился! Как мы и предполагали, каскадёр Усен сидел в седле до конца. Причём, сначала вынырнул жеребец, а уж потом он.

– Коня спасите! – завопил директор фильма.

– Меня, – выдохнул отбитыми лёгкими Усен.

Каскадёры попрыгали в реку. Горная, мутная от дождей и необычайно сильная, она с радостью подхватила всех и понесла к далёкому бетонному мосту. В такое половодье выжить между его опор было сложно... Как нас ни вертело, ситуация просчиталась сразу. Султан отбуксировал Усена, а Андреев, Саттар, Богородский и я пустились в догонялки с лошадью...

Вопрос:

– А почему не предусмотрена страховка?

Ответ:

– На это нужны средства, а жизнь советского каскадёра дешевле!»

Или вот ещё откровения:

«Травмы заживали в моём изрядно побитом теле феноменально быстро. Очевидно, тело понимало, что надо снова много падать, чтоб зарабатывать и хоть как-то поддерживать трюковую легенду об обеспеченных и беспечных каскадёрах.

Неожиданно позвонили с таджикской студии и предложили... явиться в Душанбе и форсировать горную реку. Услышав согласие, ассистент удивился: «А как плечо?»

Что я мог ответить? – «Новое выросло!» Может, без особого юмора (прямо скажем), но впечатление складывалось именно такое: то руки поднять не мог, а то плавать начал, как перед соревнованиями!

...Вода в реке была такая, что хотелось кричать, как в бане от веника! «Плюс пять градусов» обжигали тело огнём. По кинотрадиции рвались верёвки переправы, не срабатывала камера и т. п., – накупались до хрипоты и лёгкой температуры. Трое суток в горной водичке высоко над уровнем моря – это на любителя! Андреев нашёл потрясающее (древнее, разумеется) средство: немножко киргизского мумиё плюс очень много русской водки, – и пьющие вылечились!

...Пришла телеграмма из Одессы. Предлагалось быть через день, постановщик трюков – Николай Карпов (первый, кто пригласил меня в кино). На завтра, по прихоти «Аэрофлота» или ввиду нашей настойчивости и обязательности, Сашка и я позавтракали в Душанбе, пообедали в Москве и вкусно поужинали в уютном ресторанчике на знаменитой Дерибасовской.

Карпов поставил несложные задачки: стрельба по бандитам, затем по чекистам, драки, пробеги по крышам. Потом Андреев выдавил спиной огромное окно дворца графа Румянцева, а я, дублируя другого героя, прыгнул в яму депо под идущий трамвай и сломал обе кисти.

Сердобольная старушка-вагоновожатая никак не могла «переехать» каскадёра в установленном месте, а посему пришлось рухнуть в ремонтную яму чуть раньше.

Соответственно, там меня не ждали, – пол был залит маслом и ноги разъехались моментально, обрушив на руки всю инерцию падения. Пошла, как говорится, «невезуха»! Старушка плакала от жалости, а я от ярости – снова простой и безденежье!»

Да уж... Как говорится, знал бы, где упасть – соломки бы подстелил. Но в жизни возможно ли прожить без ошибок? Или не может быть всё гладко и хорошо? А если бы так было, наверное, жизнь каскадёра была бы слишком пресной и скучной...

К сожалению, трагедии среди каскадёров – не редкость. Близкий друг Александра Карина – Александр Андреев не прожил и тридцати лет. В мир кино Андреев попал на 21-м году жизни, когда позади были школа-десятилетка, завод, занятия спортом, служба в десантных войсках. Любил читать Пушкина, Марка Аврелия, Бальзака, Омара Хайяма, Ахматову, Хемингуэя, Сирано де Бержерака.

Он не хотел быть простым трюкачом, случайным дублёром в кино – он становится опытным постановщиком трюков, актёром-каскадёром. В киноиндустрии его хорошо знают, в его работе нуждаются. Учитывая его опыт и авторитет, американская кинокомпания «ПТГ Продакшнз ЛТД» приглашает его на съёмки фильма «Пётр Великий». И на десятки других лент (общим числом 76 за годы его работы каскадёром) режиссёры тоже приглашали его с удовольствием.

За уникальный трюк в зрелищном фильме «Капкан для шакалов» Андреев получил специальный диплом «За мастерство исполнения трюков» Всесоюзного кинофестиваля в Алма-Ате. Этот трюк считается самым опасным автомобильным трюком в истории советского кино, и его хочется выделить особо. В одной из сцен Александр Андреев летит на горящей «Волге» с обрыва в реку, на ходу выпрыгивая из автомобиля. И – никакой вам компьютерной графики и спецэффектов, только – безграничное мастерство бесстрашного мастера.

Андреев в «киношном» кругу считался Профессионалом с большой буквы. Но так было не всегда.

В 1985 году приказом № 220 (от 27.06.1985) Госкино определило организацию трюковых съёмок в кинематографе. Ввели удостоверение «Исполнителя трюковых съёмок» (слово «каскадёр» Госкино не приняло) и Положение об оплате труда.

К сожалению, по оценкам экспертов, данный документ имел скорее негативные последствия. Согласно его положениям, к исполнению трюков допускались лишь имеющие звание мастера спорта... Это поощряло дилетантский подход к делу: получалось, что профессиональное обучение каскадёру не нужно, достаточно быть спортсменом со званием.

По мнению многих профессиональных каскадёров, именно этот приказ дал «зелёный свет» кустарному способу производства трюков. А проводниками этой линии стали новоиспечённые «организаторы трюковых съёмок», введённые в штатные расписания «Мосфильма», «Ленфильма», студии имени А. Довженко, Рижской киностудии. В аттестационных комиссиях по отбору исполнителей трюков практически не стало известных и опытных мастеров. При этом статус каскадёров по-прежнему оставался неопределённым. О защите профессиональных и социальных прав речь не шла.

У Александра Андреева звания мастера спорта не было. По этой причине аттестационная комиссия, составленная, как считают многие представители каскадёрского сообщества, из ловкачей и бюрократов, отказала ему в выдаче официального удостоверения. Весь смысл жизни опытного, сильного духом и телом каскадёра от Бога рухнул, произошёл трагический слом. Он пишет отчаянные письма на V съезд кинематографистов СССР, на «Мосфильм». Тщетно... «Без этого мне не жить!» – повторяет он своим друзьям, которые ещё не подозревают о приближающейся трагедии.

21 октября 1986 года Александр Андреев ушёл из жизни... Это случилось в Ленинграде. Карина потрясла гибель друга. Вместе с другими друзьям-каскадёрами он участвовал в его погребении: «На крышку гроба я прибил длинный двуручный меч. Мы сказали последние слова, и наш Сашка исчез под землёй...».

Сам же Александр Карин сумел добиться официального каскадёрского статуса. Снимался и как трюкач, и как актёр в целом ряде фильмов, среди которых уже отмеченный «Эскадрон гусар летучих» (роль Бедряги), «После войны – мир» (А. Карин в роли Ивана Платонова, 1988 год), «Хлеб – имя существительное» (роль Митьки Кручинина, 1988), «Мать» (роль Андрея Находки, 1989)...

В 1989 году у Александра, только что окончившего двухгодичные Высшие курсы режиссёров и сценаристов, большие амбиции и обширные планы. Эх, если бы человек умел заглянуть в Книгу Судеб, которую на Востоке именуют Книгой Мактуб...

6.

Многим каскадёрам, кто удержался в профессии, далеко не всегда удаётся надолго сохранить здоровье, а то и саму жизнь. Примеров этому – не счесть. Не удалось избежать этой участи и Александру Карину.

Летом 1989 года он получил приглашение принять участие в Первом международном фестивале каскадёров мира, который организовали во французском городе Тулузе. Александр Карин и его коллеги: Антон Смекалкин, Влад Барковский, Костя Кищук, Александр Андреев-Второй в составе команды под руководством Виктора Иванова представляли там Россию.

По сценарию праздника им предстояло на глазах у публики совершить парный прыжок с многометровой вышки. Приземлиться смельчакам предстояло на «приход» – специальную подушку высотой 2,5 метра, сложенную из пустых картонных коробок и поролоновых матов. Надо было, прыгнув вперёд головой, перевернуться в воздухе и опуститься на спину. Карин на мгновение не успел «довернуть»...

В десятках различных публикаций нашлось немало описаний этой трагедии, круто изменившей жизнь нашего героя. «Александр Карин начал падать лицом вперёд, не успел перевернуться при приземлении на спину», – говорит один автор. «Надо было падать с высоты... На видеоматериале отчетливо видно: Александр летел вниз не спиной, а головой – буквально пронзил страховку...», – рассуждает другой.

Или вот ещё: «Рассказывают, когда он поднимался на вышку, к нему подбежал директор фестиваля и заставил подписать страховку. За рубежом без страховки

нельзя выполнять трюки. В итоге Саша стал инвалидом и получил эту страховку», – сообщается в одной из заметок о том несчастном дне, который, чем дальше – тем больше, обрастает легендами и суевериями.

Сам Александр сказал об этой трагедии так: «...При неудачном падении с тридцати метров сломал позвоночник, живу теперь в красивом, радушно принявшем нас с женой Париже...». Это написано им спустя время после злосчастного случая, когда многое уже пережито и осталось позади, в воспоминаниях и навязчивых снах.

Травма оказалась тяжёлой. За ней последовали долгие месяцы лечения в лучших клиниках. Александр боролся за себя сам, ему помогали выжить и выстоять врачи, близкие, друзья и просто знакомые – почитатели его таланта.

Ему писали письма со всех уголков страны – желали здоровья, веры в свои силы. Вот одно из писем:

«Александр, восхищаюсь Вами! Мой друг Андрей лежал с Вами в Институте нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко... Я видела всех великолепных актёров, которые приходили к Вам – Терехову, Скоробогатова и прочих. Видела Вашу очаровательную юную подругу, которой Вы обещали венчаться в Соборе Парижской Богоматери...».

Виталий Тарасенко, режиссёр документальных телефильмов творческого объединения «ЭКРАН» Гостелерадио СССР вспоминает:

«Есть мой документальный фильм с Александром Кариным, где он пребывал на самых первых этапах (можно сказать смело, спасения) лечения в московской клинике спинно-мозговых травм (Всесоюзного центра спинномозговой нейрохирургии и электростимуляции органов), которой руководил профессор А. В. Лифшиц. Там его буквально вытаскивали из небытия. Рядом были мама, друзья, коллеги-каскадёры и ...Ангел Хранитель! Саня оживал на глазах и соседям по палатам своим оптимизмом внушал веру в жизнь. Таков сильный дух у этого красивого, талантливого человека!

Александр, дорогой, очень часто вспоминаю тебя, наши съёмки в больнице у Лифшица. Какие с тобой происходили метаморфозы преображения, твой мощный дух, вера, сила воли поднимали тебя из небытия! И мама, великая твоя мама! Её любовь и доброта окрыляли тебя, заставляли заниматься, поднимать штангу, улыбаться, смешить друзей! И невеста, и Рита Терехова, и Любочка Соколова, и врачи с медсёстрами, и мы – съёмочная группа, все, кто любили тебя и любят, помнят – знали, что ты вернёшься в Париж и ещё многое сделаешь интересного в искусстве!»

Фильм Виталия Тарасенко, кстати, называется «Сотвори добро ближнему». Есть и ещё одно, более известное документальное кино про Александра Карина «Очень вредное производство на фабрике грёз» (режиссёр Центральной студии документальных фильмов Татьяна Юрина). В нём я узрел последний полёт Александра. Здесь это отчётливо видно. Из фильма же я узнал про его друзей, про сложности и метаморфозы жизни и профессии трюкачей.

Французская сторона сразу же выплатила травмированному Александру Карину 500 тысяч франков страховки. Этих денег хватило на месяц в реанимационной

палате, на спецборт до Москвы, чтобы попасть в московскую клинику, где он лечился и упорно пытался снова начать ходить, на возвращение в Париж, где его тоже ждала больничная палата...

В 1990 году он окончательно стал парижанином. Там ему назначили пенсию, выделили квартиру в Париже, недалеко от Булонского леса. Вернуться в профессию уже, к сожалению, было невозможно.

Между тем, и в нашей стране в начале 1990-х начали «поворачиваться лицом» к решению профессиональных проблем российских каскадёров. Так, профессия «каскадёр» впервые получила официальную регистрацию в Министерстве труда России.

Появилась Ассоциация «Каскадёры России» (АКР), объединившая около 150 исполнителей трюков в кино из стран бывшего СССР. АКР начала добиваться достойной оплаты труда каскадёров, обеспечивать их юридическую и материальную поддержку.

АКР взяла на себя социальную защиту ушедших на пенсию каскадёров и отчасти – функции кадрового агентства. Ассоциацией, в частности, были утверждены пенсии двум каскадёрам: Александру Карину и его коллеге и инвалиду Олегу Савосину, работавшему на производстве картин «Неуловимые мстители», «Место встречи изменить нельзя» и в других фильмах...

Но вернёмся в Париж, к семье Кариных. Я несколько раз созванивался с Александром, беседовали подолгу, вспоминали Прокопьевск, он рассказывал о себе, шутил. Париж и Кемерово – это не близко, но его глуховато звучащий голос в телефоне не казался далёким.

О своей личной жизни супруги распространяются мало. После травмы Александр Александрович какое-то время пытался найти себя, придумать себе занятие, чтобы не впасть в хандру, известно, чем она заканчивается у многих русских...

Да, передвигаться теперь приходится на коляске либо на машине, но в конце концов Александр Карин – актёр, каскадёр и постановщик трюков – выбирает писательскую стезю. Человеку с его биографией и жизненным опытом, действительно, есть о чём поведать людям. К его удостоверению члена Союза кинематографистов прибавилось членство в Союзе писателей России.

Александр написал и издал автобиографический роман «Страна Трюкания», книгу «Господа каскадёры», которые стоят в особом ряду его творчества. В последующем они прошли через переиздания. Есть у него сборник рассказов «С атомом в сердце» (2011), книга фантастики «Путешествие Синдбада на Русь» (2018), «Ма Бэль» (2018), «Сага о разведчиках» (2018) и другие.

Книги Александра Карина воспевают настоящую дружбу, мужское братство, героическую работу, честь. Кстати, многие его аудио- и электронные книги доступны желающим познакомиться с его творчеством.

«Его проза насколько поэтична, настолько же и реалистична, и читая её, веришь автору так же, как его падающим с десятого этажа или выпрыгивающим из горящей машины героям. А вера – это одна из главных составляющих в искусстве», – отмечали выступающие на состоявшейся в Центральном доме литераторов в

Москве презентации книги Александра Карина «Господа каскадёры», вышедшей в московском издательстве «Наш дом» с предисловием французского актёра и драматурга Жерара Барре.

В короткой рецензии (статья «Песня о соколе», «Независимая газета», 24.05.2007) отмечается, что «главная часть книги «Страна Трюкания» – это воспоминания Карина о друзьях-каскадёрах, о многочисленных съёмках, о том, как некоторые дорогие ему люди погибли.

Но у автора этот текст не похож на некролог, посвящённый прошлому: Карин в разных местах намекает, что если вдруг случится чудо и он выздоровеет, то непременно вернётся на съёмочную площадку. «О, если б в небо хоть раз подняться!..» – Карин грезит о трюках, о профессии, которой посвятил жизнь...

А короткое вступление к «Господам каскадёрам» знаменитого французского актёра Жерара Барре, того самого, который играл д'Артаньяна во франко-итальянском двухсерийном фильме «Три мушкетёра» (1961), которое начинается словами: «Представляю вам друга!», – заслуживает того, чтобы привести его полностью:

«...Где ты берёшь эти сюжеты? Кто тебя вдохновляет? Гении сюрреализма Бунюэль и Дали с их «Андалузским псом»? Бретон, Шагал, Магритт? Саша смеётся: «Возможно, Жерар, но не исключаю, что и многочисленные падения на голову за мою краткую трюковую биографию определили мой взгляд на жизнь».

Он таков, мой русский друг Александр Карин, чувство юмора всегда при нём. Я перебираю страницы его новелл: «Абсолютно новая жизнь», «Плач дрели», «New Look», «Смерть ножниц», «Золотая лошадь Мара» – цыганская сказка, вошедшая в «Антологию европейской поэзии и прозы», и, конечно же, поразительный сценарий «Сын Кремля, или Челюсти Гитлера».

Забавна и трагична судьба их автора...

Впервые он позвонил мне в апреле 2002 года. Голос в трубке негромок, глубок... Как мне кажется, мы говорили обо всём сразу: и о кино (первый фильм, потрясший его не меньше, чем полёт Гагарина: «Три мушкетёра», в котором я исполнял роль д'Артаньяна), и о моём влиянии на выбор его профессий (актёр, каскадёр, режиссёр), о наших детях и моих внуках, о лошадях... В общем, беседа, его характеризующая – казалось бы просто, бытово, в то же время хаотично, но с точно расставленными акцентами.

С тех пор мы дружим. Не помню, кто позвонил вторым, – какая разница? Если пару недель он молчит – звоню я. Он же находит меня и в Тулузе, где мы часто бываем с женой Терезой у моего друга юности. В моём родном городе, где он разбился. «Рядовой прыжок – говорит Саша. – Очевидно о чём-то задумался».

Однажды я послал ему свою пьесу «Герой любви» (воспоминания сына о сбежавшем в далёком детстве папе, неверной возлюбленной, оперной певице маме, которую тот, обезумев, душит в объятиях). Это, скорее, моноспектакль, который я сыграл пару раз, опубликовал тысячным тиражом, раздарил, оставив десяток книг на полке.

Моя проба пера впечатлила Александра: «Как трагично, как неожиданно! Ты необыкновенно талантливый драматург». Он никогда не скупится на комплименты,

но я чувствую – они от души. Десятки раз друг может вспоминать мои фильмы «Три мушкетёра», «Капитан Фракасс», «Скарамуш» – и всегда с восторгом.

О своей популярности в СССР до встречи с Сашей я и не догадывался... Не знал, что мои фильмы и теперь показывают в России. Саша познакомил меня с русским кино, прислав мне фильмы Тарковского, Панфилова, Михалкова... Я ему – свои, те, что не были в российском прокате. Недавно получил от него факс – фото любимой автомарки «Бугатти». Господин Каскадёр посетил автомобильный салон. Каскадёр духа. Каскадёр мысли. Знакомьтесь!

Жерар Барре».

Верить или не верить рецензентам – дело читателя. Как говорится, откройте книги современного русского писателя А. Карина, прочтите и оцените сами. Одно бесспорно: «Актёр должен играть, а каскадёр – прыгать и драться, потому что это люди, которые и в огне не тонут, и в воде не горят. Ну разве что изредка» – вот формула того, что хочет донести до нас автор, и ему веришь, уже прочитав первую страницу.

Пишет Александр сказки и новеллы, повести и рассказы, киносценарии и пьесы. Есть даже сны. В его сказках, например, критики замечают подражание Г. Х. Андерсену: та же форма, похожие персонажи и грусть:

«В старой парижской коробке доживали свой последний час ножницы. Это был превосходный экземпляр уходящего железного поколения: на стенах в простых, но прекрасно подобранных рамах висели вещи, перекусанные и, несомненно, мастерски порезанные на протяжении долгой жизни г-на Пика. ...Ранее, в начале карьеры, некто определил возможности резцов ножниц так: «И пикнуть не успел!» – в смысле скорости и мастерства раскройки материала...».

Его печатают в журналах и альманахах «Киносценарии», «Литературная учёба», «Октябрь», «Почтальон» (Чехия), «Парижский курьер» (Франция), в «Антологии европейской поэзии и литературы», издательствах ГИТИСа, «Молодая гвардия».

Во многих произведениях писатель Александр Карин пишет о Париже – месте, где теперь постоянно живёт. Но я уверен, что он вспоминает – хоть иногда – своё детство. А, значит, и Прокопьевск, который давно перестал быть большим и знаменитым угольным городом – сегодня там нет ни одной действующей шахты – и, действительно, превратился в обычную российскую провинцию, сибирскую глубинку, которая нет-нет да и рождает замечательные яркие таланты.

Страницы многих его произведений трогают душу, задевают самые сокровенные струны восприятия окружающей действительности. Он сумел снова обрести смысл жизни, снова стать настоящим мастером. На этот раз – в литературе. Но его каскадёрское прошлое неудержимо, а порой и неуловимо присутствует в его произведениях, отчего они становятся подлинными документами, свидетельствующими о минувшем, без которого не состоялся бы настоящий человек.

Не поленитесь, прочтите и прочувствуйте хотя бы этот небольшой отрывок:

«...У старого двадцатидвухлетнего жеребца отказали в воздухе ноги. Мы захлёбывались глиняными струями, тащили его к берегу и негодовали, что он

совсем не сопротивлялся течению и не хотел жить! Возле самого моста нам удалось вырвать лентя из потока и вытащить на берег. Казак ярился, бил его под живот, заставляя встать, а конь не мог...

Чуть позже пришёл ветеринар, констатировал паралич и всадил жеребцу длинный штык в сердце – чтоб не мучился.

Достойный конец – прыгать всю жизнь через препятствия, а потом – головой вниз...

Штык в сердце! Я видел подобное несколько раз. В принципе с каскадёрами всё ясно: «Сам умри, а кадр доделай!», а вот с лошадьми...

Однажды я ехал по Подмоскovie и увидел на обочине грузовик. В кузове понуро стоял серый конёк, и что-то заставило меня остановиться... Господи! Это же мой первый четвероногий партнёр из школы Филатова.

– Грифель!

Жеребец вяло повернул голову.

– Куда его везёте, парень?

Водитель отшвырнул сигарету:

– На мясо...

Слёзы хлынули из глаз! Я полез в кузов. Кино выбило из Грифеля всё: кожа провисла, хребет в шрамах, ноги опухли, ухо отрезано...

Водитель поразился реакции постороннего и даже помог мне, так как одна нога у меня была загипсована по колено, а на щеке пузырился ожёг. Парень не задавал вопросов. Он завис на подножке и молча наблюдал, как крупный усатый человек обнимал «мясо» за шею, рылся в карманах и просил прощения за кинематограф, за отсутствие сахара, за невозможность выкупить его жизнь...

Сколько же раз я видел свою собственную судьбу как в зеркале! Лошадь Усена с парализованными конечностями, Грифель с отбитым, будто бифштекс, телом, мёртвый друг Сашка с затоптанным советским паспортом в углу ванной – ничто не надоумило бросить романтическое, преступное занятие и начать жизнь сначала... А как?!

Грузовик уехал. Я дал таксисту десятку, и он сигналил пару минут, будто на похоронах».

Однажды кто-то заметил: хочешь понять истинную сущность человека, узнай его отношение к животным, особенно к лошадям. Мы хорошо относимся к другим людям нередко из-за того, что нам это выгодно, ждём взаимную отдачу от тех, с кем дружим. К животным же человек всегда относится искренне. Именно по взаимосвязи людей и животных можно узнать человеческую сущность. Древние мудрецы считали даже эти отношения зеркалом души....

Лошади всегда преданны своим хозяевам. Уверен, каскадёрам известны случаи, когда верный конь спасал своего владельца от неминуемой гибели. Таких случаев история знает немало. Именно поэтому, например, полководец Александр Македонский воздвиг город на месте смерти своего любимого коня Буцефала. У Александра Карина эту тему можно найти в киноповести «Македонский. Охота на львов».

Меня же «зацепил» вот этот фрагмент из очерка А. Карина, посвящённого съёмкам фильма «Объездчик» (режиссёр А. Бибарцев, 1983):

«...Ещё при прочтении сценария я порадовался всей душой, что весь фильм одиночество Игната скрашивала любовь к лошадям, в частности, к серому в яблоках жеребцу, на котором он охранял степь.

Конечно же, когда наступил момент выбора коня на курском ипподроме, мною овладел настоящий цыганский азарт. Но! Тренер выводил лошадей, и мы осмотрели голов двадцать – подходящего не было... Что делать? И тут ветеринар посоветовал взглянуть на племенного Карагёза, который вроде бы походил по описанию на персонажную лошадь.

Как в сказке! Из дальней конюшни привели грязного, нечёсаного и беспокойного рысака.

– Орловский?

– Орловский!

Тренер гордо выпрямился, а я отчаялся. Где же искать... По колхозам?

Ветеринар заметил мою расстроенность и распорядился привести жеребца в порядок – помыть, убрать годичный «маникюр» с копыт, оседлать.

Через час во двор влетел серый в яблоках красавец, следом – хохочущий кузнец: «Ей-богу, он хочет у вас сниматься!»

Я залюбовался. Карагёз галопировал вокруг нас, и действительно создавалось впечатление, что конёк понял, зачем мы явились, и старался показать себя повыгоднее.

Но ведь рысак, ведь полгода не ходил под седлом, а до этого бегал несколько лет в коляске! Как быть? Попробовать?

– Попробуй! — попросил Бибарцев.

Перебинтовав туго ногу, я сел в седло. Конники замерли – они ждали родео и заранее веселились, предвидя падение артиста!

Честно говоря, я тоже опасался «весёлой езды», к тому же нога едва держалась в стремях, и любое движение Карагёза вызывало боль. Мы все ошиблись! Жеребец, конечно же, поносил меня по двору, но был управляем. Легко поднимался в галоп, и было ясно, что ранее он находился в хороших руках и прекрасно выезжен. Ура!

Несколько дней (до и после съёмок) мы с ним плодотворно трудились, конёк всё вспомнил и даже удивил готовностью прыгать через небольшие барьеры. Мне не удалось только научить его «завалу» (это, как и прыжок через изгородь, предполагалось сюжетом).

Возможно, Карагёз неудачно падал во время своей спортивной карьеры, быть может, испытал шок, но при любой попытке дрессуры оказывал сопротивление, граничащее с паникой. Я отказался от затеи. Не помогли ни купания с приготовленным песочком (обычно лошади с удовольствием валяются), ни сахарок, ни, тем более, попытки завалить коня силой при помощи сыромятной петли на ногу. К счастью, «завал» органично выпал из сценария, и моё трюковое самолюбие не пострадало...».

Кстати, читать сочинения Карина можно на сайте Проза.ру (<https://proza.ru/avtor/vnu4ok&s=150>); можно и на сайте Стихи.ру (<https://stihi.ru/avtor/akarin>).

Отношение каскадёров – настоящих мастеров, не кустарей – к лошадям впечатляет особо. Однако по-настоящему понять это мне помог Александр Карин.

Сегодня Александр Александрович бодр духом, ведёт активный образ жизни. Уже 30 лет сам водит автомобиль.

«Где только не побывал за эти годы, – говорил мне по телефону с гордостью, – дважды – в Италии, три раза – в Бельгии. За рулём проехал Испанию – от Мадрида и обратно. Всех маршрутов и не упомнишь». – прислал фотографию, где он на фоне Пизанской башни

«Может, ещё напишу что-нибудь», – скромно говорил он о своих ближайших планах.

И верится, что он полон творческих задумок...

г. Кемерово,
ноябрь 2022 года

Axis mundi или Ось мира Валерия Макаровича Кимеева

Наверное, он мог бы сам ответить на мои вопросы: за что безрассудно любил свою работу? Чем его так очаровал наш Кузбасс, что он – учёный с мировым именем – так и не уехал в столицу? Чем, наконец, привлекательны проблемы этногенеза и этнической истории Южной Сибири и Монголии, изучению которых он посвятил всего себя?

Теперь этого уже никогда не удастся сделать. И придётся самому докапываться до сути.

Конечно, я знал, что в Кемерове живёт и работает такой замечательный человек, большой учёный, с которым надо обязательно познакомиться не шапочно, как это было, а ближе. Ближе, чтобы понять, узнать, оценить – при жизни. А ведь меня звали: «Поедем на Томскую Писаницу – там сегодня Кимеев будет рассказывать о своей экспозиции в музее-заповеднике...». Или: «Давай отправимся в Тюльберский городок к Валерию Макарычу...».

Сейчас уже поговорить не получится... Поистине: «лицом к лицу лица не увидать...». Остаётся позавидовать, что многим моим коллегам-журналистам повезло больше. – Более ста научных трудов и книг вышли из-под его пера и некоторые есть у меня, – грустно хвалится бывший телерепортёр ГТРК «Кузбасс», а ныне – жительница Новосибирска Люба Иванова. – Не будучи историком, тем не менее могу оценить его мысль, излагаемую понятным и увлекательным языком.

Для неё Валерий Макарович по-прежнему жив как собеседник, с которым можно погрузиться в виртуальные странствия по весьма удалённым от нас эпохам.

«Можно было бы назвать его капитаном машины времени, – фантазирует она. – Но с уточнением, что эпохи далёкие он способен приблизить до уровня руки касания. До возникновения понимания, что они живые и мы – их продолжение. Жизнь – долгая и краткая – досталась Кимееву. Долгая по делам, краткая по тому, что он ещё мог бы... впрочем, он всё отдал нам, что мог!»

I.

Валерий Макарович Кимеев – советский и российский историк, этнограф, музеевед, специалист по истории и культуре тюркоязычного населения Кузнецкого Алатау и Притомья, Сибири и Монголии, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета, автор многочисленных работ по истории и этнографии Притомья и Горной Шории, создатель нового направления в российском музееведении – экомuzeологии, целью которого является сохранения культуры аборигенов в естественной природной и социальной среде.

Он родился 21 октября 1952 года в селе Устюжанино Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области.

Давно замечено, что у подавляющего большинства нормальных людей любовь к родине возникает с детства. Простой деревенский мальчишка, он с удовольствием учился в обычной школе, любил бывать со сверстниками на природе, ходить в лес и на реку, жечь костры, собирать грибы и ловить рыбу.

После окончания восьми классов, в 1967-м, по совету взрослых, Валера поступил в Ленинск-Кузнецкий горный техникум. Когда получил там аттестат о полном среднем образовании и диплом горного техника-электромеханика, три месяца поработал на одной из шахт Кузбасса подземным горным мастером.

В 1971-м его призвали на срочную армейскую службу, которую проходил в морской авиации Тихоокеанского флота. Также окончил офицерские курсы, и ему присвоили звание младшего лейтенанта.

Из рядов Советской армии на «гражданку» Кимеев вернулся с другими мыслями о собственной судьбе: принял самостоятельное и твёрдое решение – поступить в Ленинградский государственный университет.

Как у человека, отслужившего в армии, у Валерия были льготы при поступлении. Но, в 1970-е годы спрос на высшее образование в СССР был очень высок. Число желающих учиться в ЛГУ было огромным, университет пользовался такой большой популярностью, что конкурс среди абитуриентов на одно студенческое место просто зашкаливал. Даже льготы не давали стопроцентной гарантии...

Ему подсказали, что гарантированное зачисление без вступительных экзаменов возможно, если подать документы на подготовительное отделение – его в народе именовали «рабфаком». И 1 декабря 1973 года Кимеева зачислили слушателем подготовительного отделения геологического факультета Ленинградского университета. Ему пришлось почти год проучиться на этом «рабочем факультете». Однако, когда он окончил рабфак, то передумал и «зачислился» на дневное отделение исторического факультета ЛГУ. Уже на первом курсе потребовалось выбрать узкую специальность. И тут Валерию очень повезло, его заметил известный этнограф, заведующий кафедрой этнографии и антропологии ЛГУ, профессор Рудольф Фердинандович Итс, именно он сориентировал первокурсника на изучение культуры коренного населения Кузбасса и стал его научным руководителем.

Так у Кимеева начались многолетние исследования шорцев, проживающих на юге Кемеровской области.

Валерий Макарович не раз отмечал, что студенческие годы считает самыми лучшими в своей жизни. Учился с интересом, даже – со вкусом. Летом с однокашниками с удовольствием ездил в экспедиции по Карачаево-Черкесии, Дагестану, Хакасии, Алтаю и Горной Шории. Какие замечательные были времена!

На кафедре у Рудольфа Фердинандовича он проходил специализацию по этнографии. Профессор заразил – в хорошем смысле слова – Валеру Кимеева своей профессией.

Кстати, профессор Итс имел неплохое представление о Кузбассе, где в годы Великой Отечественной войны ему пришлось поработать – сначала на шахте, потом на заводе. А став учёным, он постигал культуры народов Китая, Южной Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока, постоянно ездил со студентами в полевые археологические экспедиции, часто вёл раскопки в соседних с Кузбассом Туве и Красноярском крае. Стал автором вузовских учебников и многочисленных научных работ. Возглавляемая им кафедра этнографии и антропологии ЛГУ, им же и была создана, что называется, с нуля. Профессор часто читал лекции студентам вузов в Новосибирске, Иванове, Кемерове, Иркутске, Омске, Томске. Около сорока его выпускников стали кандидатами и докторами наук. Среди них и наш Валерий Кимеев.

Встреча и общение с таким увлечённым любимым делом человеком предопределило научную судьбу нашего земляка. Но – не сразу. В ЛГУ Кимеев получил не только специальность этнографа, но и преподавателя истории.

В советские времена для выпускников вузов рабочее место было гарантировано. Дипломированных специалистов по распределению направляли на три года на работу – туда, где они были нужнее. В 1979 году, после окончания ЛГУ, получил такое направление и историк Кимеев. По распределению он преподавал свой предмет в сельском среднетехническом училище посёлка Елизаветино Ленинградской области, по сути, работая учителем. И опять ему помог профессор Итс: позвонил в Кемерово заведующему кафедрой археологии КемГУ Анатолию Ивановичу Мартынову и попросил взять на работу своего выпускника.

II.

1 февраля 1980 года Кимеева приняли сначала старшим лаборантом Научно-исследовательского сектора КемГУ, а в январе 1981-го перевели на должность младшего научного сотрудника НИС.

Длинными «учительскими» вечерами он не раз обдумывал, выстраивал в голове план того, как развернёт дело, которым очень хотел заняться глубоко и всерьёз. Молодой сотрудник Кемеровского универа приступил к работе с энтузиазмом: по несколько месяцев в году проводил в экспедициях, занимался изучением этногенеза и этнической истории шорцев, собирал артефакты и сведения об их традиционных занятиях и быте, обычаях и верованиях. После этого – делал сообщения на семинарах, показывал снятые летом фильмы, слайды, экспонаты, собранные для университетского Музея археологии и этнографии. Устраивал со студентами театрализованные представления.

Ещё во время первой экспедиции в Горную Шорию в 1976 году студента ЛГУ Кимеева увлекла практика изучения шорцев – малочисленного тюркоязычного народа, проживающего в предгорьях Северного Алтая, в верховьях Томи, на территории Хакасии и юга Кемеровской области. Именно тогда он буквально влюбился в Горную Шорию. И эту юношескую увлечённость пронёс до конца своей жизни (неслучайно завещал похоронить его в любимом шорском посёлке Усть-Анзас, откуда начались его научные изыскания).

На истфаке КемГУ приход преподавателя Кимеева сразу стал заметным явлением. Вот как об этом рассказывает один из его учеников – доктор исторических наук, профессор, директор московского Института этнологии и антропологии РАН Дмитрий Анатольевич Функ:

– Мое общение с Валерием Макаровичем началось со студенческих лет, затем продолжилось в аспирантуре и – на протяжении всех последующих лет. С появлением в 1980 году Валерия Макаровича на истфаке Кемеровского университета, по выражению студентов, «началась движуха»: то он пытался организовать кружок этнографии, то мы старались добывать разными путями этнографическую литературу. И находили! Что-то было связано с музейной деятельностью, что-то – с экспедициями.

Это была не та литература, которую мы имеем сейчас, это была другая этнография. Книг по ней не было вообще. Никаких! Благодаря его усилиям в музее КемГУ появились шкафы с микрофильмами и микрофишами (копиями плоских оригиналов документа, изготовленных фотографическим способом в виде микроформы на прозрачной форматной фотоплёнке). Ванна была наполнена фотографиями книжных страниц, которые мы потом переплетали в книги...

– Позже я пришёл к выводу, – продолжает Дмитрий Анатольевич, – что это было не беспорядочное броуновское движение, это были те направления, которые я потом неосознанно пытался задействовать, когда работал в МГУ. Кимеев всегда был уверен: «Если ты не будешь общаться со студентами, неважно в какой форме, у тебя ничего не получится. Если это не будет связано с научной работой, не будет экспедиций – тоже ничего не получится».

Именно во время первых экспедиций по Горной Шории созревала в его сознании мысль о том, что необходимо сохранять этнографическую самоидентичность малых народов – через создание музеев под открытым небом. Но одновременно он настаивал на необходимости их достойной социализации в быстро меняющемся мире. Свою основную задачу учёный видел в том, чтобы помочь малому народу не забыть свою культуру, не раствориться в других народах. Именно Кимееву принадлежит наконец-то найденный ответ на вопрос: «Шорцы. Кто они?»

Интересные факты: в 1985 году молодой преподаватель КемГУ Кимеев поддержал шорскую интеллигенцию – в создании фольклорно-этнографического ансамбля «Чылтыс» в Таштаголе, стараясь возродить в коренном народе забытые традиции, инициировал проведение шорского праздника «Ольгудек Пайрам» на горе Мустаг. Через пять первых лет работы в КемГУ, в 1986-м, Кимеев защитил диссертацию «Шорский этнос. Основные этапы формирования и этническая история, XVII–XX вв.» – на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности «Этнография, этнология, антропология».

Защита прошла в Ленинградском отделении Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. По её результатам Валерий Макарович издал монографию «Шорцы. Кто они?» Эта книга с дополнениями была переиздана в 1989-м и в 2016-м. Интересно, что она до сих пор пользуется популярностью как среди специалистов-учёных, так и у представителей самого шорского народа.

После защиты кандидатской диссертации – 4 июня 1987 года – аттестационная комиссия КемГУ перевела его на должность старшего научного сотрудника НИС. Заслуги Кимеева начали признавать в учёном мире. Его приглашают на областные, всесоюзные и зарубежные научные конференции, его исследования широко публикуют солидные издания. А он, по-прежнему, прост и доступен в общении, открыт для коллег и учеников.

В память Дмитрия Функа запало: «Была такая небольшая прихоть у учёного – он не любил, когда его называли по имени, говорил, что ему привычнее – Макарыч или Кимеев, на крайний случай, Валерка. Вот таким он был: непритязательным в быту, увлечённым своим делом, принципиальным и несговорчивым, если это касалось исторической и научной правды, не всем удобным и не всеми любимым, но в итоге – великим учёным современности...».

У В. М. Кимеева за 40-летнюю научную деятельность вышли сотни печатных работ. Его научному «перу» принадлежат около 200 (!) книг, брошюр, научных публикаций, включая 17 монографий и учебных пособий по музеологии и этнографии аборигенов и русских Сибири. Целый ряд его научно-популярных книг – это яркие и вдохновенные рассказы о нелёгкой работе этнографов, об обычаях и традициях коренных народов Кемеровской области.

III.

Горная Шория стала его вечной любовью... Он снова и снова ездит туда в экспедиции, разговаривает с автохтонами, ведёт обширные записи и делает фотографии этих встреч, анализирует и размышляет. Создаёт свои научные

произведения. Большинство его книг написаны хорошим литературным языком, читаются, как научно-исторические бестселлеры.

В его последней прижизненной и, пожалуй, самой значительной книге «Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки» (Кимеев, В. М., Копытов, А. И.: монография. – Кемерово, 2018), переизданной в 2020 году и ставшей большим, хорошо иллюстрированным фолиантом объёмом 600 страниц, он делится с читателями выводами главных разысканий всей своей жизни.

В первую очередь, именно об этом он рассказывает на презентациях этого издания, которые прошли в библиотеках Кузбасса. Валерий Макарович подчёркивал, что, по сравнению с предыдущими опубликованными исследованиями, именно в этой книге «впервые систематизированы накопленные за полвека материалы об археолого-этнографических и сакральных природных памятниках Горной Шории. Подробно анализированы этногенез, этническая история, традиционно-бытовая культура шорцев, и богато представлены ранее не опубликованные фотографии. Впервые определены этапы промышленного освоения территории (золотые прииски и горнорудное дело) и намечены перспективы дальнейшего развития этого горно-таёжного края».

Знакомишься с книгой и видишь: Кимеев не был кабинетным учёным, минимум треть года он проводил в экспедициях, вживался в традиции, в материальную и духовную культуру аборигенов Сибири, Кузбасса.

«Официальный этноним (название) «шорцы» закрепился у потомков тюркоязычных родов (сёоков) верховьев Томи только к концу 1920-х годов, – читаю я в его предисловии к данной книге. – До этого времени он употреблялся как самоназвание одного из довольно разветвлённых родов шор, проживавшего в верховьях реки Кондомы.

Общим самоназванием всех групп современных шорцев в настоящее время является «татар-кижи» (на шорском языке) или «шорцы» (на русском)».

В ходе многолетних исследований Кимеев кропотливо собирал и изучал археологические, исторические, этнографические данные, касающиеся шорцев. Систематизировал историографию, проследил происхождение (этногенез), культуру этого народа, бытовую и духовную. Как никто другой, он показал всем нам, как современная жизнь влияет на население Горной Шории. И это влияние, по Кимееву, не всегда идёт на пользу...

Больше него о Шории и шорцах во всей России не знал никто. Кимеев исследовал всю их подноготную. В том числе и то, как шорцы добывали и обрабатывали руду, золото.

– Шорцы ведь тоже участвовали в горнорудном деле, но они не были большими начальниками в горном деле. Описаны этапы развития рудной базы. С картинками, с материалами. Ну и перспективы описаны», – рассказывал о книге Валерий Макарович.

Вообще-то материалов о Горной Шории и её жителях издано немало и другими авторами. Но – ни одного труда, кроме «кимеевского», который охватывал бы всю историю шорского края, до этого не выходило. Сам Валерий Макарович отмечал,

что уже три поколения шорцев мыслят не на родном языке, а по-русски. К тому же многие из них знают историю собственного народа только из книг:

– У них есть талантливые люди – певцы, барды, поэты и поэтессы. Однако некоторые шорские «вожди» не соглашались со многими моими положениями, потому что я их сильно не хвалю, не восхищаюсь. Но это нормальное явление, что они ассимилируются, что-то возрождают, что идёт этнокультурное заимствование.

Сегодня его коллеги и ученики заявляют, что именно Кимеев по-настоящему «открыл» шорцев и представил их миру. Именно он установил, откуда они «есть пошли».

Его изучение истории шорцев было неразрывно связано с исследованием многих народов, проживавших и кочевавших в Сибири – на территории Хакасии, Красноярского края: томских татар, остяков, кетов, тюльберов, телеутов, теленгитов, хакасов, джунгар. Особое место занимали изучения наследия монгольских этносов, проживающих в приграничных с Российской Федерацией регионах Западной Монголии. Эти народы также входили в сферу исследовательских интересов Валерия Макаровича.

Дмитрий Ушаков, сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, отмечает, что само название будущему единому народу «шорцы» дал русский немец – академик В. В. Радлов: «В дальнейшем это название закрепилось навечно в официальном списке народов СССР. Но именно Кимеев настоял на том, чтобы обозначение народа именно как «шорцы» было сформулировано учёными и закреплено политическими деятелями советской власти за коренными жителями данного региона.

Это открытие Валерия Макаровича и сам вывод, что шорцы как самостоятельный народ сформировались только в 20–30-е годы XX века благодаря советской власти,

был достаточно неординарным, смелым и направленным против возможных националистических настроений и либеральных толкований истории шорского народа».

Ещё в 80-е годы прошлого столетия дело шло к тому, что шорский народ может навсегда забыть свой язык. И во многом лишь в постсоветский период, лишь огромными усилиями таких учёных, как Кимеев, начался «этнокультурный ренессанс», подъём национального самосознания.

Вопросы возрождения национального языка и общей шорской культуры постоянно волновали Валерия Макаровича. Он прекрасно осознавал, что в современных условиях эти проблемы сложно решаемы. Нехватка средств, прекращение преподавания шорского языка, закрытие сельских школ, сокращение спроса на знание языка у шорской молодёжи ухудшали положение народа. Чтобы преодолеть эти проблемы, нужен целый комплекс мер, – считал учёный.

«Успешным и постоянно развивающимся направлением можно считать создание этнокультурных обществ и музеев, проведение традиционных праздников при поддержке местных властей», – уверен Кимеев.

Этому движению и практике создания целой череды музеев Валерий Макарович посвятил в дальнейшем многие годы жизни.

IV.

16 февраля 1988 года вышло Постановление Совета Министров РСФСР о создании в Кемеровской области многопрофильного музея под открытым небом «Томская Писаница». Во главе музея-заповедника встал профессиональный этнограф, кандидат наук Валерий Кимеев (в последствии он перешёл на должность заместителя директора «Писаницы» по научной работе).

Скала с рисунками древних людей на берегу Томи – на территории современного Яшкинского района – была открыта ещё на рубеже XVI-XVII веков. Хотя самым наскальным изображением на ней уже несколько тысячелетий. На протяжении сотен лет Писаница привлекала к себе внимание исследователей.

На скальном массиве изображено около 300 рисунков, самые ранние относятся к эпохе неолита и сделаны в IV-III тысячелетии до нашей эры. На каменном склоне высечены фигурки птиц и зверей, изображены различные ритуалы. Упоминания скалы и отображения содержатся в трудах известных учёных и путешественников XVII-XIX веков Ф. И. Страленберга, Г. Ф. Миллера, Г. И. Спасского. В 60-70-х годах XX века изучение томских петроглифов продолжили советские исследователи А. П. Окладников, А. И. Мартынов, В. В. Бобров, Ю. М. Бородкин, Э. И. Биглер.

Наука, как говорится, сделала свое дело: учёные помогли современникам понять смысл жизни и мировоззрение древних. Но оградить памятник от естественного разрушения, а, главное, от вандалов, они были не в силах. Писаница была беззащитной. К тому же там находилась геологическая база Кемеровского политехнического института. Студенты и просто «дикие» туристы без конца оставляли возле древних петроглифов свои автографы. В 1960-е годы своеобразным штабом по спасению скалы стала группа учёных, преподавателей и

студентов-историков под руководством профессора КемГУ Анатолия Ивановича Мартынова. В 1980-е в этот штаб вошёл и Кимеев.

– По сути «Томская Писаница» стала первым в Сибири и стране музеефицированным памятником наскального искусства, – с гордостью подчёркивает академик РАН Анатолий Иванович Мартынов.

Чтобы решение правительства республики состоялось, потребовались многолетние усилия десятков людей, отдавших годы на изучение и охрану всемирно известного памятника первобытного искусства.

– История создания музея-заповедника полна драматизма и удивительных, почти магических, событий, – припоминает «экс-министр культуры Кузбасса», бывший директор департамента культуры администрации Кемеровской области Владимир Иванович Бедин. – Идея создания федерального предприятия «выковывалась» несколько десятилетий. Когда в 1984 году меня назначили начальником управления культуры Кемеровского облисполкома, – я на этом посту сменил легендарного Иосифа Лазаревича Курочкина.

Наводя порядок в сейфе предшественника, Владимир Бедин обнаружил там многостраничный фолиант, посвящённый Писаным скалам. «Вот, мечтал создать там огромный музей, – отвечая на вопрос Бедина об этой рукописи, сообщил Курочкин. – Попробуй ты! Ведь такой музей Кузбассу очень нужен».

– Над этой идеей многие годы трудились профессор КемГУ Анатолий Иванович Мартынов и его жена Галина Семёновна, они даже во снах видели его, – вспоминает Владимир Иванович. – С чего начать непростое дело? Для начала мы с Мартыновыми решили пригласить в Кемерово «на рекогносцировку» музееведа Владимира Сергеевича Евстигнеева – начальника управления Министерства культуры РСФСР (позже он стал первым заместителем министра Минкульт). Он приехал майским погожим днём, поселили его в селе Колмогорово, на даче у Мартыновых. Провели его по всем весям будущего музея. Даже стоящий на приколе на реке Писаной старый теплоход показали, вот, мол, в нём тоже хотим разместить одну из будущих экспозиций. Обрисовали ему все наши планы, в которые уже тогда, кроме Писаных скал, входило создание будущих музеев в Горной Шории, в селе Беково...

Нужен был настоящий, основательный проект музея на Писаной. И помочь в его создании, подсказал Владимир Евстигнеев, нам могли только специалисты института «Спецпроектреставрация».

Одним из главных направлений этого московского института как раз и являются музеи-заповедники. Именно в этом учреждении разработаны проекты границ, зон охраны и схемы развития более 30 государственных заповедников и примерно столько же – исторических городов России. Среди них – Михайловское, Большое Болдино, Бородино, Куликово поле, Абрамцево, Шахматово, Тарханы, Поленово, Ясная поляна ...

– В то время, когда мы обратились туда за помощью, подразделение института, которое возглавлял известный архитектор-реставратор Владимир Юрьевич Кеслер, работало над проектированием музея-усадьбы Льва Толстого в Ясной Поляне. Мы

уговорили их, – говорит В. И. Бедин, – в первую очередь всё же решить нашу проблему. Навстречу нам пошёл и первый заместитель министра культуры РСФСР Александр Иванович Шкурко. Дал разрешение, чтобы в Кемерово выехали спецы из «Спецпроектреставрации». На месте будущего музея они провели геодезическую съёмку, рассчитали охранные зоны экомuzeя, выполнили генеральную схему его развития.

«Как так?! – удивлялся потом министр культуры России Юрий Серафимович Мелентьев. – Заявка от кемеровчан поступила позже, а проект им сделали раньше проекта Лесной Поляны!» – А секрет был прост, – улыбается Бедин. – Мы сумели заинтересовать проектировщиков – заплатили им наличными... Чтобы решить этот вопрос, к делу активно подключился бывший в то время заместителем председателя Кемеровского облисполкома Георгий Васильевич Корницкий. И у нас всё получилось!

Вот тогда и вышли на первое место такие качества Кимеева, как умение организовать людей, его цепкость и вьедливость. Его решено было назначить первым директором «Томской Писаницы».

– Он был молодой, энергичный, задиристый, умел устанавливать связи, работать со студентами, – позднее скажет о нём Владимир Бедин. – У него везде были «свои люди» – учёные Москвы, Иркутска, Хакасии, Красноярска, Монголии. Поэтому мы и решили остановиться на его кандидатуре...

Работы было невпроворот. Музей начинали создавать на лесном берегу, где кроме известной скалы да прекрасного соснового бора ничего и не было. Кимеев с Мартыновым и единомышленниками начали с людей – подобрали коллектив, в команду звали тех, кто по-настоящему увлёкся новым делом.

Они и заложили основы музейной жизни «Писаницы» на много лет вперёд: утвердили охранные зоны, разработали генеральную схему развития комплекса. Провели топоъёмку местности, выполнили землеотвод, подготовили генеральный план. В результате разведывательных археологических экспедиций вниз по течению Томи сотрудники музея обнаружили новые наскальные рисунки... Всего не перечать.

Позднее Кимеев часто вспоминал первые комплексные экспедиции для создания фондов «Томской Писаницы», изучения традиционной культуры русского и шорского – коренного населения Притомья. Рассказывал, прежде всего, своим студентам-ученикам о том, как было положено начало формированию этнографических экспозиций музея «Шорский улус Кезек» и «Русское сибирское село».

Сохранение культурного наследия в виде музеев под открытым небом, в состав которых включены недвижимые объекты этнокультурного наследия, – это материальная реализация давней мечты Валерия Макаровича. Такой музей, построенный по проекту Кимеева, создаёт реальное представление посетителя о том, как жили пращуры на земле Кузнецкой. Общаьсь со студентами или с представителями иной аудитории, он часто задавал свой главный вопрос: знает ли современное поколение историю своих предков? И принимался объяснять:

– Территория Кемеровской области заселялась в четыре этапа. Первый – аборигенный, люди жили на территории нынешнего Кузбасса с эпохи палеолита; второй – XVII-XVIII века – покорение земли воинственными народами, начинается строительство острогов. Третий этап – конец XIX-го – начало XX века. В это время территорию области заселяют вольные люди, причём не только русские, но и украинцы, чуваша, мордва. А четвёртый, последний этап, датируется XX веком. В Кузбасс приезжает народ для строительства шахт, заводов, дорог, городов, также – ссыльные...

Каждый год его студенты пишут рефераты «Моя этничность», где рассказывают о своих предках.

«Согласно моим наблюдениям, те, кто приехал в Кемеровскую область в четвёртый этап, и сейчас заселяют Кузбасс. Эти люди строили новую жизнь, и им было не до традиций предков. К культуре относились не так трепетно. Событием для них были концерты и демонстрации», – Кимеев, не стесняясь, подчёркивал, что его не устраивает такое равнодушное отношение к своему прошлому.

Может быть, удастся заинтересовать людей через знакомство с реальными экспонатами этнографического музея под открытым небом? И он создаёт на территории «Томской Писаницы» первую такую экспозицию из настоящих зданий и сооружений – «Шорский улус Кезек».

Где взять для такого музея настоящие экспонаты? Для Кимеева ответ на этот вопрос прост: в шорских посёлках. За годы экспедиций у него там появились сотни друзей, готовых помочь.

Например, в посёлке Кезек он выявил жилые и хозяйственные постройки, отражающие разные периоды развития традиционной культуры шорцев: дом русского типа, принадлежавший шорке Марфе Кискоровой, юрта «сенек», используемая шорцами с начала XX века в качестве хозяйственной постройки и амбар русского типа. Договорился с местными жителями, убедив их в том, что эти постройки очень нужны для сохранения исторической памяти.

– Помню, как мы в Ближнем Кезеке, – воскрешал в памяти доктор наук Дмитрий Функ, – посёлке в Таштагольском районе, раскатывали часть построек по брёвнам, делали бирки и потом вывозили через другой посёлок – Ортон – на Томскую писаницу (где со временем появилась шорская деревня «Шорский улус Кезек»). Это было удивительное время! Местные жители настолько проникались горящим взглядом Валерия Макаровича и его убеждённости в том, он спасает их архитектурное наследие, что без малейшего сомнения отдавали всё бесплатно. Более того, сами ехали и помогали устанавливать шорские дома уже на территории Томской Писаницы.

Особо стоит отметить, что перевоз памятников из Таштагольского в Яшкинский район был основан исключительно на энтузиазме группы сотрудников и студентов КемГУ. Доставка объектов из труднодоступного посёлка оказалась необычайно сложной: пришлось прорубить просеку в тайге: от берега реки Мрассу до улуса Кезек, – протяжённостью четыре километра, по которой вывозились брёвна разобранных построек...

Идея создания экомузеев в Кузбассе всё больше захватывает Валерия Макаровича. Они должны стать центрами, которые бы сохраняли и развивали многообразную этническую культуру региона с учётом природной среды и этноэкологии.

И тут уместно вспомнить, что вторым по времени и значимости после «Томской писаницы» стал созданный при непосредственном участии Валерия Кимеева экомузей-заповедник «Тазгол» в шорском посёлке Усть-Анзас Таштагольского района. Немало усилий вложил в это дело и хороший друг нашего учёного, многолетний глава администрации Таштагольского района Владимир Макута.

– Возрождением традиционной культуры мы занимались при активной поддержке властями Таштагольского района и областного совета по культуре Кемеровской области, – повествует Владимир Николаевич. – Создавали национально-культурные центры, фольклорные ансамбли и музеи Горной Шории. Самым оригинальным из них является экомузей «Тазгол». В марте 1989 года первый секретарь Таштагольского горкома КПСС Александр Копытов, председатель горисполкома Николай Шатилов и глава местного сельсовета Дмитрий Торчаков предложили этнографу Кимееву создать музей-заповедник в посёлке Усть-Анзас.

Этот улус имел богатую историю. Он располагался на древнем караванном пути, поэтому ранее являлся центром сбора ясака и торговли в Горной Шории. В Усть-Анзасе сохранились архитектурные объекты, датируемые концом XIX – началом XX веков, историческая трассировка улиц,

В 1990 году московские архитекторы разработали проект экомузея. Главной задачей стало сохранение традиционного образа жизни проживающих здесь шорцев, а также развитие регионального туризма. После этого активно строили, собирали экспонаты, создавали музей под открытым небом. Валерий Макарович работал больше всех. Сотрудники Кузбасской лаборатории археологии и этнографии Сибирского отделения РАН совместно с местными властями в зонах охраны экомузея организовали «Горно-Шорский центр этноэкологических исследований». Вскоре экомузей «Тазгол» получил официальный статус.

V.

Валерия Кимеева называют основоположником нового направления в российском музееведении – экомузеологии, цель которого – сохранение культуры аборигенов в естественной природной и социальной среде. Практика музейного дела так захватила его, что у него быстро накопился опыт создателя.

Идея экомузеев под открытым небом проста и прозрачна: чтобы сохранить уникальный этнос, надо создать этнические локальные заповедники для людей, живущих традиционной жизнью, развивающих быт и верования предков вдали от крупных городов и цивилизации. А сам экомузей должен быть легко доступен для любого человека, готового знакомиться с историей и бытом пращуров этих народов.

В экспозициях своих экомузеев Кимеев органично сочетает экспонаты, повествующие о глубокой древности, и современные предметы быта, превратившиеся в исторические артефакты.

Вообще-то, считается, что термин «экомузей» сформулировал французский музеолог Юг де Варин в 1971 году. Не умаляя этого, напомним, что Валерий Макарович стал основателем таких экомузеев Кузбасса, как «Томская писаница», упомянутого уже «Тазгола» в Усть-Анзасе (создан в 1991 году). А также – экомузеев «Калмаки» (создан в 1991-м в посёлке Юрты Константиновы Яшкинского района – месте проживания одной из групп сибирских татар), «Чолкой» (в посёлке Беково Беловского района, на территории расселения бачатских телеутов, завершён в 1998-м), «Тюльберский городок» (в посёлке Городок Кемеровского района, на месте ритуального городища средневекового тюркоязычного народа тюльберов, открыт в 2002-м), «Ишим» (в посёлке Ишим Яйского района создан в 2009-м) и «Брюханово» (в селе Красное Ленинск-Кузнецкого района также создан в 2009 году), призванных презентовать культуру русских Притомья.

Эта деятельность очерчена в его монографии «Экомузеи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции». В 2009 году, в диссертационном совете при Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Кимеев защитил докторскую диссертацию по теме экомузеев Притомья.

Все кимеевские экомузеи – это комплексы древних творений материальной (археологические памятники, жилые сооружения, вещи) и духовной (традиции, обряды, обычаи, включая религию) культуры, сохраняющиеся у малых народов. Причём, для Кимеева очень важно, чтобы жители сами хотели и стремились оберегать объекты культурно-исторического наследия своих предков, сохраняли окружающую природу как основу традиционного жизненного уклада. Он считал, что «кроме недвижимых музеефицированных объектов, составной частью экомузеев становятся... сами местные жители – живыми экспонатами и постоянными посетителями».

Именно на этой основе, убеждён он, надо привлекать туристов, заинтересовывая их историей цивилизаций. Впрочем, туристы всё же не были для Кимеева главной целью. «Основная его цель, – подчёркивает Дмитрий Ушаков, – сохранить у малого народа достоверную историю предков, веру в свои собственные силы и главное – перспективы для своих детей и внуков. И тем самым сохранить народ. Поэтому и музей он рассматривал как живой организм, когда в нём происходят события, различные мероприятия, люди живут в музее и развивают его».

– Когда я занимался проектированием экомузеев в Яйском районе, был в посёлке Ишим, – вспомнил как-то Валерий Макарович. – И спросил у одной старушки, нужен ли музей для сохранения истории? Она мне ответила, что из старожилков она осталась одна, а тем, кто вновь приезжает жить в посёлок, совершенно безразлично то место, где они живут. Вот ради сохранения памяти об этой старушке и об её предках я и создавал музей «Ишим».

Если туристы приезжали в небольшой шорский посёлок Усть-Анзас, чтобы посетить музей под открытым небом «Тазгол», одновременно они с интересом наблюдали, как живут простые шорцы: ухаживают за огородом, пекут хлеб, ловят рыбу, строят дома и занимаются текущими делами.

Впрочем, и развитие туризма, как в Кемеровской области, так и в Сибири, Кимеев связывал не только с горнолыжной отраслью или распространением мифов о существовании неких снежных людей или инопланетян. Такие проекты, убеждал он, решают сиюминутные задачи наполнения бюджета, но не влияют на воспитание любви к родине. Он призывал привлекать путешественников интересом к реальной культуре народов, показом уникальности этих этносов в истории конкретных мест и всего человечества. Частыми гостями в его экомузеях были журналисты. Один из них, старейший журналист Кемеровской области, Виктор Сохарев писал на страницах областной газеты «Кузбасс»:

«Я приезжал к нему и на «Томскую Писаницу», и был в родном для меня горношорском Усть-Анзасе, где он создавал музей под открытым небом. Это целый этнографический комплекс, где есть реконструкция захоронений по древнему шорскому обычаю в деревянной колоде, которая помещалась на дереве, есть древняя плавильня руды. Вспомним, что шорцев называли кузнецами и рудознатцами. Всё это Валерий Кимеев воссоздавал с такой точностью, чтобы сохранить это для молодых людей, только начинающих изучать прошлое родного края».

Тележурналистка Любовь Иванова:

– Валерий Макарович прав, что музей живёт, когда в нём живут. Когда там события происходят, люди там бывают, греют музей теплом...

Она же в одном из своих фильмов о Кимееве подметила, что он был учителем не только для студентов. Он пытался воздействовать личным примером и на жителей Горной Шории, исподволь, ненавязчиво используя элементы «отеческой педагогики», помогая людям найти правильный жизненный ход:

«...Кимеев на строительство музейных объектов завозит брёвен больше, чем требуется. И мне потихоньку рассказывает, что шорцы внимательно приглядываются к происходящему. И он знает, что обязательно не досчитается брёвен. Правильно, говорит, всё так. Они себе брёвна для чего утаскивают? Чтобы строить. Дом, хозяйственное что-то – всё это полезно. Пока строить будут, пить не будут, семье большая поддержка... А в новом доме легко образоваться семье новой – разве плохо? И улыбается с прищуром фирменным. Чувствовал людей Валерий Макарович, понимал. Любил. И они его любили, люди. И любят...».

VI.

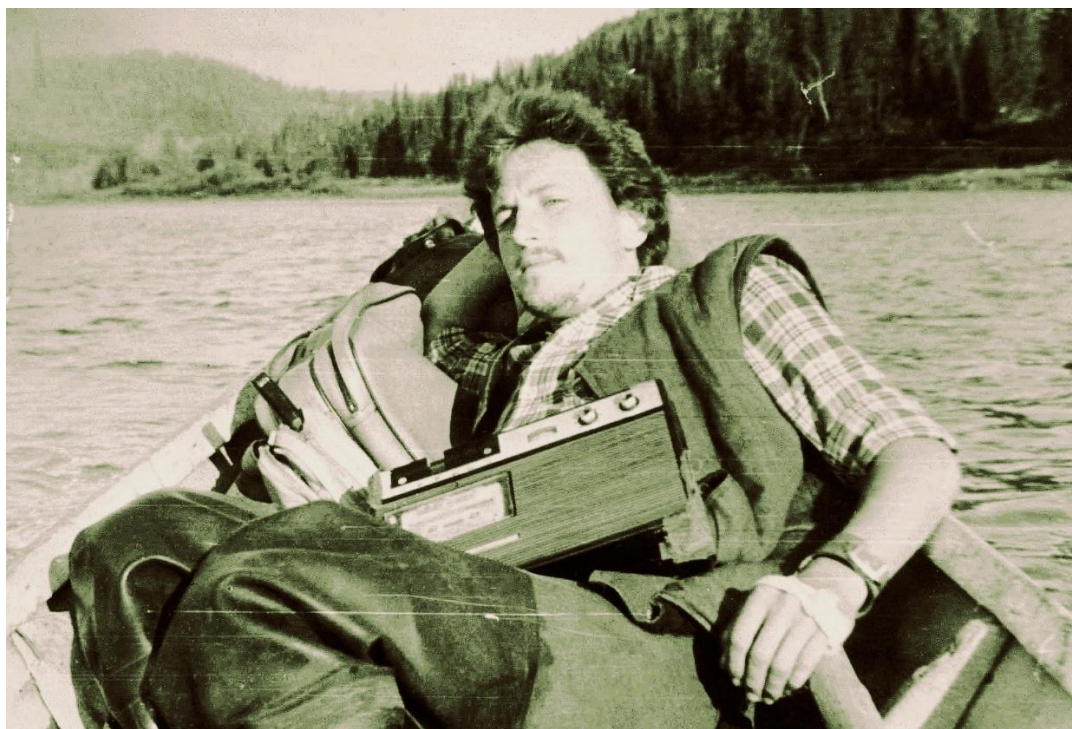
В начале 1990-х Кимеев вернулся на исторический факультет КемГУ. Сначала он – старший научный сотрудник, затем – старший преподаватель, доцент.

Его лекциями заслушивались, они пользовались большой популярностью. Лекционные циклы Кимеева в основном напоминали беседы, состоявшие из фактов, интересных и образных рассказов, из эмоций, переполнявших Валерия Макаровича после экспедиций. Неудивительно, что кроме студентов на лекции Кимеева часто приходили и коллеги-специалисты.

В КемГУ Валерий Макарович вёл несколько учебных дисциплин: «Этнология и социальная антропология», «Этнология Сибири», «Экомузеология». Он читал курсы и в Кемеровском государственном институте культуры – по «Основам музеологии»,

«Истории музейного дела России», «Истории музеев мира», «Музеям под открытым небом».

В ноябре 2010 года, после присвоения звания доктора наук, Кимеева избрали на должность профессора кафедры археологии истфака Кемеровского университета. Но не только должности интересовали его. За весь период деятельности в КемГУ, а это несколько десятков лет, он вёл огромную научно-исследовательскую работу в области этнологии. Был активным участником научных конференций, автором многочисленных научных работ.

На кафедре археологии он занимался подготовкой этнографов, не скупясь, делился своими знаниями и идеями с учениками. Вместе с учителем его студенты снова и снова ездили в этнографические экспедиции, под его руководством писали курсовые и дипломные работы. И пусть в КемГУ не было специализации или специальности по этнологии, Кимеев привил интерес к этой науке многим студентам-историкам, в том числе известным в российской научной среде докторам и кандидатам наук Дмитрию Анатольевичу Функу, Дмитрию Владимировичу Арзютову, Владиславу Игоревичу Терентьеву.

«Суша теория, мой друг», – утверждал поэт... Поэтому нашего деятельного учёного обуревают новые практические идеи. Ещё одной из наиболее значимых для Кимеева стала идея восстановления в Сибири острогов – форпостов тех сибирских первопроходцев, которые расширяли пространство будущей Российской империи – сибирских казаков, староверов, миссионеров.

В печатных трудах на эту тему учёный подчёркивает, что у истории освоения Сибири мало письменных источников, она плохо прописана в современных учебниках. А ведь, даже если судить по остаткам таких важных свидетельств, как военные остроги, движение по расширению границ и развитию Российского государства было очень мощным.

«Как и по всей Сибири, в Притомье государевы остроги сыграли решающую роль в освоении этой территории, – читаем в работе В. М. Кимеева «Сибирские остроги Притомья». – Малочисленность аборигенов позволила отрядам русских служилых людей стремительно продвинуться вверх по Томи и навсегда здесь закрепиться, построив в XVII – начале XVIII вв. цепь острогов в местах компактного проживания аборигенов. Первым стал Томский острог, затем Кузнецкий, а уж позднее между ними по Томи появились Сосновский, Верхотомский и Мунгатский остроги. Они навсегда отбили охоту степнякам – джунгарам, енисейским кыргызам и приобским телеутам – грабить русских крестьян в окрестных деревнях и облагать данью бывших кыштымов. Постепенно томские татары-еуштинцы, тюльберы, кузнецкие татары на правах ясачных или «служилых» людей вошли в состав российского народа, а потом и российской нации...».

Расстояния между острогами – сотни километров. Воссоздать их заново или реконструировать не так-то просто. Валерий Макарович пытался добиться хотя бы восстановления фрагментов этих исторических памятников – в виде отдельных башен и других построек. Но и это – по разным финансовым и бюрократическим причинам – оказалось трудновыполнимой задачей.

Тогда Кимеев придумал самый оригинальный в своей жизни проект. Решил создать собирательный образ сибирского острога: с этнографическими экспозициями, с отдельными башнями и внутренними постройками из разных острогов, – в составе одного музейного комплекса, который Валерий Макарович назвал «Тюльберским городком».

На одной площадке с казачьей «древностью» он задумал разместить историю практически забытых народов Притомья: калмаков и тюльберов. В этом обращении к исчезающим и исчезнувшим этническим общностям, в особенности к последним, был замечен личный неподдельный интерес, связанный с его полу-легендой, полу-былью о «последнем тюльбере».

Не совсем понятно, сообразно каким источникам информации, – но Валерий Кимеев считал себя прямым потомком тюльберов. Тюльберский след в его жизни забавил немалое число сторонних наблюдателей, но также многие и сочувствовали. Вот что, например, сообщает автор исследований о телеутах и чалдонах Беловского района Михаил Юрьевич Живописцев:

«Книга Валерия Кимеева «Касьминские чалдоны» о быте и культуре старожилов соседней Касьминской волости (ныне Ленинск-Кузнецкий район), пожалуй, одна из первых серьёзных работ в этом плане. «У современных потомков чалдонов бытуют семейные предания, согласно которым предки их были высланы (или переселились) в Сибирь «оттуда, где реки Чал и Дон слились. Поэтому и стали они называться на новой родине чалдонами». Подобную легенду приходилось неоднократно слышать от своей матери чалдонки», – отмечает в своей книге В. М. Кимеев».

Однако, с другой стороны, сам Кимеев вспоминал, как пришёл на кафедру этнографии и антропологии Ленинградского госуниверситета и высказал своё желание заведующему, профессору Р. Ф. Итсу «стать этнографом». Так вот, факт

принятия его в «дворянскую», как называли, команду Итса Валерий Макарович объяснял наличием у себя аналогичных «княжеских кровей»... тюльберских.

Его в шутку величали «Тюльберским князем». Кимеев не обижался, напротив, ему это нравилось. Тем более, подчёркивал сам учёный, в начале XX века ни одного тюльбера на территории Кузбасса не осталось, потому что одна часть этого малого народа обрусела, другая вошла в состав телеутов.

К реализации своей задумки с «Городком» он упорно шёл несколько лет. Тщательно подбирал и выверял площадку для будущего «скансена». Само место для экомузея-заповедника на берегу Томи в Кемеровском районе выбрал неслучайно. Раскопки показали, что именно здесь располагалась стоянка древних жителей.

Что известно о тюльберах? Валерий Макарович исследовал:

– Существует две теории. Согласно одной, тюльберы, а по-другому их называют тюльбердинскими татарами, пришли к нам с берегов Оби, где в настоящее время расположен город Бердск. Другая точка зрения – тюльберы жили на территории Республики Тыва, но под давлением монгольского государства в IX-XI веках ушли жить в Хакасию, а оттуда по Томи пришли к нам.

О тюльберах мало что известно. Они жили оседло, вели комплексное хозяйство. Те, кто жил в более степных районах – это сегодняшние деревни Шевели, Сарапки, Панфилово – занимались скотоводством, ручным земледелием. Тюльберы, которые жили по берегу Томи в районе Старочервово, Елыкаево, занимались охотой, рыболовством.

В 1997 году Кимеев вместе с археологом Юрием Шириным скрупулезно обследовали местность предполагаемого культового ритуального средневекового городища. Провели археологические исследования местности. Выяснили планировку городища: где располагались жилища тюльберов, места сжигания усопших. Тюльберы сжигали своих умерших, и даже в жилищах тюльберов, согласно раскопкам, были печи для этого ритуала. Пепел помещали в маленькие кованые изделия в виде кинжалов и отдавали родным, а те уже хоронили прах в курганах. Обнаружили вал, ров, остатки сгоревших построек и культового жертвенника, другие артефакты древности.

В 1998-м Валерий Макарович «пробил» официальное решение о создании музея, основой которого стал бы палеоэтнографический (изучающий исчезнувшие этносы) объект. Кимеев с особой благодарностью вспоминал активную поддержку главы Кемеровского муниципального района Анатолия Константиновича Глебова – тот много сил и энергии отдал выполнению решения о создании экомузея-заповедника.

Принципы проектирования и развития «Тюльберского городка» отличались от принципов основания других его экомузеев. Предполагалось «сотворить живой музей» на основе метода моделирования: воссоздать здесь телеутско-тюльберский улус; на основе археологических данных реконструировать ритуальное тюльберское городище; а также – за счёт реконструированных памятников по сохранившимся в архивах чертежам – воспроизвести собирательный образ сибирского казачьего острога.

Кимеев был намерен добиться того, чтобы экспозиция отражала процессы этнокультурного взаимодействия русских и коренного населения Кузбасса. Отдельные объекты площадки предполагалось использовать «как особые, небольшие, самостоятельные музеи», а ещё – разместить в них гостиницы, ремесленные мастерские.

Автор ставил задачу: реконструировать не только традиционную обрядность, промыслы и ремёсла, – но и хозяйственные занятия. В усадьбах «Городка» должен был разместиться традиционный бытовой уклад, разводиться скотина, по реке можно было бы плавать на традиционных судах и так далее.

Реконструкция ритуального городища началась в 1999 году. Под руководством Кимеева работы выполняли студенты истфака КемГУ. Они же положили начало строительству казачьего острога. По проекту острог должен был иметь шесть сторожевых башен, каждая из которых – точная копия башен притомских острогов. Внутри острога располагался бы комплекс жилых, хозяйственных, общественных и культовых построек.

Но... только сказки скоро сказываются.

На деле с 2002-го 2009-й год удалось построить только часть задуманного городища. На этом финансирование было прекращено. Кимеев ходил по высоким кабинетам, доказывал необходимость завершения музея в полном объёме. Выполнить задуманное полностью так и не удалось. От невозможности выполнить задумку полностью на сердце учёного «остался шрам». Однако ничего не поделаешь – руки он не опускал.

В «Тюльберском городке» всё-таки появились Борисо-Глебовская проездная башня (Верхотомского острога), Александровская башня (Сосновского острога), Георгиевская башня (копия башни Братского острога), Никольская башня (реконструкция башни Томского города). Создали, наконец, Казачью караульную избу (реконструкция постройки Казымского острога), часовню, приказную избу, усадьбу воеводы и острожную тюрьму.

Всё это Валерий Макарович наполняет содержанием, воссоздаёт образ и предметы древнего городища.

После проведённых раскопок удалось частично реконструировать и саму площадку – в виде крепостной стены с воротами и мостовой перемышкой через ров. Восстановили святилище с жертвенником, юрту древних металлургов с ритуальной плавильной печью в ней, навес с плавильными печами и чум шамана. Кимеевские ученики-студенты собрали археологические артефакты, орудия труда, реконструировали различные старинные технологии. Таким образом, в едином комплексе воссоздали не только атрибуты казачьего острога XVII–XVIII веков, но и фрагменты быта и сакральных построек аборигенного населения – тюльберов.

С 1998 по 2017 годы Валерий Макарович был научным руководителем Учебно-научного центра этноэкологических исследований «Тюльберский городок», с 2003-го по 2018-й являлся также директором этого экомuzeя-заповедника. Выпускники Кимеева до сих пор вспоминают, как в городке регулярно проходили археологические, этнографические, музееведческие практики студентов КемГУ, а

также – экскурсии, фестивали, пленэры, традиционные праздники местных народов. Организатором и «заводилой» обычно выступал сам Валерий Макарович.

«Городок» – это одновременно и музей, и университетская база практик», – ворошат они память об учителе.

Из воспоминаний ученика Кимеева, кандидата исторических наук, преподавателя истории Улан-Баторского филиала (Монголия) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова Владислава Игоревича Терентьева:

«На «Городке» Кимеев никогда не отдыхал. Редко его можно было встретить в праздном времяпрепровождении: непрекращающиеся труды на экспозиции, уборка территории, «битва» за урожай, размежевание береговой линии с дачниками, починка забора и снова уборка территории, инвентаризация, ремонт помещений, регулярная подготовка зданий к сезону студенческих практик путём укомплектования мебелью, – не оставляли времени ни на науку, ни на отдых. ...Часто можно было увидеть Валерия Макаровича за «книгописанием», как он сам именовал свой творческий исследовательский процесс.

...Городок был *axis mundi* (осью мира) Валерия Макаровича, т. е. именно осью его внутреннего мира. Местность, в которой располагался экомузей, стала для тюльберов второй родиной. В воплощении тюльберской идеи он стал, скорее, продолжателем своего учителя Л. П. Потапова. Поиски «тюльберов енисейских рунических надписей», которые в прикладном плане вылились в создание экомузея, были связующим звеном между учеником и учителем ленинградской школы этнографии».

По задумкам Валерия Кимеева «Тюльберский городок» мог бы стать новым объектом для туризма в Кемеровской области:

– Привлечение туристов и было одной из целей открытия «Тюльберского городка», – делился он обширными планами в отношении будущего этого экомузея. – Так планировал и глава Кемеровского района Анатолий Глебов. Но потом пришёл другой руководитель района, и музей забросили. Даже закрыть хотели!

– Чтобы привлечь туристов, надо хотя бы сделать дорогу, – чертыхался Кимеев в интервью еженедельнику «АиФ – Кузбасс». – А нас уже пять лет не могут включить в план дорожного фонда. Асфальт заканчивается в деревне Старочервово, а дальше – обычная грунтовая дорога, которую весной и в дождливую погоду размывает. За всю историю музея дорогу только один раз отсыпали щебнем, чтобы было легче проехать. Тогда и школьников на экскурсии возили, и туристам добраться до нас было гораздо проще. Сейчас водители школьных автобусов отказываются везти учеников... Боятся не проехать и застрять в грязи...

«Между музеем и туристами нужно в первую очередь проложить дорогу», – настаивал «последний Тюльберский князь». Но его призывы так и не были услышаны ни тогда, ни сейчас – спустя почти два десятка лет с начала функционирования «Городка».

«Валерий Кимеев оставил нам Городок, – с грустью резюмировал его ученик Владислав Терентьев, – в котором мифически поселил себя тюльбером, назначив родственником древнего аборигенного народа. Он имел на это полное право...».

Сегодня музей действует, в построенных объектах созданы экспозиции, отражающие культуру русских и аборигенов Притомья. Однако из-за плохой транспортной доступности, недостроенности сооружений, отсутствия обычных удобств музей посещают слабо. Как ни хлопотал, как ни бился учёный за своё детище, идею «живого музея» воплотить до конца так и не удалось. Впрочем, я уверен, что кимеевский «Тюльберский городок» дожждётся нового надёжного хозяина...

VII.

И ещё один заметный след оставил Кимеев – монгольский. Международные экспедиции в Монголию стали одним из значимых периодов в жизни Валерия Макаровича.

«Зачем Кимееву Монголия?» – переспрашивал, бывало, сам Валерий Макарович тех своих коллег, которые выражали недоумение, зная круг его исследовательских интересов и удивляясь его научному выбору. И пояснял: «Да потому, что оттуда лучше Шорию видно».

С 2008 года в свои исследования он включил северо-западные районы Монголии. Сначала получил трёхлетний грант Министерства образования и науки России «Изучение этнокультурных взаимодействий в Центральной Азии: приграничные регионы России и Монголии с эпохи колонизации до современности». Затем – с 2011 года – стал руководителем темы «Изучение тюркскомонгольского (ойратского) этнокультурного наследия и систем традиционного природопользования этносов российской и западно-монгольской части Алтае-Саянского экорегиона». Итогом этих исследований стали его новые публикации: монографии «Тайны Кабырзинской принцессы», «Очерки Западной Монголии: Традиции и современность»...

Участник монгольской экспедиции, доктор психологических наук, академик РАН Дмитрий Ушаков подчёркивает, что интерес к Монголии у Кимеева возник из необходимости более пристального внимания к социально-политической истории шорцев и истории их взаимодействия с другими народами, в числе которых были западные монголы, или джунгары, в государство которых когда-то входили шорцы.

– Мне довелось поучаствовать только в одной (в 2012 году) из этих пяти экспедиций, – вспоминает Дмитрий Викторович, – но общения с Валерием Макаровичем и сюжетов наших совместных приключений хватило бы на небольшую книгу. «Мы в бою», – именно так не раз говорил мне Валерий Макарович... Вроде никакого особого боя и не было, на нас никто не нападал, однако завораживающе красивая, но при этом суровая природа Монголии сама постоянно подкидывала нам «сюрпризы», порой на грани жизни и смерти. В таких ситуациях сразу понимаешь, кто с тобой рядом.

Мы ехали на двух машинах – я на ВАЗ-2104, а Валерий Макарович на УАЗ-452 («буханка»). ...За время экспедиции были опасные моменты. Однажды у моей машины на скорости 80 километров оторвалось колесо, и уехавший далеко вперёд отряд Кимеева вернулся на УАЗе, чтобы спасти ситуацию. Было и спасение меня Валерием Макаровичем от водоворотов в озере Уурэг-Нуур. Много сюжетов и приключений, в которых именно братская дружба и взаимная поддержка выручали нас всех. Мы действительно были все вместе и были единой командой. И тогда я понял, что именно с этими людьми смогу пойти в любую разведку, а в бою мы сможем преодолеть всё.

Кимеева в Монголии встречали как самого близкого друга. Благодаря этому членам экспедиции удалось побывать в таких местах, куда иностранцев не пускают. У Валерия Макаровича, его коллег Юрия Ширина, Дмитрия Ушакова и других участников получилось зафиксировать многие археологические памятники этой республики.

Те, кто был рядом с Кимеевым, отмечают, что при всей академичности и серьёзности Валерий Макарович обладал тонким чувством юмора, а порой и вёдливом сарказма.

– Например, – ворошил прошлое Дмитрий Ушаков, – во время одной из встреч с монгольскими коллегами в городе Ховде, что на западе Монголии, Валерий Макарович настойчиво спрашивал их: «Скажите, почему мы, русские учёные, находим средства и время и приезжаем к вам, чтобы изучать ваши народы, а вы не приезжаете в Россию и не исследуете наши народы? У нас, что, народов мало? Даже в Сибири их много...». Монгольским коллегам на его откровенный вопрос сложно было ответить. Сам же Кимеев считал, что виной тому не столько отсутствие финансирования таких исследований со стороны монгольского руководства, сколько то, что «не всякий народ, создававший когда-то империю, готов изучать завоёванные народы». Правда, после этого монгольская молодёжь получила приглашение в «Школу молодых этносоциологов» в Новосибирске в 2013 году.

При этом сам Кимеев в своих работах и публичных выступлениях постоянно подчёркивал, что русский народ, приходя на новые территории, старался не

изменять культуру и быт аборигенных народов, а изучал их, дружил и защищал, беря под «свое крыло».

«Его педагогика была проста и действенна, – пишет Дмитрий Ушаков. – Он личным примером показывал, как надо делать. Так, во время стоянки на берегу озера Уурэг-Нуур Валерий Макарович начал сам убирать мусор, оставленный в красивом месте побывавшими здесь ранее туристами. Это было несколько необычно, но оказалось, что нам удалось убрать весь мусор всего за час. Потом мы отвезли собранное в специально вырытый для мусора ров и закопали. После себя на всех стоянках мы старались оставлять место в его первоначальном состоянии. И это было не сложно, нужно было лишь помнить об экологии – экологии местности, совести и души».

Думаю, что результаты монгольских исследований Кимеева ещё ждут своего «доосмысления», претворения в жизнь содержащихся в них идей и предложений. А сделано с 2008-го по 2012-й – годы его комплексных экспедиций в соседнюю страну – немало. Валерий Макарович привлекал в состав экспедиционных отрядов этнологов, археологов, биологов, даже архитекторов.

По итогам поездок в северо-западные районы Монголии были картографированы обнаруженные многочисленные памятники эпохи средневековья. Зафиксированы десятки памятников древнетюркской эпохи археологии: оградок, поминальников, оленных камней, петроглифов, керексуров – погребальных сооружений в виде грунтово-каменных насыпей.

Выявлен социальный состав населения, имеющего постоянные контакты с родственниками, проживающими за пределами Монголии: в Казахстане, Китае и России (Туве, Республике Алтай, Кузбассе). Проанализированы особенности современного этнокультурного взаимодействия народов Северо-Западной Монголии, включая казахов Баян-Ульгийского аймака, с населением сопредельных государств (России, Казахстана, Китая).

Были найдены и исследованы уникальные территории Северо-Западной Монголии, где сохранился комплекс памятников природного и историко-культурного наследия. Наиболее привлекательными оказались окрестности озёр Северо-Западной Монголии: Убс-Нуур, Уурэг-Нуур, Ачит-Нуур, Толбо-Нуур, Хаар-Ус Нуур в сомонном (административном) центре Ольгий.

Кимеев надеялся создать в Монголии сеть экомузеев по его методике, реализуемой в Кузбасском Притомье. Для этого он занимался разработкой проектов зон охраны и генеральных планов четырёх первых экомузеев Монголии: Уурэг-Нуур, Ачит-Нуур, Толбо-Нуур, Тариалан, Убс-Нуур.

Ученик Валерия Макаровича, преподаватель истории Улан-Баторского филиала (Монголия) РЭУ Плеханова Владислав Игоревич Терентьев:

– Кимеев умел «видеть» пространство будущего экомuzeя на местности, лишь только кажущейся пустой. Так, в Монголии, на одном из мест стоянки нашего экспедиционного отряда в 2009–2011 годы – берегу озера Уурэг-Нуур – он несколько вечеров подряд поднимался во главе нашей группы на скалу, с которой открывался прекрасный вид на озеро. Здесь он рассказывал об архитектонике задуманного им экомuzeя, воплотиться которому при жизни Валерия Макаровича было не суждено.

Подробно, с нескрываемыми эмоциями он проводил нам яркую экскурсию по воображаемому первому экомузею Монголии, в котором, как считал Учитель, «и создавать ничего не надо: всё уже готово». Он был прав в своём утверждении, ведь заповедная Монголия и люди, здесь проживающие, действительно являют собой пример давно исчезнувшей в других частях света традиционности, культуры, уникальности – всего того, что так нужно классическим музееведам...

VIII.

Кимеев – настоящий подвижник. Капиталы интересуют его лишь как средства претворения в жизнь своих идей и планов, издания книг. Но – не обогащения.

Он живёт неимоверно активной жизнью, умственной и физической, – преподаёт, делится знаниями, много пишет, многое создаёт своими умелыми руками.

В 2019 году – на основании научного обследования полусотни объектов историко-культурного наследия поселений Мысковского и Междуреченского городских округов Кемеровской области – Кимеев разработал проект детальной планировки экспозиций музея под открытым небом «Эне-Таг» в посёлке Чувашка.

В этом проекте – воссоздание традиционной прибрежной застройки из жилищ и хозпостроек, охотничьего и рыболовного станов, поляны для шаманских обрядов с ритуальным жертвенником, реконструкцией древней железоплавильной печи и мастерской по производству глиняной посуды.

Для Междуреченского округа Кимеев проектирует ещё один экомuseum – «Сарыг-Кель» – в районе посёлка Косой Порог. Рядом – места традиционного туризма – тропы Поднебесных Зубьев, склоны горнолыжного комплекса на горе Югус, что создаёт дополнительный интерес туристов к музею.

В первом двадцатилетии XXI века вернулись к вопросу музеефикации недвижимых объектов этнокультурного наследия в музее-заповеднике «Томская писаница». И здесь Кимеев активно участвует в разработке архитектурного историко-этнографического музейного комплекса «Русские Притомья», отражающего историю заселения, хозяйственно-бытовой уклад и культурные традиции русского населения края с XVII-го по начало XX века. В состав этого комплекса, по задумке учёного, входят такие экспозиции, как «Верхотомский острог», «Ясачное зимовье», «Сибирская деревня начала XX века».

Многие музейные коллекции России и региона хранят экспонаты, найденные и переданные им Валерием Макаровичем. Он любил делиться своими находками с музеями, лишь бы они приносили пользу делу.

В этом ряду – интересный факт. Этап «кимеевского комплектования» этнографических коллекций начался с ежегодных экспедиций в Горную Шорию выпускника кафедры этнографии ЛГУ В. М. Кимеева. Ещё в свой студенческий 1976 год, в ходе экспедиции в Горную Шорию, ему удалось собрать предметы охоты и быта шорцев из посёлков Дальний Кезек и Усть-Анзас и вывезти их на кафедру этнографии ЛГУ. Позднее часть из них была передана и хранится теперь в Российском этнографическом музее Санкт-Петербурга.

Основу этнографической коллекции другого паноптикума – Музея археологии, этнографии и экологии КемГУ – с 1980 года составили сборы Кимеева со студентами

по всей Горной Шории, по посёлкам на берегах рек Мрассу и Кондома. Впоследствии Валерий Макарович пополнял экспозицию университетского музея сборами в посёлках по реке Ортон – Учас, Трёхречье, Ильинка. Немало собранных им экспонатов оказалось в фондах Историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская писаница». Затем предметы шорского быта от экспедиционных трудов Кимеева стали поступать в экомузей-заповедник «Тюльберский городок».

Много экспонатов, собранных во время экспедиций, Кимеев передал и «Тазголу». А когда в начале 1990-х в Таштаголе создавался Музей этнографии и природы Горной Шории, Валерий Макарович подарил ему большую коллекцию шорских предметов быта из своего частного дома в посёлке Усть-Анзас.

Этот список музейных коллекций, созданных кропотливыми поисками учёного, можно продолжать...

И здесь не могу не сказать хотя бы несколько добрых слов об одной из главных помощниц Валерия Кимеева – его первой красавице-жене Татьяне Кимеевой, которая подарила герою нашего очерка двух сыновей. Много лет они работали вместе. И немалая заслуга в успешной карьере учёного Кимеева принадлежит именно её постоянной поддержке, умению выдержать непростой кимеевский характер.

Доктор культурологии, профессор Татьяна Ивановна Кимеева и сегодня плодотворно трудится доцентом кафедры музейного дела в Кемеровском государственном институте культуры.

IX.

4 января 2021 года весть о кончине Валерия Макаровича Кимеева для многих прозвучала как гром среди ясного неба.

На 69-м году...

Не все знали о его тяжёлой болезни, о которой сам он не любил распространяться. Казалось, что его энергии, его планам и задумкам, бесконечным проектам не будет переводу. Теперь остаётся надеяться на его учеников – подвижников кимеевской школы, верить, что массив накопленного материала и разработки учёного будут положены в основу дальнейшего сохранения как регионального, так и российского этнического наследия.

Валерий Кимеев не был безоглядным оптимистом. Своим любимым поэтом называл Михаила Лермонтова, цитировал его известное стихотворение «Дума»: «Печально я гляжу на наше поколение...». Как и поэта, Валерия Макаровича очень беспокоило, что в обществе часто царит равнодушие, ценится только холодный рассудок, высокий достаток... Сам же учёный ценил в людях честность, как важнейшее, по его мнению, человеческое качество. Честность он старался воспитать в своих учениках в первую очередь.

Кимеев обожал делать любимое дело. Владислав Терентьев говорил, что, когда Валерия Макаровича поздравляли с Днём учителя, тот «отвечал, что он не учитель, а деятель». При этом, многие отмечают, что Кимеев – человек с непростым характером. Бывал резок, если видел, что кто-то не прав, что упрямится, не

признавая свою неправоту, или недобросовестно относится к истине, к научному факту.

Доктор наук Дмитрий Ушаков считает, что критика Кимеева могла быть весьма жёсткой, но, «при позитивной динамике интеллектуального роста своих подопечных, на похвалу он не скупился».

«Порой Валерию Макаровичу приходилось сталкиваться с непониманием его жизненной позиции, в том числе и некоторыми представителями тех народов, которые он изучал и старался поддерживать... – отмечает Дмитрий Викторович. – Изучая долгие годы не только в теории, но и на практике взаимоотношения разных народов, Валерий Макарович сформулировал значимый для социальной философии и других социогуманитарных наук термин – «синдром этнической угнетённости». Знать о таком предвестнике «болезни общества» очень важно. ...Такой синдром иногда проявляется у представителей народов, входящих в многонациональное государство, когда они стремятся подчеркнуть, что их народ больше других страдал, был подвергнут репрессиям, испытывал нужду и притеснения (утрачивал язык, территорию проживания, самобытную культуру и т. п.).

...Эта обида не учитывает, что в то же самое время это же испытывало всё население государства, все народы, его составляющие. Осознание такого положения только своего народа всегда неприятно и вызывает острое чувство противостояния и борьбы, это болезненное состояние, оно может легко переходить как в национализм, так и в нацизм...

В условиях многонационального государства разрушение общества начинается с недоверия, с болезненного осознания своей уникальности без привязки к большому сообществу. Фактически это неспособность адекватно оценивать то, что дало сообщество для развития каждого народа – жильё, образование, возможность

развивать свою культуру, защиту от нападений других сообществ. Более того, синдром национальной угнетённости – это предательство и подрыв основ государственности». Профессор Сибирского государственного университета геосистем и технологий (Новосибирск) Михаил Николаевич Колоткин дополняет:

«Он был очень интересным собеседником, человеком практическим и энциклопедически образованным. Меня сразу покорили его рассказы об этнографических экспедициях в разные районы страны, проблемах и сложностях работы этнографа. Я на практике убедился, как популярен Валерий Макарович в научном мире. Возле него постоянно находились люди, шли споры и дискуссии. ...Для местных учёных он был признанным авторитетом. И в то же время очень скромным. В поездке к верховьям Енисея на базе «Эржей» не хватило домиков для расселения участников. Валерий Макарович предпочёл жить в палатке вместе со своим другом Дмитрием Викторовичем Ушаковым из Новосибирска и аспирантом Владиславом Игоревичем Терентьевым».

Преподаватель Монгольского национального университета, кандидат исторических наук Владислав Терентьев акцентирует:

«Этничность – одну из главных основ своих исследований – Валерий Макарович определял как «состояние души», подчёркивая в этом ёмком определении важность именно внутренней самоидентификации человека, а не внешних проявлений. По логике Учителя, у каждого человека имеется этничность, имеется его внутреннее состояние. Как любой исследователь, в определённые этапы своей жизни он изучал себя, находя в своей душе всё новые и новые грани: от казачье-чалдонской до тюльберской...».

Всей своей жизнью и делами Валерий Макарович доказывал возможность и необходимость изучать, сохранять, поддерживать и развивать уникальные культуры разных народов. Он делал это во благо сохранения единства России и мира в целом.

Кимеев в своей жизни сделал очень много. Однако ещё многое мог бы сделать – учить студентов, руководить аспирантами, быть официальным оппонентом по самым различным проблемам этнографии и истории, выступать ответственным редактором научных изданий. Он планировал новые книги и поездки, новые экспедиции и конференции о нелёгкой работе этнографов, об обычаях и традициях народов нашей страны.

В 2021 году планировал выпустить книгу о другом коренном народе Кузбасса – телеутах. «В следующем году мы с Александром Ивановичем Копытовым собираемся издать книгу по телеутам. Потому что про телеутов нет книг... Александр Иванович про горнорудное дело напишет в Беловском районе и Гурьевском, а я – про их национальную культуру, историю изучения и всё остальное. У меня много по ним материалов. Поэтому тоже надо их поддержать», – делился задумками Валерий Макарович. Судьба распорядилась иначе...

«К сожалению, многие из его проектов так и остались нереализованными, какие-то ввиду различных обстоятельств не развивались по намеченному пути, – отмечает Полина Валерьевна Абрамова, кандидат культурологии, доцент кафедры музейного

дела Кемеровского государственного института культуры. – Но массив накопленного материала и разработки учёного в перспективе могли бы быть положены в основу дальнейшего сохранения регионального этнического наследия», – предлагает она.

Несомненно, Валерий Макарович Кимеев оставил после себя огромное наследие, которое должно сохранять и преумножать.

г. Кемерово,
март – апрель 2022 г.

Борис Кобзарь: «Люблю следить за всеми изгибами своего карандаша»

«Мне нравится рисовать. Я люблю следить за всеми изгибами своего карандаша. В линиях сокрыто всё: твой характер, настроение, твоё видение мира. Опасность одна: не обидеть человека», – это откровение принадлежит всемирно известному художнику-карикатуристу и прозаику, новокузнецанину Борису Кобзарю.

С его замечательным творчеством хорошо знакомы любители юмора и сатиры не только Новокузнецка и Кемеровской области, его шаржи и афоризмы публиковали во многих российских и даже зарубежных изданиях.

Темы его ироничных рисунков и шаржей поистине неисчерпаемы: любовь, дружба, здоровый образ жизни, экология, экономика, путешествия, природа, – и так далее, и тому подобное. Все аспекты изобразительного таланта настоящего мастера перечислить просто невозможно.

Размышляя «о своём ремесле», сам автор деликатно и в то же время довольно смело – учитывая ревностное отношение некоторых собратьев по перу и кисти к любым появлениям препятствий на пути к разнузданной свободе слова и творчества, – отмечал, что «в каждой карикатуре или, применительно ко мне, в ироническом рисунке должен быть свой нюанс, который виден, так сказать, невооруженным глазом. Будь то извечные темы «Он и Она», «Человек и Общество» или «Мир и Цивилизация». Мне не нравится «царство неприличности». Сейчас достаточно раскрыть любой массовый журнал, чтобы убедиться, насколько сексуализирована реклама. Да и другие масс-медиа тоже полны бесстыдной откровенности. Основное бесстыдство современной западной жизни (да и нашей тоже) в том, что из неё почти полностью изгнаны тайна, намёк, иносказание и поэзия как главная носительница тайн и нюансов. Теперь уже многим ясно, что в культуре должны быть свои запреты и табу. Именно благодаря системе запретов (разумеется, художественных, а не идеологических) мне удастся создать свой язык намёков и иносказаний».

Этим принципам мастер следовал всю жизнь.

Колоссальный творческий багаж, оставленный всем нам настоящим талантом, ещё ждёт своих исследователей, компетентных критиков, скрупулёзных экспертов. Хочется верить, что его юмористическая проза, многочисленные шаржи и смешные рисунки заслуживают большого, толкового, красивого книжного фолианта.

Мои же заметки о Борисе Ивановиче Кобзаре – всего лишь попытка собрать воедино его многогранный, «разбросанный» по разным периодическим и непериодическим изданиям, образ, чтобы всколыхнуть память о великом – не побоюсь такого определения – новокузнецчанине.

Родители Бориса Ивановича Кобзаря жили в Одессе, потом переехали в Запорожье. Борис не раз подчёркивал, что в семье ценили и читали русскую классику.

В годы Великой Отечественной войны семью эвакуировали из Запорожья в Сибирь, в Новокузнецк. Здесь он и родился 2 января 1949 года. Здесь учился в средней школе № 50. Ему, с раннего детства привыкшему много читать, повезло на учителей. Одним из его педагогов была историк с дипломом Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, заслуженный учитель России, директор школы № 50 Елизавета Борисовна Рабинович. Стильная, элегантно одетая, с пышной копной белокурых волос, огромными серыми глазами, она обладала уникальным тончайшим чувством времени, и не только шла с ним в ногу, а всегда умела его опережать. Борис всегда с особым теплом вспоминал и писал о ней. Вот выдержка из его публикации, из которой становится понятно, в какой среде рос и воспитывался будущий художник:

«...Недавно в разговоре по телефону Елизавета Борисовна призналась: «Годы работы в 50-й школе – это лучшие годы моей жизни!» И наши подростковые воспоминания связаны именно с этой экспериментальной школой.

Для нас, учеников, было необычным всё: и новая школьная форма, и информационные стенды, и кабинеты по предметам. В расписании уроков

появилась трудовая практика (каждый из нас получил возможность обучаться рабочим профессиям на предприятиях Кузнецкого района). Мы были заняты так, что времени едва хватало. Почти все прошли работу в Большом совете школы, в школьном комитете комсомола. Ученическое самоуправление было на самом высоком уровне. Впервые была организована периодическая смена актива: старшеклассник мог попробовать свои силы в разных должностях. Был свой эстрадный оркестр, школа бальных танцев, любительские объединения по разным направлениям, спортивные секции, агитбригады, которые создали почти в каждом классе или параллели, ребята выступали в детских домах, интернатах, доме престарелых...».

Закономерно, что из школы, где учился Борис, явилось немало выпускников, ставших впоследствии людьми, известными своими достижениями далеко за пределами Кузбасса. Были таковые и среди его одноклассников.

«В моей школьной юности было три друга, – рассказывал Борис. – Это Юрий Минералов, Олег Маципуло и Лев Маргулис. Каждый был уникален. О каждом можно долго с пиететом говорить. Юра после школы поступил в МГУ, а затем полностью ушёл в науку, в литературоведение. (Ю. И. Минералов – годы жизни 1948-2012 – известный российский литературовед, доктор филологических наук, профессор, 15 лет преподавал в Тартуском университете, 25 лет – в Литературном институте имени А. М. Горького, поэт и литературный критик, автор многочисленных литературоведческих книг и вузовских учебников по литературе. – Прим. С. Ч.). Олег и Лев стали драматическими артистами. Олег Маципуло долгое время работал на подмостках Самаркандского русского драматического театра. Лев Маргулис стал артистом Новосибирской филармонии. В его чтецкую программу входила русская проза и поэзия. Минералов писал стихи. Некоторые из них я читал со сцены.

Юра был из рода священников по отцовской линии, а его родители пошли в геологию. Их квартира, как говорят, была намоленная. На стенах висели иконы... Библиотека по тем временам была большая. В основном она представляла классику XIX века. Среди книг особое место занимала поэзия: Тютчев, Григорьев, Надсон, Майков, Фет, Полонский. Стихи Иннокентия Анненского Юрий, казалось, знал все. Да и сам он отдалённо напоминал этого поэта, знал невероятное количество поэтов, которые мне были ещё неизвестны».

На школьных поэтических вечерах друзья часто на три голоса читали со сцены только что вышедшую поэму Андрея Вознесенского «Лонжюмо». Это получалось здорово! Их знали, любили и приглашали на городские поэтические мероприятия: «Однажды в школе был вечер, посвящённый Владимиру Маяковскому, мы решили разодеться под футуристов. Я был в жёлтой кофте, под Маяковского. Юра обрезал все пуговицы на своём костюме. Вместо пуговиц нацепил три маленьких почтовых замка. Он размахивал аэропланом, который взял в кружке юных авиамоделистов, олицетворяя буйного поэта-футуриста Василия Каменского. Наш друг Лёва Маргулис ходил в цилиндре а-ля Бурлюк, с пенсне без стёкол. Так мы эпатировали своих одноклассников. Наш легендарный директор школы Елизавета Борисовна смотрела на нас с улыбкой и прощала наши шалости.

А однажды мы пришли в городской художественный музей поклониться картине поэта-футуриста, художника Давида Бурлюка «Крымский пейзаж». Но, увы, какое было у нас разочарование – мы не нашли ничего футуристического в его полотне. Культовое поклонение не состоялось. Я часто захожу в наш музей и каждый раз отыскиваю эту картину. Она возвращает меня в то далёкое школьное время...».

После школы Борис поучился в театральном училище, где налегал на художественное чтение. Знавшие его со школы люди говорят, что это было вполне логично, ведь ему очень нравилось выступать перед публикой со сцены. Потом его призвали на срочную службу в Советскую армию...

Ну а потом, следуя всё той же логике своей поэтической натуры, Борис поступил на филологический факультет. Если уж говорить совсем точно, то это был факультет русского языка и литературы Новокузнецкого государственного педагогического института. Его Кобзарь окончил в 1977-м. На его выбор вузовской специальности существенно повлияла его школьный, а потом и институтский, преподаватель русской филологии Тамилла Борисовна Афузова. Кобзарь вспоминал, что своим отношением к литературе, к знаниям, стремлением как можно больше дать школьникам и студентам, Тамилла Борисовна завоевала непререкаемый авторитет: «Нашим наставником была преподаватель литературы кандидат филологических наук Тамилла Борисовна Афузова, которой я очень благодарен. Она объединила нас единой страстью – любовью к поэзии. В эту счастливую пору мы как губка впитывали нашу русскую литературу. Робко входили в уже разрешённую для чтения поэзию Бориса Пастернака, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой и Сергея Есенина. Нас увлекала литература Золотого и Серебряного веков».

Ещё одним своим учителем-кумиром Борис считал преподавателя выразительного чтения литфака Юлию Павловну Тарасову. Это она научила его приёмам сценической декламации. Её выпускники, связавшие свою судьбу с журналистикой, рассказывали, как долгие годы после окончания вуза в День театра – 27 марта – в квартире Юлии Павловны собирались её ученики, друзья, коллеги. После эмоциональных «монологов-мемуаров» о своих «подвигах» устраивали импровизированный концерт. Стихи, отрывки из поэмы читали ставшие журналистами Михаил Гревнёв, Василий Галыгин, Евгений Богданов и, конечно же, Борис Кобзарь...

А школьная дружба Кобзаря и Минералова продолжалась и в студенческие годы. Юрий на каникулы и праздники приезжал из Москвы в Новокузнецк, где друзья вместе коротали время: «После первого курса МГУ, где Юра Минералов учился, он приехал домой. Лето провели вместе. Чем оно запомнилось? Его новым циклом стихотворений и новым увлечением – коллажами. Мы делали коллажи, подражая мэтру – французскому художнику Анри Матиссу. Это увлечение передалось на всю жизнь».

Можно утверждать, что свой путь в искусстве карикатуры Борис Кобзарь начал, пробуя технику коллажа. И из-за коллажей он едва не вылетел из института. Однажды он вырезал из журнала «Огонёк» напечатанный крупным планом портрет вождя мирового пролетариата Ленина в кепке. Убрал всё несущественное и разместил в образовавшемся под кепкой пространстве шаржированную

физиономию комсорга своего курса. За этот эксперимент вместе с другими однокашниками, имевшими отношение к этой импровизированной студенческой выставке, был исключен из рядов ВЛКСМ. За надругательство. Слава Богу, из вуза не выперли...

А в 1976 году, после завершения предпоследнего, четвёртого, курса пединститута, Борис приехал в Эстонию, в Тарту, где Минералов уже занимался преподавательской деятельностью в знаменитом университете. Они отправились в Таллин, на кладбище, где похоронен поэт Игорь Северянин. Кобзарь на всю жизнь запомнил фразу на памятнике: «Как хороши, как свежи будут розы, моей страной мне брошенные в гроб». Затем они побывали в местечке Тойла, где жил поэт. По дороге распевали стихотворение Северянина «Ананасы в шампанском».

Один из тех дней был знаменателен особо: друзей пригласили в гости к великому лингвисту и литературоведу Юрию Михайловичу Лотману. Их гостеприимно встретила супруга Лотмана Зара Гиршевна.

Борис вспоминал: «Одно могу сказать о ней: величественная, библейская женщина. Юрий о чём-то долго говорил с Лотманом. Мне же за чашкой чая с бубликами оставалось беседовать с Зарой Гиршевной. Всё закончилось тем, что я каким-то образом стал читать стихи Александра Блока.

Зара Гиршевна сказала, что я напоминаю ей самого поэта с портрета работы художника Константина Сомова. В конце встречи мне вручили много разной методической литературы, которая издавалась Тартуским университетом. Эти брошюры я привёз на кафедру литературы в свой педагогический институт».

Дипломированный специалист Борис Иванович Кобзарь поработал директором новокузнецкого книжного магазина «Научно-техническая книга».

Это место приложения усилий было интересно, надо думать хотя бы потому, что хороших книжек тогда на всех не хватало. А читать «дефицит» хотелось многим, поэтому в магазин нередко заходили известные горожане – любители книги, среди которых были и журналисты. Эти знакомства пригодились ему в дальнейшем. При этом, Кобзарь имел диплом торгово-промышленной палаты России, что давало ему возможность участвовать в экспертных советах и общественных формированиях при городской власти. Однако, одной специальностью Борис не ограничился и в 1987-м ещё окончил Новокузнецкий торгово-экономический техникум.

Что касается рисования, то рисовать Кобзарь учился в Изостудии Александры Васильевны Холодовой, расположенной во Дворце культуры металлургов. Уроки новокузнецкой художницы, педагога, члена Союза художников России для талантливого парня не прошли даром, тем более что затем он стажировался в Московском полиграфическом институте (ныне Высшая школа печати и медиаиндустрии).

Талант художника-карикатуриста проявился не сразу. Хотя шаржи Борис любил рисовать ещё со школы – изображал в смешных ситуациях своих одноклассников, учителей.

В студенчестве, когда «гормоны играли», его картинки всё больше были какими-то эротическими. Свои вдохновенные сериалы он часто создавал прямо на лекциях. «Могу засвидетельствовать, – авторитетно утверждал ответственный секретарь «Кузнецкого рабочего» Валерий Немиров, – рисунки эти студенческих лет были изящны, лукавы и остроумны прямо-таки по-пушкински».

Припомним, кстати, что во время памятной поездки в Таллин Борис встретил Хейнриха Валка, знаменитого эстонского художника-карикатуриста. С тех пор в работах Кобзаря появились детали, которые он перенял у эстонца: линию его рисунка, его основательность. Позже Кобзарь, раскрывая секреты своей творческой «кухни», добавит: «Я испытал большое влияние польских и прибалтийских мастеров карикатуры. Их творения отчасти тяжеловесны, имеют свой подтекст. Такая карикатура не рассчитана на сиюминутный «взрыв диафрагмы», она требует умственной акробатики...».

Долгое время Кобзарь внештатно сотрудничал с городской газетой «Кузнецкий рабочий», снабжая её своими карандашными юморесками, иногда выполняя какие-либо конкретные изобразительные задания.

Во время отпусков, бывало, ездил на родину родителей – в Одессу. Было время, когда он подумывал перебраться туда на постоянное жительство. Однако, этого не произошло. Но «след» Кобзаря в Одессе остался.

Город Осипа Михайловича Дерибаса и дюка (герцога) де Ришельё вдохновлял нашего героя на творческие поиски. Именно там рождались его замечательные циклы юмористических рисунков, там он познакомился с редакциями местных периодических изданий. В одном из них – газете «Вечерняя Одесса» – ему даже повезло опубликоваться. «Я благодарен этому городу, – признавался Борис Кобзарь, – здесь меня впервые напечатали как карикатуриста в газете «Вечерняя Одесса». И одновременно меня напечатал «Кузнецкий рабочий».

В 1995 году художника пригласили в штат редакции этой газеты. Он с удовольствием согласился, потому что сам хотел этого. С тех пор места работы не менял. Его карьера в «Кузнецком рабочем» проста: корреспондент, затем художник-иллюстратор, наконец, менеджер отдела имиджевой рекламы. Коллеги по редакции отмечали, что он успешно возделывал рекламную ниву в «Кузнецком рабочем», а в перерыве между менеджментами писал юморески и рисовал карикатуры. Именно в «Кузнечике», как любят называть свою газету её сотрудники, во всю ширь развернулись дарования и художника, и литератора Кобзаря.

За годы работы в газете он нарисовал, наверное, тысячи юморесок, шаржей, карикатур, написал десятки рассказов, коротких баек, которые в корпоративном кругу именуют «журналистскими байками», проиллюстрировал немало книг своих друзей, коллег, выпустил альбомы с авторскими рисунками. Думается, газета немало способствовала тому, чтобы о Кобзаре заговорили в нашем регионе, в стране и за рубежом, чтобы его таланты по достоинству оценили, а владеющего ими автора отметили многочисленными наградами.

Творческая философия нашего героя просто поражает своей глубиной, выношенной, выстраданной осознанностью и уверенностью в том, что истинный художник должен быть добрым, позитивным, чего бы это ему ни стоило. Я почему-то не сомневаюсь, что всё это пришло к нему в результате работы в газете, где происходит постоянное соприкосновение с действительностью и с людьми, проживающими в Новокузнецке.

«Когда я сажусь за письменный стол, беру карандаш, то приглашаю моих вечных спутников: тоску, печаль, иронию, парадоксы, – откровенничает Борис Иванович. – И самое главное, я не унижаю человеческое достоинство. Мне жаль тех людей, кто не различает нюансы нашей быстротечной жизни. Нюанс – это трагедия для тех, у кого нет чувства юмора, и комедия для тех, у кого оно есть. Нюанс – это объяснение в любви всем женщинам мира в присутствии собственной жены. Нюанс – это синтез поэзии и философии, вызывающий задумчивость у поэтов и эйфорию у философов. Мне нравится работать на стыке иронии и лирики, чёрного юмора и светлых перспектив, воображения и рефлексии, страха и смеха».

Поройтесь в старых газетных подшивках и всмотритесь в шаржи Кобзаря и сами убедитесь, что добродушные, они заставляют людей широко улыбнуться, но не зло посмеяться над изображёнными людьми или явлениями. В «Кузнецком рабочем» вышли сотни его «смешных рисунков». А если к ним прибавить его опубликованные афоризмы, заметки, статьи, становится понятно, что он был не только остроумен и многогранен, но и необычайно плодovit.

Довольно скоро Кобзаря приняли в Союз журналистов. Популярность среди почитателей зашкаливала. Они ждут от БоКо (это творческий псевдоним Кобзаря) всё новых работ, и мастер не подводит своих поклонников.

Вот что пишет о талантах коллеги Валерий Немиров в публикации «Борис Кобзарь – человек афоризм!» (журнал «Наш город Новокузнецк», январь, 2008. С. 24): «Борису Кобзарю принадлежит горький афоризм: «Если на всех реках построить

заводы чёрной металлургии, то рыба будет метать чёрную икру». Его по недоразумению, видимо, называют художником-юмористом или карикатуристом. «Карикатура» в этом ряду в нашем понимании – это то, что искажает объект (дружеская карикатура – шарж – искажает, как бы по-дружески). Вряд ли о рисунках Бориса можно сказать, что они «искажают»: они осмысляют, выявляют, философствуют, размышляют». Если листать подшивки новокузнецкой газеты внимательно, становится очевидным: Борис Иванович часто делал тематические рисунки как бы «сериями», продолжая тему из номера в номер. Например, изображал голову Богатыря, того самого, который встречается Руслану, рыщущему по полям и лесам в поисках Людмилы в сказке «Руслан и Людмила» Пушкина.

Но у Кобзаря к этой самой Голове приходят в гости не только витязи. Допустим, красноармеец Фёдор Сухов или народный хор. А то и игривая дама, увидевшая в Голове потенциального клиента. Кобзарь нарисовал с полсотни всяческих вариаций на эту тему, заставляющих зрителя улыбнуться.

Чем ближе знакомишься с внутренним миром мастера, тем всё очевиднее становится, что работа в газете приносит ему большое удовольствие, что он – на своём месте, что его выбор трудоустройства в «Кузнечике» – единственно правильный. Именно с газетой у него связаны самые лучшие воспоминания, самые интересные ситуации и моменты жизни. Так, в одной из коротких заметок, что из серии «журналистских баек», названной «Как я был партизаном», он пишет:

«Это было лет двадцать назад, когда я был внештатным корреспондентом редакции. Заведующая отделом культуры Татьяна Александровна Тюрина попросила меня написать об очередном спектакле нашего драмтеатра. Заметку написал. Но на этом история не кончилась: режиссёр театра пригласил меня сыграть в массовке в какой-то пьесе про партизан...».

Или вот ещё его история под названием «Жизнь в колодце»:

«Журналист Ирина Лавренова, обладающая хорошим чувством юмора, работала в отделе информации. Ирина писала очередную критическую статью об открытых колодцах, люках, об опасностях, которые они в себе таят. Статью надо было наглядно проиллюстрировать. На роль падающего бомжа она попросила меня. Я аккуратно влез в колодец. На мою голову коллеги набросали сухих листьев. На фотографии ужас падения был убедительным. После выхода газеты ко мне домой позвонил родственник, которого я долго не видел, и поинтересовался, где я работаю и как моё здоровье...».

Или прочтите вот эту заметку, которую он назвал «Полёт на шаре»:

«Это было давно, редакция отмечала очередной свой юбилей. Я возглавлял отдел рекламы. И требовалось какое-нибудь мероприятие для яркого освещения юбилея. В коридоре редакции меня остановил заместитель редактора Анатолий Бычинский и попросил слетать на воздушном шаре. На шар мы должны были прикрепить большое полотно с логотипом «Кузнецкий рабочий». Мне это показалось очень забавным, и я дал согласие. Стартовали с Крепостной горы. Полёт длился сорок пять минут. Мне дали рацию, и я радостно сообщал на землю свои ощущения. Зрелище было захватывающим. Приземлились с пилотом на трассе близ посёлка Елань.

Народу сбежалось много. Задавали вопросы. Единственное, что я в силах был сказать: «Подписывайтесь на нашу газету, и вы будете в курсе всех городских событий...».

Совершенствовать свои литературные навыки ему помогало посещение занятий в новокузнецком городском литобъединении «Гренада». Это литературное объединение дало путевку в жизнь многим авторам, которые стали профессиональными писателями. Среди них видные сибирские поэты и прозаики – Валерий Зубарев, Александр Раевский, Любовь Никонова, Николай Николаевский и другие. Здесь «оттачивали перо» будущие известные кузбасские журналисты: Евгений Богданов, Валерий Немиров, Михаил Гревнёв. Здесь шлифовал писательскую грань своего таланта и Борис Кобзарь.

Валерий Немиров рассказывал: «Нам, газетчикам (а в «Кузнецком рабочем» до недавнего времени работали четыре бывших гренадера – Михаил Гревнёв, Борис Кобзарь, Владимир Валиулин и я), «Гренада» дала очень много: дружбу с незабываемыми людьми и любовь к слову, убеждение, что газетная статья должна быть написана хорошей прозой, по крайней мере, к этому надо стремиться. Это очень важно, если ответственно подходишь к своему делу». («Гренада»: история любви», «Кузнецкий рабочий», 3 декабря 2011).

Борис посещал и заседания областной литстудии «Притомье» в Кемерово. Первыми результатами этой учёбы стали его миниатюры для актёров театра кукол, для школьных команд КВН. Позже появились и более серьёзные литературные работы. Его рассказы и афоризмы позволяют уверенно именовать художника Кобзаря состоявшимся прозаиком. Сочинять Борис умел и любил. Это обстоятельство определённым образом повлияло на дальнейшее писательское амплуа – он стал писать с юмором, подражая одесситу Михаилу Жванецкому. Борис нередко, как и его кумир, читал написанное перед аудиторией. Выступал с рассказами в разных городах Кузбасса, на семинарах областного отделения Союза писателей России. Литературное исполнение автором своих произведений принималось публикой очень хорошо.

Короткие рассказы, миниатюры, интермедии, эпиграммы, анекдоты – вот жанры «малых форм», в которых он много лет мастерски занимался сочинительством. Старался не отставать от времени. Его «мгновенные» сюжеты, созданные лаконичным, образным языком были востребованы уже потому, что сама жизнь ускорила темп, да так, что у его современников всё меньше времени на прочтение объёмистых книг. Обозначилась чёткая тенденция к краткости, к рекламности сюжетов, всё более востребованными становятся «телеграфные» формы литературных произведений.

Мастерство писателя Бориса Кобзаря с наибольшей полнотой раскрывается именно в жанре миниатюры. Специалисты отмечают его «развитое чувство тонкой словесной филиграни, экспрессивного развития сюжета, умение в малом по объёму произведении выразить значительное содержание». Оценим пример, который приводит корреспондент «Кузнечика» С. Бабилов под заголовком «Кредитомания»:

«Ваш банк даёт кредиты под честное слово?

– Без проблем!..

– А если не верну?

– Вам будет стыдно, когда предстанете перед Всевышним.

– Когда это ещё будет...

– Если 5-го не вернёте, 6-го и предстанете».

Анекдот этот на злобу дня придумал мой коллега-остроумец Борис Кобзарь, лично знающий, кстати, многих новокузнецких банкиров...». («Кузнецкий рабочий», 20 января 2009).

При этом Борис любил много читать, и объём очередной книги не имел для него значения, более того, чем толще фолиант, тем лучше. Кобзаря часто замечали с «толстыми» книгами в руках, которые он поглощал, как губка воду. Для чтения и пополнения домашних книжных «запасов» он часто посещал не только библиотеку, но и популярный в Новокузнецке книжный магазин «Плиний Младший», что располагается на втором этаже торгово-развлекательного центра «Глобус».

– Два раза в месяц я навещаю книжный магазин «Плиний Младший», – откровенничал Кобзарь, – Там мои друзья правят бал. Они дают для прочтения чуть ли не целую кошёлку книг. И в этом магазине есть полка с надписью «Борис Кобзарь рекомендует». Конечно, это провокация директора Александра Сергеевича Вострикова. Часть книг я бы точно рекомендовал, но остальные...

Он говорил, что в советские времена свой сочинительский вкус воспитывал на произведениях российских классиков и тех зарубежных писателей, которые печатали в журнале «Иностранная литература». Потом любимым стал журнал

«Esquire». («Эсквайр» – американский журнал, основные темы: культура и искусство, мода и стиль, еда и здоровье, персонажи, интервью и другие).

Из зарубежных поэтов особо выделял французского Пьера Ронсара: «Он достоин восхищения за одну только строчку: «Пойдём, возлюбленная, взглянем на эту розу утром ранним...».

Из современных европейских писателей Бориса, который в шутку называл себя «человеком, измученным изысканной прозой», увлекал польский прозаик Ежи Вишневский с романом «Одиночество в сети». (Действие романа происходит в самом конце XX века. Герои знакомятся в глобальной сети Интернет благодаря электронной почте. Общаются, влюбляются, переживают. После длительного виртуального общения встречаются в Париже, сталкиваются с испытаниями, которые и сыграют главную роль в их отношениях и жизни каждого из них).

Среди его многочисленных любимых писателей современности английский романист и эссеист Джон Фаулз, автор «Коллекционера», «Женщины французского лейтенанта», «Башни из чёрного дерева», «Дневников». Однако при этом Кобзарь «держал под рукой» и томик китайского философа Конфуция с его «Пятью постоянствами праведного человека», которые включают в себя «человеческое начало» или «человеколюбие», «правду» и «справедливость», «обычай» и «ритуал», «здравый смысл» с благоразумием и мудростью, «искренность» с добрыми намерениями.

Впрочем, всех авторов и книги, которые ценил наш герой и рекомендовал прочесть другим, просто невозможно перечислить...

С написанными же самим Кобзарём юмористическими рассказами-миниатюрами «Отдохнём от телевизора» можно познакомиться в коллективном сборнике прозы молодых писателей «Субботний рейс», изданном Кемеровским книжным издательством в 1989 году. А цикл его рассказов «Уставшие сны» напечатан в сборнике участников литобъединения «Гренада» – «Допеть до конца» (2011).

Ещё одна подборка его коротких новелл под общим заголовком «Собирайся, мы уезжаем!» опубликована в журнале «Профессионал» (№ 17, март 2009), они обозначены, как цикл рассказов в сторону суггестии. Для тех, кто не знает: суггестия или внушение – психологическое воздействие на сознание человека, при котором происходит некритическое восприятие им убеждений и установок.

Его юмористические рассказы «разбросаны» по многим СМИ. Они печатались в журналах «Вокруг смеха» (Москва), «Крокодил» (Москва), «Врачебные тайны» (Москва), «Пиккер» (Таллин), «Вечерняя Одесса», «Огни Кузбасса»; в газетах «Известия», «Российская газета», «Литературная газета», «Колесо смеха» (Москва), «Час пик» (Санкт-Петербург); газетах «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса», «Кузнецкий край», «Край» (Кемерово), «Кузнецкий рабочий» и других изданиях.

Борис Кобзарь признан писательским сообществом. Об этом свидетельствует сборник «Писатели Новокузнецка», выпущенный в 2004 году. В нём 25 имён прозаиков и поэтов, составивших литературную славу южного центра Кузбасса. Среди знакомых литераторов: Любви Никоновой, Бориса Рахманова, Александра Раевского, Виктора Корсукова и других, – найдём и имя Бориса Кобзаря.

Хочу привести непредвзятое мнение кемеровского журналиста и писателя Василия Попка, напечатанное в марте 2010 года в блоге Василия Борисовича в соцсети LiveJournal (Живом Журнале). Попок печатал прозу Кобзаря в областной газете «Кузбасс» и ни разу не пожалел об этом:

«Новокузнецанин Борис Кобзарь подарил мне книжку... Мы с ним лично не знакомы. Если и встречались когда, то лишь мельком. Но я знаю, что есть в Кузне Кобзарь. А он знает про меня. Мы одного цеха – газетного. Года три тому я опубликовал несколько его рассказиков в литературном приложении к газете «Кузбасс». (Речь идёт о приложении «Круг чтения». – Примечание С. Ч.). Приложения уж нет, а рассказы запомнились – персонажи там были забавные. Эдакие самодостаточные шалопаи. При этом евреи. Тут извольте видеть: когда русское раздолбайство соединяется с еврейским, на выходе получаются замечательные персонажи, напоминающие довлатовских. Или описанных у Шолом-Алейхема – жителей городка по имени Егупец. Новокузнецк, наверное, отчасти Егупец, если его населяют такие милые люди.

Кобзарь и сам собой соединяет в одно целое еврейскую иронию и русское беспечное наплевательство. И это целое получается крайне талантливым и симпатичным. Как в этом изящном издании миниатюрно-альбомного формата. «Коллажи» называется...

Юмор, как считает Кобзарь (далее вольно цитирую надпись на подаренной им книге), последнее СПАСИТЕЛЬНОЕ состояние человека в этом мире. Это правда...». (<https://vas-pop.livejournal.com/106315.html>).

Ещё один «фактик» отблеска писательской грани Кобзарёвского таланта: в 1998 году Союз журналистов России присвоил ему звание лауреата Всероссийского творческого конкурса на лучший публицистический материал о нашем современнике – за серию публикаций в рубрике «Смотрите, кто у нас!» – и удостоил премии СЖР.

Не удержусь, приведу для примера парочку миниатюр из «Уставших снов».

Вот первая:

«В три часа ночи приснился Антон Павлович Чехов. Я быстро встал и пошёл ставить самовар. За окном висела бледная луна.

Чай пили вместе. Подал маковые баранки и крыжовенное варенье.

– Боря! А не могли бы вы протереть мне пенсне байковой тряпочкой. – Понимаете, на озере не вижу чайку.

Я ещё классику подлил чайку. Омонимы, решил я.

Пришла Лика. Увлекла писателя. Не спалось. Долго думал о русском языке».

А вторая такая: «В один прекрасный день, ко мне во двор забежала старенькая, замученного вида собака. На животном был ошейник, пёс был упитанный и явно одомашненный...

Зверь подошёл ко мне, я почесал его за ухом и пошёл в дом. Пёс пошёл за мной следом, вошёл в дом, упал в прихожей и тут же уснул. На следующий день история повторилась!

Пёс прибежал, зашёл в дом, свернулся калачиком в прихожей и уснул часа на два. Несколько недель несчастное животное приходило ко мне поспать. В конце концов, я решил узнать подробности. Поведение собаки меня не напрягало, а скорее забавляло! Но в курсе ли хозяева пса о его похождениях? Я прикрепил к ошейнику животного записку следующего содержания: «Я бы хотел узнать, кто владелец этого замечательного животного и знает ли он (то есть вы), что пёс почти каждый день приходит ко мне поспать?»

На следующий день, пёс, как обычно пришёл ко мне и плюхнулся в коридоре! К его ошейнику была прикреплена записка со следующим текстом: «Это милое животное живёт в доме, где растёт шестеро детей, двоим из которых нет и трёх лет, поэтому, пёс просто пытается где-нибудь выспаться. Можно я тоже приду к вам завтра?»

Всю жизнь он рисовал картинки. Шутливо удивлялся: по какому-то недоразумению их иногда называют карикатурами или юмористическими рисунками. Сам же любил называть их именно так: «Мои картинки».

Художник-рисовальщик Борис Кобзарь был постоянным членом Московского клуба юмористов и сатириков. По моему мнению, рисование – шаржи, карикатура, смешные картинки – это то, в чём он преуспел больше всего. Этот аспект его творчества был востребован, как ничто другое. И рисовал он талантливо, броско, остроумно.

Повторюсь, рисунки новокузнецанина признаны во всём мире. Он не раз был участником международных конкурсов карикатуристов в Италии, Франции, Израиле, Японии. Имя Кобзаря внесено в каталоги лучших карикатуристов конкурсов, которые проходили в России, бывшей Республике Югославии, Польше, Италии – в 1998-м, 2001-м, 2002-м годах. В 2001 году его имя внесли в каталог лучших художников-карикатуристов мира «Satyrykon», действующий в Польше.

Изданные мастером в Новокузнецке альбомы карикатур: «Притча о среднем человеке» (1998) и «Прогулки с Чарли» (2000), – широко разошлись по библиотекам и личным коллекциям ценителей, а также хранятся в музеях международной карикатуры Бразилии, Израиля, Болгарии.

Многие его «смешные картинки» не требуют подписи. Они как бы «самоговорящие». При этом они – неоднозначны. Рассматривая их, можно делать свои выводы, находить свои подтексты.

«Я помню его рисунок «Притча о среднем человеке» в одноимённом сборнике работ, – отмечал Валерий Немиров. – Смысл его таков: там, где «маленький» человек просто не замечает проблемы-препятствия, – «большой» просто через такое препятствие перешагивает, «средний» же упирается в него лбом. Смысл ясен и глубок. Это философское осознание жизни. Нынче Кобзаря охотно включают в различные всемирные списки художников-юмористов, как это было, к примеру, после международного форума в городе Земуне, что под Белградом. Недавно его пригласили членом жюри другого международного конкурса. Он на «короткой ноге» со всеми знаменитостями своего цеха. Словом, очень серьёзный человек внешне несерьёзных занятий».

Особой темой в творчестве художника стали многочисленные карикатуры на человека – хозяина природы, который её губит бездумным вмешательством. Для Кобзаря, прожившего в Новокузнецке семь с половиной десятилетий, этого ли не знать на собственной, так сказать, шкуре. Увы, город входит в число самых экологически неблагополучных населённых пунктов страны.

Живо откликаясь на эту животрепещущую проблему, Кобзарь создаёт немалую серию рисунков о безрассудной вырубке лесов, об экономике, которая развивается в ущерб природе, о том, как промышленность, созданная человеком для удовлетворения своих потребностей, загрязняет воду и воздух.

Эта тематика настолько остро и оригинально была представлена художником на зарубежных выставках, что British Ecological Society (Британское экологическое общество) присудило ему малый приз по экологии.

В 2010 году Борис сумел выпустить ещё одну книжку своих изобразительных миниатюр «Коллажи». На этот раз – с карикатурами-коллажами. Вот как этот факт шутливо охарактеризовал один из его коллег, сотрудник «Кузнецкого рабочего» Александр Денисов:

«Смотрю, улыбаюсь, постигаю. Например, почему в последнее время при встрече в редакционном коридоре он (Кобзарь) ограничивается едва заметным кивком. И никаких свежих анекдотов. Оказывается, человек был погружён в реализацию творческих замыслов. Мог хотя бы намекнуть, в чём причина столь дерзкого поведения. Мол, готовлю очередной вклад в сокровищницу графического искусства, просто разрываюсь между издателем и книготорговцем, решительно нет времени для занятий с резцом, не то что на анекдоты.

Центральный персонаж книжки коллажей – Голова из «Руслана и Людмилы». В силу анатомических особенностей, которыми наделил её Пушкин, она не слишком подвижна, зато меняются окрестности. Эффект неожиданного совмещения...». («Борис – это голова!», «Кузнецкий рабочий», 12 августа 2010).

Немало зарекомендовал себя Кобзарь и как замечательный оформитель, иллюстратор книг своих друзей. Допустим, известный новокузнецкий тележурналист, поэт, прозаик, бард Александр Замогильнов выпустил сборник пародий «Охота на стишочек» (2005). Увесистый том включил в себя пародии на стихи кузбасских поэтов, на тему «У попа была собака», афоризмы. А иллюстрировал книгу Борис Кобзарь.

Под его же патронатом вышла и книга-альбом шаржей и эпиграмм Елены Емельяновой и Евгения Любичко «Избранные» (2005), Борис был инициатором и организатором работы над её изданием.

Рисунки Кобзаря можно было встретить на городских фотоюморианах, которые ежегодно к Дню смеха (1 апреля) организывает в Новокузнецке фотоклуб «Сибирь». На это мероприятие часто «слетались» фотографы из Кемерова, Новокузнецка, Прокопьевска, Междуреченска, Осинников, Берёзовского.

Смешные работы участников выставлялись в окнах Новокузнецкого художественного музея. Со стороны было интересно наблюдать за реакцией прохожих, которые иногда подолгу задерживались у этого «вернисажа свободных

художников», задавшихся целью развеселить публику, создать людям хорошее настроение. «Смешные картинки» Бориса, как правило, достигали этой цели на сто процентов.

Не чурался Кобзарь и персональных выставок. Всё тот же «Кузнецкий рабочий» в одном из номеров сообщает: «Лёгкая импровизированная выставка открылась в кинотеатре «Октябрь». Автор её – наш коллега Борис Кобзарь. Свою выставку он посвятил французской актрисе Саре Бернар. На вопрос: «Почему?», – художник лаконично ответил: «Влюблён!»

Или ещё читаем в «Кузнечике»:

«В залах книжного магазина «Плиний Младший» открылась выставка карикатур нашего журналиста и художника Бориса Кобзаря. «Блюз» – так называется серия рисунков. Название выставки и место её проведения выбраны неслучайно. Два пристрастия сопровождают по жизни автора – рисовать и читать.

«Почему блюз? – поясняет Борис. – Блюз – это когда хорошему человеку плохо. Из этого состояния меня могут вывести карандаш и бумага. Я хочу, чтобы мои рисунки не воспринимались чистой карикатурой, это, скорее всего, грустный иронический взгляд на всё, что происходит во мне и в мире моего воображения...». («Кузнецкий рабочий», 31 марта 2009).

Поддерживал он и выставочные усилия коллег. Так, в феврале 2017 года в библиотеке имени Д. С. Лихачёва проходила фотовыставка «Читающий город – читающая планета», где известные новокузнечане были представлены в литературных образах.

Организаторы проекта Ирина Соловьёва, директор компании «Арт базар», и фотограф Александра Иванова обратились за помощью к Борису Кобзарю, чтобы

он сочинил дружеские эпиграммы на известных людей. Автор блестяще справился с этим заданием.

В газете нахожу заметку об участии нашего героя со своими рисунками в выставках за рубежом. «Приветом из Японии от Кобзаря» назвала публикацию Татьяна Тюрина:

«Нет, наш журналист Борис Кобзарь никуда не эмигрировал... Известный карикатурист ходит по коридорам нашей редакции и ведёт себя скромно. В очередной раз его карикатуры попали на международный конкурс карикатуристов, только теперь он проходил в японском городе Фукуока.

Тема конкурса – «Мир против мин». На выставке были представлены фотографии, рассказывающие о людях, ставших жертвами мин. В экспозицию и в каталог вошли работы мастеров карикатуры. В их числе и наш Борис Кобзарь. Ну что тут скажешь? Мы гордимся своим коллегой». («Кузнецкий рабочий», 20 ноября 2004).

Борис и по жизни был юморным человеком, затейником всяких шуточных дел, оригинальных розыгрышей, смешных историй. Интересно, что мог посмеяться не только над ближним, над товарищем или коллегой, но запросто был способен, не боясь насмешек, и себя поставить в смешное, неуклюжее положение. Если надо для дела, напому, способен был и в канализационный колодец «провалиться» или на небо взлететь. Татьяна Тюрина вспомнила, как однажды Борис попросил парикмахера постричь его... с закрытыми глазами.

– Я её спросил: «А слабо подстричь меня с закрытыми глазами?» И она сказала: «Надо попробовать», – рассказывал мне товарищ по кабинету Борис Кобзарь, юморист по жизни и по профессии. И пригласил меня, как на шоу, посмотреть на это мероприятие. Надежда Сырых оказалась молодой, симпатичной, разговорчивой женщиной. Парикмахер-универсал – это значит, стрижёт одинаково хорошо и мужчин, и женщин, и детей...

Надежда оглядела лицо Бориса, стараясь запомнить. «Я ни разу не подстригала никого с закрытыми глазами. Это дебют. Вообще-то это противоречит парикмахерскому искусству. Мы должны всматриваться в индивидуальные особенности клиента», – словно заранее выговаривая себе скидки, говорила Надежда, а я тем временем завязывала ей чёрной лентой глаза.

Надежда положила руки на голову Бориса, ощупала её и через несколько мгновений замелькали её руки. Она привычно ловко орудовала расчёской и ножницами. «Мне что терять? Мне терять нечего», – шутила она. Стрижка закончилась. Надежде развязали глаза. «Я думала, будет хуже», – выдохнула она, посмотрев на коротко подстриженные кудри Кобзаря. Действительно, мастер-универсал! Жаль, мы не могли вручить ей какого-нибудь диплома...

Признайтесь честно, читатель, вы бы согласились на подобный эксперимент? Я бы – ни за что! Но Борис есть Борис!

Определённо, многие детали к его образу и характеру добавляют его откровенные ответы на одну из импровизированных анкет, очень похожую на блиц-интервью. Приведу некоторые из них:

«Ощущение, которое хотелось бы испытать? – Ещё раз полетать на воздушном шаре.

Ощущение, которого хотелось бы избежать? – Невостребованности.

Любимый афоризм? – «Жизнь – это мечта умного, игра дурака, комедия богача и трагедия бедняка». Это сказал любимый писатель Шолом Алейхем.

Любимое время года? – «...Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора...».

Философия, которой придерживается в жизни? – Не терять вкус к жизни.

Любимое блюдо? – Пшённая каша и шашлык.

Любимое слово в русском языке? – Любовь, ибо миром движет только она.

Любимое место отдыха? – Дача в Карлыке (в Новокузнецком районе).

Любимый город? – Одесса (воспоминания о родителях).

Увлечение? – Театр, музыка, живопись, книги.

Любимый фильм? – Все фильмы Андрея Тарковского.

Любимая телепередача? – Телеканал «Культура», передача «Апокриф».

Любимая радиостанция? – «Шансон».

Кому бы доверил написать свой портрет? – Итальянскому художнику Караваджо (жил в XVII веке).

Что бы вы вынесли из своего дома в руках в случае пожара? – Если речь идёт об одушевлённых предметах, здесь у меня колебаний никаких нет. В доме я и жена. Лично я вынесу жену, потому что только она может сказать мне всю правду, кто я. Другие мнения меня не устраивают: все врут и парят уши...».

В январе 2024 года он отметил 75-летний юбилей. А в начале мая его не стало...

Новокузнецк явил миру целую плеяду мировых знаменитостей. Несомненно, Кобзарь – из них. Если читатель из этих заметок сумеет вывести для себя фигуру, характер, личность этого человека, значит, труд мой был проделан не зря...

г. Кемерово,
май 2024 г.

Читая Андрея Королёва

«Я работаю ответственным секретарём в областной газете, – описывал свою работу в газете «Кузбасс» Андрей Королёв. – Когда мои бывшие друзья-футболисты спрашивают при встрече: «То есть, ты – в руководстве, сам уже не пишешь?» – я для простоты всегда отвечаю одинаково: «Вот в армии есть командир, а есть начальник штаба. Я – начальник штаба». – «А-а», – понимающе кивают бывшие друзья, хотя даже я сам не вполне ясно представляю, чем занимается военный начальник штаба...

Здесь же, в редакции, я на своём месте – работу знаю и делаю её хорошо даже с похмелья. При этом коллеги, уверен, ценят меня далеко не всегда. Потому что есть у меня такая то ли положительная, то ли отрицательная черта: я сознательно взваливаю на себя (а выходит, и на других) побольше хлопот, люблю увеличивать число полос и особый кайф испытываю от авралов во время вёрстки самых

напряжённых номеров – предновогоднего, например, или ко Дню шахтёра. Сам себе эту странность я объясняю спортивностью характера: для меня, дескать, особенно важен азарт и радость преодоления.

Почему же тогда о главной цели любого спорта – достижении достижений – я в своём запущенном случае скромно умалчиваю? Где, грубо говоря, результат моих титанических усилий? И вот тут-то мне, честно признаться, крыть нечем. Как сказали бы те же бывшие друзья-футболисты: «Ни славы, ни денег...». (А. Королёв. Автогеографический – так произведение обозначено самим автором – роман «Белый воробей», журнал «Сибирские огни» (Новосибирск, №№ 11-12, 2019).

Подмечено точно, но соглашусь с автором не во всём. Больших денег порядочной журналистикой или писательством заработать трудно, а вот слава за Андреем водилась: в Кузбассе трудно найти газетную редакцию – в городе ли, в районе ли – где не знали бы Королёва. Сам я впервые услышал о нём, а затем и познакомился, наверное, ближе к концу 1980-х.

А когда 21 мая 2025 года его внезапно не стало, пошли печальные и растерянные сообщения на мой телефон и из-за пределов нашего региона – из Москвы, Сочи, Адлера, Ростовской области... Отовсюду, куда разбросала жизнь друзей-коллег. Например, его давний товарищ-кузбассовец, в прошлом тоже профессиональный футболист, ныне московский корреспондент Руслан Карманов грустно написал: «Благороднее и добрее человека, чем Андрей, я не знал...».

Со временем Андрей ушёл из журналистики, став художником слова, на мой взгляд, хорошим автором, из-под пера которого то и дело выходили интересные рассказы, повести, роман, о котором я уже сказал.

Говорят, если хочешь подробнее узнать судьбу писателя, почитай его произведения: в них он часто рассказывает о себе, своём детстве, юности, любимом деле, своих волнениях и пережитом. Что же, пойду по этому верному пути и я...

1.

Известный журналист и писатель Андрей Александрович Королёв родился 13 июня 1964 года в Кировском районе Кемерово. В автобиографии, которую он озаглавил «Слово – моё дело» (книга «Классика земли Кузнецкой». Т. 3. Книга вторая. Проза. Кемерово. 2023. С. 145-147), сам Андрей сообщает: «Отец Александр Васильевич и мама Раиса Андреевна работали на военном заводе. Растить меня и старшую сестру Елену помогала бабушка Анисья Васильевна – мать отца. И ещё его брат Эдуард, возвращаясь из разных экспедиций, тоже жил с нами. И тоже меня воспитывал...».

Кемеровчане знают, насколько специфичен Кировский район. Словно другой город, он так удалён от центра города, что будто – «государство в государстве». В 1960-70-х был известен своими секретными заводами и берёзовой рощей. Но только коренные жители Кировского ведают, что там не одна, а целых три таких рощи. И в каждой из них есть своя «тропинка полутораметровой ширины... и вокруг так прозрачно-светло от берёз». По одной из них юный Андрей бегал в школу: «Именно так я года три ходил в школу, пока не попал в футбольный спецкласс и не начал ездить учиться «в город».

А мяч он вместе с соседскими пацанами начал гонять лет с пяти. Они азартно пинали его, учились обводить соперника, бить с подкруткой по воротам. Забывали не только о времени, но и об окружающей действительности.

«Однажды мы так заигрались в роще у ДК, – вспоминал о своём детстве Андрей, – что не заметили, как к нам слишком близко подскочил громадный мраморный дог. Ему надоел его прокушенный резиновый мячик, и он захотел поиграть новым нашим. Обычно в таких случаях кто-то быстро прятал мяч под рубашку, а остальные, заслонив его, должны были отвлекать пса отпινыванием его личной игрушки и громкими криками – ориентиром для отставшего хозяина. В этот же раз мы зачем-то принялись дразнить зверюгу, встав к тому же глупо узким кружком. Дог сначала просто подпрыгивал, пытаясь поймать перекидываемый мяч, а раззадорившись, начал набрасываться на голящих. Двоих этот монстр уже легко уронил в траву, а сил у него с запасом хватило бы на всех. И тут опасная «посылка» попала ко мне. А для меня тогда мяч был предметом священным, мне даже представить было невыносимо, что псина своей огромной слюнявой пастью прокусит его. И я метнулся к забору, ограждающему рощу от трамвайных путей».

Бежать было метров сорок, и забор был гораздо выше человеческого роста, но дистанцию и препятствие он преодолел фантастически легко: «Меня так и несло по воздуху, и никакому рассвирепому зверю было меня не поймать. Потом ребята рассказали, что дог рванул было за мной, однако до конца преследовать не стал – услышал рёв хозяина, испугавшегося, пожалуй, больше моего. А мне удивительно повезло, что я не напоролся на острие заборной решётки, не разбился о рельсы и не угодил под трамвай...».

Вскоре футбол затмил в жизни пацана всё. Андрей стал капитаном детской команды «Юность» из Кировского района. Он же и создал её вместе с мальчишками в своём дворе и пошёл в райком комсомола: «Дайте тренера, иначе нас засудят...». Так тренер Виктор Иванович Цыганков (известный впоследствии) стал их тренировать. А эта «Юность» стала чемпионом Кемерова, из её состава попали во взрослый «Кузбасс» трое – Андрей Королёв, Владимир Крохичев, Александр Хромов. В «Юности» играл и Олег Коваленко – ныне заместитель кемеровского главы по социальным вопросам.

Может быть, учиться хуже он не стал, но по приоритетам и интересам в его жизни футбол был на первом месте. Всё-таки этой, наверное, самой популярной в СССР спортивной игре он обучался не где-нибудь, а в спецклассе при кемеровском футбольном клубе мастеров «Кузбасс», который выступал в первой лиге страны.

И не просто выступал, а иногда играл о-го-го как, собирая десятки тысяч зрителей на домашних матчах. Настоящие болельщики и сегодня не забывают, что в лучшие годы «Кузбасс» дома не проигрывал никому. Достаточно вспомнить, что за команду играл нападающий Виталий Раздаев – наилучший бомбардир первой лиги СССР. В один из сезонов, кажется, это был 1977 год, «Кузбасс» дважды обыграл московский «Спартак»: и в Кемерове, и в Москве. И пять раз «Спартак» забил легенда «Кузбасса» Раздаев (один, правда, не засчитали).

На этот кемеровский матч со «Спартакoм» я и сам ходил, что есть мочи орал что-то с мужиками-соседами по трибуне в поддержку наших – Раздаева, Карабанова, Шея, Садыкова, Сичкарука, Пашковского...

Я вспоминаю это, чтобы подчеркнуть, что юному футболисту Королёву было кем и чем гордиться, обучаясь мастерству в футбольной школе «Кузбасса». И он не скрывал этой гордости, тренировался упорно и целеустремлённо, желая стать лучшим на футбольном поле.

А там бывало всякое. В его многочисленных коротких новеллах под общим названием «Короткометражки» встречается немало эпизодов про игру в мяч. Например, в одной из них под заглавием «Примета ни в какие ворота» читаю:

«Мы обслуживали игру нашего «Кузбасса» с какой-то сильной командой – кажется, с минским «Динамо».

Тогда это так и называлось – слегка казённо, сервильно, но вроде как и солидно: «обслуживали». То есть, мы, ученики футбольной школы, во время матчей первой лиги подавали профессионалам выскочившие с поля мячи. А слова «болбой» в ту пору никто ещё и не знал.

Здесь вообще важно вспомнить, что за время было тогда. Конец семидесятых, застой, и всё не очень богато, так скажем. И газонов настоящих игровых – ровных, с хорошим дёрном – лишь по одному в каждой региональной столице и было. А тут мы, влюблённые в футбол пацаны, не просто в майках-трусах-гетрах два тайма на дорожке рекортановой выстаиваем, мы же в перерыве это лучшее в области поле на целых пятнадцать минут занимаем.

Нежно-зелёное, аккуратно подстриженное, по которому мяч (опять же – настоящий, для команд мастеров!) буквально стелется. И тысяч пятнадцать-двадцать болельщиков нам с трибун что-то одобряющее кричат. В общем, мечта, полёт, восторг – всё самое прекрасное для нас в эту четверть часа умещалось.

Ну так вот. Играет, значит, наш «Кузбасс» с каким-то сильным соперником, после первой половины встречи счёт 0:0. Перерыв, и мы, окрылённые, гоняем по всему большому полю без всякой тактики, без всяких лишних правил вроде «вне игры», зато с упоением.

Но вот взрослые команды уже вышли из раздевалок, судейская бригада показалась, скоро матч продолжится, а я только сейчас с мячом на выгодную позицию вырвался. Всего один защитник передо мной, и в «рамке» никого (всем же хочется носиться-красоваться впереди, голы забивать).

– Эй, только по воротам не бей! – кричит мне с бровки кипер «Кузбасса» – огромный такой, весь заросший, с бакенбардами.

Вратарей обычно стараются не злить: они об штанги головой бьются, все психованные. Но у меня же мяч под ногой так удобно, вот-вот отличусь при таком скоплении зрителей. Настал мой звёздный час!

– Не бей!

Ну да, конечно!

И я, конечно, ударил. И, конечно, забил. В ворота, которые должен был защищать «Кузбасс» во втором тайме. А это, оказывается, ужасно плохая примета...».

Не буду продолжать этот короткий, яркий рассказик Андрея. Кто захочет узнать, чем же завершился для нашей команды «проступок» начинающего футболиста Королёва, пусть сам найдёт и прочтёт текст.

В его жизни футбол сыграл большую роль. Он окончил первый в области футбольный спецкласс. И попал в команду мастеров «Кузбасс», став профессиональным футболистом, его амплуа – полузащитник. (Играл в основном составе «Кузбасса» в сезонах 1982-1984 годов). Его даже призывали под знамёна юниорской сборной страны: «В юности... летал с командой чуть ли не каждую неделю».

Игра позволяла вырабатывать силу воли, характер, стойкость в сложных ситуациях, умение проигрывать достойно: «Сам себе я чаще нравлюсь за способность собираться, не терять голову в моменты цейтнота и других форс-мажоров...».

Футбол помог увидеть мир: с командой он объездил всю Россию и большинство союзных республик, даже за границей побывал с командой, поэтому «очень признателен спорту за многое».

Футбол помогал и тогда, когда пришло время служить срочную службу в армии: он играл там в футбол за армейские сборные. «Когда я служил в армии, – это снова из «Белого воробья», – (а служил я, как спортсмен, дома, то есть в роте обеспечения учебного процесса местного военного училища связи), нас, как правило свободных днём футболистов, раз в неделю снаряжали отвозить в прачечную грязное бельё всех курсантов и солдат. Мы делали вид, что это ужасно неприятная работа, хотя на самом деле халява была волшебная: свернуть и закидать в кунг 66-го «газона» несколько десятков пусть противно-влажных, но не слишком тяжёлых узлов, потом разгрузить их в бане – вот и вся боевая операция. И можно не париться (а можно и попариться, и даже в отдельном номере, если дежурная будет не вредная), что командир или старшина станут искать тебя до обеда. Ближе к дембелю мы вообще начали ездить сюда не в военной, а в спортивной форме и после разгрузки спокойно шли гулять по городу – как раз по этому проезду, затем на Советском направо и напрямиком в кафе «Жаворонок», где всего за рубль подавали вкусные комплексные обеды, вызывающие изжогу, и до 1 июня 1985 года даже спиртное...».

Однако, повторяюсь, что на футбольном поле бывает всякое. Ведь когда по нему полтора часа на высоких скоростях носятся две дюжины крепких, здоровых парней, толкаются, пинают не только по мячу, но и ногам соперника, – бывает очень больно, случаются травмы, иногда – весьма серьёзные. Из-за этого – знаю не понаслышке – мальчишки бросают спорт, «переключаются» на другие увлечения. Не раз и Андрею было больно – и на тренировке, и во время игры. Но он не сдавался: азартно играл, финтил, забивал.

– Королёв и футбол – неразделимы, – особо отметил и Руслан Карманов. – Он о своей детской страсти, которую трепетно нёс через жизнь, часто рассказывал в интервью. О том, как забрали его из спортшколы в футбольный «Кузбасс» в качестве «сына полка» – и там во взрослой команде он не портил картины на поле, играя с

великим Раздаевым – лучшим бомбардиром первой лиги СССР. Да, на поле Андрей был чертовски хорош!»

Хотя игра не всегда просто давалась Королёву. В рассказе «Хроника пикирующего бомбардира» он как бы со стороны комментирует собственные действия на футбольном газоне, описывая их до самых мелочей, не всегда подвластных неискушённому болельщику:

«Я ошибаюсь позиционно, оставив без присмотра, а потом запоздало выдернувшись на подключившегося к атаке переднего защитника; тот просто пробросил меня и легко обошёл слева – хорошо, что отпустил мяч слишком далеко. Кто-то из наших успел на подстраховку, но выбить в борьбе смог лишь абы как – не вперёд, а вверх корявой свечкой. Я, развернувшись, сбился с хода, запнулся, выпрыгнул не с той толчковой, получил в воздухе удар в затылок – и вот, оглушённый, уже отдыхаю-валяюсь на травке.

Даже странно: когда я начал падать, ещё успел подумать, что всё нормально – больно, но не смертельно, я контролирую полёт. Однако перед самой землёй голову, словно магнитом, с силой притянуло к поверхности, левая рука не выдержала веса тела и подломилась, и я впечатался в извёстку на центральной линии прямо виском. Получилось страшновато и с каким-то запоздалым обиженным недоумением. К тому же несколько секунд куда-то пропали: вот я ещё в воздухе, вот втыкаюсь в поле головой, а вот уже возле моего лица сразу несколько разномастных бутс, и наш доктор Леонидыч, балбес, прямо в ноздрю суёт мне ватку с нашатырём...».

Скажу честно: не хотелось бы так шмякнуться, да ещё головой! Травма, сотрясение... Вот она, изнанка большого спорта! Но упорный Андрей упрямо продолжал играть. Как отмечали специалисты, у него очень даже получалось, ему прочили хорошее спортивное будущее.

– С таким потрясающим видением поля, какое заложено было в Андрее, нужно дирижировать игрой бразильцев, – не меньше, – сказал мне о его футбольном таланте Карманов. – Большинство из тех, кто хоть раз выходил с ним на поле, подтвердят, что жонглировать футбольным мячом у него получалось не хуже, чем упражняться в словесной эквилибристике...

2.

Словесная эквилибристика...

Она была, по всей вероятности, у юноши вторым хобби – любил он, как говорится, «ввернуть острое словцо» в разговоре, сострить, сочинить живые и образные строки. Казалось бы, кто же не сочинял в юности, а, выйдя во взрослую жизнь, напроць забывал об этом. Для Андрея сочинительство постепенно становилось главным делом.

В родительской семье Королёвых много читали, пересказывали и слушали, цитировали и смаковали стихи и прозу, играли в слова. «И такой фон, общий настрой, конечно, не могли на мне не сказаться», – признаётся он в своей автобиографии.

Когда пришло время выбирать профессию, Андрей выбрал филфак КемГУ: «После школы я поступил на филологический факультет Кемеровского госуниверситета...». Вряд ли его привлекала стезя учителя русского языка и литературы – он решил стать журналистом-газетчиком.

Именно газетчиком несмотря на то, что в 1980-е многие из тех молодых, кто стремился в журналистику, выбирали телевидение: модно, популярно, престижно. Тех, кто работает «в кадре», люди узнают на улицах, с ними здороваются прохожие, поклонники просят автографы. Талантливый красавец Андрей мог украсить любой ТВ-канал, но он любил выражать свои мысли на бумаге. И вообще, я знаю точно, настоящая журналистика начинается именно с газеты.

На младших курсах он ещё какое-то время мог совмещать спорт с учёбой, вырывался с тренировок на лекции и наоборот – с семинаров на футбольное поле. «Лишь позже я понял, как мне повезло, – откровенничал он, – что на филфаке в те годы собрался поразительно сильный состав преподавателей. Однако и футболом я болел по-прежнему. Но, в конце концов, убедился: заниматься с полной отдачей можно только чем-то одним...». Друзья-спортсмены рекомендовали ему: если спорт мешает учёбе, бросай учёбу. Но он вполне осознанно склонил свою чашу выборных весов в пользу университетских уроков.

Для тех, кто на филфаке специализировался по журналистике, всегда были открыты двери университетской многотиражки, которая еженедельно выходила на четырёх полосах. И заметки за подписью Королёва в ней, действительно, можно найти. Только ему хотелось большего. Это желание привело в большую областную молодёжную газету «Комсомолец Кузбасса». В кабинетах и коридорах этого издания во все времена «дули вольные ветра». Это и прельщало начинающего специалиста пера.

Довольно скоро в редакции ему стали заказывать репортажи, статьи, зарисовки. В новелле «Очень уважительная причина» Андрей так обрисовал свое первое серьёзное редакционное задание:

«Я ещё студент, но надеюсь попасть в штат газеты «Комсомолец Кузбасса». И мне поручают написать очерк о тренере-энтузиасте, занимающемся с обычными работягами летом – футболом, зимой – хоккеем с шайбой.

Летом всё было бы проще: я лишь недавно ушёл из футбольной команды мастеров... и уж о такой-то тренировке сварганил бы репортаж по-любому. А тут зима, тренер совсем незнакомый, да ещё и ехать далеко, на старый аэродром.

Ну ничего, трудности закаляют. Так что явился я вовремя. И потом часа полтора честно выстоял возле коробки, наблюдая и за игроками, и за тренером. Пытаясь к тому же что-то фиксировать в блокноте. И это был второй мой прокол, поскольку на морозе авторучка быстро замерзала. Нужно было взять карандаш.

А первый – и главный – прокол заключался в том, что я не подошёл к тренеру заранее. И он, бедолага, всё занятие посматривал на меня и гадал: что это за хрен торчит у бортика? Проверяющий? Или, не дай бог, болельщик какой безумный?

Неудивительно, что, когда я после тренировки зашёл в вагончик и сообщил всем о задании редакции, мужики особо не обрадовались, а тренер вообще

разнервничался. Прямо при мне он устроил «разбор полётов» последней игры. И доказал, что проиграли они вполне заслуженно: кто-то недоработал в обороне, кто-то «считал ворон на пятак», а кто-то (видимо, самый перспективный) и вовсе не явился на матч.

...Никакого очерка у меня, понятно, не вышло. Сам виноват: не подготовил героя к общению. Это уже позже стало модно – заставить людей врасплох. Этот приём и впрямь порой срабатывает, но злоупотреблять им не стоит. А то услышишь что-то восхитительное и потом мучаешься, думаешь, как же всё-таки протащить эту фразу в текст. А нельзя...».

Андрей быстро осваивал детали репортёрской профессии, переосмысливал собственные ошибки, как губка впитывал советы старших коллег. Особо хочу подчеркнуть, что уважительное отношение к героям своих газетных материалов у него было всегда, начиная с первых шагов в журналистике, про кого бы он ни писал – про героев труда или про лентяев. «Заставать людей врасплох», – это не для Королёва с его «интеллигентской косточкой», заложенной, по всей вероятности, с самого рождения.

Вскоре его репортёрские способности оценили и предложили устроиться в редакцию «молодёжки» на ставку литсотрудника. «В областную молодёжку я устроился неслыханно рано – ещё учась на пятом курсе, – говорил он без утайки. Так первой в его жизни газетой стал «Комсомолец Кузбасса». Работать в штате редакции он начал в 1987-м, а в 1988 году получил диплом об окончании филологического факультета.

Безусловно, были трудности в начинающейся карьере журналиста, но настырный Королёв преодолевал их с завидным упорством. Много писал и часто публиковался на страницах «Комсомольца». Коллеги областной молодёжки начали считаться с его мнением, прислушиваться к его рекомендациям. И то сказать, – Андрей пришёл в газету не зелёным пацаном, кроме нелёгкой футбольной школы прошёл не менее трудные уроки армейской «академии», одолел тяжёлую учёбу в университете.

Проснулись в нём и профессиональные амбиции, внутреннее стремление достичь в редакции чего-то большего, чем обычная информационная деятельность.

«Такое революционное, дерзко-искусительное было время, – возвращался он к тем далёким годам. – И отдел, который я вскоре возглавил, был совершенно необычный – отдел спорта и культуры. Но всё же больше меня тянуло к другому – быть в центре создания газеты. Верстать её. А для этого – выправить текст, заострить заголовок, придумать подпись к фото...».

Эти усилия не пропали даром: стремление «быть в центре создания газеты» было замечено редакционным руководством, и вскоре Андрей оказался в секретариате «Комсомольца», а затем стал и ответственным секретарём газеты. Свободомыслием, независимостью, огромной популярностью среди читателей «Комсомолец Кузбасса» (переименованный впоследствии в «Кузнецкий край») во многом обязан таланту ответсека Королёва.

В самом деле, «Комсомолец» – «Кузкрай» выбивался из однообразного множества газетных СМИ региона, отличался смелостью в освещении самых острых вопросов,

задиристостью, если хотите. При этом, именно Андрей постоянно «колдовал» над привлекательным лицом каждого газетного номера, над «вкусной» подачей написанных коллегами статей и репортажей. Помните, как он признаётся в «Белом воробье»: «...Сам себе эту странность я объясняю спортивностью характера: для меня, дескать, особенно важен азарт и радость преодоления».

Скромничает, конечно, ведь кроме «спортивного характера» давно проснулся в нём и литературный талант: он всегда находит время писать что-то в газету, излагает события точно, образно, хорошим, присущим именно ему языком и стилем. Поэтому и не любит выпускать на полосу чей-нибудь слабый материал, и если публикацию до выхода в свет можно улучшить, делает это, не стесняясь...

Кто знаком с «внутренним устройством» газетной редакции, знает: должность ответсека одна из самых сложных в газете. Андрей подходил для неё как никто другой. Здесь проявились его организаторские способности, умение собрать очередной интересный номер, чтобы подписчику было что почитать. Это, прямо скажем, – целое искусство, которое со стороны и незаметно.

Редакционный коллектив «Комсомольца Кузбасса» простым никогда не был: тут сошлись стреляные «акулы пера», и начинающая, но очень шустрая молодёжь, подрастающее племя часто весьма амбициозных начинающих репортёров, из которых кто-то после трёх-четырёх публикаций успевал уверовать, что взял Бога журналистики за бороду. С последними интеллигентному ответсеку приходилось труднее всего. Но если надо было проявить настойчивость, объясняя такому, почему его статья не пойдёт в газету сразу, а только после основательной переделки, Андрей умел собрать волю в кулак, чтобы доказать свою правоту. При этом находил для авторов нужные слова, ведь известно же, как те чувствительны ко всякого рода правке или замечаниям. В общении с ними нужен не авторитет должности, а авторитет специалиста, который и сам умеет хорошо писать.

Понятно, что газету делает целый коллектив во главе с главным редактором. Но соглашусь с высказанной одним из газетчиков мыслью, что редактор – законодательная власть в газете, а секретариат – исполнительная.

Без хорошего ответсека – начальника штаба – процесс создания большой газеты просто бы остановился. На этом месте Андрей чувствовал себя как рыба в воде. Вне сомнения, областной молодёжке с Королёвым повезло.

«Я ещё застал времена, – шутливо кичился он, – чумазой высокой печати (какая же тогда была низкой?), долго разогревающихся линотипов и быстро вспыхивающих метранпажей, спорить с которыми (ведь шилья в руках!) даже мне, ответсеку, не говоря уже о всяких корреспонденточках, дежуривших по номеру, следовало очень осмотрительно...».

Бывало, в редакции сталкивались разные мнения и точки зрения сотрудников. Иногда Андрею Александровичу, по должности стоящему «над» очередным спором, приходилось брать на себя роль третейского судьи, убеждать сослуживцев: истина всегда посередине. При этом, умел не обидеть резким выражением, недооценкой, призывать соратников по работе к взаимопониманию, примирить и организовать журналистскую братию.

Вечерами нередко засиживался в редакции. А с утра снова брался за вёрстку очередного номера – газета выходила три раза в неделю на четырёх полосах формата А2. В редакционной круговерти чего только не случалось. Иногда после острой разоблачительной публикации возникали серьёзные проблемы, угрожающие если не жизни, то здоровью сотрудников – точно. Один из таких эпизодов он описывает в новелле «Одним движением руки»:

«В начале 90-х пресса стала гораздо ближе к народу, в том числе и к блатному. И однажды к нам в редакцию областной молодёжной газеты явились два полпреда криминального мира. Так непосредственно отреагировали они на нашу публикацию. А отклик читателей – тогда это было святое.

Редактор отсутствовал, и закрыть амбразуру пришлось мне. В приёмной гости заявили, что ищут Якова Ч..., и я напрягся ещё больше. Это был псевдоним нашего корреспондента отдела права. Сейчас – и правильно – такой пост доверили бы только ушлому профи, но тогда царили странные романтические представления, и работал у нас просто послушный студент на полставки. Милиция сливала ему какие-то мутные полуслухи, а мы печатали их чуть ли не с гордостью: все шлюзы (или кингстоны?) открыты, даёшь поток горькой правды во всё её многообразии!...».

В этот раз кое-как обошлось, он сумел-таки уговорить братков на мирный исход дела. Говорю же, улаживать конфликты Королёв умел.

Областной молодёжке Андрей отдал почти десяток лет. Появилось ощущение некой цикличности жизни. Как в природе: осень-зима-весна-лето, – в жизни газетной редакции тоже многое регулярно повторяется. Его не привлекало даже состоявшееся повышение до заместителя редактора. И в 1998-м он перешёл на другую работу...

«У него появилось ощущение рутины – поясняет Руслан Карманов. – Хотелось нового. Впрочем, Андрей никогда не искал тёплого места, следуя исключительно велению сердца в выборе места работы... Например, сменил кресло замглавреда «Кузнецкого края» на незавидную должность пресс-атташе объединённого футбольно-хоккейного клуба «Кузбасс», чтобы сделать клуб ещё более популярным».

Ежели переиначить известную поговорку, получится: «Рыба ищет, где глубже, а журналист, где лучше». Андрей на спортивном клубе не остановился, пробовал себя в разных местах, при этом не изменяя журналистике.

«Собственно, я знаю, что никуда из газеты не денусь, – объясняется он через главного героя своего романа. – Даже если и сбегу ненадолго, всё равно вернусь назад как миленький, как было уже не раз... На самом деле я отношусь к этому как к спорту: меня выбрали, купили именно в эту команду, и, пусть играет она сейчас отвратительно, я, как профи, обязан отдаваться по полной – иначе стыдно и вообще смысл пропадает...».

И он хорошо потрудились в «Губернских ведомостях», «Крае». А с 2006-го по 2008-й год был редактором кузбасского филиала «Российской газеты» – официального печатного органа Правительства Российской Федерации. И где бы ни работал, делал это с высокой отдачей, профессионально и уверенно.

«У него была нацеленность на командный успех, – пишет об Андрее Королёве кемеровский собкор «Российской газеты» Юлия Потапова (<https://rg.ru/2025/05/23/reg-sibfo/>). – Именно так, одной сплочённой командой, где каждый на своём месте делает любимое дело, в дружеской, творческой атмосфере и выпускал газету кемеровский филиал «РГ».

«Главное – атмосфера», – любил повторять наш редактор. При мудрости и рассудительности, у него было удивительное, тонкое чувство юмора и блестящий талант дружить. Он умел почувствовать боль ближнего и подставить плечо, не дожидаясь просьб о помощи. Искренне радовался успехам всей команды и каждого из игроков. Он знал цену правдивому и точному газетному слову».

Однажды «добрался» он и до областной газеты «Кузбасс», которая тогда была единственным региональным ежедневным массовым изданием в Кемеровской области. До него ответственным секретарём этого издания много лет был многоопытный, очень уважаемый в регионе журналист Юрий Васильевич Дьяконов. Благодаря Дьяконову в 2009 году «Кузбасс» стал лауреатом Премии Правительства РФ по итогам конкурса среди печатных СМИ России – за разработку и реализацию современной модели газеты.

Но пришло время Юрию Васильевичу выйти на заслуженный отдых, освободившееся в июле 2009 года место предложили занять Андрею. И он согласился. Королёв поддерживал престиж областного издания всеми гранями своего таланта. При нём газета продолжала выглядеть солидно и представительно. – Мне Андрей Королёв нравился тем, – поделился ветеран, заслуженный работник культуры РСФСР, почётный гражданин Кемеровской области Ю. В. Дьяконов, – что всегда был корректным, внимательным к коллегам по работе. У него был большой

опыт работы в производстве газет, но он этим не кичился, как бывает у иных тщеславных, зазнаистых персонажей. Я чувствовал его как «своего», как журналиста из старой, проверенной когорты, преданного профессии, преданного друзьям... Он и редактором был очень профессиональным. Мне, например, повезло, когда в 2023 году он редактировал мою новую книгу «Играют мысли в прятки» (сборник стихов, написанных в жанре японской лирической поэзии хайку (хокку)). Андрей так аккуратно, корректно и точно всё поправил, что не согласиться с ним было невозможно. Это был высший класс!

«Сильнее профессионала газетного дела (редактора и стилиста), чем Андрей, я и в Москве не встречал – ни в «Коммерсанте», ни в «Советском спорте», ни в «КП», ни в «Вечерней Москве». Нигде, где работал в столице», – добавляет Руслан Карманов. Между прочим, кузбасской журналистике пригодился и его спортивный опыт. Футбольная команда журналистов «Гонорар-82» очень нуждалась в готовых свежих кадрах. И Андрей в конце 1980-1990-х сыграл в ней десятки матчей. С его участием в те годы сборной журналистов Кемеровской области удавалось уверенно занимать и первые, и призовые места на Всесибирских журналистских спартакиадах. «Гонораровцы» отмечали, что его выверенные передачи не раз давали партнёрам шанс отличиться – только ного подставь после паса Андрея и мяч затрепещется в сетке ворот соперника «Гонорара-82»...

Теперь уже точно известно, что газетам Андрей отдал половину своей жизни, работая в них на разных должностях, но всегда добросовестно, с полной отдачей. Мог бы, вероятно, и больше, но... Пресытился что ли, устал от ежедневной нагрузки, у которой нет конца, от редакционных подковёрных интриг, без которых не может жить ни один творческий коллектив. У любого печатного издания – у «Кузбасса» тем более – существуют свои определённые «рамки», ступить за которые нельзя. Он чувствовал, что попал в колею, и выбраться из неё можно только переключившись на другое дело.

«Неудивительно, что эта высасывающая все силы неблагоприятная работа меня уже достала. И не меньше – сопутствующие ей обстоятельства. Я ведь ответсек не какой-нибудь там обычной областной газеты, а главной, – подчёркивает автор «Белого воробья» и тут же с сарказмом добавляет, – но не в том смысле, что априори самой лучшей, а в том, что самой приближённой к власти. Впрочем, если говорить об уровне солидности (планке брезгливости) и качестве имеющихся перьев, то тут мы и впрямь, пожалуй, посильней других. Другое дело – возможность этот потенциал реализовать. И вот эта самая подневольность (зачастую, кстати, и не диктуемая сверху, у многих уже внутренняя), а также неумолимая поточность, обязательность ежедневного выхода и напрягают больше всего. В общем, устал. Надо отдохнуть хоть немного, проветрить мозги. Тогда, может, и изменю что-то в своей жизни – найду, например, другую работу...».

С возрастом Андрей стал свободолобивее что ли. Словом, и из «Кузбасса» он ушёл. «Примкнул» к редакции литературного журнала «Огни Кузбасса». Толково, вдумчиво, бережно редактировал здесь разных многочисленных авторов беллетристики и публицистики. Зато появилось больше времени самому заниматься литературным творчеством:

«Сам я теперь в журнале «Огни Кузбасса», редактирую, как говорит Сергей Лаврентьевич Донбай, «всё, что написано нестихотворными строчками». И продолжаю писать прозу. И надеюсь, наконец-то нашёл свое место в жизни...». Своим главным призванием он стал считать служение литературе, которой отдавал себя беззаветно...

3.

Королёв начал сочинять рассказы, ещё работая в СМИ: «Всё это время я, конечно, старался писать не только для газеты, но и художественную прозу. И даже публиковал рассказы. А вот с романами была какая-то беда...».

Его рассказы: «Короткометражки» (июнь 2024), «На краю рая» (февраль 2023), «Красные бусы» (июнь 2022), «Ночной футбол» (июнь 2021) и другие, – выходили в журналах «После 12», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни», «Балтика» (Калининград), альманахе «Белый бор» (Сыктывкар).

О попытках опубликовать более крупное произведение он высказался так: «Первый – прозрачно-жизнерадостный роман – я отправил в популярный всесоюзный журнал. Результат оказался отрицательный, но лестный. Мне вернули рукопись почтой (это явный знак симпатии: никому никогда не возвращают). Более того, мне ответили персонально. Начиналось письмо вот таким прекрасным оскорблением: «Надеюсь, вы понимаете, что написали отличный роман...». И хотя продолжение тоже следовало хвалебное («Язык ваш сочен и вкусен...»), финал письма не оставлял надежд...».

С публикацией его второго романа («более изощрённого и чуть скептического») тоже не вышло. Хотя он даже успел подписать договор с издательством о выпуске отдельной книги. Да вот это крупное московское издательство закрылось.

Третий свой роман («уже почти трагичный») Андрей Королёв послал в новосибирский журнал «Сибирские огни». И он там вышел: «Позже ещё несколько моих рассказов приняли там тепло».

Журналист, газетчик с тридцатилетним стажем стал писателем. Причём, хорошим прозаиком, со своим, не похожим ни на чей другой, голосом.

«Если взялся писать статью, повесть или роман, – непременно поймай нужный ритм и темп словосложения, – и он понесёт тебя как по волнам», – делился Андрей секретами литературного мастерства с коллегами.

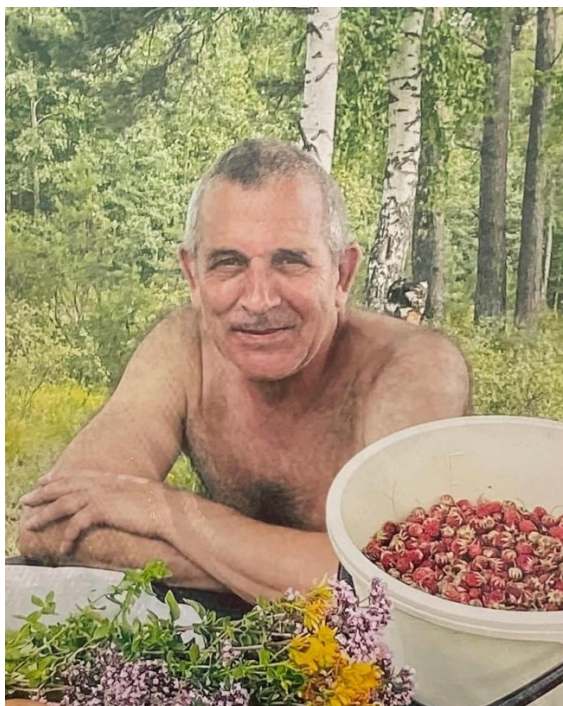
И критика, и читатели хорошо приняли его книги: «Гонки на троллейбусах» (рассказы, 1999), «Провинция» (роман, 2015), «Провожатый» (рассказы, 2022). Подборки его новелл, роман «Белый воробей» публикуются в кузбасских и сибирских журналах.

«Главный герой сочинений Андрея (быть его прототипом, автор доверял лишь себе), не осуждал никого, – подчёркивает Руслан Карманов. – Ни расчётливых героинь, непременно расстающихся с протагонистом, ни лицемеров, ни дураков. Любовь к людям была главным источником его изумительно-утончённой прозы...».

За роман «Белый воробей» Королёв был признан победителем литературной премии Сибирской генерирующей компании в номинации «Новое кузбасское слово».

«Его новеллистика проникнута несомненным единством. Как тематическим (почти всегда это рассказы о любви), так и исполнительским (все они сложно организованы, хотя легко читаются, все держатся на интонации, лейтмотиве, музыкальном переплетении тем и мотивов). – это мнение литературного критика Юрия Юдина, высказанное им в рецензии «В ожидании двусмысленной радуги» (книга «Классика земли Кузнецкой». Т. 3. Книга вторая. Проза. Современная литература Кузбасса. – Кемерово. 2023. С. 140-147). – Это очень хорошая проза. ...Мой любимый рассказ А. Королёва «Апокалипсо» достоин войти в любую, самую строгую антологию русского рассказа всех времён. И выдержит соседство с шедеврами Гоголя и Чехова, Тургенева и Бунина, Бабеля и Платонова, Шукшина и Довлатова.

При этом рассказ вовсе не кажется ярмаркой символов и сказочных мотивов. Ни следа нарочитой эрудиции, никаких услужливо подсунутых отгадок. Автор, разумеется, не шпиговал мифологемами ткань своей прозы намеренно – и читатель их по большей части не замечает. Просто из качественной прозы всегда можно вычитать в двадцать раз больше, чем она прямо сообщает. Так устроен и этот рассказ – с виду незамысловатая история о чуточку грустном свидании, которая читается одним духом...».

Многие части его прозы, незаметно «сшитые» талантом настоящего Мастера воедино, состоят из крохотных зарисовок, сделанных с натуры. Читаешь, и сам погружаешься в написанный Андреем мир, который раскрывается перед тобой своими лучшими гранями:

«... Ещё совсем светло, но взрослые деревья в лесу уже как будто погрустнели, вокруг стволов слишком уж безразличная тишина, только заросли малины выглядят на удивление живо – ещё совсем зелёные и с сохранившимися снизу ягодами. А от бледной осины к сухому черенку берёзки протянулась видимая паутина – уже не

страшная и не противная. А вот черёмуха правее в глубине так неприятно бросилась в глаза – вся чёрно-жёлтая и наполовину облетевшая.

И вдруг – так же ярко в луче заходящего солнца – прямо над тропинкой, на перекинувшейся через неё ветке – маленькая серая белочка – замершая, сжавшаяся и в то же время презрительно-бесстрастная, и её пушистый хвостик просвечивается насквозь – такой, оказывается, жиденький, с тонкой ниточкой-хрящиком посередине. Глянула свысока, дала на себя поглядеть и ускользнула в ещё густую пёструю крону, растворилась в чужом и непостижимо реально живущем мире. (Рассказ «Апокалипсо», «Огни Кузбасса», № 4, 2011).

«Любовь и доброта в его книгах прописаны как у себя в родном доме», – особо выделяет Руслан Карманов.

Любовь в произведениях Андрея Королёва всеобъемлющая. Прежде всего, это любовь к Женщине, к людям вообще. Не скрываясь, открыто он пишет про любовь к своей семье – жене Наташе, сыну Андрею, дочке Марии, сестре Елене, внукам... К Антиповке – лесному старенькому дачному посёлку для журналистов в Журавлях, где обожал встречаться с друзьями, чтобы пообщаться за нехитро накрытым столом.

Его любовь к малой Родине начинается с его дома, в стенах которого живут его самые близкие люди. Прожив немало лет в Кировском районе, Андрей мечтал перебраться поближе к центру города: «Именно ощущение праздника (точнее, наверное, предощущение) почему-то всегда вызывает во мне это место, в общем-то, не слишком выразительное, транзитно-суетное, многолюдное по необходимости. Но, видимо, мне, как пацану с рабочей окраины, эта первая остановка на пути «в город», в Центральный район неизбежно должна была внушать такую приподнятость.

...А здание главпочтамта, которое я с раннего детства, ещё со времен поездок с мамой к её сестре тёте Поле всегда узнавал особо и горячо называл Москвой, вообще, думаю, стало главным ориентиром в моей жизни».

Немаловажно и другое: где-то на этом отрезке между первым универсамом и Театральной площадью в один из осенних дней он впервые увидел свою будущую жену. «...Она и сама по себе яркая, и побыть в центре внимания никогда не прочь. Да и то сказать: с ней я прожил уже вдвое больше, чем с родителями и сестрой, много было разных сцен, достойных воспоминания. Но мне в первую очередь видится такая картина, самый светлый образ семьи. Мы, молодые, идём из детской больницы с нашим первенцем. Тогда было модное движение «Плывать раньше, чем ходить», и ребёнку «с тонусом» это было особенно показано. И вот жена провела с ним час в бассейне (я читал в холле, скорее всего кого-то из латиноамериканцев), а теперь мы возвращаемся домой по улице Ворошилова, обсаженной молодыми берёзами. И вдруг внезапный сильный дождь, летний ливень, и я снимаю джинсовую куртку и занавешиваю ею коляску, и мы бежим, толкая коляску перед собой, под весёлым тёплым дождём, смеясь, промокшие до нитки, но такие счастливые!»

В одно прекрасное время его мечта сбылась – семья Королёвых переселилась в «сталинку» на улице Орджоникидзе, которая упирается в площадь Пушкина:

«Квартиру здесь я купил десять лет назад, – сообщил он нам об этом в «Белом воробье», – засыпал кучу денег, даже влез в ипотеку... Наш дом – самый узнаваемый в старом центре города, как говорит моя сестра, «центрее не бывает»: из окон на пятом этаже я вижу уголки трёх лучших площадей и три триколора на крышах самых главных зданий – областной администрации, областного Совета нардепов и мэрии. Но больше всего мне нравится вид главпочтамта с восьмиугольной башней, тремя квадратными часами и шпилем и уходящей от него в перспективу улицей 50 лет Октября, особенно по вечерам, когда она загорается разноцветными огнями...».

Андрей немало поездил по свету, видел другие города и страны. Ему не раз предлагали перебраться в европейскую часть России. А что?! С его талантами мог бы вполне жить и работать в Москве, Питере, в любой столице любого региона, заработать денег, сделать приличную карьеру чиновника. Однако, он не принимал всего того, что не вписывается в его принципы жизни, мешает его журналистике, его писательству. Поэтому всегда старался «держаться подальше от власти и богачей – не только из брезгливости, но и из осторожности: часто они бывают очень сильными людьми, их обаяние способно действовать парализующе, их вера в собственную исключительность может быть заразна – и вдруг я не смогу выстоять, вдруг не смогу устоять?!»

В этом же кроется и главный секрет того, что он всегда с удовольствием возвращался в родной город – место своего детства, юности, взрослой жизни. Он не только сам любит Кемерово – он предлагает сделать это и своим читателям: «...Я спускался в деревню (Журавлёво) окружной дорогой – не напрямик через бор по крутой тропинке с окаменело-отшлифованными корнями, а мимо новых жлобских коттеджей и потом по разбитой бетонке вдоль сосновых посадок, глядя на город, открывающийся на другом берегу Томи. Этот вид всегда меня умиротворяет, умиляет, воодушевляет, в общем, заставляет расчувствоваться...

Казалось бы, обычные новостройки, убогие, дешёвые, типовые для любого советско-российского областного центра, однако у меня при виде их сразу теплеет в душе. Это сродни жалости, только возвышенной, суровой, честней. Я люблю свой город, даже его корявое название – Кемерово – кажется мне тёплым и оригинальным, а наш старый центр с высокой набережной и цельным архитектурным ансамблем образцового сталинского стиля я вообще искренне считаю не только уютным, но и красивым».

«...Сквер у областной филармонии – один из лучших в городе: он и вылизанный, и с этакой приятной диковатостью. За первым рядом лип и вторым рядом берез растут купами тёмные ели, а между ними на газоне живописные кучи валунов (на самом деле, наверное, неликвид с каменоломен, однако смотрится всё равно симпатично). Сейчас, с валами счищенного снега и шапками сугробов на месте клумб, сквер уныл, сиротливо насуплен. Но уже скоро оживёт, расцветёт, заполнится людьми.

...Перейти Красную улицу – и окажешься на необычном пятачке, неожиданно безлюдном для этого района. Не скажу, что это сердце или лицо города, скорее нежный животик, или бритый лобок, или тёплая подмышка – да, именно, как у Христа за пазухой! – потаённый тихий уголок с особенно мягким уютом.

От розово-мраморной часовни иконы «Всех скорбящих радость» до задней стены бывшего обкома «Всех алчущих надежда» примерно гектар обетованной земли под сенью берёз и лиственниц. Доминанта ландшафта – роскошная круглая клумба с тремя ажурными фигурами ангелов; вокруг неё и в нишах центральной аллеи солидные скамейки (парковые диваны!). «...Хотя, – признаётся автор «Белого воробья», – конечно, больше всего я люблю своих земляков. Банально, но правда: сибирский характер, широта души и всё такое».

Перечитав заново эти строки, так и хочется спросить кемеровчан: «Вы умеете любить свой город так, как Андрей Королёв? А вообще-то любить вы умеете?»

Любовь в произведениях Королёва не только расширяет границы смысла жизни, она делает мир вокруг безграничным и наполняет новыми ощущениями, помогает нам видеть и чувствовать гораздо больше, чем обычно. Её величину нельзя определить никакими привычными единицами измерений, она не вмещается в определённые рамки, при этом не тяготит и не мешает. Как воздух вокруг нас не мешает нам дышать. Его всеобъемлющая любовь – особый дар, который даётся не каждому. Такой тип любви не знает границ: она принимает и прощает, поддерживает и ободряет.

«Тем же, кто лишён этого королёвского дара, могу посоветовать: читайте прозу Андрея, – заповедует Руслан Карманов. – И вы обязательно станете лучше, щедрее, великодушнее и точно – добрее».

А неугомонный жизнелюб, писатель Андрей Королёв продолжает поражать своими открытиями:

«Недавно я вывел такую формулу: жизнь в целом отвратительна, но в частностях прекрасна. Хорошо, когда таких частностей набирается побольше... А для этого надо помнить хорошее и хранить».

«Белого воробья» Андрей завершил поразительными, щемящими душу пророческими строчками:

«Небо постоянно подаёт какие-то знаки – надо только уметь их читать. Я вот не умею. Живу без иллюзий и стараюсь не врать себе, и только изредка чувствую, что всё красивое не случайно и всё доброе не обречено, и лишь иногда могу надеяться, что, умерев, останусь в воздухе возле любимых и буду им помогать – как мне всегда помогал со щадящей иронией мой терпеливый ангел, Небесный мой Отец».

г. Кемерово,
май 2025 г.

Виктор Королёв: «Мог ли Бальзак стать шурином Пушкину?»

1.

В конце 2020 года получил письмо из Екатеринбурга – от писателя Виктора Королёва. Это был его отклик на мою книгу «Судьба в журналистике. Книга памяти журналистов Кузбасса».

«Только что прочитал твою «Книгу», – сообщил он. – Просто потрясно! Это гигантская работа, просто гигантская! Много чего вспомнилось. Столько людей знакомых. Помню, как лет двадцать назад ты мне (через Толю Клишина) помог сделать какую-то бумагу с печатью, когда я приезжал из Москвы с идеей всероссийского интернет-пресс-центра.

Я не работал в Кемерове, но там вышла у меня первая (вру, вторая) книжка (и не книжка, а сборник «Наше время состоит из нас»). Работал в Берёзовском, Гурьевске, Новокузнецке. Интересно, что в Берёзовской газете «За коммунизм» нас в комнате было пятеро молодых и амбициозных парней. Все пятеро мечтали стать

писателями. И – занятно – все пятеро стали. Вася Попок, Володя Иванов, Володя Соколов, Юра Шумицкий (который потом пешком пошёл из Владивостока в Москву на Олимпиаду-80), и я. Короче, тьма воспоминаний, море тёплых слов и слёз. Это всё – твоя книга...».

Согласитесь, приятно получить такую оценку от известного российского прозаика! Чуть позже я «раскрутил»-таки его на воспоминания о жизни и работе в Кузбассе.

«Неужели прошло почти полвека? – пишет Виктор Владимирович в своей заметке «Тепло той печки» (воспоминания о работе в газетах Кузбасса для сайта о журналистике Кузбасса: слово-сочетание.рф.) – А кажется – вчера было...

В 1973 я приехал с Дальнего Востока в молодой город-спутник областного центра. Как писала одна девица, автор нашей газеты, «Город Берёзовский – какое романтическое название у города! Видимо, душа пела у человека, который дал ему такое имя!»

– Не знаю насчёт романтики, – иронизирует Виктор Королёв. – Мы, конечно, тоже иногда пели, и даже с душой. Но, честно, как-то не до этого было, хотя новый Дом культуры в Берёзовском только что сдали, и его директор Миша Фрейман очень газетчиков уважал и помогал, чем только мог. Газета называлась «За коммунизм». Мы тогда уже ясно видели, что «коммунизм всё так же близок, как в восемнадцатом году», но город строился быстро, уголёк шёл на-гора, люди трудились с радостью... В Кемерове Королёву, действительно, трудиться не довелось. Однако родился-то он именно в столице Кузбасса 23 августа 1949 года, в семье военного журналиста-фронтовика. Потом с аттестатом о среднем образовании уехал в Свердловск, поступил в Уральский государственный университет. За пять лет учёбы побывал на практике в разных городах страны. После окончания УрГУ в 1971 году десять лет работал в городских газетах Западной Сибири и Дальнего Востока.

Одной из них и стала газета «За коммунизм» из Берёзовского, здесь он начинал литсотрудником. С 1967-го работал заместителем редактора газеты «Знамя Ильича» в Гурьевске. А после окончания в 1980 году Новосибирской высшей партшколы трудился в Новокузнецке – в «Кузнецком рабочем» – крупнейшей газете Кузбасса.

Известный беллетрист, автор исторических романов Виктор Владимирович с ностальгией припоминает о том, как жил и работал в Кемеровской области. Ведь именно здесь формировался его сочинительский талант. Добрым словом вспоминает коллег-газетчиков.

«Редактором в Берёзовском был Владимир Денисович Чворо. Абсолютно легендарная личность, – подчёркивает Виктор Королёв. – Он умел всё: писать, убеждать, рыбачить, ругаться, поощрять. Он давал нам полную свободу. Лишь по вторникам собирал всех на планёрку. Приходи, показывай, что создал нетленного за неделю. Из расчёта двести строк в каждый номер. Так что по понедельникам, мы все допоздна отписывались, повторяя про себя заклинание:

Понедельник день хороший,
Только вторник будет скоро,
На планёрке бить галошей
Нас по мордам станет Чворо...

В среду это был уже другой Чворо – добрый друг и наставник. Он ласково улыбался каждому:

– Городская газета – это печка бездонная, всё съест, знай только подкидывай в топку. Кто эту школу пройдёт, тому никакая другая редакция не страшна будет!

Чворо сделал нам, сотрудникам, комнату отдыха. С ремонтом.

– Парни, печку предлагаю не убирать. Типа камина будет. И полочки посудные над ним повесим – чтобы вы из нормальных рюмок свой чай пили. Согласны? – Да кто ж против такой заботы восстанет?!

И каждый раз добром мы шефа вспоминали, когда жгли в топке свои черновики и пили чай зимними вечерами. Заседания городского литобъединения там же проходили, человек по двадцать собиралось. Печка гудела, комната быстро нагревалась. И сейчас помню это тепло...

Владимир Денисович первым в Кузбассе решил перевести газету на сетевой график. Всё сам продумал, расписал. Мы поначалу сопротивлялись как могли. А потом ничего, втянулись. С улыбкой вспоминаю, как это было. «Мне через две недели очерк сдавать – а где я его возьму? Фельетон? Да я их в жизни не писал!» А пришлось. И герои для очерков находились, и от обиженных фельетонных персонажей редактор в горкоме партии защищал нас. Всё было.

И всё потом мне очень пригодилось. В семьдесят шестом году предложили стать заместителем редактора Гурьевской городской газеты «Знамя Ильича». Редактор, Павел Владимирович Бодунов, через полгода предложил: «Я журфаков не кончал. Ты, похоже, лучше меня разбираешься. Давай-ка бери на себя газетные дела – содержание, оформление, а я – всё остальное».

И мы попробовали там жить по-новому: на каждую полосу ставим один постановочный материал, остальное секретариат найдёт, чем забить, строчкогонством больше не занимаемся. Вот тогда-то сетевой график Чворо и пригодился. «Гвоздь» – в центре разворотной полосы, обязательно с лидом, утопленный заголовок 48-м кеглем, всё это в рамку, а вокруг – письма читателей. Мы тогда публиковали очень много писем, а приходило их стало в два раза больше.

По субботам на четвёртую полосу ставили лёгкое чтение: юмор, фотоэтюды, стихи, рассказы. Однажды дали на всю полосу подборку стихов Леонида Гержидовича – они потом вошли во вторую его книгу «Таволга»...

Удивлялись все: при населении города в сорок тысяч как может тираж газеты быть больше десяти тысяч? Получается, что абсолютно каждая семья выписывает? Да, получается так. Золотое было время. А люди какие работали в редакции! Дмитрий Гоосен, Лариса Лезина, Галя Бабанаква, Лена Туркина, Лида Корнеева... Золотые люди!

Кстати, Лена Туркина позже оказалась в «Магнитогорском рабочем», там тоже помогала сетевой график вводить. И щедро поделилась с бывшим коллегой фактурой, когда Виктор писал диссертацию по теме о городской газете.

– После двухлетней учёбы на журналистском отделении Новосибирской ВПШ направили меня в «Кузнецкий рабочий», – припоминает писатель. – Это сегодня «Кузнечик» из последних сил пытается выжить, а тогда газета входила в число

лучших городских изданий в стране. Пятиразовая, формата «Правды», коллектив большой. Серьёзная газета. В добрых и сильных руках редактора Анатолия Никифоровича Сосимовича, прекрасного журналиста и педагога от Бога...

Новокузнецк можно любить, можно не любить – ему, понятно, всё равно. Чёрные сугробы, рыжие хвосты из многочисленных труб. Однажды Королёв ляпнул на планёрке:

– Полистал газету, что-то нет у нас ничего ни про строительство очистных, ни про обязательные фильтры и дымоулавливатели... Получил в ответ по полной. Дескать, мал ещё, помалкивай. Замолк, повторяя про себя: «Обещанного сада, увы, не видим мы...».

Есть, конечно, в этом городе что-то ослепительно мощное и уникальное. Например, разлив готового металла на алюминиевом заводе, когда весь цех вспыхивает белым отсветом, словно тысяча ёлочных шаров. Или выпуск стали из мартеновской печи на КМК. Ощущение не передать словами, и на печь она совсем не похожа. А жар от неё до сих пор в памяти...

– Очень сильные журналисты в «Кузнечике» подборались, – добавляет Виктор Владимирович. – Блестящая команда. Ветераны газеты – Лариса Савицкая, Татьяна Кислицына, Валентина Пьянкова, Зинаида Черновол, Михаил Беркович... Ничуть не менее талантливые, просто малость помоложе – Юлия Некрич, Таня Тюрина, Миша Гревнёв, Серёжа Чугурян и многие другие. Люба Чухонцева руководила не только отделом писем, но и общественной приёмной...

А ещё помню, что однажды я дежурил по номеру. Читаю полосы, большой материал на четвёртой полосе – ну, прямо песня, сплошной восторг! Лишь в конце одно слово выпадает из ритма, не высвистывается, не поётся. Пошёл к автору поздравить.

– Рита, – говорю, – это блестяще! Погрело душу! Я там только одно слово у вас поменял...

А она мне спокойно:

– Или вы сейчас восстановите, как было, или я снимаю свой материал...

Это стало Королёву хорошим уроком. Потом, когда уже преподавал на кафедре журналистики в вузе, никогда не черкал чужих материалов. Даже если они не греют душу, не идут срочно в номер, а отправляются в корзину...

2.

Виктор любил учиться. В 1987 году окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС, также получил диплом Московской школы экономики. Прошёл обучение на Высших курсах иностранных языков при МИД России. Защитил диссертацию по теме «Городская газета как тип издания», и ему присвоили учёную степень кандидата исторических наук.

Но никогда не забывал о своей основной специальности – журналист. За полвека трудовой деятельности он сменил множество городов, мест работы и должностей. За его плечами четыре года преподавательского стажа – доцентом кафедры журналистики в вузе.

В 1989-м перебрался в Москву. Работал в ЦК КПСС, затем в аппарате Президента СССР – консультантом, заведующим сектором информации и анализа писем. В Торгово-промышленной палате РФ был главным экспертом; в Министерстве культуры России руководил пресс-службой. Работал на телевидении, в банках и других коммерческих структурах. Более 17 лет был редактором в финансовых столичных журналах.

Однажды Виктор Королёв решил написать книгу. И у него получилось! Его талант оценили. И он увлечённо занялся созданием художественных произведений. «Писателем хотел стать с детства. Члены Союза писателей казались мне небожителями», – признался он.

Теперь уже хорошо известно, что его литературный дар давно замечен российскими и зарубежными читателями. В 2011 году его приняли в Союз писателей России. Он – автор более 15 книг и свыше 100 художественно-публицистических трудов, опубликованных в сборниках и периодических изданиях, в том числе на иностранных языках.

Из-под его пера вышли такие книги, как «Пушкин и Аракчеев», «Генерал Милорадович», «Еликанида и Анна», «Жё тэм, мон шер...», «Марианна Ярославская», «Родовая ниточка», «По следам Пушкина», «Шляпа камер-юнкера», «Монологи перед зеркалом», «К Элизе, бессмертной возлюбленной» и другие. Как соавтор, составитель и редактор участвовал в издании более 20 книг.

Особая тема для историка и беллетриста Королёва – Пушкиниана. «Наше всё» становится главным героем или фоном его изданий. Этот интерес был «заложен в писателя» буквально с молоком матери. Вот как он сам рассказывает о создании романа «По следам Пушкина»:

«Эта книжка писалась частями. Писалась специально для одного человека. Каждую часть я торопился послать в Екатеринбург, чтобы приободрить маму, которая много болела. После смерти папы здоровье её стало быстро таять, и мне очень важно было поддерживать у мамы интерес к жизни. Одной главы хватало на месяц-два, и тогда я садился писать следующую...

Маме было 89. Много лет она интересовалась темой «Вокруг Пушкина». Прочитала массу книг, собрала гигантское количество материалов. Она помнила по именам всех друзей поэта, все родственные связи, все даты. Однажды к ней даже обратился за консультацией Читинский музей декабристов.

Жизненный путь Пушкина описан и изучен по минутам. Но с годами биография поэта обрастает всё новыми и новыми легендами и мифами. Я старался никого не вводить в заблуждение, не использовать непроверенные факты и домыслы. Но «художественно-историческое исследование» – это не фотография. Объектив отражает то, что было, а литература – то, что могло быть.

Мог Бальзак стать шурином Пушкину? Этого не произошло лишь потому, что одна из их сестёр-избранниц оказалась шпионкой. Мог Гоголь вызвать «наше русское всё» на дуэль из-за женщины? Да, он так и хотел сделать, но, слава Богу, трусил. Мог Аракчеев отправить поэта в сибирскую ссылку или на виселицу? Ещё как мог – но не стал, потому что сам был влюблен без ума...».

3.

По словам писателя, он старался брать факты малоизвестные. Например, что муза у Пушкина и Бетховена была одна, и перед ней оба гения преклонялись всю жизнь, спрятав глубоко в душе эту тайну. Или что внебрачный сын Пушкина оказался ненароком причастным к страшным трагедиям, затронувшим всю нашу страну и растянувшимися по времени на десятилетия. Или про то, как Бунин пил чай с внучкой великого поэта, а та рассказывала ему, что от тяжелой жизни ей пришлось торговать собой. Или про то, как учёные признали в сибирском старце умершего императора Александра I, а местный купец на свои деньги поставил на его могиле часовню...

– Я хотел написать о том, – уточняет автор, – что связано не только с пушкинскими местами, но и хоть как-то – с теми городами и посёлками, где я бывал сам или где жили близкие мне люди. Оказалось, что у белорусского города Слуцка и дальневосточного посёлка Де-Кастри много общего, хотя поэт там никогда не был, – есть связующая ниточка с великим Пушкиным. Связаны между собой сибирский Томск, Лазурный берег и лесопарк Уралмаша... Мне очень хотелось увидеть эту едва уловимую общность и попытаться соединить всё единым сюжетом. Мозаика сложилась по одной причине – потому что Пушкин в каждом из нас. Теперь я понимаю, что так сильно и надолго заинтересовало мою маму в этой теме... Может быть, что-то недоговорено, осталось непонятным для тех, кто слабо знаком с жизнью великого поэта. Но достаточно его любить – а не любить Пушкина, думаю, невозможно.

В своих книгах писатель Виктор Королев отвечает на многие вопросы, которые можно причислить к разряду исторических тайн. Где-то стремится восстановить

историческую справедливость, где-то – просто передать дух эпохи и рассказать о её людях, где-то воздать по заслугам известным персонажам и пролить немного дополнительного света на их судьбы.

Оценить глубину авторского погружения в пушкинскую тематику можно по многим его произведениям. Вот, например, короткий, но очень показательный отрывок из романа «Генерал Милорадович» – о встрече генерал-губернатора Санкт-Петербурга Михаила Милорадовича с молодым поэтом:

«...Спал плохо. Вчера ужинали поздно. После воскресной службы отправился в театр. Давали «Кавказского пленника, или Тень невесты». За три года, прошедшие с премьеры, он видел этот балет неоднократно. И с душкой Истоминой, и с более недоступными балеринами на первых ролях.

Трактовка Шарля Дидло ему нравилась своим мажорным финалом. Поэму Пушкина не жаловал, как и самого стихотворца. Пять лет назад получил личное распоряжение от императора Александра допросить молодого поэта. Уже и забыл, почему принимал Пушкина не в канцелярии. То ли сам так предписал, то ли этот наглый отрок решил свой нрав показать – какая теперь разница? Но явился отрок в чиновничьем сюртуке, без шляпы.

Такой невысокого роста мальчик, резвый, кудрявый, смуглявый, с живыми серо-голубыми глазами. Жаль было тратить на него своё время, потому сразу задал вопрос поостроже:

– По вверенному мне городу ходят в списках за вашим именем стихи непотребные? Правда ли то?

– Правда, – отвечал тотчас Пушкин. Страху не показал, но добавил:

– Эти стихи я сжёг, ваше сиятельство!

– Уж не идя ли в дом к генерал-губернатору, вы соизволили сжечь их, милостивый государь?

Со всей язвительностью спросил – трусость не переваривал никогда.

– Нет, – отвечал молодой курчавый юноша, спокойно и прямо глядя в глаза. – Сжёг я их полгода назад. Хотя помню их наизусть и могу заново написать...

Это уже поступок! Честность такая порадовала. И в рапорте указал, что «воспитательная беседа проведена с осознанием вины». Не рыться же боевому генералу в подмётных списках! Да и какой из Пушкина противник – пороха не нюхал, службы не знает! Пусть кропает стишки. Не сравнишь ведь его поэму «Кавказский пленник» с балетом Дидло – это две совершенно разные вещи...».

Конечно, одна из основных задач, которую ставит перед собой автор, – вызвать у публики интерес к дальнейшему самостоятельному изучению истории страны.

Вот строчки из рецензии на его роман «Киселёвы: три брата, две сестры. Век XIX-й»:

«Произведение поражает читателя сочетанием удивительной лёгкости изложения и в то же время насыщенной плотностью повествования. Читая книгу, мы узнаём много нового – или вспоминаем давно забытое старое – о том, что когда-то «проходили» в школе. Автор пишет настолько увлекательно, ярко, что теперь уже эти знания надолго останутся с нами. Так бывает на лекции талантливого

преподавателя – сухая наука превращается в удивительное действо. Автор то погружается в глубины истории, то выныривает в наши дни, легко, иногда с долей иронии, проводя аналогии между словами и поступками людей разных эпох. Герои его романа становятся живыми, им сочувствуешь, за них переживаешь...».

Немало страниц в этом романе посвящено Александру Пушкину, который был знаком со всеми тремя братьями Киселёвыми. Мы встречаем на страницах романа композиторов и поэтов, царедворцев и военачальников. Все эти известные люди, так или иначе, соприкасались с Киселёвыми, иногда их жизненные пути были настолько тесно и неожиданно переплетены, что удивляешься, как автор смог создать такое сложное историческое полотно. Впору историю России изучать по художественному произведению!

Виктор Королёв рассуждает так: «Пикуль говорил, что изучать по художественным произведениям историю нельзя. Но я ни одного факта там не извратил, не приврал... Старался, чтобы было интересно – тем более что про них, пятерых Киселёвых, мало кто знает. А они достойны, они очень много сделали для России...».

История – самая большая загадка, разгадать которую пытаются учёные и писатели, – рассуждает Виктор Королёв о творчестве, о роли писателя в обществе и отношении к истории на страницах литературных произведений. Одни воспринимают факты, преподносимые в учебниках, как нечто незыблемое и априори верное, другие всё подвергают сомнению, а третьи и вовсе относятся к ним вольно, считая, что любые наши знания не более чем домыслы из области ненаучной фантастики. Но как же всё было на самом деле?

– История мне интересна и близка и по той причине, – уточняет Виктор Владимирович, – что мой папа, военный журналист, написал немало книг о Великой Отечественной войне. Сам я – кандидат исторических наук. Всё сошлось! Думаю, что история никого не может оставить равнодушным, такая она многогранная. И важно, что многое в ней постоянно переосмысливается.

Он старается не писать в своих книгах о том, чего никогда не было: «Пишу, либо основываясь на каких-то малоизвестных фактах, либо о том, что могло быть именно так, и никто не может сказать, что было иначе, потому что ни свидетелей, ни документов нет. Информацию черпаю из любых возможных источников. Когда начинаешь что-то искать по какой-то узкой теме, через месяц-другой накапливается немало полезной информации...».

«Писатель – это, прежде всего, слово, – уверен Королёв. – Вы можете представить себе мир без книг, библиотек, энциклопедий, сценариев? А это всё – слово, основа жизни и человеческого общения».

Его литературный труд по достоинству оценен и экспертами крупных литературных премий. Так, в 2007 году В. В. Королёв стал лауреатом конкурса «Мой Урал», а в 2017 году – лауреатом Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А. В. Суворова. Является дипломантом премии Министерства обороны РФ в области культуры и искусства. Включён в лонг-лист Литературной премии «Международная Премия Мира» – 2020-2021 годов в номинации «Исторический роман»... А ещё Королёв – академик Международной академии информатизации.

Получил от Виктора очередное письмо: Сергей! Добрый день! Ты даёшь! Расхвалил меня на всю страну. Я твой должник. Приезжай в гости – попьём виски с фирменными беляшами моей жены...». Жаль, что от Кемерово до Екатеринбурга – далековато. Очень уж хочется попробовать этих фирменных беляшей...

пос. Константиново,
октябрь 2020

Василий Кравчук – книга на ладони

В моём книжном шкафу есть целая полка изданий, которыми я особо дорожу. Это книги, сделанные вместе с известным кузбасским художником, графиком, книжным дизайнером Василием Петровичем Кравчуком. Их почти два десятка.

Здесь книги: о Кузбассе («Наш общий дом», 2006; «На одной земле», 2009); о социальных проблемах («Не оставим в беде», 1998); о журналистах («Журналистика Кузбасса: строки истории», 2008); «Золотое перо Кузбасса, 2009), «Овеянные славой дороги в сорок пятый», 2010); о политиках («Первый народный губернатор», 1998); на темы экономики («Кузбасс – Китай: новые грани сотрудничества, 2005); фотоальбомы («Харизма», 2008); «Истоки, дороги, встречи» (2009).

Есть среди них и мои литературные и фотоопусы: сборник рассказов «На картошку» (2015), «Миры и мироздания» (2005), «Фоторакурсы» (2007).

Это было целое десятилетие доброго творческого сотрудничества. С Василием всегда работалось легко и интересно...

1.

Сельских пацанов-сверстников маленький Вася не сторонился, но и не очень любил их громкие и суетные игры в догоняшки или в войну. Чаще всего его тянуло за село – на левый гористый берег речки Роси или Роськи, как называют её здешние, на котором раскинулось его родное село Косовка – центр сельского совета Володарского района Киевской области.

Он выбирал точку, откуда хорошо виделся противоположный берег, низменный, луговой, и, приставив к глазам ладонь, рассматривал пойменную даль, любовался разнотравьем и полной грудью вдыхал чистый, напоенный ароматами трав, воздух. Хорошо!

А какие здесь замечательные места! Возле их села в Рось впадает ручей с чудным названием Рудá. Ручей втекает в реку наискось, отчего, видно, и повелось название села, и делит поселение на две части. Задержанная широкой плотиной, вода образовала огромный пруд – целое водохранилище, которое летом прогревается так, что купаться в нём – одно удовольствие.

Василий озира́л с пригорка это великолепие и в свои семь лет думал-мечтал, как лучше запечатлеть эту красоту на бумаге. Рисовать он начал с тех пор, как научился держать в руках карандаш. К изумлению родных и близких, получалось у него очень хорошо. Разглядывали его карандашные наброски и качали головами: Бог наградил мальчика дарованием!

Василий искренне был влюблён в свою малую родину, в её белые хаты с прозрачными яблоневыми палисадниками, аккуратные улочки, в Свято-Покровскую церковь, в своих трудолюбивых родных, близких и соседей – взрослых тёток и дядьёв, которые целыми днями трудились в колхозе и в домашних хозяйствах, пахали и сеяли зерновые и сахарную свёклу, косили траву, растили скотину. И, конечно, воспитывали детей. В послевоенные годы в Косовке, где обитало около тысячи человек, да и во всём Среднем Поднепровье, проживало немало многодетных семей.

И Косовка, расположенная за 15 километров от районного центра и примерно на таком же расстоянии от железнодорожной станции Тетиев, с ранней весны и до поздней осени звенела детскими голосами.

На станцию косовские жители приезжали продавать выращенные на огородах овощи. Возвратясь потом домой, взрослые рассказывали истории о больших поездах и о необычных пассажирах. Слушая эти разговоры, Вася фантазировал, что, когда вырастет, сядет в поезд и отправится посмотреть мир: доедет хоть до Белой Церкви или до Киева, что километрах в 120-ти от Косовки, или хоть до самой Москвы.

То лето было последним «вольным» летом у Василия. Осенью отец обещал отдать его в школу – было в селе своё учебное заведение. И радостно было мальчишке, и грустно. Радовало, что, кроме школы, сможет ходить в школьную библиотеку, брать там книги. Книги были особой страстью мальчика. Едва выучив буквы и слоги,

старательно прочитывал он слова в тех немногочисленных книжках, что были у них дома. И с удовольствием разглядывал книжные картинки. А грустил потому, что беззаботные пацаньи деньки отойдут в прошлое, появятся новые, непростые школьные обязанности.

А пока что надо наслаждаться погожими деньками, путешествовать по окрестностям. С ребятами он бредёт по берегу ручья. Они доходят до Рудого Села, что в четырёх километрах от Косовки.

А там – старинный каменный дворец с колоннами, построенный когда-то местным паном, смотрит на мир пустыми глазницами окон, зарос кустами и лебедой. Пацаны любят полазить на его чудных развалинах, побегать в догоняшки или сыграть в прятки в дворцовом парке. А Васе этот, богатый когда-то, дом видится причудливым сказочным строением, изображение которого так и просится на бумагу, может быть, даже и на холст...

2.

Все легенды о Поднепровье сходятся в одном: благодатная земля. И урожаи здесь всегда были знатные. И немало родила она талантливых людей – поэтов и писателей, скульпторов и художников. Василий Кравчук – один из них.

В своей автобиографии он записал: родился 12 ноября 1948 года на Украине в небольшом селе Косовка, что недалеко от города Белая Церковь.

В многодетной семье родителей-колхозников было шестеро детей. Его отца, Петра Карповича Кравчука 1906 года рождения, и в селе, и окрест хорошо знали. Он участвовал в Великой Отечественной войне, был в окружении, попал в плен, прошёл лагеря. Но всегда пользовался уважением земляков за «золотые руки»: мог изладить буквально всё на свете. Деревенский механик Пётр Карпович не отказывался ни от какой работы, чтобы семья не имела нужды. Работающей была и мама Василия Таисия Михайловна, родившаяся в 1910-м, – в большой семье и при немалом хозяйстве по-иному и жить невозможно...

Старшие дети Кравчуков с малых лет также приучались к работе – трудились в колхозе. Один их старших братьев Василия был трактористом в механизированной бригаде. Удивительно, с каким пониманием и любовью вся семья относилась к таланту младшего Василия. Ему потакали и помогали во всём. Видя его страсть к рисованию, отец, как мог, оберегал своего любимца, «послевоенного хлопчика», как ласково называл младшего сына, от тягот и забот. А старший Васин брат носил его рисунки на работу, не скрывая гордости, показывал их трактористам.

Вася тоже рос трудолюбивым хлопцем, мог работать – «працювати» говорили здесь – часами напролёт. Только дело у него было особенное – он рисовал. Его карандашные рисунки и первые акварели были повсюду: в родительском доме, в школе, в местном клубе.

Кроме рисования любимыми его школьными предметами были литература и история. Прикосновения к древности волновали его и разжигали воображение и любопытство. Он живо интересовался описанием древних находок археологических экспедиций, которые вблизи Косовки исследовали курганы времён Киевской Руси.

Особый интерес у подросшего мальчишки вызвала поездка с отцом в Белую Церковь. Зарождение этого большого, промышленно и культурно развитого города с населением около ста тысяч человек, где есть настоящий краеведческий музей, драматический театр, фабрики и заводы, уходило корнями в седую древность.

Парнишка вычитал, что впервые название Белая Церковь упоминалось в Ипатьевской летописи 1115 года. Первое городище здесь было основано князем Ярославом Мудрым как крепость для защиты от кочевников. А по одной из версий название Белой Церкви пошло оттого, что, когда монголо-татары сожгли местное поселение дотла, на горе осталась только белокаменная церковь, она и дала имя городу.

Учитель на уроке родной речи прочитал детям отрывок из поэмы Александра Сергеевича Пушкин «Полтава»:

«Тиха украинская ночь,
Прозрачно небо. Звёзды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет
И пышных гетманов сады,
И старый замок озаряет
И тихо, тихо всё кругом...

Василий потом отыскал в библиотеке это замечательное произведение и мгновенно «проглотил» целиком. Поэма произвела на него необычайное впечатление. И при новом посещении города он уже с пониманием осматривал белокаменные храмовые постройки, искал и находил ответы на вопросы о сложной городской биографии, растянувшейся на многие века. Резких, порой трагических поворотов в судьбе города и его жителей было немало. В 60-е годы XIV века Белая Церковь вместе с Киевским княжеством была присоединена к Литве. А во второй половине XVI века вошла в состав Речи Посполитой. Постепенно городок превратился в заметный торгово-ярмарочный центр на бойком торговом пути. К середине XVII века стал одним из важнейших опорных пунктов казацкого войска. Долгое время сам Богдан Хмельницкий со своими основными силами располагался в Белоцерковском замке, рассылая по всей Украине призывы к борьбе. В конце XVIII века город присоединился к России. И на долгое время стал вотчиной семьи польского рода Браницких, тех самых, развалины дворца которых не раз видел мальчишка в соседнем с Косовкой Рудом Селе.

Тяжёлым катком прошла по Белой Церкви лютая Гражданская война. В годы Великой Отечественной город 902 дня находился в тяжелейшей немецкой оккупации. Узнавая эти непростые подробности, впитывая в себя дух и образы былых времён, Вася пытался изобразить на бумаге фигуры былинных богатырей, удалых казацких воинов, солдат Красной Армии, дома с колоннами, маковки церквей. Он пытался нарисовать историю.

В старших классах Василий уже не сомневался, что хочет стать профессиональным художником. В 1965-м, сразу по окончании школы-девятилетки, решил отправиться в «Мать городов русских» – великий Киев. Именно здесь находился художественно-промышленный техникум (сегодня – Киевская государственная академия декоративно-прикладного искусства и дизайна имени Михаила Бойчука), который и выбрал наш выпускник.

Вася был наслышан об этом учебном заведении – слава о нём давно вышла за пределы Украины. Происхождение техникума берёт начало с Киевской рисовальной школы, основанной в 1875 году художником-педагогом Николаем Мурашко. В 1901 году школу преобразовали в художественное училище, которое находилось в подчинении Петербургской академии художеств. А ещё через два десятка лет – в Киевское училище прикладного искусства. Оно-то в начале 1960-х и переросло в художественно-промышленный техникум с двумя отделениями – художественного конструирования и художественного оформления.

В разные годы здесь преподавали известные таланты: народный художник УССР Д. Ф. Головкич, заслуженный деятель искусств республики М. А. Примаченко, заслуженные мастера народного творчества УССР П. И. Глущенко, Т. А. Пата, а также мастера А. П. Грядунова, Т. М. Флору, А. В. Казанцев.

Из стен учебного заведения вышли такие светочи украинской и русской живописи, как Анатолий Галактионович Петрицкий, график, сценограф, педагог, академик АХ СССР, народный художник СССР, лауреат двух Сталинских премий; Аристарх Васильевич Лентулов, художник, живописец, сценограф, один из родоначальников русского авангарда; Александр Александрович Осмёркин, художник и педагог, участник художественной группы «Бубновый валет», профессор живописи и руководитель персональной мастерской Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Произведения воспитанников и преподавателей техникума хранят музеи России, Украины, Германии, Австралии, США, Канады, Италии, Польши, Румынии, Венгрии, Японии, Сирии, Чехии и других стран.

Так что учиться здесь считалось очень престижно. Преподавательский состав техникума отвечал самым высоким требованиям. Васю Кравчука на киевской улице Киквидзе (ныне улица Михаила Бойчука), где располагался техникум, будто бы ждали. Парень успешно выдержал все вступительные экзамены и конкурсы и стал студентом отделения художественного оформления.

Василий Петрович, не раз вспоминая учёбу в КХПТ, обязательно подчёркивал, что именно там – на Киквидзе, дом 32 – проходили незабываемые годы его юности. Здесь была дружеская и творческая атмосфера, был мир художников – «своих людей», здесь дышалось свободно.

Среди поступивших с Василием одноклассников были всякие по уровню знаний и таланту, некоторые имели хорошую подготовку в художественном отношении. Вместе с тем, Кравчук в своей группе считался одним из лучших. Учился старательно, тщательно вникая в основы разных предметов. Больше других уроков он любил те, что были связаны с изобразительным искусством, с тайнами рисования.

Но учёба учёбой, а в свободные часы Вася часто гулял по городу, бродил по улицам, где буквально каждое здание, каждый камень дышит историей! «Киев – удивительно красивый город, старинный и современный», – не раз произнесёт Василий Петрович в наших беседах.

Бывало, в погожий выходной один или с однокашниками шёл Василий с Андреевского спуска – стародавней киевской улицы, соединяющей Верхний и Нижний город. Парни болтали о разных мелочах, шутили и смеялись, а он то и дело крутил головой, разглядывая архитектуру сооружений. Воображение молодого художника поражала построенная в середине XVIII века в стиле барокко Андреевская церковь, одна из самых красивых в Киеве, вся в росписях библейских сюжетов. Он не мог оторвать глаз от необычных фронтонов, башенок и других элементов готического стиля замка Ричарда Львиное Сердце, схожего со средневековыми замками. Поражал воображение паренька своими необычными мозаиками Михайловский собор, возведённый ещё в начале XII века...

Он никогда не отказывал себе в удовольствии пройтись по Крещатику – главной городской улице, где расположились главпочтамт, консерватория, множество разнообразных лавок и магазинов. «Здесь даже думается по-особому», – вспоминал он, рассказывая о том, как много раз гулял там, особенно в вечернее время. Один из магазинчиков на Крещатике – книжный – привлекал его. Иногда он подолгу листал там книги по искусству, редкие альбомы с цветными репродукциями картин и графики. Хотелось купить, но денег хватало только на питание и проживание.

За годы, проведённые в Киеве, Василий обошёл, наверное, все церкви, соборы, монастыри, коих тут великое множество. Пытливым глазом рисовальщика замечал отличия позолоченных куполов Михайловского Златоверхого собора от Киево-Печерской лавры или Софийского и Владимирского соборов.

И не просто рассматривал, делал наброски и рисунки. В его ранних картинках и эскизах были запечатлены элементы красоты зодчества, росписи и старинные фрески Введенского монастыря и Архангело-Михайловского Зверинецкого пещерного монастыря, Хоральной синагоги и Покровского монастыря, ажурная «каменная вязь» Караимской кенассы, строгие линии Мариинского дворца, Домика Петра I и других архитектурных жемчужин города.

«Нам на занятиях много рассказывали об общей советской культуре, которой гордилась страна, – делился он воспоминаниями о киевском периоде жизни. – И это нисколько не отражалось на качестве обучения...». Оно было высоким за счёт взаимодействия традиционной национальной культуры с различными гранями общей многонациональной культуры.

В учебной программе были экскурсии в Художественный музей, и Василий не пропустил ни одной, подолгу рассматривал уникальные иконы, картины, написанные великими художниками в разных жанрах, старинные церковные книги в необычных окладах. Учась в техникуме, Василий узнал, что такое художественные пленэры. Они проходили в окрестностях Киева. Иногда – на Трухановом острове на Днепре. Или – в районе Соломенки у Покровской церкви, которую возвели в конце XIX века в память о митрополите Платоне и также называют Платоновской; в

Мамаевой слободе, что представляет собой большой музей под открытым небом, где можно увидеть усадьбы гончара, священника, печника.

Большим событием во время учёбы было участие слушателей в разных выставках. На выставки направляли лучшие работы студентов техникума, среди них – работы молодого Василия Кравчука. «В первой в своей жизни выставке я принял участие в 1967 году девятнадцатилетним студентом художественно-промышленного техникума, – подчёркивал он. – Это была выставка молодых художников города Киева. Я так этим гордился! Каждому посетителю выставки тогда хотел сказать: посмотрите, вот мои работы!» Это событие Василий Петрович считал точкой отсчёта начала своей творческой деятельности.

Ещё один знак тех дней оставил особый след в его судьбе. Однажды в книжном магазине на Крещатике он впервые увидел совсем крохотную книжку. Выпросил у продавца взглянуть. Книжка-малютка уместилась в ладони. Вася долго разглядывал это чудо-издание неизвестного мастера или целого коллектива печатников, дивился тонкой работе, аккуратному переплёту, художественному оформлению. И решил: «Буду делать такие книги сам!»

Он поставил перед собой цель и начал упорно двигаться к ней. Киевский техникум Кравчук успешно окончил в 1969 году, ему присвоили квалификацию художника-мастера.

3.

«После распределения я получил направление в Ташкент, на завод «Ташавтоматика», где работал художником-конструктором, – поясняет он. – В советские годы у нас проблем с трудоустройством не было, наши выпускники были

востребованы по всему СССР». Так впервые Василий оказался в самом сердце солнечного Узбекистана. Насколько важным для предприятия оказалось присутствие художника Кравчука, сказать трудно. Однако эта пара лет его «производственной деятельности» не отбила у парня охоту рисовать. Скорее, наоборот.

Кстати, перед отправкой в Узбекистан кто-то из заботливых доброхотов предупреждал его, что столица республики не так давно пострадала от разрушительного землетрясения. Ташкентское землетрясение силою до девяти баллов произошло 26 апреля 1966 года. Особенно пострадал центр города. По решению правительства СССР на месте разрушенных старых одноэтажных глинобитных домов были построены новые многоэтажки. Город был полностью восстановлен за три года, стал современнее, просторнее, краше. Лично убедившись в этом, Василий не пожалел, что попал сюда.

Первое знакомство со столицей Узбекистана оставило у него в душе неизгладимый след. Один из древнейших городов Средней Азии поразил красотой улиц, площадей, скверов и памятников. Он не раз вспоминал, как дивился городской архитектуре, на которую большое влияние оказали традиции национального зодчества. С интересом изучал фасады административных зданий, живописные композиции, выполненные в классическом стиле, но декорированные в традициях восточной архитектуры резьбой по дереву или по глиногипсу, который здесь называют «ганчем». Такая резьба – один из уникальных и древних видов художественного ремесла Узбекистана. А каковы неповторимые одноэтажные улочки ташкентских окраин?! Так и хотелось тут же достать альбом, карандаш или кисть и «выложить» их на бумагу.

Не оставляло его и желание получить высшее художественное образование. Преподаватели киевского техникума тоже убеждали парня не останавливаться на достигнутом, понимая, что ему, талантливому, одарённому от природы, удалось хорошо усвоить азы профессии художника. Но, имея за плечами техническое образование, он, скорее всего, может быть лишь талантливым подмастерьем. А у Василия есть все задатки, чтобы стать настоящим мастером. Для этого надо продолжить образование в одном из художественных вузов страны. Родители были не против, если он будет учиться дальше, обещали поддержку.

У Василия был выбор места для дальнейшего обучения. В 1960-1970-е годы в СССР специалистов с высшим образованием в области изобразительных искусств готовили Московский, Ленинградский, Тбилисский и Уральский (в Свердловске) университеты, а также – Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени Ильи Репина, Киевский и Литовской ССР художественные институты, Академия художеств Латвийской ССР, Тбилисская академия художеств.

Но поскольку Вася был увлечён книгой, точнее, книжной графикой, то приглядел себе Ташкентский театрально-художественный институт. Именно здесь на художественном факультете действовало отделение книжной графики. Сюда и направил свои стопы будущий «книжник» Василий Кравчук.

Для прохождения творческого конкурса Вася подготовил целую папку рисунков. Сейчас это называют «портфолио», в то время такого словечка в ходу ещё не было.

Имелось у Кравчука и серьёзное рекомендательное направление от киевского техникума. Он сдал документы в приёмную комиссию, а затем уверенно выдержал вступительные испытания. И летом 1971-го был зачислен в ТТХИ.

Вновь предстояла непростая учёба. Уровень требований к студентам в институте был крайне высок. Ташкентский театрально-художественный институт имени А. Н. Островского (ныне Государственный институт искусств и культуры Узбекистана имени Маннона Уйгура) как самостоятельное учебное заведение был основан в победном 1945 году.

До 1954 года здесь выпускали только театральных работников и специалистов, режиссёров. А с открытием художественного факультета стали обучать таким специальностям, как живопись, скульптура, театрально-декорационная живопись, художественная керамика, декоративно-прикладная скульптура, книжная графика.

До конца жизни Василий будет добрым словом вспоминать ТТХИ, его «старое» здание на улице Германа Лопатина, ректора института, кандидата философских наук Х. А. Абдуллаева, педагогов народного художника Узбекской ССР Р. Ахмедова, В. Рыфтина и других.

На художественном факультете Ташкентского института в разные годы преподавали такие известные мастера, как О. К. Татевосян из Москвы, Б. Урманче из Татарии, А. А. Гольдрей из Ленинграда.

– В Узбекистане всегда была мощная школа живописи, – утверждал Василий Петрович и сыпал фамилиями русских художников. – В. Верещагин, Н. Каразин, С. Светославский, С. Юдин, И. Казаков, Р. Зоммер рисовали Среднюю Азию. Мы изучали их в институте. Такие известные мастера, как Коровин, Исупов, Петров-Водкин, Фальк, Кузнецов конкретно повлияли на формирование узбекского искусства. А такие, как Татевосян, Беньков, Ковалевская, Уфимцев, Николаев, Кашина приехали в своё время в Узбекистан, остались здесь жить и творить, стали классиками узбекской живописи. А вы говорите!

Занятия на художественном факультете велись в лучших традициях классической академической русской школы, благодаря чему ТТХИ и получил широкую известность. Уже к началу 1970-х здесь сформировались академические традиции подготовки творческих специалистов изобразительного искусства. Отсюда вышло не одно поколение мастеров живописи.

Ташкент с его древней культурой, богатейшим народным искусством под ярким солнцем Средней Азии стал любимой «точкой» Кравчука на этой земле, замечательным местом его институтской молодости, расцвета и укрепления таланта.

Он с необыкновенным пристрастием открывал для себя изобразительное искусство Узбекистана, которое колоритно проявлялось, в частности, в творчестве миниатюристов Ташкента, Самарканда, Бухары и Коканда. Познакомился с творчеством выдающегося просветителя, поэта, философа, каллиграфа XIX века Ахмада Дониша, который обладал неповторимым талантом художника, о чём свидетельствуют его сохранившиеся рисунки. На учебных занятиях по истории живописи Василий досконально исследовал его миниатюру «Поэт и художник»,

сделанную к рукописному изданию мемуаров индийского поэта и мыслителя Бедиля Мирзы Абдулкадыра «Четыре элемента».

Кравчук отмечал, что выполненные Донишем миниатюры отличаются изумительной завершённостью рисунка, необычные краски, ясная непрерывная линия контура, графичность почерка. Эти знания и любовь к Узбекистану, Ташкенту с его богатой национальной культурой, своеобразием среднеазиатского орнамента много раз прорываются потом в рисунках и работах Кравчука – одарённого художника, замечательного мастера графики и живописи.

Василию повезло, что в ТТХИ преподавал профессор Чингиз Габдурахманович Ахмаров, узбекский художник-монументалист портретист, миниатюрист. Величина! Народный художник Узбекистана и Татарстана, лауреат Сталинской премии 1-й степени. Этот педагог вдохновлял своим примером, настраивал студента на нужный лад. Однажды он отметил один из Васиных набросков и рассказал, чем он ему приглянулся. Потом стал отмечать его пейзажи, портреты, высказывал своё мнение, давал советы. Они вместе обсуждали листы Кравчука.

Парня это просто окрыляло! Все годы учёбы он очень много рисовал. «Иногда мне даже снилось, что я рисую», – признавался он. Поэтому ко времени дипломирования он был уверен в своих силах. Большинство сокурсников темой дипломов выбирали художественное оформление произведений кого-нибудь из классиков узбекской литературы: чтобы «умилостивить» государственную аттестационную комиссию. Это же предлагали сделать и Василию: взяться, например, за оформление сказочной повести «Кашмирская песня» Шарафа Рашидовича Рашидова, в основе которой – древняя легенда о борьбе народа Индии за освобождение. Дело-то беспроблемное, ведь автор – первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана...

Но настырный Кравчук подготовил дипломную работу с графикой по повести великого украинского поэта, прозаика, драматурга Ивана Франко «Борислав смеётся», рассказывающей о борьбе за свои права рабочих-нефтяников на Западной Украине.

Защита диплома состоялась весной 1977 года. И прошла блестяще! Графика Кравчука, раскрывающая смысл произведения И. Франко, не оставила критикам шансов. Представители госкомиссии единогласно поставили Василию отличную оценку. А член комиссии Ч. Г. Ахмаров с воодушевлением отметил: «Снимаю шапку перед этим юношей! И был бы рад увидеть в Киеве узбекскую тему, воплощённую художником с такой любовью...».

Вот так, благодаря дружбе народов, живших в единой стране, отмеченный от рождения Богом, украинский парень Василий Кравчук, учившийся в Киеве и Ташкенте, усвоивший секреты русских и узбекских живописцев, художников Татарстана и Средней Азии, получил настоящее высокое художественное образование.

Забегая вперёд, отмечу, что родная альма-матер не забыла своего талантливого ученика. Спустя более чем четверть века выпускника пригласили на 50-летие Ташкентского института национальных искусств и дизайна (бывший ТТХИ). К этому

времени Василий Петрович Кравчук уже носил звание заслуженного художника России.

Он откликнулся на приглашение и посетил город студенческой юности Ташкент. Поездка получилась плодотворной и насыщенной. По случаю юбилея родного вуза художник, ставший уже кузбассовцем, посчитал своим долгом организовать в Ташкенте выставку своих работ, в которых выразились его личное сердечное отношение к ташкентским улицам и дворам, дворцам и интерьерам. Также он встретился со студентами и выпускниками вуза. Ещё – принял участие в пленэре художников в Самарканде. Часть своих картин Кравчук передал в дар Узбекистану. В свою очередь Академия художеств Узбекистана наградила Василия Петровича Золотой памятной медалью. Этой награды он удостоился за глубокое изучение, бережное сохранение и обогащение уникальных традиций школы изящных искусств Узбекистана.

4.

После окончания в 1977 году ТТХИ Кравчуку довелось попробовать себя в роли преподавателя, так как его диплом художника-графика позволял быть и педагогом по специальным предметам для художественных учебных заведений – институтов и средних специальных учреждений. На этот раз выпускника распределили в Сибирь, точнее, в Кемерово, где он стал преподавателем Кемеровского художественного училища (ныне – Кузбасский художественный колледж).

Уверен, первым ученикам Василия Петровича улыбнулась удача. Он уже много знал и многое умел. Симпатичный, с чуть заметным украинским говорком, обаятельной улыбкой, он был молод, очень общителен, благосклонен к воспитанникам и с большим удовольствием старался передавать им свои знания.

Знающий, требовательный и, главное, по-настоящему творческий человек, – таким вспоминают его ученики. На его занятиях как-то сразу установилась атмосфера взаимопонимания педагога и студентов. Наставник относился к своим ученикам, как к коллегам, не изображал перед ними «мэтра», не стремился продемонстрировать своё старшинство. Впрочем, когда он брал в руки карандаш или кисть, сомнения в его компетентности ни у кого не возникали.

Как отмечали потом в учебном заведении, он «вносил неоценимый вклад в становление творческой личности студентов»...

Хочу подчеркнуть: и городу Кемерово очень повезло, что Кравчук приехал именно сюда, а не в какой-либо другой регион необъятного Советского Союза. Впрочем, и Василий никогда не жалел об этом выборе. В Кузбассе для художника вырисовывались хорошие перспективы. Не на последнем месте оказались и красивая природа Сибири, и добрые люди, и хорошая социальная поддержка. В душе же Кравчук продолжал лелеять заветное желание – делать книги, благо в Кузбассе имелось большое книжное издательство. Ему помогали в этом целеустремлённость, точное осознание своего призвания. А впоследствии – и безукоризненное знание всех возможностей местной полиграфии.

Однажды преподаватель художественного училища Василий Петрович Кравчук познакомился с Кемеровским книжным издательством. В те годы оно считалось

одним из крупных не только в Западной Сибири, но и в стране. Чего только здесь не печатали: мировую и русскую художественную литературу, литературу народов СССР. Не говоря о многочисленных учебных, технических, экономических, справочных, сельскохозяйственных, краеведческих, детских изданиях.

Не так давно, в мае 2022 года, мы с Василием Петровичем обсуждали эту тему. Я собирал материал для статьи о бывшем в 1980-е годы главным редактором Кемеровского областного государственного радиовещания (сегодня это канал «Радио России – Кузбасс»), ставшем затем главным редактором Кемеровского книжного издательства Валентине Ивановиче Масленникове.

Василий Кравчук, работавший в издательстве в те же годы, с особой гордостью пояснял:

– В 1980-е в Кемеровском книжном издательстве мы ежегодно выпускали десятки наименований художественных, поэтических и разных других книг. Их общий годовой тираж доходил до 3 миллионов экземпляров или до 22 миллионов печатных листов-оттисков! Так что работы у нас с Валентином Ивановичем было навалом!

А вот с началом 90-х годов, когда в стране развернулся полномасштабный кризис, дела в издательстве резко переменялись. Начиная с 1991 года учреждение вынуждено было перейти на выпуск в основном заказной литературы. Объём книжной продукции начинает падать. Например, если в 1991-м здесь выпустили 46 названий книг и брошюр, то в 1994 году всего 5 названий...

Но все эти проблемы ещё впереди. А пока что руководство издательства доверяет преподавателю Кравчуку оформить одну художественную книгу, затем вторую, третью... Он выполняет задания старательно и прилежно. Ведь делать книги – его сокровенная мечта! Он душу вкладывает в это...

Кравчук занимался книгами в свободное от преподавания время почти целую пятилетку. Кузбасские «книжники» сразу заметили его особый стиль. Но в издательстве не было свободной ставки художника. А когда в 1981 году вакансия старшего художественного редактора появилась, на неё и позвали Кравчука.

Виталий Васильевич Банников, будучи тогда директором издательства, пригласил по этому случаю Василия в свой кабинет. «Я и раньше в его кабинете бывал, – смеясь, рассказывал Василий Петрович. – И всегда удивлялся, как же он любит курить! И ещё у него всегда немного пахло то ли спиртным, то ли техническим спиртом. Он говорит: мы тебя хорошо знаем, переходи к нам на постоянную работу. Я согласился...».

Почти на полтора десятилетия он стал главным художником Кемеровского книжного издательства, также – художником-оформителем и художественным редактором. И с этих пор книга стала не только его мечтой и местом работы. Она стала смыслом его жизни.

Уже отмечено, что Кемеровское книжное издательство выпускало разную литературу: специальную, заказную, юбилейную и подарочную. Приходилось иметь дело с разными книжками. Кравчук оформил множество книг, энциклопедий и справочников, изданий по различным отраслям экономики, социальной сферы,

другим аспектам жизни Кузбасса. Но больше всего Василий любил работать над художественными изданиями. Его увлекали поэзия и проза.

Хочу отдельно подчеркнуть, что в 1980-е годы в Кемерове таких книг печаталось немало. Прежде всего, издатели отдавали предпочтение классикам. Кравчук оформил и проиллюстрировал множество книг известных зарубежных, российских и кузбасских авторов. В их числе – «Сонеты» великого английского драматурга Вильяма Шекспира и произведения выдающегося русского поэта Александра Пушкина, «Лирика» испанского поэта Федерико Гарсиа Лорка и стихи поэтессы Марины Цветаевой. Василий делал иллюстрации и макеты таких книг, как «Слово о полку Игореве», макет и эскизы букварей шорского и телеутского языков и многих, многих других изданий.

«Не хочу никого обидеть, – писал в 2004 году заслуженный работник культуры РСФСР, журналист Илья Ляхов, – но очевидно, что именно с приходом в издательство Кравчука здесь стало уделяться особое внимание эстетике книги, целостности её внешнего облика».

Конец 1980-х – начало 1990-х годов ознаменовались тем, что в обществе резко вырос интерес к той литературе, которую ещё недавно было трудно достать: к произведениям тех авторов, кого считали белогвардейцами, к писателям-эмигрантам, редко издаваемым популярным зарубежным авторам – классикам и современникам, отечественным и заграничным прозаикам и лирикам. «Мы в издательстве считали, что для печатников наступило хорошее время, – с ехидцей вспоминал Василий Петрович. – А оно так быстро промелькнуло...».

Особое внимание Кемеровское издательство уделяло выпуску книг местных литераторов. Тут сказывалось и идеологическое влияние областной власти, которая поддерживала и развивала кузбасские таланты, выделяла бюджетные средства на печатание их сочинений. Связь между кемеровскими печатниками и областным отделением Союза писателей была очень тесной.

Скоро для писателей и поэтов Кузбасса Кравчук стал «своим» художником. Считалось хорошим тоном составить с ним знакомство, «приобщить» к своему творчеству. Василий же носа не задирает, искренне старался в оформлении очередной книжки передать смысл её содержания, с которым внимательно знакомился, характер автора и его детища. Это особо ценилось в литературной среде.

Настоящий мастер, он никогда не останавливался на чём-то одном, пусть даже и удачно найденном. Он год за годом продолжал творческий поиск, добиваясь необычного почерка или лица для своей, «кравчуковской», книжной графики. И какую его книжку ни возьми, композиция рисунка отмечена особой ритмикой линий, чётко выведенных его пером и тушью.

Пройдёт не так уж много времени, и кузбасские писатели и поэты, выпуская свои сборники, выстраиваются к графику в очередь с просьбой об оформлении книг. И идут, идут к нему – от маститых и знаменитых, до начинающих из кемеровской студии «Свой голос» или студии «Искорки» Ижморского района, – доверчиво передавая ему свои рукописи.

Поэтому в томах и томиках И. Киселёва, В. Махалова, В. Баянова, Е. Буравлёва, М. Небогатова, Г. Юрова, Б. Бурмистрова, Л. Гержидовича, В. Матвеева и многих других, в сборниках кузбасской литературы стоит фамилия художника-оформителя Кравчука. Позднее она появляется и в списке оформителей периодических литературных журналов, альманахов, таких как «Огни Кузбасса», «Красная Горка».

Он не скрывает творческого секрета, который привёл его к популярности: прежде чем рисовать, внимательно читает произведение автора.

– Читаю, – признаётся Василий Петрович в одном из интервью, – не наспех, не по диагонали. Ведь у любого поэта или писателя обязательно есть строка, в которой таится изюминка, главное. И важно её не пропустить. Это, если хотите, как в саду, где букет из запахов груши, вишни, яблок. У Махалова – одно, у Юрова – другое. У каждого своё, сокровенное. Найду, пойму, – и рисунок мой тогда не просто иллюстрацией будет...

Ему нужно почувствовать автора, узнать, что его вдохновило, чтобы в картинке выстроить мир произведения, придать ему цвет или выполнить в чёрно-белых тонах. Ведь у пишущего слова и предложения – свои образы. И хорошо, когда написанное прозой или стихом, отзывается в душе художника. Тогда и рождаются иллюстрации, созвучные с текстом книги, с его восприятием читателем.

«Такая книга для меня, как хороший подарок», – уверял Василий Петрович.

«Сам – человек, искренне влюблённый в поэзию, – художник находит особый графический образ при оформлении каждого томика, – так оценивал его работу Илья Ляхов. – Он не рисует «картинки к стихам», а становится полноправным соавтором поэта, стремится выразить внутренний свет стихотворных строк, точно разгадывая, вернее, угадывая душевный настрой поэта. Оформляя сборник Виктора Баянова, Кравчук, кажется, сам становится мягкосердечным, поразительно светлым и добрым. И жёстким, даже суровым, когда дополняет рисунками стихи Евгения Буравлёва. И публицистичным, документально точным, если соприкасается с поэзией Геннадия Юрова...».

А вот мнение заслуженного работника культуры РСФСР, литератора, литературного критика Зои Естамоновой: «Школой самостоятельного пути стала для В. Кравчука работа над сборниками кузбасских поэтов. Внимательно листая их, можно видеть, как поиск пластического эквивалента слову переходит из образов внешней драматургии (человек – время, человек – природа – индустрия) в мир психологических красок.

Если в сборнике И. Киселёва «Ночные реки» (1980) весь комплекс оформления отвечает тематическому принципу рукописи, то в серию иллюстраций второго посмертного сборника поэта «Благодарю, Земля, благодарю» (1983) художник вносит, как преемственную ноту, мотив колоколов в переплетение солнечных лучей и последовательно развивает именно эту – свет и музыка – особенность душевного облика поэта: строит иллюстрации в хрупких и прозрачных орнаментах.

Художник понимает, что любая книга – это и некая доля авторской личности и весь его мир, так же как сам поэт – малая частица жизни и вместе с тем сложный концентрат социального и генетического. Не пытаюсь вмешиваться в искренний

напев М. Небогатова, в художественный голос Е. Буравлёва, в исповедальные интонации В. Махалова, в изначальную народную свирельную мелодию В. Баянова, в сердечную публицистику Г. Юрова, художник В. Кравчук стремится бережно поддержать в рисунках, в шрифтах и воздушном пространстве страниц атмосферу индивидуальности поэта. В одних случаях он использует драматургию цветовых контрастов, в других – обращается к остро современному языку: к принципам монтажа, кадрирования, двойных наплывов изображения...».

Работа над книгами по-настоящему сроднила Василия Кравчука со многими писателями и поэтами Земли Кузнецкой. При этом, я хорошо знаю, как непросто дружить с творческими людьми, с их легкоранимостью, легкообидчивостью на критику, на неловко оброненное слово. Но Василий Петрович умел дружить по-настоящему, умел говорить правду, держать данное слово. Умел быть надёжным в работе, незаменимым в общении, ответственным в отношениях с людьми. Можно сказать, опекал своих друзей-литераторов, если надо, подсказывал и, если надо, помогал.

Примеров тут немало. Одним из ярких образцов такой дружбы стало его многолетнее творческое сотрудничество с новокузнецкой поэтессой, прозаиком, педагогом Любовью Никоновой. Она – автор более двадцати книг стихов и прозы, и Кравчук был художественным редактором и иллюстратором большинства её изданий. Достаточно вспомнить такие книги Л. Никоновой, оформленные В.

Кравчуком, как «Знаки внимания» (сборник стихов о любви и семье, 1998), «Похожи встречи на подарки» (книга лирики, 2003). И целый ряд других.

В 2012 году поэтессы не стало. Но Василий Петрович продолжал работать над изданием её литературного наследия. Когда в 2021 году в Новокузнецке на фасаде Новобайдаевской библиотеки, которой присвоили имя Л. А. Никоновой, открылась мемориальная доска в честь 70-летия поэтессы, Кравчук приехал на это мероприятие. И подарил библиотеке только что сделанный своими руками сборник её избранных стихотворений «Лучезарное свечение».

Интересно, что у Василия Петровича в работе над оформлением книг нет повторов. Он постоянно ищет что-нибудь новое, каждый раз что-то придумывает. Поэтому, наверное, книги, над которыми он работал, не только наполнены теплом его таланта, красивы внешне и внутренне. Они неповторимы.

Зная эту его творческую особенность, именно ему поручали в Кузбассе ответственные проекты. Один из них – книга избранных стихотворений большого русского поэта, нашего земляка В. Д. Фёдорова, изданная к его 100-летию, который Россия отмечала 23 февраля 2018 года.

Инициатива издания этого сборника, состоящего из двух частей: «Марьевская летопись» и «По главной сути», – принадлежит Государственной научной библиотеке Кузбасса – она с 1987 года с гордостью носит имя Василия Дмитриевича. Василий Петрович взялся за эту работу с особым удовольствием. «Мне повезло лично знать Василия Дмитриевича, – подчёркивал художник. – Я очень люблю его поэзию, она не просто красива и глубока по содержанию, она – очень элегантна, если хотите...».

Книга вышла небольшим тиражом – всего 150 экземпляров, и сразу стала библиографической редкостью. В неё вошли стихотворения о малой родине поэта – деревне Марьевка, о природе, о любви к родине и женщине. У издания необычный дизайн и миниатюрный формат.

Хочу отметить, что Василий Кравчук – человек, искренне влюблённый в поэзию Фёдорова. Это придаёт дополнительную энергию его творческой фантазии, он находит особый художественный образ при оформлении каждого, созданного поэтом, стихотворного образа. Кравчук уловил, воплотил, воссоединил всё разноцветье жизни поэзии Фёдорова с запахом трав, панорамами речных далей, с болью потерь и обретением встреч.

Особую прелесть, считают специалисты библиотеки, книге придают 17 иллюстраций к стихотворениям Фёдорова, которые создал тёзка поэта – Василий Кравчук.

В этой же библиотеке художник сделал заключительную в своей жизни уникальную серию книг. Надо отметить, что областная библиотека или «Фёдоровка», как с любовью называют её работники и читатели, активно занимается издательской деятельностью. Несколько лет назад Кравчук, (кстати, почётный читатель библиотеки и её почётный даритель), предложил «Фёдоровке» совместный проект о литературном наследии Кузбасса. Руководство библиотеки в лице директора Веры Александровны Никулиной его поддержало. Более того, ему предложили

ставку «главного издателя» областного Храма Книги, на что Василий Петрович с удовольствием согласился.

И с особой кравчуковской энергией приступил к делу. Проект получил название «Книги-миниатюры кузбасских поэтов». В этой серии под руководством Василия Петровича – бессменного художественного редактора этой коллекции книжных новинок о поэтах Кузбасса – вышел в свет десяток мастерски оформленных поэтических сборников, посвящённых творчеству выдающихся представителей культуры Кузбасса: поэтов В. Фёдорова, И. Кисёлева, Г. Юрова, В. Баянова, Л. Гержидовича, М. Небогатова, А. Береснева, Л. Никоновой, В. Матвеева, В. Ширяева.

Книги трёх последних в этом списке авторов Василий Петрович подарил мне на память о совместной деятельности при нашей последней встрече. Каждая из них – та ещё полиграфическая штучка! Имеет тираж 150 экземпляров и формат 108х70 миллиметров.

Примерно с 1977 года – 45 лет – Кравчук ладил книги, оформлял их внешний вид, чтобы сделать красивыми и привлекательными, иллюстрировал их содержание, переплёты и шмуцтитуты, фронтисписы и заставки, чтобы отправить потом в печать. Часто переплетал их своими руками, мастерила их с ювелирной точностью и изяществом.

Всего за эти годы на счету заслуженного художника России, книжного графика Василия Кравчука более 600 (шестисот!) книг. Если вдуматься – высочайшее напряжение, многолетний неустанный творческий труд.

Его полиграфические шедевры хранятся в десятках тысяч домашних собраний, во всех без исключения публичных библиотеках Кузбасса, во многих «дворцах книги» России, включая главную – Российскую государственную библиотеку в Москве, в библиотеках стран бывшего СНГ. Несколько книг, сработанных Кравчуком, имеется в Львовском литературно-мемориальном музее Ивана Франко, библиотеке Конгресса США в Вашингтоне...

Между прочим, его не раз спрашивали: есть ли у него самые дорогие сердцу «книжные дети»? Он называл какие-то издания, вспоминал названия и фамилии авторов. Но мне понравилось, когда Вася ответил: «Нелюбимых точно нет...».

Если появится желание проверить его любовь к Книге, можно открыть один из альбомов-отчётов художника. Например, тот, что называется «Я рисую книгу» (2004) или тот, что называется «Василий Кравчук. Графика книжная, станковая» (2022). Это – его неординарные отчёты. В них он наглядно демонстрирует свою работу над книгами, пришедшими к читателю в разное время – и в XX веке, и совсем недавно. В них зримо ощущаешь, что издания, над которыми трудился Василий Петрович, наполнены теплом его таланта, его душевной красотой.

Перелистайте страницы альбома с иллюстрациями к книгам поэтов и писателей Кузбасса, с фотографиями дизайна изданий классиков мировой литературы, выполненного Кравчуком. И сразу почувствуете, как значима и дорога для него работа над книгой, сотворчество с её автором! Его книжная графика – «это всегда образы-символы: изящны, легки, порой аллегоричны, но всегда наполнены светлой

чистотой линий», – отмечают исследователи его творчества. И ещё: «Только в том случае Кравчук заносит перо над чистым листом бумаги, когда видит в поэте или писателе своего творческого единоверца. Поэтому, как правило, результат всегда (или почти всегда) точен, эмоционален и во многом всё-таки самостоятелен».

А слова Зои Николаевны Естамоновой звучат как ода высокому книжному искусству мастера: «Всего лишь перо и тушь в руках Василия Кравчука, но его ювелирно чёткий, согласно требованию техники печати, рисунок не соседствует с текстом, но органически живёт в структуре единого организма книги, и пробегаая глазами страницы, мы незаметно для себя объединяем писателя в соавторстве с художником, которого не сразу отыщешь в скромном перечне выходных данных создателей книги...».

5.

Особое место в его книжном творчестве занимает книжная миниатюра, создавать которую он решил, (помните?), прогуливаясь в Киеве по Крещатику, ещё когда учился в техникуме. Уже в Кемерове, став главным художником и художественным редактором книжного издательства, Василий приступил к осуществлению юношеской мечты.

Первой его книжкой-малышкой стал памятник литературы Древней Руси «Слово о полку Игореве», изданный в Кемерове в 1984-м. При её оформлении Кравчук использовал графические рисунки кемеровского мастера живописи, художника Германа Захарова. Книжка сразу была отмечена дипломом «Всероссийского конкурса искусства книги».

В этом же 1984 году в Кемеровском книжном издательстве вышло миниатюрное издание «Рабочая мелодия Кузбасса: стихи о родном крае» с лирическими произведениями кузбасских поэтов. Составителем сборника стала Наталья Захарчук. Художественный редактор Кравчук украсил его снимками Евгения Ильвеса и других фотомастеров. Книжка в тот же год стала лауреатом Московской международной книжной ярмарки, где участвовали около 100 стран.

Оба эти этих мини-издания были размером 10х7,5 сантиметра и имели тираж 10 тысяч экземпляров. Ими Василий Петрович гордился особо, ведь они стали его первыми миниатюрными книжками. И быстро разошлись по библиотекам и частным коллекциям.

Кстати, коллекционеров мини-книг великое множество и в России, и в Кузбассе. Имеются клубы, объединения любителей таких книг. В 1980-е годы эти собиратели ориентировались на некий эталон размера. Так, для России он был равен 10 сантиметрам по высоте и не более 7,2 сантиметра по ширине. А раз «Рабочая мелодия Кузбасса» оказалась на три миллиметра шире, то коллекционеры отрубали резакон лишнее, чтобы она соответствовала стандарту.

Я хочу нарочно подчеркнуть, что такой эталон был в прошлом. Кравчук «раздвинул», а вернее, «сузил» рамки этого стандарта, начав делать «книжных малышей» гораздо меньшего размера. Но обо всём по порядку.

Не зря Василий всегда помнил и повторял: «Книги любят тепло человеческих рук». Подобные миниатюрные издания можно создать только руками такого книжного

ювелира, как Кравчук. В моей личной коллекции мини-книг – 37 штук сделаны этим мастером. Расскажу про размеры некоторых из них. «Планета Кемерово» (2003), «Я рисую книгу» (2004); «Путешествую по Европе» (2010); «Лирика», Борис Бурмистров (1995) – размером 8,4х8,4 сантиметра.

Стихи Сергея Побоккина «Русь в берёзовой сорочке» (1997); «Кемерово. Графика. Поэзия» (2000) – размером 6х8,4 сантиметра.

А. С. Пушкин «Царь Никита и сорок его дочерей» (1998); Василий Кравчук «Увиденное однажды. Путевые заметки» (2007) – 6,5х7 сантиметров.

Василий Кравчук «Книжная графика» (1994); Усман Насыр «Стихотворения» (1999); Сергей Черемнов «Аман Тулеев. Возрождение Кузбасса» (2002); «Миниатюрные книги Кузбасса. Каталог» (2006); Василий Кравчук «Лица и годы. Портреты родных, друзей, близких знакомых и просто хороших людей» (2009) – все эти «малышки» 5х7 сантиметров.

Ульяна Медикова «Живопись. Графика» (2001); Василий Кравчук «Мексика глазами художника» (2012); Василий Кравчук «Индия. Путевые зарисовки» (2012) – 4х5 сантиметров. Мини-альбомы В. Кравчука «Земля Кузнецкая» и «Живописная Украина (2012) – 5х4 сантиметра.

Я беру их в руки с замиранием сердца! Это просто диво какое-то! С осторожностью листаю крохотные страницы, восхищаюсь и всегда думаю: как же надо любить своё дело, чтобы практически вручную создавать такие необыкновенные чудеса?! Во многих из них, особенно в ранних, рисунки Кравчука сделаны пером и тушью. В более поздних – акварелью или пастелью. Мысленно представляю его руку – руку профессионала, поражаюсь его умению вывести на бумаге плавные чёткие линии, из которых рождается образ...

Тиражи этих «малышек» такие же крохотные: 150, 125, 100, 75, 50 и даже 25 экземпляров. Известный библиофил и собиратель книжных миниатюр, член СП России Валерий Плющев, с которым мы когда-то вместе работали под одной «крышей» партийного отдела, однажды рассказывал, с какой настойчивостью и фанатизмом гоняются букинисты-коллекционеры за такими изданиями. «А Вася их часто раздаривает просто так!» – восхищался он.

Но и это – не всё в рассказе про книжки-малышки Василия Петровича. В моей коллекции есть две книжки, которые вошли в Книгу рекордов Кузбасса. Одна из них, сработанная мастером в 2000-х, «Кемерово. Графика. Поэзия», имеет размер 3,5х3 сантиметра, вторая «Миниатюрные книги Кузбасса. Каталог» (2006) – ещё меньше – 3х3 сантиметра (!). Таких на ладони можно уместить едва ли не десяток!

Выпущенная Кравчуком обширная коллекция уникальных книжных миниатюр давно заслужила признание среди знатоков России и зарубежья. Многие из его книжек-малышек, без преувеличения, авторских бестселлеров, по праву отмечены дипломами профессиональных книжных конкурсов.

При желании со всеми, и перечисленными мною, и другими кравчуковскими мини-шедеврами можно познакомиться: они хранятся в Государственной научной библиотеке Кузбасса имени В. Д. Фёдорова. Другой адрес: Государственный архив Кемеровской области, куда в ноябре 2013 года заслуженный художник передал

документы, рисунки, фотографии, награды и почётные грамоты за творческие достижения, а также уникальную серию миниатюрных книг. Кстати, была у художника и такая профессиональная страсть – он и сам собирал коллекцию книжек маленького формата. В его коллекции их больше тысячи, причём, около 100 из них созданы в разные годы им самим.

6.

«В начале пути он решительно лишил себя одного из самых выразительных, самых эмоциональных изобразительных средств – цвета, – считал один из его критиков. – Тушь и перо (реже – гуашь) – основное и непреходящее орудие труда этого безусловного мастера книжной графики. Цвет присутствует в его работах разве что как фон... обложки».

Конечно же, художник Кравчук не согласился (и я с ним солидарен) с этим утверждением. Он умел и мог талантливо обращаться со всею широкой палитрой красок и цветовых оттенков. Он это знал в теории и талантливо применял на практике.

О художнике Кравчуке лучше всего «рассказывают» его картины. Многие из них написаны в творческом содружестве с кемеровскими художниками группы «Сибирский пейзаж». Она организовалась в 1998 году. В неё вошли известные кузбасские живописцы Владимир Сотников, Василий Селиванов, Виктор Ардашкин и Василий Кравчук, которого принято называть «примкнувшим к ним».

«Хотя роль его, «примкнувшего», едва ли не стала определяющей в рождении группы, – считает журналист, искусствовед Людмила Ольховская. – Именно он, полный впечатлений от случившейся в ту пору поездки в Горную Шорию, прибежал к друзьям-художникам, собравшимся в мастерской Селиванова. Выслушав восторги младшего собрата по музам, Василий Андреевич Селиванов (родился 20 марта 1926 года в селе Марушка Алтайского края. – С. Ч.) и предложил съездить на пленэр всем вместе».

Так родилось содружество. Очень разные по опыту работы, творческому почерку и возрасту, они нашли друг в друге единомышленников и по отношению к искусству, и по взглядам на окружающую жизнь. Общность взглядов подтвердилась в ходе совместных странствий по Кузбассу и за его пределы.

У них были общие поездки на север Кемеровской области, в Горную Шорию, на Байкал. Итогом каждой из них становились выставки, на которых участники группы представляли живописные полотна. Вот тут-то художник Василий Кравчук и раскрылся во всей полноте своего таланта. Сумел удивить даже знатоков, когда на одной из выставок группы «Сибирский пейзаж» представил яркие, праздничные пейзажные гуаши.

«...Вдруг, – пишет Илья Ляхов. – (именно – вдруг!) на одной из таких выставок, среди привычных кравчуковских чёрно-белых листов, зрителей, знакомых с творческой манерой этого художника, буквально ошеломили яркостью, сочностью, чуть ли не взрывом Его Величества Цвета пейзажи, написанные гуашью».

И ценители, и рядовые зрители внимательно рассматривали пейзажные гуаши Кравчука, где Маручак и Телецкое озеро – во всём великолепии закатов, рассветов,

перед дождём и под радугой: «Гроза на полях Чебулы», «Чумай», «Кия», «Утёсы Макарака»... Оказалось, – добавляет И. Я. Ляхов, – совсем случайно Василию Петровичу достались в подарок необычные импортные (голландские, 156 разновидностей цвета) краски. Долго не решался испробовать их в деле. Но всё-таки наконец-то рискнул. Неизменная чёткость рисунка наполнилась щедрым цветовым содержанием. Обыкновенные, вроде бы обыденные пейзажи обрели какое-то необычное, я бы сказал, сказочное звучание! Может быть, неожиданно даже для самого автора состоялся настоящий Праздник Природы!..».

«Близкая акварели, но отличающаяся примесью белил, гуашь даёт плотный непрозрачный слой. На нём штрих делается энергичным, цвет играет. Хочется не просто всмотреться, – вслушаться в эти пейзажи, их красоту, – подчёркивает и Людмила Ольховская. – Часто неброскую, зыбкую, как вода, с отражёнными в ней берегами. Не случайно в книге отзывов на работы группы «Сибирский пейзаж» появлялись трогательные записи: «Я, сибиряк, словно впервые увидел свой край. И знаете, он мне очень понравился».

Вместе с тем, думается мне сегодня, ничего случайного в жизни человека не бывает. В творчестве художника – тоже. Поскольку ему близка и пастель. Пастель – одна из любимых у художника Кравчука. Цветные «столбики» из краски и мела удобны, легки, мобильны. В любых условиях они, если надо, всегда под рукой, хорошо передают природные ландшафты, пейзаж городских улиц, яркий цвет и мягкие полутона. А когда Кравчук придумал «резать» пастель абразивом, то есть, наждачной шкуркой, то искусствоведы сразу отметили: он расширил, как будто случайно, неизвестные грани своего мастерства, а его листы «запылали» особым светом.

Кроме того, он постоянно экспериментирует и с акварелью, и с гуашью. Особенно усилия мастера, его творческий поиск заметны в его пейзажных работах. Хочу назвать его специалистом поэтического пейзажа, для которого природа с самого начала его творческого пути была источником вдохновения. Он неустанно совершенствовался в пейзажных этюдах и композициях, добивался выразительной простоты и такого колористического строя, который воплощал бы поэтическую сущность пейзажного мотива с наибольшей глубиной и ясностью.

Василий Кравчук варьирует мотивы весны и осени, утра и вечера, соединяя пленэр и жанр в одно живописное целое. Он мастерски передаёт состояние природы, залитое солнцем. Очень проникновенны его небольшие пейзажи, где изображены горы и реки, незначительные селения и большие города. Казалось бы, они написаны сдержанными красками, но присмотришься – в них так много света и, если хотите, любви к своей земле.

Его рисунки, отмечают знатоки, проникнуты поэтичным замыслом и эмоциональны по цвету. Они отличаются неожиданностью цветовых решений, что порой создаёт впечатление динамики. Иногда автор одним энергичным штрихом раскрывает различия земли и воды, снега и неба, усиливает отблески волн.

Ещё одной отличительной чертой художника Василия Кравчука называют то, что ему неведомы метания от одного стиля к другому, от одной техники – к другой. Своей любимой графике, как однажды избранной дороге в искусстве, он не

изменяет до конца жизни. Хотя, мастер успешно доказывает, что хорошо владеет всем спектром профессиональных тонкостей и секретов живописца. И постоянно находится в творческом поиске.

Поэтому он в буквальном смысле объездил весь мир, чтобы нарисовать его. Побывал на родной Украине, в близком сердцу Узбекистане, в Крыму (ставшем уже российским) и на российских же Камчатке, Алтае. Посетил многие страны Европы. (Среди них Франция, Греция и Испания, Голландия, Германия, Австрия, Польша, Болгария). Проехал по Латинской Америке, Африке, Индии, Шри-Ланке, Китаю. Городов – вообще не счесть: Берлин, Париж и Страсбург, Барселона и Варшава, Вена и Амстердам, Харбин, Ташкент и Самарканд...

И каждая поездка обернулась в итоге сотнями эскизов, выставками, книгами, альбомами мастера. Ибо у Кравчука-художника завидное качество: он смотрит на далёкие от Кемерово края не глазами туриста, но взглядом живописца. Не выпускает в поездках из рук блокнота, карандаша или мелка, пера или кисти. А что не успевает нанести на бумагу, запечатлевает фотоаппаратом, чтобы потом нарисовать кадр.

Сколько простора для творческой фантазии! Он экспериментирует, применяя разные техники живописи, как традиционные, так и авторские приёмы и методы рисования. Например, Камчатку Василий Петрович больше изображал акварелью. По его мнению, суровая «Камчатка требовала нежности и прозрачности». А вот Алтай рисовал пастелью, которая бархатистостью своей фактуры помогла передать глубь туманов над Катунью, прозрачность вод Телецкого озера.

В Крыму мастер особенно выделил сочетание первозданной природы и красоты, созданной руками человека. Вне политических и идеологических подтекстов он создал сочные, яркие работы, раскрывающие образ этой древней и прекрасной земли. На его листах встают Массандра, Ливадийский дворец, скала Святого Георгия, Ласточкино гнездо. Василий Петрович признавался, что на полуострове был впечатлён древними городами, в частности, Мисхором и Херсонесом с их парками, дворцами, маяками. И, конечно же, почти в каждом его рисунке – магнетическое и многоцветное море.

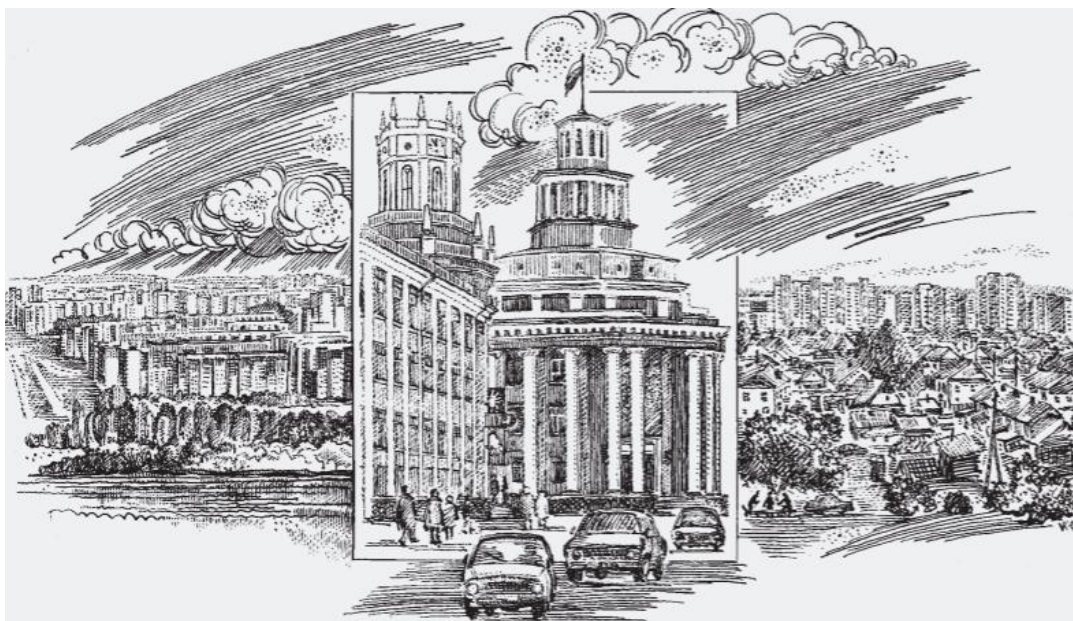
О работах, посвящённых Индии, стоит сказать отдельно. Эта страна всерьёз захватила его – необычной натурой, особенной архитектурой, самобытной культурой. Кравчук сумел соединить разноцветную Индию с чёрно-белым штрихом графики. Выделил при этом яркую зелень пальм, розоволикий мрамор сооружений, ослепительное солнце на голубом небосводе.

Но искренней любовью Кравчука-художника пользуются Кузбасс, живописные места нашей области. Во вступительной статье к альбому «Василий Кравчук. Графика книжная, станковая» (Кемерово, 2022 г.), филолог Светлана Старовойтова пишет: «Рисуя Кузбасс, художник Василий Кравчук приближает нас к красоте. Иногда она звучит негромко, словно рыбный плеск у зелёного острова на Кие, а иногда встаёт гордой симфонией величия сибирской природы, как на листе «Горное озеро». Мир родины бесконечно прекрасен! И расстилаются перед зрителями цветочные весенние поляны Шерегеша, дышит летним простором

красавица Чебула, распахивается осенний горизонт на окраине Листвянки, идёт щедрой волшебницей неторопливая зима по Сосновому бору...».

Она отмечает, что в картинах художника поражает многообразие воды: ручьи Горной Шории, гладь таёжной заводи, прозрачная Кия. «Много рек живёт в художественном мире кемеровского графика, но одна навсегда первая в его сердце – красавица Томь». В листах Василия Кравчука – и её истоки, и полноводное течение в черте города.

Тушью и пером художник запечатлел на бумаге узоры Мариинска, образ музея писателя Владимира Алексеевича Чивилихина, отметил грандиозность Запсиба. Соединение дел человеческих и вечности природы рождает «образ малой, но такой большой для каждого из нас родины».

Он будто отдаёт свою творческую дань столице Кузбасса – Кемерову, в котором прожил, получается, большую часть жизни. Свидетельство тому – большой кемеровский цикл – более 600 работ. Мастер часто гулял по Кемерову, по его улицам, площадям, скверам. Искал нужный ракурс и рисовал... Результатом этой серьёзной работы становились городские выставки, книжные и альбомные издания, выполненные руками автора.

«Он рисует этот город, – отмечает Светлана Старовойтова, – с особой любовью: гуашь, тушь на бумаге, пастель на абразиве, гравюры – всё используется для создания неповторимого облика, с радостью узнаваемого кемеровчанами. Старые деревянные домики правого берега соседствуют с высотными зданиями левого, погружённого в свой час пик. Купола величественного Знаменского собора ярко сияют отблесками утреннего солнца, а рядом с ними замерла в вечерней молитве под вечными звёздами красавица мечеть. Старые улочки города, мостовые Советской площади, любимая горожанами набережная, подсвеченный фарами машин проспект Ленина – и снова тишина окраины Шалго, где сидят на ветках нарядные снегири на фоне городской окраины, замороженной лёгким падающим снегом...».

Вот над Заводским районом и кварталами Ленинского района Кемерова возносится Сосновый бор – настоящий памятник живого мира, подаренный городу природой. А вот на правом берегу Томи встаёт Красная Горка... Его рисунки – всегда несут в себе образы-символы, они изящны, легки, нередко иносказательны.

Книжки «Кемерово», «Я рисую город» и «Планета Кемерово», наверное, особые страницы и в творчестве, и в жизни Василия Петровича Кравчука. Специалист не может не отметить «характерный, узнаваемый поклонниками, приём мастера. Василий Петрович, создавая зарисовку панорамы города, конкретных памятных зданий, «помещает в центр вторую картинку, в которой всё изображаемое приближено к зрителю, максимально открыто ему в тонких подробностях. Это удивительное «оптическое окно» запечатлевает главный акцент листа (памятник, фасад здания, дерево), оно делает зримой связь времён».

7.

Вспоминаю, как в не студёный, с оттепелью, день начала марта 2022 года мы сидим с Василием Петровичем в его мастерской на последнем этаже дома, окна которой выходят на Памятник воинам-кузбассовцам, павшим за Родину в Великой Отечественной войне, что на углу Весенней и Притомской набережной в Кемерове. Когда-то бывал здесь десятки раз. Сейчас пьем чай. Без умолку болтаем обо всём на свете, часто перебивая друг друга. Ведь не виделись лет, наверное, шесть-семь из-за моего вынужденного отъезда из Кузбасса на заработки в другой регион. А он, прознав, что мы с женой вернулись на родину, позвонил, предложил встретиться.

Новостей о прошедших и текущих событиях накопилось очень много. Говорим о наших семьях и детях. Он – о своей жене Валентине, о дочери, сыне... С удовольствием рассказывает о новых книгах, о своей работе в областной библиотеке над проектом серии изданий кузбасских литераторов. (Слушая его, думал тогда, что Вася Кравчук как был, так и остался по сути своей, по призванию, книжным графиком и без работы ему никак не прожить). Он как всегда энергичен, разговорчив, остроумен. По всему видно, рад встрече. Да и я рад старому товарищу, с которым было связано столько добрых проектов, планов и дел.

Показывает макет нового альбома «Василий Кравчук. Графика книжная, станковая», который вот-вот должен выйти из печати. По его словам, альбом должен стать его творческим отчётом к 75-летию, которое будет 12 ноября 2023 года.

– Не рановато? – удивляюсь я. – Ведь впереди ещё вон сколько времени. Создашь что-нибудь этакое, а оно уже не войдёт в книгу.

Василий уклоняется от прямого ответа, сетует на инфляцию, на рост цен на бумагу, поэтому, мол, надо торопиться. О здоровье – ни слова. Договорились созвониться, чтобы снова увидеться. Потом несколько раз общались по телефону...

Весть о его уходе из жизни 18 июля 2022 года стала такой печальной неожиданностью, что надолго выбила из привычной колеи... Хорошо, считал я после, что он успел увидеть свой новый альбом, но очень жаль, что тот стал для мастера последним.

В его биографии было немало интересных дат и событий. Главным художником Кемеровского книжного издательства он был с 1981-го по 2004 годы. Затем с 2004-

го по 2010-й работал главным художником Кемеровского редакционно-издательского дома «Книга», который они организовали вместе с известным кузбасским журналистом, бывшим собственным корреспондентом ТАСС по Кемеровской области Григорием Трофимовичем Шалакиным.

С 2010-го по 2016 годы В. П. Кравчук преподавал в Кемеровском институте культуры, был профессором кафедры дизайна КемГИК. Читал лекции, проводил семинары, вёл дипломные работы своих студентов. Затем трудился художником в Государственной научной библиотеке Кузбасса имени В. Д. Фёдорова.

Он был щедрым человеком, о таких говорят: широкая натура. Он постоянно передавал свои многочисленные работы в дар в музеи и библиотеки области. Был почётным дарителем «Фёдоровки» и музея «Красная Горка». В фондах «Красной горки» хранится около 90 его графических работ, которые стали основой для тематических выставок об истории города Кемерово.

Василий Петрович являлся участником огромного числа выставок – всесоюзных, всероссийских, международных, зарубежных, региональных, областных, городских, групповых и персональных. Если вспомнить, что первая в его жизни выставка состоялась в 1967 году, когда студенту художественно-промышленного техникума Кравчуку было всего 19 лет, то за неполные 55 лет, прошедших с тех пор, на счету мастера – участие более чем в сотне выставок разного уровня.

На них он демонстрировал специалистам, знатокам и обычным посетителям свои книги, листы, рисунки, картины. Напомню, арсенал живописца Кравчука представляют разные жанры: пейзажи, натюрморты, тематические картины. И – портреты.

Портреты Кравчука заслуживают отдельной истории.

В начале 2013 года я обратился к Василию с просьбой: создать портрет моей жены Галины, – хотелось удивить вторую половину необычным подарком. Художник отнёсся к моей просьбе очень серьёзно. Сейчас наш семейный дом украшает портрет – картина выполнена яркой, сочной акварелью, украшена элементами традиционного украинского орнамента, цветами и другими природными компонентами.

На стенах мастерской Кравчука портреты тоже занимали немало места. Здесь я увидел портрет Васиного отца Петра Карповича, матери Таисии Михайловны, жены Валентины, ещё маленьких дочери и сына.

Художник создал такое множество разных портретов, что они наполняют целые его книги. Одна из них – книжка-миньон «Лица и годы» (2009) – вместила в себя несколько десятков образов самых разнообразных людей, встреченных художником в разное время.

Здесь акварельный портрет матери (1969) – серьёзной женщины-труженицы в скромной белой блузке, сером пиджаке и белом платке на голове. Художник рисует напряжённое женское лицо, но взгляд тёмных глаз очень внимателен и проникновенен, свидетельствует о большом и нелёгком жизненном пути женщины. Изображение отца чем-то напоминает самого Василия в «серебряном» возрасте.

В книге несколько автопортретов, много лиц родных и друзей мастера, однокашников и коллег по работе на Украине и в Узбекистане.

«Пожалуй, любой начинающий художник, стремящийся овладеть профессиональным мастерством, в начале своего творческого пути «грешит» портретными зарисовками, – рассуждает во вступительной статье к этой книге Илья Ляхов. – Понятно, не избежал этого и Василий Кравчук. В студенческие годы... портретных рисунков было особенно много. Позже это стало профессиональной привычкой».

Чуть не каждый встреченный в жизни человек по-своему интересен. Вот и рисовал он лица самых разных людей в ходе беседы, во время учёбы, на отдыхе, дома, в кругу родных. Однако есть в этих лицах, запечатлённых в различные годы, точность и глубина характеров, какое-то светлое обаяние.

«Пожалуй, самое драгоценное – точное отношение автора к изображённым персонажам, – продолжает И. Я. Ляхов. – Если внимательно взглядеться в представленные портреты, то мы следом за художником почувствуем и его строгую сыновью любовь к родителям, и непреходящее тёплое отношение к жене, и ласковую нежность взгляда на маленького сына... Лицо студента 60-х годов века минувшего никак не спутать с ликом нынешнего молодого человека. Кравчук умеет точно видеть. И это завидное качество художника раскрывается даже в быстролётных портретных зарисовках, сделанных давным-давно».

Разнообразные по характеристике, его портреты глубоко эмоциональны по ощущению. Они подкреплены короткими подписями самого художника: «Племянник Витя», 12х10, бумага, акварель, 1969; «Технолог Люба», 14,5х11, бумага, акварель, 1971; «Слесарь Ким», 26х20, бумага, акварель, 1972; «Жена», 52х41, картон, гуашь, 1973; «Леночка», 34х28, бумага, акварель, 1975; «Спящая Катюшка», бумага, цветные карандаши, 1982; «Внучек», 56х46, бумага, гуашь, 2005...

Удивительно, с какой симпатией и признательностью помещает художник в свои альбомы портреты родных! Большая жизнь большой семьи вдохновлена его талантом и многократно отражена в его альбомах. В его произведениях чувствуется искренняя благодарность родителям – за жизнь и их веру в его талант, детям Кате и Валерию и внукам – за продолжение рода Кравчуков на сибирской земле, жене – за разделённый жизненный путь и душевную щедрость.

С женой Валентиной Сергеевной они были знакомы со школы, выросли в одном селе. И не было у Василия Петровича более преданного друга и союзника, хотя профессия Валентины Сергеевны, инженера-связиста, была очень далека от творческих сфер. Их брак длился более полувека.

Знаю, что Василий Петрович не любил славословий в свой адрес. Он знал себе цену, но был при этом скромн и даже порой стеснителен. Однако труды члена Союза художников России с 1989 года, члена Союза журналистов России с 1998 года, действительного члена Петровской академии наук и искусств на протяжении всей его творческой жизни оценивались по достоинству. И было бы неправильно не сказать о наградах книжного графика, художника В. П. Кравчука. Пусть не обо всех,

о самых главных. В 2004 году за большой вклад в развитие культуры России и Кузбасса указом Президента страны В. В. Путина ему присвоено звание «Заслуженный художник России». Он отмечен Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации. Среди значимых официальных наград Кемеровской области В. П. Кравчуку присуждено звание лауреата премии Кузбасса (2008), вручены медали «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени (2003) и II степени (2007); медаль «За служение Кузбассу» (2004); медали «70 лет Кемеровской области» и «75 лет Кемеровской области». Присвоено звание лауреата именной премии администрации Кемеровской области в сфере литературы и искусств – премии имени В. Д. Вучичевича-Сибирского за произведения графики (2013).

Среди муниципальных поощрений: награда администрации города Кемерова – премия имени заслуженного работника культуры РСФСР, художника В. А. Селиванова, бронзовый знак «За служение перед городом Кемерово» (2013), медаль «За заслуги перед Прокопьевским районом» (2014).

В числе общественных и профессиональных наград: серебряная медаль Союза художников России «Духовность, традиции, мастерство» (2012) и золотая медаль СХР «Духовность, традиции, мастерство» (2017); Золотая памятная медаль Академии художеств Узбекистана; диплом Академии художеств России и диплом Союза художников России (2008).

Многие работы В. П. Кравчука отмечены дипломами и призами профессиональных областных, зональных, всероссийских и международных конкурсов и выставок графики, живописи и искусства оформления книг, таких как «Искусство книги», «Искусство книжной графики», «Памятники Отечества», Московские международные выставки-ярмарки и других. Так, шорский букварь, макет и эскизы к которому разрабатывал Василий Петрович, на выставке «Буквари малых народов» в Париже получил золотую медаль.

г. Кемерово,
сентябрь – октябрь 2022 г.

Ипостаси Евгения Красносельского

Порой трудно было понять, что за кавардак в его голове. Казалось, она набита самыми невероятными знаниями, собранными из всех возможных и невозможных сфер жизни. Одно слово – эрудит! И он любил выдать-щегольнуть чем-нибудь таким, чтобы поразить собеседника. Он был настоящей ходячей энциклопедией – но не книжной, а живой, почти всегда бодрой и оригинальной.

Помню, как-то ещё в самом начале нашего знакомства Евгений продекламировал:

«В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что *опа есть...».

Потом спросил с серьёзным видом:

– Знаешь, кто это написал?

Я порывлся в памяти, беспокойно этак помялся-потоптался.

– Нет, – говорю, – не знаю. А что, должен?

– Конечно, – хитровато глянул Красносельский. – Ты же филфак кончал. Это же твой лучший друг-поэт написал.

Тут я совсем смутился. У меня из знакомых друзей-поэтов тогда были только двое – мои вчерашние однокашники Олег Курочкин и Женька Худобин. Кто-то из них? Не знаю. Стою, соображаю...

– Ну, старик, ты даёшь! – засмеялся Евгений. – Это же Пушкин! Это его эпиграмма на Дондукова-Корсакова. Тот в министерстве просвещения работал, был вице-президентом Академии наук, в Главном управлении цензуры трудился. Говорят, был *homo sapiens*... Не путать с *homo sapiens*...

И он от души расхохотался своим замечательным смехом, который ни с каким другим не перепутаешь – баритональный, с брутальной хрипотцой.

1.

Узнал о нём вначале заочно. Как-то читая номер молодёжной газеты «Комсомолец Кузбасса», наткнулся на материал на военно-патриотическую тему, подписанный «Е. Красносельский». Прочитал с удовольствием, да и фамилия запомнилась.

Не припомню точную дату, когда мы увиделись с ним впервые. Определённо отложилось в памяти только, что Евгений с первой минуты знакомства взял такой тон, будто мы знакомы долгие годы. После этого жизнь действительно надолго связала нас вместе.

Он был старше меня на два года с небольшим – родился 12 ноября 1953-го. Но старшинством не кичился, держался на равных. И это давало психологическое спокойствие, уравнивало наши возможности, поддерживало в работе и в дружбе.

Мне случилось не просто знать, но и несколько лет поработать с Евгением Красносельским в одной, как говорят альпинисты, связке. Часто вместе ездили в командировки по Кузбассу. Больше других территорий он любил наезжать в Мариинск. Потому что там была его малая родина, жили его родители, друзья детства и юности.

Отсюда начинался путь Евгения Борисовича в журналистику. К газете его тянуло ещё со старших классов. Хотя и в точных науках, в математике, к примеру, неплохо преуспевал. В местной газете несколько раз публиковали заметки юнкора Красносельского. Поэтому после окончания в 1971 году мариинской средней школы № 7 для него не стоял вопрос: кем быть? Дальнейшую учёбу решил продолжить в Иркутске.

– С Евгением я учился с пятого по десятый классы. Все эти годы сидели за одной партой, дружили, – поделился воспоминаниями о Евгении его школьный друг Гриша Ханзяров. Теперь, конечно, он Григорий Александрович. – Интерес к будущей профессии и у Евгения, и у меня зародил учитель рисования Иоганн Иозефович Баухник, который вёл ещё и два кружка – по краеведению и

фотокружок. Нас с Евгением привлёк последний. Но Женя потом ещё увлёкся и писаниной, и стихи начал писать.

Несколько раз в неделю после школы мы с нашей окраины доезжали с ним до центра Мариинска. Отсюда он шёл в «Студию молодого литератора», а я – во Дворец пионеров, где кружок вели профессионалы фотодела.

После школы он поехал поступать в Иркутский государственный университет. Я на тот момент решил отслужить в армии, в Забайкалье. В тех краях и произошла наша с Евгением встреча, когда я заехал к нему в Иркутск.

О той поре на память сохранились снимки.

– Я вернулся в родной город и связал свою жизнь с профессией фотографа, – продолжает Г. А. Ханзяров. – Работал в городской газете «Вперёд» и три десятка лет в Мариинском лесотехническом техникуме. Евгений же сразу пошёл по журналистскому пути. Его любовь к Слову ещё тогда, во время занятий в фотокружке, перевесила интерес к фотографии. А, может быть, этот интерес определили встречи и общение с земляками, оказавшимися в Мариинске волею судеб, и Евгению захотелось постичь их жизненные истории и рассказать о них, используя и слово, и фотографию. Теперь с высоты своих лет могу уверенно утверждать: мы с моим школьным другом Евгением Красносельским в профессии состоялись. Жаль только, что отмерено ему жизни было немного. Он любил людей: и родных по крови, и друзей, и тех, о ком ему довелось рассказывать на страницах газет...

Хочу подчеркнуть, что по журналистским меркам Женя получил хорошее образование. При этом диплом ИрГУ по специальности «журналистика» № 301450, который ему вручили 1 июля 1976 года, был красного цвета – с отличием.

Не надо забывать и другое: в ходе обучения студент Красносельский проходил практику в родном Мариинске, в городской газете. Осваивал здесь, так сказать, прикладные основы профессии.

Надо отметить, что это старейшая – среди городских и районных – газета в Кузбассе. В разные годы она выходила под разными названиями. Как только ни именовалась: «Известия Мариинского ревкома», «Луч красного солнца», «Пахарь», «Знамя коммунизма», «Заря»... Ныне – муниципальная газета «Вперёд». (Женька не раз сострил по поводу этого имени, типа: вперёд – это вам не назад!).

Редакция в Мариинске – с устоявшимися газетными традициями. А как же! Первый номер «Известий Мариинского ревкома» вышел ещё в конце 1919-го. Её первым редактором был Павел Андреевич Аниконов. Уроженец Орловской губернии в 1897 году был сослан в Сибирь, и суровый край стал его второй родиной. Здесь Павел Андреевич создал первый на кузбасской территории народный театр, с местными энтузиастами ставил на сцене произведения Л. Андреева, М. Горького, Г. Успенского. В 1909 году он издавал рукописный литературно-художественный, иллюстрированный альманах «Окрошка», где публиковались рассказы местной интеллигенции, учителей Мариинска.

Из известных лично мне именитых журналистов в мариинской редакции когда-то начинал лауреат многочисленных областных и республиканских творческих

премий, многие годы отработавший потом в «Кузбассе», Александр Гаврилович Зайцев. Здесь в своё время «оттачивали перья» супруги Локоновы – Валерий и Нонна. Это они затем стали ведущими газетчиками и руководителями СМИ в городе Белово. Здесь сформировался легендарный редактор газеты города Берёзовского Владимир Денисович Чворо. Здесь же начинали профессор, доктор философских наук Виктор Александрович Колеватов, редактор Новосибирского книжного издательства Яков Мефодьевич Кузнецов, социолог и публицист Владимир Николаевич Колюбакин. И известный мариинский поэт и писатель Иван Иванович Ефремов, и бывший редактор «Призыва» Михаил Александрович Подгорный, и ветеран журналистики Валентина Александровна Сеет, и многие другие.

Вот где огранялся талант Евгения Красносельского! Он пришёл сюда в те времена, когда мариинцы всем городом и районом читали свою любимую газету. На самобытной провинциальной окраине она была вне всякой конкуренции. Евгений многому научился у мастеров пера старшего поколения.

Районным газетчикам в те годы дремать не давали: не менее 200 строк надо было ежедневно приносить в секретариат редакции. Бывало, если Евгений уезжал за материалом на весь день, то к вечеру привозил новостей на пару солидных корреспонденций и на три-четыре подборки типа «У нас в Благовещенке», «Вчера в Колеуле» или «В посёлке Дальнем», «Приметкино...», «Константиновке...», «Суслово...».

Редактор «бросал» молодого практиканта то на премьеру заезжей труппы, то – на село или стройку. И чаще всего у парня получалось хорошо выполнить задание, написать свежо и нестандартно. Как считают журналисты-районщики, в такой «потогонной» обстановке, хочешь-не хочешь, обретаешь навыки профессионала-универсала.

Ветераны мариинской журналистики не зря отмечают, что в их редакции корреспондентов «смолоду приучали быть всегда и везде честными, порядочными, не боящимися ради правды лезть на рожон».

Вот что рассказал Юрий Михайлович Усольцев, ветеран Кемеровского областного радио, которого называют «золотым голосом Кузбасса»:

– Ещё во времена нашей учёбы в Кемеровском институте культуры Володя Павлов познакомил меня с удивительным человеком – у них тогда в мариинской газете «Вперёд» проходил журналистскую практику студент Иркутского университета Евгений Красносельский. А с ним просто невозможно было не подружиться, что, конечно же, и произошло. Женя был страшно талантливым человеком, а вдобавок – отличным организатором. Он постоянно генерировал новые идеи и при этом просто вспыхивал ими, буквально как спичка!»

Евгений искренне любил свою малую родину, её особый, неповторимый колорит, хорошо знал городскую историю, гордился ею.

Мариинск – сам по себе город интересный, архаичный. Выбивается из череды угольных поселений Кузбасса. Пошёл от Кийского села, которое насчитывает почти три с половиной столетия от роду. В 1856 году Кийский городок переименовали в честь Марии, жены российского царя Александра II. Император и сам побывал в

этом месте, находясь ещё в статусе цесаревича. Город стоит на оживлённом Транссибе. По красоте и самобытности он сродни деревянному Томску или Иркутску. Здесь что ни дом – то целая повесть.

Редакцию местной газеты в доме № 9, что на главной городской улице имени Ленина, в Мариинске знает каждый. Двухэтажное каменное здание конца XIX века. Когда-то оно принадлежало купцу Гуревичу. Евгений обожал бывать здесь.

– Смотри, – показывал он мне на главный фасад дома. – Видишь, какая симметрия?! А фронтоны – просто красавцы! А оконные наличники! Умели строить купчихи...

Когда мы с Красносельским бывали в Мариинске, всегда заходили в редакцию. По всему видно было, Евгения здесь любили, считали своим птенцом, высоко взлетевшим из мариинского гнезда. Местный творческий люд расспрашивал о столичных новостях, и Евгений с удовольствием, образно, как умел только он, расписывал подробности кемеровской жизни. А хлебосольный редактор Миша Подгорный, Михаил Александрович, никогда не отпускал без товарищеского ужина. Семью Жениных родителей в Мариинске хорошо знали. В один из приездов Евгений затащил меня к ним. Обычно я отнекивался, останавливался в местной гостинице, отговаривался, что неудобно, мол, хлопотно, зачем беспокоить стариков...

– Кончай свои китайские церемонии, – однажды отмахнулся Женя от моих доводов. – Я им про тебя давно всё рассказал, как сообща работаем, передачи ведём. Они обижаются, что не заходишь в гости. Хотят хоть раз увидеть, кто такой трудится вместе с их сыном-охламоном...

Так я оказался в гостях у Красносельских-старших. Впрочем, отыскать их дом было несложно. Всякий, кто хоть раз заезжал в Мариинск со стороны Кемерова, обязательно заметит две кирпичных пятиэтажки 1960-х годов постройки, справа, рядом с поворотом главной мариинской улицы – имени Ленина – в центр города. В одной из этих пятиэтажек и располагалась их простая, уютная квартира.

Евгений гордился своими родителями и не стеснялся этого. Его мама, Тамара Ивановна всю жизнь отдала преподаванию в школе. Комфорт и чистота в доме – её трудолюбивых рук дело. Как, впрочем, и праздничный стол со всякими вкусностями и разносолами, что в начале 90-х было не так-то просто. Отец Борис Александрович – участник Великой Отечественной войны. Офицер, служил авиатехником в лётных войсках и полностью лишился зрения. Но это не мешало седому ветерану-орденоносцу находиться в курсе всех событий в стране, области, городе.

Посидели мы на славу. Подробно и обстоятельно обсудили с Красносельским-старшим и негодную политику, и развалившуюся экономику, и наши творческие телевизионные усилия, с помощью которых мы пытались помочь людям выжить в тех непростых условиях безденежья и бескормицы.

А пока мы – мужики – судили-рядили обо всём, мама Евгения всё поглядывала на сына с любовью, и если вставала из-за стола, то обязательно старалась прикоснуться к нему, положить добавки в его тарелку.

– Кушай, Женя, кушай, сынок...

Трудные были в стране времена. Ветераны тогда остались без сбережений, которые откладывали всю жизнь, их пенсии тоже обесценились и приходили с опозданием. Работный люд оказался без дела и без зарплаты.

Выживать помогали по-советски скромные мичуринские участки, которые многие жители громко именовали дачами. Был такой участок и у Жениных родителей. В нём-то и заключался главный секрет их хлебосольства. Да ещё им помогали мариинские друзья Евгения. Один из них – директор опытно-производственного хозяйства «Кийское» Салим Исмагилович Миникаев. Забегая вперёд, скажу, что он не оставил Женину маму и после того, как и мужа, и Евгения не стало. Помогал в уходе за дачными грядками, поддерживал её, как мог...

Родина и родители – это для Евгения было свято. «Помнится, – поделилась ветеран журналистики Татьяна Павловна Микельсон, – Евгений не раз приходил на радио в отдел писем, в котором я тогда работала, с просьбой: поздравить отца-фронтовика с днём рождения или Днём Победы: «Старуха, прими мою заявку для концерта. Найди душевную песню для отца», – шутливо просил он».

2.

На старших курсах университета Евгений проходил практику уже в престижном издании – в «Комсомольце Кузбасса».

– Я тогда работал в редакции этой газеты в отделе спорта у Льва Попова, – вспоминал заслуженный журналист Кузбасса, ветеран Кемеровского областного телевидения Геннадий Леонидович Мызин. – Приехал новый практикант, и начальник послал его в командировку в Междуреченск. Что это было! Женя, как человек впечатлительный, настолько очарован был всем, что увидел: и Поднебесными зубьями, и удивительными туристами, и фигурой главного местного

турорганизатора Михаила Шевалье. Когда он вернулся, его просто невозможно было остановить – беспрерывно строчил тексты большими полосами формата А2. Для тех, кто не знает: формат А2 – это газетная страница, размером со старую советскую газету «Правда», вмещает, наверное, не меньше полутора тысяч строк.

Очевидно, поэтому молодого выпускника ИрГУ и распределили в областную молодёжную газету «Комсомолец Кузбасса». В августе 1976 года его зачислили в штат редакции, и стал он специальным корреспондентом.

У кузбасской «молодёжки» в те годы был очень высокий рейтинг среди подобных региональных изданий, выходящих за Уралом. Редактор «КК» тех лет Борис Васильевич Синявский уточняет: «Это была крупнейшая за Уралом областная молодёжная газета. Тираж её был 140 тысяч, годовая подписка стоила 3 рубля 12 копеек – как бутылка ординарной водки».

Здесь тогда трудились признанные мэтры: Люда Якубик. (Б. Синявский: «Когда она представилась: «Якубик», меня так и подмывало ответить: «А я шарик!», – еле удержался, она выпускница журфака МГУ, строгая и требовательная»); Катя Печуркина; всегда полная идей и прямолинейная Вера Карзова; философски настроенный Евгений Багаев; удивительный Валерий Пирожников. И фотограф Василий Кафо. Кстати, с лёгкой руки Красносельского фамилию Кафо в редакции расшифровывали как «Качественная фотография»...

Общительный Женька в редакции быстро «пришёлся ко двору». Лёгкий на ногу, он никогда не отказывался от сложных тем или расследований по письмам читателей. Героями публикаций Красносельского становились спортсмены и артисты, шахтёры и хлеборобы, студенты и ветераны войны – всех и не перечислить. Писал и писал, зарабатывая, как говорится, себе имя настоящего газетчика. Читатели с первых же публикаций заметили его интересные, злободневные размышления, образный слог. Благодаря таланту и организаторским способностям в 1981-м его повысили до заведующего отделом рабочей молодёжи «Комсомольца».

Экс-редактор «Комсомольца Кузбасса» Борис Синявский в статье «Три моих кита», опубликованной в книге «Журналистика Кузбасса: строки истории», писал:

«...Женя Красносельский. Балагур, весельчак с очень острым словом. Когда Катя Печуркина назвала его «Сельский», он возмутился. Катя возразила: «Но ведь так короче». На что получила мгновенный ответ: «Тогда и я тебя буду называть коротко – Чуркина...».

Я же пока что учился на филфаке Кемеровского университета и тоже мечтал о журналистской стезе, нередко сотрудничал с нашей областной «молодёжкой», кстати, выполнял задания суровой, но справедливой Людмилы Якубик. Это были репортажи о студенческих стройотрядах, заметки из университетской жизни, отчёты с комсомольских собраний.

Красносельского знал чисто визуально, сталкивался с ним в редакционных коридорах, но подойти не осмеливался. Поближе мы познакомились, когда он в начале 1984 года перешёл в главную областную газету – «Кузбасс», прочно «осел» в отделе тяжёлой индустрии.

Я к этому времени уже успел поработать в прокопьевской горгазете «Шахтёрская правда» и с 1982-го стал собственным корреспондентом «Кузбасса» по Прокопьевску, Киселёвску и Прокопьевскому району.

Нас, собкоров, было у «Кузбасса» не много. Таштаголец Вениамин Иванович Лебедев, которого все почему-то звали Геной, междуреченец Петя Шабрихин, новокузнецкие Александр Антонов и Анатолий Цыряпкин, беловский Валера Локонов, ветераны – юргинец Геннадий Петрович Задорожный и мариинец Владимир Андреевич Карманов, кемеровчанин Валентин Алексеевич Калачинский и прокопчанин – я.

Руководил группой собкоров заместитель редактора Анатолий Игнатьевич Бельчик. Примерно раз в квартал он вызывал нас «с мест» в Кемерово – на день-два – для подведения итогов работы.

Бельчик раздавал нам таблицы, где были сосчитаны наши газетные строчки за прошедший период и определено место каждого из нас в негласном соревновании собкоров. Хвалил, незлобиво критиковал, разбирая наши публикации. Давал новые задания. Наконец, отпускал «побродить по редакции».

Мы ходили по кабинетам, встречались с теми журналистами, кто работал непосредственно в «конторе», выслушивали их пожелания. Вот тогда-то мы и познакомились как следует с Женей. Он к этому времени основательно обосновался в отделе, который возглавлял Александр Гаврилович Зайцев. Мы, собкоры, работали с этим отделом теснее всего, практически ежедневно передавали сюда информацию «с сельских нив и угольных полей», как любил подчёркивать сам Александр Гаврилович.

А вечером, в гостинице, собкоры ещё дополнительно «укрепляли» отношения за общим столом. Там мы и сошлись с Красносельским ближе. Кажется, это он как-то раз назвал Александра Гавриловича «Гарилычем», вот и повелось... Мэтр не обижался, а только посмеивался и, предлагая очередной тост, частенько скрашивал его журналистской байкой, коих в житейском арсенале Зайцева было не счесть. Но и Евгений балагурил на журналистском застолье так, что будь здоров!

Позже он представился и моей второй половине – жене Галине. Этот случай запомнился хорошо. В начале 1986-го Союз журналистов СССР выделил нам бесплатную семейную путёвку на отдых в Международном доме журналистов – на берегу Чёрного моря в болгарской Варне. (Были в застойные годы в Советском Союзе такие льготы для пишущей братии).

Я тогда опять работал в «Шахтёрской правде», но уже главным редактором. А загранпаспорта надо было оформлять в Кемерово. В тот день мы с женой набегались по инстанциям, проголодались и решили поесть в кафе-столовой «Жаворонок», где давали комплексные обеды – оно на Советском проспекте, рядышком с нынешним Союзом писателей Кузбасса. Только присели за столик, слышу: «Привет, старик! – Женя подходит к нам с подносом. – Позволишь?»

Уселись, едим. А он же, обычно, не может долго молчать, даже с полным ртом. Тем более, рядом – такое прекрасное соседство. Начал острить, рассказывать что-то интересное, смешное. Мы зафыркали от смеха. А он мне:

– Не познакомишь со своей красивой спутницей? А то, как говорит твой близкий друг: «И своя жена вольная, и чужая жена вольная – как подойдёт!»

– Познакомься, – отвечаю ему. – Моя жена Галина. Галя, а это Женя Красносельский. Известный журналист, да ты его читала. А ещё он, как видишь, поговорить любит.

– Это – бесспорно, – невозмутимо откликается жена. – А про какого такого близкого друга вы, Евгений, вспоминаете? – она-то ещё не знает приколов Красносельского.

– Как? – почти естественно удивляется Женька. – Да это же Михаил Евграфович написал, сам Салтыков-Щедрин. Ещё в 1876 году, в «Благонамеренных речах». Обязательно почитайте! – и смеётся, довольный произведённым впечатлением.

Мы в своё время познакомились и с его женой Татьяной, дочерью Ириной, маленькими сыновьями-близнецами Андреем и Евгением, встречались семьями. И всякий раз вспоминали этот Женькин «литературный приём»: «Как говорит (или считает, утверждает, заявляет – в зависимости от обстоятельств) твой друг...». И следом за цитатой он называет известное имя кого-либо из великих мира сего...

Красносельский в «Кузбассе» был на хорошем счету. К этому времени в журналистской среде он заработал репутацию опытного «многостаночника» – это когда автор умеет отлично написать как большой очерк, так и любой другой материал, независимо от темы. Его часто посылали туда, где в Кемеровской области трудно продвигалось строительство очередного крупного объекта, или в отдалённый уголок, откуда пришло тревожное письмо и надо тщательно разобраться, чтобы помочь людям. Если нужно было написать толково и быстро – тоже поручали Евгению...

Когда в середине 1980-х в «Комсомольце Кузбасса» началась очередная смена поколений, областной комитет комсомола рассматривал несколько кандидатур на руководство редакцией. Такова уж участь «молодёжек»: здесь молодой пишущий люд быстро «подрастает и оперяется», желает «перетечь» в более солидное издание. Ничего не поделаешь, это жизнь с её творческими амбициями.

Борис Синявский возглавлял «КК» с октября 1979-го. Через пять лет в обкоме ВЛКСМ почувствовали, что пора ему «шагнуть» дальше – и в июне 1984 года он перешёл в «Кузбасс». Редактором «Комсомольца» поставили Петра Бугаева. А через три года место редактора «КК» снова оказалось вакантным. Вот тут-то в комсомольском обкоме и родилось решение назначить на этот пост Евгения Красносельского. А что? Возраст – самый подходящий: чуть за тридцать. Имеет хороший опыт: если считать мариинскую газету, успел поработать в трёх редакциях. Хорошо пишет. Пользуется авторитетом среди коллег. Ну, как-то так...

И в мае 1987 года Евгений стал редактором областной газеты «Комсомолец Кузбасса». Но решения «области» было недостаточно. Редакторов региональных «молодёжек» утверждали в Центральном комитете ВЛКСМ.

Именно этот эпизод отложился в памяти Татьяны Микельсон:

– Евгений подружился с моим мужем (Александром Юльевичем Микельсоном) на почве любви к спорту. А конкретно – к футболу. Иногда они с парнями собирались на школьном поле недалеко от нашего дома и играли в футбол. Бывало, к этой команде примыкал Олег Курочкин. После матча они приходили к нам домой играть

в карты. Во что играли конкретно, не знаю. Но запомнилось выражение, которое время от времени повторял Евгений: «Сороковка, Шура, она и в тундре сороковка». Когда Евгения утверждали главным редактором газеты «Комсомолец Кузбасса», он для солидности попросил у моего мужа бережно хранимый кожаный портфель студенческих времён, чтобы съездить с ним в столицу. После утверждения в Москве Женя принёс портфель назад, предварительно позвонив мне и попросив спуститься во двор: «Заодно и мальчишек моих посмотришь». Родившиеся недавно в семье Красносельских сыновья-близняшки дружно посапывали в коляске...

3.

– Женька всерьёз взялся за «перестройку» работы редакции, – припоминает заслуженный работник культуры РСФСР, почётный гражданин Кемеровской области Юрий Васильевич Дьяконов, который в ту пору работал в секретариате газеты «Кузбасс». – Он попросил меня провести анализ вёрстки и композиции «Комсомольца», помочь сделать газету более современной и востребованной...

В редакцию по приглашению Красносельского стали часто заходить известные в стране и области люди. Благо у Евгения было много друзей среди актёров, музыкантов, писателей, художников, учёных, спортсменов. Например, водил дружбу с артистом Николаем Караченцовым. Чаепития и беседы журналистов со знаменитостями в редакции при нём вошли в моду. Как-то в редакции я увидел певца Гарика Сукачёва, который выходил из кабинета Красносельского. После этих встреч газета печатала интересные материалы.

Вторая половина восьмидесятых – это сплошная перестройка, объявленная М. С. Горбачёвым. Страна забурлила, понеслась в горбачёвском «ускорении» в неведомое будущее. Новому генсеку единственной в СССР партии первое время верили, думается, многие и журналисты. Всё острее, всё хлестче становились публикации в газетах и передачи по телевидению. Теперь в прессе открыто писали о том, о чём молчали предыдущие десятилетия. Хорошо запомнил эту эйфорию, сам испытал её. Журналисты бесконечно обсуждали пути и возможности вывода страны на новый уровень развития. Ведь на первых порах было абсолютно непонятно, что вслед за «перестройкой» последует полный развал.

Я переехал в Кемерово из Прокопьевска в июне 1987 года. Из редакторов «Шахтёрской правды» перевели в заведующие сектором печати, теле- и радиовещания Кемеровского обкома КПСС.

Партия ещё держала в своих руках рычаги политической и экономической власти в стране. Поэтому со знанием дела могу назвать точное число средств массовой информации, которыми в тот период располагала Кемеровская область. Областных газет – две: партийная и комсомольская. Городских и районных газет – 30, все – печатные органы горрайкомов партии, горрайисполкомов и горрайсоветов. Многотиражек – 99, это газеты крупных предприятий, организаций и учреждений. Телевидение одно – областное Кемеровское ТВ. Ровно столько же радио.

И вся эта идеологическая база вскоре затрещала по швам. Особенно это было заметно по областным редакциям. Внутри творческих коллективов часто шли жаркие дискуссии о партийности, о роли СМИ, о социализме и капитализме.

Некоторые коллеги начали заявлять: надо выходить из партии, создавать альтернативную прессу. Конечно, эти процессы не могли обойти стороной и кузбасскую «молодёжку».

Интересными воспоминаниями поделилась моя землячка-прокопчанка Надежда Малашенкова. Ветеран журналистики, она сейчас проживает в Белоруссии:

«В 1978 году я прибыла на практику в «Комсомолец Кузбасса» (училась на отделении журналистики в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ). В здании на улице Ноградской, где тогда располагалась редакция, иду по длинному коридору. Вдруг, словно вихрь, пронесится мимо паренёк с футбольным мячом.

Многих сотрудников газеты знала давно, ещё будучи корреспондентом газеты «Сельская новь» Прокопьевского района сотрудничала с «молодёжкой». «Футболиста» же видела впервые. Оказалось, это Женя Красносельский. Его энергия была ключом, а футбол уже тогда был в приоритете. Конечно, не предполагала, что в будущем он станет редактором «КК», а я его заместителем.

Вместе мы работали недолго. Запомнилось: Евгений фонтанировал идеями, не любил сидеть на месте, часто ездил в командировки. И не только по Кузбассу. Когда в 1988 году разгорелся конфликт в Нагорном Карабахе, он, не раздумывая, поехал туда. Вернулся полный впечатлений, опубликовал корреспонденцию. Чувствовалось, печальные события принял близко к сердцу.

В стране шла перестройка, рушились привычные ориентиры, очень сложно было оставаться равнодушным, тем более ему. Кроме того, далеко не все перемены его радовали. И всё же он оставался оптимистом, видимо, следуя изречению: «Мир принадлежит оптимистам, пессимисты – всего лишь зрители».

По моим наблюдениям, Женя был прирождённым репортёром, обладал острым пером. Но административная работа не была его «коньком». И он, может быть

подсознательно, иногда отстранялся от неё, отдавая предпочтение журналистике...».

Летом 1989-го в Кузбассе начались массовые забастовки шахтёров. Угольные предприятия встали. Площади горняцких городов заклокотали так, что мало никому не показалось. В солнечный июльский день с гранитного крыльца здания, где нынешняя администрация Кемеровской области, я видел, как площадь Советов заполняется людьми в чёрных шахтёрских робах.

Потом горняки уселись прямо на горячий от солнца асфальт и начали митинг. И, казалось, это «вечере» будет идти бесконечно. Много дней подряд слушали мы, работники обкома, митинговые переключки, маты, жаркий обмен мнениями, слышали, как освистывают разнокалиберных ораторов...

Под выражением «атмосферная турбулентность» обычно понимается ситуация, в которой самолет начинает очень сильно трясти. Так вот самолёт по имени КПСС на полной скорости приближался к этой самой турбулентности. Поскольку я сам в этот период работал в обкоме партии, видел всё это, что называется, изнутри, отмечал, как кое-кто из работающих здесь срочно подыскивает другое место работы...

И всё же неожиданно прозвучала для меня в декабре 1989 года новость: Евгений Красносельский покинул редакторское кресло «Комсомольца Кузбасса» и перешёл на должность заведующего сектором партийной информации отдела организационно-партийной и кадровой работы Кемеровского обкома КПСС.

4.

Вскоре после этого мы встретились с ним в коридоре обкома. Он был серьёзным, даже непривычно хмурым.

– Ты тоже думаешь, старик, что я зря ушёл из газеты? – спросил он.

– Да нет, – уклончиво ответил я и пошутил. – Ты же взрослый мальчик, сам решаешь, как жить.

– Да, – согласился Евгений. – Устал я от той работы, решил переменить.

– Нашёл же ты тихое место! – снова подначил я.

Он заулыбался, однако не «завёлся», не стал, как обычно, спорить и доказывать свою правоту. Поговаривали, что из «Комсомольца» Красносельский ушёл в результате конфликта в редакции. Не в курсе, не знаю...

Знаю другое: организационно-партийная и кадровая кабинетная работа ему разонравилась очень быстро. Он начал часто пропадать в кабинете нашего сектора печати. Тут мы обсуждали последние новости из жизни СМИ. И планы строили.

После шахтёрских забастовок, которые основательно «тряхнули» СССР, партия решила создавать в обкомах пресс-службы. Была задача – через СМИ активнее рассказывать людям о политике перестройки, о переменах в стране, о работе партийного и советского руководства. Пресс-службу Кемеровского обкома партии поручили возглавить мне. Дело было абсолютно новое, ведь тогда – это не сейчас – пресс-служб ещё нигде не существовало. Узнав об этом, Женька тоже загорелся этим проектом. Тем более, предстояло снова стать ближе к привычной ему прессе. Он убедил руководство, что в пресс-службе обкома от него будет больше пользы.

И должность мы ему придумали звучную: главный редактор пресс-центра ОК КПСС. Правда, с началом весны 1990-го в нашей пресс-службе трудились всего три человека, но зато каких: Евгений Красносельский, Александр Даньшин, – ну, и я, конечно.

Заметки о партийной жизни, которые мы принялись писать для газеты «Кузбасс», уже ничего никому не могли дать. Люди их не читали. Зато рабочие комитеты начали большим тиражом издавать «Нашу газету», у народа она оказалась востребованнее других газет.

Тогда мы предложили идею: дайте нашему пресс-центру время на областном ТВ, чтобы выпускать регулярную информационную передачу. Ведь телевидение у населения пользуется большой популярностью.

Первый секретарь обкома Александр Григорьевич Мельников поддержал, похлопотал, и нам выделили полчаса эфирного времени в неделю на областном государственном ТВ, которое выходило на кнопке второго всесоюзного Центрального телевидения. Нам купили любительскую японскую видеокамеру формата VHS (типа – домашнее видео) и закрепили автомобиль для поездок на съёмки.

И ещё предоставили нам информационную «десятиминутку» раз в неделю, – на облрадио. Её, кстати, помогала готовить к выпуску редактор областного радио Тамара Зиндович: материалы были наши, а обрабатывала и начитывала их для эфира – она. Тамара Алексеевна требовала, чтобы кроме сухих пресс-релизов мы в каждый выпуск присылали один-два «живых» репортажа с мест.

– Учти, передачи должны быть интересными, – напутствовал меня Мельников. – Чтобы люди смотрели и слушали. Думайте самостоятельно, контролировать вас некому, да и некогда...

А нам и самим хотелось, чтобы было интересно. И мы с Красносельским и Даньшиным старались, как могли, делали еженедельную информационно-аналитическую передачу со странным названием «10 + 20». По нашей задумке это должны были быть десять минут новостей, в остальное время – интервью, комментарии, мнения. Причём, чтобы репортажи шли из самых разных точек Кузбасса.

Тутгодились и связи Красносельского, и его знание региона. Носились мы с ним по области, как угорелые: два-три дня в дороге, съёмки, день – на сценарий выпуска, ещё день – на монтаж передачи. И снова в дорогу.

Женька мог уговорить на интервью любого, даже того, кто категорически против ответов на вопросы. Тематика передач была самая широкая: политика, экономика, культура. И просто жизнь обычных людей с их проблемами и радостями. Монтировать программу нам неизменно помогала режиссёр Кемеровской студии телевидения Валентина Фёдоровна Кротенко.

Помню, как-то приехали с Красносельским в отдаленный татарский посёлок Серебряково, что в Тисульском районе, на самой границе Кузбасса с Красноярским краем. Побывать здесь посоветовал Женькин знакомец – кандидат экономических наук, преподаватель Вахит Шайхуллович Курмашев, который родом отсюда.

Наснимали кадров большого, ухоженного поселения, крепких крестьянских семей. Не хватало особой изюминки. И тут услышали про местного муллу. Решили – вот она хорошая «точка» для нашего «партийного ТВ-выпуска». Красносельский – за микрофон, я – за камеру. Нашли муллу – древнего, седого, бородатого старца. На эту почётную для деревни должность его избрали односельчане.

«Какая главная мысль заложена в Коране для верующего человека? – спрашиваем у него. – «Молись и трудись», – отвечает 90-летний деревенский философ...

– Потрясающая концовка для выпуска! – как ребёнок радуется Евгений.

Так и вышло в эфир...

Нашу передачу заметили. О ней стали говорить и зрители, и специалисты. В исследовании рейтингов программ областного телевидения, которое провела социологическая лаборатория КемГУ, по опросам телезрителей передача «10 + 20» заняла третье место по «смотрибельности» – после новостей «Пульса» и чего-то там ещё.

«Комсомолец Кузбасса» сразу отреагировал на это. Обозреватель «КК» Дмитрий Сагара в газетном телеобзоре назвал нашу программу «Этот «жёлтый» телевизор», порассуждав с ехидцей, имеет ли право «партийное ТВ» позволять себе разные «общечеловеческие вольности». А мы-то всего лишь старались донести до зрителя принципы добра, трудолюбия, любви к родине и к ближнему.

Впрочем, и партийную тематику мы не выпускали из поля зрения. Например, многие партийцы возлагали надежды на последний – XXVIII съезд правящей КПСС, который состоялся во дворце съездов (сейчас – концертный зал Московского Кремля) в июле 1990 года. Нам с Александром Даньшиным случилось работать в пресс-центре этого события. Мы вели оттуда специальные радио- и телерепортажи для Кузбасского государственного теле- и радиовещания. Удалось даже записать телеинтервью генерального секретаря Центрального комитета КПСС М. С. Горбачёва, который, отвечая на наши вопросы, дал слово приехать в Кузбасс, к шахтёрам. Слова не сдержал...

Съезд шёл почти две недели. Женя оставался в Кемерове, делал всё, чтобы передачи пресс-центра выходили без срывов. Один работал за троих. «Как я вам завидую!» – бодро кричал нам в трубку телефона.

Было чему завидовать. В те летние дни в Москве у нас с Александром получилось пообщаться со многими интересными людьми, с руководителями страны. Побывали в Белом доме на пресс-конференции председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина. Он прямо на съезде КПСС заявил о выходе из партии. По этому поводу и собрал журналистов в Белом доме на Краснопресненской набережной (тогда там заседал Верховный Совет, сейчас – это Дом правительства РФ). В ту пору этот Дом ещё не был расстрелян танками, не было вокруг него забора. И мы совершенно спокойно попали туда...

5.

Многое в передаче «10 + 20» мы делали по наитию – так, как мы сами представляли себе новое телевидение. Нам хотелось учиться мастерству у специалистов современности. Но Телеакадемии ещё не изобрели, и телеакадемиков ещё не было.

Лучшим среди лучших информационщиков страны по праву считался ленинградский журналист Александр Невзоров* (*объявлен иноагентом, включён в список террористов и экстремистов Росфинмониторинга) с его ежевечерними новостными выпусками «600 секунд». Их транслировали не только в Ленинграде, но иногда и в Москве. Народ «Секунды» обожал. И среди журналистов о них ходило много разговоров.

Говорили, когда наступало время вечернего эфира Невзорова, ленинградские улицы пустели: люди садились у телевизоров, чтобы послушать очередные откровения ведущего о событиях прошедшего дня. Всего за десять минут он успевал откровенно рассказать о «новом беспределе чиновников», обо всех авариях и пожарах, случившихся в городе за сутки, о новостях предпринимательства и так далее, при этом – «втиснуть» и комментарии местных депутатов, экспертов, очевидцев событий.

У кого же ещё учиться современному телеремеслу?! И мы с Красносельским в конце октября 1990-го выпросились в Ленинград. Благо через Кемерово проходил регулярный авиарейс Владивосток – Ленинград.

Хочу подробнее рассказать про эту поездку, чтобы читатель прочувствовал, как жила в те дни страна.

Из нашего обкома позвонили в Ленинградский обком, договорились, что нам в обкомовской гостинице бесплатно предоставят места. А на питание суточные выделили. Скромные, конечно, но с голоду умереть не успеешь.

Тяжёлые времена не щадили и наш «Аэрофлот». Через полстраны мы летели несколько часов. Но на борту выдали лишь по пачке сухих галет и по крохотной упаковочке сока. «Горячее мы давали где-то в районе Читы. Придётся вам потерпеть», – сообщила нам стюардесса. Что ж, мы к этому были готовы. Пересели в полупустом салоне на задний ряд и достали свои домашние припасы...

Вечером, пока добрались до гостиницы, что на площади Пролетарской диктатуры – рядом со Смольным, – начались «600 секунд». Стоим у стойки администратора, слышим, как телек торопливым тенорком Невзорова рассказывает: «Сегодня председатель Ленсовета Анатолий Собчак отбыл с очередным визитом за границу. Поэтому нам не удалось найти на рабочем месте ни одного народного избранника, чтобы взять комментарий по поводу случившегося ЧП. Оно и понятно. Как гласит пословица: «Кот из дома – мыши в пляс».

«Вот даёт!» – думаем.

А администраторша нам недовольным голосом: подождите, мол, сейчас передача закончится.

Утром пошли в Смольный – в Ленинградский обком КПСС – он совсем рядом. Погода – дрянь: ветер задувает, мокрый снег идёт. Хотя, место грандиозное, историческое.

Напротив входа бронзовый Ленин стоит на броневишке, в левой руке зажал кепку, правую вскинул вперед. На одной из боковых площадок центральной аллеи – бюст Карла Маркса, слева от него – бюст Фридриха Энгельса. Женька не может без острот: «Борода у Карла побогаче будет».

Внутри широкий, бесконечный коридор, уходящий, кажется, за горизонт, с кабинетами по обеим сторонам. Ищем нужную дверь. Красносельский опять:

– У меня такое ощущение, что вот-вот откуда-нибудь покажутся Троцкий, Каменев или Зиновьев...

Не соскучишься с ним.

Нашли вход в музей-квартиру, где первое время жил руководитель Советской республики Владимир Ленин. Снимаем на видео широкий двухтумбовый письменный стол с зелёным сукном, лампу с зелёным колпаком абажура, бумаги, исписанные стремительным, малоразборчивым почерком вождя, односпальную кровать, печь...

– Можно, я сяду за стол, а Сергей меня снимет? – спрашивает Евгений у хозяйки музея.

Та чуть в обморок не упала:

– Ни в коем случае!

Красносельский разворчался: «Лучше бы не спрашивал. Сняли бы по-тихому».

Первый вопрос, который мы задали Юрию Павловичу Белову, секретарю Ленинградского обкома по идеологии:

– Как вы тут только работаете – среди всей этой истории и теней прошлого?

А он нас просит подробнее рассказать о шахтёрских забастовках. Потом резюмирует:

– Шахтёры всю страну всколыхнули. Ясно дают понять, что надо ускорять перестройку. Трудности мы переживём. Уверен, они – временные. Партию надо реформировать. А следом и страну...

Ладно, дискутировать не стали. Попросили помощи, чтобы попасть к Невзорову. И он помог: созвонился, договорился и машину выделил.

В ленинградском телецентре нас встретили как родных провели в редакцию передачи «600 секунд». Правда, предупредили, что у нас минут двадцать, ну, от силы, тридцать. Что вообще-то Александр Глебович редко встречается с коллегами, не любит давать интервью. Что работы много, ведь готовится вечерний эфир.

Сам Невзоров – молодой, лет тридцати, выше среднего роста. Вышел из-за стола представился, чаю предложил. Поговорили с ним о передаче, поснимали его ответы.

– Я поставил перед командой задачу: завоевать информационное пространство, – поделился он. – Поэтому у нас в эфире идут и убийства, изнасилования, организованная преступность, фальшивомонетки. До нас в стране это ещё не показывали...

Особо подчеркнул, что на всю катушку использует объявленную Горбачёвым политику гласности. Сообщил, что «Секунды» особенно не любит председатель горсовета Анатолий Собчак. При этом «600 секунд» нередко помогают людям решать их проблемы, добиваются отставок негодных руководителей. Нам показали дверь, на которой, как на фюзеляже истребителя, можно увидеть звёздочки. Ими

обозначают высших чинов, которых убрали с должностей после выхода сюжета в «Секундах».

Над выпуском постоянно работают сразу несколько съёмочных групп. Норма в день для выпуска – 7-8 сюжетов. Сюжеты монтируются быстро. Тексты начинают писать уже в машине...

Первое время многих интересовала фишка с таймером на экране, который ведёт обратный отсчёт времени. Даже спорили – успеет ли ведущий закончить прежде, чем на экране появятся четыре нуля. Поэтому многое приходится сокращать в угоду формату. Зато в одну программу по 18-20 информации и сюжетов втискивают...

Высший класс! – оценили мы. Есть чему поучиться, хоть и коротким получился визит. Отправились к выходу, спустились на первый этаж. Движемся мимо входа в главную студию, он – на первом этаже. Видим, возле массивной металлической двери с круглым окном-иллюминатором толпится человек десять, большинство – в пиджаках и при галстуках. Наверное, здесь кто-то из высоких гостей? – предполагает сопровождающая нас помощница режиссёра. Отошла узнать. И вскоре подводит солидного мужчину.

– Председатель Ленинградского комитета по телевидению и радиовещанию Борис Михайлович Петров, – представляется тот. – Из Сибири, говорите? Из глубины сибирских руд, так сказать... Как у вас там, в провинции, работает телевидение? Наверное, спокойно и размеренно?

Мы ему: всяко бывает. Забастовки шахтёров, наверное, видели? Всю страну всколыхнули! Если судить по магазинам, то, как и у вас, ничего нет...

Оказалось, что у них сегодня на эфире – первый секретарь обкома партии Борис Вениаминович Гидаспов. Мы про него слышали – легендарный мужик, химик, доктор наук, академик, членкор. В 1986-м был на ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Говорят, схватил там лишнюю дозу...

А Петров предлагает нам посмотреть, как у них работает главная студия.

– Сейчас, – говорит, – я вас представлю, подождите.

Через мгновение мы оказались перед статным человеком, поёживаясь под его внимательным взглядом. Руки Гидаспов держал за спиной.

– Как настроение у шахтёров? – спросил он.

– Настроение – не очень, – отвечаем.

– В капитализм их тянут, в рынок. А он в нашей стране невозможен, – уверенно заявил первый секретарь. – Задурили мужикам головы... Ладно. Как вам у нас? Может, просьбы есть какие?

Тут Красносельский, не раздумывая:

– Помогите съездить в Кронштадт! Это ведь закрытый город...

И на другой день мы гуляли по территории военно-морской базы, куда в те времена попадали только по спецпропускам. На улице было холодно, северный ветер гнал по небу рваные низкие облака. Ночью шёл снег, под утро растаял, но кое-где белело на кромках луж. Сначала обкомовская «Волга» долго везла нас по набережным Ленинграда, пока не выбралась на Приморское шоссе.

Примерно через полчаса «уткнулись» в опущенный шлагбаум на КПП перед въездом на насыпную дамбу, которая уходила в водные дали Финского залива (тогда на остров ещё не было сегодняшнего великолепного асфальта). Патрульные с «калашниковыми» тщательно проверили письмо из партийного обкома, наши паспорта.

Слева и справа от дамбы, до горизонта, бежали волны Балтийского моря. И от этого представлялось, что, будь волна повыше, море может легко размыть эту неширокую полосу рукотворной дороги. Даже в салоне машины чувствовалось, что здесь холоднее, чем в Ленинграде.

В Кронштадте водитель показал нам на купол большого собора: «Это Морской Никольский собор. Его отовсюду видно. Городок небольшой, не заблудитесь. Машина будет ждать вас здесь часа через четыре».

Огромное тело собора производило гнетущее впечатление: купола были начисто лишены не только позолоты, но и крестов. Ободранные снаружи и внутри стены сооружения говорили о том, что оно давно переживает тяжёлые времена. Вход разбит, никаких дверей или входных ворот будто и не существовало.

Внутри было светло и пусто, холодный сквозняк лихо закручивал мелкие бумажки, сор и пыль. Пол завален обломками кладки, мусором, не было и намёка на иконы или иконостас на алтаре. Сквозь облупившуюся штукатурку стен кое-где угадывались грустные святые лики, проступали цвета росписи. Было ясно, что все реликвии и церковное имущество из храма давно исчезли. Мы достали камеру и снимали собор внутри и снаружи. Остро чувствовались разруха и запустение в самом крупном когда-то морском соборе Российской империи.

Женька всё восхищался и досадовал:

– Вот это махина! Зачем же её разрушили?!

Вышли к памятнику Петру I. Фигура российского императора стоит спиной к городу – лицом к морю. Надпись на постаменте «Петру Первому – основателю Кронштадта».

Красносельский тут же вспомнил:

– Говорят, его взгляд направлен на Стокгольм. Я где-то читал об этом.

Стоим, обсуждаем: надо бы корабли поснимать. Всё же город военных моряков...

– Кто вам разрешил здесь снимать?!

Смотрим, к нам подступает тройка военных в морской форме. Повязки с надписью «Патруль», чёрные шинели в талии перехвачены ремнями. У офицера на голове фуражка с «крабом», на погонах – три звёздочки. У матросов на бескозырках надпись «Военно-морской флот». Суровые лица не обещают ничего хорошего.

– Кто такие? Почему ведёте съёмки? Кто дал разрешение?

Думаете, Евгений испугался? Ничего подобного! Он «сделал лицо» под простака и начал ёрничать:

– Господин офицер! Считайте нас простыми сибирскими валенками...

А «старлей» обиделся на такое обращение, резко поправил:

– Не господин, а товарищ офицер! – потребовал. – Ну-ка, предъявите документы.

Матросы потянули с плеча карабины.

– Всё-всё, парни, – Женька полез в карман за паспортом.

Офицер долго рассматривал наши паспорта, вглядываясь в наши лица, проверил прописку.

– Вижу, приехали из Сибири, – убедился он. – А как проникли в закрытый город?

Начали объяснять, что мы – тележурналисты, находимся в Ленинграде в командировке по приглашению обкома КПСС. Разрешение на поездку в Кронштадт дал первый секретарь обкома Гидаспов, если знаете такого... Приехали сюда на обкомовской машине. На ней же и уедем обратно. Вот наши редакционные удостоверения.

Старший вроде немного смягчился:

– Ладно. Но всё равно, у вас нет разрешения на съёмку в закрытом городе. А корабли – это вообще военные объекты.

– Кто должен дать такое разрешение?

Старлей слегка растерялся:

– Ну-у-у... хотя бы председатель Кронштадтского горсовета Виктор Леонидович Суриков. Он из военных моряков. Если он разрешит, тогда другое дело. А пока требую засветить плёнку!

Я быстро сообразил, что к чему, подмигнул Красносельскому и заявляю:

– Сейчас, сделаем!

Открываю камеру, достаю видеокассету, открываю её крышку под внимательными взглядами военных: «Всё, плёнка засвечена! Вы только сориентируйте нас, в какой стороне искать этого Виктора Леонидовича?»

Лейтенант начертил нам ботинком на тротуаре, как пройти в горсовет. И патруль удалился. А меня Евгений насмешил, не забуду!

– Серёга, видеоплёнку же невозможно засветить...

Я ему:

– Догони, расскажи им. Я же сразу понял, что он видеотехнику в глаза не видел, – вот мы поохотали.

Нашли горсовет, приёмную председателя с улыбчивой секретаршей. Евгений её тут же обаял. И она призналась, что Виктор Леонидович занят, ведёт очередную сессию с депутатами. Мы сообщили, кто мы и откуда, что дело у нас срочное, а времени в обрез. Короче, с нас требуют разрешения городского начальника на видеосъёмку. Уговорили девушку настроичить и занести начальнику записку.

Через тридцать секунд она вернулась в приёмную:

– Сейчас сам выйдет! – Следом из кабинета к нам вышел высокий, широкоплечий, крепкого телосложения мужик. Про таких говорят: настоящий богатырь. Даже в короткой стрижке сразу угадывается «военная косточка». Спрашивает басом:

– Это вы – сибиряки? – и протягивает широкую ладонь. – Какие проблемы? Чем помочь?

Услышал наш рассказ, пожал плечами:

– Сроду никто таких разрешений не спрашивал. Давайте так договоримся – снимайте всё, что нужно. Если ещё кто-нибудь у вас разрешение будет спрашивать, скажите, что я лично вам разрешение дал. Пусть сюда звонят. Договорились?

И тут мне идея пришла:

– Вы же – военный?

– Ну, да. В отставке.

– А форма у вас имеется?

– На работе только китель с фуражкой. Брюки я домой унёс. Вам зачем?

– Мы должны взять у вас интервью. И надо, чтобы вы обязательно надели форму...

– А как же без брюк?

– Мы будем вас снимать до пояса, не о чем беспокоиться.

– Сдаюсь сибирякам, – он дурашливо поднял руки вверх. – Правда, раньше двух часов я не освобожусь.

А мы в один голос:

– Идёт! Только снимать будем на берегу, чтобы было море и корабли, – и договорились с ним, где встретимся.

Наснимали мы в Кронштадте! Дом, где жил изобретатель радио Попов, где проживал моряк – герой-подводник Маринеско, памятник исследователю Новой Земли Пахтусову, Итальянский дворец с Итальянским прудом, одноэтажное здание Голландской кухни, корабли на рейде в Петровской гавани, башню маяка и много чего ещё...

Потом на безлюдной гранитной набережной расположились у бетонного куба, на котором стояли два перекрещенных корабельных якоря. Я только успел выстроить кадр с видом на военные корабли, подоспел Суриков. Он был хорош! Чёрный китель сидел на нём, как влитой, на голове капитанская форменная фуражка с якорем, позолоченным кантом на околыше и золотым ободком на козырьке. На плечах – золотистые погоны, на каждом – по три больших звезды. Только брюки, серые, «гражданские», вносили лёгкий диссонанс.

Он прошёл путь от курсанта училища имени Фрунзе до капитана 1-го ранга. Военно-морскому флоту отдал 30 лет, 8 лет возглавлял особый отдел в Кронштадте. В нём чувствовалась сила духа человека, который готов нести ответственность за свои поступки и слова.

Беседу вёл Красносельский, я – снимал.

– У нас говорят: город-форт, город-флот, – отвечал Суриков. – Поэтому в Кронштадте, как на корабле, должны быть порядок, чистота. Нам говорят – в бюджете нет денег. Мы предлагаем: давайте создадим свободную экономическую зону, она позволит привлечь в город инвестиции. На ремонт дорог асфальт возим из Ленинграда, а нужен свой асфальтобетонный завод. Новая котельная нужна. Нужен пункт сбора нефтеразливов, сейчас с кораблей всё в море сливают. Но это же наше море, нам здесь жить! А сколько у нас соборов, в каком они состоянии, видели?! Хотим привлечь средства коммерческих структур для возрождения в Кронштадте православных святынь. Они же – душа нашей родины...

– А можете что-нибудь сказать нашим шахтёрам?

– Товарищи шахтёры, горняки! – торжественно начал было Суриков. Потом махнул рукой, улыбнулся. – Мы, кронштадтцы, – с вами! Понимаем ваши требования. Надо что-то менять в этой жизни. Только просим вас об одном: про себя обязательно надо помнить, но и о родине не забывать!

Обратный рейс у нас был вечером. В последний день этой памятной поездки мы долго гуляли по городу, по его центру. Прошли вдоль канала Грибоедова, где сквозняк гонял обрывки газет, пустые пластиковые бутылки, мелкий сор. Храм Спаса на Крови высился в конце улицы и было видно, как плотно скрывают его леса реставрации.

На фоне Казанского собора Женька задумал сделать стендап. Взял микрофон, я включил запись. Он энергично, с пафосом пересказал кое-что про наше путешествие. А закончил монолог, неожиданно продекламировав:

– А зодчий не был итальянец,

Но русский в Риме, – ну так что ж!

Ты каждый раз, как иностранец,

Сквозь рощу портиков идёшь...

Эффектно выдержал паузу, махнул рукой: «Это Осип Мандельштам. Вспомнилось внезапно. Выключай камеру...».

По дороге в аэропорт, умудрённые жизненным опытом, решили «затариться». Нашли «Гастроном «Петровский». Выбор товаров здесь был явно бедноват. Высились унылые горки консервов из перловой каши с мясом и «Завтрака туриста», тянулась цепочка трёхлитровых банок с томатным соком. В стеклянной витрине прилавка лежала картонная ячейка с тремя десятками ослепительно белых яиц по 80 копеек за десяток. И надпись рядом с ними: «Яйцо по талонам». Две тушки синих куриц по рубль шестьдесят за килограмм тоже снабжены предупреждением «Куры по талонам». Только обезглавленный минтай по 35 копеек за кило без ограничительной надписи. Ещё хлеб без талонов.

Евгений к продавщице:

– А если мы сегодня улетаем на другой конец страны, что вы нам с собой в самолёт посоветуете?

– А ничего, – охотно ответила та. – Вон инструкция, читайте.

На стене листок с заголовком «Выписка»: «Решением городского исполнительного комитета с 1 июля 1990 года реализация спиртного в торговых учреждениях Ленинграда переведена на талонную систему. На один талон полагается одна бутылка водки и две бутылки вина».

– А если у нас нет ваших талонов? Мы – приезжие. Может, как-то договоримся?

– Не договоримся! – твёрдо заявила продавщица. – Вас тут много, а я одна. И местом своим дорожу... Так что летите себе спокойно.

В общем, взяли мы хлеба, «Завтрак туриста» и – в аэропорт. В самолёте Евгений порылся у себя в заглазнике. Вытащил завернутый в тряпицу кусок солёного сала,

перочинный нож, бутылку «Портвейна 777». Стаканчики без проблем принесла стюардесса. Выпили, закусили и уснули.

...Не знали, что эта осень для Ленинграда станет последней. 6 сентября 1991 года решением Президиума Верховного Совета РСФСР городу вернут его историческое название Санкт-Петербург...

6.

Наши информационные выпуски заметили. Успех нас вдохновлял. Нам очень хотелось сказать новое слово в кузбасской журналистике. В какой-то момент в нашей пресс-службе начались разговоры о возможности создать свой областной телеканал – первое в Кузбассе негосударственное ТВ. Идею подсказал директор Кемеровского областного радиотелевизионного передающего центра (ОРТПЦ) Шая Гершкович Гандельман.

Напомню, тогда в стране было всего два ТВ-канала – оба принадлежали Центральному телевидению (Москва). На них же выходила в эфир и областная государственная редакция Кемеровского ТВ – в отведённое ей вечернее время. Другого телевидения не было.

А Кузбассу повезло: директор ОРТПЦ Шая Гершкович – до своей эмиграции в Израиль (где его теперь уже не стало... Дай, Бог, светлой памяти!) – за счёт средств ОРТПЦ начал создавать третий, не зависящий от Москвы, областной телеканал. И построил. Но создал только техническую часть третьего канала ТВ. То есть, вещать новый канал мог, но простаивал, так как транслировать по нему было нечего.

Мы с Евгением Красносельским и Александром Даньшиным решили взяться за это дело. Вскоре зарегистрировали Товарищество с ограниченной ответственностью «Агентство информации Кузбасса» (ОО АИК, название придумал А. Даньшин). Также к нам активно подключился руководитель кемеровского корпункта Западно-Сибирской студии кинохроники Юрий Романов.

Директором первой областной негосударственной телекомпании стал Евгений Михайлович Баранов, бывший замуправляющего делами Кемеровского обкома КПСС. Поначалу мою должность в АИКе назвали «Главный редактор телепрограмм». Но потом решили, что такие же должности будут и у Евгения, и у Александра, чтобы демократия и равенство торжествовали у нас безо всяких ограничений и обид.

Кстати, хочу отметить, что без помощи обкома партии АИК мог бы не состояться. Под нашу телекомпанию выделили часть пятого этажа в главном здании обкома – на проспекте Советском, 62 (сейчас там располагается департамент информационной политики правительства Кемеровской области). Однако главная сложность у АИКа заключалась в том, что для производства телепрограмм не было профессионального оборудования. Пока что АИК «держался» лишь всё на той же единственной видеокамере бытового формата и паре бытовых видеомagneтофонов с самодельным монтажным пультом.

Обком обещал помочь с оборудованием. Хотя решить эту проблему оказалось нелегко. Технику можно купить только в Японии, но необходима валюта: несколько десятков тысяч американских долларов, например. Один доллар стоил тогда чуть

больше 60 копеек, однако валюту в СССР свободно не продавали. Где её взять? «Ни один банк не даст такой кредит нашей компании!», – кипятился директор АИКа Баранов, обходя в обкоме кабинет за кабинетом с заветным списком техники и доказывая бывшим коллегам, что только они могут помочь. «А где мы такую кучу долларов возьмём?», – разводили те руками.

Решение пришло неожиданно. В наш регион с инспекцией собрался секретарь Центрального комитета КПСС Олег Дмитриевич Бакланов. Он курировал космическую отрасль страны и предприятия оборонной промышленности, которых в Кузбассе было немало. И тогда первый секретарь обкома А. Г. Мельников пообещал директору АИКа:

– Я попрошу его помочь вам с покупкой оборудования. Валюта у его ведомств есть, имеется и разрешение на выход на японский рынок. Но в ответ вы должны взять у Олега Дмитриевича большое толковое интервью и показать его, пока он будет здесь, чтобы он сам увидел...

– Сделаем! – обрадовался Евгений Михайлович. – Назовите время и место.

Провести судьбоносное для нашей компании интервью поручили мне. В обкомовских кабинетах составили вопросы, они были сухими и официальными. Мне они не очень понравились, хотел добавить кое-что от себя. Но директор отговорил в интересах дела. Впрочем, секретарь ЦК отвечал на все вопросы многоречиво и обстоятельно. Словом, помощь АИКу пришла: деньги нам выделили безвозмездно, заказали оборудование в Стране восходящего солнца, оплатили заказ валютой.

Баранов, завхоз АИКа Сергей Шатилов и я дважды ездили в порты Владивосток и Находка за японской видеотехникой. Потом мы её смонтировали, опробовали. Радости не было конца! Наконец-то и АИК заключил с Кемеровским ОРТПЦ договор (о государственно-частном партнёрстве, как назвали бы его сейчас) на трансляцию готовых передач. И мы начали готовиться к запуску передач нового телеканала. При этом параллельно продолжали делать и «10 + 20»...

Когда в самом конце декабря мы на работе провожали 1990-й, Евгений, помнится, сказал тост:

– Год был тяжёлый, но интересный. Хочу, чтобы Новый год тоже был интересным, но полегче!

Мы все на это надеялись. Только не угадали.

7.

АИК начал телевещание сразу на всю область: Кемерово, Новокузнецк, Прокопьевск, Киселёвск, Берёзовский и другие города получали устойчивый видеосигнал на «третьей кнопке» ТВ.

Первый раз в телеэфир мы вышли к лету 1991-го. Большую и разнообразную программу называли «Вечерний видеоканал «Для вас». Здесь были новости, телеочерк, мультик, художественный фильм. Помню, как мы намучились с этим выпуском: трое суток не выходили из монтажной. Наснимали километры материала, и хотелось всё это «впихнуть»... Всё делали неформально, учились на ходу. Например, перебивки с названиями разделов программы писали на листе

фломастером от руки, наклеивали лист на бок пластикового кофра, снимали и показывали зрителям эту самодельную перебивку – она шла в эфир. Примитивненько? Да. Но необычно для времени, когда всё на официальном ТВ было до невозможности зарегламентировано.

Потом дело пошло быстрее. Передачи шли раз в неделю, длились по несколько часов.

Наверняка у кого-то из кузбассовцев остались в памяти позывные и логотип телекомпании «АИК», выходившей в эфир по субботним вечерам в начале 1990-х годов. Казалось, это смотрел весь Кузбасс. Нас, телеведущих Е. Красносельского и С. Черемнова, узнавали на улицах и в общественном транспорте!

Помню, однажды в Новокузнецке стоим мы с Евгением на трамвайной остановке недалеко от кинотеатра «Коммунар», разговариваем. Вдруг женщина с противоположной стороны улицы кричит:

– Вот они, голубчики! – и напрямик через дорогу бежит к нам. – Мы их по телевизору ждём, а они по нашему городу ходят спокойненько. Вы только посмотрите!

На её возгласы начал подтягиваться народ. Пришлось нам, не дождавшись вагона, ретироваться пешком...

Наше телевидение на экранах региона, действительно, становилось альтернативой надоевшему официозу всесоюзных каналов. Нам с Евгением нравилось делать программы, где почти не было политики. В городах и районах мы находили и снимали талантливых, творческих людей, профессионалов своего дела. Делали репортажи, очерки, сюжеты о событиях культуры и искусства в Кузбассе, музыкальные передачи, телепоздравления, телевикторины для детей – это далеко

не полный перечень разноплановых и занимательных проектов для телезрителей АИКа.

Завершались все наши вечерние программы мультиком и художественным фильмом из советской коллекции. И это смотрели. Семьями!

Однажды Кузбасская православная епархия передала нам мультсериал «Библия для детей». ГосТВ отказалось его показывать, а мы взяли с удовольствием. Да ещё с благословения епархии объявили детскую викторину по этому мульту. Начали получать вороха писем от кузбасских ребятишек. Епархиальные «батюшки» с трудом перелопачивали эту почту, чтобы установить победителей.

Простые рабочие и жители села, рядовые кузбассовцы, политики и артисты, служители культа были участниками наших программ. Мы находили таких комментаторов проблем и событий, которых официальное ТВ себе не могло позволить, даже если бы и захотело. Хотя и чиновников привлекали к передачам, требуя от них только одного – говорить со зрителями не штампами, а простым и понятным языком.

АИК нащупал свою нишу, у зрителей начал появляться интерес, в редакцию пошли звонки и письма нам, ведущим нового ТВ.

Нам говорили, что мы хорошо дополняем в эфире друг друга. Зрителям казалось, что спокойный Сергей и взрывной начитанный Евгений сжились так, что водой не разольёшь. Хотя, перед любой передачей мы кропотливо разбирали предстоящий эфир, спорили до хрипоты, порой ссорясь и называя друг друга последними словами. Но перед телекамерой демонстрировали полное взаимоуважение.

Мы с Евгением вели новости, делали «стендап-переходы» от одного раздела программы к другому. Просто свободно разговаривали перед камерой, предваряя сюжеты, художественные фильмы и даже детские «мульты». Со стороны казалось, что импровизации не было конца. Хотя мы каждый раз осознанно выбирали тему. И часто придумщиком идей становился Красносельский, а вот «расписывать» их в сценарий приходилось мне, так как он не любил возиться с бумагами, считал это черновой, ненужной работой. Но ведь без «бумажной» подсказки, бывало, не обойтись.

Кстати, у нас была своя, очень своеобразная телестудия: небольшая комната под самой крышей здания обкома. Мы соорудили для неё выгородки. Здесь записывали комментарии наших гостей. Иногда – и нас, ведущих видеоканала...

Но чаще мы старались всё делать не так, как принято на государственном ТВ. В наших программах не было устоявшихся теледогматов и помпезности. Иногда площадкой для нас – ведущих – становились то крыша здания обкома партии, то воды реки Томи с соответствующей пляжной экипировкой, то просто городская аллея.

Один раз мы вели программу, разъезжая верхом на лошадях по ипподрому в Топкинском районе. Кандидат наук Владимир Александрович Мирошник, а тогда просто Володя, прямо с кемеровской площади Советов давал для наших телезрителей экономические и политические прогнозы о развитии страны и области. И ему ничего за это не было...

Огромная популярность имела у нашей рубрики «Глубинка». Мы постоянно выезжали с Женькой в сельские районы и малые города, «откапывали» там необычных, интересных людей – мастеров своего ремесла – и через их судьбы рассказывали об истории и добрых традициях их малой родины. Всё время искали какие-нибудь «изюминки». Красносельский без этого просто не мог.

Интервью у председателя райисполкома (по-нынешнему – главы райадминистрации) Чебулинского района мы брали в жарко натопленной бане и в соответствующем для парной виде. Пару дней пришлось уговаривать чиновника... Директор картофелеводческого совхоза «Гурьевский» рассказывал нам на видеокамеру о своём житье-бытье за чистой картошкой. Целое ведро начистил, пока Красносельский вопросами душу ему «вынимал». А сколько самостоятельных творческих коллективов мы записали и показали по АИК-ТВ! Им в те годы было ой как несладко. Многих бросили на произвол судьбы: мол, кому нужны ваши песни и танцы, когда страна трещит по швам?! Не хватало у области денег на их поддержку... Как же эти люди были благодарны АИКу! Чаще всего, мы снимали их выступления на природе – на живописном берегу речки, на лесной поляне, среди белоствольных берёз. Они наряжались в забытые, казалось бы, концертные костюмы, чтобы было по-настоящему красиво. Мы убеждали их: держитесь, вы очень нужны Кузбассу!

Однажды к нам в АИК пришёл директор студии Кемеровского областного телевидения Геннадий Михайлович Митякин. Долго ходил по нашим кабинетам, рассматривал технику, наблюдал за монтажом передач. Вздыхал:

– Вам-то хорошо... Вот если бы нам так разрешили работать...

В АИКе с удовольствием трудились телеоператоры Сергей Кузьмин, Валерий Макаров, Борис Зайченков. У нас начинали свою творческую карьеру тележурналисты Виталий Блынский, Слава Рыжевалов, режиссёр Надежда Разжигаева. Трудились режиссёр Александр Каретин, инженеры Виктор Скороходов, Пётр Рожнёв.

Помню, как к нам заглянул радиожурналист Сергей Салтымаков, предложил создать в АИКе радиоканал. С его лёгкой руки и блестящего таланта АИК стал телерадиокомпанией. Под Сергея Николаевича оборудовали радиостудию. Его душевная радиопрограмма «Завалинка» тоже собирала большую аудиторию.

Ради необычного кадра Красносельский иногда придумывал такие трюки, которые и выполнить-то было трудно. Но если он чем-нибудь загорался, отговорить его было уже невозможно. Его упрямству, как и работоспособности, порой, не было предела. Наверное, молодость брала своё...

8.

А страну лихорадило... Правительство пыталось приспособить плановую экономику СССР к мировым тенденциям. Но ничего хорошего из этого не получалось. Плановый социализм порождал всё больше проблем, вместо намеченного ускорения большинство советских предприятий или «тормозили», или вообще останавливались. Чтобы хоть как-то выживать, заводы и фабрики, перешли на натуральный обмен товарами. Зарплату то и дело задерживали. В моду вошло слово «бартер». Народ в открытую костерил партию и правительство, система

трещала по всем швам. Особенно болезненными были сбои с продуктами и ширпотребом. У магазинов стали привычными длинные очереди и пустые прилавки. Если что-нибудь и попадало в продажу, покупатели буквально «сметали» любой товар. На продукты и спиртное ввели талоны. На водку, например, давали два талона в месяц на одного взрослого. Впрочем, умеренно пьющим, так мы определяли свои потребности, хватало.

Нам и нашим семьям в этот период помогали выжить постоянные командировки в сельскую местность. Нашим детям: троим Красносельским-младшим и двоим младшим Черемновым, – постоянно требовалась еда, чтобы расти и развиваться. В ходе поездок нам удавалось купить в деревне то пороссячий бок или говяжью лодыжку, то банку мёда или молока, то продукцию птицефабрики или овощеводческого совхоза.

В эти поездки Евгений всегда брал с собой огромный рюкзак. Вскоре об этом тряпичном мышинного цвета чуде Красносельского начали слагать легенды. В необъятного размера рюкзаке, кажется, умещалась вся его жизнь, всё, что необходимо человеку на все времена года: куртки, ботинки, валенки, чашки, ложки. Чего там только не было?! Женькин рюкзак часто выручал нас в дороге. Если хотели есть, Женька запросто «откапывал» в нём кусок сала и булку чёрного хлеба. Если сильно старался, то находил в нём даже заветную «полулитровую ёмкость». Соответственно, он складывал в рюкзак весь свой натуральный «улов», который удавалось получить в очередной поездке. Так что этот рюкзак, как правило, занимал едва ли не половину багажника нашей машины. Зато семья в нелёгкое время чувствовала его постоянную заботу.

Вообще 1991 год для нас был наполнен событиями, работой, эмоциями и разочарованиями. В центральной прессе только и разговоров было о том, что дальше так жить нельзя, что хочется жить по-другому. На окраинах страны полыхали кровавые конфликты. В ряде республик начали делать всё, чтобы выйти из СССР.

Но 17 марта 1991 года в референдуме «О сохранении СССР как обновлённой федерации равноправных суверенных республик» приняли участие 112 миллионов жителей Союза. И большинство сказали Союзу «да». Мы с Красносельским проголосовали также. Посвятили референдуму несколько программ АИКа. И пусть в Армении, Грузии, Латвии, Литве, Эстонии и Молдавии проголосовали по-другому, – всё равно не верилось, что после однозначного волеизъявления людей страна развалится, разбежится по «своим» квартирам.

9.

В этой связи вспоминаются ещё несколько наших с Евгением необычных командировок, в которых буквально «оттиснулись» беспокойные дни 1991-го.

...Кстати, некоторые из наших совместных с ним поездок позже стали сюжетами моих литературных новелл. Имена героев в них, конечно, изменены, но они очень узнаваемы. Один из таких рассказов называется «Глубинка» – о том, как в мае 1991 года мы побывали в Риге... Поездку в Латвию организовал начальник управления культуры Кемеровского облисполкома Владимир Иванович Бедин. Каким-то

образом в те дни ему удалось организовать Дни культуры Кузбасса в Латвии. Собрали большую делегацию. В её официальную часть вошли директор Театра оперетты Кузбасса Владимир Юдельсон, председатель областной организации Союза театральных деятелей, актёр Кемеровского драмтеатра Аркадий Дахненко. Была большая ватага: юные артисты из новокузнецкого театра детского творчества «Юность» со спектаклем «Питер Пэн», которых возглавлял руководитель театра Олег Павловец, и группа кузбасских предпринимателей, большинство которых я не знал, – эти сначала ехали отдельно от нас. До Москвы мы долетели самолётом и там соединились со всей остальной делегацией, пересев на поезд «Москва – Рига».

Для меня до сих пор загадка: почему Бедин в качестве ТВ-журналистов пригласил нас с Евгением, а не бригаду, скажем, с областного гостелевидения. Бедин сказал, что ему виднее. Он был уверен, что никто лучше АИКа не сделает передачу про эту поездку. Владимир Иванович наобещал нам встречи и интервью: с министром культуры Латвии – своим другом Раймондом Паулсом, с народной артисткой СССР Вией Артмане, с вдовой писателя Валентина Пикуля, съёмки детского спектакля на сцене Рижского русского театра имени Михаила Чехова. И много чего ещё, что сами «нароем». У нас слюнки текли от предвкушения.

Первые признаки развала СССР мы увидели ещё в поезде. Под утро нас разбудил внезапно зажёгшийся яркий свет в нашем купе. Дверь резко открылась, и вошёл высокий молодой человек в незнакомой тёмной форме с большим фонарём в руке. Мы подскочили на полках, а он приказал с характерным прибалтийским акцентом в голосе:

– Приготовьте документы для проверки! – строгий, светлые волосы, холодные глаза. Спрашиваем его: «Что это? Зачем?»

– Вы пересекаете государственную границу Республики Латвия! – отчеканил ночной гость. – Приготовьте документы или придётся пройти для выяснения личности...

А ведь мы не выехали за пределы СССР! Но кому же охота «пройти для выяснения...». Достали паспорта. Проверяющий неторопливо открывал один за другим наши документы, долго и придирчиво рассматривал, потом беспардонно направлял фонарик в лицо хозяину документа, сравнивая фото с оригиналом.

– А какая станция? – спрашивает Евгений, чтобы как-то разрядить возникшее напряжение.

Проверяющий направил на него фонарь: «Зилупе будет», – отвечает, делая ударение на первом слове названия.

– А можно ещё спросить? – не унимается Красносельский. – Какая в Латвии сейчас валюта? Ну, то есть, какие деньги в магазине принимают?

– А у вас с собой какая валюта? – отвечает тот вопросом на вопрос.

– У нас советские рубли...

– Рубли принимают, – кивает проверяющий. – Есть ещё латы – это наша национальная валюта, – на слове «наша» он делает ударение.

Вот как...

Второй «звоночек» прозвенел следующей ночью.

Приехали в Ригу вечером, разместились в гостинице «Латвия», ничего такого не заметили – встречают вроде бы доброжелательно. Собрались в нашей комнате на семнадцатом этаже, посидели долго и хорошо, «отметили» приезд. Евгений с Аркадием Дахненко, соревнуясь, бесконечно травили то журналистские истории, то театральные байки. Из окна любовались красивыми видами городских крыш. А потом решили погулять по городу. И никого не смутило, что уже второй час ночи.

Идём – куртки нараспашку – по ночному городу, пахнущему речной свежестью близкой Даугавы. Громогласно общаемся. Рассматриваем аккуратные улочки центра, вымощенные булыжником. Обсуждаем, что ночным улицам не хватает света тусклых фонарей. Вышли на площадь к Домскому собору. Бедин с Юдельсоном рассказывают про Ригу. Первый здесь часто бывал, у второго близкие родственники до 1940 года имели здесь в собственности неплохую недвижимость.

Вдруг слышим властный окрик:

– Вы что, с ума сошли?!

Стоят двое военных в советской форме: невысокий, кряжистый полковник и худой, высокий с погонами подполковника.

– А что такого мы делаем? – сразу заерепенился Евгений. – Никого не трогаем! Ходим себе, смотрим, обсуждаем.

– Вот именно, обсуждаете! – соглашается полковник. – Вы же говорите по-русски. Разве не знаете, что сейчас – 1991 год, и небезопасно в Латвии говорить на русском, да ещё так громко, ночью? Вам местные головы открутят, шлёпнут, и никто не найдёт!

Это оказались замкомандира рижского гарнизона Прибалтийского военного округа и его помощник. Возвращаются со службы домой. Рассказывают нам, что здесь сейчас много злых на Союз. Что у себя в гарнизоне они увольнения в город отменили. Офицеры ходят с работы домой по двое – по трое. «И вот с этим, – показывает полковник на висевшую на ремне кобуру. – Вот до чего дошло после зимних событий!»

Мы, конечно, струхнули. Рассказали, кто мы и зачем приехали. Далека, оказывается, Сибирь от местных проблем. Попросили проводить до гостиницы. И пока шли, военные поведали, как год назад Латвия объявила о независимости, а Москва, кажется, так ничего и не поняла. Их гарнизон в Риге оставили, никаких указаний из Москвы не дают: какой у наших военных теперь статус, как себя вести с местными властями?

– А мы перед поездкой в МИД обращались. Нас уверили: езжайте, там всё нормально, – удивляется Бедин.

– Как же! Нас здесь иначе, как оккупантами, не называют... – докладывают военные.

– В прошлом году в Латвии создали параллельное правительство, декларацию о независимости приняли. И получилось двоевластие: они свои структуры назначили, и советские органы тут тоже продолжают действовать.

МВД Латвии подчиняется новому руководству, а вот рижский ОМОН сохранил лояльность Советскому Союзу. Из штаба Прибалтийского военного округа гарнизону твердят одно: не вмешивайтесь. А Верховный Совет РСФСР во главе с

Ельциным сделал вместе с Латвией заявление: признаём, дескать, государственный суверенитет друг друга, готовы оказать конкретную помощь в случае необходимости. Какой там референдум о сохранении СССР?! Страна разваливается на глазах...

Несмотря на поздний час, военные зашли к нам в номер, и Красносельский уговорил их на небольшое интервью. Я записывал их на видео.

«Питера Пэна» новокузнецкие дети играли при битком набитом зале Русского театра, что на улице Калькю (по-русски – Известковая). В большом, мест на пятьсот, зале яблоку негде было упасть. Все ряды заняты, в проходах наставили приставных стульев, всё равно всем желающим мест не хватило, и люди стояли вдоль стен. Нам с Евгением достался один стул на двоих. И мы по очереди снимали фрагменты постановки, рукоплещущий зал, крупным планом – радостные лица.

Зрители были самые разные. Одни разодеты в строгие костюмы и платья по моде, другие в демократичных свитерах и джинсах. Было немало детей. И все активно переживали за сценическое действо.

На выходе из театра нас окликнула немолодая женщина, которая сидела за столом под вывеской «Вахтёр».

– Вы откуда будете, голубчики?

– Из Сибири, – с охотой ответил Евгений. – Вот со спектаклем к вам в гости приехали.

– Хорошо, молодцы, – кивает вахтёрша. – Нас тут Москва совсем забыла. От местных только и слышим: «Захватчики!». А ведь я здесь родилась... Говорят, что и театр наш закроют, – чуть не шёпотом сообщает.

Вечером спрашиваем Бедина: как удалось полный зал собрать, тут без рекламы не обойтись?

– Вот именно, – ответил довольный Владимир Иванович. – А всё Раймонд!

И показал пачку газет, некоторые пестрили непривычными заголовками на латышском языке. Паулс дал команду местной прессе опубликовать объявление. Да ещё радио подключил! Потом Владимир Иванович договорился, и у нас получилось побывать в Минкульте Латвии.

Помню, мы с Женькой вошли следом за ним в огромный просторный светлый кабинет, в дальнем углу которого за широким столом сидел человек и что-то писал. Раймонд Паулс! В другом углу стоял чёрный рояль. На вид министр выглядел моложавее своих пятидесяти пяти. Невысокий, плотный, в строгом костюме тёмно-серого цвета, волосы аккуратно уложены. Он пожал нам руки и с приятным, чуть замедленным латышским произношением, выговорил: «Готов ответить на ваши вопросы».

Мы с Евгением заранее решили: я снимаю, он ведёт беседу. Усадили министра так, чтобы он был напротив объектива.

– Можно узнать, где вы это показывать будете? – спросил он, прежде чем Красносельский успел задать ему первый вопрос.

– Только у себя в области, по местному телевидению, – заверили мы его.

– Тогда спрашивайте. Только о политике не хотелось бы...

Первые вопросы Евгения были традиционными: где родился, когда начал заниматься музыкой? Паулс отвечал охотно, чувствовалось, что он уже не раз рассказывал свою историю. Вспоминал детство, юность, учёбу.

– Известность пришла ко мне, когда Лариса Мондрус спела русский вариант моей песни «Синий лён» – имя певицы он произнёс на латышский манер «Ларыса».

Сочинял для кино: фильмы «Три плюс два» помните? Или «Долгую дорогу в дюнах»? В семидесятые уже больше в Москве работал – с Леонтьевым, Пугачёвой... В середине восьмидесятых по инициативе Раймонда появился международный конкурс молодых исполнителей «Юрмала».

Министр разговорился, и Красносельский не пытался ему помочь, чтобы не спугнуть атмосферу этого монолога. Женька умел уловить это настроение в разговоре с собеседником, когда надо только кивать и поддакивать. Не лез с вопросами, не напирал на человека, как это теперь нередко принято в современной тележурналистике.

А вот когда Паулс высказался, приступил Красносельский. Спрашивал его о работе, о сегодняшней должности, о недавнем 55-лети. О том, как рождается у композитора музыка.

– Я к сочинительству отношусь с лёгкостью. Подхожу к роялю, наигрываю, импровизирую и нащупываю определённую тему. Это у меня с молодости, когда увлекался джазом. По нотам играть не люблю.

А Красносельский его понемногу к политике подводит: это же важно!

– Благодаря вашей заботе артисты Латвии получают поддержку. Помнят ли они, чем вам обязаны?

– Чепуха это всё, – засмутился министр. – Мне от них ничего не надо. Хотя стараюсь в нашей сегодняшней сложной ситуации защитить своих коллег – работников культуры.

Красносельский:

– Раймонд Паулс, наверное, всегда будет любимым композитором Советского Союза. Две премии Ленинского комсомола, народный артист СССР и Латвийской ССР. Не возникает ли у вас в порой ностальгии?

– Я всегда о советском говорю с уважением, – ответил Паулс. – Я исколесил весь СССР. И везде принимали хорошо! Мне нет никакого дела до рассуждений, какая там система? Для меня всё это на втором плане. Я так понимаю, национальная или политическая ограниченность не пойдёт на пользу ни латвийской культуре, ни народу нашей республики. Я прошёл через огонь, воду и медные трубы. Поэтому в рамках политических обстоятельств веду себя, прежде всего, как порядочный человек. И стараюсь не делать того, что бы мне претило...

Потом как начал нахваливать:

– Ленинград – колыбель латышской культуры! Из него вся наша консерватория вышла: в Санкт-Петербурге учился Язеп Витолс – композитор, музыкальный педагог, основатель нашей национальной оперы и Латвийской консерватории. Там жил, работал и писал гимн Латвии композитор Карлис Бауманис...

Тут Евгений и подловил его «на эмоции». Примерно так:

– Раймонд Вольдемарович, можно представить, сколько у вас работы! Остаётся время для музыки?

– Очень мало. Но я всё равно сочиняю, выступаю, стараюсь выкраивать для этого время.

– А всё-таки, у вас есть мелодия для души?

– Наверное, это мелодия из фильма «Долгая дорога в дюнах».

– А сможете прямо сейчас что-нибудь сыграть?

И что вы думаете?! Паулс отвечает:

– Для вас – можно.

Встал, снял пиджак, подтянул вверх рукава сорочки, чтобы не мешали. Присел к роялю, открыл крышку, тронул несколько клавиш. Его руки замерли над инструментом. Я в эти несколько мгновений переместился на новую точку съёмки и успел записать первые ноты знакомой мелодии, нашумевшей в начале 1980-х многосерийной теледрамы...

Класс, а не материал! Но не всегда и у Евгения выходило гладко.

Вия Фрицевна Артмане пообещала дать интервью прямо у нас в гостинице. Мы с Евгением головы «сломали»: как встретить знаменитую актрису, куда усадить, как снимать? В номере обстановка не годится. Забраковали и гостиничный холл, и ресторан. Вышли на улицу. Здесь светило майское солнышко. И неожиданно обнаружили чудесный скверик с кустиками, скамейками и красивой клумбой.

Решили, что без цветов никак нельзя. Недалеко в стеклянном киоске продавали только красные гвоздики. Взяли пять штук: три – как-то несолидно. Стоим на ступеньках гостиницы, посматривая по сторонам. И не заметили, как она подошла. Мы-то ожидали увидеть разодетую королеву советского экрана и театральной сцены, а она – в обыкновенном платье, светлые волосы гладко зачёсаны назад. На первый взгляд, ничем не выделялась в толпе. Пока она не спросила:

«Вы не меня ждёте?» – этот голос, практически лишённый местного акцента, был знаком каждому взрослому жителю Союза. Мы тут же узнали её красивое немолодое лицо без косметики. Выше среднего роста, статная – типичная прибалтийка.

Перед этим мы поспорили: кто будет задавать вопросы, а кто – снимать. Женька упёрся в то, что всю свою журналистскую карьеру мечтал взять интервью у народной артистки СССР. Думаю, ладно, опять уступлю.

Уселись они на скамейке. Женька неловко вручил ей цветы. Я камеру установил, в видеоискатель вижу, взгляд у актрисы тревожный. Такая вся напряжённая, серьёзная. Спрашивает: «А вы с какого телевидения?»

– Мы из Сибири.

– Из Союза, значит, – наша гостья вроде бы расслабилась.

Евгений начал с комплиментов. Типа: вы – талантливая актриса, открытки с вашим фото продаются во всех киосках «Союзпечати». Как вы сами относитесь к своей славе?

Артмане выразительно на него посмотрела:

– Да? Вы всерьёз считаете меня талантливой? – и замолчала, опустив глаза.

Красносельский попробовал зайти с другого бока: мы все хорошо знаем ваши великолепные роли в фильмах «Родная кровь», «Никто не хотел умирать», «Сильные духом». Как вам удаётся создавать такие разные образы?

Она отвечает:

– Не всегда роли, которые пользуются успехом у зрителей, у меня любимые, – и снова замолчала.

Мы с Женькой переглянулись. Он растерялся – не клеится разговор. Тогда я предложил по-быстрому поменяться, ему встать к аппарату. Она с удивлением наблюдала за нашими перемещениями. Я тогда ей сходу:

– Вия Фрицевна, мы понимаем, вас что-то смущает в нашей встрече, наверное, мы что-то делаем не так? Помогите понять...

– А вы разве не читаете латвийских газет? Или делаете вид, что ничего не знаете?

– Откуда? Мы никогда раньше не были в Риге. И по-латышски читать не умеем. Мы тут всего третий день... А у нас в Сибири вас просто боготворят!

Она вздохнула, слёзы в глазах. Говорит, думала, что знаю себе цену, что высоко летаю... Так меня сейчас опустили на грешную землю. Почти год – ни одной главной роли...

– Почему?

– Я не жалуясь, – отвечает. – Наверное, получаю то, что заслужила. Хотя я тоже люблю Латвию. Но, наверное, не так, как они, по-своему.

– Кто – они?

– Те, кто пришёл сейчас к власти. Не могут простить мне советского прошлого. А что в нём было плохого? Мы хорошо жили вместе. Теперь осуждают в газетах за то, что я народная артистка СССР, что при Советах возглавляла Союз театральных деятелей Латвии, была депутатом Верховного Совета республики, кандидатом в члены ЦК партии... Намекают, чтобы уезжала в Москву. А я никуда не поеду. Моя родина здесь!

Да, она играла и Екатерину Великую, и Елизавету английскую. И простых женщин. Только в кино больше сорока ролей! Люди должны это помнить, ценить!

– Говорят: «Мало ли что. У нас теперь другие законы!» А куда я, кроме театра, пойду?

И это интервью у нас состоялось. Хоть разговор вышел тяжёлый. Артмане поделилась мыслями о себе и творчестве, о доме и семье. О муже Артуре, который тоже был артистом, скончался около пяти лет назад. О сыне Каспаре, доставлявшем немало хлопот из-за выпивки. «Теперь, к моей радости, всё позади, он пишет музыку, тянется к Богу. А моя дочь Кристиана хорошо рисует, хочет быть художником». О друзьях и коллегах поговорили, которые не бросают, поддерживают в трудную минуту. Постепенно на её лице снова засветилась известная всему миру улыбка:

– Латвия – моя родина. Я её очень люблю. И очень люблю Союз, Россию. Спасибо вам, люди, что помните меня. Низкий вам поклон!

Евгений радовался за меня, как ребёнок. Он умел радоваться за успехи друзей. И за себя – тоже, за то, что всё записал и кадр не испортил.

А вот вдову Пикуля нам застать не удалось. И улицу нашли, и дом, и квартиру. Однако хозяйки не было. Мы её напрасно прождали несколько часов.

Улицы города, конечно, наснимали, архитектуру столицы Латвии. Побывали на рижской телебашне. Там располагался ресторан, где прошёл заключительный ужин Дней Кузбасса в Латвии.

Потом в АИКе вышла наша передача под рубрикой «Глубинка». Мы так решили с Красносельским: по ассоциации с окраиной когда-то Российской империи, Прибалтикой, на всех парах рвущейся «в Европу».

...Совсем недавно – 12 января 2022 года – Раймонд Паулс отметил 86-летие. Я увидел постаревшего маэстро по телевизору. Он то ли возмущался, то ли ворчал о любимой Латвии: «Знаете, у меня такое ощущение, что мы стали глухой провинцией – не только для Запада, что само собой понятно, но и для Востока»...

10.

И всё же мы верили, что СССР выкарабкается.

Помню, возвращались из Риги в поезде и спорили об этом до хрипоты. А потом постепенно нить разговора взял в свои руки Аркадий Дахненко. Взялся рассказывать про свою жизнь и судьбу. Родился на Украине – в станице Зимняя Днепропетровской области. Учился в России – в Ярославле. Работал сначала в Севастопольском театре, потом – в Краснодарской драме, в Омской, Тбилисской...

Образно излагает, сочно, остроумно. Все хохочут. Когда ещё такое услышишь?! У нас с Красносельским профессиональный симптом одновременно срабатывает. Он мне шепчет: включи камеру, а я давно её не просто так на коленях держу – Аркадия втихаря записываю...

Важные события в 1991 году сыпались, как из рога изобилия.

12 июня 1991 года выбирали первого президента России – РСФСР. Кандидатов было несколько.

Я голосовал за председателя исполнительного комитета Кемеровского областного Совета народных депутатов (одновременно исполняющего и обязанности председателя этого облсовета) Амана Тулеева. Красносельский, кажется, тоже был за него. Выборы выиграл Борис Ельцин.

Как говорится, не успели остыть от предвыборных баталий, стали готовиться к подписанию нового Союзного договора, который вместо СССР предполагал создание Союза Суверенных Государств. Событие должно было состояться в августе 1991-го в Москве.

А 18 августа случилось ГКЧП.

Было воскресенье. По Центральному телевидению долго «гоняли» балет. Мы созванивались с Евгением, с Евгением Михайловичем Барановым, с нашими ребятами: что происходит? Что будет дальше? Как будем жить? Кто-то надеялся сохранить страну в прежнем виде, другим хотелось обновления. Настроение в дни ГКЧП было подавленное. Войны боялись. Гражданской войны...

Её удалось избежать. Гэкачепистов хватило всего на три дня. Подготовить «августовский путч» они толком не сумели, зато дров наломали.

Однако были и потери, и громкие отставки с назначениями.

Про московские отставки не буду. Напомню про наши, кузбасские. Ельцин отстранил Тулеева от должности предоблисполкома – руководителя Кузбасса, назначив 27 августа 1991 года главой Кемеровской области Михаила Кислюка. Тот в дни ГКЧП оказался в Москве – на крыше здания, где располагался Ельцин. Получилось, защитил президента с автоматом в руках от возможных нападений гэкачепистов.

И вот президент России объявил демократические реформы и настоящую свободу слова. Областные Советы депутатов вообще распустили. Может быть, поэтому Кислюк сразу же принял решение и о закрытии и ликвидации нашего АИКа. Эта информация прозвучала, как гром среди ясного неба.

Как нам передали, Кислюк повелел прикрыть нашу компанию в ответ на трансляцию первого Всекузбасского съезда народных депутатов всех уровней, который организовал Тулеев с единомышленниками. «Новость» нам принёс руководитель ОРТПЦ Гандельман. Он получил команду лишить АИК эфира. Он развёл руками: а что я могу? Это приказ сверху...

Кроме того, нам сообщили, что директор Кемеровской студии областного ТВ Митякин договорился (с кем?), что оборудование АИКа у нас будет изъято и передано областному ГостВ.

Что делать?

Мы срочно, за пару часов, всё демонтировали, упаковали в коробки и ночью Красносельский, Даньшин, я и иже с нами – через «задний выход» – вынесли всё оборудование из здания обкома, вывезли и спрятали по квартирам, мичуринским садам, гаражам.

Евгений Михайлович Баранов пошёл к Кислюку на переговоры. С неделю нас «мурыжили». Всё утряслось только после наших заверений, что в политику лезть не будем. Новый глава области самолично пришёл в АИК, выслушал наши обещания и «великодушно» разрешил продолжать...

И мы продолжили.

Снова начались командировки, передача за передачей. Больше того, у АИКа появились заказчики, которые готовы были платить за репортажи, документальные фильмы, за рекламу продукции и услуг. Наш директор договаривался о съёмках, а мы ехали и снимали. Постепенно начал выстраиваться наш непростой телебизнес. Но время было труднейшее, широко развернуться не получалось.

Хотя, справедливости ради, отмечу: в городах Кузбасса стали одно за другим появляться новые СМИ: газеты, журналы, радио. Свои городские телекомпании начали активно вещать в Новокузнецке, Юрге, Кемерове...

Вскоре страна окончательно распалась. 8 декабря 1991 года Б. Н. Ельцин с тремя коллегами подписали соглашение о прекращении существования СССР и создании СНГ. 25 декабря уgomонился и сложил свои полномочия первый президент СССР Михаил Горбачёв...

В последний рабочий день декабря в АИКе по традиции накрыли праздничный стол, чтобы проводить 1991-й. Тосты запивали спиртом «Royal» (Рояль) – неимоверной крепости не то немецкого, не то польского происхождения и закусывали «ножками Буша», как народ прозвал куриные окорочка, которые во множестве теперь импортировали в нашу свободную страну из США. Настроение было... Ну какое тут может быть настроение?!

11.

А ведь самое трудное было ещё впереди. И заключалось оно не только в том, чтобы срочно переделывать учебники по географии и политические карты мира.

2 января 1992 года в России завязалась экономическая реформа правительства Егора Гайдара, получившая название «шоковой терапии».

Впрочем, было ясно, что одному Гайдару не под силу сломать основы советской экономики и промышленности. Ему на помощь пришёл Чубайс. Первое, что они сделали – отказались от государственного регулирования цен, предоставили право производителям устанавливать их самостоятельно. Президент подписал Указ «О свободе торговли». И началось: неуправляемый рост цен и безудержная инфляция. Бывало, утром перед работой заглянешь в магазин – хлеб продаётся по одной цене, вечером идёшь с работы – цена на хлеб уже дороже. Так что продукты стали покупать с утра. Хотя угадать трудно, кисло шутили мы с Евгением: может «они» ночью стоимость накручивают?

В Кемеровской области, как грибы, вырастали торговые точки. Теперь, куда бы мы ни приехали на съёмки, повсюду в глаза бросались свежее испечённые лотки, прилавки, киоски, базарчики, рынки и большие базары – на площадях, вдоль автотрасс, у остановок, перед магазинами, на стадионах и спортплощадках, в кинотеатрах, дворцах культуры.

Складывалось впечатление, что на производстве никого нет – все только торгуют. И неважно при этом – инженер ты или рабочий, учитель, врач или журналист, нет у тебя диплома или три высших образования. Сберкассы переименовали в Сбербанк, а советские сбережения, которые граждане хранили в них, просто «обнулили».

Новый российский рубль «измельчал» до такой степени, что Центробанк начал печатать новые купюры с немыслимым количеством нулей. В АИКа зарплату стали выдавать толстыми пачками денег, которых едва хватало на неделю. Благодаря гиперинфляции мы все враз стали миллионерами. «Нищие миллионеры» – как вам такое словосочетание?

Как-то надо было выживать.

Большинство наших людей умели быстро приспосабливаться к трудностям, выживая назло «строителям» рыночного капитализма в интересах тонкой «прослойки». Народ активно сеял и выращивал всё, что только можно: кур и кроликов – на балконах, поросят и бычков – в сараюшках, овощи и картошку – в садах и огородах, если есть, или – на колхозном поле, если своей земли не было.

...Конечно, большинство семей страны выращивали картошку испокон века. Я, выросший в своём доме в шахтёрском Прокопьевске, сколько помню себя с раннего детства, видел, как родители на любом свободном клочке огорода закапывали картофельные семена. А на исходе весны обязательно ездили садить картошку на поле. Отцу на шахте, где он работал подземным электрослесарем, как и другим шахтёрам, выделяли на колхозном поле делянку – обычно пять-шесть соток.

Не оставляли мы с женой картофельную страду, и переехав в Кемерово. Красносельские тоже сами выращивали овощи для семейного стола. В общем, глядя на «разгул» ново-рыночной экономики, мы с Евгением решили весной посадить побольше картошки за городом. И чтобы делянки наши были рядом. Пошли с предложением к директору АИКа. Вскоре он сообщил, что с землёй договорился.

– Заводу одному на лето поле под картошку выделили, а мы старые знакомцы с их генеральным. Я ему про вас сказал, он «за». Только сюжетик про завод сделаете...

Я взял себе пять соток: хватит нам урожая на зиму. Евгений решил засеять десять соток.

– Излишки всегда можно продать, – философски прикинул он. – Да и детей кормить надо три раза в день!

Стали ждать весну, продолжая «делать эфир» АИКа. Следили, конечно, за мировыми и российскими новостями. 1 февраля 92-го года Ельцин и президент США Джордж Буш-старший подписали Декларацию о прекращении холодной войны.

Тогда нам казалось, что это всерьёз и надолго. Борис Николаевич «сгонял» в США, 17 июля 1992 года выступил там в Конгрессе и доложил сенаторам, что социальный строй, соперничавший с капитализмом, ликвидирован в нашей стране навсегда и попросил Господа «благословить Америку...».

А перед этим к весне подковёрная борьба между Верховным Советом и президентом-правительством России перешла в острую фазу: депутаты в открытую критиковали рыночные реформы Ельцина-Гайдара, считали их неприемлемыми.

Поговаривали, что президент должен или подмять парламент страны под себя, или распустить непокорных депутатов. Жизнь простых людей от этого не становилась лучше.

В конце мая мы семьями выехали на поле. Посевная прошла без особых приключений. Водитель АИКа Алик на редакционном «Москвиче»-каблукке отвёз нас на место. На поле, размеченном деревянными колышками, отыскивали свои делянки. На колышках химическим карандашом незнакомая рука старательно вывела наши фамилии. Наши участки, как и просили, расположились рядом.

Женька на посевной приотстал. Во-первых, участок у него в два раза больше. Во-вторых, он же был, если кто забыл, большой любитель разговорного жанра. А тут, на поле, пусть маленькая, но стабильная аудитория, хоть и своеобразная – пятыми точками кверху, но уши-то у нас имеются. И вот Евгений – то налегает на лопату, то бросит её, увлекательно повествуя очередную историю, вычитанную в газете или подслушанную по телевизору. Излагает с юмором, с остротами. Мы с Галиной хохочем, а его жена подгоняет Евгения...

Сибирское лето пролетело быстро. У нас с Красносельским шли бесконечные съёмки, монтаж передач, командировки.

А ближе к концу августа у нас наметилось необычное путешествие: снова предложили посетить за границу. Хоть и бывшую республику Советского Союза, но всё же! А дело было так.

Позвонил помощник начальника Кемеровской железной дороги Сергей и сказал, что с нами хочет встретиться начальник дороги Анатолий Михайлович Корячкин. Я, да и Евгений, этого Серёгу знали давно – товарищ он серьёзный, зря звонить не будет. Не откладывая, прибыли в высокий кабинет железнодорожного начальства.

Корячкин – немолодой симпатичный мужик в тёмно-синей с иголки форме с золотистыми звёздными нашивками на рукавах – налил чаю с печеньками. И когда мы приступили к чаепитию, произнёс: «Помогите!»

Он коротко обрисовал проблему и предложил нам, тележурналистам, бесплатное путешествие на поезде в ближнее зарубежье – за счёт Министерства путей сообщения. В ответ мы должны снять что-то вроде фильма-репортажа о творящемся в этом самом зарубежье беспределе. Дело в том, что пассажирские поезда с российской территории, а конкретно, из Кузбасса, в республики Средней Азии уходили, надраенные, блестя стёклами вагонов, а возвращались обратно с разбитыми окнами, сломанными дверьми и полками, избитыми проводниками.

– С этим надо что-то делать! – удручённо говорил начальник дороги. – Мы несём огромные убытки, люди не хотят идти в рейсы, увольняются, а руководство страны не принимает мер. Однако тут нужны меры международного плана. Ваши съёмки должны дать понять, что нам самим с этим беспределом не справиться.

Договорились, что мы с Евгением выезжаем в начале сентября на поезде «Новокузнецк – Ташкент». В нашем полном распоряжении будет купе в резервном вагоне, где нет пассажиров и отдыхают свободные от смены проводники.

Первые сутки ехали тихо-спокойно. По очереди снимали на камеру порядок в вагонах, пейзаж за окном, чёткую работу проводников. Записали небольшое

интервью с начальником поезда, проводниками, несколько реплик пассажиров, многие из них ехали, в основном, в гости к проживающим в Казахстане или Узбекистане родственникам, которые теперь оказались за границей.

Как только отъехали от станции Локоть, что в Алтайском крае, и пересекли российско-казахскую границу, проводники забежали по составу, готовясь к худшему. Никаких пограничных пунктов тогда ещё не было и границу переезжали свободно, безо всяких задержек. Начальник поезда – с седыми висками, в форменной фуражке – заглянул в наше купе, тревожно вздыхая, сказал:

– Скоро начнётся! Вы уж не высовывайтесь на всякий случай. Мы ваш вагон открывать не будем, пассажиров сюда не пустим.

– А как же договор? – напомнили мы. – Мы же по заказу дороги едем, Должны снять фильм, как разбивают российские поезда...

– Парни, вы о здоровье и безопасности прежде думайте! – перебил он. – Не снимете, и ладно, главное, чтобы головы были целы.

– Неужели так серьёзно? – спросил Евгений.

– Сами всё увидите...

Первая станция на казахской земле называлась Аул. Подъезжая к ней, машинист дал протяжный гудок, и резко затормозил состав. Мы «прилипли» к окну в проходе. Видим, на перроне толпа местных жителей. В основном молодые парни с раскосыми глазами, многие в тёмных кожаных куртках. Размахивают руками, громко кричат. Женька приподнял стекло. Я взял камеру, осторожно приставил к окну, начал снимать.

Видим, как проводник соседнего вагона, у которого вчера брали интервью, пытается что-то объяснить наседавшим на него парням, загораживая вход в вагон. Те его медленно оттирают его от входа, окружают со всех сторон и... начинают бить. В воздухе мелькают кулаки, железные пруты. Слышим звон разбиваемых окон, в том числе у нас в вагоне. Местные кричат:

– Это наша земля! Нам не нужны билеты на этот вонючий поезд! Нам надо ехать, и мы поедem! – Они штурмовали вагоны, по одному просачиваясь внутрь.

Мы заметили, что некоторые из нападавших начали присматриваться к закрытым дверям и нашего вагона, осторожно закрыли окно. Вернулись в купе, заперев дверь на замок. Из коридора доносился звон разбиваемых стёкол, гул толпы. Неприятные ощущения...

Через несколько минут раздался гудок электровоза, состав двинулся вперёд. Мы боимся нос высунуть. Минут через десять в дверь купе постучали. Мы молча смотрим друг на друга. Потом слышим скрежет ключа в дверном замке... на пороге начальник поезда. Вид у него взъерошенный: фуражка на затылке, волосы всклокочены, галстук сбился в сторону, ворот рубашки надорван.

– Ну что, видели?! – возмущался он. – Опять всё разбили, билетов ни у кого нет! Шестерых проводников избили... Понабились в вагоны. До Семипалатинска будут ехать или до Аягоза. И никакой милиции! Кому нужна такая работа? Сколько на «железке» служу, никогда такого не было...

– Да, – ответили мы. – Видели. Даже снимали кое-что...

Вышли в коридор: под ногами хрустит битое стекло, в разбитые окна дует ветер. В соседних купе обрабатывают ссадины пострадавшим. Спустя некоторое время я осторожно прошёл по вагонам. Молодые люди восточной внешности заполнили нижние полки. Кузбасские пассажиры испуганно жались друг к другу, тайком поглядывая на владельцев независимой республики. А те громко что-то обсуждали на родном языке, громко хохотали и вызывающе поглядывали вокруг. Кое-кто даже курил, выпуская дым в потолок.

Мы с Женькой почти не выходили из купе. Снимали пейзажи за окном, питались домашними припасами и обсуждали, что страна на удивление быстро разбежалась по своим национальным квартирам, и ездить в ближнее зарубежье вообще стало небезопасно.

...К середине вторых суток проехали Капчагайское водохранилище, на десятки километров раскинувшееся в широкой степи. На краю горизонта красиво белели снеговые вершины гор. Казалось, что они висят в прозрачном воздухе, лишённые всякой опоры...

В Алма-Ате состав стоял минут сорок. Здесь вовсю жарило солнце. Мы походили вдоль вагонов, сняли кадры вагонов с пустыми глазницами, пробитые в стёклах дыры с паутиной трещин. Записали эмоциональные мнения пассажиров-очевидцев и пострадавших проводников. Удалось записать и возмущённый монолог машиниста, который очень переживал за техническое состояние поезда.

До конечной точки – Ташкента – добрались без приключений. На земле Узбекистана никаких эксцессов не произошло. Нам сказали, что состав на четыре часа поставят на запасной путь. За это время поездная бригада проверит техническую часть, получит продукты для вагона-ресторана и постельное бельё, сделает уборку в вагонах, наскоро залатает разбитые окна.

– Давай устроим путешествие под Ташкентом, – предложил Женька...

Вывеска гласила «Ташкентский метрополитен имени Ленина». В кассе приняли наши российские рубли, на которые выдали жетоны для прохода. Станций вроде бы немного, всего на двух ветках – синей и красной.

Прошли на платформу станции «Ташкентская». Она выглядела грязновато, темновато и малоллюдно, однако отделана красиво, с вычурной вязью мозаики восточных узоров на стенах и потолке. Думаем, надо поснимать. Только начали расставлять наш небольшой штатив, подошёл милиционер, козырнул и вежливо предупредил на чистом русском, что снимать в метро запрещено. Осталось нам просто прокатиться на электричке. Едем, слушаем, смотрим. Некоторые станции – с привычными названиями: «Комсомольская», «Пушкинская». На стенах станции «Дружбы народов» гербы всех пятнадцати – ещё совсем недавно – союзных республик СССР.

Катанием в метро наше знакомство с Ташкентом и закончилось. Не обратном пути мы сначала доехали до Капчагая (ныне Конаев), где задержались на пару дней у родственников моей жены, проживавших в ту пору в Казахстане. Они поведали, что Капчагай покинули все военные российского гарнизона. В пятиэтажном доме

родных жены проживало много семей офицеров – теперь все они выехали, бросив жильё, мебель и другие пожитки. Квартиры стоят пустые, их грабят группы местной молодёжи, ломают замки, выбивают стёкла. Часть пустых квартир самовольно заняли семьи местных.

– На работе тоже неладно, – вздыхала наша тётушка. – На нас местные смотрят искоса. Говорят, мы – захватчики, что Россия много лет выкачивала отсюда все богатства. Многих наших увольняют с работы, особо тех, кто занимал хоть маломальскую должность. Люди теряют работу и бегут в Россию. Мы тут десятки лет живём, честно работаем. Среди местных столько друзей было! Сейчас никого нет, отвернулись. Мы и сами начали подумывать: переехать в Россию... Только тут – работа, дом. А там что? Кто нас ждёт? Бросила нас Россия...

Через два дня мы, «отягощённые» капчагайскими фруктами и овощами, погрузились в состав «Ташкент – Новокузнецк». Начальник этого поезда, моложе прежнего, высокий мужчина в своём купе угостил нас чаем и рассказал, что наша с Евгением поездка уже дала результат. (Хотя мы и домой не успели вернуться).

Оказывается, именно в день нашего отъезда из Новокузнецка Министерство путей сообщения России подписало соглашение с Казахстаном о взаимной охране пассажирских поездов. Составы теперь впервые сопровождает служба охраны. Вроде бы приступила к делу и казахская транспортная милиция. Инциденты, правда, были, но порядка за эти несколько дней сразу стало больше: окна почти не бьют, проводников не трогают. А бесплатный проезд своих граждан на наших поездах казахские власти теперь не приветствуют, так как деньги-то пошли в их казну...

Говорит:

– У нас в отделении дороги про вашу командировку все знают. Все считают, мол, это телевизионщики помогли проблемы исправить. Вроде как с вашей лёгкой руки.

– Да мы ещё ничего не сделали, – смущённо разводим мы руками. – Нам чужой славы не надо!

А он нам:

– У нас говорят, если бы наш начальник дороги не пригрозил показать документальный фильм на всю страну, ничего бы не изменилось.

Вот такой итог получился у нашей командировки.

К сожалению, она стала последней нашей совместной с Евгением поездкой. И не менее интересной, чем многие предыдущие. Через два месяца наши трудовые стёжки-дорожки разошлись. Но мы ещё пока не знали об этом. И вскоре после возвращения из зарубежа поехали семьями копать картошку. Ведь сентябрь уже перевалил за середину, и нормальные граждане собрали картофельный урожай.

Я ушёл из АИКа в ноябре 1992 года.

Как это и бывает в жизни, в нашей телерадиокомпании начались перемены. Первым перешёл на другую работу Александр Даньшин. Потом Евгению Михайловичу Баранову предложили вновь встать на путь чиновника – возглавить управление делами областной администрации, и он согласился. В нашем творческом коллективе возникли проблемы – начались разногласия с новым руководством. В результате и я ушёл из компании, с тяжёлым сердцем покинул любимое детище.

После этого занимался рекламой и маркетингом в ВАО «Кузбассимпэкс», которым руководил известный в Кузбассе горняк, Герой Соцтруда Михаил Иванович Найдов. В отделе рекламы этого внешнеэкономического акционерного общества работал хорошо знакомый журналист Виктор Иванович Сохарев. Он и предложил мне в 1993 году совместно организовать выпуск спортивной информационной телепередачи для Кемеровской областной студии телевидения. Я согласился и порекомендовал Виктору назвать передачу «Овертайм». Мы с ним вместе вели её около года. Потом он один «тянул» эту популярнейшую передачу в эфире ГТРК «Кузбасса» почти пятнадцать лет.

С Красносельским виделись теперь редко. Иногда созванивались. Причём, всё время повторяли в телефонном разговоре одну и ту же устоявшуюся подначку, которую когда-то придумал Женька. Если он звонил мне, то, придавая голосу иностранный акцент, вкрадчиво приветствовал:

– Здравствуй, Сергей Иоганович...

Если звонил я, то говорил ему, картавя:

– Пгиветствую, Евгения-таки Богисовича!

Мы смеялись, довольные этим дурачеством.

Евгений продолжал трудиться в АИКе ещё два года – до перехода в городскую газету «Кемерово».

Я почти не помню телепередач, которые он делал в одиночестве. Разве что телеочерк памяти Аркадия Дахненко, заслуженного артиста РСФСР, актёра Кемеровского драмтеатра, умершего 7 апреля 1993 года, с которым мы вместе ездили в Ригу. Женька на полную катушку использовал те сокровенные видеокадры, которые мы снимали в Латвии и в купе поезда. Очерк вышел душевным, тёплым, пронзительным и насыщенным по содержанию, как это умел делать Красносельский.

Потом покинул АИК и Женя. После этого Агентство информации Кузбасса ещё как-то немного просуществовало и тихо прекратило свою деятельность...

12.

Вспоминая о Красносельском, нельзя не вспомнить о его любимых занятиях.

Одним из них была любовь к общению с людьми. Я уже упоминал об этом. Но разве всё передашь в одном-двух абзацах, чтобы понять, насколько это было интересно, необычно и полезно?! Не побоюсь утверждать, что эта тема заслуживает отдельной главы.

Об этой черте Женькиной натуры среди коллег ходили разные курьёзы. Например, он мог запросто подойти к любому незнакомцу или известному человеку, хлопнуть по плечу и заявить ему, ошарашенному такой фамильярностью, что-нибудь типа: «Как считает твой лучший американский друг Марлон Брандо, все коренные американцы – это выходцы из Германии. Твои предки, наверняка, тоже были немцами. Не веришь?! Хочешь, докажу?» – и полчаса доказывал ошеломленному человеку, что его предки могли попасть в Сибирь только из Поволжья. В дальних поездках он так увлекался, расписывая невероятные, часто смешные истории, что

мог часами говорить без умолку, перескакивая с одной темы на другую. Про эту его особенность среди знакомых работников «пера и микрофона» ходила шутка: если едешь в командировку в одной машине с Красносельским, радио можно не включать. И будьте уверены, вся кампания в автомобиле вместе с водителем хохотала от души, слушая его остроумные «были» и «небылицы». Такой уж характер: ему всегда нужны были «свободные» уши, неважно, внимают они его сентенциям или нет...

Между прочим, его любовь к «устному творчеству», бывало, и пользу приносила. Татьяна Красносельская, вспоминая о совместных с мужем студенческих годах, делилась в одной из газетных публикаций:

«Обожала Женю за ум, за готовность протянуть руку, когда человек в отчаянии. Однажды вечером, когда он шёл в свою комнату студенческого общежития, увидел в коридоре парня. Лицо его... Скорее, не было лица. Всё сразу ясно: плохо человеку. Женя задержался. Стал рассказывать, какие люди есть на свете. Какие были. Читал ему стихи.

Он будто бы боялся замолчать и стать неинтересным парню. Но нет, парнишка стал преображаться. У меня прошёл сон, сама заслушалась. К утру парень воспрял духом, согласившись, что самое страшное – это смерть. Все остальное – относительно. Они разошлись. Парень – спать. Женя – на экзамен. Я часто говорила своим детям, что, наверное, проще откупиться или выглядеть добреньким, дав денег взаймы. Труднее, когда ты отдаешь душу. Папа – отдавал...».

Вспоминая его невероятную общительность, умение обаять любого собеседника, тоже восстановил в памяти один случай, который, кстати, мы с Бединым до сих пор вспоминаем с добрым юмором.

Когда наша рижская командировка в мае 91-го подходила к концу, Евгений неожиданно предложил сдать в пункт приёма пустую стеклотару, которая скопилась за время командировки в туалете нашего гостиничного номера. Мы с Владимиром Ивановичем Бединым не смогли его отговорить. Все наши аргументы про Ригу и пустые бутылки из-под спиртного разбивались об его железобетонное упрямство: не пропадать же «добру»?! Если помните, была такая традиция в СССР – сдавать стеклопосуду. Ничего постыдного в то время в этом не было.

Короче, нагрузили пустыми бутылками сумки и пошли: Красносельский впереди, я и Бедин – за ним. Нашли один пункт приёма – закрыт. Идём дальше. Обнаружили другой – не принимают, ящики кончились. Выявили третий – берут только молочные стеклобутылки. Евгений не сдаётся. Взял за фалды какого-то мужичка, поведал ему про нашу нужду.

– Знаю! – встрепенулся мужик. – Вам на улицу Негю, на Центральный рынок, ехать надо. Там идеальная точка, всегда принимают, – и начал сбивчиво объяснять, как доехать до заветного места. – На трамвае! Тут недалеко десятый номер останавливается. В полчаса доберётесь. Там павильоны, в них не ходите. Рядом есть открытая территория. Вот тут и спросите...

Бедин кричит:

– Парни, давайте вернёмся, пока не поздно!

Женька отмахнулся. Короче, рванули на остановку. Бело-голубой рижский трамвай, действительно, домчал нас до места. Центральный рынок Риги – это грандиозное сооружение из пяти огромных павильонов с полукруглыми крышами. Возле крайнего павильона большая площадка огорожена забором, на ней – цепь палаток и забегаловок с овощами, фруктами, одеждой, цветами, сувенирами, спиртным. Везде скамейки. В самом конце этой площадки мы и обнаружили искомый объект. Вывеска на двери одного из павильонов утверждала «Приём стеклотары». А очередь из трёх человек давала надежду на благополучное завершение предпринятой Красносельским операции. Мы сумки на землю поставили.

– Я пойду к воротам, – решил Бедин, кисло улыбаясь. – Дурак я старый, что ввязался! В общем, у тебя, Женя, на всё про всё двадцать минут, иначе мы из Риги сегодня не уедем. – Он направился к выходу, я за ним. Вышли на площадь перед рынком, осмотрелись. Огромные павильоны впечатляли своими размерами, у каждого из них толчея. Самый крупный рынок Прибалтики! Владимир Иванович без конца поглядывал на часы:

– Ну что он там тянет. Опоздаем на поезд... – и вдруг как захохочет. – Бегаем по Европе с пустыми бутылками... Ха-ха-ха... А у них тары нету... Ха-ха-ха...

А Женька всё не появляется: «Сходи-ка ты за ним, – послал меня Бедин. – Пусть он, бросает к чёрту эту затею. Иначе опоздаем».

Я помчался к пункту приёма. Подбегаю и с удивлением обнаруживаю, что на входной двери висит замок. Осматриваю окрестности, вижу: знакомый затылок торчит из-за спинки ближайшей скамьи. Обогнул скамейку и увидел картину: Красносельский сидел вместе с долговязым парнем, который стоял впереди него в очереди. На лицах – благодушные улыбки.

Между ними лежит газета, на ней наполовину пустая бутылка портвейна, два бумажных стаканчика, половинка сырка «Дружба» и остатки белого батона. Асфальт перед скамейкой заставлен пустой стеклотарой. Женька энергично размахивал руками перед лицом собеседника: «Если к нам приедешь, я тебе...».

Я ему:

– Ты что, забыл, нам же срочно надо ехать!? Там Бедин весь на нервах...

А он:

– Погоди-ка. Знакомься, это – Василий. Вася, это Сергей, мой товарищ и коллега, – вид у Евгения расслабленный, будто торопиться некуда.

Я озверел было. А он:

– Погоди, сядь. Я контролирую время. Послушай лучше, что Вася рассказывает, – а сам не даёт ему рта раскрыть:

– Мы же не просто так сидим! Здесь тоже ящики закончились. Хорошо, Василий нас выручил и взял всю нашу посуду оптом. Правда, чуть подешевле. Васе – спасибо! Кстати, он – из местных, родился здесь. На автозаводе «РАФ» работает слесарем. Сейчас, говорит, только и разговоров о выходе из Союза. Латыши – за, русские – кто как! Думают, что с Европой лучше жить станут. А Василий считает, что превратятся они в никому не нужную европейскую глубинку. Уже сейчас у завода проблемы начались – заказов всё меньше...

Видно, что собеседника он успел обаять по полной. Вася смотрит на Евгения влюблёнными глазами.

– Понял, – киваю. – Только нам надо бежать, опаздываем!

– Согласен, – говорит Женька. – Разливай, Вася, по последней. Чур, ты первый, – и подаёт мне свой стакан.

Я попытался увернуться.

– А вот тут ты не прав, – настаивает Женька. – Давай-ка, выпей за Василия, за то, чтобы у него всё было хорошо. За это ты не имеешь права не выпить!

Делать было нечего... В общем, гостиницу мы прибежали минут за двадцать до отправления автобусов с нашей делегацией.

...Евгений серьёзно увлекался литературой, много читал, умело цитировал прочитанное. Со школы писал стихи. Не оставлял стихосложение, став взрослым. А это говорит о многом.

В середине 1980-х он написал строчки «Гимна кузбасских журналистов», посвящённые памяти редактора газеты «Кузбасс» Анатолия Игнатьевича Бельчика:

«О том, что жизнь борьба,
 пусть голоса политики,
У нас с тобой судьба едина
 – журналистика.

И заповедь чиста,
 как слеза на щеке:

Сегодня – со щитом,
 а завтра – на щите».

Евгений, когда работал в «Комсомольце Кузбасса», регулярно ходил на заседания литературной студии «Притомье», которая начала действовать с октября 1979 года. Об этом в своих записках вспоминает известный кузбасский поэт и писатель Геннадий Евлампиевич Юров. Он-то и приравнял поэтические «выплески» Евгения к литературному творчеству, а самого Красносельского к «третьему поколению писателей Кузбасса» – воспитавшемуся в «Притомье».

В самые первые недели образования литстудии здесь вели тетрадь, где записывали информацию о заседаниях. Юров эту тетрадь сохранил:

«Храню в своём архиве «Бортовой журнал» студии, общую тетрадь в клеточку, где заполнены лишь несколько первых страниц, – пишет он в «Истории общения друг с другом (три фрагмента воспоминаний)» («Огни Кузбасса», № 2 2007). – Жанр документа и отчёта как-то у нас не прижился. Мечтаю подарить эту тетрадь молодым литераторам будущего поколения, если они студию сберегут. А сейчас интересно вернуться к истоку – обратиться к этим первым записям в «Бортовом журнале», ставшем историей.

...Следующая запись в «Бортовом журнале» сделана рукой поэтессы Нины Павлушиной. На заседании 19 ноября 1979 года отчитывался руководитель кемеровской литгруппы Владимир Ширяев, актёр В. Мирошниченко призывал писать для театра, лектор В. Плющев рассказал о международном положении... Читали стихи Виталий Крёков, Геннадий Чупин, Александр Катков, Владимир

Советов, Семён Печеник. Евгений Красносельский порадовал своими пародиями...».

Вот так: «Порадовал своими пародиями». Ни больше, ни меньше!

Газета «Московский комсомолец» в Кузбассе» в 2019 году – к 40-летию рождения «Притомья» – выпускала на своих страницах литературный разворот «Родная литература». В феврале, в первом выпуске – стихи. Литературную студию представили те, кто застал её начало и становление: А. Глазырин, Р. Евсеенко, Т. Рубцова, Е. Красносельский.

«И в поэзии Женя был своим человеком, – уверен ветеран журналистики, поэт Олег Курочкин. – Хотя старался этого не афишировать».

Отмечу, что подвизался Евгений и в прозе. Я вычитал на одном из интернет-сайтов, что он – автор написанного в 1981 году фантастического рассказа «Последний солдат». Но найти сам рассказ мне не удалось...

13.

Ещё одной его страстью был спорт. И не только шахматы, в которые он при случае с удовольствием играл. Больше других он любил игровые виды спорта. Прежде всего, конечно, футбол. Женька гонял мяч с детства – во дворе, на улице, возле школы. Причём, его действия на поле часто напоминали работу капитана и играющего тренера: расставлял игроков, руководил действиями команды. На поле он обычно становился лидером.

Ветеран газеты «Комсомолец Кузбасса» Владимир Михеев в эссе «Курсом первого капитана» написал о Евгении Красносельском: «Организатор и вдохновитель всех наших побед и ряда поражений, первый на Евразийском пространстве капитан-редактор, имея мариинскую закваску, обрёл почётное звание и олимпийский характер... В пылу борьбы капитан умел дойти до каждого и найти действенные слова».

Вадим Антонов, спортивный обозреватель газеты «Кузбасс»:

– Евгений Красносельский – игрок по натуре, а настоящий игрок на дух не переносит чиновничества, не лебезит, не признаёт формальные авторитеты, в его табели о рангах равны и начальник, и работяга. Его работа в газете, футбол в его исполнении – большая игра с корневыми шутками-прибаутками: «Десять лет Бутырки, старичок!» – фраза уроженца Мариинска, где открыт музей истории ГУЛАГа, не о сроке наказания, пусть и виртуальном, а о бесстрашно-философском отношении к жизненным катаклизмам...

Подлинную известность – уже в масштабе всей страны – принесла неистощимому на выдумки, настоящему любителю спорта Красносельскому идея проведения спартакиад журналистов Сибири.

Первая из них прошла в мае 1984 года. Её организаторы и участники до сих пор не забыли, сколько было приложено усилий и задействовано служб, чтобы в Кемерове, на спортивной базе производственного объединения «Азот», вступили в борьбу команды Барнаула, Новосибирска, Томска, Омска, Кемерова и даже Кургана! Волейбол, футбол, шахматы – такова была программа этих игр. И, конечно же,

профессиональный конкурс кто лучше напишет репортаж обо всём происходящем. Первым победителем в этой номинации стал, конечно же, Евгений Красносельский! Кто только из легендарных кузбасских журналистов не соучаствовал в памятной спартакиаде. Редактор газеты «Кузбасс» Анатолий Бельчик вместе с тогдашним председателем областной организации Союза журналистов Виталием Банниковым командовали парадом открытия. Им активно помогали заводделом «Кузбасса» Виктор Моисеев, в то время собкор ТАСС Виктор Кладчихин и ещё многие. Евгений в эти дни старался успеть всюду.

Потом эстафету журналистского братства подхватили работники пера и микрофона Новосибирска, Омска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, Томска. Командировки с состязаниями профессионального сообщества продолжались в течение шести лет. Увы, в лихие «девяностые» о спартакиаде журналистов Сибири пришлось забыть. Последняя состоялась в 1989-м. Не до неё стало. Постепенному возрождению журналистских спартакиад предстоит начаться гораздо позже...

Ещё одно спортивное детище Красносельского, о котором, уверен, в Кемеровской области знают все журналисты – футбольная команда «Гонорар-82».

Вот как об этом рассказывал активный участник игровых баталий, спортивный журналист, сотрудник газет «Комсомолец Кузбасса», «Кузбасс», «Кемерово», «Земляки» Олег Курочкин:

– В начале мая 1982-го в одном из прокуренных кабинетов на седьмом этаже, где располагалась редакция газеты «Комсомолец Кузбасса», произошло событие, ставшее знаковым. Поиграв как-то в футбол на асфальтированной площадке редакционно-издательского корпуса «Кузбасс», группа журналистов: Евгений Красносельский, Лев Попов, Владимир Михеев, Константин Крекнин, Евгений Худобин, Александр Недашковский и автор этих воспоминаний, – пришла к мысли

создать команду. Генератором идеи выступил Женя. Именно с его подачи и родился «Гонорар» с пометкой «82». А тесное содружество журналистов и полиграфистов (ныне, к сожалению, забытое, вытесненное новыми технологиями производства газет) привело в команду и работников издательства.

«Боевое крещение» журналистской дружины состоялось 15 июня 1982 года на стадионе «Химик» – в матче с артистами Государственного академического Малого театра Союза ССР. Подобные матчи-шоу становятся традиционными. Спустя год соперником «Гонорара-82» стал другой столичный гость – Государственный академический театр имени Моссовета.

Особняком надо выделить поединок 14 июля 1986-го со знаменитым «Ленкомом», который прибыл на гастроли в Кемерово. Известные московские актёры Евгений Леонов, Олег Янковский, Николай Караченцов, Александр Абдулов и другие вышли на поле, чтобы сразиться с кузбасскими журналистами.

Кстати, желание организовать матч с этим театром возникло у Евгения Красносельского ещё и потому, что сотрудники «Ленкома» – и артисты, и работники технических служб – в начале 1980-х тоже организовали свою футбольную команду «Авось» (по названию постановки «Юнона и Авось»). Даже несколько раз занимали первые места в турнирах между командами других театров.

И вот кузбасские журналисты вызвали «Авось» на игру.

– Помню в холле гостиницы «Кузбасс», – продолжает Курочкин, – встречу капитанов команд – Красносельского и Абдулова – накануне матча. Это была остроумная словесная перепалка двух темпераментов, достойная масляковского КВНа. Продолжилась она и в игре, между прочим, корректной. И после – во время «третьего тайма»...

А это – строки из публикации о памятном матче, которые написал для газеты «Кузнецкий рабочий» ветеран новокузнецкой журналистики Михаил Гревнёв:

«Гастрольный график «Ленкома» был плотнейший – по одному-два спектакля ежедневно. Но – по инициативе журналистов – театру удалось устроить и спортивные представления... «Ленком» приехал в Кузбасс в ранге не только самого популярного театра Москвы, но и чемпиона столицы по футболу среди театральных коллективов. «Гонорар» тоже был не лыком шит – победил на спартакиаде журналистов Сибири. Поединок двух чемпионов, как говорится, был неизбежен, тем более ленкомовцы, как выяснилось, и спортивную форму с собой прихватили.

Инициативу проявил известный журналист капитан «Гонорара» замечательный, фееричный Евгений Красносельский. Он написал несколько рецензий на ленкомовские спектакли и по-человечески сошёлся, а затем и подружился с Николаем Караченцовым, который и помог Жене организовать те матчи».

«...Сам я матч не видел, потому живописать его не буду, – уточняет М. Гревнёв. – Скажу только, что – по рассказам коллег – получился он очень упорным и завершился ничьей и что не последние роли в «Гонораре» играли новокузнецчане – вратарь Сергей Чугурян и нападающий Валерий Немиров, забивший один из голов».

Добавлю лишь, что матч состоялся на кемеровском стадионе «Химик». Погода тогда выдалась жаркой. Игрокам пришлось трудно – бегать по большому полю, обливаясь потом, забивать и защищаться, не имея при этом профессиональной подготовки. Хотя, как вспоминал потом капитан команды под странным номером «99» Александр Абдулов, их команда часто тренировалась в Москве после спектаклей на футбольном манеже «Спартак».

– Поначалу возникли разногласия с директором стадиона «Химик», – вспоминает актёр, член команды «Авось» Игорь Фокин. – Он не хотел выпускать нас на ухоженное зелёное поле, предназначенное только для игр команд мастеров. Капитан «Гонорара» Красносельский пытался уговорить директора, но без толку. Наконец были выдвинуты условия: определённое количество билетов на каждый спектакль. И конфликт был улажен.

Зрителям было очень интересно наблюдать за великими артистами. Играли они в полную силу, не халтурили. Евгений Леонов вводил мяч в игру – первым делал удар. Но потом на поле не играл, а сидел с Татьяной Пельцер и Марком Захаровым на трибуне. Оттуда они и другие работники театра болели, кричали, поддерживали коллег. Комментировал матч журналист, режиссёр, спортивный обозреватель Илья Ляхов. Смешно импровизировал, шутил, зрители постоянно хохотали.

Как гласит футбольная летопись, счёт открыл журналист Олег Курочкин. Но затем два гола подряд в ворота соперников забил работник сцены театра Александр Стаханов. Равновесие восстановил новокузнецанин Олег Бизянов. Третий гол в ворота ленкомовцев забил журналист Валерий Немиров. А выравнял счёт Александр Абдулов. В основное время результат – 3:3. Серия пенальти тоже не выявила победителя – 4:4. Капитаны команд Красносельский и Абдулов снова и снова вели своих игроков в атаку. Абдулов был очень раскрепощённым на поле. Брал игру на себя, но и мяч частенько терял. Александр Гаврилович так яростно

хотел выиграть, что спорил и с судьями, и с соперниками, и с собственными товарищами. А по окончании ничейного матча расстроился до слёз.

После футбола игроки, как водится у профессиональных клубов, обменялись футболками. Пот соперника – это святое. Решили, что нужно сыграть ещё одну игру. На этот раз матч состоялся на поле у кемеровской школы № 62.

– Абдулов и Алфёрова привезли с собой в Кемерово крохотную собачонку Авоську. И так получилось, что весь матч она была за воротами нашего вратаря Валеры Качина и яростно его облаивала, – воскресил тот день в памяти Владимир Михеев. – Не знаю, раздражало это Качина или нет, но он пропустил в игре два мяча именно от Абдулова. Но победа тогда осталась за нами!

Женька не скрывал радости. Он ведь тоже не любил проигрывать. Нигде и никогда. Будь то футбольное поле, волейбольная площадка или шахматный столик, не говоря о сугубо профессиональном соперничестве. Он играл так же, как работал, – неистово, отдаваясь делу без остатка, не щадя своего сердца...

Неудивительно, что в память о Евгении Красносельском, организаторе и капитане уникального «Гонорара-82», в Кемерове ежегодно проводятся футбольные матчи. В них, продолжая семейную традицию, не раз участвовали в майках «Гонорара» и сыновья Красносельского – Евгений и Андрей.

14.

Первая половина 1990-х годов для многих оказалась сложным временем разочарований, метаний и перемен. Вспоминать про эти трудные годы очень непросто. На таких сломах истории, которые выпадают на твою жизнь, очень явственно ощущаешь, как тесно судьбы людей увязаны с судьбой государства.

Помню, как в «Кузбассимпэксе» получал миллионы рублей, которые не позволяли дотянуть семье и до следующей получки. Как в конце 1992-го всем нам, гражданам России, выдали приватизационные чеки (ваучеры), чтобы «каждый гражданин мог приобрести часть какой-либо госсобственности и от своей доли получать дивиденды». Нас обманули, как всегда. Очень скоро на ваучер можно было купить только пару бутылок водки.

Федеральные телеканалы твердили о кризисе верховной власти. Верховный Совет России требовал импичмента Ельцина. Летом 1993 года на территории страны отменили деньги Банка России образца 1992 года. Законным стал только рубль образца 1993-го. Разве в этих условиях можно было хоть что-нибудь скопить?!

В октябре 93-го в Москве начались боевые действия между сторонниками российского парламента и президента. Танки стреляли по верхним этажам Дома Советов. Были десятки погибших. Президент победил депутатов и начал готовить референдум по проекту новой Конституции РФ.

Молодой российский бизнес «трясло и плющило». И в «Кузбассимпэксе» приняли решение о ликвидации отдела рекламы – моего трудового «прибежища» после АИКа.

Евгений тоже не чувствовал спокойствия в «Агентстве информации Кузбасса». Подумывал о перемене места работы. Осенью 1993 года у него состоялась встреча

с мэром Кемерово Владимиром Васильевичем Михайловым, на которой Евгению предложили возглавить городскую газету Кемерово.

Недавно появившееся издание было надо было «раскручивать». Для Красносельского с его опытом – дело знакомое. И он согласился.

Первый номер городской газеты кузбасской столицы увидел свет 9 февраля 1991 года. До этого у города не было собственного периодического издания, а кемеровские события в основном освещала областная газета «Кузбасс». Между тем, все остальные города и районы Кузбасса имели свои газеты.

Решение об учреждении городской газеты было принято на сессии Кемеровского городского Совета народных депутатов 21-го созыва. Вот мнение Владимира Михайлова, тогда – председателя Кемеровского горисполкома:

– Время было... непростое. Хотя, наверное, каждый период можно так охарактеризовать в той или иной степени. Но тогдашние политические, экономические реформы многое переменили в стране и, конечно, в городе Кемерово. Рыночные отношения, приватизация жилья, массовый отказ предприятий от ведомственных детских садов и других социальных объектов... Людей нужно было постоянно информировать об очень насущных вещах: о ситуации с продуктами, тепло- и водоснабжением, о принимаемых органами власти решениях. Так родилась идея создать своё, городское печатное средство массовой информации. Не бюллетень или многотиражку, которые были бы доступны только ограниченному кругу кемеровчан, а полноценную газету – профессионально сделанную, интересную, а главное, приносящую пользу людям...

К тридцатилетию газеты «Кемерово» её журналисты Лора Никитина, Надежда Горбачёва, Сергей Волков подробно рассказали историю своей редакции. Первый номер «Городской газеты» – так она сначала называлась – это синтез официального подхода к подаче информации и того самого драйва девяностых, который ни с чем не перепутаешь.

Здесь нет классических советских передовиц и скучных отчётов о заседаниях. А есть – живое интервью с первым лицом горсовета, заметки, написанные депутатами, и статьи на актуальные городские темы: работа транспорта, разбор читательских писем и подробные ответы на вопросы.

Первым редактором газеты назначили журналиста Владимира Павлова. Он набирался опыта в топкинской районной газете «Ленинский путь», затем в газете «Голос труда» механического завода и «Заря» Кемеровского района. Вскоре его на этом посту сменила Тамара Хаистова, которая тоже прошла школу «многотиражной» журналистики: в газету она пришла из «Заводской правды» – многотиражки завода «Прогресс»...

22 ноября 1993 года номер газеты подписал редактор Евгений Красносельский. Его совершенно справедливо представили коллективу как одного из самых талантливых и известных медийщиков Кузбасса.

Женя взялся за дело энергично. Чувствовалось, что соскучился по настоящей работе, что не растерял редакторского опыта. «Харизматичный, инициативный, темпераментный, зажигательный», – так вспоминают о Красносельском в газете.

– Газета сразу сильно преобразилась, Красносельскому удалось вдохнуть в неё новую жизнь, наполнить энергией. Такой уж это был человек – умевший вдохновлять, – отметил Геннадий Перекрёстов, в 1993-м году исполнявший обязанности управляющего делами администрации города Кемерово.

– Именно с его приходом газета обрела своё настоящее, узнаваемое лицо, – считает и Григорий Шалакин. – В работу коллектива Красносельский внёс очень много нового. Сам работал отлично и учил этому других.

А я в апреле 1994 года перешёл в пресс-службу Законодательного Собрания Кемеровской области первого созыва. Председателем ЗС был, как известно, Аман Тулеев. Для областного парламента я начал делать новую еженедельную телепередачу под названием «Форум». Узнав о моём новом месте работы, Евгений стал «поддевать» меня своими шутками. Однажды мы встретились на пресс-конференции председателя ЗС:

– Старик, ты опять в чиновники подался?

Как мог, я отшучивался, спрашивал, как идут дела у него в редакции. А редактор Красносельский горел новыми идеями и зажигал ими других. Он умел мотивировать команду, подчёркивая те, кто работал с ним в газете. Умел приободрить того, приуныл, своим знаменитым: «Старичок, не переживай!» В бытность его редактором на страницах «Кемерово» публиковались добротные репортажи, выходили рубрики «Экология души», «О сокровенном». Журналисты шли на работу, как на праздник, и тиражи росли.

Основные газетные «перья» были настоящими мастерами журналистики. Про бизнес и экономику писал Пётр Лавлинский. Блестящие материалы делали Василий Попок, Станислав Поляков, Владимир Шишватов, Анатолий Паршинцев, Андрей Воропаев, Владимир Соколов, Татьяна Красносельская. Людмила Ольховская вела рубрику «Арабески» – страничку, посвящённую искусству.

Красносельский задавал тон этому созвездию. К примеру, 30 декабря 1993 года увидела свет первая в истории газеты колонка редактора. «Мы все с одной планеты» – такой у неё был заголовок. Вот о чём писал в ней Евгений Красносельский:

«...Подобную (как 12 апреля 1961 года, когда Юрий Гагарин отправился в космос) радость я ощутил через двадцать лет, когда из материала астронома Евгения Долгих узнал, что открытая учёными Крымской обсерватории новая малая планета получила имя Кемерово.

С того времени многое переменялось. Не стало «братского содружества социалистических государств», перестал существовать СССР.

И лишь когда, устав от выборов и споров, выйдешь на балкон и долго смотришь в вечернее небо, вдруг начинаешь ощущать: где-то там вдалеке есть маленькая планета Кемерово, которая одинаково щедро дарит нам свой свет. Для неё есть просто люди со своими достоинствами или недостатками.

И, вспоминая о ней, понимаешь, как важно сохранить единство на Земле.

Наша газета не претендует на звание региональной, республиканской, межпланетной. Но, как та малая планета Кемерово, мы хотели бы на своих

страницах собрать тех, кто не стыдится назвать себя КЕМЕРОВЧАНИНОМ. Мы будем продолжать уже полюбившуюся старую рубрику «Люди нашего города» и новую – «Город и я», где будем выступать с конкретными предложениями, как улучшить Кемерово и нашу жизнь...».

В своей колонке редактор представил планы редакции в наступающем 1994-м. Советы по хозяйству («Как починить...»), подборки рецептов («10 блюд из капусты»), календарь и месяцеслов, гороскопы, кроссворды, афиши...

При этом, команду редактора Евгения Красносельского никогда не подводило чувство меры. Выживание – вот что интересовало людей сильнее всего. Где найти работу? Где и как заработать на жизнь? Каждый номер газеты старался помочь людям выжить...

«Главную задачу мы видим в том, чтобы газета «Кемерово» вошла в дома горожан не боевым листком, а газетой для всех, способной собрать вокруг себя как можно больше земляков, – писал редактор. – Ведь мы с вами люди одной планеты – Кемерово».

Ему не суждено было реализовать все свои планы и задумки.

8 августа 1994-го внезапно закончилась жизнь Евгения. Как же так?! Несправедливо! Ведь никакой долгой и продолжительной болезни... Её, яркую, оборвал сердечный приступ.

Женька прожил всего 40 лет, но так полноценно, что хватило бы на десяток жизней.

Ушедшие друзья продолжают жить в памяти.

В моей памяти – Евгений Красносельский. Закрою глаза и вижу: вот он идёт навстречу – выше среднего роста, крепко сбитый, чуть сутуловатый. Походка моряка, который много дней был в походе. На лице – широкая улыбка. Слышу приглушённый баритон Женькиного голоса: «Привет, старик! Как дела?»

Сколько же всего пришлось на наши с ним совместные годы работы... Исколесили тысячи километров полевых, просёлочных, воздушных, железных дорог и великолепных автобанов. Кажется, не осталось в Кузбассе города, большой или малой деревни, куда бы ни занесла нас журналистская судьба. И в каждом поселении Евгений находил своих героев среди, казалось бы, вовсе не героических будней.

Он искал и обнаруживал их: и отдельные личности, рельефно выделяющиеся в общей массе своих земляков, и целые семейные династии, – с добрыми делами и помыслами. Он пропускал чужую жизнь через собственное сердце...

г. Кемерово,
февраль 2022 года

Олег Курочкин, который не изменил своему призванию

В одном из последних в своей жизни стихотворений Олег Курочкин написал:

Вот и всё: перестану гоняться за временем –
Мне его, как ни пробуй, никогда не догнать.
Даже в осень шагнуть потихоньку, размеренно,
Не смогу, если нечем мне станет дышать...

Где-то там, вдалеке, жизнь вовсю продолжается
И набатного гула не услышать нигде.
Мне заплакать, а, может быть, лучше покаяться
И признаться, бедовому, что не верил звезде.

Той, своей, что судьбою была предначертана,

И светила собой, озаряя неясный мой путь.
И не кажется жизнь больше тихо безветренной –
Выживаю пока, по чуть-чуть, как-нибудь...

Подборка его стихотворений была опубликована на сайте слово-сочетание.рф 26 октября 2023 года. Коротко представив автора, безусловно, знакомого многим читателям сайта, я завершил представление словами: «Предлагаем подборку его новых стихов из будущей книги». К сожалению, новой книги не получилось. Хотя известным кузбасским журналистом, членом Союза писателей России Олегом Курочкиным написано очень много замечательных газетных строк, немало удивительно светлых стихов и книг.

Его не стало 3 апреля 2024 года. Была среда, стоял солнечный весенний день, и на улицах Кемерова почти не осталось снега. Синоптики обещали скорое настоящее тепло. Казалось бы, живи и радуйся. Но уставшее сердце поэта перестало биться...

1.

Мы познакомились летом 1973 года, во время вступительных экзаменов на филологический факультет Кемеровского госуниверситета. Правда, тогда наша альма-матер ещё называлась пединститутом, но уже вовсю ходили слухи, что ей вот-вот присвоят университетский статус и что одной из специализаций у филологов, кроме литературы и русского языка, станет журналистика. А такие абитуриенты, как мы с Олегом, мечтали о том, чтобы по окончании вуза работать в газете.

По прошествии лет Олег стал одним из героев моих рассказов о нашей студенческой жизни. Вот, например, несколько строк из рассказа «Ночлежка с гарантией» (сборник «Партийный хит сезона», г. Владимир, 2019) о жарком июле 1973-го. Таким я впервые увидел его:

«...Сергей быстро нашёл нужную аудиторию. Возле неё маячило десятка полтора девчонок и один невысокий парень, явно постарше его. Русые волосы у того были аккуратно уложены на пробор – волосок к волоску, огромные очки на широком носу скрывали половину лица. Сергей отметил его отутюженный костюм, портфель в руках. Но держался он особняком от всех, явно нервничая. – Кто последний на сдачу? – спросил его Сергей. Парень вместо ответа лишь неопределённо пожал плечами...».

Именно так произошла наша первая встреча. Олег тогда показался педантом: одет явно не по погоде – все в лёгком, летнем, а он... Но костюмы носить он любил в любое время года, любил прикрывать глаза очками. А ещё – был заядлым курильщиком, иной раз даже среди ночи вставал, чтобы затянуться сигаретой.

Впрочем, обо всём по порядку...

А я за прошлое плачу
Монетой скудной.
Не от того, что не хочу,
Не от того, что трудно.

А просто некуда уйти
Мне от Былого,
Где перемешаны пути
И нет полслова...

Это из его последней подборки стихов (2023)

Он родился 29 июня 1953 года в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области в семье интеллигентов Дмитрия Лазаревича и Марии Петровны Курочкиных. Со временем родители с детьми переехали в Кемерово. Поселились в самом старом – Рудничном – районе города, в микрорайоне Радуга.

Мне однажды подвезло побывать в этой двухкомнатной квартире его родителей, расположенной в кирпичной пятиэтажке. Хлебосольные хозяева богато накрыли стол. Угощали от души, расспрашивали и рассказывали о жизни, о том, о сём. Вспоминали Олегово детство, школьные годы.

Он окончил кемеровскую среднюю школу № 16. Учился хорошо, больше любил гуманитарные предметы, но и к точным наукам относился с уважением.

Его бывшая одноклассница Люба Субочева рассказала мне: «Олег пришёл в нашу школу, когда мы были уже в старших классах. Это были далекие 1960-е годы. Многие из нас учились вместе с 1 класса, были дружными и сплочёнными. Однако он как-то незаметно и быстро влился в наш коллектив. Олег выделялся среди других начитанностью, спокойным характером. Никогда и никого не обидел. По спорным вопросам всегда предпочитал диалог.

В выпускном 10-м классе его назначили ответственным за политинформацию. Он всегда ответственно относился к порученному делу, интересно и по-разному делал свои доклады. И, конечно, его любимым делом был футбол. Он очень много знал про эту игру, знал тех, кто профессионально играл в неё. Это увлечение он пронёс через всю жизнь. Писал стихи, приносил и нам показывал свои наброски. Это тоже стало его любимым делом...».

Его стихи: и в школьные годы – плавные, напевные, образные, лирические, – они будто сами рвались наружу:

Здесь когда-то грибы паслись

На пригорке среди берёзок.

А сегодня янтарный лист

Опадает в октябрьской прозе...

Наталья Милютина (Вебер), много лет отработавшая на областном радио, в газетах, которая тоже окончила эту школу, вспоминает: «Мы были почти родня – учились в одной 16-й школе в Рудничном районе Кемерова. Но в те годы подойти к нему стеснялась», – на старшеклассника Олега Курочкина она смотрела с уважительной робостью, у него был свой особый авторитет.

«Ближе познакомилась в студенчестве – на филологическом факультете Кемеровского университета, – говорит Наталья Васильевна. – Вместе поступили на факультет общественных профессий КемГУ, на журналистику, и учились там по вечерам. Были в числе первых выпускников по специализации «журналистика».

Этой профессии оба полностью посвятили себя. А позже почти десять лет вместе работали в областной газете «Земляки».

Про выпускника в родной школе помнят до сих пор. Не зря же на сайте школы № 16, в разделе «Золотой фонд школы», сказано:

«Золотой фонд шестнадцатой – это не только её учителя, это и её медалисты:

- Чернов Павел Афанасьевич – член Союза художников СССР, заслуженный художник РСФСР, выпускник 1936 года;
- Курочкин Олег Дмитриевич, выпускник 1970 года, поэт, журналист;
- Моисеев Лев Львович, профессор, доктор технических наук, отличник высшей школы РФ, член-корреспондент РАЕН...».

Хорошая компания!

Кстати, в филологи Олег попал далеко не сразу, не сразу нашёл своё призвание. Сначала в 1970-м поступил в Кузбасский политехнический институт, чтобы стать горным инженером. Это он сделал под влиянием родителей. Его отец Дмитрий Лазаревич, горный инженер, работал на шахте. «Без куска хлеба шахтёр никогда не останется», – внушал отец сыну.

В политехе Олег прошёл два курса, прежде чем понять, что, при всём уважении к труду горняков, это не его профессия. Однажды нашёл в себе силы, чтобы окончательно сделать свой выбор. После долгих размышлений поняли сына и родители.

Наверное, на его решение повлиял известный в Кузбассе Иосиф Лазаревич Курочкин, который более 20 лет был одним из руководителей социально-культурной сферы Кузбасса, работал секретарём Кемеровского облсовпрофа, начальником управления культуры Кемеровского облисполкома... Олег не раз бывал в гостях у родного брата своего отца, встречался там с поэтами, художниками, актёрами и писателями.

Вот так он оказался на филфаке.

2.

Филологический факультет КемГУ всегда считался девичьим царством. На всех его пяти курсах обучалось сразу несколько сотен девчонок. Представьте себе, в 1973 году на первый курс зачислили около 130 человек, среди них парней было всего восемь, остальные – девушки на любой вкус.

Четверо ребят оказались в одной группе: Александр Денисов, Женька Худобин, Олег и я. Первое время парни робели в огромной женской компании, но постепенно привыкли. Так получилось, что мы с Олегом с первого дня сели за один учебный стол в лекционной аудитории, да так и сидели вместе до самого выпуска.

Первое время больше молчали, привыкая друг к другу, но, поскольку филологи – народ общительный, быстро освоились и познакомились. А очень близко сошлись на сельхозработах в колхозе, куда нас направили, едва прошла первая учебная неделя. Может, лучше об этом у меня изложено в рассказе «Деревенский эскорт» (сборник «Партийный хит сезона», г. Владимир, 2019). Ах, какое колоритное было время! «...Первокурсник Егор (такое имя в рассказе я почему-то выбрал для себя)

не успел проучиться и недели с начала сентября, когда на общем собрании им объявили, что вечером следующего дня весь их курс направляют на месяц в село.

– Надо помочь крестьянам в уборке урожая, – строгим голосом объявил притихшим «первогодкам» слегка взъерошенный декан филфака Василий Николаевич (Данков). Он нервным движением чуть ослабил тугой узел галстука, оправил полы серого пиджака и, опустив глаза в пол, проворчал что-то вроде: «Чёрт бы их побрал!» А, может, Егору это только послышалось, потому что декан поднял голову:

– Прошу вас поработать хорошо, без замечаний, – он помолчал, взглядываясь в лица студентов, сидящих в передних рядах длинной узкой аудитории. – Наш факультет всегда хвалили за сельхозработы. Не посрамите наших традиций, – декан снова опустил взгляд, переступил с ноги на ногу, а, когда опять посмотрел на студентов и привычным движением пятерни пригладил зачёсанные назад тёмно-русые волосы, его круглое, простое с крупными чертами лицо осветила хитроватая улыбка. – За учебный процесс прошу не беспокоиться. Вернётесь, будем нагонять пропущенные занятия...

В самый первый день студенческой жизни всех сокурсников Егора – больше ста человек – разделили на группы. Парней на курсе оказалось всего восемь, с тремя из них Егор попал в одну группу. От девчоночьих лиц рябило в глазах, но он сумел с этим справиться, ближе познакомившись с новыми друзьями. Самого высшего из их компании звали Евгением. Они с Егором были одногодками и с первых дней быстро сблизились. Тех, что постарше, звали Олег и Александр. Оба, как и Егор, среднего роста. Александр попал на филфак, сменив учёбу в вузе соседнего региона на наш вуз, чтобы быть ближе к своим родным, проживающим где-то в окрестностях областного центра. Ездить к ним было неблизко. Поэтому он и иногородние Егор с Евгением поселились в одной комнате университетского общежития.

Олег тоже уже успел поучиться в политехе, но понял, что это – «не его», тяга к гуманитарным наукам и написанию стихов взяла верх. Он жил с родителями... После занятий заходил в общагу – в гости к парням, но всегда торопился вернуться под родительский кров.

Всего в их группе было человек тридцать. Однако в деревню поехали далеко не все... Чтобы заполнить бреши в студенческих рядах, деканат решил усилить их группу девушками из группы номер один. Здесь все студентки были в «возрасте». Ну, то есть, им было не меньше двадцати, и пришли они учиться филологии после окончания «рабфака»...

– Едем в один из совхозов... – вот всё, что сообщил им Михаил Ефимович, немногословный руководитель их объединённой группы – молодой преподаватель с кафедры литературы. – Приедем, осмотримся.

В вагоне студентки вели себя шумно, пели песни, украдкой попробовали креплёного вина, закусывая домашней снедью. Парни тоже вносили свой вклад в общее возбуждение: и вина выпили, и песни пели. Евгений тренькал на потрёпанной гитаре, которую взял с собой. А вскоре выяснилось, что на инструменте умеет играть и Александр. Егор с Олегом с чувством подпевали своим

новым товарищам – песни Высоцкого, Визбора, Окуджавы, Антонова и про белых медведей...

...Ранним утром, сонные и неумытые – в вагоне не оказалось воды – они вышли на перрон небольшой станции с названием Яя, что тут же улучшило их настроение. Будущие учителя русского языка под неистовый хохот начали гадать, как называют местных жителей.

...Управляющий отделением совхоза «Яйский»... объяснил, что жить им предстоит в местном клубе (деревни Мальцево). Там у них собрания проходят, по выходным – фильмы и танцы. «А какие сейчас танцы? Уборочная! – разводил руками управляющий. – Мы вам на сцене палатка соорудили с матрасами, одеялами. А вот подушек нет. Извиняйте... Все удобства на дворе, там и умывальни, и печь есть, обед, ужин и завтрак сами готовить будете. Столовой у нас нету. А повариха в отделении одна, механизаторов в поле кормит».

– Кто у вас варить умеет? – спросил он у Михаила Ефимовича.

Тот лишь плечами пожал.

– Я могу! – выступила вперёд невысокая полненькая дивчина с русой косой, ямочками на розовых щеках и с крохотными голубыми серёжками в ушах. На ней была короткая нейлоновая куртка, синие джинсы обтягивали её формы.

– Как зовут, моя хорошая? – восхищённо посмотрел на неё управляющий.

– Тамара...

...Никакой мебели в здании не было. Зато освещение, хоть и тусклое, имелось. Спать всем предстояло на сцене, где местные умельцы соорудили невысокий настил, заваленный выдавшими виды серо-полосатыми матрасами, рядом с настилом возвышалась стопка тёмно-синих шерстяных одеял.

...Заросший травой, неширокий клубный двор был обнесён глухим забором, который скрывал студентов от посторонних глаз. Со двора на улицу вела калитка. В дальнем углу имелось неказистое сооружение с двумя входами. На одном известью была намалёвана буква «ж», на другом – «м». На задней стене здания висело несколько железных умывальников. Ещё во дворе красовался стол из длинных струганных досок, укреплённых на вкопанных в землю обрезках брёвен, вдоль стола – лавки для едоков. Недалеко стояла кирпичная печь с чугунной плитой и двумя конфорками, прикрытыми плотными металлическими кружками. Рядом высилась приличных размеров поленница берёзовых дров.

Олег с Михаилом Ефимовичем быстро набили печную топку дровами и чиркали спичку за спичкой, безнадёжно пытаясь поджечь. «Вот досада, – ворчал Олег, жмурясь от дыма своей сигареты. – Сейчас Тамара с продуктами вернётся, а мы тут возимся...».

...Тамара принялась варить кашу. «Дело привычное, – весело сказала она. – Я же из деревни. На полевом стане кашеварила».

Парни помогали ей, как могли. Натаскали в большой бак воды из колодца, который был прямо на улице, недалеко от клуба. Следили за печью, тёрли тряпками доски стола, резали ароматные хлебные буханки, перемывали железные миски, ложки и

кружки, раскрыли несколько банок говяжьей тушёнки. Из клуба то и дело выбегали девчонки, хохотали, радуясь жизни, болтали о своём.

По команде все выложили на стол остатки домашней еды: здесь оказались помидоры, курятина, варёные яйца, куски колбасы и сыра, булочки.

– Жрать хочется, – глядя на всё это, не выдержал Евгений. Парни согласно вздохнули.

– Через десять минут будет готово, – обнадёжила их Тамара. – Зовите всех руки мыть и – за стол, – во дворе нестерпимо вкусно пахло гречневой кашей.

Всем мест за столом не хватало. Михаил Ефимович предложил завтракать в две смены. Но все дружно начали возражать: слишком уж у студентов разыгрался аппетит. Так что кто-то ел кашу, сидя, а парни и часть девчонок с удовольствием употребляли её стоя. И еда от этого казалась вкусней. Егор доел вторую порцию, похлопал себя по плоскому животу:

– Не могу больше! Спасибо, Тамара! – с кружкой горячего чая он отошёл в сторонку.

– А я не откажусь от добавки, – Евгений протянул хлопчущей у плиты, покрасневшей от печного жара, поварихе пустую миску.

Та поварёшкой зачерпнула каши из бачка и вернула ему полную посудину.

– И мне, – подошёл Александр.

Насытившийся Олег сидел прямо на траве возле печи, курил сигарету, поглаживал наметившиеся усы и, прикрыв глаза, бормотал что-то типа: «Та-та, тата. Ти-ти-та-та». Егор с удивлением наблюдал за необычным поведением товарища. Олег, словно почувствовав его взгляд, встряхнулся, вскочил на ноги, вынул сигарету изо рта и громко продекламировал:

– Как у нашей у Тамары

По серёжке в каждом ухе.

А всего серёжек пара,

Как и крылышек у мухи...

Девушки, которые сидели поближе, заплодировали. А кто подальше, удивлённо переспрашивали о причине рукоплесканий у тех, кто слышал этот творческий «всплеск». Тамарины щёки заалели ещё сильнее. И от избытка чувств она объявила:

– На обед сварю борщ, и кашу доедать будете!»...

В рассказе про Олега ещё немало, но там не только про него... Олег любил шутку, всегда реагировал на неё коротким смешком, не упускал возможности блеснуть в компании острым юморным словом.

Мы помогали селянам убирать картошку, сушить зерно, с особым остервенением рвали огромный турнепс. Каких только приключений не случилось с нами за эту месячную сельскую страду: однажды пьяный тракторист едва не передавил наших девчонок, гоняясь за ними по полю на тракторе, познакомились мы с холодными осенними водами местной речки Золотой Китат, где приходилось ежедневно смывать полевую грязь, и с деревенской баней, наш клуб едва не разгромила компания сельских мотоциклистов, с которыми в конце концов мы подружились и каждый вечер играли в волейбол. Втихаря от деревенских хозяев полакомились

гусем, раздавленным лихим водителем грузовика. Скрасить вечера нам нередко помогал сладкий портвейн, который, несмотря на страду, втихаря продавали в местном магазине.

В деревне Мальцево Яйского района и началась наша с Олегом дружба. А дружить по-настоящему он умел. Он стал называть меня Сержем. Так и звал до самого последнего нашего телефонного разговора в начале марта 2024-го...

Олег чуточку, едва уловимо, картавил. Как нам объясняла потом доцент, преподаватель кафедры русского языка Бэлла Александровна Белова – невысокая, полноватая, симпатичная, хохотушка – на переменах, а на семинарах и экзаменах – строже не придумаешь: у этого дефекта есть и научное название «ротацизм». Но это мягкое произношение твёрдого звука «р» придавало речи Олега особую душевность.

Его первая заметка была опубликована в вузовской многотиражке «Молодой учитель» (потом «Путь в науку», ныне «Статус-ВО!») 5 ноября 1973 года. Я это точно знаю потому, что тоже принимал участие в написании этого крошечного – строк на 15 – материала. Информация была о том, что филфаковская волейбольная команда в ходе студенческой спартакиады одолела очередного соперника.

Справедливости ради надо уточнить, что писали мы заметку даже не вдвоём – втроём, участвовал ещё и Евгений Худобин. Мы заперлись в пустой аудитории факультета (филфак тогда вместе с дошкольным факультетом располагался в бывшей школе № 33 – это двухэтажное здание до сих пор стоит между проспектами Ленина и Октябрьским на уровне остановки «Фабричная». После филфака здесь была налоговая служба) и часа три сочиняли сей опус.

Мы с Женькой диктовали, Олег записывал, зачёркивал, переписывал. Долго спорили, как подписать готовый материал: ставить три наших фамилии под небольшой заметкой было несерьёзно. Решили придумать псевдоним, над которым долго колдовали. Наконец, договорились подписать «Л. Осеев», где «л» и «о» – это как бы Олег, «се» – Сергей, а «ев» – Евгений.

Когда вышла газета с Осеевым на второй полосе, нашей радости не было предела. Мы зачитали газету до дыр. Первый шаг в журналистику был сделан. С тех пор редкий выпуск многотиражки КемГУ обходился без наших публикаций. Причём, часто мы с Олегом вдвоём делали один материал, уже не стесняясь, подписывали его двумя своими фамилиями.

В один из первых месяцев учёбы мы начали посещать факультет общественных профессий КемГУ (его ещё называли факультетом вторых специальностей), который возглавляла миловидная, очень подвижная и энергичная женщина Белла Яковлевна Левит. Первые занятия по будущей профессии вёл радиожурналист, редактор ОблРадио Анатолий Кириллович Сердитов. Надо сказать, его уроки и наставления впоследствии пригодились.

Как-то незаметно приобщились мы с Олегом и к выпускам факультетской стенной газеты «Филолог». А всё – Олег. Он увидел один из её номеров, а там – стихи факультетских авторов. А как же?! Филологи! Начал узнавать, как поместить в этом

издании свои «вирши» (он часто именно так называл свои лирические произведения). А ему в ответ: если будешь участвовать в производстве стенгазеты, то и стихи твои в ней появятся. Олег и меня втянул в это дело. Я ещё со школы увлекался фотографией, для стенгазеты это было не лишнее.

Выпускали «Филолога» две второкурсницы: Людмила Гуденко и Наталья Лисогор. Они, на правах старших, сначала командовали нами, но постепенно мы «прибрали» редакцию к рукам. Делали очередной выпуск «Филолога» следующим образом: склеивали вместе двадцать листов плотного ватмана, потом расстилали эту «кишку» на полу вдоль коридора и начинали заполнять. Там были рубрики «Дела факультетские», «Сатира и юмор», «Творчество наших читателей» и т. д.

Мы ползали вокруг длинного бумажного полотна на коленях, на ходу сочиняли тексты, печатали на машинке, рисовали, клеили. Рисовала, вернее, одна Наталья – великолепный художник, она воплощала на бумаге наши фантазии, которые били ключом. Всё это происходило по вечерам, после занятий. На каждый номер «Филолога» уходила примерно неделя, часто мы засиживались над ним допоздна. А выходила стенгазета раз в месяц.

Так вот, в каждом её номере печатались стихи Олега Курочкина, Евгения Худобина. Я тоже сподобился опубликовать там несколько четверостиший. (И понял раз и навсегда – не моё это дело).

В нашу стенгазетную редакцию заглядывала Белла Александровна Белова, которая была ещё и секретарём партийной организации факультета. Интересовалась содержанием номера, исправляла ошибки, никогда ничего не запрещала, даже если наш юмор в отношении некоторых преподавателей беззлобно «зашкаливал». Вместе с нами хохотала над придуманными нами шутками.

Мы очень гордились, когда нашему «Филологу» присудили первое место в университетском конкурсе стенгазет. Даже собрали по этому поводу вечеринку, где как следует отметили наш успех.

Олеговы стихи на филфаке заметили. Девушки начали посматривать на него с интересом. А ему, влюбчивому, для вдохновения нужна была муза, которой он бы посвящал свои сочинения и вдохновлялся на новые образы и стихотворные рифмы. На филфаке Олег влюбился в первый раз, потом – второй и ещё...

Не так давно он признался мне, что, кроме всего, ещё тайно симпатизировал нашей однокласснице (на всякий случай назову только её инициалы Т. А.). Олег даже прислал – для публикации на моём сайте слово-сочетание.рф – небольшую новеллу «Не написанный в прошлом роман». Я её так и не напечатал.

«...Он всё не мог набраться смелости, чтобы подойти к той единственной девушке, что виделась ему избранницей. И, в перспективе, разумеется, женой, – писал в новелле Олег. – Они симпатизировали друг другу и, конечно, он должен был сделать первый шаг. Его фантазии рисовали такую картинку: вот во время паузы в занятиях он подходит к ней, нежно берёт её за руку и выдыхает: «Я люблю тебя! Выходи за меня замуж...». Или как вариант: «Будь моей женой...». Конечно, она растеряется от неожиданности! Но он не станет её торопить – дело-то серьёзное, пусть обдумает всё, взвесит... Она – умница, и едва ли отвергнет его предложение.

Всё-таки он способный журналист, будет работать в газете и у неё, если она станет его женой, появится возможность остаться в областном центре, а не ехать по распределению в сельскую школу...».

Ещё один совместный с Олегом, запавший в память, эпизод о первом курсе касается наших артистических возможностей. На факультете было некое подобие студенческого театра, в одну из постановок которого втянули и нас. Речь об одноактной пьесе, посвящённой создателям славянской письменности и культуры, святым равноапостольным братьям Кириллу и Мефодию.

Собственно, нам достались главные роли драмы: он играл Мефодия, я – Кирилла. Мы было начали отнекиваться, но нам привели аргумент, что, мол, скоро предстоит сдавать экзамен по курсу старославянской грамматики, который вёл сам строжайший декан Василий Николаевич Данков. Этот предмет сродни китайскому языку или сопромату в политехе: завалов на экзамене – не счесть. Одни только старославянские глаголы чего стоят! А раз на представлении будет сам декан, увидит нас на сцене, глядишь, сделает послабление на экзамене...

В общем, мы согласились. Около месяца репетировали в пустых аудиториях. А выступать предстояло на большой сцене актового зала в главном в те времена корпусе КемГУ, что на Советском проспекте с башенкой планетария на крыше.

На репетициях мы вроде бы выучили наизусть непростые тексты диалогов (все они были на старославянском), наши действия и движения. Но когда в день премьеры я очутился на сцене актового зала, поначалу растерялся. Занавес поднялся и оказалось, что зал заполнен до отказа. Все мои реплики мигом вылетели из головы. Ноги стали деревянными. А нас с Олегом нарядили в длинные чёрные плащи, головы покрыли капюшонами. На сцене стояли стол со свечой, пара табуретов, подобие классной доски с крупными буквами славянского алфавита.

Хорошо, что из-за кулис выглядывала старшекурсница Надежда Подчезерцева с текстом пьесы, выполняющая роль суфлёра. По сценарию просветители Кирилл и Мефодий у себя в жилище ведут дискуссию о преимуществах кириллических текстов, о разнице между кириллицей и глаголицей. А мы – молчим, будто воды в рот набрали.

«Аз! – отчаянно шепчет Надежда. – Буки, веде, глаголь, добро... Повторяйте! Кирилл садится за стол, Мефодий ходит туда-сюда вдоль доски!»

Внезапно Олег садится вместо меня за стол. Я заглядываю под его капюшон: не лицо, а застывшая, как, верно, и у меня, маска, только у него усы топорщатся. И он нервно, почти неслышно, хихикает. Шепчу ему: «Говори: «живете», «земля», «иже»... Иди к доске...». Он встаёт и на негнущихся ногах движется по сцене к доске, берёт указку. Кажется, дело пошло! Начали произносить вслух свои слова, говорим всё громче и громче. Потом раздаётся стук: кто-то пришёл среди ночи в хижину к просветителям. Тут уж мы начали, наконец-то, по-настоящему входить в свои роли.

– Поздно зело, ношь, – подаёт реплику Мефодий.

– Кто может в столь поздний ношьён толкнonti в дверь? – недоумевает Кирилл.

В зале стоит полная тишина: зрители не столько смотрят на нас, сколько прислушиваются к нашим репликам. Доиграли мы до конца, поклонились – народ

заплодировал. Не овации, конечно, но прилично похлопали. А с задних рядов даже «браво!» крикнули – это наши однокурсники, «группа поддержки».

С тех пор больше мы с Мельпоменой не связывались.

На втором курсе мы уже плотно оседлали университетскую многотиражку «Путь в науку». С некоторыми из этих публикаций, при желании, можно ознакомиться в городском архиве Кемерова, куда я передал номера газеты КемГУ с нашими заметками. Иногда Олег выбирал спортивные темы факультета, его стихи того периода тоже выходили здесь.

Надо выразить редакторам этой газеты особую благодарность. Сначала «Молодого учителя» возглавляла Людмила Петровна Филаткина, ставшая впоследствии известной тележурналисткой на ГТРК «Кузбасс», где готовила в эфир такие популярные передачи, как «Истоки», «Встречи с поэзией», «Советы огородникам». Самая знаменитая её программа – «Урожайные грядки». Молодая, лёгкая на подъём, улыбчивая, она начала давать нам задания, которые мы выполняли с ответственностью и удовольствием.

Затем, когда в 1974 году вуз получил статус университета, газету переименовали в «Путь в науку», Филаткина ушла в другую редакцию, а многотиражку возглавил Иван Васильевич Якунин, крупный, вальяжный, более возрастной. Но и он не мог обойтись без нашей постоянной помощи, ведь газета к тому времени стала ещё солиднее: с двух полос выросла до четырёх. И ему хотелось заполнять их интересными, читабельными материалами.

Олег часто проводил в редакции почти всё свободное время. Доходило до того, что, уходя в отпуск, Иван Васильевич оставлял Курочкина за редактора...

«...Студенты-филологи Сергей Черемнов и Олег Курочкин после занятий непременно заходили в редакцию, где я была корреспондентом, – пишет в своих мемуарах Татьяна Микельсон, которая тогда была сотрудником газеты «Путь в науку», а ныне – руководитель пресс-центра Кемеровского регионального отделения Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооружённых сил и правоохранительных органов (статья «Служили три товарища», <https://слово-сочетание.рф/news/Tat'yana-Mikel'son--Sluzhili-tri-tovarisha...zhurnalistike-Kuzbassa->). – Ещё до моего прихода в газету они были уже опытными студкорами. Иногда преподаватели и студенты других факультетов специально приходили в редакцию за свежим номером газеты, в которых были материалы Курочкина и Черемнова.

Ребята часто приносили свои разножанровые материалы о студенческой жизни, иногда получали задания от редактора Ивана Васильевича Якунина. Сергей увлекался фотографией. С удовольствием показывал свои снимки. Олег читал свои стихи. Их печатала вузовская газета.

Чему-то и я у них училась, поскольку и сама была вчерашней студенткой, но исторического факультета. В редакционной комнате были и разговоры, как говорится, за жизнь. Ребята с большой теплотой отзывались о родителях и более дальних предках... Поверяли они нам и о своих влюблённостях....».

На третьем курсе студентам надо было определяться со специализацией. Их теперь на филфаке стало три: к специализациям по русскому языку или по литературе добавилась журналистика. В самой первой группе КемГУ с этой специализацией в 1975 году оказалось всего-то около 15 человек с нашего курса, но все они всерьёз были «заражены» редакционной «эпидемией». Все пришли в профессию по зову сердца.

Среди них – Наталья Милютина (Вебер), о которой уже сказано выше; Евгений Худобин, работавший по окончании в газетах «Комсомолец Кузбасса», «Кузбасс», «Комсомольская правда», «Шахтёрская правда»; Ольга Щукина (Скрипкина), ведущий очеркист Таштагольской газеты «Красная Шория», неоднократная победительница областного конкурса журналистов «Золотое перо Кузбасса»; Наталья Лебединская, корреспондент газеты «Вперёд» города Мариинск, собственный корреспондент газеты «Кузбасс»; Людмила Худик (Шмакова), многолетний редактор газеты в Междуреченске и другие. Сегодня все – ветераны журналистики, «иных уж нет, а те далече».

Мы с Олегом тоже были в той первой группе.

Учителя у Курочкина и у всех будущих репортёров с филфака были, надо сказать, настоящими профи со знакомыми почти каждому кузбассовцу именами.

Начиная с третьего курса, мы ходили к «мэтрам пера» на семинары, похожие скорее на беседы, занятные монологи. Темы некоторых уже не припомню, вели же их известные журналисты областных и центральных изданий.

Из газеты «Кузбасс» к нам на занятия приходил подтянутый и энергичный, в отутюженном костюме и при галстуке, всегда тщательно выбритый Максим Гаврилович Щербаков, ветеран Великой Отечественной войны. Его выступления были академически выверенными, всегда продуманными, и он просил, чтобы мы обязательно вели конспекты его лекций.

А Евгений Михайлович Пестерев, напротив, был бородат и всклокочен, в большом не по размеру свитере. Он без конца курил во время уроков сигареты с фильтром, дым клубился между рядами учебных столов, а пепел сгоревшего табака долго торчал серым столбиком меж его прокуренных пальцев, пока не падал на пол аудитории. Однако захваченный рассказом, преподаватель этого не замечал. У него были три страсти: работа, книги и путешествия. И при каждой встрече он с увлечением ведал студентам о какой-нибудь из них.

А как ярко выступал перед нами Юрий Степанович Котляров, собственный корреспондент центральной газеты «Труд» по Кемеровской области! Прокопчанин по рождению, в «Труде» он проработал тридцать лет, всю жизнь при этом прожил в Кузбассе. Нам преподавал и Петр Семёнович Ворошилов, фронтовик, собкор центральной газеты «Известия» по Кемеровской области.

Ещё встречался с нами Антонин Иннокентьевич Богачук, собственный корреспондент по Кемеровской области самой главной в СССР газеты – газеты «Правда». Позже он перебрался на постоянное жительство в Донецк. Не раз приходил к студентам новой специализации и заведующий сектором печати,

телевидения и радиовещания Кемеровского обкома партии Алексей Николаевич Калинин. Он заходил к нам в кабинет, сжимая под мышкой подшивку какой-нибудь местной газеты, о которой подробно и рассказывал, наглядно перелистывая страницы.

Летом между третьим и четвёртым курсами нам предстояло пройти практику в каком-либо СМИ. Нам с Олегом повезло попасть на лето в областную молодёжную газету «Комсомолец Кузбасса». Под своё крыло студентов-практикантов взяла заведомо рабочей молодёжи редакции Людмила Якубик (со временем она стала замредактора «молодёжки»).

Как известно, в советское время лето в стране становилось горячей порой для студенческих строительных отрядов (ССО). В «Комсомольце Кузбасса» регулярно выходила целая полоса, посвящённая ССО. А поскольку летом многие работники газеты уходили в отпуска, возникала проблема с материалами для этой страницы. Нас и «кинули» в этот прорыв.

Надо отметить, что с этой редакцией мы уже были близко знакомы: в газете время от времени выходили наши заметки. Так что дорогу в областную «молодёжку» мы знали. Располагалась она в то время по адресу: Кемерово, улица Ноградская, 3, – в здании, что на углу Ноградской и Дзержинского (сейчас здесь один из банков).

В то лето 1976 года было написано и опубликовано немало репортажей и информации о студентах, занятых на благоустройстве Пионерского бульвара, строительстве нового здания филармонии Кузбасса и обустройстве прилегающих к нему площадок, о других трудовых адресах ССО.

Между прочим, Людмиле Якубик удалось отучить нас с Олегом ходить на задания вдвоём. Каждому давала отдельное поручение. И с тех пор на газетных полосах начали появляться публикации, подписанные одной фамилией: или «О. Курочкин», или «С. Черемнов».

Мы и осенью продолжали сотрудничать с этой газетой, нам выдали редакционные удостоверения внештатных корреспондентов, чем мы особо гордились. В редакции даже начали поговаривать, что после окончания вуза нас могут зачислить в штат. Однажды мы вместе с ведущим пером «Комсомольца» Ильёй Ляховым оказались на строительной площадке нового редакционно-издательского корпуса «Кузбасс» на Октябрьском проспекте, 28. Работы здесь шли вовсю, но до открытия, которое состоялось в 1981 году, было ещё далеко. Илья Яковлевич похлопал Олега по плечу и многозначительно изрёк:

– Я, может, и не доживу. А вы обязательно будете работать в этом здании... – нас, конечно, эти слова известного журналиста очень вдохновили.

3.

Дипломы об окончании КемГУ нам выдавали в торжественной обстановке. Мы получили их из рук декана филфака Маргариты Васильевны Орёл (В. Н. Данков тогда был в академическом отпуске для защиты кандидатской диссертации).

После этого выпускники разъехались по разным городам и районам Кемеровской области. Олег Курочкин и Женя Худобин стали трудиться в «Комсомольце Кузбасса», я же по семейным обстоятельствам – женился – по направлению

отправился в родной Прокопьевск, где меня ждали в редакции городской газеты «Шахтёрская правда».

В те первые месяцы после окончания вуза работа в редакции захватила Олега целиком и полностью. Вчерашнего выпускника бросали на разные направления и темы, но он с самого начала всё больше склонялся к спортивной тематике.

Однако поработал он в «Комсомольце» несколько месяцев и... получил повестку из военкомата. Пришла пора пройти срочную службу в Советской армии. Это случилось в ноябре 1978 года. Некоторые подробности этих полутора лет, что прошли для него в шинели, гимнастёрке и кирзовых сапогах, Олег описал в заметках, которые назвал «540 дней до приказа. (Армейские хроники)». Они тоже опубликованы на сайте слово-сочетание.рф.

Он служил в одной части вместе с Е. Худобиным. Повезло однокашникам! Когда в нелёгкое время хоть одна родная душа рядом – всё легче. По себе знаю, потому что в мае 1979-го тоже начал тянуть армейскую лямку. Тем призывникам, кто имел высшее образование, тогда предстояло служить 1,5 года. Дома у меня остались любимая жена и шестимесячный сын, интересная работа. Каждый вечер в казарме такая тоска подступала, что лучше не вспоминать...

Сначала Олег попал в город Камышин Волгоградской области, в учебную часть военно-воздушных сил. Коренастому, не очень высокому ему выдали новенькое обмундирования явно не по росту: «У меня огромная, не моего размера шапка, она так и налезает на глаза. Да и шинель великовата. Но ничего не поделаешь – других нет...».

И потянулись серые солдатские предзимние будни:

«В казарме мы занимаемся тем, что подшиваем подворотнички, пуговицы, погоны, петлицы. Курить нас выводят по своему усмотрению. С туалетом вообще беда. Каждый раз часа через три нас выстраивают, доходим строем до виднеющейся метрах в двухстах уборной. Сержант командует: «Вольно, разойдись!», – и мы, как ошалелые, мчимся в туалет. Времени нам отпущено пять минут. Опоздал в строй, получай наряд вне очереди.

Но ничего, привыкаем. Утром – обязательный кросс по асфальту (метров этак 500). Затем общее построение. Идём под звуки оркестра, выбивая сапогами дробь, распугивая незнамо откуда взявшихся ворон. А они противно клекочут и, как ястребы, кружат над нами».

Через полгода, после окончания «учебки», его с товарищем отправляют дослуживать в Ростов-на-Дону: «Славный, ничего не скажешь, город. Крупный. Шумный. Мы пока нашу воинскую часть разыскали (она оказалась в предместье города), извелись».

Новая воинская часть Северо-Кавказского военного округа оказалась на загляденье: трёхэтажная современная казарма, территория, обнесённая высокой, с металлическими прутьями, оградой. За нею – разноцветный мир, девушки красивые и нарядные, люди в гражданском. «Жить можно! – резюмировал Олег.

Вспоминает он тревожное волнение перед первым серьёзным военным нарядом – предстояло заступить на сутки в караул:

«Впервые заступаю на пост (склад ГСМ) часов в двенадцать ночи. Пуржит. Мне, конечно, комфортно в громоздком тулупе, но, случись нападение на объект, стрелять будет неудобно. Тем более, что склад освещается слабо, поэтому ветви деревьев кажутся исполинскими, а за каждым кустом мерещится нарушитель... Как отстоял эти два часа, припоминаю с трудом».

Так началась караульная служба. Та самая, что «через день – на ремень...». Но прошло немного времени и нашего героя назначили командиром отделения: «Нашил на погоны одну лычку – ефрейтор. Через полгода, в День Военно-Воздушного флота, я стану младшим сержантом...».

«Быть разводящим в карауле, – пишет он, – конечно, не сахар (а есть ли он, образно говоря, вообще в армии?). Ответственность приличная: надо и дисциплину в карауле поддерживать, и заботиться о бойцах, а в случае нарушений получать нагоняи вместе с начкаром. Впрочем, это нормальные армейские будни».

Хотя, военнотружущий с высшим образованием имел некоторые преимущества перед обычными солдатами. Олегу поручили вести политзанятия, читать лекции по военной тематике. Он вводит в практику работу с географической картой: вызывает по очереди солдат, просит показать все 15 республик СССР и назвать их столицы: «Как правило, дело швах. Многие из моих подопечных – выходцы из деревень и сёл Белоруссии, Украины, Литвы, Молдавии, Башкирии, Татарстана. Куда им до таких тонкостей!

А ведь скоро очередная – раз в полгода – проверка знаний. Приедет комиссия из округа и что, спрашивается, эти балбесы смогут ответить? Нас-то с приятелем сразу в первые ряды, как на амбразуру: выручайте, скубенты! Так называет нас командир взвода, прапорщик Сергеев. Хотя мы уже вполне состоявшиеся журналисты. Вот и выручаем. Комиссия и начальство наше довольны. Мы тоже. Согласитесь, это всё-таки лучше, чем заниматься шагистикой на плацу?!»

Армейская служба Олега проходила своим чередом. Утро начиналось с шести часов. Подъём! Затем физзарядка на улице. Потом – умываться, наводить порядок в казарме. После завтрака – построение на плацу на развод: кому – на занятия, кому на работы.

Лето в Ростове – жаркое, осень – тёплая и долгая. Обычно тепло и зимой. Но не в этот раз:

«Зимой 1980-го нам досталось хлебнуть лиха. В донской столице лет 25 не было обильных снегопадов, поэтому и соответствующей техники нет. Вот гдегодились солдатские руки! Сколько мы расчистили улиц, не сосчитать. БСЛ (большая совковая лопата) – оружие, оказывается, не менее полезное, чем автомат АКМ».

Только снег в Ростове-на-Дону надолго не задержался. Растаял – уже в феврале уступил место более привычным здесь дождям.

«Утрами, когда ведёшь смену постами мимо белоствольных берёзок и тополей, любо-дорого смотреть на деревья, – восхищался Олег. – Облитые дождём, тронутые лёгким морозцем, они стоят, словно стеклянные, и кажутся на ветру хрупкими и незащищёнными».

По себе знаю, что ожидание приказа министра обороны СССР о демобилизации – состояние, ни с чем несравнимое. Тебе при входе в столовую молодые воины честь отдают, а ты им, в свою очередь, передаёшь свою ежедневную пайку масла. Так уж повелось, ведь ты вскоре из «деда» превращаешься в «дембеля».

«...А приказ министра обороны появился неожиданно, – заканчивает воспоминания Олег. – Объявили об этом торжественно на утренней поверке. Ну и переполох начался! Кто срочно «парадку» начал обменивать, кто геройские знаки отличия на себя примерять. Я к этому спокойно отнёсся, хотя внутри всё трепетало. Через неделю вместе с товарищем мы улетали домой через Москву.

А рука ещё долго потом тянулась к несуществующему козырьку, чтобы отдать честь встреченному на «гражданке» офицеру – сильно в нас врастают армейские привычки...».

4.

После демобилизации Олег Курочкин снова вернулся в областную молодёжную газету. Наступили в его жизни и другие перемены: женился на выпускнице филфака Татьяне, которая, между прочим, приезжала к нему на свидание в армейскую часть. В 1983 году у них родился сын Дима.

Олег продолжал серьёзно специализироваться на освещении спорта. В «Комсомольце Кузбасса», как и в газете «Кузбасс», спортивное направление было на одном из первых мест. Чаще всего писали про футбол и хоккей с мячом. Ну и что, что заметки о спорте всегда публиковали на последней полосе, зато почти ни один номер газеты без них не обходился. Эксперты знают: многие читатели, особенно мужского пола, начинают знакомство со «свежим» газетным выпуском именно с голов, секунд и очков. Поэтому спортивной темой в областных редакциях занимались настоящие корифеи. Олегу было у кого поучиться. Вот как он описывает

этот феномен: «Прекрасный собеседник, душа компании, заядлый рыбак – таким многие знали Анатолия Игнатьевича Бельчика, немало лет проработавшего заместителем редактора газеты «Кузбасс». Но была у него ещё одна страсть – спорт, а именно – футбол и хоккей с мячом. При этом Анатолий Игнатьевич был не просто болельщиком (фанатом, как говорят сейчас), он разбирался в перипетиях игры дай Бог каждому и (теперь уже можно приоткрыть тайну) писал отчёты и репортажи с матчей под псевдонимом «Б. Корнеев». В тандеме с ним выступал ещё один «кузбассовец», заместитель ответственного секретаря Юрий Гагин, подписывающийся «Ю. Галкин».

Подписи эти на последней полосе «Кузбасса» в 1980-е были привычными, примелькавшимися, читатели и не подозревали, что авторы писали поочерёдно. Совсем не так, как, скажем, Ильф и Петров. Но узнал я об этом позднее. А тогда, в 1981-м, работая в газете «Комсомолец Кузбасса», я лишь начинал в спортивной журналистике. И робел перед мэтрами, когда на гостевой трибуне «Химика» собирались Пётр Ворошилов (газета «Известия»), Юлиан Вишневский (Кемеровское телевидение), Михаил Сафохин (ректор КузПИ), Александр Трутнев («Кузбасс»), но верховодил Анатолий Бельчик – большой добродушный человек...

И писал Бельчик здорово! Размашисто, темпераментно. Стиль Бельчика угадывался сразу, хотя под публикацией и стояли две подписи: Корнеев и Светлов (Пётр Семёнович Ворошилов).

Обычно после каждого футбольного или хоккейного матча Бельчик звонил мне: «Спустишься на пятый этаж – сверим составы, минуты...». Сверяли, уточняли. Утром, покупая «Кузбасс», открывал газету с внутренним холодком: совпали, нет ли наши оценки игры? Для меня материалы Бельчика были вроде ориентира». («Поразительный Бельчик», книга «Журналистика Кузбасса: строки истории», 2008. С. 97).

Учителя у Олега были основательные. Об этом его публикация «Первый тайм мы ещё не сыграли» от 13 апреля 2013 года (<https://слово-сочетание.рф/news/«Segodnya-so-schitom,-a-zavtra-na-schite---»>): «Хорошо помню, как страстно писал об этом (о спорте) Виктор Моисеев. И не только он. А редакторы никогда не жалели последней полосы для святого для всех нас события... О Викторе Моисееве, так непростительно рано ушедшем из жизни, надо сказать особо. Среди его разносторонних журналистских интересов спорт преобладал всегда. И занимался он этой темой столь же увлечённо, как и материалами об охотниках, горняках, туристах... Виктор отлично знал практически всех спортсменов Земли Кузнецкой, был своим в их кругу. Наверное, поэтому публикации Виктора Моисеева отличались не только знанием секретов того или иного вида спорта, но ещё и удивительной человечностью, проникновением в характеры атлетов».

Писать о спорте в прежние времена считалось престижным, и эта особенность тематики тоже привлекала Курочкина:

«Спортивные журналисты всегда были не только в курсе событий, волновавших десятки тысяч читателей (отсюда и популярность), но и чаще всего становились друзьями героев своих публикаций – известнейших не только в области, но и в мире спортивных «звёзд». Юлиан Вишневский, Филипп Кудлаев, Виктор Моисеев,

Александр Родинских, Илья Ляхов – это только те известные в «Кузбассе» спортивные журналисты, с кем я знаком не понаслышке».

Осенью 1983 года Олега Курочкина пригласили работать в «Кузбасс», Анатолий Бельчик сказал ему: «Всё, теперь спортивные отчёты пиши ты!» А затем случилось так, что примерно через полгода он возвратился в «молодёжку». Но продолжал писать в «Кузбасс» отчёты о матчах. При этом ему пришлось перейти на «нелегальное положение»: печатался в «Кузбассе» под псевдонимом «О. Митич».

Внешне не очень «физкультурный», Олег на самом деле любил спорт, в его памяти легко удерживались цифры рекордов, итоги десятков, а может даже – сотен матчей различных игровых видов, имена рекордсменов. Он лично знал подавляющее большинство известных спортсменов нашего региона, и многие из них знали его. Он умел писать на любимую тему интересно, образно, с «огоньком». Это и есть настоящий профессионализм. Читатели и коллеги ценили его публикации.

Мне много раз доводилось читать его репортажи, заметки, зарисовки, интервью. Благодаря ему я близко познакомился с великим кузбасским футболистом Виталием Раздаевым, узнал про хоккеиста, нападающего кемеровской команды по хоккею с мячом «Шахтёра» в 1950-1970-х годах Виктора Баянова, про неугомонного тренера, преподавателя, старейшину спортивной журналистики Кузбасса Бориса Васильевича Проскурина и многих других героев спорта.

Давайте вместе почитаем что-нибудь от спортивного обозревателя О. Курочкина. Допустим, фрагмент из публикации «Сыграй, Баян!»:

«Его все называли Баяном. А он и впрямь был похож на былинного героя: уши торчком, короткая боксёрская стрижка, приплюснутый нос, узкие глаза под нависшими густыми бровями. И ходил, кособочась, вразвалку. Но зато, когда Виктор Баянов вставал на коньки, куда только девались его неуклюжесть и косолапость! На них он был БОГ.

А клюшкой владел так, что соперники, коих обыгрывал играючи, только почёсывали затылки. А сколько мячей он забивал потрясающе красивых. Вот таким был Баян с улицы Рутгерса, что в Рудничном районе Кемерова. За «Шахтёр» он играл – тот, что по хоккею с мячом.

Приходя на стадион «Химик», мы, пацаны, замороженно наблюдали за его игрой. В диковинку нам было это. А мужики-болельщики, разговляясь на морозе водочкой и домашними пельменями, резюмировали чётко: «Это вам не какой-то там залётный варяг, мать его... Наш человек!»

В том смысле, что одна, но пламенная страсть, губила великого форварда. Увлекался он огненной водицей, да так, что все удивлялись: как это он ещё умудряется забивать голы? Баян же, отшучиваясь, бубнил: «В рубашке, видать, родился...». (<https://слово-сочетание.рф/news/Oleg-Kurochkin--Bayan--Byl>).

Согласитесь, написано тепло, образно, с любовью. И таких заметок у Олега Курочкина за 35 лет служения журналистике – вагон и маленькая тележка! Он очень много сделал для популяризации спорта в целом и отдельных его видов – в частности.

Мимо спортивного журналиста не проходило ни одно событие в этой сфере нашей жизни. Уверен, Олег оставил после себя историю спорта нашей области (так и есть, если бы выстроить его публикации во времени).

Кто теперь вспомнит, предположим, что были времена, когда в солнечной Грузии пытались организовать свой хоккей с шайбой. А у Курочкина есть публикация «Однажды грузины сыграли в хоккей» (<https://www.слово-сочетание.рф/news/Oleg-Kurochkin--Odnazhdy-gruziny-sygrali-v-hockey>):

«Эта история случилась в далёком 1982 году. Тогда в Прокопьевске в дни весенних школьных каникул проводился Всесоюзный финал среди детских команд по хоккею на приз популярного клуба «Золотая шайба».

Нам, группе журналистов молодёжной газеты «Комсомолец Кузбасса» (Лев Попов, заведомо оборонно-спортивной работы, редакционный художник Валерий Андрианов, автор этих строк, и ответственный секретарь из областной газеты «Кузбасс» Юрий Дьяконов), предстояло не только осветить турнир, но и сделать памятный спецвыпуск газеты для команд – участниц турнира.

Нодар Донадзе, тренер юных хоккеистов из Тбилиси (их команда называлась «Пирвели мерцхали», что в переводе с грузинского означает «Первая ласточка»), мужчина средних лет с заметной лысиной, сетовал на отсутствие игровой практики, понимая, что рассчитывать даже на скромный успех его подопечным не просто сложно – практически невозможно. Ну да главным считалось участие...».

Из Олеговой заметки выходит, что первый хоккейный опыт у грузин был, продолжения, к сожалению, не получилось.

«Я с удовольствием читал его грамотные, образные репортажи с матчей футбольного «Кузбасса» (а та команда Виталия Раздаева была незаурядной), – утверждает бывший заместитель губернатора Кемеровской области и депутат парламента Кузбасса Александр Микельсон. – Его грамотный анализ, точные комментарии игровых моментов создавали эффект присутствия на нашем «Химике», где, особенно на матчах с интересными командами, на трибунах собиралась добрая половина мужского (и не только) населения областного центра и его гостей. А публикации Олега как раз очень точно отображали атмосферу, когда стадион в одном порыве охал и ахал, либо взрывался рёвом на всё Кемерово: это означало, что наши забивали гол. И вот эти эмоции он мог передать в своём репортаже. И это было точно, лаконично и празднично».

Мнение болельщика совпадает с мнением коллеги-профессионала:

«Наша газета на протяжении более чем столетней истории дружила со спортом, публикуя актуальные новости со всего света, организуя соревнования под своей эгидой, – пишет корреспондент газеты «Кузбасс» Вадим Антонов. – ...Достойное место в ряду спортивных журналистов газеты занимает Олег Курочкин, посвятивший журналистике свыше 35 лет. ...Предоставлю слово самому Олегу Дмитриевичу: «Помню 1980-е, свои первые шаги в спортивной журналистике. Это только людям несведущим кажется, что писать о спорте – дело, в общем, несложное. Подумаешь, Вася Петю переиграл или, скажем, некто Пупкин где-то там забил гол. На самом деле, спорт – целый пласт жизни со своими правилами игры,

уникальный по внешнему восприятию и жестокий внутренне, живущий по своим специфическим законам».

«Целый пласт жизни» Курочкин плодотворно осваивал-распахивал в репортажах, интервью, аналитических материалах. Осваивал-распахивал и в то время, когда ежедневный тираж «Кузбасса» составлял 260 тысяч экземпляров (1987-1990 годы). Конечно, тексты Олега со столь астрономическим в наше время тиражом вызывали порой грандиозный резонанс, создавая автору репутацию бескомпромиссного обозревателя спортивных событий». («Каждая игра – это всегда праздник», газета «Кузбасс», 6 июля 2023).

Так, в декабре 1997-го, после серии поражений хоккейного «Кузбасса», Олег обратился к читателям газеты не как журналист, а как болельщик с многолетним стажем: «Убеждён, «Кузбасс» себя ещё проявит и докажет в споре с лучшими клубами России, что способен на многое. Важно, чтобы ребята, выходя на лёд, знали, что у них есть вы – надёжные друзья. Давайте «болеть» вместе!» И люди его призыв поддержали.

Он всегда хранил в памяти встречи и радость общения с настоящими звёздами спорта – футболистами Эдуардом Стрельцовым и тем же Виталием Раздаевым, Виктором Шелем и Олегом Блохиным, хоккеистами Сергеем Ломановым и Евгением Агуреевым, боксёром Юрием Арбачаковым, гимнастками Марией Филатовой и Надеждой Шитиковой, борцом Александром Карелиным, шахматистом Евгением Пигусовым, легкоатлетами Еленой Прохоровой и Андреем Кислых и многими-многими другими. А чего стоит встреча на финальном турнире «Золотой шайбы» с великим хоккейным тренером Анатолием Владимировичем Тарасовым! И с футбольным наставником сборной СССР Гавриилом Дмитриевичем Качалиным – на всесоюзном турнире «Кожаного мяча»!

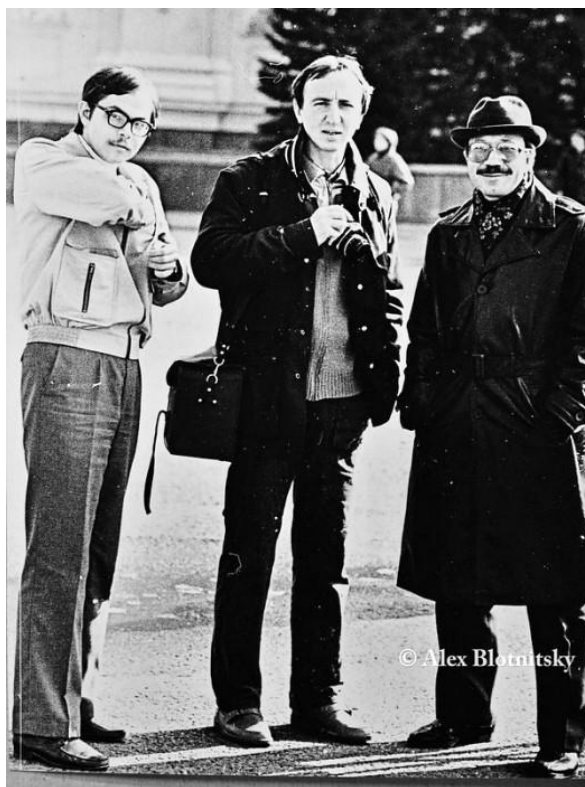
Олег Курочкин работал корреспондентом, спортивным обозревателем, ответственным секретарём в газетах «Комсомолец Кузбасса», «Кузбасс», «Спортивная газета Кузбасса», «Кемерово», «Земляки». Немало его публикаций вышло и на страницах федеральной прессы. Преподавал в КемГУ основы журналистского мастерства будущим коллегам.

Да, чего греха таить, были у него свои слабости, присущие, если признаться честно, немалому количеству работников СМИ из тех, кого я знаю: много курят, нередко обращаются к «зелёному змию». От его коллег не раз приходилось слышать: деликатный, тем не менее, бывало, разбушует... Но при всём этом Олег всегда был требователен к себе, когда садился писать очередной материал в газету или книгу. Его работоспособности можно было только позавидовать.

«В середине 1990-х Олег Курочкин редактировал в нашей газете «Кузбасс» еженедельный спецвыпуск «Спортарена» (четыре страницы формата А3), – добавляет Вадим Антонов. – Этот спецвыпуск, как и «Спортивная газета Кузбасса», футбольные и хоккейные справочники Олега Дмитриевича в соавторстве и без одного – бесценные источники энциклопедических знаний о спортсменах и событиях. В дуэте с Владимиром Михеевым он подготовил в 2017-м сборник

воспоминаний «Гонорар, которого всегда не хватает», посвящённый футбольной команде журналистов «Гонорар-82».

По словам Олега, за годы работы в спортивной журналистике «до сих пор не отвык (и едва ли когда отвыкну) от азарта, борьбы, страсти, когда прихожу на стадион в любое время года. Каждая игра – это всегда праздник, это трогательное свидание с молодостью».

Так же строго и придирчиво, как к своим собственным материалам, подходил он к коллегам, которые писали материалы на его любимую тему. За удачные публикации – хвалил, за ошибки и легковесное незнание фактов – критиковал.

За примерами далеко ходить не буду. Вот публикация О. Курочкина «Кому тачать сапоги?» (Заметки о книгах, посвящённых русскому хоккею)», 11 апреля 2016 года (<https://слово-сочетание.рф/news/Oleg-Kurochkin:-«Komu-tachat'-sapogi»>). В ней Олег анализирует две книги о спорте: первая «ХК «Кузбасс» (Кемерово): история и статистика (1955-2015)», подготовлена О. А. Долбнёй, вторая – «Кемеровский русский хоккей, «Шахтёр»-«Кузбасс». От истоков до бронзы 1973 года», – книга новокузнецанина С. С. Лидванского.

«С Олегом Долбнёй, большим любителем хоккейной статистики, по сути, добровольцем-архивариусом, – подчёркивает рецензент Курочкин, – мы активно сотрудничали в 1980-1990-е годы прошлого века. Его заметкам... (особенно касаемо цифири), можно доверять безоговорочно, благодаря скрупулёзности автора, тщательно выверяемым им фактам.

Его многолетний, если не сказать, колоссальный труд, изложенный на 80-ти страницах, уникален. Подспорье не только для спортивных журналистов, но и для

любого настоящего болельщика. К примеру, только здесь можно узнать фамилии игроков, забивавших за «Кузбасс» («Шахтёр») на протяжении шести десятков лет». Иное дело – солидный, богато иллюстрированный фолиант Лидванского, придирчиво оценил Олег: «Хотелось бы большей полноты повествования, цельности что ли. И, вообще, какой смысл было ограничиваться рамками 1973 года? Согласитесь, несколько странноватый подход. В итоге за «кадром» осталось много недосказанного. В частности, о таких «звёздных» воспитанниках кемеровского хоккея, как Николай Усольцев и Олег Корпалёв – форвардах, которые привлекались в сборную СССР, выступали в ведущих клубах страны (соответственно в московском «Динамо» и красногорском «Зорком»). А чего стоят достижения «Кузбасса» под началом заслуженного тренера России Сергея Мяуса?!»

«Это как раз тот случай, когда для популяризации русского хоккея следует и говорить, и писать ёмко. И уж совсем необязательно – многословно», – безапелляционно заключает Олег, который в своей работе спортивного обозревателя газеты не позволял себе халтуры.

Не терпел он и плагиата, воровства чужих идей и присваивания их себе без всяких ссылок на первоисточники и без зазрения совести. Хочу для примера привести ещё одну его публикацию «Забывтое старое в новой обёртке. Полемические заметки о том, каким может и должен быть настоящий «медийный футбол», 28 сентября 2023 года, (<https://www.слово-сочетание.рф/news/Zabytoe-staroe-v-novoy-obertke--Polemicheskie-zametki-o-tom,-kakim-mozhet-i-dolzhen-byt'-nastoyaschiy-«mediynny-futbol»>), в которой он защищает честь журналистов-спортсменов Кузбасса перед большим спортивным телеканалом.

В статье Олег пытается разобраться и расставить точки над «і» «в настойчиво рекламируемом на экране телеканала «Матч ТВ» телепродукте «медийный футбол», первопроходцем коего, как телеканал себя позиционирует, и является он – федеральный спортивный канал. Понятно, рекламирует небескорыстно...».

Что такое «медийный» футбол? Вот как определяет его всезнающий интернет: «Это любительский футбол между командами, состоящими из медийных личностей, таких как популярные блогеры, певцы, музыканты, актёры, журналисты. Суть медийного футбола и главное его отличие от обычного в том, чтобы в первую очередь устраивать на поле шоу со всеми вытекающими из этого последствиями, привлечение к нему как можно больше молодёжи, его пропаганда...».

Однако, констатирует Курочкин, «даже в составе команды «Матч ТВ» вы не увидите на зелёном газоне ни одного журналиста холдинга: честь столичных телевизионщиков, не жалея собственных ахилл и менисков, отважно отстаивают футбольные профессионалы – бывшие и настоящие». А на футболках игроков – «кастрированные» фамилии, «больше напоминающие то ли блатные, то ли собачьи клички-прозвища...».

К арбитрам на поле хамское отношение: «Судей можно, оказывается, не только обложить «трёхэтажным», но и устроить с ними разборки, вплоть до рукоприкладства... Жаль только, что вся эта «лабуда» выплёскивается на всероссийский телеканал, – негодует Олег. – При этом забывается, что, в конечном

итоге, футбол – это прежде всего ИГРА, и превращать её в балаган, считаю, делом, непозволительно кощунственным». А дальше – больше! «Матч ТВ» приписывает себе идею и первенство в организации медиа-футбола.

Не знают «на бесцеремонном, претенциозно-эсклюзивном «Матче ТВ», что ещё в начале 80-х прошлого века «медийный» футбол уже существовал? Не в Первопрестольной, нет – в глубинке, а именно, в Кемерове – областном центре одноимённой области.

«Его создателями были журналисты молодёжной газеты «Комсомолец Кузбасса»... Команда стала называться «Гонорар-82», – напоминает Курочкин молодым «перехватчикам». – Вот это был настоящий, выражаясь нынешней терминологией, «медийный» футбол. Потому что в него играли команды, составленные из журналистов и их коллег-полиграфистов не только Кузбасса, но и Томска, Барнаула, Новосибирска, Иркутска, Красноярска, Омска. Футбольные поединки команд представленных городов всегда являлись украшением журналистских спартакиад Сибири, регулярно (по 1990 год) проводимых в огромном федеральном округе – Западной Сибири. Жаль, что изобретатели «велосипеда» на «Матче ТВ» не удосужились совершить хотя бы небольшой исторический экскурс...».

Конечно, эта Олегова заметка для «тэвэматчевских мэтров» – что комариный укус. Но и смолчать – в силу своего неуёмного характера, требующего справедливости, – ветеран журналистики не мог.

Иной пример – книга «Спортивная доблесть Кузбасса», (Кемерово, 2022 г.) журналиста Сергея Лепихина. Сборник очерков о спортсменах и спорте Кузбасса написан с большим знанием дела, хорошим языком, профессиональным стилем настоящего спортивного репортёра – так оценивает работу коллеги Олег Курочкин: «Скажем сразу, реализовать задуманное автору удалось. И вполне достойно, – считает рецензент. – Уже в самом крупном – первом – разделе книги (а всего их четыре), озаглавленном знаменитым олимпийским девизом «Citius, altius, fortius», что в переводе с латинского означает «Быстрее, выше, сильнее», Лепихин представляет читателям целую галерею блистательных «звёзд» кузбасского спорта».

Одна из составляющих успеха автора, подчёркивает Олег, заключается в том, что Сергей Лепихин «свой человек в спорте, занимался им профессионально в 1970-1974 годы (это было плавание, причём, в своём любимом, достаточно сложном, стиле – баттерфляе – он становился и чемпионом, и рекордсменом Кузбасса)».

Заканчивая заметку о книге Лепихина, Курочкин подытожил: «...Спортивную доблесть Кузбасса» вполне можно считать не просто сборником очерков, но и, благодаря серьёзной информационной насыщенности, хорошим учебным пособием. Скажем, для студентов спортфака».

Сам виртуозно владевший словом, Олег ценил тех, кто тоже стремился к этому в своих – не только спортивных – сочинениях.

Наталья Милютина (Вебер) сообщила мне, что попросила Олега написать послесловие к её книге, в которую вошли рассказы, очерки и эссе. «Он всегда был

для меня не только однокурсником и коллегой, но и старшим товарищем, добрым советчиком, вдумчивым редактором, – объяснила она. – Именно поэтому я попросила его написать послесловие к моей первой книге «За полчаса до... зимы» (Кемерово, Кузбассвуиздат, 2010). Как всегда, Олег нашёл очень душевные слова, поддержал меня. Теперь, когда Олега нет, с благодарностью читаю эти его строки: «Рассказы и новеллы Натальи Милютиной (об очерках разговор отдельный) пронизывают своей искренностью, правдоподобием, зрелостью письма немало повидавшего и познавшего в жизни человека. Я бы даже сказал ещё так – философичностью (как, к примеру, новеллы «Срубили черёмуху» или «Летний дождь». И всё это столько лет Наталья Васильевна держала втуне!

Поэтому выход дебютной книги, символично озаглавленной «За полчаса до... зимы», на мой взгляд, является несомненной удачей автора. А очерки разных лет, собранные в книге, лишь подчёркивают её весомость, солидность».

Редко встретишь журналиста, в котором не было бы писательской жилки – ведь это предполагает сама профессия. Поэтому неудивительно, что кто-то из нашей братии «болеет» поэзией, кто-то – художественной прозой.

Меня тоже не обошла писательская болезнь. А одна из моих книг – сборник рассказов «На картошку» (Кемерово, 2015) – даже удостоилась Олеговой оценки в статье «Когда караси улыбаются...», ([https://слово-сочетание.рф/news/Kogda-karasi-ulybayutsya---\(O-knige-rasskazov-Sergeya-Cheremnova-«Na-kartoshku»\)](https://слово-сочетание.рф/news/Kogda-karasi-ulybayutsya---(O-knige-rasskazov-Sergeya-Cheremnova-«Na-kartoshku»))):

«В декабре 2015-го он (это он про меня!), автор ряда известных в Кузбассе документальных изданий, сделал себе, можно сказать, душевный подарок – издал свой первый сборник рассказов. Солидный фолиант не только по количеству страниц, но и по объёму вложенной в него души, мыслей, настроений. Словом, то, что именуется беллетристикой.

В книге почти два десятка рассказов, написанных в разные годы и объединённых, на первый взгляд, простецким заголовком «На картошку». На самом деле, названное так небольшое повествование, пожалуй, самое оглушительное в сборнике. Суть в том, как подросток Олег становится свидетелем жуткой сцены расправы молодого парня над новорождёнными котятками. И, потрясённый, отказывается ехать на картошку в одном транспорте с «Лохматым» – изувером, которому автор отказывает даже в имени. Даёт просто кличку, как животному, если не сказать, зверю...

Некоторые из рассказов («Шуба», которым открывается сборник, «Стёклышки», «Двое», «Дочь и мать», «Звездопад») напоминают о давних студенческих временах – именно тогда они были опубликованы в университетской многотиражке. Но, удивительное дело, не утратили своей новизны, воспринимаются так же обострённо, как и в далёкие 70-е. Особенно хороши «Стёклышки», где в столкновении романтического начала с прагматизмом, как в извечном споре лириков и физиков, автор предпочитает всё-таки первое.

Впрочем, это совсем не значит, что он навязывает читателям своё мнение – каждый вправе выбирать для себя то, что сочтёт нужным, необходимым, созвучным для своей души».

«...Подобных находок в книге Сергея Черемнова с лихвой, а это означает, что их поиск продолжится и, верю, выльется в следующий томик избранных произведений», – благословил меня Олег.

Мне эти строки Олега Курочкина очень дороги. Потому что с тех пор уже не один сборник моих рассказов и очерков – правда, электронный – увидел свет.

5.

В начале июля 1974 года у Олега состоялась встреча, которую иначе как судьбоносной не назовёшь. Выпала удача пообщаться с великим русским классиком Василием Дмитриевичем Фёдоровым. В то время Курочкин в составе группы студентов – уже второкурсников – филфака проходил летнюю фольклорную практику в посёлке Яя, стенографировал беседы с местными дедами и бабушками: что-то припомнят они из наречий и обычаев своих далёких предков.

Руководил практикой доцент Василий Михайлович Потявин – знаменитый фольклорист, автор книг, хрестоматий и вузовских учебников. В один из дней В. М. Потявин позвал желающих поехать с ним в деревню Марьевка. Все отказались от поездки, а Олег согласился. «На улице бушевало лето, снегопадом стелился тополиный пух, а жара попросту испепеляла», – так описывал он этот день. Далее цитирую его публикацию «Василий Фёдоров – Марьевская встреча» (книга «Мы помним Вас...», Кемерово, 2012):

«Дорога на стареньком «газике» оказалась короткой. Подъезжаем. Возле изгороди стоит высокий мужик, в годах, в клетчатой рубашке, и абсолютно лысый.

– Вот он, Василий Дмитриевич! – восклицает Василий Михайлович, когда мы выходим из машины.

Здороваемся. Представляемся.

«Неужели тот самый Фёдоров?!», – удивляюсь я. В его поэтических книжках, поразивших меня своей откровенностью, он совсем другой – благообразная седая шевелюра, серьёзный, задумчивый взгляд. А здесь – этаким простачок деревенский, не более того.

Но вот хозяин приглашает нас в свой дом. Замечательный тем, наверное, что на отшибе Марьевки. Словно на утёсе возвышается, а ниже – речка спокойная, леса вокруг. Благодать! Для поэта раздолье, стоит лишь выйти за порог – красотища. Ну как тут не черпать вдохновение?!

Окающий Потявин (он сам с Поволжья) густо начинает разговор, когда присаживаемся на лавочке в доме. Он, этот дом, вообще смешение жанров. Пол струганный и стол, и полки, и печь – всё стилизовано под крестьянский быт. Но! Портативная пишущая машинка (японская), импортный телевизор... Цивилизация несколько губит восприятие.

О чём они там беседовали? О литературе, конечно, о поэзии. Я же, онемевший от свидетельства воочию видеть великого советского поэта, лишь прислушивался к разговору, не спуская глаз с мэтра...

Но ведь это он написал, настолько откровенно, что в те времена и цитировать было как-то неловко... Помните?

«Я не знаю сам,
Что делаю...
Красота твоя, -
Спроси её.
Ослепили
Грудь белые,
До безумия красивые...».

Мне, по большому счёту, лишь начинающему слагать вирши, подобное казалось недостижимым. Как и такое стихотворение Василия Дмитриевича. Мощное по энергетике, цельное, бьющее в самые ранимые точки души. Называется оно «Совість»:

«Упадёт голова –
Не на плаху, –
На стол упадёт,
И уже зашумят,
Загалдят,
Завздыхают:
Дескать, этот устал,
Он уже не дойдёт...
Между тем
Голова отдыхает.
В темноте головы моей
Тихая всходит луна,
Всходит, светит она,
Как волшебное око.
Вот и ночь сметена,
Вот и жизнь мне видна,
А по ней
Голубая дорога.
И по той, голубой,
Как, бывало, спешит налегке,
Пыль метя подолом,
Пригибая берёзки,
Моя мама...
О, мама! –
В мужском пиджаке,
Что когда-то старшой
Посылал ей из Томска...
Упадёт голова –
Не на плаху, –
На тихую грусть.
И пока отшумят,
Отгалдят,
Отвздыхают –

Нагружусь,
Настыжусь,
Во весь рост поднимусь,
Отряхнусь
И опять зашагаю!»

Да, то, о чём шёл тогда разговор, помню плохо, зачарованный голосом одного из самых моих любимых поэтов тех лет. Впрочем, так ли уж это важно? И когда, уже на выходе из вуза, мне предложили тему дипломной работы, я не раздумывал – творчество Василия Дмитриевича Фёдорова.

Вдоль и поперёк изучив его поэзию, понял одно – повторить поэта невозможно. Подражать, да. И поначалу так и было. Невольно. Но ведь в поэзии (как и вообще, в литературе) важно петь или слагать всё-таки своим голосом...».

Многие из начинающих поэтов – даже тех, кого считают классиками – начинали с подражания более маститым. Ничего постыдного в этом нет. Мне не удалось найти поэтические строчки, написанные Олегом Курочкиным в школьные годы. Некоторые из его университетских лирических произведений вошли в первый его сборник «Излуками разлук», изданный в 2001-м. Хорошо знаю это, потому что Олег приходил ко мне с просьбой помочь с финансированием печатания книжки в типографии.

Помог ему в поиске спонсора. Как, впрочем, помогал с оплатой и других его поэтических книг: «Студёная медь» (2005), «Отражения» (2006), «Осень в хрустале», (2011). Это уже после того, как я вынужден был на несколько лет уехать из

Кемеровской области во Владимир, ему стало сложнее решать задачи по финансированию своих книг.

Отступлю от поэтической темы, вспомнив судьбу другой его уникальной книги «Гонорар», которого всегда не хватает» – о футбольной команде журналистов Кемеровской области. Осенью 2017 года она вышла-таки из печати. Но сколько пришлось похлопотать её автору, написать в «высокие» инстанции, обойти начальствующих кабинетов!

«Уважаемая Лариса Теодоровна! – обращался он, например, к одной из руководительниц Кемеровской областной администрации. – От имени группы журналистов-ветеранов обращаюсь к Вам с не совсем обычной просьбой. Не могли бы Вы оказать финансовую поддержку в издании книги о нашей футбольной команде журналистов «Гонорар-82» (ей нынче исполнилось 35 лет)? Книга уже готова к печати, но, увы, 17 тыс. руб., необходимых для реализации этой идеи, найти не можем...».

«...Указанную в обращении просьбу о выделении... финансовой помощи на издание книги, выполнить не предоставляется возможным, – пришла в его адрес «красивая» отписка чиновницы. – ...В связи с чем, предлагаем Вам действовать в установленном порядке и обратиться в Союз писателей Кузбасса, либо издать произведение в электронном виде, а также рассмотреть возможность привлечения спонсорских средств.

...Позвольте пожелать Вам и Вашим близким крепкого здоровья, успехов во всех делах, благополучия и всего самого доброго!»

Несмотря на это, книжка, подготовленная О. Курочкиным в соавторстве с В. Михеевым, всё-таки вышла. Как выходили и другие его книги и справочники о кузбасском футболе и хоккее с мячом, куда вошли его многолетние наблюдения и заметки об этих видах спорта, беседы с мастерами игры...

Стихи Олега не раз публиковались в периодической печати: газетах «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса», журнале «Огни Кузбасса», коллективном сборнике «Поэты университета».

Прошли годы, и поэзия Олега Курочкина поднялась во весь рост своего таланта, со своими оригинальными образами, своим голосом и стилем, со своей душой. Союзу писателей России, уверен, не стыдно было принять поэта в свои разношёрстные ряды. По-особому светлы и пронзительны его стихи, которые впоследствии легли в сборник «Осень в хрустале»:

В лесу осеннем стынет тишина,
И каждый хруст пронзителен, как выстрел.
Наверное, сентябрь лето выпил,
До капли осушил его, до дна!
Присяду на берёзовый пенёк,
Достану немудрёную закуску,
И с лесом за компанию – по-русски! –
Он, как и я, сегодня одинок...

Осень коршуном кружится,
Тычется в окно.
Мне б с дождями подружиться,
С ветром заодно.
И подняться в поднебесье
С клинописью птиц,
Оттрубив земную песню,
От себя спастись...

Я из другого поколения.
Я из другой совсем судьбы,
Когда пред дамой на коленях
Почтенно преклоняли лбы!
Когда не подличали в спину,
Чтобы затем в глаза польстить...
Где даже в страшную годину
Всегда бывала честь в чести!
Горжусь, что прошлого не предал
И корень древа уцелел,
Ведь два «Георгия» у деда,
И прадед – русский офицер...

(«Кузбасс», «Круг чтения», 28 августа 2009. С. 3)

– Олег производил впечатление очень доброго, надёжного, разностороннего человека и совершенно бескорыстного. – снова привожу воспоминания Александра Микельсона. – Много позже он подарил нам свой сборник стихов, и я открыл другого Олега.

Его невесомые метафоры:

«Убегаю от одиночества,
а оно по пятам – за мной.
Называет меня по отчеству,
обнимает: «Любимый мой»...

или: «Осень расплескалась в хрустале, навзничь опрокинутого лета...».

Такие строки мог написать талантливый и очень впечатлительный, ранимый человек, который очень тонко чувствует всё происходящее рядом и саму жизнь, её пульс.

А вот взгляд одноклассницы Олега Любови Субочевой:

– Его стихи – это часть его души. Всегда лиричные, немного грустные, но в них такая сила жизни, что их хочется читать и читать:

Не бокал разбился на столе:
Это – по вполне земным приметам –
Осень расплескалась в хрустале
Навзничь опрокинутого лета.

Осень расплескалась в хрустале,
Отдаляя нас и это лето
В глубине полуденных аллей,
Там, где преломление тьмы и света.

(«Осень в хрустале», Кемерово: издательство «Кузбассвуиздат»,
2011 г. С. 5).

– ...Перечитываю стихи Олега, – признаётся и Наталья Милютина. – Между прочим, его книжка стихов и прозы «Осень в хрустале» вышла с моей фотографией Олега на обложке! Теперь он – в другом, неведомом измерении. Остались статьи, стихи, фотографии, книги, тёплые воспоминания:

Отбродила жизнь.
Ближе
Леденящая тишь.
А мечтал до Парижа
Дотянуться...
Шалишь!
Ни полей Елисейских,
Ни Монмартра...
А жаль:
Я бы с башни вселенской
Сиганул на Пигаль!
И добрался б до Лувра,
Повидался б с Марсо...
Если б дожил до утра
И не выдумал всё».

Конечно, Олег не оставлял без внимания и прозу. Его рассказы, лирические новеллы «Нинкины дожди», журналистские байки и другие нерифмованные произведения можно прочесть на моём сайте слово-сочетание.рф. Его последнюю новеллу «Такая вот «рыба» я опубликовал на сайте в самый канун нового 2024-го года. Но, уверен, вершиной его творчества были стихи:

Присесть бы на завалинке,
Как в детстве. И опять
Понять, что снова маленький,
И всюду – благодать.
И трелям из скворечника
Резвиться, не стихать.
А злого в стайке дедушка
Прищучит петуха.
В подслеповатой кухоньке
Томится борщ в печи:
Там бабушка с заутрени
Хлопочет и скворчит.

Сочится пыльно радуга
Сквозь ставни, теребя:
Мол, просыпаться надо бы,
Не то – проспишь себя!
Проспал... И нет завалинки.
И деда с бабой нет.
И я давно не маленький,
И белый свет – не в цвет...
И сам кому-то дяденька,
И сам кому-то дед...
В судьбе моей проталинки
От непослушных лет.

(<https://слово-сочетание.рф/news/Oleg-Kurochkin:-«Blesnut'-hotya-by-kaple-sveta»>).

Тут хочу добавить, что ещё, наверное, он был излишне раним, но у талантливых людей это неизменное качество...

6.

В футбол Олег влюбился с раннего детства. Отчаянно гонял мяч с пацанами во дворе дома, когда жил в Ленинске-Кузнецком. Посещал детскую футбольную школу при городском футбольном клубе «Шахтёр», выступавшем тогда во Второй низшей лиге СССР по футболу (ныне клуб «Заря-СУЭК»). Переехав с родителями в Кемерово, с удовольствием играл с одноклассниками на школьном стадионе.

Когда мы учились на втором и последующих курсах, филфак переехал в здание бывшей кемеровской школы № 41 (сейчас на этом месте – угол Советского проспекта и улицы Ермака, 7, – высокий жилой дом). Во дворе бывшей школы была небольшая заасфальтированная спортплощадка с футбольными воротами по обеим сторонам.

Были там и турники, и подобие шведской стенки, и ещё какие-то спортивные снаряды. Но мужскую часть филфака интересовал футбол, вернее, мини-футбол, на большее не хватало людей, да и размеры площадки не позволяли. Тут мы играли и зимой, и летом до самозабвения.

Я говорю «мы», потому что тоже иногда участвовал в «баталиях» несмотря на то, что играл я так себе, меня чаще ставили в ворота. А мои однокашники: Олег Курочкин, Александр Денисов, Евгений Худобин, – составляли основу филфаковского футбольного коллектива. Бегали мы там с мячом после занятий до седьмого пота, а в выходные – по несколько часов.

Рядом с нашим стадиончиком – на улице Арочной – в ту пору располагался ресторан «Сибирь» (в жаркие 1990-е годы сгорел, сейчас на его месте кемеровский Театр для детей и молодёжи), на первом этаже которого был пивбар. И после футбола мы мчались туда, чтобы парой кружек «Жигулёвского»-пенного утолить жажду.

К месту скажу ещё, что в дни трансляции футбольных матчей советских клубов по телевизору Олег спешил домой, чтобы не пропустить игру. Сам он, по-моему, болел за питерский «Зенит», но при этом знал назубок все результаты игр высшей и первой лиг страны.

Он был не только футболистом, но и болельщиком, профессиональным футбольным статистом, ценителем и знатоком игры. Что, кстати, и отличает настоящего спортивного журналиста от любителя.

Когда Олег вернулся из армии, женился, получил квартиру от редакции газеты на Октябрьском проспекте, он тоже находил время, чтобы погонять с коллегами на поле футбольный мяч.

– Евгений Красносельский подружился с моим мужем на почве любви к спорту. А конкретно – к футболу, – припоминает Татьяна Микельсон. – Иногда они с парнями собирались на школьном поле недалеко от нашего дома и играли в футбол. Бывало, к этой команде примыкал Олег Курочкин. После матча приходили к нам домой играть в карты...

– Было хорошее время, – вторит ей супруг Александр Микельсон, – когда-то жили совсем недалеко и довольно часто общались с Олегом. Мы играли в футбол, обсуждали публикации спортивных журналистов и много шутили.

В 1982 году в журналистском мире Кемеровской области, связанном с этой игрой, произошло знаковое событие. Олег не раз вспоминал, как июне того года журналисты «молодёжки» пришли к мысли создать футбольную команду журналистов: «Инициатором и автором её названия, естественно, стал генератор идеи – Женя Красносельский. Именно с его подачи и родился задиристый «Гонорар-82».

«Гонорар» жив и поныне, выходят на поле его игроки уже нового поколения. Нет теперь среди них Красносельского, Курочкина, Попова, да и другие из самого первого состава изрядно постарели. Но об играх того – самого первого состава – до сих пор вспоминают, говорят и пишут СМИ. Да разве забудутся увлекательнейшие матчи «Гонорара» с прославленными столичными театрами: Государственным академическим Малым театром, Театром имени Моссовета, особенно, московским «Ленкомом»?!

«Мы, – с удовольствием вспоминал Олег, – теперь признаться не грешно, по просьбе таких корифеев сцены «Ленкома», как Евгений Леонов, Олег Янковский, Николай Караченцов, Александр Абдулов, сгоняли с ними, как шутят шахматисты, «рыбу» – ничью!»

Это было летом 1986-го, игра проходила в будний день в 11 часов утра. В поединке со знаменитым «Ленкомом», команда которого называлась «Авось», нападающий «Гонорара-82», шустрый и юркий, Олег Курочкин открыл счёт: забил тогда ленкомовцам первый гол...

7.

С годами Олег всё реже выходил на поле. Футбольные бутсы бывшего форварда «Гонорара» всё чаще оставались лежать в стороне. Подводило здоровье, копились проблемы в личной жизни.

С первой женой Татьяной они развелись спустя почти пять лет после свадьбы. Квартиру на Октябрьском Олег оставил ей. Сам вновь перебрался к родителям в Рудничный район. Потом он предпринимал попытки наладить новую семейную жизнь. Но все они заканчивались неудачно.

До тех пор, пока не встретила на его пути Раиса, терпеливая, понимающая сложную душу поэта и журналиста, она его обогрела, приголубила. Встретились они в 1999 году. Понемногу сблизилась, Олег переселился в её уютную квартиру, начал обретать душевный покой.

В 2013 году вышел на заслуженный отдых. Невеликой пенсии двух ветеранов хватало только на самое необходимое. Поэтому он пытался продолжить работу в газете, однако, в редакциях, куда он обращался, предпочитали молодых сотрудников. И тогда он устроился... гардеробщиком в кемеровскую гимназию № 41, где параллельно начал организовывать факультатив для ребят, мечтающих, как когда-то и он, о профессии журналиста.

Я в это время уехал во Владимир, трудился в комитете по СМИ администрации Владимирской области, но продолжал вести свой, созданный в конце 2012 года, сайт слово-сочетание.рф – о журналистах и журналистике Кузбасса. Мы часто созванивались. «Серж, привет!», – бодро звучало в трубке. Обменивались новостями с родины, Олег регулярно присылал мне свои материалы и стихи для публикации.

Однажды он предложил поработать над проектом, ставшим впоследствии просто грандиозным, – Книгой памяти журналистов Кузбасса. Это было в 2019 году. На сайте слово-сочетание.рф есть рубрика «Ушедшие от нас», посвящённая этой теме. К тому времени в ней скопилось около полутора сотен публикаций о работниках

кузбасских СМИ. Идея показалась мне хорошей, однако напряжённая работа во Владимирской администрации забирала массу времени. И я начал отказываться от предложения Курочкина. Но Олег умел убеждать, и, наконец, мы договорились: я соберу в один файл все материалы из раздела про «ушедших» и перешлю Олегу, он начнёт над ними работать, приводить к единому, подходящему для книги-справочника «знаменателю».

Материалы я ему выслал. Мы начали обсуждать варианты названия будущего издания. Однако потом мне показалось, что Олег охладел к собственной идее. Я пытался вдохновить его на продолжение проекта – он всё откладывал дело.

Справочно-мемуарное издание «Судьба в журналистике. Книга памяти журналистов Кузбасса» (электронный вариант: г. Владимир, 2020 г., 628 стр.) пришлось делать самому. В него вошли имена более 140 человек – редакторы российских, региональных и местных СМИ, известные журналисты, внёсшие большой вклад в социально-экономическое и культурное развитие Кузбасса, а также в формирование корпоративных основ и традиций.

Здесь и имена режиссёров, дикторов, фотографов, теле- и радиооператоров и людей других профессий, тесно связанных с выходом в свет федеральных, областных, городских и районных газет, журналов, теле- и радиопрограмм.

Как в своё время Олег, я тоже обратился в администрацию Кемеровской области с предложением об издании печатного варианта справочника о людях, оставивших заметный след в истории Кузбасса. И так же, как Олег, получил стандартный ответ. Не проявила интереса к книге о журналистах Кузбасса и областная организация Союза журналистов России. Лишь Государственная научная библиотека Кузбасса имени В. Д. Фёдорова приняла к себе в раздел электронных изданий электронный вариант «Книги памяти журналистов». Там же можно теперь найти и второй, и третий тома этого издания – под его обложками собраны ещё более 160 имён, биографий и оригинальных публикаций о каждой персоне. Надеюсь, там же найдут себе «крышу» и последующие выпуски этой «Книги», над материалами которых продолжаю работать...

Но вдохновителем этого огромного проекта стал именно Олег Курочкин!

В начале 2020 года выяснилось, что в декабре 2019-го у него случился обширный инфаркт. И надо было думать о здоровье, а не о работе. В результате тяжёлой болезни и плохого самочувствия Олег замкнулся, перестал отвечать на телефонные звонки. В течение 2020-2021 годов мы поддерживали связь через Раису, которая передавала Олеговы приветы, рассказывала о его состоянии.

Впрочем, чуть позже он и сам подробно поведал об этом в рассказе «Торт с «вишенкой» для репортёра» (<https://www.слово-сочетание.pf/news/Oleg-Kurochkin--Tort-s-«vishenkoy»-dlya-reportera--Rasskaz->, 21 августа 2023). Со скрупулёзностью, присущей опытному газетчику, автор описал все симптомы инфаркта и ощущения больного. Получилось не просто интересное, но и поучительное чтение для потенциальных кардиопациентов. А посему, приведу несколько абзацев из него: «Тело, а именно, грудную клетку в области сердца, неожиданно резанула дикая боль, пронзая, как ему показалось, жаром его всего.

Алик задохнулся и беззвучно рухнул в кресло... Наконец, он с трудом, не чувствуя ослабевших ног, кое-как добрался до туалета. Закурил сигарету (Алика хватило всего на три-четыре затяжки), и тут же затушил её в полной окурков пепельнице.

...Алик не спал практически всю ночь – давил «мотор», дышалось тяжело, хотя явной боли в груди он не чувствовал. После завтрака Римма настояла: надо срочно попасть на приём в поликлинику, благо до неё пройти или проехать всего одну остановку.

Несмотря на очередь, Алика приняли быстро. Врач, немолодая уже женщина, едва расспросив его, тут же вызвала «скорую», приехавшую на удивление за считанные минуты. Две её представительницы, румяные от мороза молодые дамы, споро оголили Алика до пояса, наклепили на его груди маленькие датчики, и вскоре приказали: «Всё! Одеваемся и едем! В кардиологию...».

Трясаясь в холодной «карете милосердия», он не заметил, как уснул – сказала бессонная ночь. И поэтому в приёмном отделении, куда его препроводили, соображал плохо, вяло отвечая на вопросы дежурного врача.

...Огромная палата, куда они приехали, называлась «отделением интенсивной терапии». Алика уложили на свободную кровать, нацепили на него кучу прибабасов с проводами. Поставили капельницу, и, наконец, накрыли для приличия простыней.

...В отделении Алик потерял счёт времени, поскольку лампы дневного света не выключали здесь даже ночью. Менялись дежурные врачи с медсестрами.

...Перевод в обычную палату и восстановление «статус-кво» (иначе говоря, замена костюма Адама на гражданскую одежду), полагал Алик, знак хороший. Может, подумал он, и не всё ещё потеряно. Но случайно узнанный диагноз поразил его неприятным словосочетанием: «Обширный инфаркт...».

Потом, вспоминал Олег, были капельницы, курс обязательных инъекций, едва ли не горсть разноцветных таблеток – трижды в день, плюс процедура с дыхательным аппаратом (пятиминутка употребления чистого кислорода).

У него был с собой сотовый, но общаться с многочисленными абонентами не хотелось. Чтобы как-то заполнить больничный досуг, он занялся чтением. На их этаже в холле была пара стеллажей, заполненных самой разнообразной литературой.

Его выписали после десяти дней лечения. По заключению медиков, через полгода Олег должен был вернуться в кардиологию – речь шла об операции. После больницы он элементарно начал задыхаться. Но главная беда заключалась в бессоннице. Пока бодрствовал, чувствовал себя более-менее сносно, а как укладывался спать, начинало не доставать воздуха. И тогда ночами, едва ли не до утра, он просиживал возле телевизора, смотрел в основном матчи по футболу.

Неделю спустя после выписки из больницы «скорая» снова увезла Олега в кардиологию с приступом удушья. Он попал в ту же палату, теперь уже проходил курс лечения в комплексе с кислородной подушкой. Из-за пандемии операцию пришлось отложить. Впоследствии он от неё наотрез отказался. Больше врачи его

не тревожили. Тогда, говорил Олег, он понял, что оставалось уповать на Провидение, да на Бога, сколько-то отмерившего ему жизненного пространства... Неисправное сердце вело себя по-разному. Иногда вообще не давало о себе знать, а иной раз (особенно в дни магнитных колебаний) учащалось сердцебиение, дышать становилось труднее.

Олег замкнулся в себе. Но однажды Рая вдруг сообщила, что мне можно позвонить на Олегов телефон, он сам ответит. И вот я вновь услышал знакомое: «Серж, привет!» Мы проговорили едва ли не час. Настроение у него было не очень: сетовал на «дыхалку», на слабость, бессонницу. Я уговаривал его не вешать носа, смотреть на жизнь оптимистичнее.

Предложил попробовать написать что-нибудь новенькое для сайта, он согласился. Через несколько недель позвонил сам, окрепшим голосом сообщил, что написал кое-что, но электронная почта не работает, поэтому переслать материал мне не может. Решили, что флешку с текстом мне привезёт Рая.

Договорились встретиться с ней на остановке у Главпочтамта. Так на сайте словосочетание.рф снова появилось имя Олега Курочкина под его новеллами «Купейная история», «Балласт», «Такая вот «рыба» – из собрания журналистских былей и баек, зарисовкой про неугомонного Проскурина – к 90-летию Бориса Васильевича, рецензией на книгу Сергея Лепихина «Спортивная доблесть» и другими материалами.

Мы с Раисой, как два «заговорщика», встречались возле газетного киоска на остановке «Главпочтамт», она передавала мне флешку с новым текстом Курочкина, а я отдавал ей чистую флешку для следующего его материала. Радовались, что Олег стал активнее, снова строит творческие планы: «Будто ожил... Расписался...».

Олег с Раей решили даже подремонтировать старенький компьютер, восстановить электронную почту. Так и сделали. И Олег стал пересылать мне материалы по «электронке».

Активность Курочкина оценили и читатели: после выхода на сайте его очередной статьи или рассказа я получал отклики, по телефону передавал их содержание Олегу. Встречаться он отказывался – на это у него был свой взгляд. Отказывался и прислать свою фотографию «посвежее», чтобы сопроводить ею его очередной выпуск на сайте, – мол, ставь одни и те же старые фото. Но однажды вдруг согласился попозировать Раисе – так на сайте появилось его фотография «из последних»...

Он и друзьям, коллегам начал позванивать.

– Олег Дмитриевич позвонил мне по телефону! – сообщал мне, к примеру, Сергей Лепихин. – Попросил подарить ему мою новую книгу о спорте. Я так обрадовался, ведь давно не слышал его голоса...

– Запомнился последний разговор с Олегом, – поделилась и наша однокашница Наталья Милютина. – После длительного перерыва он вдруг неожиданно мне позвонил. Дело в том, что, когда с ним случился инфаркт, он практически прекратил общение. А тут – звонок, и его бодрый голос... Спросил, как у меня дела, про творческие планы. Рассказал, что во сне я попросила его написать о своей новой

книге. Я в свою очередь расспросила о здоровье, пишет ли он стихи. Посетовал, что самочувствие плохое и совсем нет вдохновения...

Хотя, Олег собрал подборку своих новых стихов и переслал для публикации на сайте слово-сочетание.рф. Они там вышли, напомним, 26 октября 2023 года под заголовком «Вот и всё: перестану гоняться за временем...». От некоторых строк веяло печалью:

Дни, похожие друг на друга,
Как сиамские близнецы.
И не вырваться мне из круга
Карусельного... Словно цикл,
Беспощадно необратимый,
Месяцами меня обвив,
Жизнь мою отсекает. Мимо
Даже липовых перспектив.
Ну а мне взамен остаётся
Только этот ещё пока
Мир, приветливый сквозь оконце,
Где дома, люди и облака...

Он позвонил и нерадостно пошутил, что новой книжки не будет, не пишется.

В начале 2024-го настроение Олега снова ухудшилось. Болезнь изводила. Одышка, бессонница, скачущее давление. По телефону на все мои ободряющие слова повторял, что всё подходит к завершению, к одному концу. Раиса как могла, до последнего поддерживала Олега...

Вот и всё... Олега Дмитриевича Курочкина с нами не стало. Как же горько расставаться с другом студенческой юности!

Его похоронили в Кемерове, на Центральном кладбище № 4, что на Южном.

В завершение хочу добавить последний штрих к его портрету. Высокопрофессиональную работу журналиста Олега Курочкина неоднократно отмечали и поощряли. Среди наград – медали Кемеровской области «За служение Кузбассу» (2001), «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени (2008), почётные грамоты и благодарственные письма различных администраций и ведомств.

Олег был неоднократным победителем и призёром областных творческих конкурсов «Спортивный журналист Кузбасса», а по итогам 2016 года – в рамках этого конкурса – его признали победителем в специальной номинации «За верность профессии».

г. Кемерово,
апрель 2024 г.

Валерий Немиров – он же Савва Михайлов, Глеб Соколухин, Пека Дементьев, Калина Гречанинов, Добрыня Обломович, Никита Потогонов и другие...

Творческий потенциал газетчика Валерия Немирова был настолько высок, что о нём знали не только в Новокузнецке и Кузбассе, но и за пределами нашего региона. Особенности его беллетристики, его стиля изучала даже российская наука о журналистике.

На бескрайних полях интернета удалось «откопать» исследование доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой русского языка и литературы Кузбасского педагогического института Кемеровского государственного университета Ирины Алексеевны Пушкарёвой. Для своей статьи

«Категория пространства в художественно-публицистическом тексте (на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий») она в качестве основных материалов для изыскания выбрала публикации в жанре так называемого «городского дневника», автором которых являлся журналист этой газеты Немиров.

«Валерий Немиров, человек, любящий свой труд и «свою газету», работает в газете... с 26 августа 1990 года, по его словам, – «чёртову кучу лет», – пишет И. А. Пушкарёва. – В месяц Валерий Анатольевич создает около 100 единиц материала и печатается под многочисленными псевдонимами (Савва Михайлов, Глеб Соколухин, Пека Дементьев, Калина Гречанинов, Добрыня Обломович, Никита Потогонов и др.».) («Вестник Челябинского государственного университета». 2012. № 6 (260). Филология. Искусствоведение. Вып. 64. С. 104-109).

Незаурядными историями о небывалой творческой «производительности труда» Немирова со мной поделился ветеран журналистики Кузбасса, бывший обозреватель, заместитель главного редактора «Кузнецкого рабочего», близкий друг Валерия Михаил Гревнёв:

«Году в 1988-м – в самый расцвет «горбачёвской перестройки» – мы с Валерой прочитали интервью с «крутым» западным журналистом, то ли европейским, то ли американским, из какой-то «крутой» газеты, типа, «Дейли телеграф» или «Нью-Йорк Таймс». В числе прочего тот рассказал, как много ему приходится писать. И назвал цифру. А поскольку в газете всё измеряют количеством опубликованных слов, он назвал, сколько слов ему приходится выдавать в месяц.

Нам стало интересно: а как же мы в сравнении с ними? Надо сказать, что Валера уже тогда писал не просто много, а очень много, ну, а я писал, скажем, достаточно много. И мы решили выяснить – каждый по своей подшивке газеты: сколько слов в неделю выдаём мы. Потом встретились через пару дней, сравнили наши подсчёты. В результате оказалось, что Валера тогда писал раза в полтора больше, чем западные журналисты. Я, правда, немного недотягивал, но процентов на 80 приблизился к ним.

Потом мы придумали: давай-ка, посмотрим, как мы выглядим в сравнении с писателем Львом Николаевичем Толстым... За основу взяли его 20-томное собрание сочинений – не академическое, конечно, которое содержит десятки авторских правок его произведений, а обычное издание. Через неделю снова встретились, и оказалось, что Валерка к тому времени – ему было тогда 34 года, из них он уже больше десяти лет проработал в газетах – уже близок к тому, чтобы перекрыть количество слов, которое Толстой написал. Я, правда, сочинял существенно меньше. Потом мы с Немировым долго смеялись над этим, говорили: нам бы ещё приблизиться к гениальности Льва Николаевича. Хотя, касаясь стиля, какого-то лингвистического чутья, должен отметить, – у Валеры всё это было на очень высоком уровне. Язык у него яркий, впечатляющий...».

«Вольный стрелок», «в каждой бочке затычка», – так шуточно называл себя «субъект» научного исследования, являясь автором многих рубрик в «Кузнецком рабочем», таких как «Городской дневник», «Фотография», «Спорт», «Мой город», «Краеведение», «Окно в природу» – всего сразу и не вспомнишь.

Даже знакомясь со списком этих рубрик, невольно проникаешься уважением к автору, который с помощью репортёрского таланта активно «внедрялся» в городскую жизнь, освещая её на газетных страницах, интересно и «вкусно» донося её до читателя, популяризируя городскую историю, новокузнецкую культуру, борясь за чистоту города в самом широком толковании значения этого слова.

И специалисты, и почитатели Немировского дара отмечали, что при чтении его публикаций автор воспринимается как человек пытливый, остро чувствующий моральные и экологические проблемы Новокузнецка, любящий свой город и

Рассказывая сегодня о Валерии Анатольевиче, его большом вкладе в журналистику Кузбасса, ощущаешь горечь и грусть от того, что разговор этот – в прошедшем времени, что этого одарённого человека с нами больше нет...

С одной стороны, Валерий Немиров был очень одарённым от рождения, с другой, ему повезло с учителями. О некоторых из его наставников, об их влиянии на его судьбу надо поведать подробнее.

Коренной новокузнецанин, Валера родился 21 апреля 1954 года. После окончания средней школы выбрал дальнейшее обучение на факультете русского языка и литературы Новокузнецкого педагогического института.

– Он сразу как-то по-особому выделился среди массы студентов-первокурсников, – вспоминает Нэлли Викторовна Орлова, кандидат филологических наук, член Союза журналистов России, почётный работник высшего профобразования России, работавшая в 1970-е годы старшим преподавателем, затем доцентом на кафедре русского языка, позже – деканом факультета русского языка и литературы НГПИ. – Его отличало трудолюбие, любознательность. Также он выделялся среди других ребят спокойной уверенностью, был несуетным, обстоятельным парнем. Не скрывал, что хочет стать газетчиком. Яркое выраженное языковое чутьё помогало ему постичь многие премудрости журналистики. Пока он учился на нашем факультете, писал небольшие статьи в студенческую газету. Сразу было заметно, что растёт талантливый человек.

Диплом об окончании «педа» Валера получил в 1978-м. Потом была срочная служба в армии. А после демобилизации он устроился в многотиражную газету «Металлург» Кузнецкого металлургического комбината.

Издание в городе было очень уважаемым среди газет такого формата. Многотиражка выходила с 1937 года, имела хорошие традиции, была популярной на ведущем металлургическом предприятии Сибири. Поэтому школа «Металлурга» сыграла серьёзную роль в становлении Немирова-журналиста.

Его первое знакомство с большим производством, с людьми ведущего в Новокузнецке трудового коллектива, умение толково и доходчиво излагать сложные темы, не перевирая при этом фактов и имён, цифр и трудных наименований – это всё закладывалось в него именно там.

Валера как-то признавался, что поначалу внутреннее стеснение, неспособность разговаривать собеседника, вывести его на откровение мешало общению с людьми.

Но он боролся с этим, «выдавливая» из себя смущение, приобретая репортёрские навыки.

Полученный опыт пригодился, когда он перешёл в газету «Сельская правда» Новокузнецкого района. Поскольку «Сельскую правду» возглавляла Анна Шибаева – одна из самых опытных редакторов районных газет той поры, – работу здесь тоже можно рассматривать как своеобразную подготовку будущего мастера журналистики к переходу в ведущее издание города, которое сотрудники редакции ласково именуют «Кузнечиком».

Анна Александровна буквально жила газетой, настойчиво учила подчинённых профессиональным секретам, но и сама не ленилась учиться. Ей удалось создать мощный журналистский коллектив. Из-под её легкой руки вышло 11 редакторов городских и областных изданий, среди них были – Александр Трутнев, редактор газеты «Кузбасс», Евгений Богданов, редактор «Комсомольца Кузбасса» и «Кузнецкого края». Нынешний редактор газеты «Кузнецкий рабочий» Вадим Речицкий тоже начинал в «Сельской правде».

Хорошую школу Шибаевой прошёл и Валерий Немиров. Кстати, в 1983-м Валеру приняли в Союз журналистов СССР, чем он не без основания гордился, ведь это уже чего-то стоило!

В «Кузнецкий рабочий» – одно из старейших и самых тиражных городских изданий за Уралом – попасть было непросто. Валерия пригласил сюда на работу известный среди журналистов и партработников Кемеровской области редактор газеты Анатолий Никифорович Сосимович. Он возглавлял «Кузнецкий рабочий» с 1970 года. Под руководством этого требовательного, хорошо разбирающегося в творческих кадрах редактора газета поднялась на очень высокий уровень в стране среди изданий такого статуса. При нём в 1981 году «Кузнецкий рабочий» был награждён орденом «Знак Почёта». Было время, когда разовый тираж этого городского издания превышал немыслимые 176 тысяч экземпляров!

Попасть сюда в редакцию всегда считалось престижным. Хотя и до зачисления в штат публикации Немирова здесь не раз печатались. Но именно А. Н. Сосимович поверил в будущую звезду журналистики города и принял её в состав «Кузнечика». Так для Немирова началась новая трудовая жизнь, темп которой трудно сравнить с какой-либо другой работой.

Кто работал в пятиразовой городской газете, знает, что значит настоящая потогонная система. Такая газета удивительно «прожорлива», требует от журналистов большой отдачи, означающей, что ежедневно надо сдавать в секретариат редакции не десятки, а сотни строк различных статей, заметок. Редактор же при этом требует от репортёров высокого качества корреспонденций и репортажей, глубины и основательного погружения в раскрываемую тему.

Но работать в «Кузнецком рабочем» при А. Н. Сосимовиче очень интересно: именно при нём, как ни в одной другой редакции Кемеровской области, сталкиваются мнения и точки зрения пишущих и огромного числа читающих, «больших» и «малых» людей города, сами члены редакции и сотрудники имеют право на свои обоснованные точки зрения. В этой суматохе взглядов и событий, по

убеждению редактора, газета должна не просто регулярно выходить, но и привлекать к себе внимание своей независимой позицией, всегда быть на высоте. (Забегая вперёд, отмечу, что эти традиции продолжил и пришедший на смену А. Н. Сосимовичу Александр Геннадьевич Белокуров, который возглавлял газету в 1991–2007 годах, и затем – и сменивший его редактор Вадим Олегович Речицкий).

Адаптироваться к такой системе, вписаться в жёсткий и напряжённый редакционный ритм получается далеко не у всех. У Немирова – стало получаться с первых дней: в «Кузнецком рабочем» сумел найти свои темы в большом городе, тем более что к этому времени уже считал журналистику своим призванием. Он никогда не отлынивал от заданий редакции и сам проявлял завидную инициативу. «Мне хотелось писать, – признавался он в одном из интервью. – Мне интересно всё. Я хочу понять и узнать, а потом интересно об этом рассказать. Но не учить и не назидать!» – таким он видел своё журналистское кредо. Иначе, по его мнению, не получится по-настоящему реализовать свой дар – «в немногих словах сказать очень много».

Есть, думается, и некие особенности репортёрского дарования, которые заложены в человеке с самого рождения, на генетическом, так сказать, уровне. У Немирова-репортёра «это» было! И «это» стало проявляться буквально с первых недель его работы в городской газете. Появились свои «фишки» – то, чем он с самого начала оказался не похожим ни на кого другого.

Лучше показать это на простом примере: спокойный или равнодушный человек молча добирается утром на работу. А вот идёт, скажем, на работу Валера и вдруг – скворца услышал... Прилетели! Или голуби в лужах уже купаются... Весна! Через час на редакторском столе короткая, мастерски исполненная, весенняя заметка, которая запросто украсит очередной газетный номер.

Прошло не так много времени – и Немирова стали называть спецом городского репортажа, который, в отличие от других, умеет подмечать удивительное в обыденных вещах. И ещё одна особенность сразу была замечена: во всех его заметках-зарисовках-репортажах – много любви к городу, к землякам!

Скоро у него появляется «свой» читатель, который первым делом в газете ищет Валерины строчки, выходившие поначалу под рубрикой «Городской репортаж».

Вообще-то эта рубрика появилась в газете в 1992-м. И первыми журналистами «Кузнечика», чьи материалы стали размещать под ней, были журналисты Т. Негода, Т. Минеева, Т. Шпилова. Их публикациями было сформировано правило, что именно образ Новокузнецка становится объединяющим началом для разнообразных городских репортажей, посвящённых изменениям в жизни современного города.

Немирову эта газетная линия стала наиболее близка. В свои репортажи он включает элементы очерка и эссе, подмечает, анализирует, критикует и размышляет. Постепенно в его материалах формируются черты особого жанра – городского дневника. И в редакции решили: переименовать рубрику «Городской репортаж» в «Городской дневник». Это случилось в августе 2005-го.

«Городской дневник» Валерий вёл долгие годы, в каждом субботнем номере выдавая на-гора очередную порцию заметок в свойственной только ему художественно-публицистической манере, отражающих авторские впечатления о жизни Новокузнецка за неделю.

«Городской дневник», – отмечал сам автор, – это то личное, что сам пишешь... Понимание многих вещей должно сначала пройти через тебя».

Сегодня исследователи занимаются изучением своеобразия журналистики Валерия Немирова: анализируют его «сочное слово», особенные образы, иронию и сарказм при описании недоработок городских служб и лёгкий юмор в адрес некоторых коллег, явно «перегнувших» или «пересластивших» в своих публикациях рассказ о каком-либо городском явлении.

Яркая образность, компетентность – вот что отличает его публикации 1990-х – 2000-х годов. И его вклад в нескончаемое, живое освещение событий, происходящих в жизни южной столицы Кузбасса, думаю, достоин новых научных постижений. Читателям же, между тем, очень импонирует равнодушие автора, который откровенно делится с ними своими мыслями и чувствами.

«Журналист, – подчёркивает Ирина Алексеевна Пушкарёва в уже названной статье, – пишущий «летопись современности», собиратель новой и актуальной информации – В. Немиров предстаёт перед нами как человек, активно перемещающийся по городу и его окрестностям, всматривающийся и вслушивающийся в то, что происходит».

А другой известный новокузнецкий журналист Ростислав Бардокин уверен, что Валерий «был силен в любом жанре: мог написать зарисовку и статью, был репортёром и эссеистом».

Чтобы понять и почувствовать авторские стиль и манеру, прочтём характерные выдержки из городских заметок Валерия Немирова.

«Весенняя лихорадка. Время короткое и тревожное, как сон алкоголика. И потому почти невыносимое. Струпья грязного снега. Скарлатина плывущей, мерцающей, слепящей отражениями солнца в лужах оттепели. Грипп мокрой жижи под ногами. Словом, какое-то весеннее сумасшествие. Весенний шум. Это у кого-то из классиков. Улица шумит. Едва слышный плеск ручьёв и ручейков забивается шелестом автомобильных шин. Машины азартно въезжают в лужи. Энтузиазм детей, усевшихся за руль. Кабы не сказать, слабоумие. Лужи взрываются грязными брызгами на пешеходов, пытающихся перебраться через дорогу. Но, видно, от этого азарта только прибавляется. Такое, мягко говоря, неуважение к тем, кто «за бортом».

Зато к утру подмораживает. Грязный снег щетинится застругами, он какой-то чешуистый. Ходить невозможно – сплошной лед. Особенно там, где надо перейти с одной стороны дороги на другую. Обочины дорог вообще опасны. Как-то пытался перебраться с одной стороны улицы Павловского на другую. И почувствовал себя альпинистом: пешеходные дорожки заканчиваются высоченными отвесами. Даже

у автобусных остановок...». («Весенняя лихорадка в стадии обострения», «Кузнецкий рабочий», 17 марта 2007).

«...Самое поразительное в прошлые выходные – уйма народу вдоль Кондомы, начиная от технологического моста через реку за агрофабрикой. И даже ближе него. Вид замечательный: стадо автомобилей и людей на фоне индустриального пейзажа – дымящихся труб и так далее. А берег Кондомы в районе Куртукова – вообще нечто: наверное, до сотни (кабы не больше) авто, толпы купающихся.

Пляжных мест в черте города негусто – так что те, кто имеет механическую лошадь, едут за город. А что, правый берег Кондомы напротив Смирновки и впрямь хорош – глубина прямо от берега, вода сравнительно чиста и прохладна. Это тебе не грязные Топольники...». («На фоне индустриального пейзажа», «КР», 14 июля 2007).

«Дождь в нашем городе – вещь полезная. Потому что, едва просохнет, дышать просто невозможно... Вообще это осталось где-то в детской памяти: выходишь утром из дому, город чист, сверкает на утреннем солнце свежеумытым асфальтом и дышится легко. А нынче город производит впечатление полной запущенности...». («Да мы-то только «за», «КР», 24 апреля 2010).

Немиров открыто и решительно говорит на главные для горожан темы – «колющие» по существу – неухоженность, необустроенность города. Читаешь и чувствуешь то же, что и автор, которому удалось исполнить не просто роль журналиста-наблюдателя, но и проявить себя неравнодушным человеком. Ему безразлично то, что отражается на «лице» города. Доступными репортёру средствами он ненавязчиво, но упорно из раза в раз настаивает на улучшении городской жизни.

И везде – сквозь критические строчки или «между» ними – замечаешь увлечённость автора своей малой родиной, её историей, её известными и малоизвестными людьми. Через отдельные зарисовки и хроники, рассказанные В. Немировым, перед читателем предстаёт единый образ Новокузнецка, которым можно и нужно гордиться, но который надо развивать дальше.

В «Городских дневниках» часто встречаются размышления автора и об архитектурном облике Новокузнецка:

«Город вообще представляет из себя в плане строительства и архитектуры нечто похожее на бабушкино одеяло из лоскутков. Давным-давно мы уже говорили, что архитектура Новокузнецка эклектична. На Metallургов, к примеру, можно встретить здания в стилиевой гамме от конструктивизма до советского ампира и так далее. Возьмём город весь – он тоже разношёрстный: кварталы хрущоб и кирпич нового строительства с венецианскими зубцами кремлёвских стен, через дорогу – уже другое. То ли строительство не поспевает за переменами в архитектуре, то ли архитектурное мышление пока отстаёт. Не знаю. Получается такая картинка. Её, к слову, зафиксировала выставка в ДТС, где представлены архитектурные проекты. В основном это проекты торгово-развлекательных центров. Очевидно, у тех, кто их заказывает, есть деньги. А вот достижения в области массового жилищного строительства как-то не особо проявлены. Альтернативы блокам нет?» («Без лоха и жизнь плоха», «КР», 23 сентября 2006).

«В архитектуре мы живём, – говорил в своё время известнейший наш зодчий Евгений Авдеев, – и если музыку можно выключить, то архитектуру, которую иногда называют «музыкой в камне», не выключишь так просто. Железобетонная архитектура рождает железобетонное сознание...». С этим трудно поспорить...». («Великий город с райцентровской судьбой», «КР», 14 июня 2012).

Для городских репортажей Валерия характерна ещё и тема исторической памяти, связи поколений. Одна из значимых для него – тема памятников. Он пишет в «Кузнецком рабочем» 4 марта 2000 года:

«Мы гордо именуем свой город одним из индустриальных центров России. И нам действительно есть чем гордиться. Но вот вопрос: почему так мало на улицах памятников людям труда? Тем, чьи имена мы, вроде, помним, кому город обязан. Строго говоря, памятник один – Егору Дроздецкому».

И буквально через несколько недель:

«На прошедшей неделе мир отпраздновал День памятников и исторических мест. Таковые и в нашем городе с его богатой историей, хоть и не в том количестве, как могло быть, но имеются. Наверное (я надеюсь) вам понятно, какой смысл вкладывается в сожаление «как могло быть» – многое в иные времена утрачено бездарно и неразумно, да и ныне состояние отдельных памятников истории оставляет желать лучшего. И отношение к ним – тоже...». («КР», 22 апреля 2000).

Конечно, такой въедливый и, одновременно, великодушный и искренний журналист, как Немиров, не мог быть «сухарём» на газетной полосе. Его сатира и юмор, ироничное «подкалывание» горожан или коллег по цеху обычно сопровождалось внутренней добротой его натуры, которая никогда не скупилась на заслуженное сердечное слово.

«...Оттолкнусь от фразы, вынесенной в заголовок и вычитанной на одном из рекламных баннеров: «Жизнь сочнее...». Меня так поразила эта фраза, что я и не помню, к чему она относилась. Сочнее может быть – с формальной точки зрения – одно яблоко в сравнении с другим или, скажем, кусок мяса. Но вот жизнь... Чего не

скажешь ради красного словца. «Красного» в его старинном исконном смысле «красивого».

А то, что народ тянется к красивому, сомнений нет. Достаточно вчитаться в названия магазинов, ресторанов и так далее: «Версаль», «Севилья», был даже «Наполеон», но не пережил сибирскую зиму... Список дополните сами. Не вижу в этом ничего дурного. Ну, разве что фантазии маловато, а так – ничего. Думаю, что дело как раз в этом – в тяге к красивому...». («Жизнь» стала «сочнее», или Сделай мне красиво», «КР», 18 октября 2003).

«Завтра же отмечается Всемирный день рок-н-ролла. Есть и такой праздник. Накануне один из читателей газеты вопрошал, почему концерт «Скорпионс», который первоначально собирались провести в Новокузнецке, перенесли в Кемерово?

Впрочем, он, наш читатель, достаточно осведомлён о том, что у нас не нашлось достойной сценической площадки для выступления популярной группы: Дворец спорта кузнецких металлургов не захотел ждать – ремонт, знаете ли, труба зовёт, а цирк, уж простите, вообще мало пригоден для таких дел. Впрочем, и Дворец спорта под это плохо «заточен». Но другого у нас нет: в городе вообще нет приличного специализированного зала для эстрадных выступлений, воспользуюсь термином из прошлого, достаточной вместимости. А уж что на «Скорпионс» пришли бы тысячи людей, сомневаться не приходится...». («Когда о вкусах не спорят, это на руку безвкусице», «КР», 12 апреля 2008).

«На переходе от Бардина к Металлургов играют в напёрстки, гадают на картах, покупают золото. Словом, такой Лас-Вегас привокзального масштаба. Играют задорно и массово, передвигая на картонке ловкими пальцами крышки из-под минеральной воды «Карачинская». Наша попытка сфотографировать этот доморощенный разгул азарта тут же была замечена кем-то из таксистов, стоящих у обочины. Человек будто бы пошёл за пирожками. И напёрсточников словно ветром сдуло. Наверное, шепнул что-то, предупредив: может, работают на один карман.

Любопытно всё это! Нас, оказывается, боятся, а милиции что-то не видно». (Там же).

Даже в грустные зимние, морозные и безветренные дни, когда на улицу не хочется совать носа, потому что там «нечем дышать» от загазованности атмосферы промышленного города, к тому же, дни коротки и серы, и настроение горожан «на нуле», журналист и в таком контексте находит повод для улыбки:

«Знаешь, – сказал он, глядя в окно, – как определить, холодно на улице или нет?».

За окном висела мутная пелена замороженного воздуха.

«Нет, – угадал он направление моих мыслей, – смотри на дорогу: если мороз, дым из выхлопной трубы заворачивается пороссячьим хвостиком».

Вчера, ожидая на остановке простуженный до последней шестерёнки трамвай, я вспомнил этот разговор и принялся наблюдать за проезжающими машинами, точнее, за дымами из выхлопных труб.

И правда – вьются, как пороссячьи хвосты. Даже потеплело на душе». («И дым пороссячьим хвостиком», «КР», 14 февраля 2009).

Или ещё текст В. Немирова, который просто брызжет неподдельным сарказмом из-за слабой работы коллеги-журналиста «Комсомольской правды в Кузбассе», опубликовавшей в своей газете материал после того, как «наскоком» побывала в Новокузнецке:

«После публикации в приложении к «Комсомольской правде» (номер от 26 июня) под шапкой «Мой любимый город» предъюбилейных материалов о Новокузнецке, нужно в срочном порядке объявить, что отныне Марк Твен, Тэффи и прочие аверченки отдыхают, всякие там задорновы должны немедленно застрелиться или уйти в монастырь, а номером один во всей мировой истории юмора (ну, ладно, – Кузбасса) становится автор опубликованных заметок о чудесах Новокузнецка – некая Юлия Г...

Жаль, что мы не в курсе, кто она такая, а то, поцеловав её в светлое чело, пожали бы даме руку, написавшую нечто такое, что парализовало нашу редакцию, по крайней мере, на сутки (давненько, признаться, мы так не смеялись...). («Бред! Но какой вдохновенный!», «КР», 3 июля 2008).

Зато с какой теплотой Валерий представляет горожанам интересных, прославившихся земляков, тех, чьи таланты, судьбы, поступки заслуживают одобрения и уважения!

«Говорят, – иронизирует он, – что если в таком по величине городе, как Новокузнецк, собралось шесть человек, то обязательно окажется, что не меньше чем у двоих из них есть общие знакомые. Эти знакомые могут жить не только в нашем городе, но и в Москве, Анапе или далеко за границей... Нередко такими знакомыми оказываются люди публичные и даже очень известные. У кого-то двоюродный брат популярный артист и ежегодно бывает в гостях, направляясь на отдых в Шерегеш. У другого сосед ходит в депутатах Госдумы и на днях приезжал порыбачить в наших краях. Хотел очень, но не удалось, не подвернулось хорошей рыбалки...». («Невидимая нить», «КР», 8 сентября 2016).

«Николай Белых – один из самых феноменальных людей, живущих в нашем городе в одно время с нами. Читатели «Кузнечика» не раз путешествовали вместе с Николаем: по Западной Европе, от Москвы до Петербурга, в Саяны и на Тянь-Шань, на Байкал.

Он путешествует в седле велосипеда: крутит педали и размышляет об увиденном. Читая его размышления, гадаешь о том, кто он на самом деле: путешественник-спортсмен или философ в седле велосипеда на манер героев Керуака, написавшего культовую для Америки книгу «В дороге».

Я не знаю ответ на свой собственный вопрос. Да, наверное, это и не важно – суета сует. Николай об этом не думает: для него это просто образ жизни. Завидный образ. Впрочем, вперёд – в дорогу, теперь на Кавказ...». («Человек – альпинист, только с великом», «КР», 20 октября 2011).

«Ростислава Бардокина особо представлять не надо: известный журналист, депутат горсовета. Я уже говорил как-то в связи с выходом его предыдущих двух книг, одна из которых – «Кузнецкий арсенал» – о памятниках военной техники, стоящих на

улицах города, вообще уникальна в своём роде, – что у журналиста остаётся много чего в запасниках, что не выходит в печать или в эфир, требует осмысления.

...Когда-то я писал как раз в связи с выходом книг Ростислава о том, что журналист, вроде, и не журналист, если не выпустит – не выпишется – книгу. Это как знак зрелости, профессиональной состоятельности. Я внимательно прочитал его новую книгу (жаль, что в рукописи, – книга штука дорогостоящая, она ждёт своего спонсора). Ростислав собрал под её обложкой заметки об Алжире, Сербии, о поездке на атомную подводную лодку «Кузбасс» и другие отчёты о путешествиях по миру... Слог у него замечательный – так что читать будет интересно». («Похожие и непохожие», «КК», 24 марта 2011).

В общем, тексты Валерия Анатольевича отличаются доверительным, неповторимым стилем, создающим особую атмосферу публикаций, отмечает постоянный «немировский» читатель. Его манеру трудно спутать с чьей-либо другой. Поэтому его материалы узнают, даже несмотря на то, что он пытается скрыться за всё новыми своими псевдонимами: Аида Любимова, Григорий Саббакин, Иван Бодхисаттва, Семён Буквоедов...

Рассказывают, что «штат» его псевдонимов часто бывал предметом редакционных шуток: мол, Валера, передай своему знакомому Бодхисаттве, чтоб впредь в своих заметках повнимательней был...

Имя В. Немирова, подчёркивают почитатели его творчества, обладает особой значимостью в истории новокузнецких городских репортажей и городских дневников (с точки зрения и количества, и качества созданных им текстов). Во многом благодаря творческим исканиям Валерия в 2000-х годах городской репортаж стал особым жанром для «Кузнецкого рабочего».

– Без преувеличения, читателей восхищал его своеобразный слог, особое внимание к деталям, многогранность тем и интересов, – говорит Нэлли Викторовна Орлова. – Это всегда были любопытные материалы о Новокузнецке и новокузнецанах, их достижениях и неудачах. В каждой публикации чувствовалось неравнодушие автора, он жил вместе со своими героями.

Ещё один филолог, кандидат педагогических наук, бывший преподаватель НГПИ Анатолий Семёнович Сазыкин отмечает:

«Тематика его газетных материалов – разнообразнейшая. Он пишет о... культурной жизни города, о событиях и проблемах городской общественной жизни, очерки об известных горожанах и репортажи о жизни значимых городских предприятий и организаций, об интересных событиях молодёжной жизни, ведёт рубрики «Хронографомания» и «В этот день родились», краткие обзоры известнейших кинофильмов и боксёрских поединков...

Под каким бы псевдонимом ни печатался его материал, читатель узнаёт его по стилю: он пишет по-газетному сжато, но чаще всего с хорошим знанием темы, никогда не бесстрастно, а как-то очень лично, увлечённо и интересно. Многие его материалы считаю просто маленькими шедеврами. И ещё... Нельзя не сказать о нравственной стороне его собственных текстов и о тональности абсолютного

большинства публикуемых материалов. По роду своей деятельности он, конечно, знает о закулисной стороне работы властных структур и города, и области, и страны больше, чем обычный обыватель. И не впадает в критицизм, сводящийся у других чаще всего к высокомерному презрению к «этой стране», «этому городу» или просто к манерному глумлению на больные темы. Пишет он и с горечью, но и с любовью к городу и горожанам. В этом тоже одна из причин успеха газеты».

Однако подошло время, и в редакции подросли те, кого можно назвать учениками Немирова, готовыми подхватить его эстафету. И, начиная с 2011 года, материалы в «Городской дневник» начинают писать другие журналисты: В. Глебова, Д. Черский, Е. Веселова. У каждого из них – свой подход, своя манера изложения. Нередко в заметках новых авторов сохраняется лишь прежняя форма, выработанная В. Немировым: несколько «дневниковых» фрагментов в субботнем номере – в стиле хроники или заметки, – разделённых знаком «звёздочки».

И замечательно, что редакция не видит в этом ничего плохого, пытается как-то «освежить», переиначить, обновить многолетнюю рубрику. Нет в этом никакой трагедии и для самого Немирова. Он даже рад этим переменам. Тем более, что он нашёл новый «поворот»: начал писать материалы под рубрикой «Прогулки по городу».

Не мог расстаться с этой темой, потому что его заметки всегда были не только о лице города, но и о его душе, постижение которой основано на культурной памяти...

Другая ипостась, в которой во всю мощь проявился организаторский талант Валерия Немирова, – должность ответственного секретаря редакции «Кузнецкого рабочего».

Снова повторюсь: кто работал, знает, ответсек – одна из самых сложных редакционных ступенек, порой, бывает поважнее редакторской. Немиров поднялся на эту ступень не сразу. Сначала расторопного репортёра стали привлекать к работе в секретариате газеты в качестве дежурного сотрудника. При этом отмечали, что Валерий каким-то непостижимым образом успевает всё: и писать, и за текущим номером «Кузнечика» присматривать.

Безусловно, он и раньше был знаком с этой газетной профессией: и в «Металлурге», и в «Сельской правде» приходилось видеть, как собираются материалы в очередной номер, иметь представление о том, как верстаются газетные полосы. В «Кузнецком рабочем» он уже досконально освоил тонкости этого, без сомнения, искусства.

Кстати сказать, не только в этом заключается работа ответсека. Понятно, что газету делает целый коллектив сотрудников во главе с главным редактором. Но «сложить», скомпоновать очередной номер вовсе не так нелегко, как это может показаться со стороны.

Каждый сотрудник сдаёт в секретариат свой материал, отражающий линию того отдела редакции, к которому прикреплён, – экономическую, культурную, спортивную, общественную и другие из повседневной жизни города. Кроме

материалов от штатных сотрудников редакция ежедневно получает письма, идут звонки от десятков людей со своими проблемами, требующими немедленного отклика. Прибавьте сюда фотокоров, внештатных авторов – рабкоров, поэтов, писателей и так далее, желающих непременно напечататься в городской газете.

Редактору некогда разгребать всю эту текучку, он занят экономикой и хозяйственными делами редакции, часто просиживает на разных заседаниях, проводит летучки, планёрки. Поэтому вся «текучка стекается» к ответственному секретарю – редакционному диспетчеру. И Валерий, словно газетный дирижёр-кудесник, в ежедневном режиме научился мастерски распределять всю эту «кучу»: когда и что печатать, чтобы газета вышла интересной, чтобы всего в номере было в меру.

При этом, – оценивает А. С. Сазыкин, – умел работать с авторами, хотя, известно же, как те чувствительны ко всяким замечаниям к своим материалам:

«Знаю большинство сотрудников редакции «Кузнецкого рабочего» – выпускников нашего когда-то факультета русского языка и литературы, как людей одарённых и хорошо образованных, самостоятельно мыслящих. В общении с ними нужен не авторитет должности, а авторитет специалиста, хорошо пишущего, талантливого и опытного журналиста.

Таким и являлся ответсекретарь Валерий Немиров, обладатель премии областного конкурса журналистов «Золотое перо», постоянный руководитель школы молодых журналистов, чьи выпускники работают в городских СМИ и разъехались по России, наконец, сам очень много и успешно пишущий для газеты. Поэтому, крепко повезло газете с таким тружеником и фанатом, как Валерий Анатольевич». Что и говорить, «Кузнецкий рабочий» всегда выбивался из сонма газетных СМИ региона, отличался

– подчеркну ещё раз – своей независимостью, смелостью в освещении острых проблем, даже задиристостью. Всё это усложняет газете жизнь, но, с другой стороны, придаёт особой значимости и авторитета признанным газетным мастерам – бывшим и действующим – таким, как В. Речицкий, М. Гревнёв, А. Ходос, Л. Ковякина, С. Бабилов, Т. Тюрина, А. Лиханова, О. Осипова, Б. Кобзарь. И заслуга ответсекретаря в авторитетности издания – наипервейшая.

При этом – надо было никого не обидеть резким выражением, недооценкой, призывать коллег к взаимопониманию и сотрудничеству. Проще говоря, – примирять и организовывать журналистскую братию.

– Профессиональное мастерство у Валеры всегда сочеталось с его лучшими человеческими качествами – добротой, отзывчивостью, скромностью и глубокой порядочностью, – подмечает Н. В. Орлова.

Иногда складывалось такое впечатление, вспоминают в редакции, что Валерий целый день общался то с одним, то с другим. Тем не менее, в суматохе мнений и событий он всегда помнил: газета должна регулярно выходить и привлекать к себе внимание читателей, быть на высоте.

Частенько соберётся Валерий на обед – кто-нибудь тут же в коридоре его выловит. Закроется в кабинете, чтобы что-то съесть – будут в дверь тарабанить, по телефону звонить...

Но к вечеру новый выпуск регулярно сдавался в печать. А Немиров успевал ещё искать некие новации, оформительские элементы, приводить в порядок архивы, элементарно разгребать кучи бумаг на своём столе, которые собирались за день...

Иногда надо было бы наиболее активных просто выставлять за дверь. Но он – добрый человек – делать этого не умел и принимался терпеливо объяснять, что «впихнуть» в газету то, что в неё не помещается, просто невозможно. Или незлобиво втолковывал, что материал надо бы слегка доработать, добавить то-то, а вот то-то, наоборот, сжать, что статья от этого только выиграет...

Ответсек Немиров не просто оценивал тексты, он сразу представлял их во взаимосвязи с общим содержанием очередного выпуска, с иллюстрациями, разными рубриками: как всё будет смотреться, насколько привлекательно, интересно, нет ли повторов в темах, жанрах... Словом, перед ним всегда стояла задача со многими вариантами решения, из которых надо было выбрать наиболее эффективный...

Ещё одной «фишкой» журналиста и человека Валерия Немирова был спорт: он любил о нём писать, а некоторыми видами увлечённо занимался и сам.

Действительно, практические занятия всегда помогают лучше разбираться в спортивной психологии, отчего и материалы на эту тему становятся более интересными для читателей. К сожалению, не удалось обнаружить фактов, что Валерий занимался боксом. Вместе с тем, о боксёрских поединках он писал с особым удовольствием, чем радовал любителей мужских поединков.

Вот что об этом сказала корреспондент «Кузнецкого рабочего» Татьяна Тюрина в публикации «Как Немиров не дал автограф»:

«К спорту у меня отношение сложное. Особенно не люблю бокс, потому что бьют друг друга по лицу. Но у этого вида спорта болельщиков не меньше, чем у футбола. ...Хочу сказать о двух хороших знакомых мне любителях бокса.

Виктор Иванович Тишков многие годы был директором Новокузнецкого цирка. Он его строил, его первая должность была – главный инженер по строительству... «Кузнецкий рабочий» он аккуратно выписывал, читал, особенно про цирковые программы, а отчёты Валерия Немирова о боксе ещё и вырезал, складывал в стопочку...

Второй любитель бокса и тоже читатель нашей газеты – Ильдар Саубанов. Уже давно он живёт в Москве. Окончил Гнесинское училище... Лауреат конкурса имени П. И. Чайковского (юношеского), лауреат нескольких международных конкурсов... Его мать четырёхлетним привела в музыкальную школу. Фортепиано так полюбил, что просил родителей переименовать его во Фредерика. Шопен стал любимым композитором.

Как у всех мальчиков, у Ильдара была и остаётся особая привязанность к отцу. Тот смотрел по телевизору бокс, не пропуская состязаний. Сын садился рядом и, конечно, тоже увлёкся. Самому хотелось на ринг...

...Ильдар регулярно приезжает в родной город. Не однажды он был и в нашей редакции. Как-то я повела его по длинному коридору к Михаилу Гревнёву, как самому культурно-образованному человеку нашей конторы... Михаил встал, пожал руку Ильдару, как большому, как уже взрослому парню. А в Ильдаре уже было 1 метр 87 сантиметров. В общем, мы тут же ушли. Я и не собиралась его вести к Немирову, но его кабинет напротив кабинета Гревнёва.

– Это тот Немиров, что пишет о боксе? – прочитав табличку на двери, удивлённо спросил мой гость.

– Да, – говорю, – могу познакомить.

А у Немирова во весь экран компьютера два обнявшихся человека – он сам и Костя Цзю. Нечаянная встреча с обозревателем бокса для Ильдара стала праздником. Они говорили, наверное, полчаса, и говорили бы больше, словно дорвались друг до друга. Называли какие-то имена, обсуждали какие-то эпизоды боёв известных боксеров.

Тут к нам подошёл Александр Тебякин...

– Попроси автограф у Валерия Анатольевича, – подсказал своему бывшему ученику Александр Викторович. К этому предложению Ильдар отнёсся с видимым удовольствием.

– Да, – говорит, – дайте мне, пожалуйста, свой автограф.

– Да ты что?! – опешил Немиров. – Это я у тебя буду просить автограф через несколько лет!

И не дал Валера никакого автографа любителю бокса и его отчётов о спортивных состязаниях. И в самом деле, журналистика – ремесло скромных людей. Скромных по определению. Но мне стало интересно, что такое Валера пишет про этот бокс, что неглупые люди с пристрастием читают. Почитала. Не сказать, что прониклась, надо всё-таки понимать этот спорт. Но много лет помню начало Валериной

зарисовки в начатой им рубрике «Городской дневник»: «Вышел из дома, потянул носом. Весна». Нет, он импрессионист! А импрессионизм – мой любимый вид живописи». («КР», 30 апреля 2019).

Добавлю, что Валерий Анатольевич не раз признавался лучшим спортивным журналистом года. Однако немногим известен любопытный факт, что 14 июля 1986 года на кемеровском стадионе «Химик» состоялся необычный матч. На поле встретились артисты Московского театра имени Ленинского комсомола («Ленком») и сборная журналистов Кузбасса («Гонорар-82»). Среди москвичей были «звёзды» театра и кино: Евгений Леонов, Александр Абдулов, Олег Янковский, Николай Караченцов и другие. Корреспондент Немиров представлял в матче журналистов Новокузнецка.

Да, в футбол, о котором Немиров тоже писал интересно и с особым удовольствием, он любил играть и сам. Об этом с особым воодушевлением вспоминал ветеран областной журналистики Олег Курочкин, который тоже не раз получал звание лучшего спортивного репортёра года:

– Валерий Немиров и Сергей Чугурян из Новокузнецка, – рассказывает о коллегах по футбольной команде кузбасских журналистов «Гонорар-82» Олег Дмитриевич, – появились в нашем составе в 1984 году. Тогда в Кемерове впервые проводилась Спартакиада журналистов Сибири. Работая в одном издании – газете «Кузнецкий рабочий», они разительно отличались друг от друга: всегда с неизменной трубкой, словоохотливый Чугурян и не очень общительный, скромняга Немиров. Он, по моему, даже не курил.

По складу характера мы были ближе с Валерием. Объединяло нас и общее амплуа. Мы оба были нападающими – невысокими, скоростными, игравшими на флангах. При этом Валера, будучи потехничней, забивал чаще. Помню два его гола в ворота команды Кургана – участницы первой Спартакиады журналистов Сибири, непонятно, каким ветром занесённой в Сибирь.

А вот в знаменитом кемеровском матче с «Ленкомом» в 1986 году мы с Валерой отличились оба. Я забил первый мяч, Немиров вывел нашу команду «Гонорар-82» вперёд, но Александр Абдулов сделал счёт ничейным.

«Абдулов и в Новокузнецке свой гол забил – Сергей Чугурян, не раз спасавший «гонораровские» ворота, на сей раз ничего поделывать не смог, – подтверждает в одной из публикаций Михаил Гревнёв. Сам Михаил Михайлович тогда играл в защите и винил себя за упущенный рывок народного артиста к воротам «Гонорара». – Коллеги, в том числе наш тренер незабвенный Саша Гольцев, эту оплошность мне простили («Он же чуть не на голову тебя выше, длинноногий...»), и за игру я получил «четвёрку», правда, с минусом. «Пятёрки» из новокузнецчан заслужили Сергей Чугурян, Саша Баранов, Валера Немиров. Матч в Новокузнецке, как и в Кемерове, закончился вничью».

– Когда в 1990 году завершились футбольные коллизии, мы продолжили с Валерием сотрудничество, – возвращается к своему рассказу Олег Курочкин. – Особенно здорово он мне помогал, когда я редактировал «Спортивную газету Кузбасса». Его материалы по спортивной тематике отличались мастерством, глубоким знанием дел, о которых он талантливо писал. Особенно это, на мой взгляд, касалось хоккея – его Немиров знал досконально. Как, впрочем, и другие, менее популярные, виды спорта. Но спортом номер один для одарённого Валерия Немирова всегда оставался футбол.

Увлечений у Валерия Анатольевича имелось ещё немало. Он любил брать в руки фотоаппарат. Его снимки, по мнению профессиональных «фотосъёмщиков», всегда были своеобразны по ракурсу и хорошего качества. К своим публикациям он сам нередко делал фотографии.

Выкраивал время и для того, чтобы провести занятия в школе у тех, кто собирался стать журналистом, поделиться знаниями, профессиональными секретами. Большинство журфаковских студентов из разных вузов, которые во время летней практики так или иначе попадали в «Кузнецкий рабочий», «прикрепляли» к нему – лучше Валерия Анатольевича с ними никто не мог управиться.

Он регулярно участвовал в заседаниях новокузнецкого литературного объединения «Гренада» – одного из самых активных творческих объединений Союза писателей России на юге Кузбасса. Путёвку в профессиональную литературную жизнь здесь получили известные сибирские поэты и прозаики Валерий Зубарев, Александр Родионов, Александр Раевский, Любовь Никонова, Борис Рахманов, Николай Николаевский.

Занятия «Гренады» проводятся в новокузнецком в Доме творческих союзов, проходят в форме творческих семинаров с элементами литературной учёбы, уроками литературного мастерства. Слово Валерия Анатольевича здесь всегда имело немалое значение. Его разборы поэтических и прозаических текстов местных авторов: писателя-фантаста Константина Шабалдина, поэта Дмитрия Хоботнева, прозаика Владимира Мазаева и других, – неизменно были добротной литературной критикой.

А с его серьёзной публицистикой можно познакомиться в коллективном сборнике участников литобъединения «Гренада» «Допеть до конца» (Томск, 2011), где напечатан его исторический очерк об идеологе сибирского областничества Григории Потанине, которому инкриминировали «Дело об отделении Сибири от России и образовании республики подобно Соединённым Штатам».

Поклонники Немировского таланта считают, если бы не любимая журналистика, он мог бы стать хорошим писателем и даже пробовал этим заниматься: сочинял, например, короткие, рассказы. А преподаватели НГПИ прочили его в исследователи литературы, литературоведы. Из него получился бы и хороший педагог... Что ж, перефразируем мысль писателя Лиона Фейхтвангера: талантливый журналист – талантлив во всём!

Нередко Немирова можно было встретить и в залах Центральной городской библиотеки имени Н. В. Гоголя, почётным читателем которой он являлся с 2007 года. «С библиотекой его связывала давняя и самая сердечная дружба и совместная работа по пропаганде книги, – рассказывает Татьяна Николаевна Киреева, главный библиограф отдела краеведения этого учреждения. – Валерий Анатольевич поддерживал публикациями все интересные начинания нашего коллектива».

Библиотекарям импонировало, что журналист Немиров не мыслил свою жизнь без книг. О литературном таланте и личности Валерия Анатольевича можно составить представление из его страницы в сборнике «Средь книжных миров. Книга почётных читателей», изданном «Гоголевкой» в 2010 году. В анкете о любимых книгах для этого сборника он записал:

«...Предпочитаю приключения ума. А их чаще всего дают книги. Очень любимый мной Валентин Катаев (он должен был стоять в «десятке») сказал однажды, что человек должен иметь книг пятьсот – самых лучших. И постоянно их перечитывать. Но как узнать, какие лучшие? Для этого надо читать, читать, читать. Это единственная рекомендация, которую я могу дать».

Необычным книжным увлечениям Немирова удивлялся его коллега по «Кузнецкому рабочему» Борис Кобзарь:

«Зная Валерия Немирова... уже три десятка лет, так и не могу уследить за его книжными пристрастиями. Палитра нынешнего чтения самая что ни на есть полярная. Это Роджер Осборн «Цивилизация»; Рышард Капуцинский «Император Шахиншах». (Польский журналист рассказывает про крушение иранской империи Реза Пехлеви и абиссинской Хайле Силассие. Крушение излагается устами самих жителей Ирана и Эфиопии); Трумен Капоте «Музыка для хамелеонов»; Терри Биссон «Старьёвщик». Думаю, что когда-нибудь он сам прокомментирует свои пристрастия». («Есть, молиться, любить...». «КР», 25 сентября 2010).

Однажды в отделе краеведения «Гоголевки» провели блиц-опрос о том, за что здесь ценят и уважают Валерия Анатольевича. Из ответов выяснилось, что «в общении главный журналист города очень открыт, доброжелателен, легко идёт на контакт, востребован на любых мероприятиях библиотеки».

«Хочется подчеркнуть, что Валерий Анатольевич понимал важность работы библиотекарей, библиографов по сохранению «памяти» города, кропотливой

работе по отражению в каталогах наиболее полной информации о Новокузнецке, – добавляет Т. Н. Киреева. – Во многом благодаря ему библиотека сохраняет электронный архив газеты «Кузнецкий рабочий», без которого мы не смогли бы качественно и оперативно выполнять краеведческие запросы».

Журналистика и писательская стезя – в чём-то схожи. Но когда хочется прочесть хорошую прозу писателя, то всегда можно взять книгу или прочесть её в интернете. А как быть с публикациями любимого журналиста?

«Ранее кем-то высказывалось пожелание, чтобы Валерий Анатольевич составил сборник своих публикаций, – припоминает Т. Н. Киреева. – Но идея оказалась фантастической и практически невыполнимой, так как в каталогах «Гоголевки» мы насчитали около тысячи публикаций под его фамилией, это не считая псевдонимов. Сборник превратился бы в несколько десятков томов.

А жаль, хотелось бы иметь в библиотеке полноценную книгу его эссе, рассказов, автобиографических материалов...».

На вечере в честь 65-летия Валерия Немирова, который проходил 24 апреля 2019 года в Доме творческих союзов, собралось много гостей – журналистов, работников культуры и искусства, педагогов, литераторов, родных и близких. Юбиляра тепло приветствовали, поздравляли, говорили пожелания. Так, Михаил Михайлович Гревнёв, обозреватель газеты «Кузнецкий рабочий», отметил:

«Писать быстро и хорошо – редкое в нашей профессии умение. В этом умении не то что в Новокузнецке – во всём Кузбассе с ним мало кто может сравниться. Лучшие его материалы – это настоящая литература. Дай Бог, чтобы таким стилем и словописью владели и иные известные сочинители...».

Бывший заведующим отдела фотоиллюстрации газеты «Кузнецкий рабочий», ветеран редакции Валентин Николаевич Волченков: «У него редкое в нашей профессии искусство – писать живо и качественно. Но вот, помню, работал он над очерком на пятилетие аварии на шахте «Зыряновская», унёсшей жизни нескольких десятков горняков. И куда немировская скоропись делась – материал был готов только через неделю. Не мог быстрее, объяснял Валера, боялся испортить... такая трагедия... Сильный вышел очерк. Столько лет прошло, а я ту публикацию помню...».

Новокузнецкая журналистка и поэтесса Людмила Буймова выразилась стихами:

«С ним знаться – приятно.

Общаться – полезно.

Беседу составить –

Весьма интересно!

Его интеллект

Не имеет пределов.

Он честный и умный,

И добрый, и смелый.

Он всем помогает

В делах перспективных.

Такой вот надёжный,

Подвижный, мобильный!»

Валерия Анатольевича не однажды признавали лучшим в журналистских конкурсах профессионального мастерства регионального, сибирского масштаба. Но больше всего он ценил награды от новокузнецчан. Поэтому выделим именно эти профессиональные «трофеи» последних лет, которыми был отмечен его талант.

По результатам городского конкурса Премия общественного признания «Журналист года» (по итогам 2015 года) в специальной номинации «За пропаганду книг и чтения в Год литературы» лучшим признан В. А. Немиров, журналист, ответственный секретарь газеты «Кузнецкий рабочий».

По традиции абсолютного победителя этого конкурса в номинации «Признание коллег» определяли простым голосованием журналистов в зале. Победу здесь партнёры и соратники тоже отдали Валерию Анатольевичу. У новокузнецчан считается, что именно эта награда даёт журналисту возможность почувствовать, что тебя уважают и на тебя равняются самые придирчивые читатели – коллеги.

В ходе городского конкурса журналистов имени А. Н. Сосимовича (по итогам 2016 года) почётного знака «Мастер» – за вклад в развитие новокузнецкой журналистики – удостоен Валерий Немиров. Его имя – имя победителя – прозвучало и в номинации «За верность профессии и высокое мастерство».

В 2017 году в рамках профессионального конкурса имени А. Н. Сосимовича Валерий Немиров стал первым обладателем новой премии «За преданность профессии, высокое мастерство и вклад в развитие журналистики Кемеровской области», учреждённой Сибирской генерирующей компанией.

В том же году он удостоен почётного знака «Мастер» – за вклад в журналистику Новокузнецка.

Талантливого журналиста награждали и серебряными медалями Кузбасса. В феврале 2020 года Немирова отметили юбилейным знаком Совета народных депутатов Кемеровской области «25 лет законодательной власти Кемеровской области».

– Даже не берусь подсчитывать, сколько у него всего различных наград – дипломов, грамот, всевозможных побед в профессиональных конкурсах, – призналась председатель Новокузнецкого городского отделения Союза журналистов России Надежда Бейльман. – Их очень много! И все – за высокую журналистику, которой он преданно служил. Наше отраслевое сообщество заслуженно присвоило ему почётное звание «Мастер», у него есть ученики. Валерий был «своим писателем» у художников, архитекторов, работников библиотечного дела, фотографов, его хорошо знали спортсмены Новокузнецка. Одним словом – профессионал!

Валерий Анатольевич Немиров ушёл от нас 7 октября 2023 года. Но его творчество, его любовь к городу, в котором он прожил яркую жизнь, остались с нами.

«Когда-то Валера сказал: «Нас не учили писать некрологи», – сообщила газета «Кузнецкий рабочий» в горестной заметке 10 октября 2023 года. – Написать о нём очень трудно: хочется вспомнить все рассказанные им смешные истории, его любовь к животным (как же он сердился на Мулю, которую сам притащил на «ПМЖ» в редакцию, а потом она бегала за ним по пятам!), его отеческую заботу о практикантах, приходивших учиться премудростям профессии и обязательно попадавших под его крыло, его тексты, написанные таким неразборчивым почерком, что он и сам иногда не мог их прочесть... Но разве вспомнишь всё лучшее, яркое, особенное?!

У него было множество друзей. И посетители часто сидели на диване в его кабинете большими компаниями, и телефон разрывался часами, так что вся срочная работа летела кувырком.

Вокруг Валеры всегда вертелась жизнь. Но даже в хаосе повседневности он умудрялся формулировать свои мысли на бумаге так легко и точно, как могут настоящие профессионалы».

...Не хочется на грустной ноте заканчивать очерк о талантливом человеке, большом журналисте, настоящем интеллектуале. Поэтому в заключение приведу ещё одну историю от Михаила Михайловича Гревнёва:

«Мы с ним дружили пятьдесят лет, – улыбается рассказчик. – Валера был настоящим интеллектуалом высокого полёта. Сейчас об этом как-то не вспоминают. А я часто видел, что он тратит непомерные деньги на покупку большого количества книг. И это были издания высокого уровня, очень «умные» книги. Он их читал и, мало того, он их усваивал, понимал, многие вещи, вычитанные в них, мог свободно пересказать, растолковать. Нередко я обращался к нему за разъяснением: что означает, к примеру, постмодернизм или нечто подобное, – лень было рыться в словарях. И он всё объяснял своими словами, просто и доходчиво.

Мы вели интеллектуальные разговоры, в которых, в основном, солировал Валера. Могли часами говорить, например, про современного и популярного в Европе

культуролога и социального философа из Словении Славоя Жижека. Я о нём ничего не знал, а Валера, оказывается, прочёл несколько его книг, интересно и подробно про него рассказывал.

В «Кузнецком рабочем» в одном кабинете с Немировым сидела корреспондент Маргарита Стахович. Я, бывало, зайду к нему, мы начнём беседу или даже спор затеем, час говорим, два, Рита слушает-слушает, потом встанет и скажет: «Ребята, вы, конечно, не идиоты... Но, вы – полные идиоты! Как можно о каком-то Жижеке и прочей ерунде разговаривать два часа кряду?!»

В одной из своих заметок, посвящённых памяти легендарного первого секретаря Новокузнецкого горкома партии (потом и Кемеровского обкома партии) Николая Спиридоновича Ермакова, Валера процитировал его выражение: «Каждый из наших поступков – это память. Если нас помянут добрым словом, – значит, мы жили не зря»...

г. Кемерово,
октябрь 2023 г.

Валерий Никифоров: «У фотографа вместо кисти – луч света»

Всем, кто не знал бессменного директора московского «Фотоцентра» на Гоголевском бульваре, 8, Валерия Ивановича Никифорова, считай, не повезло.

В его «фотоцарстве» всегда толклись люди: посетители очередной фотовыставки, многочисленные друзья и знакомые, военные и гражданские, – к нему тянулись потому, что человеком он был неординарным, и собеседника разговорить умел, и сам мог интересно рассказать любую из многочисленных историй своей насыщенной событиями жизни, и выслушать, если надо, и угостить...

В не очень «видном» снаружи двухэтажном здании у станции метро «Кропоткинская» – то ли дело кафедральный собор Русской православной церкви – Храм Христа Спасителя, громадина которого высится недалеко – было где

получить отдохновение страждущей душе творческого человека, насладиться мастерством фотохудожников на очередной выставке.

Благо выставок здесь ежегодно проходило немало. Залы фотоцентра не простаивали. Ежегодно Никифоров организовывал и проводил десятки самых различных мероприятий. Площадей у «Фотоцентра» не сказать, что бесконечное количество, но развернуться есть где: основной выставочный зал – 200 квадратных метров, галерея на втором этаже – 90 квадратов.

«Полезную и нужную работу во благо развития отечественного фотоискусства, особенно российской фотожурналистики последовательно ведёт «Фотоцентр», – писали коллеги. – Это место на Гоголевском, кажется, известно каждому поклоннику фотографии. Будто он всегда существовал здесь в историческом центре Москвы, неподалеку от Кремля, рядом с Храмом Христа Спасителя. Хотя он начал свою деятельность в 1984 году».

И мнения посетителей и ценителей фотографии звучали в унисон профессиональным суждениям. Приведу лишь несколько записей:

«Хорошее место для начинающего фотографа, можно много чего посмотреть»; «Был на открытии интересной фотовыставки «Природоведение». Очень понравилось, интересные снимки примерно из десяти регионов, в том числе с моей любимой Камчатки»; «Много раз ходил на выставки, видел там интересных людей, общался с фотографами»; «Это место, где до сих пор живёт настоящая фотография...».

Или – мнение российского фотожурналиста, издателя, автора и руководителя культурного проекта «РУСС ПРЕСС ФОТО» Василия Прудникова:

«Фотоцентр» был настоящим домом для многих фотографов. Вот и мне Валерий Иванович дал возможность разбить там свою палатку. За что низкий поклон ему! Ведь все первые проекты РУСС ПРЕСС ФОТО зародились там. Его «Фотоцентр» хоть и ориентирован был на фотожурналистику, принимал всех: была и художественная фотография, был и арт, и юмор. Он был очень азартным в этом деле... С одной стороны, сух на комплименты, но в тоже время делал часто широкие жесты».

И всё это – заслуга неутомимого Валерия Ивановича. Свою основную задачу он видел в популяризации лучших образцов фототворчества. Подсчитано, что благодаря ему за всю историю учреждения в «Фотоцентре» прошло более 700 различных фотовыставок, в которых приняли участие сотни российских и зарубежных авторов. Центр регулярно организовывал и выездные выставки в стране и за её пределами. Так, за последние годы они были проведены в Ульяновске и Бельгии, Коломне, Германии и Вьетнаме, Кемерово и Танзании, Санкт-Петербурге, Австрии и Шри-Ланке, Великом Новгороде, Люксембурге, Дании.

Большинство фотокорреспондентов известных информагентств, крупнейших газет и журналов, издательств и разного рода фотосообществ в том или ином виде представляли своё творчество в «Фотоцентре». Многие мастера фотографии благодаря Никифорову взяли старт на Гоголевском.

Чего только он тут не проводил: и семинары-практикумы, и мастер-классы, и презентации фототехники и оборудования. У всей этой учебно-методической

работы цель была одна – помочь фотографам в повышении профессионального мастерства, в освоении новейших технологий...

Выполнял «Фотоцентр» и издательские проекты. Среди них, в частности, были созданы фотоальбомы высокого класса «Президент», посвящённые нынешнему Президенту России Владимиру Владимировичу Путину (2012) и Дмитрию Анатольевичу Медведеву в бытность его Президентом РФ (2011). Подаренные Валерием Никифоровым, эти книги хранились в моей домашней библиотеке.

В «Фотоцентре» был собран огромный архив с материалами по русской и советской фотографии, с уникальной фотоколлекцией о Великой Отечественной войне.

«Фотоцентр» по праву называли Домом фотографа – по аналогии с другими творческими Домами, такими, например, как Дом писателя, Дом актёра. Здесь на очередном фотовернисаже встречались коллеги и друзья, получали консультацию, совет и поддержку, спорили о творчестве, просто общались за бокалом вина...

Я познакомился с Валерием Ивановичем в мае 2003 года. Если точнее, это случилось 16 мая. В этот день я в качестве делегата от кузбасской областной организации Союза журналистов участвовал в VII съезде журналистов России, который проходил в Москве.

В величественном мраморном дворце Академии госслужбы при Президенте РФ, что на юго-западе столицы, собрались более 600 журналистов со всех регионов страны. В президиуме сидели председатель Государственной Думы Геннадий Селезнёв (бывший главный редактор «Комсомольской правды»), председатель Союза журналистов России Всеволод Богданов и другие ответственные лица.

Выступающие: хорошо известные в журналистском сообществе, Владимир Познер, Олег Попцов, Ян Засурский, – с болью и тревогой говорили с трибуны съезда о наводнении ТВ чернухой, боевиками, мерзкими сюжетами порнографического содержания, критиковали пропаганду в СМИ тюремного жаргона, бандитского сленга, стремление прессы опуститься на «дно» жизни. Размышляли о том, что доверие общества к СМИ стремительно падает.

«Если журналисты не хотят, чтобы общество, протестуя против засилья в СМИ низкопробных и заказных материалов, призывало власть ограничить свободу массовой информации и восстановить цензуру, то журналистское сообщество само должно оградить граждан от злоупотреблений свободой СМИ», – звучало на съезде. Выступающие требовали, чтобы Союз журналистов одновременно защищал интересы журналистов и саму журналистику от проникновения в неё инородных информационных «тел», формировал культуру честной и свободной журналистики, поддерживал независимость и плюрализм СМИ...

Я подробно конспектировал выступающих. Даже когда объявили перерыв, продолжал по памяти писать в блокноте основные тезисы из речи Геннадия Селезнёва, который призывал журналистское сообщество «к более широкому осуществлению одной из важнейших общественных функций прессы – предоставлять нашим согражданам полноценную и объективную информацию обо всём, что происходит в России и во внешнем мире...».

– Оставь, – прервал меня один из членов нашей кемеровской делегации, редактор газеты «Кузбасс», председатель областной организации Союза журналистов Валерий Гужвенко. – Пойдём, покурим.

– Я же не курю, – хотел отмахнуться.

– Познакомлю с интересным мужиком, – не отставал Валерий Михайлович. – Не пожалеешь. Москвич, но всех наших кузбассовцев хорошо знает. И Бурима, и Майдарова, и Трутнева, и других...

Перерыв был длинным. Погода в этот майский день была по-летнему тёплая. Гужвенко и Никифоров (а это и был мой новый знакомый) выкурили в этом антракте не по одной сигарете. Уже через несколько минут общения мы с Валерием Ивановичем говорили обо всём так свободно, будто были знакомы не один год.

Высокий, худощавый, в строгом пиджаке, который был ему явно к лицу, сидел на нём, как «влитой», как военная форма на настоящем щеголеватом, суровом внешне, но ироничном внутренне, полковнике. (Позднее я понял: не зря друзья в шутку называют его «человеком в пиджаке»). Он умел быстро произвести на собеседника хорошее впечатление. Общаться с ним было интересно.

Друг Гужвенко оказался родом из Кемерова. Это сделало наш первый разговор таким насыщенным и бесконечным, что мы решили его продолжить в более благоприятной обстановке. Валерий Иванович пригласил нас посетить «Фотоцентр». И на следующий день мы с Гужвенко оказались в его кабинете на Гоголевском бульваре, 8.

Знаменитый кабинет Валерия Ивановича больше напоминал музей, наполненный книгами и сувенирами со всего света, увешанный фотографиями известных личностей, снятых с неожиданного ракурса.

– Садитесь к столу! – шутливо приказал гостеприимный хозяин. – Тут всего не пересмотришь. Потом насладитесь, а то коньяк остынет...

Он извлёк откуда-то из потайных своих запасов красивую бутылку крепкого напитка, лимон, селёдочку, хлеб, ещё какую-то снедь. И, поскольку Гужвенко был совсем непьющим, коньяк мы приняли вдвоём, и за хорошей беседой много не показалось.

Поскольку я в то время был начальником управления по работе со СМИ администрации Кемеровской области, да ещё и пресс-секретарём губернатора, знал всю подноготную кузбасской прессы, тем для разговора земляков было предостаточно. Но самым удивительным оказалось то, что мама Валерия Ивановича проживает в Кемерове в одном со мной доме – на проспекте Ленина, 55-б, только в соседнем подъезде. Вот же как тесен мир?! – не было предела нашему удивлению.

После обеда мы с хозяином «Фотоцентра» обошли все залы. В ту пору там шла выставка «Карл Булла и сыновья». Поразительные фотографии России начала XX века буквально приковывали к себе, хотелось рассматривать их снова и снова.

– А что, если мы организуем такую выставку в нашем Кемерове? – предложил Валерий Иванович. – Интересно это будет землякам-кузбассовцам?

– Думаю, очень интересно, – поддержал я.

Мы тут же начали обсуждать будущий проект с названием «Мастера отечественной фотографии «Карл Булла и сыновья». Так что к организации этой интересной выставки в Кемеровском музее изобразительных искусств приложил руку и я.

А как иначе?! Карл Карлович Булла – русско-немецкий портретист и мастер документальной фотографии, отец российского фоторепортажа, владелец фотоателье в Санкт-Петербурге, снимал «везде и всюду»: на торжественных раутах с участием знатных особ и членов царской фамилии, на улицах Петербурга, в толстовской Ясной Поляне и репинских «Пенатах», в рабочих столовых, на рынках, спортивных состязаниях, в собственном ателье, где считали для себя престижным сфотографироваться известные люди России – писатели и артисты, учёные и государственные деятели, среди которых были Л. Толстой, М. Горький Ф. Шалапин, И. Репин, В. Стасов.

Договорились с директором музея ИЗО Ларисой Ивановной Мызиной, что её учреждение предоставит свои площади для экспонатов – уникальных чёрно-белых фотографий, сделанных великим мастером в конце XIX – начале XX веков.

Были трудности с поиском финансов, потом возникли проблемы с доставкой этой выставки из Москвы в Кемерово. Но так или иначе все они были решены. Выставка открылась в кемеровском музее в мае 2004 года и имела определённый успех...

На её открытие прибыл и сам директор «Фотоцентра». Тогда мы познакомились ещё ближе.

Валерий Никифоров родился 28 ноября 1941 года в Кемерове. Проживал с родителями в Заводском районе города. Окончил здесь школу.

Когда я узнал про его высшее образование, понял, откуда у Никифорова такой широкий диапазон знаний, умение глубоко и критически оценить нюансы творчества того или иного человека вынести беспристрастный вердикт о его качестве.

Он окончил театроведческий факультет Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии. Изучал компоненты театра: драматургию, актёрское, режиссёрское и декорационное искусство, театральную архитектуру, историю театра и современные театральные постановки, принципы театральной критики, редакционно-издательскую деятельность. Словом, приобрёл фундаментные теоретические знания относительно жизни театра как «изнутри», так и «снаружи».

В результате получил диплом театроведа – специалиста высшего уровня квалификации в области театрального искусства.

Профессиональная критика Валерия Никифорова, его разбор позитивных моментов и недочётов в той или иной фотоработе не раз позволяли фотографам в дальнейшем избежать повторения ошибок, повышать мастерство, свой профессиональный уровень.

«Валерий Иванович умел жить «с разной глубиной резкости», – подчёркивали коллеги. – «На большой глубине резкости он существовал в работе: подмечал каждую деталь на любом плане, улавливал настроение человека и всё, что происходит вокруг. А в тяжёлые моменты переключался на малую: умел радоваться тому, что есть, фокусировался только на хорошем, чтобы преодолеть трудности».

Был у него ещё один неподражаемый факт в биографии, который, по-моему, наложил отпечаток на его характер, отличал его от многих. Назову его «военной жилкой».

Валерий Иванович не понаслышке знал, что такое армейская служба и жёсткая дисциплина. С 1982 по 1985 годы он находился в Южной группе войск – оперативно-стратегическом объединении Вооружённых Сил СССР, его управление и штаб располагались в Будапеште (Венгрия). В 13-й гвардейской стрелковой Полтавской ордена Ленина дважды Краснознамённой, орденов Суворова и Кутузова дивизии, расквартированной в небольшом старинном городе Вайссбрунн, Никифоров был инструктором Дома офицеров по культурно-массовой работе.

Сослуживцы помнят, что офицер и театровед Никифоров создал при Доме офицеров театр, ставил постановки, организовывал концерты для наших военнослужащих и их семей и был любимцем и душой военного коллектива. Артистичный, с танцевальной осанкой, всегда в отличной форме, – эту выправку он сохранил до конца жизни...

С журналистикой Валерий Иванович связался в конце 1960-х – в то время были замечены его первые публикации. Никифорова приняли в члены Союза журналистов СССР, позже он стал членом Международной федерации журналистов. Входил в организацию СЖ Москвы.

Активного, талантливое Валерия Никифорова что называется заметили. С 1971 года он уже официально начал работать в системе Союза журналистов СССР: стал

сотрудником отдела пропаганды Центрального дома журналиста нашего творческого, советского ещё, Союза.

– Уже на последних курсах театрального вуза я начал понимать аморфность и, в общем-то, никчёмность специальности, не предполагающей активной жизнедеятельности, – рассказывал он в одном из интервью. – Понял, что журналистика – вот это энергичная жизненная позиция. Закончил Институт журналистского мастерства при Московской организации Союза журналистов (газетный факультет). И пошло-поехало...

Потом он трудился в орготделе Правления СЖ СССР:

– Командировок была уйма. Особенно когда я в год должен был выезжать и вылетать 7-8 раз в региональные отделения СЖ, которые курировал. Помню, как поразила жуткая картина города Спитак в Армении, снесённого с лица земли после известного страшного землетрясения... А первая в жизни загранкомандировка была в Польшу в 1974-м на 30-летие освобождения Варшавы нашими войсками от гитлеровской оккупации. Очумел от спекулятивно-торгашеских принципов поляков в подходе ко всему. Запомнилась, конечно, и «мандражная» командировка в Афганистан...

По поручению СЖ он курировал деятельность первичных организаций творческого Союза в нескольких регионах страны. Одним из этих регионов была, конечно же, родная Кемеровская область. Много раз конкретные дельные советы куратора помогали кузбасским журналистам в решении самых разных проблем.

Так что в «Фотоцентр» Никифоров попал не сразу. Всесоюзный «Центр фотожурналистики и музея истории фотографии» был создан в 1984 году. Именно тогда Союзу журналистов СССР передали здание на Гоголевском бульваре, 8. Первым собирателем материалов для музея истории фотографии называют Евсея Бялого, личная коллекция которого и стала основой и коллекции, и библиотеки новооткрытого «Фотоцентра».

Но по-настоящему этот Центр заработал с 1989-го, когда директором сюда назначили Валерия Никифорова. А с 1993 года его должность стала называться «генеральный директор Объединения «Фотоцентр» Союза журналистов».

По сути, именно благодаря Никифорову в России появилось уникальное специализированное фотоучреждение, которое получило известность в Москве и российских регионах, и во многих странах мира. Не без основания повторю, что «Объединение «Фотоцентр» стало местом притяжения нескончаемого списка известных фотографов и журналистов.

Здесь неоднократно бывали выдающиеся отечественные фотомастера – от Вадима Гиппенрейтера и Александра Абазы до популярных в стране фотокоров Виктора Ахломова и Юрия Абрамочкина. Заходили на Гоголевский бульвар, к Никифорову, такие именитые журналисты, как Александр Бовин, Всеволод Овчинников и другие признанные на весь мир люди, и многочисленные знатоки, и обычные любители фотографии.

На Гоголевском, 8, нескончаемой чередой шли тематические биеннале и презентации. Особое внимание Валерий Никифорович уделял выставкам

патриотической и военно-исторической направленности. За годы руководства «Фотоцентром» Валерий Иванович приобрёл серьёзный опыт галериста, специалиста по выставочной работе. Его часто приглашали в жюри и оргкомитеты самых авторитетных фотовыставок и фотоконкурсов.

Как-то необычно было слышать от него ответ на вопрос: сами-то вы фотографируете? Он всегда самокритично с иронией отвечал: «Только как простак-фотолюбитель. И то в крайних случаях. Прежде всего, в путешествиях...».

Однажды он признался, что больше других любит репортажные, динамичные снимки, которые передают действие, раскрывают человека в движении. «Репортаж – король фотографии, – не раз подчёркивал Валерий Иванович, при этом уточнял, – если более конкретно – портрет, и лучше – чёрно-белый.

Он отдал своему детищу почти 35 лет жизни. Был настоящим директором до самого конца. До... закрытия «Фотоцентра».

Мы регулярно – несколько раз в год – встречались в Кемерове. Валерий Иванович приезжал по делам, а заодно повидаться с родными.

После 13 августа 2003 года, когда непродолжительная болезнь прервала жизнь Валерия Михайловича Гужвенко, у нас даже сложилась ритуальная традиция. В первый день прилёта в Кемерово Никифоров приходил ко мне в кабинет на пятом этаже здания на Советском проспекте, 62. По возможности я поскорей сворачивал текущие дела. Мы брали небольшую «чекушку» коньяка и в любое время года ехали на Южный, на кладбище, к Валерию Михайловичу... Сидели здесь у камня-обелиска, вели неспешную беседу, обменивались новостями, разными историями, которых у Никифорова всегда были «тонны», на десятилетия. И поминали друга и товарища.

Если в Москве Валерий Иванович вёл стремительную, насыщенную событиями жизнь, то в родных пенатах отдыхал душой и телом от быстрого ритма столицы, от тысячи проблем и вопросов, которые каждый день наваливались на генерального директора, как снежная лавина. В Кемерове он общался с близкими, с мамой, подпитываясь от них незаменимой сибирской жизненной энергией. Помогал им и поддерживал их, чем мог.

Однажды он затащил меня в гостеприимную материнскую квартиру, и я воочию увидел, какой любовью, нежностью и гордостью за сына светятся глаза его матери...

Злые языки утверждают, что это COVID-19 убил «Фотоцентр» на Гоголевском бульваре, что из-за пандемии и карантина произошёл финансовый коллапс. Другие считают, что проблемы у учреждения начались раньше. В любом случае Никифоров подавал серьёзные сигналы о том, что кораблю по имени «Фотоцентр» требуется помощь.

Просто в ковидные дни проблемы особо усугубились. «Фотоцентру», вынужденно свернувшему свою выставочную и коммерческую деятельность, критически не стало хватать денег, чтобы оплатить аренду помещений. Как следствие, уникальное собрание исторических фотографий, равно как и несколько научных сотрудников, из последних сил поддерживающих деятельность учреждения, оказались перед перспективой оказаться на улице.

И сам Никифоров, и все, кому была небезразлична судьба российского Фотодома, не один год бились в разные двери министерств и ведомств, но каждый раз получали отказ. Валерий Иванович направил всем неравнодушным людям из числа своих друзей письмо с криком о помощи:

«Друзья, коллеги, постоянные посетители, все, кто неравнодушен к «Фотоцентру», – писал он, – обращаемся к Вам с предложением о поддержке. Как известно, в связи с пандемией было запрещено проведение выставок. И без того тяжёлое финансовое положение «Фотоцентра» таким образом было усугублено этой длительной блокировкой выставочной работы. Сегодня счёт «Фотоцентра» обнулён. Вспомнив добрый старый принцип «всем миром», ещё раз взываем к каждому, кому не безразличен старейший выставочный Фотодом на Гоголевском и кто может, по возможности, в это нелёгкое для всех время перечислить посильное пожертвование на наш расчётный счёт...».

«Главная трудность, – подчёркивал он, – отделаться от арендных посягательств Москомимущества, от коммунальщиков и прочих дармоедов, жаждущих по максимуму обобрать «Фотоцентр».

Его призывы были услышаны, но необходимой поддержки в том объёме, который требовался для сохранения учреждения, генеральный директор не получил. Не нашлось ни доброй воли московских чиновников, ни меценатов.

Финал наступил в 2022 году: «Фотоцентр» закрыли. Есть подозрение, будто всё дело в том, что кому-то из сильных мира сего приглянулось место в центре города, на котором стоит здание. И поэтому ситуация оказалась безнадёжной: никакими силами и авторитетом Союза журналистов России, общественным мнением корифеев

фотожурналистики не пробьёшь этот «капиталистический подход» к проблеме. И на этом месте, не уступающем по значимости самым намоленным культурным площадкам нашей столицы, может появиться очередной сетевой супермаркет, бутик или салон красоты.

Постоянный автор интернет-журнала Photographer.ru (журнал о мировой фотографии и профессиональное фотографическое сообщество) Ирина Чмырёва в публикации «Капитан Фотоцентра» (<https://www.photographer.ru/cult/person/8916.htm>) пишет о директоре В. И. Никифорове: «22 июня 2022 года он прислал мне видео «Последний репортаж», – когда Валерий Иванович вошёл и снял пустые и ободранные до основания стены своего детища, «Фотоцентра», двух первых этажей знаменитого Дома-коммуны, 8, на Гоголевском бульваре...».

Я тоже посмотрел эти жуткие кадры. Мне, правда, переслал их известный российский фотограф Александр Блотницкий, который так же близко общался с Валерием Ивановичем. Эти ужасные кадры до сих пор «гуляют» по всемирной паутине. На них Валерий Иванович сам бродит по разорённым этажам «Фотоцентра», снимая на видео его израненные стены, разбитые помещения. Представляю, как обливалось кровью сердце генерального директора!

В сентябре 2022 года Валерий Иванович приехал в Кемерово. Отмечал здесь с семьёй и близкими 102-летие мамы. Был в эти дни, как всегда, бодр, подтянут, весел, разговорчив. Он и в свои восемьдесят с небольшим держал себя в хорошей форме. Рассказывал своим о московских делах, но не жаловался, чтобы не расстраивать самого дорогого ему человека.

Кажется, это была его последняя поездка на малую Родину. 5 апреля 2023 года единственного и бессменного директора «Фотоцентра» Союза журналистов России не стало. Но было бы несправедливым забыть о нём, об успехах, которых достиг этот, без сомнения, легендарный человек.

Несколько лет назад в интервью журналу «Rosphoto» Валерий Иванович иронично переспросил журналиста: а не устала ли фотография от него, Никифорова? Ведь уж столько лет он занимается этим любимым делом.

Мастер, конечно же, скромничал. Уж кто-кто, а он-то, несомненно, вписал золотыми буквами имя своё в историю и в развитие отечественной фотографии. За что справедливо был удостоен высокой государственной награды – звания «Заслуженного работника культуры Российской Федерации».

Ирина Чмырёва, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Российской академии, член жюри международных фотоконкурсов, арт-директор международного биеннале PhotoVisa, проходящего в Краснодаре много лет, сама организовавшая сотни выставок фотографии и современного искусства по всему миру, работавшая со многими известными фотографами, подчёркивает, что в конце 1980-х, Валерий Иванович, «будучи белой костью системы, идеальным государственным, привечал и давал место смутьянам, без которых (и он отлично это понимал) не может нормально

существовать система: ей нужно спускать внутреннее напряжение, нужен клапан, а ещё, фотография, будучи генератором смыслов, нуждается в показах. Он их делал». Он целенаправленно и профессионально опускался в «чрево фотографического процесса». А умело управлять им, направляя «его перистальтику» – это «особое отдельное искусство», секретами которого Никифоров прекрасно владел.

В тяжёлые 1990-е он, как мог, поддерживал ветеранов советской фотографии, которым порой не только снимать, жить было не на что. Изворотливый Никифоров выручал их, организуя спасительные бартерные сделки.

Думаю, и сегодня многие помнят его человечность, дружелюбие, его помощь и поддержку. Он хорошо знал многих сильных мира сего, но не кичился этим, выказывая в общении скромность интеллигента, оптимизм и необидную иронию.

Его авторитет оставался высоким и в «нулевых» несмотря на то, что в Москве стремительно появлялись новые фотогалереи, фотофестивали, новые «фотобоги». С ним продолжали советоваться, считаться, его оценка мастерства считалась неким негласным эталоном среди фотографического сообщества.

Фотовыставки были его коньком. Темы выставок за три с половиной десятилетия его директорства были самыми разными. Но одна тематика повторялась из года в год, она для Никифорова была святой – подвиг советского солдата войны.

К слову, в своё время В. И. Никифоров был одним из учредителей и организаторов движения «Бессмертный полк – Москва». Штаб этого зарождающегося в столице движения находился в «Фотоцентре» на Гоголевском бульваре, Валерий Никифоров первый же и пошёл в колонне «Бессмертного полка».

Организовывая фотовыставки, Валерий Иванович даже в традиционном подходе умел найти что-то новое. К примеру, в ходе фотовыставок «ВИИЯ в лицах» и «Военные переводчики на службе Отечества» впервые был обнародован список

выпускников Военного института иностранных языков, погибших при исполнении служебных обязанностей за пределами нашей страны.

У Никифорова было множество наград и поощрений: государственных, ведомственных и общественных. Среди них есть те, которыми он гордился особо.

В 2015 году за активное участие в подготовке и проведении мероприятий, посвящённых 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, он получил Благодарность Президента России В. В. Путина. Также благородный труд генерального директора «Фотоцентра» отмечен медалью Министерства внутренних дел РФ «За укрепление общественного порядка», благодарностью министра «За многолетнее участие в работе жюри фотоконкурса МВД».

В «Фотоцентре» проведено множество выставок, посвящённых локальным и неизвестным войнам: это были экспозиции о боевых действиях на Кубе, во Вьетнаме, Анголе, Афганистане, в Косово, где наши воины совершили знаменитый бросок под Приштиной.

В 2017 году Валерий Иванович побывал в Сирии, где организовал фотовыставку «Неизвестная война в небе Кореи. 1950-53 гг.» на российской военной базе «Хмеймим» для наших воинов, участвующих там в военной операции. За это получил благодарность от командующего группировкой войск генерал-полковника А. В. Картаполова и медаль Минобороны «Участнику военной операции в Сирии».

Но самой большой наградой Никифоров считал доброе отношение друзей, которые искренне ценили его организаторский талант, трудолюбие, юмор и бесконечное чувство прекрасного, его позитив и отзывчивость. Настоящие друзья чистосердечно радовались за него, за то, как один из старейших членов столичного журналистского сообщества в свои восемьдесят всё ещё легко поднимался по ступеням «Фотоцентра», ведя за собой очередного важного для него экскурсанта.

Это было будто вчера...

Однажды в беседе с корреспондентом журнала «Российское Фото» Валерий Иванович размышлял о том, что в XXI веке профессия галериста стала ещё сложнее, что «размываются» критерии хорошего кадра: «Бурный фотопоток, порой мутноватый, буквально затопил обывателя «по уши»... Галерист должен отделить зёрна от плевел и представить на зрительский суд добротную, «высокую» фотографию, определяемую точным словом «светопись», ибо у фотографа вместо кисти – луч света». Ведь он всегда верил, что умная, талантливая фотография способна повлиять на социум, привлечь внимание общественности к насущным проблемам.

Он до своих последних дней остался верен фотоискусству и журналистике.

– Как вы думаете, какими чертами характера должен обладать журналист? – спросили у него однажды.

– Быть абсолютно честным. Писать и говорить только правду! – не задумываясь, ответил «маэстро фотографии».

г. Кемерово,
июль 2023 г.

«Павловский метод» Сергея Михайловича

Мы познакомились с Сергеем в один из хмурых октябрьских дней, когда наш только что сформированный первый курс вернулся из «колхозной командировки» в Яшкинском районе, где месяц вкалывал на полях, убирая урожай.

Встретились в студенческом общежитии КемГУ, что до сих пор стоит в Кемерове на улице имени Васильева, дом 20Б. Через эту кирпичную пятиэтажку прошла не одна тысяча студентов вообще, а через четвёртый этаж – сотни студентов филфака, в частности.

Так вот, в одной из комнат четвёртого этажа в тот день собралась почти вся мужская часть факультета. Комнаты там небольшие, но и парней на этом традиционно «девичьем» факультете всегда училось чуть да маленько. Достаточно сказать, нас – ребят-первокурсников – приступило в тот год к учёбе всего восемь, причём, считалось, что и это – много! А до старших курсов дотягивали не все. В общем, уместились. А верховодил посиделками пятикурсник Сергей Павлов. Коренастый,

полноватый, уверенный в себе очкарик, прошедший уже огонь и воду семинаров и сессий, рефератов и курсовых, он запросто раздавал характеристики факультетским «доцентам с кандидатами».

Мы, необстрелянные ещё вчерашние выпускники школ, преодолевшие всего лишь университетскую абитуру, напряжённо помалкивали, робко посмеивались, слушая шутки студенческого зубра. В первые четверть часа той необычной встречи расслабиться было сложно. Буквально – нечем было особо расслабиться, потому что неискушённые ещё в организации студенческих вечеринок, мы припасли всего пару сорокоградусных поллитровок. Впрочем, нашей «первокурсной» четвёрке хозяев комнаты этого бы вполне хватило: посидели бы потихоньку «между собой», умяли бы под эту водку большую гору жареной картошки с домашними солёными огурчиками.

Куда там!

Организовали-то мы ужин именно на четверых обитателей нашей «светёлки». Пока одни бегали в соседний магазин «Новинка» за спиртным и хлебом, другие готовили закусок. Сели мы чинно-блинно отпраздновать «колхозную практику»: я, Саша Денисов, Жека Худобин, Пашка Скрипов. Налили «по слегка», по первой...

Но всё пошло иначе.

Кто жил в студенческой общаге, знает: утаить там «чужую свадьбу» невозможно. Не успели мы взяться за вилки, раздался стук в дверь и на пороге возникли филфаковские второкурсники – Саня Панфилов и его напарник Николай, следом за ними явился третьекурсник Игорь Быргазов. Потом – ещё кто-то с четвёртого курса. И когда за столом стало тесновато, зашёл, наконец, студент последнего курса филфака, по сути, без пяти минут – выпускник Павлов.

– Стоп! – сразу «взял» он в руки «вожжи» тамады. – Давайте сразу определимся: сколько у нас напитка?

Одна бутылка была уже почата, другую ещё не трогали.

– Маловато, – со знанием дела заключил старший товарищ, оглядев весь наш застольный десяток. – В магазин уже не сгоняем, поздно. Чтобы нам этого на сегодня хватило, предлагаю перейти на специальный метод.

И он начал наливать спиртное порциями размером с напёрсток на каждого: чуть глотнёшь – и нету, только горечь в горле успеваешь почувствовать.

И вот после третьего или четвёртого «напёрстка» наша компания стала по-настоящему расслабляться. После пятого разговор потёк сам собой, безо всякого напряжения. После шестого мы уже громко судили обо всём подряд, изрекали шутки и остроты, хохотали, запросто перебивали старших. А водки всё не убавлялось.

Весь вечер проговорили о литературе, о кино, слушали чьи-то стихи, рассказывали анекдоты. Заводилой всему был он – Серёга Павлов. Он хитро поглядывал из-под очков на всех нас, усмехался про себя и продолжал «заводить» компанию по своему методу.

Метод, которым он организовал в тот памятный день нашу шумную вечеринку, прозвали «Павловским». С тех пор мы, садясь за праздничный стол, спрашивали друг друга: «Как употреблять будем – сразу по полной или «Павловским» методом?»

А наша с ним дружба, зародившаяся в студенчестве, продолжалась дальше. Пусть не так часто, однако же, мы регулярно встречались, и когда работали в редакциях газет, и когда перешли под сени «высоких» кабинетов, и когда надо было посоветоваться, и потом, когда надо было поддержать друг друга в трудных обстоятельствах. «Павловский метод» выручал безотказно... А умение его автора организовать и настроить на нужный лад любую компанию – было неоспоримым.

Сергей родился 14 июня 1952 года в городе Белово, в семье шахтёра. Его отец-фронтовик работал на шахте «Чертинская», мама – на шахте «Новая». В 1969-м Павлов окончил беловскую среднюю школу № 27. Между прочим, он несколько лет редактировал школьный «Комсомольский прожектор», а учительница русского языка всегда отмечала его школьные сочинения...

Весной 1969-го в газете «Знамя коммунизма» города Белово опубликовали письмо комсомолки Ждановой, в котором она ставила вопросы о смысле жизни, о том, как человек должен относиться к своей работе. Тогда разговоры на подобные темы были в ходу. На заседании школьного комитета комсомола десятикласснику Павлову предложили написать в редакцию – откликнуться на публикацию девушки: он же комсомолец, да ещё и редактор «Комсомольского прожектора».

– Мне стало интересно, – вспоминал он. – Если напишу, опубликуют или нет? Написал, и опубликовали наряду с другими авторами: в газетную подборку вошло около двадцати откликов. Некоторые читатели написали длинные письма, я же уложился в строку: «Каждый человек, кем бы он ни был и чем бы он ни занимался, должен делать свою работу честно и хорошо...». Немного плакатно, но тогда мне казалось, что эти слова звучат очень убедительно. Как поздравляли меня в школе одни, и откровенно завидовали другие! А отец с серьёзным выражением лица крепко пожал мне руку и сказал совсем неожиданные слова: «Теперь я знаю, что ты станешь писателем!»

И впоследствии отец не раз заводил со мной такой разговор: напиши про нашу жизнь мужицкую... Как мы землю пахали в Урском, как золото мыли, в шахте работали... Про деда своего, Гришу, обязательно напиши, как его в шурфе раздавило, и он инвалидом жил... И всё звал меня съездить на свою родину, в село Урское (в Гурьевском районе Кемеровской области), что в 1960-е годы уже доживало свой век. Не случилась поездка. А ныне на месте села только голый увал остался, на котором едва угадываются места, где ещё полвека назад стояли крестьянские избы...

Однажды школьник Павлов побывал в редакции «Знамени коммунизма». Первая встреча с настоящими журналистами запомнилась ему надолго. Именно тогда он узнал, что с осени в редакции газеты решено открыть «Школу молодого журналиста», что занятия в ней будут проводить популярные в городе корреспонденты Георгий Григорьевич Манкуни и Анна Авдеевна Ширявская...

Большинство из присутствовавших на той встрече ребят немедленно записались в эту школу. Павлов же не спешил с решением, ведь после выпускных экзаменов рассчитывал поступить в пединститут. К сожалению, с первой попытки в вуз не прошёл, потерпел неудачу. Вернулся в Белово, устроился работать на кирпичный завод. Вот тогда-то и начал посещать «Школу молодого журналиста».

Здесь среди слушателей большинство составляли девушки. Все они ещё учились в старших классах, и только Павлов был из рабочих, ему приходилось проявлять смекалку, чтобы из-за смены не пропускать занятия по журналистике. Из ребят, посещающих «ШМЖ», Сергей запомнил Михаила Живописцева, который позже стал известным в городе мастером пера.

Похоже, уже тогда начал серьёзно формироваться Павловский метод и в журналистике, с помощью которого он кропотливо постепенно добивался поставленной творческой цели. Однажды у рабочего кирзавода – начинающего журналиста Павлова, – как говорится, «руки зачесались» написать в газету о бедах предприятия. И он написал: о большой текучке кадров и о том, как по цехам ходят полупьяные работники, как уволенных в понедельник прогульщиков в пятницу вновь уже принимают на работу. О том, что готовый кирпич лежит под открытым небом и его воруют безжалостно и безнаказанно.

– Мало того, я поимел смелость (а может быть наглость) посоветовать, как исправить положение. Получилась довольно едкая критическая статья, – с юмором припоминал он потом.

После публикации ему крепко досталось сначала в парткоме завода, затем – от директора. Разговор шёл на повышенных тонах. «А кто ты такой?!», – зло спрашивали у парня руководители. Он же дерзко отвечал: «А что, я написал неправду?» И тогда его решили уволить. За правдой и защитой молодой рабочий поехал в редакцию.

Там его спокойно выслушали и велели на следующий день выходить на смену. Если нападки будут продолжаться, немедленно сообщить в газету. Наутро он вышел на рабочее место, и – о чудо! – наездов больше не было. А некоторое время спустя «Знаменка» опубликовала ответ на его критику: главный инженер завода заверял читателей, что недостатки в работе предприятия непременно устранят...

Вот тогда-то Сергей поверил, что пресса – это сила!

Всего до выпуска «Школы молодых журналистов» весной 1970-го дошли только десять человек. Всем им выдали удостоверения об её окончании, с фото и печатью. Удостоверение у Павлова было за номером один.

Теперь Сергей почувствовал в себе хорошие задатки и не сомневался в том, что хочет освоить секреты литературного труда. И успешно сдал экзамены в Кемеровский пединститут. На филологическом факультете, где на любом из курсов учились по сотне-полторы девушек, такой Павлов был один.

Женился Сергей Михайлович ещё студентом, и не по расчёту – по любви. И первого сына молодые родили тоже в студенческие годы. Молодой паре нелегко было вставать на ноги, но она стойко переносила все тяготы и разрешала все проблемы. Впрочем, и их родители, да и государство, не стояли в стороне, помогали, как могли. Серьёзной была проба его пера в вузовской многотиражке «Молодой учитель». Он писал заметки почти в каждый её номер. А весной 1974 года, перед самым выпуском, даже поработал здесь редактором, пока настоящий её редактор, Людмила Петровна Филаткина (ставшая впоследствии известной кузбасской телеведущей), в течение двух месяцев защищала свой диплом журналиста в Уральском госуниверситете. Он тоже в это время сдавал госэкзамены и параллельно выпускал газету. И ни одного номера не провалил – все вышли по графику.

Диплом Сергей получил в тот год, когда пединститут уже приобрёл статус университета. Вернулся в родной шахтёрский город, чтобы год поработать школьным учителем в средней школе № 27, где когда-то учился сам. Он сумел найти общий язык со школьниками. Прежде всего, он учил их добру и пониманию сущности человеческого общения. Уроки Сергея Михайловича для учеников были ориентиром в выборе своего места в жизни.

Ещё работая в школе, Павлов начал записывать на бумаге интересные школьные истории. Любил наблюдать за детьми, за их успехами и неудачами, в его творческом «нутре» постепенно «укладывались» сюжеты будущих книг.

В 1975-м Сергей перешёл на шахту «Чертинская», где стал редактором многотиражной газеты «Голос шахтёра». Тут были совсем другие университеты – здесь он увидел тайны шахтового бытия, как говорил сам, изнутри. Вспоминал:

– После академизма уроков литературы, работа в многотиражке показалась мне другой планетой. Вечным камертоном для шахты тогда звучало одно слово – ПЛАН! И потому главной темой каждого выпуска газеты были материалы, посвящённые выполнению горняками плана и социалистических обязательств (нынешнее поколение и слов-то таких, наверное, не знает, а тогда без них не выходил ни один номер).

Первые годы журналистского становления Сергей вспоминает с большой теплотой. Он часто рассказывал о коллегах-редакторах таких же шахтовых многотиражек, обязательно ласково называя их по именам Володя Голубничий, Лёша Бабанак, Ира Мамонтовская, о том, как на страницах своих небольших изданий все они пытались «интересно и с душевной теплотой рассказывать о людях шахтёрского

племени». И сам Павлов часто писал о тех, кто, не считаясь с риском для жизни, каждый день «спускается в пучину земную, где вода капает с потолка и струится по стенам выработок, где коварно таится до поры до времени газ метан, а кливаж в любой момент готов проверить крепость шахтёрской каски».

Он внимательно присматривается к работягам-горнякам: как они чувствуют себя под землёй, в забое, насколько страшно им «ковырять планету изнутри».

– Когда сам ходил с ними в шахту, заметил: чем ниже опускается клеть с людьми, тем напряженнее становятся их лица, тем злее и озорнее шутки, а ненормативная лексика под землей делается приоритетной. На вопрос: почему так случается? – слышал разные объяснения. Кто-то сказал, что «это на нервной почве», что крепкое слово снимает стресс и прогоняет страх... Другой объяснил так: от крепкого слова человек быстрее соображать начинает, а под землёй это особенно важно, иногда мгновение спасает здесь жизнь. А третий отшутился: «А под землёй баб нет, стесняться некого, вот и отрываемся по полной...».

За четыре года руководства шахтовой газетой он всё больше узнавал, как устроены, «сложены» характеры людей, видя их на изломе, в экстремальной ситуации, где человек открывается с самой неожиданной стороны.

Одновременно рос профессиональный багаж журналиста. Сергей не стеснялся учиться особенностям своей профессии у старших товарищей, таких опытных коллег, как Александр Георгиевич Кургузиков, Анатолий Семёнович Цыряпкин, Борис Александрович Козлов, Юлия Борисовна Бабанаква, Галина Семёновна Воронина, Виктор Сергеевич Скоробогатов, Галина Андреевна Партушева, которую читатели газет больше знают как Галину Бабанакву.

Пришло время, и Павлов начал работать в городской газете «Знамя коммунизма». А к тому периоду, когда вступил в Союз журналистов СССР, его материалы уже часто публиковались и в областных газетах.

В 1982-м он заочно окончил Новосибирский факультет Свердловского юридического института. И решил перейти на работу в органы внутренних дел. Но связей с журналистикой не прерывает – следственная практика даёт основу многим его зарисовкам, статьям и очеркам на криминальные темы.

В эти годы появились его первые книги.

В МВД Сергей Михайлович прослужил 20 лет. Работал потом и в областной прокуратуре, где занимался реабилитацией жертв политических репрессий. В отставку вышел в звании подполковника органов внутренних дел. Однако сидеть без дела не смог – стал пресс-секретарём Управления судебного департамента Кемеровской области и редактором журнала «Судебный вестник Кузбасса».

Здесь с особой яркостью раскрылся его талант полемиста-публициста. Он много пишет о жертвах политических репрессий. Помогая восстановить справедливость в отношении сотен репрессированных в Кузбассе, очищает от скверны память о них, возвращает их родным и близким правдивую информацию о несправедливо осуждённых, нередко казнённых и, наконец-то, реабилитированных родственниках. Считает своей обязанностью добросовестно выполнять долг перед незаслуженно павшими, тщательно, по крупицам, отыскивая о них архивные сведения.

В этом тоже заключался смысл неизменного Павловского метода. За эту большую, скрупулёзную работу появились награды и премии, как журналистские, так и литературные, и общественные. Сергей Павлов награждён медалями МВД России и администрации Кемеровской области. За исследовательскую работу и серию очерков о политических репрессиях против церкви он отмечен орденом Русской Православной Церкви имени московского князя Даниила III степени, медалью Кемеровской епархии.

Сергей Михайлович – победитель конкурсов МВД России в номинации «Художественная литература и искусство» за книгу рассказов «Мафиёза» (2003), очерк «Жизненное поле Николая Рюмина» (2004). Он стал лауреатом творческих премий: «Энергия творчества» (2008, 2011), премии журнала «Огни Кузбасса» (2008), областной литературной премии имени А. Н. Волошина (2014).

За издание книг Сергея Павлова принимают в члены Союза писателей России. Вдохновлённый, он продолжает писательский труд.

Трудно сказать, когда у него родилась идея создать широкое эпическое полотно об истории родного края, о своих земляках. Все последние годы жизни Сергей Михайлович упорно работал над многотомной книгой «Кузбасской саги».

Сам он считает, что к этому нелёгкому сюжету его подтолкнул отец своими воспоминаниями об Урском, о предках семьи Павловых, проживавших там когда-то:

– Почему этот малограмотный человек вдруг решил, что я должен что-то написать, что у меня что-то может получиться? – делился творческими размышлениями Сергей Михайлович. – Лишь через 30 лет после первого такого разговора с отцом и через десять лет после его смерти я принялся за роман «Кузбасская сага», где речь идёт о жизни крестьян села Урского, о старателях, о шахтёрах. И, тем самым, словно бы взялся выполнять его наказ. Не верю в мистику, но всё же что-то подвигло меня к этому. А сейчас я уже работаю над третьей книгой этого романа. И в Урском был не раз, но, увы, уже без отца...

Казалось, такое количество фактов, как в его саге, невозможно уместить в литературно-художественную канву, облечь всё это в слова, строки, абзацы, главы. Но у Павлова есть свой метод – упорство и кропотливый ежедневный труд, помноженные на талант. Сергей просиживал в архивах и библиотеках, перечитал сотни документов, сделал тысячи выписок из официальных бумаг. Он задумал роман о Кузбассе и его людях, спланировал, что сумеет «уложить» повествование в пять отдельных томов.

Первая книга его «Саги» – «На изломах крестьянского тракта» вышла из печати в 2008 году.

Он позволил себе немного – буквально на пару недель – расслабиться. За эти короткие писательские каникулы Сергей Павлов поучаствовал в презентации первого тома, провёл несколько встреч с читателями и... засел за продолжение.

И оно последовало. Вот как об этом рассказывает хроникёр: «16 марта 2012 года Кемеровская областная библиотека для детей и юношества совместно с муниципальным учреждением культуры «Централизованная библиотечная система

г. Белово» представила презентацию книги «Кузбасская сага» кемеровского автора, члена Союза писателей России и Союза журналистов России Сергея Михайловича Павлова. Мероприятие состоялось в Центральной городской библиотеке Белова. На презентации Сергей Михайлович представил уже две книги «Кузбасской саги»: «На изломах крестьянского тракта» и «Пленники Маньчжурии».

По замыслу писателя они являются первыми из пяти книг о жизни Кузбасса. Участники мероприятия, среди которых преобладали учащиеся школ города, педагоги и шахтёры-ветераны, услышали рассказ Сергея Михайловича об истории создания «Саги», его дальнейших творческих планах, прослушали отрывки из романа в авторском исполнении. Каждый присутствующий мог задать вопросы писателю, высказать своё мнение о книгах».

Для Павлова такие встречи были очень важны. По ним он сверял свои творческие часы, сличал творческий прицел. Аудитории, перед которыми выступал писатель, были самыми разными, тем с большим интересом принимал в них участие Сергей Михайлович. Например, одной из них стала встреча с выпускниками богословских курсов православной церкви. Темой откровенного разговора стал трагический период отечественной истории, связанный с политическими репрессиями, которые он описывает в своих книгах.

Вышедшая в 2014 году третья часть саги получила название «Хроника окаянного времени». Она – о сложных для России и Кузбасса временах – Гражданской войне, «военном коммунизме» и продразвёрстке, нэпе и коллективизации... Четвёртый том «Кузбасской саги» – «Иудин хлеб». Над ней Сергей Павлов работал с 2015 по 2018 годы. В этой книге – люди в событиях Великой Отечественной войны и в трудные послевоенные годы. География романа по-настоящему широка: Германия, Украина, Белово, поселение Урское Кемеровской области.

И в каждой из частей «Саги» автор продолжает повествовать о жизни простой семьи с её радостями, горестями, победами и поражениями, вписанной в историю страны. Ведь в его понимании родина для человека всегда начинается с рода, семьи, улицы, села...

Создание «Кузбасской саги», отмечают исследователи, – не только крупное событие в литературной жизни региона, но и в летописи Кузбасса. Многие из героев романа являются вымышленными собирательными образами, но рядом с ними органично существуют реальные исторические персонажи...

Сам же Сергей Михайлович, рассказывал, что уже давно работает над заключительной, пятой книгой саги, которая приведёт его героев к сегодняшнему дню жизни нашей области...

Вот только дописать её он не успел. Его не стало 9 мая 2020 года после тяжелой, продолжительной болезни...

Теперь Сергей Павлов останется в памяти знавших его, в памяти его читателей, как автор 19 книг, среди которых – публицистика, краеведение, художественные сочинения. Его произведения можно отыскать как в отдельных изданиях, так и в журналах «Огни Кузбасса», «Наш современник», «Всерусский собор», «Бийский вестник», «Литературный меридиан», «Красная Горка», «Южная звезда», «Пенаты» (Германия), «Новый свет» (Канада).

Но мой рассказ о Сергее Павлове, о Павловском методе будет неполным, если не вспомнить ещё одну историю, связанную с ним – историю реабилитации его учителя, нашего общего с ним Учителя – легендарного декана филологического факультета Василия Николаевича Данкова.

Многие кузбасские филологи хорошо знают этого человека, он сыграл огромную роль в судьбе едва ли не каждого, кому посчастливилось учиться у этого большого Человека. Его любили, почитали и до сих пор добрым словом вспоминают многие поколения учителей, кому он дал путёвку в трудовую жизнь...

Однако, как всегда бывает, у прославленного декана были и недруги, иногда, – среди тех, кто из-за своей собственной лени и слабохарактерности не сумел закончить филфак или кое-как доплёлся до диплома, обвиняя в своих провалах учителей. Один из таких, считающий себя известным писателем, учился на филфаке слабо, занятия пропускал, конспектов и учебников не любил. Бросал учёбу, затем с благословения декана восстанавливался...

Словом, еле-еле домучился и получил-таки диплом. После этого написал немного книжек. И вот решил свести счёты с Василием Николаевичем за то, наверное, что тот оказался терпеливым и выдержал все ужимки ленивого студента. Написал грязную статью и поместил её в интернете.

Многие выпускники филфака с гневом восприняли этот «материал». В адрес его автора понеслись разгневанные тирады – слишком сильно задел он бывших студентов. Сергей Михайлович поступил по-другому. Сообразно своему методу, в ответ на грязные инсинуации он написал очерк о любимом учителе. И искренне радовался за то, что успел сделать это ещё при жизни легендарного декана кемеровского филфака, который уже был сильно болен.

Вот строки из этой памятной павловской публикации о Василии Николаевиче Данкове: «Его жизнь, его характер трудно выписать в пастельных тонах. Они яркие, самобытны, колоритны, и в них много контраста, от мрачно-хмурого до самого светлого, и потому, наверное, человек этот в жизни своей зачастую проявлял себя либо резко «за», либо также резко «против».

Середины, выписанной в мягких, приглушённых тонах, словно бы и не существовало для него. Таким этот человек был, таким, во многом, он остаётся и сейчас. Он из тех людей, чьё жизненное кредо, наверное, лучше выразить строчками замечательного советского поэта Павла Когана: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал!..» А углы, как известно, имеют свойство ранить не только других, но и самого их носителя. Эти люди во многом максималисты, как по отношению к другим, так и к себе, причём, к себе – в первую очередь. Таким в моём сознании остается этот человек, имя которого в Кузбассе знают многие, – Василий Николаевич Данков.

...1971 год. Мы только что освоили двухэтажное здание бывшей школы № 33, куда перевели наш филфак. Иногда занятия у нас проходили поздно вечером. В один из зимних вечеров на семинаре по зарубежной литературе у И. Л. Днепровой я быстро «отстрелялся» по теме, и, поняв, что преподаватель меня уже не спросит, довольно нахально углубился в чтение какой-то газеты.

В это время неожиданно открывается дверь, и на пороге появляется декан. Первое, что он увидел, – меня, сидящего с газетой. Видимо, такая вольность его сильно возмутила, потому что он, не сдерживая раздражения и указывая на меня, сказал преподавателю:

«Вы побольше их спрашивайте, бездельников! Ишь, газетки читают на семинаре».

Если бы занятия проходили на втором этаже, я, наверняка, провалился бы сквозь пол на первый этаж. Но тогда я просто онемел от всего: от обиды, от возмущения, а может быть, где-то и от страха. Первой заступилась за меня Ирина Леонидовна. С присущим ей шармом она сказала декану: «Этот молодой человек уже заработал свою «пятёрку», и я просила его больше не беспокоиться...». Удручённо хмыкнув, Василий Николаевич закрыл дверь.

До конца семинара я пребывал в трансе от такой, по моему мнению, несправедливости. Едва прозвенел звонок, как наши девчата кинулись в коридор и там обступили декана. Что они ему говорили, я не слышал, но вдруг подходит ко мне Василий Николаевич, кладёт руку на плечо и говорит с обезоруживающей улыбкой: «Извини, Серёжа, за «бездельника», я ошибся, но газетки на семинаре всё же читать не надо... Не сердись... А девчата у вас молодцы – как дружно поднялись на защиту!»

Тогда я моментально забыл про обиду...».

Сергей хорошо знал цену людям, цену дружбе. Он хорошо знал цену слову. Однажды он написал:

«Мир полон звуков. Они с нами всюду, от первого крика новорождённого – до предсмертного хрипа умирающего. Мы существуем в мире звуков, они живут в нас. Но как же редко мы задумываемся над вопросом: я и звук. Для большинства людей

он существует в плане «громко» – «тихо». Резанёт по ушам децибелами – громко! Надо его убавить. Звучит что-то тихо, невнятно – прибавляем громкость.

А сколько разных звуков – от шёпота до рёва – остаются вне нашего внимания. А, может быть, в этом есть своя благость, что из океана звуков мы выделяем для себя лишь малую толику их?»

г. Владимир,
апрель 2020 г.

Любимое Слово Василия Попка

«В детстве я был не то чтоб хулиган, а так – «самоутверждающийся» парнишка. Дерзил взрослым и очень собой гордился». Так написал о себе Василий Попок, вспоминая своё детство и юность, проведённые в небольшом кузбасском городке, где стоял маленький дом его родителей с огородом и всякими, положенными в частном секторе, стайками, заборами и дощатыми туалетами...

Многие соседские пацаны стали простыми работягами, кто-то, как водилось, рано спился и до срока ушёл в мир иной, иные преступили закон и пошли по линии длительного наказания и исправления. Василию Борисовичу повезло: рядом с ним в нужную минуту оказались хорошие люди, настоящие учителя жизни. А в нём самом, оказывается, таился настоящий писательский талант, который он, в отличие от соседских пацанов, не закопал и не распылил, а взрастил, отточил и пустил в дело, став журналистом, редактором, писателем...

1.

Василий родился 1 февраля 1946 года в городе Топки Кемеровской области. Деревенская жизнь родителей с детства приучила его к сельской страде: по весне – копка земли, посадка картофеля, летом – уход за грядками, осенью – уборка урожая. Поэтому всю жизнь Вася любил в свободное время ковыряться в земле, оттого часто жил на природе, в деревне.

«Последнее время я живу нараскоряку (прошу прощения за такое неблагозвучное слово): день-два, иногда неделю – в городе, потом столько же в деревне, – напишет он о себе. – И летом, и зимой. Золотой осенью и слякотной весной. Старая, едва ли не столетняя моя изба стоит на угоре, близ речки. Выйдешь из сенец и смотришь на белоствольный берёзовый лес на том берегу. А он, живой и растущий, вглядывается (это Геннадий Юров навёл на мысль) в праздного меня...».

Учился Вася в начальной школе, что на топкинской улице с названием Деповская. В эти годы уже многое попробовал из того, что положено и не положено пацанам, как-то – первое курево, книжки с запретными картинками, пацаньи разборки по понятиям. Спокойный и уравновешенный с виду, крепкий мальчишка, был он упрямым, очень не любил, когда его обижали, и не прощал обидчиков.

В 1964 году получил аттестат о среднем образовании, завершив учёбу уже в топкинской школе № 1.

Не сбиться с пути парню помогали хорошие люди, которых в его судьбе было немало. Об одном таком человеке он расскажет позднее в журнальной заметке «Ужасный Покидов»:

«...Раз я нахамил в кинотеатре чужаку, а он оказался не только прокурором нашего маленького сибирского городка, но и мужем Раисы Васильевны – нашей новой математички. Внутри запекло стыдом, но признаться в этом на глазах у восхищённых приятелей было стыдней. И меня, как говорится, «понесло»...

Хорошо, рядом случился прокурорский сослуживец по фамилии Покидов. Как звать, теперь уже и не помню, но слыл он в приклатнённой подростковой среде ужасным и непостижимым человеком, потому что считал наших кумиров, готовивших себя к романтической воровской жизни, за жалкую шелупонь. Впрочем, Покидов и настоящих блатных в грош не ставил – ловил, не боясь ни ножа, ни обреза, и «сажал» беспощадно...

Страшный Покидов вывел всю компанию в фойе, меня за шиворот, ткнул пальцем куда-то под ребро – так, что дух перехватило, и ласково спросил, «чокая» почалдонски: «Ты чо, малой? Это чо ж из тебя будет? А ты чей вообще-то? Отец-то есть? Лупит?»

В той жизни меня лупили несколько раз. Однажды, когда, еле оправившись от воспаления лёгких, затеял гонки на сбитых костылями шпалах через лужу, которая всякую весну возникала на пустыре около железнодорожной линии. Понятно, не удержало скользкое судно – врюхался в воду по грудь.

Мать не стерпела и, прежде чем пустить к печке отогреться, дала пару профилактических «горячих» скрученным полотенцем. Второй раз тоже досталось от мамы, и повод был посерьёзнее, но это, пожалуй, не для публичных

воспоминаний. Всё равно Покидову гордо было заявлено: «Нет!» – и это было почти правдой.

«Ну, тогда я поддам», – совсем ласково сказал следователь и ещё раз ткнул железным пальцем в онемевшее тело. Спасибо Раисе Васильевне – выручила – и отпустил меня страшный «мент». Но, что называется, «сфотографировал», и потом при встрече (а они в городке-с-ноготок случались часто), бывало, возьмёт, да и подмигнёт... Наверняка теперь знаю, что у Покидова был я не один такой. Стопроцентно педагогичными его методы вряд ли назовёшь, да и вообще, не его было, наверное, дело возиться с ребяtnей, и к тому ж вышел он из «неправильной» милицейской школы, потому что – советской. Более того, при Сталине ту школу кончал, но факт есть факт – ни я, ни мои тогдашние приятели на опасную дорогу блатной романтики не стали».

Запомнился, значит, твёрдый перст, указавший путь законопослушания. Вот такими были его «топкинские университеты».

После окончания школы Василий решил поступать на историко-филологический факультет Томского госуниверситета. Почему не в Кемерово, который отстоит от Топок всего-то на три десятка километров? Может быть, именно эта близость малой родины к кузбасской столице и сыграла свою роль – хотелось скорее вырваться из-под родительской опеки, уехать подальше от шальных топкинских улиц. Да и сам древний город поманил своей богатой историей.

Но если о томском периоде своего высшего образования Василий вспоминал часто и хорошо, то о другом – Иркутском периоде – рассказывать не очень любил. А ведь был в его жизни и такой отрезок, когда он поучился и на филфаке Иркутского универа.

Свои писательские и журналистские способности он начал оттачивать, ещё учась в «высших школах», – в студенческих многотиражках.

Была в жизни молодого парня и срочная служба в Советской Армии, которая, не без оснований считали в то время, закаляет характер и учит жизни.

А он уже не представлял своей жизни без журналистики.

«...Сорок лет я проработал в разного рода периодических изданиях. В основном дома, в Кузбассе. В его газетах. Если не считать небольшого времени, проведённого в ранней молодости на Севере – в радиоредакциях Таймыра и Ямала», – с гордостью говорит Василий в своих воспоминаниях.

Как журналист и литератор, он много и часто печатался в разных газетах и журналах, столичных и местных. Редакторы публиковали его с удовольствием – за интересный, образный слог, убедительность и непоколебимо логичное выстраивание аргументов и фактов, за яркую публицистичность.

2.

Но первые, по-настоящему «крепкие» его статьи и заметки увидели свет на страницах газеты с говорящим названием «За коммунизм» (с 1990 года – газета «Мой город») в небольшом шахтёрском городе Берёзовский.

Газету возглавлял редактор Владимир Денисович Чворо. Все, кто знал этого мэтра районной журналистики Кузбасса, именуют Владимира Денисовича не иначе, как

легендарный редактор. Эту газету в Берёзовском создал именно он и 30 лет беспрерывно руководил ею. Он же открыл в Берёзовском городскую типографию, организовал в городе кружок литераторов.

В этом кружке откристаллизовался замечательный талант поэта Леонида Гержидовича. В редакции берёзовской газеты прочли свои первые стихи известные теперь кузбасские поэты Владимир Иванов, Николай Колмогоров, Владимир Соколов, Юрий Михайлов. Позже все они стали членами Союза писателей России. Со временем членом СПР стал и бывший литсотрудник этой газеты, автор книг Василий Попок.

В этой же редакции в те годы трудился известный ныне российский писатель Виктор Владимирович Королёв, из-под пера которого вышли такие популярные книги, как «Пушкин и Аракчеев», «Генерал Милорадович», «Еликанида и Анна», «Марианна Ярославская», «По следам Пушкина», «Шляпа камер-юнкера» и другие.

В Берёзовской газете Королёв начинал литсотрудником:

«В семьдесят третьем я приехал с Дальнего Востока в молодой город-спутник областного центра, – рассказывает Виктор Владимирович. – Газета называлась «За коммунизм»... Город строился быстро, уголёк шёл на-гора, люди трудились с радостью. Суровые люди – шахтёры, строители, водители – они верили в лучшее, любили город и местную газету.

В редакционной комнате нас было пятеро. Примерно одного возраста. Молодые, амбициозные ребята. Все мечтали стать писателями. И, что удивительно, все пятеро стали. Вася Попок – мэтр кузбасской журналистики. Володя Иванов первым из нас (по-моему, даже раньше Лёни Гержидовича) издал книгу стихов... Володя Соколов работал потом в Кемеровском книжном издательстве, автор четырёх поэтических книг.

Редактором был Владимир Денисович Чворо. Абсолютно легендарная личность. Он умел всё: писать, убеждать, рыбачить, ругаться, поощрять. Он давал нам полную свободу...».

Чворо воспитал целую плеяду талантливых журналистов, в которую однозначно вошёл Василий Попок – и на этот раз ему повезло с учителем. Вот где закалялся характер и оттачивался талант Василия Попка! И герои для очерков находились, и от обиженных фельетонных персонажей редактор в горьком парии неистово защищал его и других своих подчинённых...

Здесь Василий впервые в жизни спустился в шахту. Здесь узнал о труде строителей, благо строили тогда так много, что в нынешние дни до тех темпов достать всё не могут. Вспоминая свою журналистскую молодость, спустя годы Василий Борисович повествовал в одной из заметок на страницах «Моего города»:

«...Когда я собирался ехать на работу в Берёзовский, мне сказали про Чворо, что он цыган. А он оказался круглоголовым и круглотелым здоровячком, ничего цыганского: остатки волос – русые, а глаза светлые и весёлые.

В его газету (а она была его – он создал её с нуля) я попал двумя заходами. В 1967 году был заход как бы пробный, на пару месяцев. А спустя пару лет – основательный, на десятилетие.

Газета только-только обживалась в городе. Собственно, и город был какой-то необжитой, не вполне город: пара посёлков при шахтах и район Октябрьский, состоявший в основном из щитовых одноэтажных домиков, которые по кособокому поднимались к тайге...

В редакции меня встретили приветливо. Объяснили, что отныне я – литературный сотрудник отдела культуры и быта с месячным окладом 80 рублей, с перспективой гонорара в червонец, а жить буду в рабочем общежитии с другим литературным сотрудником, из промышленного отдела, – Володей Ивановым. Но первый берёзовский эпизод моей жизни пролетел как-то быстро и незаметно.

Начну со второго захода, с возвращения в редакцию. Оно, впрочем, было похожим на первое. Поменялся только отдел, в котором я начал работать – меня направили в промышленный отдел. Всё остальное осталось прежним. Ну, кроме некоторых людей.

Ушли взрослые сотрудники-мужики, кто куда. Остался Чворо и две трудолюбивые женщины – Татьяна Уланова (она же жена редактора) и Елена Соколова (она же жена председателя исполкома). Ещё машинистка Люда. И мы – околосорокалетний народец, который Владимир Денисович учил и научил работать, не оглядываясь на выходные.

Сорокалетний, нам он казался стариком. Мы его уважали и побаивались. Так было, пока мы сами малость не заматерели, и уже не надо было никого подгонять, никому ничего подсказывать. Благо газетных тем и поводов для публикаций, в массе своей производственных, было полно и ещё сверх этого «полно».

Чтобы мы стали матёрыми, Владимир Денисович придумал систему газетных рубрик и график их сдачи. За неисполнение начислялись штрафные баллы, за хорошее исполнение – плюсики.

Первое время мы выли и ругались, но потом смирились, привыкли и почувствовали, что можем и умеем. Потогонная «Чворина система» дала свои результаты, газета вышла в самые толковые в Кузбассе среди городских, и уже к нам стали присматриваться заезжие редакторы и «сватать» на свою сторону.

Между тем, мы не хотели никуда уходить. Рос город, и мы вместе с ним. Нам было вполне хорошо и уютно. Мы знали всех. Все знали нас. А если не знали по имени, то знали, что «корреспондент» и что «у Чворы работает». Идёшь по пешеходной дорожке в микрорайон и голову отматываешь, отвечая на приветствия.

Контора была дружной, жила вполне семейной жизнью, мы были в курсе всех проблем друг дружки. Редакционная молодёжь стремительно женилась, рожала детей, вселялась в новые квартиры, по большей части, первые в своей жизни, которые помогал «выбивать» редактор. Чворо явно наслаждался ролью патриарха, разрешая конфликты, миря и благодетельствуя.

Мы читали книжки (редактор выдвинулся в число главных книголюбов города), писали стихи, выпускали забавную стенгазету, выезжали на природу, когда только-только начинала проклёвываться колба, отчаянно веселились по праздникам прямо в редакторском кабинете, а наш шеф не отставал от молодёжи и смешно «клеился» к нашим жёнам и ещё не жёнам.

Мы были довольно способными ребятами, вокруг редакции постоянно табунились местные литераторы, и в конечном итоге трое из нас: Володя Соколов, Володя Иванов и я, стали не только приличными журналистами, но и вполне ничего себе поэтами и писателями. Газетная подёнка, закалив нас, творчески не высосала и не засушила...

Продуктивными остаёмся по сей день. Не исписались. Сегодня мне кажется, что так получилось из-за Владимира Денисовича – ему нравилось живое слово на газетной полосе, а нам нравилось, что ему нравятся наши тексты...».

А ещё – будущий литератор Попок у редактора В. Д. Чворо налегал на стихи: «В двадцать лет стихи лились из меня, как ручей из весеннего сугроба. Любого автора, от бродяги Франсуа до экс-архитектора Андрея Андреевича, прочитать, с любой строки, хоть днём, хоть ночью – пожалуйста».

3.

Школа редактора Чворо очень пригодилась Василию Попку, когда он сам стал редактором газеты. Он, может, и не хотел становиться «начальником» в небольшом журналистском коллективе. Но кто же нас тогда особо спрашивал?!

Его вызвали сначала на беседу в Кемеровский сельский райком партии. Он заупрямился: не хотел менять жизнь рядового от журналистики на редакторское кресло. Тогда его пригласили в обком партии, где твёрдо прозвучало модное в конце 1970-х в СССР слово: «Надо!». И он стал редактором сельской газеты Кемеровского района «Заря».

Что же, эту работу он уже знал «изнутри». Требовал и просил от подчинённых интересных и острых материалов, чтобы «в газете было что почитать». Учил «глубже вникать» и до конца разбираться в острых вопросах, выслушивать и учитывать разные точки зрения, пусть даже и совсем неинтересные или невыгодные автору.

И так же, как бывало и Владимир Денисович, бурно отстаивал в райкомовских кабинетах точку зрения своих литсотрудников, а, значит, позицию газеты по самым разным проблемам.

Вот что вспоминает об этом периоде жизни Василия Борисовича один из самых известных сегодня кузбасских журналистов-ветеранов Виктор Иванович Сохарев:

– Мы познакомились тогда, когда он был редактором сельской газеты «Заря». После угольного Берёзовского он быстро освоился в новом направлении и свободно ориентировался в проблемах, разбирался с жалобами и критикой селян. На многих полевых станах, в колхозах и совхозах его встречали, излагали проблемы, просили о заступничестве. И редактор «Заринки», как её называли, становился арбитром в споре, писал статьи в защиту селян, доказывал. И учил работать молодых коллег, чтобы они разбирались во всех тонкостях, изучали суть проблемы и не допускали ошибок...

В прежние времена действовал неукоснительный закон: «районка» должна прийти к читателю в любое время года строго по графику. В мире не может быть причин для «невыхода» очередного номера – такого в кузбасской журналистике просто не бывает. У редактора Попка таких срывов никогда и не было. Да и быть не могло! Это с развалом страны старые законы журналистики перестали действовать, что удручало ироничного, острого на слово матёрого журналиста В. Попка:

«Деревня, где я теперь живу, большая. Село на полторы тысячи человек. Есть своя почта. Газетных подписчиков здесь около сотни, – пишет Василий Попок во вступительной статье «Мы были и остались вездесущими» к книге «Журналистика Кузбасса: строки истории» (Кемерово, 2008). – Спросом пользуются газеты объявлений и сканвордов. И всякие специализированные, вроде «Моей усадьбы». Областной «Кузбасс», даже цветной четверговый, с телевизионной программой, выписывают немногие. Таких адресов около десятка. В их числе сельсовет и школа. В затяжной Новый год мне «Кузбасс» вообще не носили. Объяснили так: газета из редакции не вышла. Загуляли, дескать, журналисты и про работу забыли. Тоже, мол, люди. И смешно, и грешно. С одной стороны, я почтарей понимаю: разве ж охота по морозу из-за одной газеты тащиться на дальний конец деревни? С другой, за товарищей обидно: работали, чего-то там писали, фотографировали, секретариат трудился, художник на Рождество просто-таки до иконописи поднялся, а тебе говорят – из редакции не вышла.

Признаюсь: поскандалил я. И с той поры газету носят строго регулярно: три раза в деревню почтовая машина приходит, и три раза – во вторник, четверг и субботу – получаю родной «Кузбасс»... В годы, когда начинался мой журналистский путь (целую жизнь назад), мало-мальски похожее равнодушие к прессе представить было невозможно.

Газет и журналов выходило, конечно, по сравнению с новыми временами, немного. Это сейчас глянешь на газетный киоск – глаза вразбежку. Да всё такое цветное, вызывающее и зазывающее. А тогда было несколько центральных во главе с «Правдой» и «Огоньком», пара областных и районная или городская «сплетница»; ну, ещё многотиражные на крупных предприятиях. Все они до ухода на растопку

или раскурку прочитывались от заголовка до выпускных данных. Две-три газеты выписать на семью – это обычно, это норма. И даже литературные журналы вроде «Нового мира», «Знамени» и быстро набравшей популярность «Юности»...

Так что работы у почтарей, ходивших «с толстой сумкой на ремне», было очень много. А общественный статус газетчиков и газет стоял очень высоко. Редактор городской или районной газеты – обязательно заседатель в местном верховном органе власти, в бюро райкома или горкома. И депутат соответствующего Совета. То же и в области: даже заведующий газетой (в отделе всего-то два сотрудника вместе с заведующим) или такого же ранга работник радио и телевидения – «номенклатура» обкома партии, его кандидатуру специально рассматривают в синклите главных людей Кузбасса, задавая разные каверзные вопросы, и утверждают голосованием. Про столичных руководителей прессы молчу – те вообще небожители».

Вообще-то Василий Борисович несколько лет и сам был членом партии. Своеобразным, конечно. К партийному уставу относился критически. Мог не подчиниться решению большинства, если считал его неправильным. При этом в 1980-е годы работал заведующим отделом промышленности в областной газете «Кузбасс» – печатном органе обкома КПСС, был секретарём партийного бюро редакции этой газеты.

«В старом «Кузбассе» иерархия была поэтажная, – вспоминал он летом 2021 года работу в главной партийной газете области. – Первый этаж – столовая и отдел писем, куда стекалась вся почта (очень обширная!) редакции. Второй этаж – хозяйственный и там же был бар. Можно было не только кофейку употребить с булочкой, но и кое-чего покрепче. Третий – проходной. Через него ходили в типографию. Управление газетой велось с четвёртого этажа. Там был редактор.

Пятый – экономический и информационный блок. Шестой – идеология: партотдел, советы (не советы по домоводству, а Советы народных депутатов), культура и всяческая пропаганда. Идеографы, описатели директивно спущенных сверху идей и указаний.

Пятый этаж явственно презирал идеографов. Там жили углём и металлом, сельскохозяйственными кампаниями и экономическими проблемами. А на «шестом» пропадали на партийно-профсоюзных активах.

Главный отдел шестого этажа – партийный. Им заведовала Татьяна Ганичева. Но, против ожидания, она была не «синий чулок» и не «сухой сухарь», а вполне компанейская тётка...».

4.

Когда в стране во второй половине 1980-х начало «закипать» в результате «перестройки», затеянной М. С. Горбачёвым, сотоварищи, Василий всей душой поддержал новые веяния. Ведь в пору застоя в редакции партийной газеты все только и говорили о необходимости перемен.

А когда начались шахтёрские забастовки, появились рабочие комитеты, тут уж и Василий Попок с некоторыми коллегами от разговоров перешли к делу – решили выйти из КПСС и создать свободную, независимую газету. С ним в этом участвовали

журналисты Дмитрий Шагиахметов и Владимир Шишватов. Должности они себе придумали такие: соредакторы, – чтобы никому не было обидно. Как ни странно, КПСС, которая в то время принимала решение об открытии новых СМИ, разрешила соредакторам газету. Они называли её «Нашей...». «Нашей газетой».

«Летом 1989 года начал с соратниками редактировать «Нашу газету». Однако после ряда конфликтов с коллегами, поставил это издание полностью под свой контроль, – писал Василий Борисович в своём блоге в «Живом журнале» под ником «Вредный старикашка».

«Наша газета» была общественно-политическим изданием. В 1989 году, во время шахтёрских забастовок в Кемеровской области на многих угольных предприятиях и в городах возникли рабочие комитеты. Для информирования граждан о своей деятельности им потребовалась своя газета. Ею и стала «НГ».

Датой рождения «НГ» считается 11 декабря 1989-го. Первые её выпуски выходили под шапкой «Союз трудящихся Кузбасса». Под крышей нескольких многотиражек: НПО «Карболит», Кемеровопромстроя, Кемеровской железной дороги, – напечатали первые 9 номеров. А 10-й номер увидел свет уже как отдельное самостоятельное издание «НГ» в феврале 1990 года.

Газета была злободневной, острой, смелой. Отдельные её выпуски вмещали до 20 полос. К лету 1990-го тираж «НГ» перевалил за 100 тысяч экземпляров. 18 октября 1990 года газета была зарегистрирована как всероссийское издание. Она распространялась по подписке, в розничной продаже, а также на промышленных предприятиях области.

«Вредный старикашка» В. Б. Попок подчёркивал: «Мы гордились «Нашей газетой». Особенно «золотым веком» её, вместившимся, впрочем, в два неполных года. Начавшись 11 декабря 1989-го, газета после оглушительной победы демократии в августе 1991-го, понемногу свёртывала свою независимость...

Какими бы мы потом ни стали, как ни разошлись пути наши, но были у нас совместные два года «Нашей газеты». Счастливые годы. До них жили в регламентации партийной прессы: шаг влево, шаг вправо – расстрел. А тут, что называется, оттянулись в 1990-91-ом... Но всё это было потом. А поначалу газета стала первым в Сибири изданием свободной журналистики.

...Брали читателя разными рисковыми материалами. Ну, к примеру, главкой из «Архипелага ГУЛАГ» про Новочеркасск. Опасными рассуждениями про КПСС. Разоблачениями экологических нарушений. Политическими штудиями московских лидеров общественного мнения. Экономическими размышлениями про «региональный хозрасчёт». Рассказами, как оно там, «за бугром». И почти не редактируемыми, иной раз с ненормативной лексикой читательскими письмами – народ ругался на тормозную «перестройку», торопил власть, хотел жить лучше, сытнее, веселее, бездефицитнее. Мы много зарабатывали и первыми в Кузбассе обзавелись компьютерами и перешли на электронную вёрстку.

В редакции появились хорошие машины. Мы стали ездить по стране и брать интервью у знаменитых людей... О нас вещала радиостанция «Свобода». Великий диссидент Алик Гинзбург выпустил в Париже приложением к «Русской мысли»

факсимиле наших заметок. К нам заезжали профсоюзники США и профессора Колумбийского университета. Мы ручкались с коллегами из СМИ всех континентов. Эх, было время!»

Но через два совместных года работы соредакторов в «НГ» их пути разошлись. Один из них начал всерьёз задумываться: а не помогают ли они «выплеснуть с водой и ребёнка», не ведут ли они массы к такому развалу, вслед за которым исчезнет и страна? Другой начал размышлять о том, что рамки цензуры всё-таки нужны: вот этих – можно критиковать, а вот тех – ни-ни! Третий призывал ни в чём не сомневаться и крушить всё подряд...

В общем, Попок ушёл из «НГ» в 1991-м, хотя газета прекратила своё существование только в начале 2000-х.

5.

Ветеран журналистики Кузбасса Владимир Михеев, много лет отработавший в областной молодёжной газете «Комсомолец Кузбасса» (в 1991 году сменила название на «Кузнецкий край»), в той самой газете, куда и перешёл из «НГ» работать и Василий Попок, писал:

«Результатом окончательного прозрения соредактора Попка стал уход в корреспонденты. Не вдаваясь в объяснения, он предлагал особо дотошным представить газету в образе всадника без головы. Недотепам пояснял:

– Без головы может быть всадник. Но не лошадь!

Стало быть, и в карьерном самоотречении Василий был первым, оставаясь, тем не менее, в седле. Во времена, когда личность, порода, штучность, измельчав, перерождались в элементарную тучность, журналист и публицист Попок только прибавлял». Речь, – уточняет Владимир Михеев, понятно, не о живом весе Василия Борисовича, – а о весомости его выступлений.

Попок расследует и пишет, говоря то, что думает, называя героев – героями, а воров – ворами. Широта его творческого диапазона огромна. Он выдаёт в своих материалах такие версии, которые недоступны писакам-острякам, он ставит в тупик оппонентов.

Вот лишь некоторые выдержки из его публикаций.

«Игра в шахты»:

«Некоторое время тому газетные экономисты удивились волне банкротств, внезапно накрывших наши крупнейшие предприятия. Потом «подвели» под вал разорений теоретическую базу. Во-первых, сами предприятия суть «социалистические монстры» и, стало быть, в рыночных условиях работать не могут. Не обладают должной гибкостью. И вообще, любой советский промышленный гигант – это «гроб с музыкой»...

...Проходит год-другой плевков и пожиманий плечами на предприятия-банкроты, а потом оказывается, что их взяли под свою опеку именно те, кто их ругал «гробами». И кто, подозреваем, из всех сил добивался их банкротства. А ещё добавим, что всё это происходит в общероссийском русле перераспределения собственности...».

«Запах с моря»:

«...Подумаешь, полста дачных коттеджей отхватили себе ребята на казённые деньги. Каждый всего на три комнаты. Мелочь... Однако полсотни «домиков», во-первых, строились не близь нашей комариной тайги, а на побережье Чёрного моря, в курортном местечке со знаменитым именем Тамань».

«Харизмы»:

«...Любая попытка проверки исполнения областного бюджета за 1993-94 годы (так она и не состоялась) квалифицировалась как подрыв демократических устоев. Ревизии, проведённые Счётной палатой, всячески дезавуировались, независимость аудиторов ставилась под сомнение, и в конечном итоге ни одно (!) предписание выполнено не было. То, о чём сегодня написано в «Сводном протоколе», который подвёл итог двухнедельного бдения на рельсах Транссиба, тянется из вчерашнего дня. Мёртвый вцепился в живого. И пора кончать с этим».

Он в открытую называет в своих публикациях имена и фамилии – среди его «героев» и первые лица региона – тех, кто не брезгает «брать» из областного бюджета себе в карман. Пишет о схемах недобросовестного банкротства крупнейших предприятий Кузбасса. Призывает правоохранителей, депутатов, да и всех добросовестных налогоплательщиков к бдительности, говорит о привлечении к ответственности нарушителей закона.

Про его острые публикации знают не только в Кузбассе, но и в столице, его статьи печатает московская газета «Завтра», внештатным корреспондентом которой он является. Вот как нашего внешкора представили в заметке газеты «Завтра» в январе 1998 года:

«В Кемерове начал работу наш собственный корреспондент Василий Попок... Автор... – не бесстрашный свидетель жизни региона, а активно влияющий на её течение. Василий Попок – известный в Кузбассе журналист, человек бесстрашный и прямой. В одной из осенних публикаций «Завтра» уже рассказывала о том, как местные мафиози взорвали квартиру этого журналиста, пытались запугать его, принудить плясать под свою дудку. Это им не удалось».

Нарушителям закона смелая журналистика Василия Попка, конечно же, не нравится. Отсюда и череда устрашающих акций в отношении самого журналиста. Самая громкая – ночной взрыв входной двери в его квартиру в многоквартирном доме. Эту акцию неизвестные преступники провели 4 октября 1996 года. Журналистская и околжурналистская общественность испуганно заволновалась. Подробности того устрашающего теракта изложил на страницах федеральной газеты «Труд» её собкор Юрий Котляров в статье «Бомба для журналиста». Написали об этом и другие издания и блогеры.

Один из блогеров прокомментировал так: «Любой прикинь на себя – взрывают вашу квартиру. Таким образом, как бы говорят: остынь, парень. Иначе... И у Попка интересовались: как оно подействовало, поправочки какие-нибудь будут внесены в принципы репортёрской работы? Но он отвечал, что стресс, конечно, был. Но у него есть испытанные средства против стрессов. Сперва хорошенько «вмазать» с друзьями, потом рвануть в предгорья Алтая, пошататься по диким сопкам, а по приезде... счесть всё случившееся высшим признанием профессионализма».

Но сочувствовали далеко не все. Кто-то радовался, правда, втайне надеясь, что Василий «уймёт» своё острое перо. Были даже такие, кто считал, что журналист сам пытался взорвать себя: для пиара...

Правоохранительные органы наладили следствие, но по прошествии времени так никого и не нашли.

В конце января 2010 года в селе Топки был ограблен загородный дом Попка: через взломанную в отсутствие хозяина дверь вынесли только компьютер (ноутбук), основное рабочее орудие человека, зарабатывающего печатным словом. К этому времени Василий работал обозревателем областной газеты «Кузбасс». Воры игнорировали массу других привлекательных, компактных и легко реализуемых вещей. По данному случаю тоже было возбуждено уголовное дело. Оперативники Топкинского уголовного розыска отработали все «деревенские» версии – безрезультатно.

В ночь на 10 марта 2010 года этот загородный дом Попка вообще сгорел. По счастливой случайности сам журналист не пострадал, из огня его спасли соседи, заметившие огонь. Большая часть имущества погибла при пожаре. Сам он считал, что причиной пожара стал поджог, связывал случившееся со своей профессиональной деятельностью. Опять возбудили дело.

Учитывая большой общественный резонанс случившегося, Кемеровская областная организация Союза журналистов России обратилась к начальнику ГУВД области – взять расследование данного дела под личный контроль. Однако и в этот раз следствие не дало результата.

Одних удивляла эта странная закономерность: расследования, связанные с Попком, заходят в тупик, ибо ведутся по фактам возбуждаемых дел, а не по следам его выступлений. Другие иронично шептались: а что вы хотите?! В таких журналистах как Василий Попок, сейчас заключены и партийный, и народный контроль, и «прожектор перестройки», и ОБХСС в одном флаконе. Героизму – вот и получает...

А для него выше всего была ответственность за слово. Ведь свой авторитет журналист и публицист выковал, «борясь с авторитетами, возомнившими себя хозяевами жизни». Он шутил, что лишает их покоя и сна, поэтому они орудуют бессонными ночами.

Известно, талант человека питает его малая родина. Про Василия давно придумана рифма: Попок – из Топок. Его друзья шутят: «Родись он не здесь и не в первый послевоенный год, а, скажем, в период расцвета Египта, мир знал бы не только секрет загадочной улыбки Сфинкса, но и конкретно, в цифрах то, насколько подрядчик-строитель надул Хеопса».

Он, как опытный «следак», въедлив и дотошен в своих исследованиях изнанки жизни. А потом так логично и образно излагает факты – зачитаешься. Недругов бесит талант журналиста и его смелость – особенно. Однажды ночью они крупно написали на бетонном заборе напротив редакции: «Попок – сволочь!» (без мягкого знака, торопились, видать). Василий побежал к редактору: «Не вздумайте забелить!» Говорят, вид из окна кабинета воодушевлял журналиста на новые публикации.

Другой бы не сумел стерпеть такой рекламы, а Василий-острослов видел в ней тут не руку хулигана, а многозначщее признание своего триумфа над теми, против кого борется.

6.

Все, кто не знал близко Василия Попка, считали, что мэтр не спит, не ест, а только расследует и пишет, пишет, пишет... Но любому таланту нужна подпитка, передышка – релаксация, как сказали бы сейчас. Для этого у него – хорошо знают друзья – есть добрая, большая отдушина – любовь к путешествиям.

Много ли мы знаем наград или знаков, учреждённых в честь известных любителей странствий? Например, существует редкий значок «Лесные путешественники», знак «Путешественник Рауль Амундсен. Полярный исследователь» или медаль имени русского географа и натуралиста Н. М. Пржевальского. Так вот, в честь нашего кузбассовца названа медаль «Василий Попок – журналист-путешественник». Её учредили Кемеровская областная организация Союза журналистов России, Кузнецкое отделение Русского географического общества и Общество юных краеведов и путешественников «Кузбасс».

Награду изготовили в начале 2016 года – к 70-летию Василия Борисовича. К тому времени Попок уже успел поработать собственным корреспондентом журнала Федерального Собрания страны «Российская Федерация сегодня», не уставал сотрудничать с газетами «Кузбасс», «Земляки» и другими изданиями. Уже умеренно отдавал дань любимому Бахусу и активно вёл свой блог «Вредный старикашка» в ЖЖ. Не пропускал ни одного мало-мальски важного события в Кузбассе, печатными и непечатными словами реагируя на них, отстаивая свои позиции и свою честь.

Например, блогеру «Комментатор40», который назвал его «прогубернаторским ресурсом», «Вредный старикашка» ответил: «Признаться, никогда не скрывал симпатий к Тулееву. Мне он и сегодня представляется мощной и деятельной

фигурой. Нападки на него – щенячьи, не имеющие серьёзных оснований и, тем более, обоснований. Но указаний, что и как писать, он мне не даёт. Да я их и не принял бы. Так что – мимо тазика».

Здесь же, в блоге 28 января 2016 года он написал по поводу медали своего имени: «Коллегам душевное спасибо! До юбилейного дня, понедельника, ещё несколько дней. Но публикация – вовремя. Ведь она накануне долгожданной пятницы...».

Теперь эту медаль вручают особо отличившимся юным журналистам, начинающим путешественникам, уже успевшим совершить значимые походы и восхождения, а также ветеранам журналистики и туристического движения. Кстати, первые медали имени Попка получили победители VI областного фотофестиваля «Мир вокруг нас»-2016.

Вообще-то, туристом-путешественником Попок стал далеко не сразу. – В начале далёких 1980-х, – сообщил сам много попутешествовавший Виктор Сохарев, – Василий очень удивился, «как это я сочетаю работу с походами, и интересовался, зачем это мне надо – уходить от цивилизации, заниматься туризмом, ходить по тёмным и сырым пещерам, преодолевать горы и бурные реки?» На тот момент он хоть и отлично представлял себе область, но пока ещё не стремился отправляться в сложные походы. Считал, что это какое-то сумасшествие. Лучше – цивилизация.

Мы после этого не виделись несколько лет. Вернувшись в Кемерово, я узнал, что Василий сам увлёкся туризмом, да так, что начал сплавляться по бурным рекам страны. По-прежнему любил Кузбасс с его красотами. Отправлялся с друзьями в сложные сплавы по терсям, казырам и прочим порожистым рекам. Преодолевал трудности и закалялся как турист и как журналист. Ведь именно в таких походах укрепляется характер, чувствуется рука и поддержка друга...

Василий Борисович – человек основательный. Во всём – и в жизни, и в работе, и в многочисленных своих походах. Поэтому к поездкам или речным сплавам готовился загодя, задолго до начала обсуждал с друзьями предстоящие маршруты, прокладывал их по картам.

«Январь на исходе, – пишет он как-то раз в своём интернет-блоге. – И, живя по принципу «готовь телегу зимой, а сани летом», пора строить планы на летний отдых. Предложу свои программы. Много раз испытанные. Они состоят из водных путешествий по кузбасским рекам. «Дикарём». На лодке-резинке. На пластиковом рафте. На туристском катамаране. На любых плотах, вплоть до забытых деревянных. Последний месяц лета – самый, на мой взгляд, благодатный для таких путешествий на волю-вольную, в комфорт палатки и тепло живого кострового огня».

Август для Попка имеет массу плюсов: «Августом не так буйствуют человекоядные насекомые... Обвальню поспевают таёжная ягода – на всех этажах лесов и полей одновременно можно брать смородину, красную и чёрную, жимолость, чернику и бруснику... Должно сюда добавить грибы, созревающие кедровники и всегдашнюю рыбалку».

Он много лет именно август провёл на многочисленных кузбасских реках. И не осталось в регионе, пожалуй, ни одной, даже самой маломальской речки, на берега которой не ступила бы его нога, и про которую он не написал хотя бы двух строк.

«Это реки в основном горные (в том числе Томь) и довольно быстрые. Но чересчур опасных препятствий на них нет, исключая разве что Хомутовский порог на Мрассу, «трубу» Бельсу, чисто спортивные Казыр и Тебу и в большую воду верховья Верхней и Нижней Терсей. Всё остальное превосходным образом преодолевается на простой резиновой лодке. Но, конечно, в любом варианте без бравады, поскольку утонуть можно где угодно, даже в ванной».

Думается, в этих речных путешествиях он не только характер и тело закалял, но и лечил душу, уставшую от журналистских схваток с разной нечистью. И наслаждался, напитывался красотой сибирской природы:

«...Говорят, созерцание речных струй омывает душу и человек после путешествия по реке возвращается в мир безгрешнее младенца. Слово мир здесь я пишу по старой орфографии, ибо в этом варианте оно означает земную часть Вселенной, а в новом правописании омографично миру, как состоянию покоя».

У каждого человека в жизни должна быть РЕКА, – был уверен Василий Борисович. – Не важно, большая или малая. Главное, чтобы иметь возможность сверять по ней, по ходу её течения, ход и течение собственной жизни: «От ледохода до ледостава. И до нового ледохода. Не зря ж предки остроги с лиственничными заплотами, да и просто мирные посёлки с поскотинами ставили по берегам, на мысах, откуда широко и далеко видно, чтоб знать, друг или враг течёт по речным струям».

Или вот ещё: «Река – навсегда. Люди это сознавали очень хорошо: народы приходят и уходят, а реки остаются тысячелетия...».

Он не просто так ходил в горы, сплавлился по сложным «категорийным» рекам Кузбасса, Алтая или Хакасии, ловил хариуса на перекатах, ночевал в простой палатке, загорал на берегу или «запивал» настоящую уху горячительным напитком, – он писал об этом замечательные заметки и очерки в газеты и журналы. Писал так образно и «вкусно», что, читая Попка-путешественника, будто сам поглощаешь эту уху или лежишь на прибрежном речном песке.

«Мы валяемся в раскалённой палатке, поставленной в хвосте взлётного поля – тут, за границей горячего бетона, травка и кусты. Мы попиваем из пластиковой бутылки квасок, подаренный аэропортовским начальником Владимиром Петровичем. Время от времени лазим через дыру в колючем заборе купаться. На Кондому. В речке плавает тёмно-зелёная ряска и невидимые пескари прохладно щекочут ноги...».

А ещё, как филолог, он любил исследовать имена и названия тех мест, где случалось побывать. В его публикациях на эту тему можно узнать о многих топонимах Кузбасса, Хакасии, Алтая. Вот, например, его «Рассуждение о речном имени»:

«Если кто-нибудь скажет (а говорят постоянно и упорно), что имя реки Мрассу переводится с «древнешорского» как «Жёлтая река», не верьте. Это было придумано братьями-литераторами и один из них (помнится, это Олег Павловский) даже книжку написал «Мрассу – жёлтая река»...

...Шорцы произносят имя Мрассу, как Прас или Пырас. Это характерно для их языка: «м» равнозначно «п», вот, к примеру, гора Мустаг на некоторых географических картах вслед за шорской народной фонетикой маркировалась как Пустаг. Посёлок

Мундыбаш вполне узнаваем, когда звучит Пундыбашем, а гора Патын по-видимому запросто отзовется на Матын».

Всем, кто впервые встречался с Попком – большим на вид и на вес – он казался нерасторопным, неуклюжим, может даже, ленивым человеком. На самом деле внешность эта была очень обманчива. Конечно, с годами мало что осталось от того поджарого топкинського пацана, который мог запросто промчаться во главе ватаги по крышам железных гаражей или перемахнуть на спор железнодорожные пути перед приближающимся поездом. Но та детская лёгкость, с которой он мгновенно мог собраться на любой пацаний подвиг, осталась с ним на всю жизнь.

«Кто, к примеру, мог откликнуться на просьбу (просьбу, не приказ) редактора и пробиться через тайгу на «шишиге» (народное название модели ГАЗ-66) в Хакасию? – вопрошал на 70-летие Попка бывший редактор областной газеты «Кузбасс» Виктор Кладчихин. – На суд, на котором готовится неправый вердикт над другом газеты «Кузбасс» Мишей Шевалье? Кто вместо турецких песков отпуск проводил в таких условиях, как, к примеру, на Чибите, в Горном Алтае, у чёрта на куличках. Кто бывал на прииске Богом Дарованном (дореволюционное название), про Агафью Лыкову не говорю – это банальность! Кто?! Ну, конечно, Попок!»

7.

В «большой» журналистике и настоящей публицистике есть одна неизменная традиция – написание книг с изложением того, что волнует журналиста, о тех, с кем сводили творческие дороги, и про то, где бывал и что видел. Василий Борисович приумножил эту традицию. Его книги – творческая дань его жизни, уникальный авторский след и доброе «чтиво» для всех и каждого.

Кроме многочисленных очерков, путевых заметок, он – ещё автор литературных книг и книг очерковой публицистики «Кто нас накормит» (1990), «Деревенский дневник» (2003), «Посолонь» (2002), «Путешествия с друзьями» (2006).

Первую из книг он написал, ещё будучи редактором районной газеты, ту в пору, когда любая погода для советского села была, как шутят теперь, неблагоприятной. Уже прошла первая волна шахтёрских забастовок, Советский Союз ещё уцелел, но трещал по всем швам вместе со всей своей экономикой. А политика... А что политика?! Тогдашний новый губернатор Кузбасса уже порассуждал публично о вреде копки всем миром колхозного картофеля. Отсюда, наверное, и родилось громкое название – «Кто нас накормит?», в которое укладывается не только вечный вопрос, но и вся философия деревенской жизни.

Он же эту деревенскую жизнь знал до каждой мелочи – и снаружи, и изнутри. Знал по Топкам, в которых родился и вырос. По работе редактором в сельской газете, когда сутками, бывало, не вылезал из деревни, разбирая конфликты. По соседям, живущим рядом с его домом в селе Топкинском...

Потому так трогательны и достоверны в его повествованиях сельские обыватели с их нескончаемыми проблемами, которые и есть суть и череда их существования. Всего лишь один пример, чтобы понять, как глубоко знает он жизнь деревни, – рассказ «Смерть Валерки» – из-за того, что отвернулась от работающего мужика любимая жена Розка, с которой прожили душа в душу полтора десятка лет, которая

«не раз в драку лезла разнимать»: «Валерка уже в разодранной рубаше, уже арматуру половчей, по руке, в куче строительного мусора выбирает – она, как тигра в стадо, в дерущуюся кодлу влетит, кого матом, кого когтями за морду, кого туфлей в лоб, всех разгонит к чертям и ведёт всхлипывающего Валерку домой, вытирая ему платочком поочерёдно то кровь, то сопли...

Так они и жили. А потом поругались. Пятнадцать лет не ругались – и вот на тебе. Обсмеяла Розка мужа за мечты его никудышные, за татуировку на пальце и вообще сказала: никакой, мол, ты не мужик, а так – говновоз колхозный.

Валерка в чём был, в том и ушёл к матери. Нелка равнодушно его приняла: «А, ты пришёл?» – ей не впервой было сыновей от жён принимать, пускай живут, а там, глядишь, помирятся.

Неделю Валерка пил по-чёрному. На работу, правда, ходил. И Розку там видел. Но не разговаривали.

Накануне как умереть, вечером, пришёл с фермы мрачнее тучи. «Смеётся!» – сказал матери про Розку. Всю ночь ворочался и садился курить у открытой печки.

Утром оделся, вышел на двор, дошёл до калитки и упал... На вскрытии оказалось – обширный инфаркт, несовместимый с жизнью...».

Не отсюда ли известные шутки Попка типа: «Не надо смотреть на мир слишком трезво – сопьётесь»?

Его книга «Путешествия с друзьями» – не о том, как люди валяются на шезлонгах у бассейна отеля в Турции, или ещё каком курортном месте, с бокалом «мартини», а о путешествиях с палатками. О такой романтике речных приключений – с плотами, катамаранами, гитарами, когда есть только ты и дикая природа вокруг... И, конечно, с верными друзьями!

Поражает прямо-таки космическая философия автора, его глубокие рассуждения о смысле жизни, о месте человека в окружающем мире:

«Мы очень уязвимы внутри машинной цивилизации – как самая незащищённая её часть. А от нетронутой природы, когда-то считавшей человека столь же своим, как птицу в небе или зверя в лесу, люди нынче дальше, чем от Москвы либо Нью-Йорка. Туда можно добраться, были б деньги, а вот в лоно былой, нежелезной, непромышленной, неэлектрической и нехимической гармонии никогда не вернуться.

Однако очень тянет. Это, наверное, инстинкт. В детстве мы уходили в лога и овраги, морщинами исчертившие городскую окраину, и на их мокром, сочащемся торфяной водой болотном дне ставили себе убежища – из жердей, прикрытых осокой. Это называлось «балаган»... Зимой, предводительствуемые неутомимым выдумщиком Петькой Шариковым, эдаким гайдаровским Тимуром топкинского квартала по имени «Кукан», мы строили на пустыре снежные крепости – высокими и почти что неприступными стенами окружая сложенный из плотного снега дом-детинец, куда можно было пробраться извилистым и длинным ходом, причём в тайну хода посвящали далеко не всякого».

Язык литератора Попка трудно перепутать с другим автором, настолько он сочный и образный:

«...Представьте, что вы идёте сплавом по верховьям какой-нибудь речки, где ни души. Ну, разумеется, если считать бездушными эти тёмно-синие плёсы, играющие пеной перекаты, стоящие высокими валами и проваливающиеся пенными ямами пороги. Или эти грандиозные каменные осыпи и наклонившиеся над ними глыбы базальтовых останцев. И кедры, подпирающие небо. И снежники сахарной белизны. И остроглавые, брильянтово искрящиеся на солнце ледовые пики, время от времени возникающие в узком речном створе каньонного типа. И ниточки водопадов – оттуда, из-под облаков, где в поднебесье, близ не видной отсюда вершины – озеро.

И отнюдь не без души эти красующиеся для вас молодые, только с гнезда, коршунята, пикирующие в игре друг на друга, парящие навстречу с внезапными переворотами (как «МИГ» в боевом развороте – свечка вверх и круто назад), когти выставлены в грудь партнёру – поостерегись! Или эти выдры и норки, бесследно исчезающие в валунах и прибрежной растительности на расстоянии вытянутого весла.

И кряквы, проносящиеся со свистом пули по-над рекою. И чуткие, хотя и подслеповатые лоси, выходящие на водопой, капли – кап-кап-кап с мохнатой морды: вот мать-лосиха почуяла близящееся наше присутствие, грохот падающих камней, треск насмерть ломаемого подлеска, – нет их, будто привиделись. А это бурая медвежья семейка, вышедшая половить рыбу и поиграть на галечном пляже...».

Вчитываешься в его строки и пытаешься взглянуть вокруг себя глазами автора, уловить движение его души, которая не может нарадоваться безграничному ходу времени и бегу пространства.

«Ну, ладно, вот и вы, хозяева мира, здесь. И вас немного, двое или трое в одной лодке (ну, не в лодке, а на спортивном катамаране), и река раскручивает перед вами

свою ленту, всякий раз новую, проходи вы тут хоть каждый год или месяц, и всё вкупе – совсем другая жизнь, не городская, и другое ощущение времени – просторно-природное, с ходом, задаваемым темпом её, природы, бытия, а не универсально, унифицировано поспешливое и суматошное человеческое».

8.

Мастер слова, Василий Попок требовал мастерства и от других. Не терпел слабых заметок от подчинённых в пору редакторства – заставлял переписывать. И в последующей жизни графоманство ему претило.

Зная его любовь к слову, редакция «Кузбасса» поручила ему вести литературную страницу газеты. Это немалое приложение – четыре полосы большого формата – несколько лет регулярно выходило с его подачи. И здесь ярко проявился ещё один его талант – он оказался умным литературным критиком, тонким ценителем и исследователем творчества кузбасских писателей и поэтов.

Многих из них Попок знал лично: сживал с ними за одним столом, работал в газетах, сплавлялся по рекам. Но это не мешало ему быть объективным к их произведениям, открыто называть белое – белым, а чёрное – чёрным.

«Запалю на вечернем берегу костёр и сяду, «привалившись к потёмкам спиной», это значит Володя Соколов из темноты зашёл, – пишет он в своих заметках. – Надеваю в морозный день шубу и лохматую шапку – иду «застёгнутый в тепло» на пару с Владимиром Ивановым. Увижу увал, заросший всяческой притаёжной травяной дурниной и «застегну себе душу жёлтой пуговкой пижмы» вместе с Леонидом Гержидовичем. По листопадной осени прогуляюсь, возникнет Александр Ибрагимов, набормочет на ухо: «Сентябрь. Классицизм аллея очерчен колоннадой тополей. Последние влюблённые, ау, ладони подставляют под листву. И каждый лист, упавший в этот раз, один из нас, один из нас...».

«...И тут перейду как бы на другую сторону улицы, – отчётливо скажет затем Попок. – Почему запоминаются те, а не иные? Почему строфа из классика завязла в душе рядом с приятельской строчкой? Объяснение проще простого. Стало быть, земляки – поэты не хуже прославленных и уже как бы забронзовевших современников».

Бывало и так, что некоторые из земляков страшно обижались на его рецензии, отправляли жалобы в высокие кабинеты. Типа – запретите Попку оценивать наше творчество, кто он такой?! А как запретить Попку думать, писать, размышлять, оценивать? Ведь всё это для него – смысл жизни. Делайте лучше, не принижайте уровень культуры Кузбасса, сообщает он в ответ:

«И ещё один бросок – в переулочек. Речь, разумеется, о поэтах, а не о тех, кто себя называет ими. Потому что обиходный поэт – это, скорее, маска или даже поза: «Ты кто?» – спросишь вон того, вертячего, как Коровьев, в клетчатой кепочке и кружевном жабо. Ответит: «Я поэт. Не видишь, что ли?»

К его анализу литературы Кузбасса специалисты, думается, ещё не раз вернуться. Его точность оценок, аналитичность суждений просто поражает. Возьмём для примера статью Василия Борисовича «Шестидесятник» Гарий Немченко».

«Нет, – размышляет автор. – «Семидесятники» не звучит. Всё это летоисчисление, начавшись «шестидесятниками», ими же и кончается. ...1970-е годы в литературе

были как-то преснее и невнятнее, а в жизни совпали с временем «застоя» и ничем особенным не проявили себя. «Восьмидесятников» вроде бы не существовало и вовсе. А «девяностников» никому в голову не пришло выделять – эти кошмарные годы были наполнены такими непонятными, нереальными общественными и житейскими катаклизмами, что и вспоминать про них не хочется.

Гарий Немченко, конечно, «шестидесятник». По жизни и литературе.

...Кодекс чести «шестидесятника» – Сибирь или Север.

...Певец-бард Юрий Кукин, недавно ушедший из жизни, по «шестидесятничеству» наш земляк – ходил в геологической партии по Горной Шории. Писатель-ленинградец Глеб Горышин в Горном Алтае работал после университета, в молодёжной газете автономной области. А Гарий Немченко – в многотиражке «Металлургстрой», на строительстве Западно-Сибирского металлургического комбината.

Ещё любопытное про «шестидесятников»-литераторов.

Наибольшим по части прозы у них был, несомненно, Василий Аксёнов. Одна из самых популярных его повестей «Апельсины из Марокко» действием имеет некий не то дальневосточный, не то северный припортовый город, что-то вроде Магадана...

Рядом с Аксёновым целая плеяда суровых ребят в самовязанных свитерах – они же и авторы, они же и герои: моряк Виктор Конечкий с мощной и нежной прозой о мужской дружбе. Одна из его книг называется «Если позовёт товарищ»... Анатолий Гладилин везёт своих героев в Сибирь транссибирским экспрессом. Анатолий Кузнецов «продолжает легенду» (это так его повесть называется – «Продолжение легенды») на строительстве Иркутской ГЭС. А это геолог Олег Куваев и его колоритнейшая «Территория» о том, как в самых высоких, самых непригодных для жизни широтах разведывают касситерит, руду для выплавки олова.

С Глебом Горышиным и Олегом Куваевым Гарий Немченко потом будет соседствовать в книжке «Приключение» – сборнике рассказов о рабочих людях, об их ежедневном подвиге на благо людей.

...Потому что весь Союз – стройка. И весь Союз – Сибирь, тут происходят главные события: прокладываются железные дороги, перекрываются плотинами ГЭС великие реки, поднимаются копры шахт, строятся целые города.

...Поднимался второй Новокузнецк, который, впрочем, охотно отзывается и на Запсиб: «Где живёшь? На Запсибе», – это летучий диалог встречающихся где-нибудь в курортных краях и узнающих друг друга новокузнецчан.

Гарий Немченко, повторяю, работал в многотиражной газете.

...Ранешняя многотиражка была рядом с людьми. Обычный её цикл – неделя. Две, максимум четыре странички половинного формата «Правды». И ни слова вранья. Соврёшь – читатели, они же герои твоих заметок, – презирают и затретируют. А поможешь горячим словом – уважать будут и доверят всё, что есть на душе.

Гарий Немченко был отличным журналистом и человеком. Открытым для всех. Равно внимательным и прямым и с начальством, и с простыми каменщиками. Главу великой стройки, знаменитого начальника Главкузбасстроя Звездова, в своём

позднейшем романе про Запсиб, напечатанном в журнале «Новый мир», он замаскировал под прозрачным псевдонимом Крестов. Столь же угадчивы были персонажи его первых повестей «Здравствуй, Галочкин» или «Пашка – моя милиция».

Немченко естественным образом стал патриотом Новокузнецка. ...Кичливые новосибирцы уже звали свой город, ставший (по недоразумению, считали остальные сибиряки) столицей Запсибкрая, «Сибчикаго», а кузнечане, ещё не поднявшись от нулевого цикла, знали: именно их город настоящая столица Сибири...

...Первый роман про Кузбасс – это роман о Новокузнецке. Александр Волошин писал его, ещё не сносив фронтовую гимнастёрку. И что характерно – роман тут же получил Сталинскую премию и его заглавие «Земля Кузнецкая» стало синонимом слова «Кузбасс». И поэтическим вариантом бюрократического наименования «Кемеровская область».

Кстати, Немченко – один из творцов истории Новокузнецка. Автор, поднявший самосознание новокузнечан на недостижимую высоту.

...Моя самая любимая вещь у Немченко – рассказ «Хоккей в сибирском городе».

...День рождения Гария Немченко почти что совпадает с Днём металлурга.

...Писателю и почётному новокузнечанину (он награждён знаком «За заслуги перед городом Новокузнецком») исполнилось 75 лет. Не побоюсь казаться банальным, сказав, что этот сибиряк кубанского роду столь же юн сердцем, как низший чин советской журналистики – молоденький выпускник журфака, пришедший на великую стройку.

Стройку, которая вывела его в люди и в первоклассные писатели. Как их называли? Ага – «шестидесятники»!

9.

Василий Попок – философ, пытающийся примирить себя со своим возрастом. Ему не хочется стареть, а, значит, отставать от жизни. Он спешит за ней, он равняется на жизнь, он обгоняет её.

Говорят, – грустно размышляет он, – человек проживает за отмеренное ему время несколько жизней. В разные свои периоды он разный. В юности – один. В зрелости – другой человек. «Но наша пресса вовсе не стареет вслед за мной, – радуется он. – Нет. Она всегда молода. Просто она постоянно меняется, становясь читателю не только учителем и наставником, но и другом. Посмотрите на киоск печати – в глазах пестрит от разнообразия глянцевых обложек. Разве можно, видя такое, говорить о крахе прессы?

Равно востребованы радио и телевидение, которые тоже меняются следом за временем. Во многих квартирах сегодня кабельное телевидение – сорок и больше каналов. Даже в нашей деревне стали появляться круглые «уши» спутниковых антенн. И вовсе молчу про мобильную связь (набрал простой номер и слушай новости) и Интернет – всеохватную паутину, живущую своими законами, не подконтрольную никому. Так что, сожалея (наверное, прежде всего о молодости), не жалею. Новые времена поют новые песни».

Грустно и нам – ведь Василия Попка не стало. Он ушёл 19 августа 2021 года, совсем недавно встретив своё 75-летие...

Снова вспомним слова Владимира Михеева, который определил: «Теперь ясно: Попок – имя, к которому нечего добавить. Разве что этимологию, согласно которой попок – сноп, который служит завершием сельской соломенной крыши. По-моему, Василий Борисович сиять заставил заново этот элемент, увенчав им правый фланг кузбасской публицистики».

Таким запомним его и мы – стоящим на вершине журналистики Кузбасса и гордо вглядывающимся в её светлое завтра, во имя которого он и прожил свою жизнь.

г. Кемерово,
август 2021 г.

Юрий Светлаков: «Пусть дух открытий не покинет вас»

В одном из интервью, рассказывая историю передачи «Шаг за горизонт», Юрий Светлаков поделился:

«Если докапываться до истоков, то мой прадед обладал удивительной силой – взглядом распрягал лошадей, а дед Иван знал толк в травах, но знания свои никому не передал. Кто знает, может быть, какие-то гены предков у меня и есть, жаль только, я этого не замечаю.

Любопытство и стремление понять, что и как происходит, явилось одной из причин создания цикла передач «Шаг за горизонт». Тайна привлекает. Мало узнать – важно понять, как это случается в рамках тех знаний и тех ощущений, которые отпущены нам в этом мире. Что происходит? Как по фотографии можно определить, жив человек или нет? Что такое душа? Как открыть «третий глаз»? Где обитает мысль? Как управлять своим организмом? Как открыть второе зрение? Как научиться телекинезу? Как овладеть левитацией? И так далее. Вопросов много, но нет готовых ответов...». Мастер пытался найти для нас эти ответы...

Юрий Яковлевич всегда был современным человеком. И в молодости, и в свои 60, 70 и 80 лет был на «ты» с любой технической новинкой, касающейся кино или телевидения, телевизионных съёмок, видеомонтажа. Ему «по зубам» была нынешняя компьютерная техника и цифровые технологии. Он активно общался в социальных сетях, вёл свой большой интересный IT-портал.

Вот что он писал о себе на своём персональном сайте <http://svetlakov.kuztpp.ru/>:

«Я, Светлаков Юрий Яковлевич, по образованию кинооператор (или как он сам себя называл – съёмщик). Почти полвека – с 7 сентября 1961 года по 7 сентября 2006 года – отпахал как пахарь-одиночка на Кемеровской студии телевидения.

Последние лет 20 был автором и ведущим популярной программы «Шаг за горизонт». В эфир вышло около 700 передач...».

Это был выдающийся телевизионный рекорд автора, по праву вошедший в «Книгу рекордов Кузбасса»!

Родился Юрий 16 июля 1938 года в шахтёрском городе Киселёвске Кемеровской области. Военные и послевоенные годы детства провёл в Прокопьевске. Чтобы понять истоки творческого мастерства человека, надо окунуться в его малолетство: где жил, чем дышал, какими были его родовые корни.

Исследовать жизнь Юрия Яковлевича и просто, и сложно. Просто – потому что он оставил огромное количество книг, статей, телепередач, киноочерков, в которых изложены все подробности его биографии; сложно – потому что в этой массе материалов, фактов, фото- и видеоизложений легко упустить что-нибудь важное, сыгравшее в его судьбе решающую роль.

Юра рос очень любознательным ребёнком. Вспоминая детство, рассказывал:

«К примеру, я в детстве был очень любопытным. Во всё, что попадалось мне на глаза, день-два поиграю, а на третий день – разбираю, режу, ломаю. Однажды мама привезла мне из Новосибирска, мне было года три, коня-качалку – классная вещь по тем временам! Я два дня покачался, на третий день вспорол коню брюхо. Хотелось посмотреть, что ж там находится внутри. Там оказались опилки! Мне пришлось тайком этого коня закопать в огороде. Матери на вопрос, где конь, отвечал: «Не знаю, ускакал куда-то».

Его родной отец, Михаил Иванович Катунин, родился на Алтае, в небольшом селе Ново-Троицкое. Окончил четырёхлетнюю трудовую школу 1-й ступени. Году в 1937-м приехал в Киселёвск учиться на бухгалтера. Там и познакомился с Юриной мамой Глафирой Ивановной Титовой. Говорят, он был очень гостеприимный. А умер от воспаления лёгких, когда сыну было всего несколько месяцев:

«Уходя из жизни, мой отец Михаил Катунин попросил своего друга Якова помогать нам, – написал в книге «Вспомнить детство и забыть» Юрий Яковлевич. – Он не только «помог», но и усыновил меня. Так я стал Светлаковым».

Его отчим Яков Иванович Светлаков родом из деревни Ижморка Кемеровской области, здесь же жили родители отчима – добрая баба Таля и суровый дед Ваня. В годы войны мальчишку на всё лето отвозили к ним. Отчим же ушёл на войну, но мальчику почему-то никогда не говорили, где он служил, и как, и с кем воевал, – всё

было покрыто какой-то тайной. Его мать Глафира Ивановна Светлакова родилась в селе Тогул Алтайского края, в большой крестьянской семье. Она была самой младшей. И получила четыре класса образования.

«...Я, мальчишка, жил в годы войны в шахтёрском городе Прокопьевске и, кажется, был счастлив, – читая эти строки, вижу, как их автор по-доброму улыбается. – А счастлив был потому, что был свободен А свободен был потому, что мама с утра до позднего вечера была на работе. Я же, за редким исключением, оставался один дома. Только сейчас понял, что свобода у меня была почти по Гегелю: «Осознанная необходимость – есть свобода».

Его воспоминания о детстве – это память о далёком счастливом прошлом. Он вспоминает эти нелёгкие, казалось бы, дни и годы, как что-то очень отдалённое по времени, но навсегда впечатавшееся в память:

«Я, например, детально помню миг в вагоне поезда, когда меня в первые дни войны на лето увозили к бабе Тале в Ижморку. Ночь, монотонный говор, запах противных яиц, боковая верхняя полка, я засыпаю... и вдруг! Яркий свет, громкий стук колёс проходящего мимо поезда, чей-то крик!»

И ещё штрих из малолетства, яркий, как фотовспышка: «В моём детстве не было телевидения. Вероятно, я мечтал о кино. Мама мне рассказывала, что когда я был маленьким, то вставал на стул, показывал картинки в книжке и говорил: «Это кино», – хотя кино никогда в жизни не видел».

Однажды они с мамой поехали в гости в посёлок Спиченково, что в пригороде Прокопьевска, к какой-то «голимою родне», у которой был волшебный фонарь – фильмоскоп! Взрослые сидели за столом, пили, ели, пели бесконечно длинные песни, типа «Сронила колечко со правой руки»... А ребятишек посадили в коридоре на пол, поставили на стол табуретку, а на табуретку фильмоскоп.

Высоко над дверью загорелся экран, появилась надпись, кто-то из взрослых прочитал «Лисичка-сестричка и серый волк». Юрий Яковлевич уверял:

«Помню запах накалённой лампы фильмоскопа, волшебную плёнку с дырочками по бокам. Этот первый диафильм, вероятно, стал первой информационной записью в мой «файл» для того, чтобы потом разбудить во мне желание быть кинооператором...».

О войне он знал понаслышке, и всё-таки... Запомнил плач соседей, получивших похоронку, помнил, что в те годы женщин везде было больше, чем мужчин, остался в памяти День Победы 9 мая 1945-го, когда на главной площади Прокопьевска радостно шумела большая масса людей.

В Прокопьевск мама с сыном перебрались ещё во время войны. Осенью 1945 года мальчик пошёл в школу. В это время семья жила на улице Калинина – практически в центре города. Война ещё долго не отпускала своими воспоминаниями:

«Примерно через неделю после начала занятий в класс привели ребят из блокадного Ленинграда. Держались они стайкой, с нами в наши игры не играли. Я тогда впервые увидел глаза, полные тоски, глаза, которые смотрели не в мир, как у всех, а в себя. Раз в неделю учительница приносила в класс картонный ящик с конфетами. Конфеты были двухслойные, вверху беленькие, внизу коричневые.

Сейчас их называют «школьные». Каждому на парту она раздавала по две конфетки. И вот, никто нам это не подсказывал, никто нас не учил, мы, не сговариваясь, на переменке по одной конфетке отдавали этим ребятам из Ленинграда».

Первой песней, которую Юра знал наизусть, была «На позиции девушка провожала бойца...». А когда оставался один дома, во всё горло орал:

– Я по свету немало хаживал,

Жил в землянках, в окопах, в тайге...

И припев:

– Дорогая моя столица,

Золотая моя Москва!

И начал грезить кино: «Это, наверное, знак свыше. Человек приходит на землю, чтобы выполнить определённую жизненную программу. Но как и где её найти – вот в чём вопрос?»

Пацаны той поры страстно любили ходить в кинотеатр. Юре и тут повезло: он жил совсем рядом с лучшим киношным заведением города, а то и области, которое называлось «Кинотеатр имени Николая Островского».

«Мой любимый кинотеатр находился рядом с моей школой № 11. На любой фильм я всякий раз летел с замирающим от радости сердцем, как на встречу с таинственным чудом!»

Детский билет тогда стоил 10 копеек на дневной сеанс художественного фильма с документальным кино в придачу. Никаких денег на кино, понятно, у парнишки не имелось. Он иногда кланчил их у матери, а, бывало, брал без спроса и мчался в кинотеатр. Покупал билет, и контролёр впускал его в волшебный мир. Вначале зрители собирались в фойе, потом переходили в небольшой зал, где на сцене перед сеансом обязательно играл оркестр и непременно выходили конферансье и певица в красивом платье.

Звонков о начале сеанса не было. Моргали лампочками освещения: «Раз! Два! Три!» В зале медленно гас свет, и начиналось чарующее представление под названием КИНО.

Из наших советских фильмов в его в памяти остались незабываемый «Чапаев», суровый «Мы из Кронштадта», хулиганский «Путёвка в жизнь», смешные «Насреддин в Бухаре» и «Весёлые ребята», военные «Два бойца», «Иван Никулин – русский матрос», «Малахов курган», «Секретарь райкома», «Жила-была девочка» и много, много других. «Признаюсь, – всегда подчёркивал он, – я не очень любил фильмы, снятые в павильоне, если это не экранизация оперы или спектакля... А однажды я где-то услышал гениальную фразу, что память – это тот единственный рай, из которого нас невозможно изгнать. Вот этот-то кинотеатр Островского окончательно и «сгубил» меня...».

В детстве у него была открытка – кадр из фильма «Кардинал Ришелье» с субтитром «Добивайся намеченной цели»: «Эти слова стали моим девизом. Но этого мало, нужна ещё цель-программа, которая формируется опять-таки в раннем детстве...».

Наконец, когда Юрий жил и учился в Прокопьевске, они с пацанами придумали игру «Угадай профессию». Замечали на улице или в трамвае человека и по лицу, по рукам, по одежде, походке старались определить, чем человек занимается. Потом следили за ним и в конце концов научились почти безошибочно определять не только профессию, но и характер человека.

Он с детства учился определять профессии людей, и свою специальность тоже выбрал в ранние годы. Мальчишка разгадал тайну фотосъёмки: недаром же говорят, что при желании фотографировать можно и при помощи обычного ведра. Сам начал изобретать и мастерить фотоаппараты. И у него получалось. Вспоминал: «Первый фотоаппарат у меня был самодельным, назывался «ЮС-1». Сделал я его в виде коробки из досок от ящика: с одной стороны – объектив, с другой – кассета с пластинкой или плёнкой 9х12».

Вместе с другом Борей Бычковым, который жил в маленьком домике в районе шахты «Чёрная гора», записался в фотокружок в Доме пионеров. Руководил фотокружком Ростислав Теодорович Маслов, который увлёк ребят фотографией. На этот раз фотокамера у Юры была не самодельная: фотоаппарат «Любитель». С него можно было печатать снимки 6х6 сантиметров без увеличения. Потом мама купила ему зеркальный «Зенит».

Однажды они с Борей сделали по диафильму, которые показывали через фильмоскоп. Юрий показывал это своё «первое кино» пацанам с улицы. Закрывал дома ставни, вешал белую простыню на стенку и с выражением читал стих Тараса Шевченко:

– Воскресенье утром рано
Поле крылося туманом,
И склонилась в тумане,
Словно тополь, на кургане
Молодица молодая.
Что-то к сердцу прижимает...

Но ему страстно хотелось, чтобы его «кино» двигалось на экране, как настоящее. Однажды в газете «Пионерская правда» Юра прочитал заметку «Как самому снять и показать кинофильм». Публикация запала мальчишке в голову.

Спустя время он случайно нашёл на дороге небольшой, метра полтора, кусочек 16-миллиметровой плёнки, с изображением большого застолья. Как узнал потом, это были финальные кадры из фильма «Кавалер Золотой Звезды», снимал который оператор Сергей Урусевский.

Чтобы увидеть кадры на экране, Юре удалось смастерить деревянную камеру – и для съёмок, и для показа отснятых плёнок. Он иронично назвал её «Драндулет-1». На самом деле камера была из дерева, только кадровое окно и обтюратор (устройство для перекрывания потока света в киносъёмочной и кинопроекционной аппаратуре) сделал из консервной банки, а грейфер (механизм для перемещения киноплёнки на шаг кадра) – из какой-то железяки. Зубчатые барабаны вырезал из катушки от ниток. Иногда работал над деталями прямо в школе во время урока, за что его выгоняли из класса: «С такими грязными руками тебе не место в классе».

«Первая киносъёмка на «Драндулете-1» проходила недалеко от терриконика прокопьевской шахты имени Калинина, на краю обвала, – поделился воспоминаниями Юрий Яковлевич в своей книге «ВГИК. Заветная звезда», вышедшей в 2020 году. – Мы с моим другом Германом устроили показательную драку. Ручку камеры крутил мой брат Алька. Самое интересное было потом, когда надо было проявлять плёнку. Плёнка была обратимая 16-миллиметровая, чёрно-белая. Никаких приспособлений для проявки не было – пришлось весь процесс: проявки, засветки, чернения, снова проявки, фиксации и промывки делать в большом ведре руками без резиновых перчаток».

К большой досаде «съёмщика», половина плёнки ушла в брак. То, что осталось, он высушил на бельевой верёвке. Потом на стену прикрепил лист ватмана, зарядил аппарат, позвал соседских пацанов. И четверо его первых зрителей увидели 30-секундный фильм.

На этом история юного «самоделкина» не закончилась. Позже головастый и рукастый, как говорили о нём друзья, Юра придумал и смастерил другой киноаппарат... Впрочем, мы ещё вернёмся к этой истории.

2.

Однако после окончания средней школы Юрий по совету матери поступил на маркшейдерское отделение Прокопьевского горного техникума. После защиты диплома три года работал геодезистом в Управлении главного архитектора города Прокопьевска.

О том, чем он здесь занимался, известно немного. Геодезист – это специалист по составлению карт местности, проведению расчётов, необходимых для описания рельефа. В строительстве эта профессия незаменима. А в Прокопьевске того периода строили немало: шахты, заводы, жильё, социальные и культурные объекты. Геодезист сопровождал строительные работы с момента определения участка под застройку и до самого ввода объекта в эксплуатацию. Думаю, эта профессия тоже наложила свой отпечаток на характер героя нашего повествования.

«После учёбы я, как положено, три года тянул лямку геодезиста, – признаётся он. – Полевые работы, ещё куда ни шло. Геодезические приборы чем-то напоминали съёмочную технику – такой же штатив, такая же оптика. А вот работа в кабинете: крутить ручку арифмометра, считать теодолитные ходы, – скука несусветная! В обеденное время от камеральных работ сбегал в кино. Купишь, бывало, два пирожка с повидлом и стаканчик мороженого – вот и весь обед в зрительном зале. Смотрел всё подряд – лишь бы кино было. Это были и первые тупые китайские фильмы, как «Стальной солдат» или «Седая девушка». Много смотрел заморских фильмов».

Попадалась ему и классика мирового кино: «Тупик», «Три мушкетёра», «Королевские пираты»; и наши ленты: «Сельская учительница», «Падение Берлина», «Молодая гвардия». И ещё много-много игровых и документальных кинолент. Многие из них шли под шапкой «Этот фильм взят в качестве трофея после разгрома немецко-фашистских войск под Берлином». Специально ездил в соседний Сталинск (ныне Новокузнецк) посмотреть «Белоснежку и семь гномов» в каком-то

деревянном клубе. В кинотеатре «Коммунар» смотрел «Бесприданницу», «Путёвку в жизнь» и другие. Заносил во время сеанса в записную книжку имена кинооператоров. Всё чаще стал задавать себе вопрос: можно ли научиться снимать так же, как они?

Кроме работы оставалось ещё и свободное время. Кто-то проводил его так, что потом нечего вспомнить, Юрий Светлаков – не из таких. Он не любил потерянных даром часов. Кстати, в школьные годы он посещал не только фотокружок, но ещё и танцевальный. В его памяти отложился смешной эпизод, который часто вспоминался:

«Однажды во время очередной школьной олимпиады плясали танец «Лявониha», припевая песню: «Ой, Лявониha, Лявониha моя!» Я, как бескрылый петух скакал по сцене и махал руками, которые были у меня не на поясе, а под мышками. Зал просто ржал! ...Больше в танцевальный кружок не ходил. Зато записался во Дворце пионеров в балетный. Научился работать у станка, выучил всякие позиции, но на сцену не выходил. Преподавала у нас Галина Николаевна, фамилию забыл. Она всякий раз приезжала из Сталинска на занятия в Прокопьевск. Как позднее узнал – среди её учеников был известный танцор Владимир Шубарин».

В горном техникуме был свой эстрадный оркестр, где студент Светлаков играл на аккордеоне. Он ведь и нотную грамоту освоил в школьные годы, вполне сносно умел играть кое-какие мелодии.

Музыкальную науку ему преподавал осевший на постоянное жительство в Прокопьевске бывший пленный немец Адольф Карлович. Первым музыкальным инструментом Юрия стало соседское пианино. А когда он выучился играть гаммы, сольфеджио и простенькие мелодии типа: «Степь, да степь кругом...», «Собачий вальс», «На крылечке твоём», «Элизе», – мама купила ему аккордеон.

Узнав, что парень неплохо играет, его пригласили в эстрадный оркестр техникума. «В его составе я даже один раз выступил на сцене и страшно опозорился, – смеётся Светлаков. – Играли «Выходной марш Дунаевского». Начал хорошо, но потом сбился и делал вид, что играю – изо всех сил давил на кнопку выхода воздуха из аккордеона, почти не нажимая на клавиши, чтобы звук не было слышно. Как бы играю, а звука нет...».

Удивительно, как много порой надо познать и выучить человеку, чтобы потом всю жизнь заниматься любимым делом! В молодые годы Юрий Светлаков осваивал ещё и театральную сцену. А что? – актёрские навыки очень дажегодились ему в работе над образом телеведущего.

При горном техникуме был и драмкружок. Руководил им Григорий Минеевич Аврутин. Юра предложил ему своё участие в постановках. И получил согласие. Ведь театральные задатки у него проявились ещё в школе. В седьмом классе он ходил в школьный драмкружок, где к Дню Победы ставили сцены из «Молодой гвардии». Роли молодогвардейцев достались отличникам, а Юрий выступал в роли немецкого захватчика.

В 1954 году, когда отмечали 300-летие воссоединения Украины с Россией, в прокопьевском ДК шахты имени Ворошилова проходила олимпиада, посвящённая

этому событию. В ней участвовала школа, где учился Светлаков, подающий надежды на актёрские задатки. В торжественном представлении он сыграл роль посла. Должен был выйти на сцену поклониться и сказать: «Я от русского народа вам поклон передаю!» Перед этим долго заучивал, как правильно делать русский поклон, и вместе с мамой придумывал посольский наряд: в ход пошли её старая шуба и шапка, также была расшитая рубаха – косоворотка. За эту роль ему дали грамоту...

Когда Юрий пришёл в техникумовский студтеатр, там ставили пьесу Николая Погодина «Человек с ружьём»: «Вначале режиссёр показал нам фильм. Мне досталась роль матроса. Помните, Шадрин, после встречи с Лениным подходит к матросу и спрашивает: «Уважаемый, а кто это был?» Матрос отвечает: «Как кто!? Ленин!» У Шадрина из рук выпадает котелок...».

Так что театр отнимал немало времени у молодого Светлакова. А расстался он со сценой внезапно, в результате смехотворного казуса. После окончания техникума уже работал геодезистом в городском управлении главного архитектора и однажды в ДК Артёма повстречал того самого режиссёра из студтеатра. «Поговорили о том о сём, – рассказывает Юрий. – И он пригласил принять участие в пьесе, кажется, «Калиновая роща». Надо было сыграть роль тракториста. Я согласился и стал ездить на репетиции в ДК железнодорожников, что недалёко от вокзала. Всё шло хорошо. Но во время генерального прогона режиссёр предложил мне поцеловаться с героиней. Мы так не договаривались! Как это принародно целоваться? Ладно было бы, если какие-нибудь чувства были! Я наотрез отказался и навсегда завязал с актёрской профессией...».

Ещё он много фотографировал. В Прокопьевске, кажется, не оставалось уголка, в котором бы не побывал юный Юра со своим фотоаппаратом. Дома у начинающего мастера была «темнушка» с ванночками, увеличителем и всеми другими необходимыми причиндалами, где он проявлял плёнки и печатал карточки на фотобумаге. Снимков было много, и он не спешил с ними расставаться, даже с теми, которые не совсем удались. У многих его фотографий той поры своя история. Вот, например, одна из них:

«В день 12 апреля 1961 года в моём родном Прокопьевске никто никого не звал на главную площадь города. Напротив драмтеатра собрались люди на митинг по поводу первого полёта Юрия Гагарина в космос. Своим фотоаппаратом «Зенит» я снял у трибуны несколько крупных планов взволнованных лиц. Но это же полёт в космос! Недолго думая, решил снять событие сверху.

Рядом был высотный дом («дом под шпилем», как называют его прокопчане). Вбежал в подъезд – тогда они не закрывались – взлетел на верхний этаж, но люк на крышу оказался на замке. Вернулся. По хлипкой пожарной лестнице всё же взобрался на крышу и снял несколько кадров сверху. Вечером проявил плёнку и напечатал большие, как мне казалось, карточки 13 на 18 сантиметров. Наклеил фотографии на три листа ватмана и утром следующего дня вывесил их в коридоре Управления главного архитектора города. Это была моя первая фотовыставка! Провисела она дня два, на третий день её кто-то спёр...».

Но больше всего ему хотелось снимать кино. Юрий придумал и смастерил широкоэкранную камеру «Кадр 35-235» для съёмок широкоэкранного кино. Эта камера, по мнению знающих людей, была сделана до того, как в Прокопьевске, да и в стране появилось широкоэкранное кино. Это произошло в 1955 году, когда парню едва исполнилось 17 лет.

Его друг Борис Бычков – он, кстати, как и Светлаков, затем выучился во ВГИКе – после окончания школы устроился работать в КузНИУИ. Это в Прокопьевске институт угля. В институтской лаборатории ему было дозволено бесплатно печатать снимки. Там у него было много всяких химикатов для фотографии, а Юрий покупал метол, гидрохинон, сульфит в магазинах. Для тех, кто увлекался фото- и киноделом, траты были не такие уж малые.

«Я как-то у Борьки попросил: «Дай мне хоть горсточку сульфита», – рассказывал Юрий Яковлевич. – Он не дал. Но, самое главное, когда я его спрашивал: «В каком проявителе ты проявляешь?» Он мне сказал: «Шарупить надо!» Вот с той поры я шаруплю сам, и никогда ни к кому не обращаюсь с просьбой рассказать или показать, как это всё делается».

У Юры от рождения было чувство красоты окружающего мира, и он учился передавать её на фотобумаге и киноплёнке. Это дано далеко не каждому. Он умел увидеть прекрасное там, где другие не замечали. Однажды Светлаков сфотографировал лужу. Казалось бы, ничего особенного: обыкновенная лужа, в которой плавают осенние листочки. Напечатал карточку, показал друзьям.

«Где ты увидел такую красоту?! – воскликнули они. – Мы же были рядом с тобой и не видели». Чтобы выглядеть умным, он напомнил им известную китайскую пословицу «Один видит в луже грязь, другой – солнце».

Он часто стал задумываться, почему иной фильм смотришь с восторгом, а вот этот кажется заунывно-нудным. Начал посещать научно-популярные лекции о живописи в прокопьевском Дворце культуры имени Артёма, но не нашёл у лекторов ответа. Книг по этой тематике и дома, и в библиотеке было мало. А «вирус кино» уже стал для Светлакова хроническим.

«Где и как научиться ВИДЕТЬ, не смотреть, а видеть?» – мучился он вопросом. Знатоки утверждали, что этому обучают во ВГИКе. И тогда он из Прокопьевска отправился в Москву – поступать в этот самый Всероссийский государственный институт кинематографии. И конечно же провалился! Через год снова поехал туда – результат тот же...

«После очередной неудачной попытки поступления, – писал Юрий Яковлевич, – подошёл ко мне преподаватель Роман Николаевич Ильин и сказал: «Ты никогда не поступишь во ВГИК, пока не сменишь место работы. Как ты будешь с помощью теодолита и нивелира снимать кино? А где ты будешь проявлять плёнку, курсовые работы делать?» Эти слова доконали нашего 23-летнего героя. И Светлаков всерьёз приступил к реализации детской мечты: устроился ассистентом кинооператора на Кемеровскую студию телевидения (КСТ). Это случилось в 1961-м. Вчитаемся в строки его книги «Кемеровское телевидение. История в чёрно-белых фотографиях, выпущенной в 2007 году:

«7 сентября 1963 года я утром, примерно в полдесятого, зашёл с заявлением об увольнении к главному архитектору города Прокопьевска Григорию Александровичу Глову. Говорю: «Извините, я, как положено, отработал у вас геодезистом трёхгодичный срок после техникума, поеду устраиваться на студию телевидения с прицелом потом поступать во ВГИК».

В тот же день, 7 сентября 1961 года, ярко светило послеобеденное солнце, золотилась листва, было тепло и даже жарко. Пахло полынью. Куда ни кинь взор – кругом поля, только вдали стояли телевизионная вышка и два строения: одно из них – сама студия, другое – жилой дом. Я в кирзовых сапогах, с фотографиями под мышкой шёл на окраину города Кемерово устраиваться на работу.

На втором этаже студии в кабинет директора вела длинная ковровая дорожка. ...До сего дня осталось ощущение, что топчу их чистые ковры своими сапогами. В приёмной встретила улыбчивая секретарша Люся Дурасова (потом стала Поляковой). В кабинете директор Дмитрий Иванович Култаев вызвал по телефону оператора, чтобы оценить мои фотокарточки. Через минуту в кабинет, как ветер, ворвался, как я потом узнал, кинооператор Виктор Фотин. Со скоростью 24 кадра в секунду просмотрел фотографии и улетел, на ходу бросив: «Берём!» Так я был принят на работу ассистентом оператора, с окладом 300 рублей...».

А ведь геодезистом он получал 1300 рублей в месяц. Это как же надо желать нового дела, чтобы согласиться на четырёхкратное снижение личного дохода?! Юрий Яковлевич признавался потом, что деньги в его жизни никогда не занимали главного места. Важней было как можно скорее освоить операторскую специальность:

«Не в деньгах счастье», – это правило было для меня основным. В конце дня тот же Виктор Фотин посадил меня на свой мотороллер, который через каждые 100 метров чихал и останавливался, так что пришлось мне его толкать до Южного посёлка, где Фотин устроил мне ночлег в кладовке у своей первой жены. Там я жил, пока не устроился в общежитие в студийном доме. На следующий день с оператором Анатолием Кандинским – «Кандеем» поехал на съёмки в Белово на цинковый завод. Там под лестницей, в пыли и грязи, в мешке перезаряжал кассеты от «Пентафлекса». Это была довольно новая – по тем временам – 16-миллиметровая кинокамера, которую КСТ получила не так давно. В 1961 году на телестудию пришла и первая проявочная машина для обработки 16-миллиметровой киноплёнки. Техника казалась тогда просто фантастической. Ассистент оператора принялся скрупулёзно вникать во всякие детали, чтобы снимать не хуже Фотина или Кандинского.

Вечером того же дня они «отметили» первую для Светлакова съёмку, да так, что с той поры Юрий решил вообще не пить спиртного. Он, впрочем, и до этого-то не пил. К сожалению, немало операторов-коллег Юрия Яковлевича печально завершили карьеру из-за чрезмерного пристрастия к «зелёному змию». У Светлакова же на жизнь были другие планы...

Вскоре Юрий перебрался в телевизионную общагу. Она была на первом этаже студийного дома на Телецентре. В одной комнате, – вспоминал новый сотрудник КСТ, – жил инженер телецентра Шая Гершкович Гандельман со своей семьёй. По

ночам слышно было, как он ходил по коридору, убаюкивая плачущего ребёнка. В другой маленькой комнатке жили две девчонки. В большой проходной комнате, куда поселили Юрия Светлакова, стояли четыре кровати с тумбочками. На одной из них он и ютился.

Но бытовые проблемы мало волновали нашего героя, потому что он по-настоящему влюбился в телевидение, в свою работу. А всё остальное в молодые годы лишь усиливало его любовь.

Кстати, к этому времени на КСТ сложился хороший творческий коллектив: местные телепередачи уже выходили в эфир несколько лет. Ведь областное телевидение в Кузбассе стартовало в 1958 году. Если самое начало вещательной истории Кемеровской студии изложить коротко, оно выглядит так:

22 апреля 1958-го в 20:00 с объявления диктора Татьяны Андрюшиной (Болотниковой) в Кемеровской области началось первое пробное телевещание. В первый раз показали мультик, затем транслировали художественный фильм «Семья Ульяновых». Закрывает программу этого дня диктор Галина Шевелёва (Скударнова).

1 и 2 мая пробные передачи были продолжены. А 31 мая вышли в эфир первые теленовости, положившие начало регулярной программе «Неделя Кузбасса». Осенью того же года – 24 сентября – в прямом эфире КСТ из малой студии был показан первый телеспектакль «Молодой человек», над которым работали старший режиссёр КСТ Леонид Швидко, телеоператоры Юрий Командиров и Вадим Литвинов.

До 28 декабря передачи КСТ выходили три дня в неделю. А с 28 декабря 1958-го постоянные передачи шли уже пять дней в неделю. Если вещи называть своими именами: пять программ в неделю для работников ТВ – просто огромная нагрузка. Работы было, как говорится, выше крыши. Вот в такую рабочую атмосферу и окунулся Юрий.

Самыми близкими людьми для него стали коллеги-кинооператоры первого призыва. Их было не так уж много: Вадим Литвинов, Виктор Воронов, Анатолий Кандинский, Владимир Каменев, Эдуард Благодаров, Виктор Фотин, Анатолий Пилипенко. У каждого из них была разная, не всегда «ровная» творческая судьба. Однако каждого из них Юрий Яковлевич всегда вспоминал с уважением.

Анатолий Еварестович Кандинский стал для начинающего «съёмщика» наставником – учил, советовал, показывал, как надо. Анатолий был родом с Сахалина, на восемь лет старше Юрия, и до КСТ уже успел поработать на Новосибирской студии кинохроники, где принимал участие в съёмках кинофильмов, делал сюжеты для киножурнала «Сибирь на экране».

«Первый наставник мой, Кандей, бывало, встанет как вкопанный и снимает, снимает, снимает...», – подшучивал ученик над учителем.

Именно Анатолий Кандинский после одной из командировок подарил ему книжку «Сергей Эйзенштейн. Избранное» со словами: «Вот у кого учиться надо!» И это – очень важный момент. Надо было думать: как снимаешь, что снимаешь.

Начали появляться и первые радости – из ранних самостоятельных кадров Юрия режиссёры монтировали сюжеты, репортажи, досъёмки для видеовставок в

передачи. Имя оператора называли в телеэфире, а он в ответ старался делать ещё больше, ещё лучше.

3.

За два первых года работы на КСТ Юрий Светлаков научился многому. Умел теперь не только держать кинокамеру, мог набросать текстовку к сюжету, и, если надо, садился за монтажный стол. Но желание производить настоящее, профессиональное кино его не отпускало. И летом 1963 года он в третий раз отправился в Москву, чтобы вновь попытать счастья в институте кинематографии. Друзья и коллеги понимали и поддерживали его стремление. А вот родные, не скрывая, осуждали, вспоминал он с иронией:

«Обычно моей матери говорили: «Вот закончит твой сын какую-то ГИКу, кем работать будет? В лучшем случае – киномехаником в Островском!» А киномеханик для них был хуже сапожника, ибо, если во время показа фильма рвалась плёнка, и в кинозале внезапно включался свет, то зрители вскакивали с мест и орали: «Сапожник!»

Но парня уже было не остановить. В Москве абитуриента Светлакова поселили не во ВГИКовское общежитие, как бывало раньше, а в четырёхместный номер гостиницы «Турист». И здесь приключилась настоящая беда: буквально в первый же день соседи по номеру украли у него деньги.

Кража была обставлена до банальности просто. Утром он пошёл умываться, а когда вернулся, в номере – никого. На стуле около кровати лежит его паспорт и обратный билет в Кемерово, который он купил. «Добрые» воры оставили ему несколько рублей. Все остальные деньги из пиджака исчезли. Милиция в поиске не помогла.

Сначала Юрий был на грани нервного срыва, так как впереди месяц жизни в столице. Как его пережить без финансов, да ещё и экзамены надо сдавать?! Но этим-то и отличался советский социализм от российского капитализма: жили небогато, но с голоду никому умереть не давали.

Было такое постановление руководства СССР: чтобы во всех столовых на столах для посетителей лежал бесплатный белый и чёрный хлеб. В столовой гостиницы порция манной каши стоила 10 копеек, чай – 3 копейки. И тарелки дарового хлеба – они всегда стояли на столиках. Юрий всё посчитал, учёл и решил, что это испытание осилит: «Я не сдамся, как-нибудь выживу!» Он полуголодным держал вступительные экзамены...

Общеобразовательные предметы Светлаков сдал очень хорошо. А вот сочинение написал на тройку. Но, чтобы оказаться в отряде ВГИКовцев, нужно сдать обязательный экзамен по фотографии. Тут крылась особая сложность для абитуриентов.

«Во-первых, надо представить комиссии фотографии, снятые дома, – рассказывает Юрий Яковлевич в своей книге, посвящённой 100-летию ВГИКа. – Во-вторых, тебе выдают две новые фотоплёнки, подписанные и пронумерованные. На эти плёнки ты должен снять два момента: один – в павильоне в течение четырёх часов. Должен снять «гипс», «портрет» и «натюрморт». А потом бежать на ВДНХ (обычно все там снимали) и там снять натурный репортаж из пяти фотографий. После этого надо сразу вернуться в институт и проявить плёнки».

Всё – не так просто, как кажется! Представьте себе конкурс: на одно место на операторском факультете претендуют 40 абитуриентов! И вот тут-то происходят разные «фокусы», вспоминал наш кандидат в студенты, имея за плечами уже две неудачных попытки. Для обработки фотоплёнок всем претендентам выдают уже готовый, разведённый проявитель и фиксаж в бутылках. Могут случайно «перепутать» бачки и засветить плёнку? А почему нет? – надо же вышибить лишних из конкурса. Или, например, во время зарядки плёнки в фотобачок кто-нибудь «нечаянно» включит свет. И всё – плёнка засвечена, другой плёнки нет. Ещё один кандидат вылетает. Так что, будь предельно внимателен, Светлаков! – приказывал он себе.

Его «домашние» фотографии приняли на экзамене хорошо: «Фотографии, снятые дома, и те, что были сняты мною в ходе экзамена, я показал экзаменатору – какому-то дедушке, – делился Юрий Яковлевич. – Меня никто до этого никогда особо не хвалил, но, когда он посмотрел мои карточки, увидел мою малину с молоком и корочкой хлеба, портреты Вовки, Наденьки и другие фотографии, он стал с восторгом говорить: «Ой, какая вкусная малина! А мальчишка-то весь в грязи! Здорово!»

И дедушка поставил ему «отлично». Лишь потом Юрий узнал, что дедушка этот на самом деле «отец русской операторской школы» – как написано в «Кинословаре» – Александр Андреевич Левицкий. В своё время он снимал Ленина и Маяковского, снимал фильм «Приключения мистера Веста в стране большевиков» и много чего ещё. И долгие годы работал преподавателем во ВГИКе.

Однако и это было ещё не всё. Самый страшный экзамен – собеседование. Комиссия никогда заранее не сообщала, на какую тему будут задавать вопросы претенденту на студенческое место. Поэтому среди абитуриентов бытовало поверье: как ни готовься, всё равно не ответишь. Но Светлаков рискнул, и на комиссии вышел примерно такой диалог:

«Меня тогда, когда поступал третий раз, спросили:

– Ты художников знаешь?

Я говорю:

– Знаю!

– Ну, назови!

– Венецианов.

– Картину назови.

– «На пашне».

– Что там изображено?

– Какая-то девушка.

– Во что девушка одета?

– В сарафан.

– Какого цвета сарафан?

– А я чёрно-белую репродукцию видел...

– А сколько там лошадей?

– Я помню двух.

А там оказалось ещё две лошади. И всё время ассистент повторял: «А что ж ты ничего не знаешь?» По правде говоря, я в то время почти ничего не знал. Не помогло ни хождение по всяким лекториям по изобразительному искусству, ни чтение толстых книг, включая известного искусствоведа Михаила Алпатова».

Вспоминая этот эпизод, Юрий Яковлевич привёл пример уже из своей преподавательской практики в Кемеровском институте культуры:

– Спрашиваю на экзамене студентку кафедры фотовидеотворчества: «Назови любого оператора, и какой фильм он снял?» Молчит. «Ну, хотя бы Ленина ты знаешь?» – «Знаю!» – «Кто это?» – «Памятник на площади»...

В общем, собеседование он всё-таки прошёл. И по итогам вступительных экзаменов набрал нужное количество баллов – ровно столько, сколько надо. Когда же в день зачисления в вывешенных в фойе института списках поступивших своей фамилии не нашёл, его снова охватило отчаянье. Но длилось оно ровно минуту. Быстро набрался храбрости и помчался к ректору ВГИКа Александру Николаевичу Грошеву. Не раз слышал, что тот, как никто другой, помогал студентам в сложных ситуациях. Юрий сумел пробиться в ректорский кабинет и рассказать ему и про детские увлечения, и про телестудию, и про то, что без денег прожил весь месяц:

«Ректор спросил: «А ты что, очень хочешь учиться?» Я дрожащим голосом тихо произнёс: «Очень!» Было такое состояние, будто я на «Титанике», когда тот шёл ко

дну. Александр Николаевич, недолго думая, сказал: «Ну, иди, учись!» Я выскочил из кабинета ректора... Не зная, куда идти, не ведая с кем поделиться радостью!»

Так Юрий Светлаков стал студентом-заочником ВГИКа.

Учиться без отрыва от производства не так-то просто. Кто проходил это, знает. Помнится, я и сам учился заочно, получая второе высшее образование. Между сессиями не всякий сможет делать «на удалёнке» вечерами, в кругу семьи, «домашние задания» высшей школы. Вырвешься, бывало, из непрерывного трудового процесса на месяц на сессию в другой город: а там надо и кучу лекций выслушать, и переварить материал, и письменные работы подготовить, и экзамены сдать. Тяжелейшая задача, которую решаешь в течение нескольких лет...

На операторском факультете ВГИКа преподавали легендарные личности: Александр Андреевич Левицкий, Анатолий Дмитриевич Головня, Паола Дмитриевна Волкова, Виктор Борисович Шкловский. Было у кого поучиться.

«На первой лекции заведующий кафедрой Головня, – делился Юрий Яковлевич, – сказал нам такую фразу: «Дэточки, в Советском Союзе есть три великих оператора – Андрей Москвин, Эдуард Тиссэ и Анатолий Головня. Поэтому их работы надо видеть и знать». В другой раз сказал: «Снимать надо рэзко». На следующей лекции, через день-два, мы его спросили: «Анатолий Дмитриевич, а что самое главное в операторском деле?» Он ответил: «Композиция».

Фильм А. Д. Головни «Потомок Чингисхана» Юрий смотрел, как и «Чапаева», много раз. Самым незабываемым был первый просмотр этой ленты – в Прокопьевске, в ДК шахты имени Ворошилова, что на Берёзовой роще. Юрий сидел на балконе, отчего у него возникало «ощущение полётности»: «Я тогда не знал, что такое чудо сотворил со мной кинооператор, и что когда-то я буду сидеть на лекциях у кинооператора этого фильма. Увижу почти все его фильмы. Услышу много его советов о том, как самому снять фильм».

Потом был экзамен по операторскому искусству, который считается на факультете одним из самых сложных. В Москве в этот день стояла солнечная, морозная погода, а в аудитории было тепло. Но очередных студентов знобило на нервной почве: несколько человек получили «неуды». Юрий заглянул в билет соседа по парте: у того оказался вопрос «Работа оператора в экспедиционных условиях», – и предложил ему поменяться билетами. Тот отказался, пошёл отвечать и тоже «завалился». Настала очередь Светлакова:

«Я нормально ответил на первый вопрос. Когда отвечал на второй, Анатолия Дмитриевича Головню куда-то вызвали. Но вскоре он вернулся. Я начал что-то мямлить, но меня выручил руководитель нашей мастерской документального кино и телевидения Павел Алексеевич Ногин, сказав на ухо Головне, что «этот парень придумал и создал аппарат для съёмки и показа широкоэкранный кино». Мне поставили «четыре». Я увидел, как солнечные зайчики на полу запрыгали!»

Студентам операторского факультета преподавал и Александр Григорьевич Симонов. На лекциях он часто показывал слайды с кадрами из фильмов. Автор многих статей об известных кинооператорах, он был вторым оператором на съёмках фильма о целине «Первый эшелон», который снимал заслуженный деятель

искусств РСФСР, лауреат двух Сталинских премий первой степени С. П. Урусовский. На факультете читал лекции Роман Николаевич Ильин, автор известного в профессиональной среде учебного пособия «Мастерство оператора кино и телевидения» и других книг. А когда студенты слушали выступления преподавателя Паолы Дмитриевны Волковой, удивлялись бывало: зачем она рассказывает такие вещи, которые не совмещаются с тем, чему учили в школе?!

Борис Николаевич Симолин, в отличие от других преподавателей, никогда не приносил на лекции никаких репродукций картин. Их содержание он воспроизводил в аудитории жестами. Бывало, Борис Николаевич вставал в позу богини, маленький, в нечищенных ботинках, в брюках с пузырями на коленках, поднимал руки, словно крылья... Это была первая часть знакомства студентов с картинами известных мастеров. Вторую часть преподаватель проводил в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Симолин на подлинниках показывал и объяснял манеру письма Ван Гога и Гогена, лучезарную живопись импрессионистов Моне и Мане.

Автор книги «История зарубежного кино» Сергей Васильевич Комаров читал курс истории и теории зарубежного киноискусства. Появление в институте Виктора Борисовича Шкловского, остроумного писателя и кинокритика – это всегда было целым событием. Его рваная, полная афоризмов речь звучала просто неподражаемо. Незабываемыми были встречи с фронтовым кинооператором, режиссёром документального кино, сценаристом и публицистом Владиславом Владиславовичем Микошей и другими учителями ВГИКа.

Заочник Светлаков любил учить уроки в метро. На кольцевой линии садился в угол вагона и зубрил конспект или учебник. В памяти откладывались названия остановок, что объявляли по вагонному радио, например, «Проспект Мира». Потом на экзамене вспоминал, на какой остановке читал об этом, – и каким-то непостижимым образом в памяти всплывал нужный ответ на вопрос.

Спектр специальных предметов, которые постигали будущие кинооператоры во время учёбы во ВГИКе, весьма разнообразен: «Введение в кинотехнику», «Киносъёмочная аппаратура», «Кинофотопроцессы и материалы», «Киносъёмочная оптика», «Киносветотехника и экспонометрия», «Цветоведение и цветовоспроизведение», «Фотокомпозиция», «Специальные виды съёмок», «Комбинированные киносъёмки», «Техника и технология видеосъёмок»... Все они служили основой для главного курса – «Кинооператорское мастерство», задача которого – сформировать оператора как художника, способного применить полученные знания для создания фильма.

Юрий учился «без хвостов», проявлял упорство и усидчивость в работе над рефератами и курсовыми, успешно изучал и сдавал предмет за предметом. Хотя были и свои проблемы, и казусы. Впрочем, у кого из студентов их не бывало?! В своих книгах он приводит такой пример:

«В задание по курсу «Комбинированные киносъёмки» входило следующее: съёмка макета, перспективное совмещение, многократное экспонирование, съёмка на фоне экрана и применение разнообразных оптических насадок. И после всей съёмки мне в проявочной в буквальном смысле сварили негатив. Во время сушки

остановилась проявочная машина и негатив «потёк». Изображение при просмотре «качалось», как при землетрясении. Что делать? Переснимать – не было времени. Отпечатали копию. При защите сказал, что так специально задумано. Преподаватель курса, известный специалист по комбинированным съёмкам Борис Фёдорович Плужников отметил новизну решения и сказал: «Никто никогда, даже в профессиональном кино такого не делал». Так я защитил загубленную съёмку...».

В атмосфере многих ограничений второй половины 1960-х годов ВГИК продолжал оставаться неким островком свободы, где преподаватели по-прежнему учили своих студентов независимо мыслить, искать себя и находить свой путь в жизни и в искусстве. С каждым пройденным курсом Юрий всё глубже проникал в тайны профессии съёмщика.

«Главное, чему нас учили, – видеть мир по-своему, – уверен Юрий Яковлевич. – Учили зрительной культуре. Учили тому, что если люди теряют визуальную культуру при восприятии действительности, то они теряют свою индивидуальность, теряют способность к самопознанию».

Наконец, зимой 1969 года состоялась защита его дипломной работы. Это был небольшой фильм с простеньким названием «В лесу родилась ёлочка». Сначала его показали на экране в актовом зале, а потом комиссия перешла в аудиторию для обсуждения. Юрий волновался как никогда. Хотя, ему, уже не раз участвовавшему в работе над документальным кино на Кемеровской студии, многое было по плечу. Однако это же диплом во ВГИКе!

Тему фильма ему задал руководитель диплома Олег Александрович Родионов, он поставил задачу: «Юра, снимай красиво, красиво и ещё раз красиво». Сюжет кино был прост, как в известной песне «В лесу росла ёлочка»: её под Новый год срубили, принесли домой, нарядили, повеселились и... выбросили. Тем не менее, на защите нашего героя, что называется, захлёстывали эмоции. С волнением помог справиться профессор кафедры операторского мастерства ВГИКа, лауреат Ленинской премии Сергей Евгеньевич Медынский.

«Это было 31 декабря 1969 года, – подчёркивал Юрий Яковлевич, – в вечер под Новый год. Медынский подсел ко мне и давай рассказывать про свою дочку, про то, как он её водит в детский сад. Я даже сердиться начал: чего он мне это рассказывает? Мне же сейчас выходить, защищаться! Однако нервная дрожь прошла! Мне поставили хорошую оценку за фильм: там я придумал всякие финтифлюшки – три экрана, фильтры разные на камеру приспособлял, тот же калейдоскоп, использовал дымовые шашки... Выступила рецензент с «Мосфильма», похвалила съёмочные придумки. Потом я что-то пролепетал в ответ на вопрос члена комиссии: «Стоит ли рубить ёлки под Новый год?» На том защита закончилась. Ко мне уже в дверях подошёл Анатолий Дмитриевич Головня, хлопнул по плечу и сказал: «Дэточка, коль ты начал всё делать сам, то и дальше будешь делать всё сам!»

Спустя время пророческие слова великого мастера сбылись... Ещё Юрий Яковлевич в этот день запомнил, что в коридоре ему передали телеграмму из Кемерова, в которой директор Кемеровской студии телевидения, он же заместитель председателя областного Комитета по ТВ Юлиан Аронович Вишневский, поздравил

своего сотрудника с успешной защитой. Добрая весточка из дома добавила хорошего настроения.

Впрочем, самокритичный выпускник был недоволен своей дипломной работой и в этот же день, ровно в 00 часов, под бой Кремлёвских курантов, утопил копию своего фильма в проруби Москвы-реки... Вроде как бы подвёл черту под завершением учёбы:

«Когда я окончил ВГИК, во многом освободился от груза ненужных понятий. Главное, чему меня научили во ВГИКе, – быть самим собой и самостоятельно мыслить. Теперь мне навсегда стало важно самому разбираться в любых вопросах, заниматься тем, к чему душа лежит. При этом, работать в коллективе, «в колхозе» я так и не полюбил, а после ВГИКа – и подавно».

4.

А на КСТ его по-прежнему ждала операторская работа. Да он её и не прерывал – учился-то заочно. Поэтому и в годы учёбы вместе со всеми операторами КСТ снимал сюжеты для ежедневных теленовостей, для больших «цикловых», как их называют специалисты, передач, которые вели редакторы Владимир Цукров, Владимир Аренский, Нелли Ермакова или Зоя Естамонова, дикторы Галина Скударнова или Татьяна Болотникова. Из режиссёров Юрию хорошо работалось с главрежем КСТ Виктором Яковлевичем Руденским, Верой Владимировной Снегирёвой, которую на студии называли Бабой Верой, Фёдором Мефодьевичем Ягуновым, Геннадием Михайловичем Митякиным.

Бывало, выпускника нет-нет да ехидно «подкалывали», типа: «Мы ВГИКов не кончали». Или: «Дворник должен быть дворником, а оператор – оператором». Звучало обидно, но он старался не подавать вида или отшучивался. Всё же за годы учёбы добавили мудрости горячему прокопьевскому парню.

Телевидение – дело коллективное. Однако Юрий Светлаков всё больше и больше любил действовать самостоятельно. А из всех прочих жанров отдавал предпочтение документальному фильму и киноочерку.

«До того, как я вышел на тропу ведущего передач «Киолетопись Кузбасса», «Шаг за горизонт», «Семейный альбом» и других, был просто кинооператором, или иначе – съёмщиком, а ещё точнее, «режопером» (режиссёром-оператором), – доверительно делится он в своих мемуарах. – Снимал фильмы, очерки, сюжеты. Одна из первых моих самостоятельных съёмок была в Горной Шории. Ничего нет лучше гор! Поэтому и в дальнейшем чаще всего снимал или в Горной Шории, или в Горном Алтае».

И дело не столько в самих горах, ему нравилось снимать людей, которые там живут, их характеры. В районе Поднебесных Зубьев он снимал туристов из Междуреченска для фильма «Март. Горная Шория». Одним из первых на КСТ он начал снимать на кинокамеру концертные ролики на натуре.

Одной из его самых известных операторских работ периода его заочного обучения в институте, отмеченной и зрителями, и специалистами, – является единственный на КСТ детский игровой художественный телефильм «Граница на замке», вышедший на экран в 1966-м. Светлаков стал главным оператором этой ленты. Идею фильма

придумал журналист Илья Ляхов и вместе с писательницей Любовью Скорик создал и сценарий этого кино, и стал его режиссёром. Главные роли исполнили кемеровские школьники. Там были и приключения, и диверсанты, и смелые пионеры.

Среди множества документальных фильмов и киноочерков оператора Светлакова начала 1970-х выделяю киноочерк «В небе Владимир Мартемьянов» (автор сценария и текста Геннадий Митякин). Юрий несколько раз переделывал эту работу – ему хотелось по-настоящему раскрыть перед зрителем жизнь и судьбу бесстрашного кузбасского лётчика-спортсмена, чемпиона мира и СССР по высшему пилотажу. В октябре 1970 года в Кемерове состоялась творческая конференция кинематографистов Западной Сибири, где Кемеровская студия продемонстрировала участникам форума эту работу, заслужившую самую высокую оценку профессионалов.

– Владимира Мартемьянова я впервые увидел осенью 1963 года на огороде – он копал картошку, – повествовал Юрий коллегам о непростой истории создания ленты. – Спросил у соседей лётчика: «Кто такой?» Мне сказали, что он летает на спортивных самолётах. Узнав, когда у него тренировки, поехал на старый кемеровский аэродром просто посмотреть. Впечатление было чарующее. Он летал как птица, даже лучше птицы. Я как будто слышал музыку полёта.

Это был первый толчок к замыслу будущего фильма. На следующий день Юрий пришёл к директору студии с просьбой разрешить снять очерк о Мартемьянове. В пылу доказательств уверял: «Вот увидите, он станет чемпионом страны по высшему пилотажу!» На что директор ответил: «Вот когда станет чемпионом, тогда и разрешим».

По существующему порядку, чтобы снять кино, надо было написать подробный сценарий, утвердить его на худсовете КСТ. Иначе ни метра плёнки на съёмку не дадут. Прошёл год. Мартемьянов завоевал звание абсолютного чемпиона СССР по самолётному спорту.

– Я снова к директору: «Вот увидите, он будет чемпионом мира». Директор сказал: «Вот когда станет чемпионом мира, тогда посмотрим, снимать или не снимать». Не стал я ждать чемпионата мира, без спроса снял несколько кадров тренировок на клочках плёнки. Чтобы не мешать лётчикам, снимал издали с помощью длиннофокусной оптики.

Прошёл ещё год. Мартемьянов в испанском городе Бильбао завоевал звание абсолютного чемпиона мира по высшему пилотажу. В Кемерово на стадионе «Химик» ему устроили торжественную встречу, где Юрий снял ещё несколько кадров. И написал ещё одну безуспешную заявку на производство фильма...

– А 13 апреля 1970 года, возвращаясь из командировки, мне говорят: «Твой Мартемьянов погиб». Во время тренировочного полёта под Пятигорском у самолёта оторвало крыло. Директор приказал: «Снимай!», – и даже дал командировку в Москву, в киноархив, чтобы найти кадры Мартемьянова, отснятые другими операторами. Их оказалось до обидного мало. Что делать? Снял о нём рассказы: матери, брата Анатолия, лётчиков, художника Владимира Сотникова,

поэта Игоря Киселёва. Снял несколько фотографий и из этого смонтировал два фильма. Один продолжительностью 10 минут, другой 30. До сих пор жалко, что снял так мало. Первый 10-минутный фильм не раз показывали и по телевидению, и в кемеровском кинотеатре «Юбилейный». Другой, 30-минутный, почти никто не видел.

Благодаря работе Светлакова, для нас Владимир Мартемьянов остался на экране непобеждённым абсолютным чемпионом мира по высшему пилотажу, заслуженным мастером спорта, неоднократным чемпионом СССР, элегантным пилотом планеты.

– Мне хотелось рассказать о нём, как о человеке удивительно скромном и интересном, горячо влюблённом в небо. Удалось ли это – судить зрителю, – считал Юрий.

Могу заверить однозначно: удалось!

У Светлакова в те годы вышла целая серия современных, крепко скроенных, интересных документальных фильмов. Давайте вспомним хотя бы некоторые.

«Шахтёрский огонек» (об известном кузбасском танцевальном коллективе из ДК Шахтёров города Кемерово, 1971), «Сегодня и много лет назад» (о легендарном шахтёре Алексее Стаханове, соревновании угольных бассейнов Кузбасса и Донбасса, 1971), «Свободнаяковка» (о Герое Социалистического Труда, кузнеце Ф. К. Покровском, 1972; фильм получил первую премию областного конкурса Союза журналистов СССР), «Половодье» (об Объединённом диспетчерском управлении энергосистемы Сибири, 1973), «Три смены» (о бригаде проходчиков Ивана Калюги с шахты «Краснокаменная» города Киселёвска, 1977), «Если не мы, то кто же» (о молодых строителях, которые возводят новую музыкальную школу, 1979), «Вечный двигатель инженера Грибанова» (о таланте энергичного и равнодушного изобретателя, 1980), «Все ушли на фронт» (о судьбах людей в годы Великой Отечественной войны, 1983)...

Список документальных теле- и кинофильмов, снятых Юрием Яковлевичем в 1960-1980-е, можно ещё продолжать: «Преодолеть себя» – о цирковой студии посёлка Инской; «Хор» – о детском певческом коллективе из Прокопьевска; «Микрофон для всех» – о самодеятельных композиторах Кузбасса...

И это далеко не полный перечень. Он делал своё кино о людях и для людей, потому что был уверен: главным действующим лицом на телевидении был и остаётся зритель: «Зритель никак не влияет на показ передач и фильмов. Бесправный зритель прощает нам многое, но только не ложь. Не нравится ему передача – просто выключает телевизор».

Главная тема фильмов Юрия Светлакова 1960-80-х годов – талантливый, простой человек с его жизнью и судьбой. Сегодня, к сожалению, эта тема «прочно» вышла из телемоды. Об этом уже не снимают фильмов и не показывают передач. Тогда – иное дело! «Порой мы знаем больше о Достоевском, который прожил в Кузнецке несколько дней, чем о тех, кто прожил в Кузбассе всю жизнь и оставил заметный след в его истории, – особо отметит однажды Юрий Яковлевич, вспоминая о людях Земли Кузнецкой, которые повстречались на его кинооператорском пути, о ком

снимал очерки и фильмы, кто попадал, по его разумению, под категорию немодного сегодня понятия «энтузиаст».

«В то время, когда я снимал эти очерки, не думал, не гадал, что они могут стать историческим документом. Просто мне нравились эти люди своей искренностью, своим обаянием, своим энтузиазмом. Для меня слово энтузиаст несмотря на то, что оно иностранное, – глубоко русское. Была на Руси такая категория людей, сохранивших генную память предков.

В былые времена их называли ведами – ведающими, с некоторой условностью – энтузиастами. ...Их характерные черты без расшифровки: стремление к большой идее, бескорыстное служение своему делу, благородство, целеустремлённость, одержимость, жизнь по совести. По теперешним меркам – они просто придурки. Как это жить, не стремясь к материальным благам?!»

Елена Юрьевна Светлакова, дочь Юрия Яковлевича, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой фотовидеотворчества Кемеровского государственного института культуры проанализировала в одной из публикаций прошлый интерес к документальному кино:

«...За годы «оттепели» на Кемеровской студии телевидения было снято около ста очерков, из них почти каждый третий – портрет».

Документальное кино тех лет, которым на КСТ целенаправленно занимался Юрий Яковлевич, по мнению специалиста, отличается особым вниманием автора к эмоциональным переживаниям героев, преодолевающих трудности. В фильмах превалирует активное авторское начало оператора, который с помощью своей камеры «проживает» жизнь вместе с героем, даже присутствует в кадре, ведёт с героем непринуждённый разговор, таким образом раскрывая не только его характер, но и себя как автора.

А героя моего очерка те годы напряжённого труда снова и снова укрепляют в мысли о том, что он в «своём кино» должен и всё уметь, и всё делать сам.

Он признаётся:

«На студии для меня основным правилом окончательно стало: «Делай всё сам». С той поры и «шарупил», как говорил мне друг детства, всё сам: снимал, монтировал, озвучивал, и так далее».

Развитию его таланта помогало и то, что техника и технология производства на телестудии не стояли на месте. Светлаков с удовольствием осваивал на ТВ всё новое, не забывая вздыхать об уходящем:

«Раньше едешь на съёмку – справа на плече аккумулятор, слева магнитофон. В одной руке – микрофон, в другой – камера под шестнадцать килограммов. Как новогодняя ёлочка! Сейчас, конечно, легче, но мы утратили какой-то контроль над собой. Сейчас можно «поливать и поливать», снимая километры видеоматериала. Потом выбирать и выбирать из него то, что нужно.

А в то время, прежде чем нажать на кнопку, надо было посоображать, что снять и как снять. Дали тебе 30 метров плёнки – из них 28 должны быть полезными. Это очень важный момент...».

5.

Кинооператор, затем оператор-режиссёр. Карьера Юрия Светлакова на КСТ складывалась удачно. Постепенно он «дорос» и до того, чтобы стать ведущим передач областного телевидения.

По-другому, наверное, и быть не могло. Во-первых, он – человек с творческими амбициями. Во-вторых, накопил немалый опыт работы на ТВ и знания жизни, которыми хотелось делиться с людьми.

В-третьих, и об этом уже не раз говорилось, хотел всё на телевидении делать сам. Работа в кадре в качестве ведущего стала очередным шагом к этому.

Список аргументов можно продолжать: в-четвёртых, Юрий постоянно учился мастерству у коллег. Например, у легендарного, очень популярного диктора и ведущей программ КСТ Галины Сергеевны Скударновой. Её он чрезвычайно уважал и... боялся.

У неё было чему поучиться: «Это была Диктор! В то время о телевидении судили по диктору, а потом уже по передачам. Тогда, я, честно говоря, боялся Галину Сергеевну с её правильной речью, как строгую учительницу русского языка», – признавался он с улыбкой.

В самых первых эфирах, где Светлаков выступает в роли ведущего, как бы «просвечивает» то самое неуловимо-скударновское: обаяние, смысловая точность формулировок, доброе, трепетное отношение к персонажам своих программ.

Цикл авторских выпусков, который он задумал вести на КСТ, назывался «Кинология Кузбасса». Первая передача вышла в эфир 17 марта 1976 года. С неё и начался новый этап в работе Светлакова.

Он давно замыслил делать для зрителей нечто подобное: рассказывать истории о том, где, что и как снимали о Кузбассе на киноплёнку хроникёры 1920-1940-х годов.

Идея у него родилась ещё в 1967 году, когда по Центральному телевидению показали 50-серийный фильм «Летопись полувека», и он увидел, как в одной из серий промелькнуло несколько кадров о Кузнецком угольном бассейне: «У меня возникла мысль: по возможности собрать сохранившиеся кинокадры о городах, шахтах и заводах нашей области. И не просто собрать, а исследовать, где, кем и когда это снято, и рассказать об этом зрителям».

В ту далёкую пору киносъёмки нашего региона носили случайный характер. Ощущалось отсутствие собственного кинопроизводства в Сибири. В начале 1930-х годов сибирская кинохроника была лишь одним из отделов московской фабрики «Союзкино». И только позже её выделили в самостоятельную единицу. Снятые в Сибири фильмы и документы Юрий «откапывал» в архивах и музеях Москвы и Ленинграда, Новосибирска и Томска, Красноярска и Кемерово. Встречался с кинооператорами и участниками съёмок.

«Я вёл поиск кинодокументов далеко не регулярно. Надо было выполнять основную работу на телевидения. Но иногда выпадали счастливые минуты просмотра кинохроники на экране... Дело оказалось долгим и кропотливым. В конце концов, находки дали большой материал для размышления и работы над передачей».

Задачи, которые автор ставил перед «Кинолетописью», были благородными: «Через многие годы день, запечатлённый в кадрах киноплёнки, снова оживёт на экране, и притихнет зритель, смолкнут дети. Киноленты памяти помогут им лучше узнать прошлое, понять настоящее и увидеть горизонты будущего».

Конечно же, Юрий Яковлевич понимал, что главными темами, привлекавшими в Кузбасс первых кинохроникёров, были уголь, шахты, их строительство, труд горняков. В этом направлении и вёл розыск. Часто натёкался на фрагменты, случайные «куски» в лентах больших фильмов. И от души радовался этим находкам. Иногда поиски плёнок о Кузбассе напоминали настоящий детектив. Вот пример его разысканий кинокадров 1930-х годов о строительстве прокопьевских шахт. В краеведческом музее Прокопьевска он увидел фотографию с надписью: «Лучшая ударная бригада на руднике в 1934-1936 гг. Бригадир Нефёдов Л. Р. Шахта 5-6». Но не бригада привлекла его внимание, а киносъёмочный аппарат на фото, осветительные приборы и люди явно не горняцкой профессии. Кто они? Как попала эта фотография в музей? Михаил Георгиевич Елькин, в то время директор музея, сказал, что этот снимок нашёл среди бумаг отца, он был профоргом в бригаде Нефёдова.

– А кто эти люди с кинокамерой? – спросил Юрий у директора музея.

– Как рассказывал отец, приезжала из Москвы специальная съёмочная группа, которая делала фильм о бригаде. Точно отец не помнит, кто это был, но он называл фамилию Роома, который и подарил ему на память эту фотографию.

В «Кинословаре» Юрий прочитал: «Роом Абрам Матвеевич...». Там же напечатан и его портрет. Похож на человека с музейной фотографии? Похож. Написано: «В 1930 г. Роом поставил первый экспериментальный советский звуковой фильм «План великих работ», широко показанный по всей стране». Теперь остаётся найти этот фильм, посмотреть, есть ли там кадры прокопьевской бригады Нефёдова.

Но вот тут-то – неудача. В фильмографии – напротив названия «План великих работ» – надпись: «Фильм не сохранился». Светлаков начал проверять, слать запросы. В Красногорском архиве фильма нет. В Госфильмофонде – нет! В архиве ВГИКа – нет! В архиве Центральной студии документальных фильмов – тоже нет! Нет и монтажных листов, по которым можно узнать, были ли в фильме «План великих работ» кадры о Прокопьевске. Где искать?

В библиотеке и архиве ВГИКа он раскопал кое-какие публикации, связанные со съёмками «Плана великих работ». Так, в журнале «Пролетарское кино» № 5-6 за 1931 год в информации «Звуковая продукция советской кинопромышленности» сообщалось: «Первая полнометражная звуковая фильма «Пятилетка» была сделана режиссёром А. Роомом на Ленинградской фабрике «Союзкино». Фильм содержит пять частей (2000 метров). Стоимость 40-45 тысяч рублей».

В журнале «Пролетарское кино» № 10-11 за 1931 год в статье «Первый рейд звуковой передвижки» написано, что фильм был показан по Сибири, в частности, на Кузнецкстрое, на Прокопьевском и Анжеро-Судженском рудниках. Но о том, где проходили съёмки, ни строчки. Но Светлаков не сдавался.

Нашёл другого участника этих съёмок. Им оказался инженер, комсомолец тридцатых годов, ставший крупным организатором угольной промышленности СССР, Антон Саввич Кузьмич. Тогда он работал в подмосковных Люберцах. В 1931 году, после окончания Московского горного института, его распределили в Прокопьевск. Трудился сначала на проходке ствола, потом стал начальником закладочного цеха, помощником главного инженера шахты. Затем – управляющим шахты «Коксовая», а после – главным инженером комбината «Кузбассуголь». Работал и в Донбассе, и Подмосковном бассейне. С 1945 года решением ЦК ВКП(б) был назначен заместителем наркома угольной промышленности Восточных районов СССР. Далее стал заместителем министра угольной промышленности СССР, вслед за тем – министром угольной промышленности Украины.

Доктор технических наук, профессор А. С. Кузьмич в последнее время трудился в Люберцах заместителем директора по научной части Института горного дела имени А. А. Скочинского. Там Юрий его и встретил. Антон Саввич очень удивился, когда увидел фотографию из прокопьевского музея: она, действительно, оказалась кадром из киножурнала, снятого в 1931 году...

Упорство и настойчивость поисковика постепенно приносили свои плоды. Понемногу собирался материал об угольщиках нашего региона. Обнаружилась, к примеру, кинохроника 1925 года – о строительстве предприятий на Анжерских и Судженских копах. Отыскались отличные кадры о Кузбассе в киножурнале «Сибирь на экране» № 12 за 1931 год. Удалось найти довольно много киноматериала о знаменитой прокопьевской шахте-гиганте «Коксовой» – детище первых советских пятилеток. Юрий разыскал некоторых людей, снятых на этих кадрах, и пригласил их в студию. Отыскивались и другие удивительные и неожиданные по тематике и историчности архивные кадры.

Программу Светлакова заметили, зрители начали присылать на студию письма с предложениями и пожеланиями. О работе Светлакова-ведущего стали писать в газетах. Посмотрев в одном из выпусков «Кинолетописи Кузбасса» видовой фильм

1938 года о Прокопьевске, известный кемеровский писатель Виль Рудин откликнулся заметкой в областной газете «Кузбасс»:

«Наверное, это свойственно каждому человеку: испытать волнение, увидев город своей юности. Для меня таким городом является Прокопьевск, куда я попал осенью 1941 года как курсант артшколы. И вот на экране Прокопьевск тех давних лет... Эта небольшая лента, отснятая оператором С. В. Хмелёвым в 1938 году, не только вернула в далёкое довоенное прошлое, она дала возможность ощутить, как же далеко мы шагнули вперед за последние четыре десятилетия, как отстроили и благоустроили город».

Хорошие оценки давали автору и коллеги, Светлакова хвалили на планёрках и на худсовете. Сам главный режиссёр КСТ Виктор Яковлевич Руденский поддерживал его усилия. Всё это окрыляло автора, он старался сделать каждую новую передачу лучше предыдущей.

А с 9 марта 1978 года, к 20-летию Кемеровской студии телевидения, в программе «Кинология Кузбасса» Юрий Светлаков начал показ лучших киноочерков КСТ, включая и свои собственные работы. Они стали украшением областного телеэкрана.

«Кинология» выходила в эфир до конца 1982 года и успешно справилась с целями и задачами, которые ставил перед ней автор. Однако на этом цикл программ о Кемеровской области и его людях не закончился. Светлаков продолжил эту тему в передачах под общим названием «Рассказы о Кузбассе», выходивших на КСТ в 1982-1984 годы. Видоизменял эту же тематику и снова перенастраивал её в цикле программ «Страницы истории Кузбасса» (1985). Развивал эту тему и в своих передачах «Люди земли Кузнецкой» (1986-1989). Об этом же были и его телепрограммы цикла «Семейный альбом» (1999-2006).

«Сила забвения велика, – считал Юрий Яковлевич. – Жаль, что известный человек, проживший долгую жизнь, остаётся за бортом истории. Вот почему моя задача была проста – зафиксировать рассказы людей в их собственном исполнении. Ибо полагаю, что такая история более достоверная, более объективная в отличие от выдуманной. Рассказывая о себе, о своём детстве, о юности, о своих родных и знакомых, мои герои сохраняют крупинки прошлого для будущего».

Героями его авторских передач становились рядовые шахтёры и инженеры, руководители предприятий и бригадиры, писатели и поэты, актёры и художники. Он считал своим долгом преодоление людского забвения.

Выбрать героя передачи всегда непросто: надо найти интересного человека и «раскрыть» его перед телезрителем. В книге «Шахтёры Кузбасса на экране» (2016) Юрий Яковлевич размышляет об этом в разговоре с режиссёром фильма «Егор Иванович» Игорем Беляевым:

«Как я выбираю своего героя? Знаете, как друзей выбирают? Надо влюбиться, иначе ничего не выйдет. Надо, чтобы человек, с которым ты общаешься перед камерой, был интересен для тебя и без всякой камеры. Надо, чтобы была потребность во взаимном общении. Если я понимаю его, он понимает меня, я болею его заботами, если у нас общие мысли, мы можем вместе сложить картину. Картину делает не

только оператор, не только режиссёр... Картину делает человек, которого мы снимаем. ...Есть правило: человек с тобой откровенен, если ты с ним откровенен, если он тебе доверяет, если ты не обманешь его. Мои герои – это мои друзья. Хотя есть оговорочка – это мои друзья и, может быть, даже мои враги...».

К началу 1990-х годов героем кузбасского телеэкрана стал уже и сам Юрий Светлаков. Люди узнавали его на улицах, в магазинах, в общественном транспорте. Незнакомые граждане подходили, здоровались, задавали ведущему разные вопросы. Он не раздражался, ему это даже нравилось: «Благодаря телевидению меня стали узнавать, чего обычно с кинооператорами не бывает».

Подводя итог 30-летию своей работы на Кемеровском областном телевидении, Юрий Яковлевич отмечал: «Оглядываясь назад, чтобы понять настоящее и увидеть будущее, я всё больше и больше убеждаюсь в том, что первые тридцать лет работы на студии были для меня и, смею надеяться, для моих соратников, годами радостного, несмотря ни на что, творчества. Когда мы, по словам К. С. Станиславского, учились «трудное сделать привычным, привычное – лёгким, а лёгкое – прекрасным».

6.

Первая передача Светлакова с названием «Шаг за горизонт» вышла в эфир 7 сентября 1986 года. Её героем стал «контактёр» А. И. Чувылко из Гурьевска.

Я специально заглянул в интернет-энциклопедию, чтобы растолковать читателю этот термин: «Контактёры – люди, которые утверждают, что вступали в контакт с инопланетянами. Как правило, контактёры утверждают, что внеземные существа передали им свою мудрость или важные послания для человечества. Контактёры описывают свои встречи с ними как регулярные или единичные».

Пусть каждый читающий этот очерк оценит данное определение так, как посчитает нужным...

«Однажды я снимал в Гурьевске какие-то сюжеты для «Новостей», – пишет Юрий Яковлевич в своей книге «Запрещённый «Шаг за горизонт» (2018). – Проезжая по переулку Промышленный, обратил внимание на дом необычной формы с какой-то непонятной антенной на крыше. Кто смастерил такие хоромы? Если бы я ещё знал, что дом построен по указанию каких-то внеземных сил по принципу термоса: летом прохладно, зимой тепло! Постучал в калитку. Вышел хозяин. Поздоровался и спросил его, как звать и где работает. Он ответил, что звать его Александр Иванович Чувылко, работает слесарем Гурьевского рудоуправления. И пригласил меня в дом. Спрашиваю: «Дом долго строили?»

– Лет десять. Квартиры у нас не было, и мы с женой решили строить свой дом. Строили буквально из ничего. Участок нам выделили на склоне горы. Стройматериалов не было, так мы камень долбили и из него начинали строить.

– Проект был?

– Наброски в школьной тетрадке из другого мира...».

Вот с этого и начался телевизионный замысел Светлакова. Проект на областном телевидении продержался 20 лет. Верить или нет в эти контакты? – пусть тоже каждый решает для себя сам.

Однажды на студию в адрес передачи «Шаг за горизонт» пришло письмо из Новокузнецка от Елены Шевелёвой. Она написала, что у неё был контакт с пришельцами и они дали ей какую-то формулу идеального топлива. Вскоре и Ирина стала героем очередной передачи Юрия. Или вот ещё выдержки из передачи, где контактёр Владимир Акулов сообщал телезрителям «Шага»:

«Это произошло в ноябре 1989 года. Спать я лёг после 12 часов ночи. Вдруг показалась светящаяся точка, она медленно увеличивалась. Какой-то голос сказал:

– Здравствуйте.

Я спросил:

– А кто вы такие?

– Это не имеет значения, кто мы такие.

Я спрашиваю:

– Вы, наверное, инопланетяне какие-нибудь?

– Это ваше дело, как хотите, так и думайте, но полетите с нами».

Всё же Юрий Яковлевич приглашал в эфир не только контактёров. Его интересовали любые аномальные события, в которых он пытался разобраться сам или с помощью специалистов. К нему в студию приходили причудники-инженеры с попытками создать вечный двигатель, люди, обладающие незаурядными способностями, выдумщики и фантазёры. Словом – чудаки, как определил кто-то однажды. Они размышляли о Космосе, о жизни на Земле, о вечности и многом другом.

В числе героев «Шага» был Владимир Вылегжанин из Прокопьевска, который спроектировал «летающую тарелку». Другой – физик Виктор Николаев из Новокузнецка – изобрёл генератор преобразования энергии пустоты в любую другую. Третий – Лев Голяховский из Кедровки доказывал, что в таблице Менделеева должно быть в десятки раз больше элементов. Четвёртый – Александр Редин, занимаясь письмом двумя руками, открыл алфавиты атлантов, титанов, марсиан. Пятый – Пётр Сафонов из Кемерово, изучая Библию, пришёл к выводу, что Иоанн, любимый ученик Христа, это его жена. Шестой – Альберт Боковиков открыл кремниевую цивилизацию и общается с ней. И так далее.

В комментаторы Юрий Яковлевич нередко брал известных учёных, докторов наук, опытных исследователей, известных на всю страну. Были в его программах и такие персонажи, как голландский художник, основатель направления «Шизореализм» Электрон Грунденталер (Олег Ермолаев). Дело в том, что родился он в 1958 году в Сталинске (ныне Новокузнецк) и раза два в год – иногда с выставкой или просто так – приезжает в родной город. Детство Электрон провёл в Абашево. Учился в Новосибирском государственном университете. Играл в КВН. Это ему принадлежит известная фраза: «Партия, дать порулить!» Переехал в Голландию, где и живёт до сего времени. А его необычные, прямо скажем, картины находятся во многих зарубежных и российских галереях... «Познание начинается с удивления, – был уверен автор «Шага». – Как любит говорить мой друг, маг и волшебник Владимир Переводчиков: «Без удивления нет и познания. А без познания не было бы ничего: ни круга, ни плуга, ни письменности, ни дома, ни корабля».

К этим передачам Светлакова относились по-разному. Как правило, выпуски «Шага» собирали у телевизоров большие аудитории. Для любителей «всего необычного» передача со временем стала культовой. Что же касается коллег, руководства ТВ и некоторых специалистов, – тут отношение не было однозначным. Кого-то популярность ведущего, его программ и их непонятная тематика раздражали, кто-то шутил и ёрничал. Были и такие, и немалым числом, кто одобрял, понимая, что общие рейтинги телеканалов держатся и за счёт таких вот Светлаковых.

Ведь есть же подобные передачи и в других федеральных и областных телеэфирах, где пытаются привлечь внимание зрителей к непознанному, загадочному, необъяснимому. Скажем, создатели многолетнего цикла передач «Таинственная Россия» на НТВ не только исследуют тайны и мифы, но и детально изучают исторические места, аномальные зоны и удивительные природные явления.

Поразительно, но в последние дни марта 1991 года Юрию Яковлевичу удалось организовать и провести областную конференцию «Контактёры Кузбасса». Скептики полагали что она соберёт в лучшем случае человек двадцать. Однако под крышей областной филармонии собрались более 300 участников! Конечно, это можно объяснить и тягой к познанию непознанного, и «эффектом Кашпировского», на гипноспиритические сеансы которого у телеэкранов собиралась вся страна. Тем не менее... Уместно напомнить, что программа конференции была составлена по письмам зрителей.

«То, что было рассказано участниками конференции «Контактёры Кузбасса», казалось бы, выходило за пределы здравого смысла, – с удовлетворением констатировал Юрий Яковлевич в интервью журналу «Кузбасс XXI век». – Надо было просто отбросить своё материалистическое сомнение и всё бы встало на место.

Случается же такое, когда один человек оказывается прав, а мы, идущие в едином строю, не правы».

Специалистами телевидения давно замечено, что почти у всех передач-долгожителей нелёгкая судьба. Их со временем или закрывают, или передвигают по сетке вещания на «менее смотрибельные» часы, или переводят на другие каналы. «Шаг за горизонт» – не исключение. Так как, кроме всего прочего, на областном государственном телевидении не только передачи, но и руководители тоже время от времени меняются. И каждый новый ТВ-шеф начинает устанавливать свои правила, переделывать эфир под свои взгляды на телеиндустрию.

Что для одного хорошо, для другого плохо, – усмехался Юрий Яковлевич. У всех разное воспитание, разные знания, разные ценности. Каждый со временем вырабатывает свою модель познания мира, где переплетаются особенности собственного характера, увлечений со знаниями тех людей, у кого учился, какие книги читал, какие фильмы смотрел, с кем дружил, кого ненавидел и так далее.

Тележурналист КСТ, которая в 1992 году была преобразована в ГТРК «Кузбасс», Юрий Светлаков пережил немало руководителей областного гостелевидения. Они, начальники, бывали всякими. Вспоминая о каждом, он то с добрым юмором, то с сарказмом рассказывал, как в результате прихода некоторых из них ему доводилось едва ли не всё начинать с начала. Может, кому-то из его бывших руководителей интересно узнать, что думал о них подчинённый:

«Первый директор КСТ принял меня на работу. Второй дал возможность выучиться во ВГИКе. Третий – отлучил от эфира. Четвёртый – уволил со студии. Пятый – вернул. А шестой... Шестой сделал то, что третий и четвёртый вместе взятые. Первый «мой» директор телевидения Дмитрий Иванович Култаев на самом деле был вторым по счёту телена начальником. Первого – Павла Даниловича Лазько (самый первый директор КСТ, работал в этой должности с марта 1958-го по март 1959 года) я видел всего два раза и не могу судить, что это был за человек. А Дмитрий Иванович Култаев был строгий, но справедливый.

...Не удержусь и напишу два слова о других начальниках. Одного прислали из посёлка Тисуль к нам руководить ГТРК. Первым делом он поставил в дверях вертушку, вероятно, по старой памяти, чтобы коровы не проходили. Благо на третий день вертушка сломалась. Дальше – больше. Установил строгий режим рабочего времени: «Где ты был с 10 до 11? Почему не сидел на рабочем месте?! Пиши объяснительную!» По поводу программы «Шаг за горизонт» он сказал: «Я ещё в школе учил, что аномальных явлений не бывает», – и запретил программу. Тогда я написал заявление: «Прошу уволить по Вашему желанию». «Кто так пишет?! – возмутился он. – Писать надо «по собственному желанию». Я написал: «Прошу уволить по Вашему собственному желанию».

Чтобы сохранить программу «Шаг за горизонт», Светлаков на время ушёл в кемеровскую городскую телекомпанию NTSC. Через год, с приходом на ГТРК нового директора, снова вернулся на родную студию. Дальше был период, когда с очередной сменой руководства его программу перевели с канала ГТРК «Кузбасс» на губернский телеканал «СТС-Кузбасс», который тогда тоже находился под общей с ГТРК «Кузбасс» «крышей».

Потом наступило время запретов показа отдельных готовых передач «Шага»: тогда одни передачи – разрешали, другие – снимали с эфира. Последнее случалось часто, без особого объяснения причин, – подчёркивал он.

Порывшись в интернете, я нашёл и другие оценки. Вот слова из правительственной телеграммы, полученной Юрием Яковлевичем в начале сентября 2006 года:

«Примите мои сердечные поздравления с 20-летием передачи «Шаг за горизонт». Немногие передачи отечественного и мирового телевидения могут гордиться таким долгожительством. Ваша программа имеет постоянную и преданную зрительскую аудиторию. Считаю это закономерным, ведь передачу отличает Ваш высочайший профессионализм, искренний интерес к собеседнику, доброжелательность, ответственность за каждое слово. Кузбассовцы знают Вас также как автора серии передач и книг о наших земляках, об истории киносъёмки в Сибири. Студенты высоко ценят Вашу эрудицию, строгость и несомненный педагогический талант. Желаю Вам неиссякаемой жизненной энергии, реализации всех творческих замыслов, благодарных и одарённых учеников, любви зрительской аудитории. С уважением, Губернатор Кемеровской области Аман Тулеев».

Между тем, наступил день, когда «Шаг за горизонт» закрыли окончательно. Это случилось в сентябре 2006 года. «Вечером 7 сентября 2006-го моросил мелкий дождь, – рассказывал Юрий Яковлевич. – Было прохладно. Пахло выхлопными газами от автомобилей. Я шёл на студию, в последний раз, чтобы провести прямой эфир...».

В этот осенний день его уволили со студии, где он отработал все эти годы: ровно через 45 лет, день в день! Кто-то вздохнул с облегчением: наконец-то избавились от непослушного и «неправильного» автора. Кто-то ему сочувствовал: «Держись, старик! Надо это пережить!»

Сам Юрий Светлаков в финале последнего выпуска «Шаг за горизонт» поблагодарил преданных зрителей за долготерпение, за поздравления в связи с двадцатилетием программы и сказал: «Программа «Шаг за горизонт» закрывается. И не потому, что для неё нет тем – их-то превеликое множество. Просто я устал бороться с «ветряными мельницами».

Жестокий факт: почти все выпуски «Шага» оказались уничтоженными, а их за 20 лет, напомним, вышло около 700! Многие передачи на студии стирали сразу после эфира, объясняя тем, что не хватает кассет для других передач. Светлакову удалось сохранить или восстановить считанные единицы своих «Шагов». Некоторые из них до сих пор гуляют по необъятным просторам интернета. В книге «Запрещённый «Шаг за горизонт» Юрий Яковлевич написал:

«...Я задаю себе вопрос – стоило ли мне потратить двадцать лет на передачу «Шаг за горизонт», зная, что почти невозможно перешагнуть линию горизонта? Чем быстрее к ней приближаешься, тем дальше она от тебя отдаляется... Ради чего тогда всё это упрямство? Я хотел рассказать и показать, что мир прекрасен и не ограничен заборами, что там, за горизонтом, много интересного и, к сожалению, пока запретного! Но не всё ещё потеряно!» Нетрудно представить себе состояние художника, у которого отобрали краски.

До конца понять его тяжелейшие душевные переживания можно, наверное, лишь тому, кто сам проходил через это... Друг Юрия Яковлевича, поэт Леонид Гержидович, написал ему созвучные настроению строчки:

Не уйти.
Никуда мне не деться,
Плоть моя
Отстоялась, как соль,
Подступили
Под самое сердце
Неизбывные совесть и боль.

Немало помаялся тогда Светлаков. Но нашёл в себе силы пережить это и шагнуть дальше. Решил полностью переключиться на общение с другой аудиторией – со студенческой.

7.

Вообще-то преподаванием он начал заниматься с 1974 года. По совместительству. Однажды он, согласившись на предложение только что созданной кафедры фотовидеотворчества Кемеровского государственного института культуры, в свободное от работы время провёл спецкурс по операторскому мастерству. Дальше – больше. Постепенно ему стало очень интересно напрямую общаться с молодыми людьми, особенно с теми, у кого чувствовались творческие амбиции. Наверное, в ком-то из них он узнавал себя в их возрасте, наполненного желаниями и мечтами.

Не без участия Светлакова в 1974 году при институте культуры открылось отделение руководителей самостоятельных кино-фотостудий – одно из трёх в СССР и единственное в Сибири.

В 2006 году, уйдя с телевидения, Юрий Яковлевич окончательно «переехал» на преподавательскую стезю – поступил работать на кафедру фотовидеотворчества КемГИК.

Методика его преподавания была интересной, наглядной, выверенной. Свой лекционный курс он любил называть беседами. Почему беседы, а не лекции? Беседы предполагают свободную форму общения, которую он предпочитал.

Его ученики рассказывают, как в этих беседах он открывал студентам секреты операторского искусства, обязательно ориентируясь на заданные ребятами вопросы. Занятия старался начинать с коллективного просмотра фильмов известных мастеров.

Его собеседование – не поток бессознательного сознания. У преподавателя Светлакова всегда есть план, где расставлены нужные акценты. Как правило, его беседы идут по такому сценарию: «Вначале я спрашиваю студентов: «Есть ли вопросы к докладчику?», – делится он секретами в своей книге «Свет мерцающих звёзд. Беседы о кинооператорском мастерстве» (2010). – Я жду вопросов, как рыбак поклёвки. Введение в беседу – это как сыграть увертюру, а потом уже выкручивать на тему». Ход беседы Юрий Яковлевич придумывал заранее. И, безусловно, всякий

раз старался незаметно, но твёрдо придерживаться своего сценария. Но... студенты есть студенты, с ними возникали всякие проблемы:

«Бывало, захожу в аудиторию... Вижу – сидят скучные, мрачные. Зачем, спрашивается, припёрлись? На обдумывание не остаётся времени и, иногда неожиданно для себя, обращаюсь к ним: «А не рассказать ли вам анекдот?». Рассказываю. Далее сообщаю, какой фильм будем смотреть, и даю несколько указаний, на что обратить внимание.

Но не детализирую! Дело в том, что во время просмотра студент волей-неволей ждёт в фильме того момента, на который я рекомендую взглянуть особо, пропуская мимо ушей и глаз многое другое.

После просмотра начинается самое интересное и самое сложное – обсуждение увиденного и услышанного. Как вовлечь студентов в беседу? Было бы просто рассказать подробности биографии оператора, как установлен свет, какая композиция кадра. Надо осветить ключевые моменты в творчестве оператора. Его почерк, манеру, основываясь на первоисточниках – воспоминаниях, плюс свои впечатления от увиденного и прочитанного. Подчеркну, важны первоисточники, а не пересказы искусствоведов.

Затем переходим к анализу фильма. Анализ – слово-то какое противное – медицинское. Если сказать: разбор, – ещё хуже. Лучше спросить: «Как сделано?». Труднее всего вовлечь студента в самостоятельное суждение о просмотренном материале. Какой свет, ракурс, композиция – всё то, что составляет основу операторской профессии.

Память выбирает то, что когда-то удивило и поразило. То, что эмоционально не задело, память стирает или прячет в тёмные закоулки кладовых мозга. Бывало, подготовишься, как урокодатель, а результата никакого – глазки у студентов не горят».

Опытный преподаватель, сам – хороший оператор с большим стажем – он скрупулёзно и подробно объяснял и простые, и сложные приёмы, которые нужны профессионалу этого дела. Причём, конкретные секреты съёмки демонстрировал на конкретных фильмах больших мастеров.

Например, деление на планы: общий, средний, крупный, деталь, а также понятие ракурса, – разбирали на примере кинолент оператора Андрея Александровича Левицкого. Вначале Юрий Яковлевич увлекательно описывал студентам свои давние впечатления о встрече с ним:

«Когда я поступал во ВГИК, то экзамен по фотографии сдавал какому-то «дедушке», который впоследствии оказывался легендарным Левицким, только в дореволюционные годы снявшим около 100 фильмов.

Среди них – большие экранизации русской классической литературы: «1812 год», «Анна Каренина», «Дворянское гнездо», «Крейцерова соната», «Война и мир», «Отцы и дети». После Октябрьской революции он снимал хронику Гражданской войны, агитфильмы. Ему принадлежат уникальные кадры съёмок Ленина. Участвовал в создании первых советских художественных фильмов – «Восстание», «Мать». В годы Великой Отечественной работал на киностудии «Воентехфильм».

И когда учитель Светлаков видел, что глаза у студентов загорелись неподдельным интересом, он включал фильм. А после следовал доскональный разбор ленты в рамках темы урока.

Такие темы, как панорама, движение камеры, трансфокация доцент Светлаков, бывало, демонстрировал на примере работ оператора Эдуарда Казимировича Тиссэ.

– Начну как обычно с краткой информации об операторе, – объявлял он. – Затем продолжим более подробный разговор о Тиссэ. Или сразу будем смотреть его фильм «Броненосец «Потёмкин»?»

– Мы его видели! – обязательно реагировал кто-нибудь в аудитории.

– Тогда ответьте на вопрос: почему сегодня «лучший фильм всех времён и народов» не волнует ваши души? Сегодня мы посмотрим фильм не просто так, но, изучая почерк Мастера, исследуем, как снято, как скомпонован кадр и так далее. Итак, Тиссэ...

Если тема занятия касалась оптики, композиции кадра или света, Юрий Яковлевич обращался к работам своего любимого преподавателя ВГИКа Анатолия Дмитриевича Головни.

– К моему большому удовольствию, – обязательно подчёркивал он, – мы посмотрим фильм моего детства «Потомок Чингисхана» и поразмышляем о творчестве оператора. Не ведаю, как вы сегодня воспримете фильм, ведь ему уже столько лет. А я смотрел «Потомка Чингисхана», как и «Чапаева», раз двадцать!

Вообще Анатолий Головня начинал ассистентом у Левицкого на фильме «Луч смерти» – в 1925-м. Первая его самостоятельная работа – это фильм «Кирпичики» в том же 1925 году. Высшее проявление операторского мастерства Головни в немой кинотрилогии «Мать» – в 1926-м, «Конец Санкт-Петербурга» – в 1927-м, «Потомок Чингисхана» – в 1928-м. Ещё его замечательные ленты: «Живой труп» – в 1929 году, «Минин и Пожарский» – в 1939-м, «Суворов» – в 1941-м, «Адмирал Нахимов» – в 1947-м...».

Светлаков не уставал повторять студентам слова известного кинооператора С. П. Урусеvского: «Когда волнуюсь я во время съёмки – волнуется потом зритель. Когда равнодушен я – равнодушен потом и зритель».

Полной мерой отведав нелёгкого «операторского хлебушка», Юрий Яковлевич предупреждал своих студентов, что рассчитывать на большие лавры и заслуги в этой профессии не приходится. Обычно фильм связывают с именем режиссёра, реже с актёром. Оператор, как всегда, остаётся за кадром, откровенно подчёркивал он. В лучшем случае напишут его имя в титрах. «Я не раз испытывал на себе косой взгляд режиссёра и редактора. Для многих из них оператор лишь привод к камере», – уведомлял учеников профессор кафедры кинофотомастерства (впоследствии стала кафедрой экранных искусств) КемГИК Ю. Я. Светлаков, готовя их ко всем перипетиям профессии.

В институте культуры он работал до 2018 года. На протяжении почти 45 лет преподавая курс операторского мастерства, воспитал не одно поколение кинооператоров и режиссёров. Его студенты принимали активное участие во

всероссийских смотрах и конкурсах кинематографии. Немало выпускников Светлакова стали прекрасными специалистами. Многие из них работали и работают на телевидении, в кино, их адреса, как говорится, «разбросаны» от Калининграда до Сахалина.

Не сомневаюсь, что они с любовью и благодарностью вспоминают учителя.

«Юрий Яковлевич Светлаков – мой первый и самый главный преподаватель операторского мастерства, – писал, например, кинорежиссёр, путешественник Виктор Трофимов из Магнитогорска, окончивший КемГУКИ в 1985 году. – Под его деликатным и вдохновенным наставничеством, я начал свой путь в кинематографе. Юрия Яковлевича мы «вытребовали» себе в группу у кафедры кинофотомастерства на втором курсе. Кино нам снимать очень хотелось. А мне – аж до дрожи!

Юрий Яковлевич умело направлял нас в неведомый мир киносъёмочного процесса. Мы ему верили безусловно. Да что там говорить, мы любили его, как отца! Мне повезло вместе с Учителем даже вести телепередачу на Кемеровском областном телевидении. Она называлась «Пятёрка за диплом»... Это мой первый опыт работы в кадре. Я счастлив, что в моей жизни есть Мужик, которого я уважаю!»

8.

«Меня постоянно преследует недосказанность...», – проговорится Юрий Светлаков в одно прекрасное время. Он не может сидеть дома, быть на покое или, как говорят, на заслуженном отдыхе. Все последние годы он активно занимается любимыми делами. Одно из них – фотография.

Юрий Яковлевич организует и проводит для своих фото большие выставки. Вспомним некоторые из них. Он дружен с Кемеровской областной научной библиотекой имени В. Д. Фёдорова. Его часто приглашают сюда на разные мероприятия, для общения с читателями. Поэтому здесь проходят и его выставки.

Так, в сентябре 2011 года в Государственной научной библиотеке Кузбасса имени В. Д. Фёдорова прошла персональная выставка Юрия Светлакова «Жизнь врасплох», где он представил на суд посетителей более 70 фотографий разных лет: городские и природные пейзажи, снимки выдающихся людей Кузбасса.

– Фотография – это мгновение, это жизнь врасплох, это кадры, которые потом никогда больше не повторятся, – убеждён автор.

В апреле 2015 года там же, в областной библиотеке, прошла ещё одна выставка известного журналиста и телеведущего «Моё документальное кино». В эту экспозицию Юрий Яковлевич включил около 50 фотографий из своей новой одноимённой книги. На снимках были запечатлены персонажи, сопровождающие автора в процессе съёмок телепередач и документальных лент: артисты, поэты, писатели, художники, шахтёры и другие известные в регионе и России люди.

Ещё одна персональная фотовыставка Юрия Светлакова прошла в Мариинске – в Литературно-мемориальном Доме-музее писателя В. А. Чивилихина. Она называлась «Всё, что было...». Её презентация состоялась 29 июня 2017 года. Автор подготовил фотоотчёт о встречах с интересными людьми, о чём свидетельствуют фотографии «Алексей Леонов в студии телевидения», «Поэт Леонид Гержидович», «ГТРК Кузбасс». О его многочисленных поездках по стране и миру рассказывали

снимки «Под крылом самолёта», «Туристы на Телецком озере», «Купите свежие креветки» и другие.

Он тщательно сохраняет и популяризирует историю Кузбасса в виде документальных кадров своих фильмов, фотографий и книг. Ему хотелось возродить интерес к авторскому фильму. Во многом для этого Юрий Светлаков, почётный читатель главной библиотеки области, в январе 2008 года создал при этой библиотеке Клуб любителей документального кино «Свет». Юрий Яковлевич был его бессменным руководителем и спикером. Членом клуба мог быть любой библиотечный читатель. На открытые заседания клуба, которые проходили раз в месяц, в каждую третью субботу, собирались десятки любителей серьёзной кинодокументалистики. Работники храма Книги подсчитали, что за годы деятельности клуба проведено 80 заседаний. Здесь смотрели ленты, обсуждали их, устраивали презентации книг и чествования писателей.

Он и в клубе документального кино не забывал о воспитательной функции кинематографа. Наблюдал за тем, как происходил «процесс перестройки» восприятия фильма, отмечал: «Вначале у зрителя срабатывала привычка «развлечения» – пришёл, посмотрел и ушёл. Убил время. Затем люди стали постепенно следить за тем, как снято. И, наконец, иногда во время просмотра я замечал, как у зрителей на глазах навёртывались слёзы. Это и есть, наверно, аристотелевское понятие «катарсиса».

На официальном сайте «Фёдоровки» я обнаружил такую запись: «Мы гордимся, что в стенах библиотеки творил известный земляк, настоящий профессионал, талантливый кинооператор Юрий Яковлевич Светлаков, чьи фильмы и телепрограммы всегда узнаваемы, с самобытным авторским почерком и высоким художественным вкусом».

Однажды летом 2011 года у него раздался звонок телефона. Главный редактор местного телеканала «Мой город» пригласила его для разговора. В назначенное время на втором этаже бывшего кемеровского клуба ГРЭС, пробираясь через декорации (оказывается это была студия для прямого эфира), спотыкаясь о провода и какие-то ящики, он пришёл в длинную комнату:

«Ба! Знакомые всё лица – в основном бывшие труженики с ГТРК «Кузбасс» и мои студенты. В дальнем углу за столом сидела главный редактор, оказывается, я её видел в программе «Включайся» на губернском телеканале «СТС «Кузбасс». Зван я был для того, чтобы предложить мне вести по утрам программу «Утро в нашем городе...».

Это же надо вставать в 5 утра, что для него почти нереально! Пришлось отказаться. Тогда предложили вести программу наподобие «Семейного альбома». Он решил согласиться, хотя помнил, что нельзя дважды входить в одну и ту же реку. Подписал, не глядя договор. На первый случай составил список лиц, с кем бы хотелось поговорить в телеэфире «за жизнь».

Программу назвали «Штрихи к портрету». И в один прекрасный день Светлаков выехал в посёлок Кедровка – на первую съёмку к известному фотомастеру Юрию Васильевичу Сергееву. Он волновался, ведь почти на пятилетку был отлучён от

эфира. Только зря переживал. Отзывы о его новых передачах – теперь уже городских – и на редакционных летучках, и в прессе, и при встрече со зрителями были хорошими.

Особое восхищение вызвали его эфиры с актёром Олегом Кухаревым, поэтом Борисом Бурмистровым, гармонистом Николаем Сидихменовым, музыкантом Владимиром Фуксманом, доктором Валентиной Понутриевой. Как шутливо написала газета «Московский Комсомолец» в Кузбассе: Светлаков задавал глупые вопросы, а получал умные ответы. Как говорится, если талант есть – его не пропьёшь.

«Штрихами к портрету» он умело раскрывал телезрителям интересного собеседника, вёл с ним проникновенный разговор по душам. Это были не просто пересуды на телеэкране, это были исповеди его героев.

Однако через какое-то время он ушёл и с этого телеканала. Причин, вспоминал, было несколько. Во-первых, он всегда любил работать над темой один, а здесь его постоянно опекали многочисленные молодые помощники, досаждали своими советами. Ему не нравилась заставка к передаче, однако, как ни просил, переделывать её не стали. Не нравилось, что в его короткую – 20 минут – передачу, вставляли рекламу. Ещё он приходил в уныние от невысокой культуры операторской работы.

– Я на эти передачи тратил уйму времени, – пояснял Юрий Яковлевич. – Надо было договориться с человеком, собрать о нём сведения, подготовить вопросы. Потом съёмка, расшифровка материала и монтаж. Готовый материал я относил на телеканал. Первое время ждал выход передачи в эфир. Потом даже не смотрел. Почему? Чаще всего передачи были перемонтированы по непонятно каким соображениям.

Я привык всё делать сам и отвечать за содеянное сам. Чтобы не было «мучительно больно за бесцельно прожитые годы», решил покинуть студию».

Но без работы ему не сиделось. Упрямый, неуёмный оператор-режиссёр, он продолжает снимать своё кино. Он же не может не говорить со зрителем языком света и тени, возможностями кинокадра, посредством видеохроники:

– Продолжаю снимать, – признаётся он на своей страничке в соцсети, – как говорят, в стол. Иногда свои фильмы показываю в клубе документального кино «Свет». Выставляю фильмы ВКонтакте.

Как-то раз – году этак в 2011-м – актёр Кемеровского драматического театра, давний друг Юрия Яковлевича Олег Кухарев позвонил и попросил Светлакова найти оператора, с которым можно было бы снять фильм о профессии актёра на примере артистов драмтеатра.

– Давай, я сам попробую! – обрадовал тот. – Но сразу скажу, что снимать кино о профессии актёра дело пустое, это почти то же самое, что ответить на вопрос: что такое любовь?

И они вместе: Светлаков и Кухарев, – с увлечением взялись за работу. В это время московский режиссёр Дмитрий Петрунь ставил в драмтеатре спектакль «Боинг-Боинг». И друзья решили «вплести» эту пьесу в ткань фильма. Название для ленты

«пришло» из спектакля «Принцесса Турандот», сыгранного московским Театром имени Евгения Вахтангова. Там в самом начале представления один из героев восклицает: «Сегодня мы играем так...». Кемеровский фильм так и называли. Кстати, в 2019 году Юрий Светлаков выпустил книгу с таким же названием, где подробно описал историю совместной с Олегом Кухаревым работы над тем самым кино:

«После съёмок и монтажа получился трёхчастёвый фильм, по 45 минут каждая часть. Я показал его соавтору Олегу Кухареву. Ему кино не понравилось. Мне тоже показалось затянутым и было немного занудным. Я сократил до двух частей, переписал на диск. Отдал диск Олегу и на том, подумал, что дело закончилось.

Прошло время... Как-то решил показать своим студентам «Сегодня мы играем так...» не в качестве примера, как надо снимать, а, наоборот, как не надо. И попросил их конкретно показать пальцем, где хорошо, а где плохо. Лучше бы я этого не делал. Почти никто не смотрел на экран, уткнулись носами в свои смартфоны. Мне же самому кино стало нравиться. Через пелену равнодушия я вдруг по-другому стал воспринимать содеянное».

А вот слова Олега Кухарева: «Мы показали материал в клубе документального кино «Свет». К сожалению, о фильме не вспомнили даже в юбилейные дни театра. А лучше-то никто не снимал!»

Юрий Светлаков по привычке выложил фильм в интернете и, можно сказать, забыл про него. Прошло ещё время, и эта история обрела счастливый финал.

И вот однажды преподаватель колледжа культуры и искусств Артём Лугачёв пригласил Юрия Яковлевича провести беседу со студентами кафедры режиссуры и актёрского мастерства с показом фильма «Сегодня мы играем так...».

«Где он это кино увидел? – удивлялся Светлаков. – Вероятно, ВКонтакте. Вот где я получил истинное удовольствие от просмотра. Молодые девчонки и мальчишки смеялись там, где надо, хлопали там, где надо и не надо. После просмотра было сказано много добрых слов в адрес фильма. Главное, один из них сказал: «Лучшего учебника по актёрскому мастерству и театральной режиссуре я не встречал!»

Эти слова стали наградой за ту работу. Мастер и не мог сделать иначе...

9.

Были в жизни Юрия Васильевича и другие награды. В том числе – награды государства Российского, звания и поощрения Кемеровской области, а также ведомственные, общественные и творческие отличия. В их числе медаль СССР «За трудовую доблесть» (1971), знак Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию «Отличник телевидения и радио» (1972).

Среди областных наград – орден «Доблесть Кузбасса» (2013), медали «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени (2002), «60 лет Кемеровской области» (2003), «65 лет Кемеровской области» (2008). В 2014 году ему присвоили звание «Почётный гражданин Кемеровской области».

За исследование истории кино Сибири и Кемеровской области Юрия Яковлевича в 1997-м приняли в члены межрегиональной общественной организации «Петровская академия наук и искусств» (Санкт-Петербург). Ю. Я. Светлаков был

победителем в номинации «Лучший ведущий авторской программы-2000» в I-ом областном телевизионном конкурсе «ТВ-Престиж» – за очерк «Остров».

Член Союза журналистов и Союза писателей Кузбасса Юрий Светлаков – автор большой серии книг и учебных пособий об операторском мастерстве, киноискусстве Кузбасса, телевидении Кемеровской области. Некоторые из них я уже назвал. Но, думаю, стоит ещё раз упомянуть их, также и другие его книги.

Это – «Киноленты памяти», «Съёмщик», «Шаг за горизонт», «Семейный альбом», «Путь непослушания, или неправильные люди», «Кемеровское телевидение. История в чёрно-белых фотографиях», «Автор-оператор», «Сибиряки-добровольцы на экране», «Свет мерцающих звёзд». «Штрихи к портрету», «Слово о полку Игореве», «Моё документальное кино», «Вспомнить детство и забыть», «Все ушли на фронт», «Время, назад!», «Таинственная Сибирь», «Шахтёры Кузбасса на экране», «Житель Марса Иван Егорович Селиванов», «Сегодня мы играем так...», «ВГИК. Заветная звезда» и другие.

7 августа 2022 года Юрия Яковлевича с нами не стало. Он ушёл на 85 году жизни. Известный кинооператор, ведущий, автор культовых программ, легенда кузбасского телевидения, преподаватель, доцент кафедры экранных искусств КемГИКа считал, что самое главное в жизни – это свобода, и к этой свободе он проложил свой путь!

Он полагал, что «человек преуспел в создании разных технических средств, но почти ничего не достиг в познании самого себя и тем более Вселенной. Призыв древних «познать самого себя» так и остался тайной». Он пытался донести до нас ускользающее понимание того, как научиться чувствовать себя самого, соблюдая при этом законы Природы? Пытался добраться до той самой истины, когда мы

осознаем, что есть ещё что-то «разумное, доброе, вечное», и тогда скинем «забетонированный покров сомнения и неверия, открывающий забытые знания о нас самих».

Он хотел найти ответы на вечные вопросы: кто ты? Зачем ты здесь? Что такое жизнь? Что такое любовь? Что такое разум? Он предлагал «прислушаться к той внутренней информации, которая проходит через тебя». Убеждал: «Старайтесь каждый день хоть на один шаг продвинуться вперёд к горизонту в поисках самого себя».

Операторское мастерство – это светописное искусство, – был уверен Мастер: «В одной книжке написано: «Бог есть Свет, и нет в нём никакой тьмы». Стало быть, операторское дело – богоугодное. Да будет Свет! Главный вывод: если люди теряют визуальную культуру при восприятии действительности, они теряют свою индивидуальность, теряют способность к самопознанию...».

Ещё Юрий Яковлевич Светлаков призывал: «Проживайте каждый день в радости и творчестве и не задавайте себе ненужных вопросов. Смысл жизни – в жизни! Волшебники Света, идите и снимайте своё кино. Зажигайте свои звёзды на операторском небосклоне. Наблюдайте за деяниями Мастеров. Смело открывайте дверь в неизведанное. Пусть дух открытий не покинет вас. Искренне стройте свой мир по совести. Старайтесь не походить на других!»

г. Кемерово,
сентябрь 2022 г.

Владимир Сухацкий любил Кемерово как никто

1.

Где-то в начале нулевых годов вышел у меня небольшой спор с очень уважаемым мною градоначальником Кемерова о возрасте города. Тогда велась подготовка к 85-летию областного центра. А мне доводилось копаться в архивах, документы утверждали, что поселение, даже группа поселений, уже существовала на месте города несколько сотен лет назад.

Об этом мы накануне поговорили с доктором наук, археологом, профессором Кемеровского госуниверситета Анатолием Михайловичем Кулемзиным, который уверял, что не следует искусственно омолаживать города. Исчислять возраст надлежит, исходя из полной истории поселения, а не от даты, когда ему был присвоен тот или иной статус. И я с ним полностью согласился. Даже несколько статей и заметок по этому поводу опубликовал в газете «Кузбасс». Вот после этого мне, тогда начальнику управления по работе со СМИ администрации Кемеровской

области, и позвонил кемеровский мэр Владимир Васильевич Михайлов. Разговор получился довольно острым. «Наш город рождён Октябрём! – твёрдо произнёс он. – Это устоявшаяся традиция. И мы её ломать не станем...». «Так над нами новокузнецчане смеются, – попытался я привести ещё один аргумент, – они-то от первого «колышка» Кузнецкого ведут отсчёт возраста Новокузнецка. Что же мы-то?!» Но Владимир Васильевич стоял на своём...

Было, конечно, досадно, что руководство города не хочет считаться с фактами, что так, видите ли, удобнее. И что с этим поделать?! А буквально на следующий день ко мне заглянул журналист Володя Сухацкий. «Знаю, – говорит, – что ты тоже против упрощённого подхода к городскому возрасту. Мы, историки (он окончил исторический факультет КемГУ), знаем, что это – не научный подход. Но чем больше будем об этом говорить, тем быстрее появится критическая масса знаний. И прорвёт, наконец! Придёт время, начнут отсчёт дня рождения города от самого начала истории поселения, а не от бюрократического решения...».

Несколько десятилетий Владимир Александрович Сухацкий активно и скрупулёзно изучал и отстаивал подлинную историю Кемерова. Спорил, открыто доказывал и в прессе, и на различных публичных площадках, и на разных мероприятиях, что такие учёные, как доктора наук А. М. Кулемзин, И. В. Ковтун, кандидат наук И. Ю. Усков и другие, правы, говоря, что по настоящему-то Кемерово намного старше тех лет, которые ему приписывают.

Изучению непростой судьбы поселения, которому посчастливилось стать столицей Кузбасса, Сухацкий, без преувеличения, отдал жизнь. Он не боялся защищать свою точку зрения, потому что умел разобраться в той или иной проблеме до конца, до нужной глубины. Был ершистым, несогласным, если твёрдо знал, как надо поступить властям, чтобы городу и горожанам жилось лучше. Журналистики уровня Владимира Сухацкого, на мой взгляд, сумели достичь немногие из коллег, с кем он когда-то начинал делать первые шаги в этой профессии.

2.

В мае 2014 года в Кемерове прошёл творческий вечер автора и ведущего краеведческих программ «От Щегловска до Кемерова», «Кузбасс от А до Я» Владимира Сухацкого – лауреата фестивалей документальных фильмов в России, Франции, Голландии и Германии, автора исторических книг, научного сотрудника музея-заповедника «Красная Горка».

Много интересного рассказал о своей жизни и труде Владимир Александрович. Там же прозвучало его шутивное признание: «Из историка в журналиста меня превратила «алчность»... В 1981 году я написал статью о модном чтиве и получил за это огромный для того времени гонорар – 20 рублей. И тогда решил, что пойду в журналистику – начал сотрудничать с областным радио...».

К его работе на облрадио мы ещё вернёмся. А пока вспомним подробности жизни будущего журналиста и краеведа. Володя родился 10 марта 1956 года в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области.

Немало знаменитых россиян дал стране этот пятый по величине угольный город Кузбасса. Среди них Мария Филатова – двукратная олимпийская чемпионка по

гимнастике, Сергей Солоух – российский прозаик, Сергей Нетёсов – молекулярный биолог, доктор наук, профессор, академик РАН, Николай Михайлович Бармин – советский и российский актёр театра и кино, Спартак Куликов – русский поэт.

И много ещё – несть им числа. Потому что история славного города Ленинска-Кузнецкого – Ленино (в 1922-1925 годах) – Кольчугино (до 1922 года) – у ходит в далёкое прошлое. Первое упоминание о заимке Кольчугино Колыванской губернии Томского уезда относится к 1759 году. В 1791 году выясняется, что Кольчугино находится у самого ложа угленосных пластов, что потом сыграет большую роль в развитии деревни. При создании Томской губернии с 1804-го по 1912 год Кольчугино относилось к Кузнецкому уезду Касьминской волости. В 1834 году здесь проживало 350 человек.

В 1836 году сюда приезжают первые переселенцы из Польши (не отсюда ли тянутся родовые корни фамилии Владимира Александровича?), которые уже в 1859-1861 годах построят в селе церковь. Позже Покровский приход станет Серафимо-Покровским женским монастырём – первым монастырём в Кузбассе.

В 1883 году в Кольчугино открывают шахту «Успех», после чего деревня становится угледобывающей столицей Алтайского горного округа (в составе Томской губернии). Запасы «чёрного золота» на местном руднике исчисляются миллиардами тонн. В январе 1913 года Кольчугинский рудник переходит под управление акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей – Копикуз, закладывается шахта «Капитальная», которой суждено стать крупнейшей шахтой в Российской империи.

В начале XX века Кольчугино становится центром Кольчугинского уезда и Кузнецкого округа Сибирского края. В 1914 году в город приходит Томская железная дорога, выделенная в отдельную, Кольчугинскую, железную дорогу. И всё – ради добычи угля. Угольная промышленность и сегодня является основным видом экономической деятельности на территории города и занимает более 77 процентов в общем объёме выпускаемой продукции.

Словом, узнавание особенной истории родного города вызывало особый интерес и гордость у таких активных ребят, каким был Володя Сухацкий. Высокий, стройный, красивый парень баловнем судьбы не считался. В школе учился хорошо. Много читал, особенно любил классику, русскую и зарубежную, историческую литературу. А когда пришёл срок учиться дальше, вполне осознанно выбрал исторический факультет Кемеровского государственного университета.

Выбору профессии способствовали и его близкие. Так, его отец – известный ленинск-кузнецанин, педагог, участник Великой Отечественной войны Александр Борисович Сухацкий, заслуженный учитель РФ, работал директором детского дома, потом – школы-интерната, не раз водил ребятню в незабываемые многодневные походы по родному краю с ночёвками в деревнях вдоль Томи.

В 1968 году А. Б. Сухацкий перешёл на работу в школу № 38 учителем истории. И основал здесь полноценный музей боевой славы 376-й стрелковой Кузбасско-Псковской Краснознамённой дивизии...

Итак, Владимир поступил на истфак КемГУ.

Потом были лекции и семинары, летняя практика после окончания каждого из курсов. Особенно запомнились археологические раскопки, осенние выезды всей группой в село на уборку урожая, безалкогольные и небезалкогольные посиделки в общаге, что и сегодня расположена на улице Васильева, 20Б, где вели споры о преподавателях и предметах, о политике и экономике, и о многом другом.

Владимир отличался от многих активностью и на занятиях, и во внеучебное время. Говорил грамотно, напористо, умело изъяснялся на хорошем литературном языке. Ещё в студенчестве начал писать заметки в одну из кемеровских газет. Кто-то из однокашников – то ли в шутку, то ли всерьёз – однажды посоветовал: «Тебе бы на радио выступать!»

3.

С ОблРадио Сухацкий начал сотрудничать, когда учился ещё на втором курсе. В 1982-м стал внештатным редактором на Областном радио Кузбасса (ныне «Радио России-Кузбасс»). Очень скоро у него начали получаться хорошие репортажи, интервью для радиовыпусков.

В 1980-х годах ОблРадио возглавлял директор Алексей Николаевич Калинин, которого коллеги и всерьёз, и в шутку называли «олицетворением трудовой дисциплины». Директору понравился молодой энергичный парень, он принял его редактором в штат своего дружного коллектива. В это время на радио действовали несколько редакций: сельского хозяйства и промышленности, литературная, музыкальная, пропаганды, молодёжная, детская, последних известий, писем.

Сначала Владимир работал в редакции, занятой новостями и передачами о культуре. Сидел в одном кабинете с журналисткой Мариной Александровой. Готовил выпуски о литературе Кузбасса, рассказывал о новинках поэзии и прозы. Вспоминаются его передачи о В. Фёдорове, В. Мазаеве, В. Конькове... Но постепенно стал подключаться к другим основательным и острым темам.

А. Н. Калинин особое внимание уделял работе с письмами радиослушателей. С его приходом на радио, как рассказывали бывалые члены коллектива, удалось навести порядок в письменном хозяйстве радиоредакции. Нередко именно письма с просьбами о помощи, наведении порядка в той или иной сфере ложились в основу журналистских расследований таких опытных журналистов-ветеранов, как Нина Сухина, Тамара Зиндович, Валерий Кропотков. Не остался в стороне от работы с обращениями слушателей и Владимир Сухацкий. Коллеги отмечали, что злободневные передачи, подготовленные Владимиром, вызывали буквально шквал откликов!

Очень скоро голос радиожурналиста Сухацкого стал популярным и узнаваемым. Так что по окончании КемГУ в 1985 году Владимир стал уже старшим редактором ОблРадио. В 1986-м его приняли в Союз журналистов СССР.

Вот что вспоминает о совместной с ним работе Тамара Алиева, которая сама пришла на ОблРадио в 1980 году, с 1998-го стала здесь директором, затем с 2000-го по 2016-й работала председателем ГТРК «Кузбасс»:

– Это было в то время, когда во главе руководства СССР стоял Михаил Горбачёв. (Он стал Генеральным секретарём ЦК КПСС в 1985-м). В стране объявили

перестройку, развернули гласность... Наш директор Алексей Николаевич Калинин решил усилить радиоредакцию пропаганды. А, по сути, сменил её состав полностью. Места ветеранов (таких как Василий Дятлов, Тамара Зиндович, Валерий Кропотов) заняла молодёжь – Женя Забелина, Фёдор Кривошеев. И меня Калинин перевёл сюда из молодёжной редакции. И, конечно, Вову Сухацкого. Его забрали сюда из «культуры». Наш директор считал, что мы выросли, набрались на других участках репортёрского опыта и сможем «двигать вперёд новое время».

Сухацкий среди нас сильно выделялся. И не только ростом, умением модно одеваться и рассказами про свои необычные кулинарные изыски. Он был необыкновенно начитанным. Умел цитировать классиков огромными кусками, прекрасно знал историю... В те годы самое рейтинговое время, когда слушали наше радио, было утро: с 7 до 8 часов. Люди собирались на работу, студенты на «пары» – и всё это происходило под голос из радиоточки, которая традиционно располагалась у кузбассовцев на кухнях. В этот отрезок и выходил в эфир на Радио Кузбасса «Прожектор перестройки».

В нём поднимались самые острые темы: невыплаты зарплат, коррупция, борьба за трезвый образ жизни, партийные привилегии, кумовство, торговля из-под полы «нужным» людям, блат, спекуляция дефицитом, – всё это наш радиный «Прожектор» высвечивал ярко и мощно. Сухацкий брался за самые трудные темы. Писал остро, я бы даже сказала, лихо. Рассуждал смело, умно, всегда следуя правде факта.

Помню его радиоочерк про нахрапистого и хамовитого начальника, который людей ни во что не ставил, и на которого пожаловалась в редакцию рабочая бригада. Фамилия у него была, кажется, Орёл. Одно название передачи о нём, придуманное Володей, чего стоило: «Всех заклюю!» Когда передача прозвучала утром по радио, о ней заговорили все: народ обсуждал её в транспорте, магазинах, на остановках. Защитил тогда Владимир людей, добился увольнения негодника... И таких примеров его острых программ – десятки.

А как умел работать у микрофона! Будто бы не заранее написанный текст читал, а своими словами рассказывал. Спокойно, толково, словно обращался через радио прямо только к тебе. Мешками приходили к нам письма после каждого его выступления. Люди доверяли ему, просили помощи, благодарили за результат...

– Помню, мы тогда редакцией ходили обедать в столовую областного Дома политпросвещения на улице Красная, – продолжает Тамара Владимировна. – Так вот, пообедать с Сухацким спокойно частенько было проблематично. Люди за соседними столиками узнавали его по голосу и «подкидывали» темы для репортажей и проблемных сюжетов. Сделал он их сотни. И практически каждый его сюжет отмечался коллегами на летучках как лучший. А потом Володя увлёкся историей Автономной индустриальной колонии Кузбасс...

А вот что рассказала Татьяна Микельсон, которая трудилась редактором на ОблРадио в 1985–2004 годах:

– Владимир Сухацкий был незаурядной личностью. Работая на радио, он ещё и редактировал писательскую газету «Благовест». Заинтересовавшись историей АИК

«Кузбасс», приглашал в студию доцента исторического факультета Кемеровского государственного университета Евгению Антоновну Кривошееву, в поле научных интересов которой тоже была Автономная индустриальная колония. Тогда же появилась его передача, посвящённая самому старому дому Кемерова – дому семьи Губкиных. И мы, его коллеги, поняли, что Владимир Александрович расширил круг своих исследований по истории города.

Время от времени он читал лекции об этом и многом другом. Выступал в музее, библиотеках. Откликался на приглашения коллективов. Одна из его необычных лекций «Что такое кузбасская кухня» в рамках проекта «Интеллектуальный салон на Красной горке» привлекла моё внимание. Помнится, в самом начале лекции, приветствуя слушателей, он представил меня персонально: «Вижу свою коллегу по областному радио Таню Микельсон...».

Я сама родом из Кемерова, с Рудника. Как-то в разговоре жена известного кузбасского поэта и публициста Г. Е. Юрова Наталья Петровна Захарчук заметила: «Я обратила внимание – те кемеровчане, что родом отсюда, с большой теплотой отзываются о Рудничном районе». Но Владимир Александрович Сухацкий родом был из Ленинска-Кузнецкого. И надо же полюбить Кемерово так, что и кемеровчане, благодаря его изысканиям, проявили большой интерес к истории своей малой родины!

Во всяком случае, так произошло со мной. Детство я провела среди домов, построенных по проектам голландских архитекторов, ходила в детский сад на улице Суворова, рядом с которым в доме № 14 жила семья моего дяди – директора стадиона шахты «Северная». Когда-то в том двухэтажном деревянном доме жили колонисты. После их отъезда большие квартиры переоборудовали в маленькие и заселили кемеровчанами. Вот в такой уплотнённой квартире и жила семья дяди.

Запомнилась другая встреча. Вышла солидная книга, посвящённая АИК «Кузбасс», автором проекта которой был он. Я попросила Владимира прийти в гимназию, в четвёртый класс, где училась моя внучка. И он сразу же откликнулся, пришёл, провёл урок по краеведению. Гимназия, как и Красная горка, расположена на правом берегу Томи. Оттого интерес к содержанию книги у детей был замечен. Впечатлили ребятишек и фотографии колонистов, и Кемерова той поры. Один экземпляр книги В. А. Сухацкий подарил школьной библиотеке.

4.

Да, «первый звоночек» увлечения Сухацкого историей Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» прозвучал именно в середине 1980-х.

Вот как сам Владимир сообщает об этом в одном из интервью:

«В 1980-е годы я работал на областном радио редактором отдела пропаганды. Поскольку, кроме пропаганды коммунистических идей, в обязанности редактора вменялось заниматься и контрпропагандой, то есть дискредитацией буржуазных ценностей, мне довольно часто приходилось встречаться с иностранными гостями Страны Советов.

В 1984 году в Кемерово прибыл «Поезд дружбы» из ФРГ. В те годы это стало популярно – западноевропейские коммунисты, профсоюзные активисты

приезжали в СССР, чтобы познакомиться с нашими достижениями. Предполагалось, что, вернувшись домой, они будут пропагандировать идеи коммунизма в своих странах.

В числе делегатов поезда был голландец с русским именем Владимир Фис. Оказалось, его родители – голландские коммунисты Коос и Нэл Фис – в начале 1920-х годов жили и работали в Кемерове, строили «новый мир». Именно от потомка колонистов я услышал впервые рассказ о том, как Советы, пригласив иностранцев в Сибирь, спустя некоторое время, устроили над ними расправу. Десятки колонистов, пожелавшие остаться в СССР, погибли в ГУЛАГе...

Так я познакомился с «не советской» историей Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». Историей, которая, как мне кажется, определила мою дальнейшую судьбу».

Напомним, после ликвидации колонии руководством страны в 1927 году об АИКе в СССР было принято или ничего не говорить, или говорить, как о «вражеском иностранном центре». Например, в сентябре 1927 года в Новосибирске издали книжку о горняках Кузбасса, но в ней нет даже упоминания об АИКе. Хотя прошло всего-то несколько месяцев после закрытия колонии, а АИК уже вычеркнули из официальной печати.

Ещё одной важной датой для Владимира стал 1987 год, когда в Кузбасс приехали два голландских журналиста – Герард Якобс и Ханс Олинк. Они сделали серию репортажей для голландского радио и несколько публикаций для своих газет о колонии в Сибири. От них он и узнал, что некоторые колонисты ещё живы и охотно дают интервью о «сибирской утопии».

«Коллеги пригласили меня в Голландию, – вспоминал наш герой. – Но воспользоваться этим приглашением я смог только спустя три года. Советских граждан на Запад ещё не пускали».

Весной 1990 года у Владимира Сухацкого родилась идея совершить необычное путешествие из Кемерова в столицу Голландии город Амстердам:

«Это было в День дурака, 1 апреля 1990 года. Мы шли с коллегой, журналистом ОблРадио Фёдором Кривошеевым на работу. На улице грязь и слякоть. А хотелось чего-то светлого и необычного. Мой приятель сказал, что не прочь куда-нибудь поехать.

– Может, быть в Голландию? – спросил я, вспомнив о приглашении голландцев.

– Да, – ответил мой приятель, – в Голландию! И – на велосипеде!

Идея казалась фантастической. Но мы тут же поняли, что именно благодаря такому необычному для России способу путешествовать, мы получим разрешение властей поехать на Запад. Буквально на следующий день мы купили два обычных велосипеда по 60 рублей каждый. А спустя пять недель уже отправились в путь.

Идея велопробега: поехать в Голландию, встретиться с бывшими колонистами, их родственниками, собрать материал о Себальде Рутгерсе (создателе АИК «Кузбасс»), – нашла поддержку в Кемеровском обкоме партии. Там один крупный партийный чиновник сам был заядлым велосипедистом и увлекался историей. Он помог оформить визы, получить валюту и благословил нас словами «Go west!»

И они стартовали... Путешествие в общей сложности заняло два месяца. Обычно, после 2-3 дней езды, они брали день отдыха. Останавливались во многих городах СССР. В Германии Владимир вновь встретился со своим старым знакомым Владимиром Фисом. А в Нидерландах – с сыном Себальда Рутгерса Яном.

Из этой первой командировки путешественники привезли множество документов, связанных с историей колонии, записанные на магнитофон интервью, фотографии. Всё это было передано в Кемеровский обком КПСС, поскольку он значился куратором поездки. Но и потом эти документы не затерялись – вошли в фонды музея «Красная Горка».

После велопробега для Сухацкого стало очевидным: надо делать документальный фильм об АИК «Кузбасс». Но в тот момент это было ещё невозможным ни по финансово-техническим, ни по личным причинам.

5.

Вот так в начале смутных 1990-х годов Владимир решил всерьёз заняться АИКом, чтобы окончательно «стереть белое пятно» на исторической карте нашего региона, восстановить справедливость, рассказать правду о тех, кто в 20-е годы прошлого века, увлечшись коммунистической идеей, из разных частей света прибыл на территорию современного Кузбасса, чтобы освоить её и построить новую жизнь.

Прежде всего, он решил оставить работу на радио, чтобы развязать себе руки, заняться другим, более интересным делом:

«В марте 1991-го я уволился из телерадиокомпании, разочаровавшись не только в этой службе, но и в коммунистической партии, в которой состоял», – так он прокомментировал своё решение.

Для Сухацкого последующие годы стали временем путешествий, активного сотрудничества с зарубежными коллегами, увлечения кино- и видеосъёмкой и производством фильмов. Параллельно он собирал материал об индустриальной колонии и колонистах.

Во время велопробега в Амстердам, где начал накапливать факты об АИКе, он был поражён почти идеальной чистотой и порядком Голландии. Досадовал: «Почему же мы так не можем?!» Готового ответа на это не было. И тогда появилась идея провести экологическую экспедицию по Западной Сибири.

Он поделился своими мыслями с голландским журналистом Герардом Якобсом. Тому предложение сибиряка понравилось. И летом 1991 года он приехал в Кузбасс с международными экологами, голландскими и американскими журналистами из газет «The Wall Street Journal» и «The New York Times».

В этом не было ничего удивительного: после шахтёрских забастовок 1989 года познакомиться с жизнью Кузбасса приезжали десятки зарубежных газетчиков и телевизионщиков из многих ведущих зарубежных изданий и телекомпаний. Автору этих строк в те годы, по роду своей деятельности, тоже приходилось неоднократно принимать делегации прессы из США, Японии, Западной Европы, которые ездили по городам Кузбасса, спускались в шахты, изучали экологию региона, жизнь и быт... Путешествие Владимира Сухацкого с заграничными коллегами началось в Горной Шории, а закончилось... на берегу Северного Ледовитого океана. Экологи сделали мониторинг качества воды в реках Сибири, результат которого был неутешительным.

Были и другие проекты, которыми в начале девяностых годов он активно занялся. Так, вместе с голландскими журналистами Тео Ойттенбогаардом и Герардом Якобсом отправился на Колыму. Там они приступили к съёмкам документального фильма «Gold Lost in Siberia» (Золото, потерянное в Сибири). В 1994 году этот фильм был отмечен на кинофестивале во Франции.

«Я занимался исследовательской работой для сценария и был исполнительным продюсером, – вспоминал Владимир позднее, – занимался вопросами организации съёмок, транспортировки, решал различные бытовые проблемы съёмочной группы. Работая над фильмом, я получил уникальный опыт, который воодушевил меня и Якобса заняться новым проектом».

Документальный фильм «Stalin Promised to Build a Bridge» (Сталин пообещал построить мост) они снимали в Сургуте и Нижневартовске. В нём рассказывается о судьбе обычных людей, живущих на берегах полноводной Оби, лесорубах, геологах, оленеводах, которые продолжают ждать, когда же власть выполнит обещание Сталина построить мост через реку. Фильм получил в 1996 году сразу две награды: на ежегодном кинофестивале в Утрехте (Нидерланды) – одну из престижных голландских премий в области документального кино «Золотой телёнок», а также – награду на фестивале документального кино в Мюнхене.

Кроме того, в 1994-м Владимир организовал российскую журналистскую экспедицию в Австралию, тоже продюсировал там съёмки документальных телефильмов о «Зелёном континенте».

Этот опыт всё чаще наталкивал на мысль сделать правдивое документальное кино про АИК. А для этого надо было снова отправиться в дальнюю дорогу. Он выяснил, что из всех АИКовцев, которые осваивали Сибирь, в живых осталось только пять человек. Чтобы пообщаться с настоящими участниками далёких событий, взять у них интервью, он поехал на Украину, затем в США и Нидерланды. Досадовал, считая, что надо было гораздо раньше заняться этим фильмом об очевидцах «самого успешного утопического проекта XX века»:

– Когда в Сан-Франциско я брал интервью у колониста Макса Мандела, ему был 101 год. Он был глух и слеп. Анна Прейкшас, которая ещё ребёнком приехала с родителями в Кузбасс из США, тяжело болела. Она жила на Украине и едва сводила концы с концами, получая мизерную пенсию. Через два года после нашей встречи она умерла...

В Голландии он записал интервью и с 95-летним Яном Рутгерсом – сыном Себальда Юстинуса Рутгерса. Спустя пару лет не стало и его. Печальная действительность. Но он радовался как ребёнок, что застал их живыми. Из собранного материала Владимир Сухацкий сделал документальный фильм, который получил название «Остров». Вот как он сам рассказывал об этом в середине нулевых годов:

«Это была грустная история о том, как 700 американцев, голландцев, финнов, бельгийцев пытались построить коммунизм в Сибири, и что у них из этого вышло. Основная часть фильма – интервью с колонистами. Но хроникальные кадры, использованные в «Острове», были ассоциативными. Они отражали эпоху, но подлинных кадров о жизни колонии не было. Вы видели строительство домов, но к АИКу они не имели никакого отношения. Шахтёры из «Острова» на самом деле замещались кинокадрами горняков с донецких шахт. Эта хроника была иллюстрацией, а не кинодокументом.

Потому что в середине 1990-х в российских архивах царили разруха и хаос. Уникальный фонд киноплёнки 1920-30-х годов, который хранился на Западно-Сибирской студии кинохроники в Новосибирске, погиб от канализационных вод во время аварии. Киноматериалы Кемеровской телестудии и вовсе сгорели».

Но у этой киноработы Сухацкого было счастливое продолжение. В 1996 году «Остров» был показан по областному телевидению и получил золотую медаль на Сибирской ярмарке в Новосибирске. Автор посчитал, что тема АИКа для него исчерпана и не предполагал возвращаться к ней.

Однако вскоре после презентации «Острова» в Кемерово прибыла Рудольфина Эххинк, учёная из Голландии, которая работала над диссертацией о своём соотечественнике, архитекторе И. Б. ван Лохеме. Когда-то тот проектировал дома для колонистов в Кузбассе.

Вместе с гостьей Владимир поработал в Государственном архиве Кузбасса. И вот Рудольфина случайно натолкнулась на переписку между Нью-Йоркским бюро АИКа и Кемеровским руководством колонии. В этих письмах упоминалась американская кинополь, которая приехала в Сибирь для съёмок фильма об АИКе. С помощью этих писем бюро в Нью-Йорке пыталось выяснить: куда исчезла внушительная часть отснятого материала? Оказывается, у группы было 60 тысяч футов плёнки

(около 18,3 тысячи метров), но в Америку вернулось только 40 тысяч. Из них и был в 1923 году сделан фильм, он успешно демонстрировался в кинотеатрах Нью-Йорка. «Несколько лет мои друзья в Америке и Англии пытались разыскать эту ленту, но безрезультатно, – делился вслед за тем Владимир Александрович. – Нам так и не удалось найти американский фильм. Зато совершенно случайно в Государственном архиве кинофотодокументов в Красногорске я нашёл ту часть плёнки, которая «потерялась» в России. Оказывается, в 1922 году один из работников советской кинокомпании «Кино-правда» забрал у американцев 20 тысяч футов отснятой плёнки и не вернул. Попросту говоря, – украл. Именно этот украденный кусок хроники и сохранился до наших дней...

Когда отыскался такой уникальный кинодокумент, у меня и у председателя голландского Фонда анализа архитектуры «STAG» Питера Ван дер Тоорна Вraithхоффа возникла идея создать новый фильм о колонии под названием «For a New World» (Ради нового мира). Фильм сделан на английском языке. А это значит, что он предназначен, главным образом, для западного зрителя. И я, и продюсер Питер Ван дер Тоорн хотели бы, чтобы зритель воспринимал Россию не только как страну нефти и газа...».

6.

Уверен, что благодаря таким энергичным исследователям и популяризаторам, как Владимир Сухацкий, большинство жителей Кемеровской области сегодня знают, что такое Автономная индустриальная колония «Кузбасс» (Kuzbass Autonomous Industrial Colony). Однако, думается, не все ведают подробности истории АИКа. Поэтому, давайте вспомним, как это было.

АИК – это колония иностранных рабочих, созданная Советским правительством (Советом народных комиссаров РСФСР) и инициативной группой левых активистов из западных стран, симпатизирующих социалистической революции в России 1917 года, для восстановления и развития угольной промышленности Кузнецкого бассейна под рабочим контролем.

В 1921 году в нашей стране закончилась Гражданская война и началось восстановление подорванного народного хозяйства. Создание тяжёлой промышленности в Сибири было провозглашено одной из первостепенных задач.

Председатель Совета народных комиссаров РСФСР В. И. Ленин, понимая, что экономический кризис в России слишком глубок и промышленность молодой Советской Республики не может быть восстановлена своими силами, написал «Письмо к американским рабочим», которое 22 августа 1918 года опубликовала газета «Правда». В письме он призвал рабочих коммунистических партий передовых стран помочь в организации новой промышленной базы для нового рабочего государства.

Иностранные рабочие, в основном, американцы, возглавляемые Себальдом Рутгерсом, Биллом Хейвудом и Генри Калвертом, ответили предложением о создании колонии иностранных рабочих и специалистов на территории современного Кузбасса. Они встретились с В. И. Лениным в Москве в сентябре 1921 года. От имени «Индустриальных рабочих мира» эта группа выразила желание взять

в эксплуатацию Надеждинский металлургический завод на Урале и часть Кузнецкого каменноугольного бассейна в Сибири и организовать индустриальную колонию американских рабочих.

В США было создано общество «Кузбасс», объединившее американские организации, набравшие добровольцев для работы в колонии. В ряде коммунистических изданий США дали объявление: «Требуются первопроходцы для Сибири!.. Для промышленного строительства... для поддержки русской революции и для демонстрации миру того, что могут сделать свободные трудящиеся, когда их таланту не препятствует система прибыли и когда они сами являются собственниками и единственными владельцами продуктов своего труда».

Договор между Советом Труда и Оборона (СТО РСФСР) и правлением колонистов в составе Билла Хейвуда, Д. Байера, Себастьяна Рутгерса и других о создании Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» был подписан 25 декабря 1921 года в Москве. По данному документу колонисты получили в распоряжение: угольный рудник в Кемеровском районе, строящийся завод для выработки кокса и 10 тысяч гектаров земли для сельскохозяйственных нужд. Иностранцы в свою очередь обязались проработать в России не менее 2 лет, жить по законам РСФСР и подчиняться всем постановлениям СТО.

Колонисты обязались восстановить все переданные им предприятия и закупить за границей передовое оборудование, необходимое для шахт и производства. Советское правительство категорически настаивало на условии, что всё финансирование и снабжение американских рабочих будет производиться без привлечения средств из бюджета советской страны.

По инициативе Ленина руководители и члены колонии должны были дать «подписку», что они обязуются и будут коллективно отвечать за то, чтобы в Россию ехали «только люди, способные и готовые сознательно вынести ряд тяжёлых лишений, неизбежно связанных с восстановлением промышленности в стране, весьма отсталой и неслыханно разорённой». Американская сторона в лице Рутгерса столь же категорически возражала против вмешательства правительства РСФСР в дела автономной промышленной колонии.

Тем не менее, практическим шагом колонистов препятствовали серьёзные противоречия между советскими властями в лице народного комиссара правительства В. В. Куйбышева и С. Рутгерсом. Разногласия шли в том числе по финансовым условиям и по составу членов правления колонии от американских рабочих, подлежавшему утверждению СТО. Только в течение 1921-1922 годов вопрос о создании колонии обсуждался на заседаниях СТО более 20 раз.

Официальная регистрация АИК состоялась 22 декабря 1922 года. К концу 1923 года на предприятиях колонии было задействовано около 8 тысяч человек. Из них около 700-750 человек – иностранцы, остальные представлены советскими рабочими.

Иностранцами были обследованы многие районы Кузбасса (Кузнецк, Бачаты, Гурьевск, Киселёвск, Кольчугино). Наиболее подходящим оказался Кемеровский рудник, в котором была необходимая инфраструктура и трудовые ресурсы. На первом этапе в распоряжение колонии передали шахты Кемеровского рудника и

коксохимические печи коксового завода. К 1923 году были добавлены Кольчугинский, Прокопьевский и Киселёвский рудники.

В Нью-Йорке и Берлине открылись два представительства АИК, которые рекрутировали рабочих для колонии и совершали закупки техники. Деятельность колонии освещалась в регулярно выходившем в Нью-Йорке листке «Кузбасс бюллетень» (Kuzbass Bulletin), издававшимся обществом «Кузбасс».

Идеалисты, романтики, авантюристы из США, Европы и Азии прибыли в далёкую Сибирь. Это были американцы, голландцы, финны, немцы, югославы, русские (всего около 30 национальностей). В официальном названии колонии не было упоминания о преимущественно американском составе работавшего в ней контингента добровольцев, но в прессе и даже в официальных документах она нередко фигурировала под названием «Американская колония».

Возглавлял колонию инженер, голландский коммунист Себальд Рутгерс (покинул пост в 1926 году по состоянию здоровья). Колонисты вместе с Советской властью стремились сделать из АИКа самостоятельную промышленную единицу на территории Кузнецкого бассейна. Более того, АИК претендовала на право образцового общества, на которое должны равняться остальные. Но главной задачей для иностранцев было развитие тяжёлой угольной промышленности Кузбасса. Центром их деятельности являлся Кемеровский район, где находились основные предприятия и правление всей организации.

Сменивший в 1926 году Рутгерса на посту руководителя АИК инженер Коробкин настроил против себя всю иностранную часть колонии, что привело к её постепенной ликвидации.

Что же удалось сделать колонистам на небольшом клочке земли огромной территории Западной Сибири?

АИК «Кузбасс» за время своего существования реконструировала ряд шахт, достроила и пустила в производство первый в России химический завод по переработке кокса, организовала передовую сельскохозяйственную ферму. При АИК массово электрифицировались близлежащие деревни и сёла, строились благоустроенные районы в ряде городов будущей Кемеровской области.

В этот период известным голландским архитектором Йоханнесом ван Лохемом построены дома-колбасы рабочего посёлка, что на месте будущего города Кемерово, и здание школы: «...Он стал использовать для строительства жилья кирпич – материал куда более долговечный, чем дерево. – отметит В. Сухацкий. – Никогда прежде кирпичные дома для шахтёров в Кемерове не возводились. С этой целью голландец открыл несколько небольших предприятий по изготовлению стройматериалов. Безусловно, оказавшись в Сибири, архитектор исходил из своего градостроительного опыта в Нидерландах. Он хотел создать на Руднике «Маленькую Голландию».

Голландский зодчий, красный архитектор, как его называли на родине, переселил тысячи русских рабочих из землянок в достойные, европейского уровня дома. Несмотря на эти и другие производственные, экономические и социальные успехи, договор с АИК был расторгнут 28 декабря 1926 года. Иностранные специалисты, в

частности, американцы, стали подвергаться арестам и репрессиям, некоторые были расстреляны в 1930-х годах. Однако, значительная часть зарубежных колонистов вернулась в свои страны.

После окончательной ликвидации колонии в 1927 году было принято об АИК ничего не говорить или говорить как о «вражеском иностранном центре». В советских энциклопедических справочниках никаких упоминаний о вкладе колонии в промышленное развитие Сибири не содержалось.

Справедливость начала восстанавливаться спустя почти полвека – благодаря исследованиям доцента Кемеровского университета Е. А. Кривошеевой (1927-2020). В те годы многие аспекты деятельности АИКа были закрыты для учёных, но Евгения Антоновна стала настоящим энтузиастом. Во многом благодаря её идеям в 1991 году в Кемерове на территории бывшей колонии был основан музей-заповедник «Красная Горка», включающий в себя сохранившиеся постройки дореволюционного Акционерного общества «Кузнецких каменноугольных копей» (Копикуз) и Автономной индустриальной колонии «Кузбасс», в их числе центральный дом управляющего Кемеровским рудником (дом Рутгерса).

25 августа 2001 года в реконструированном здании дома управляющего была открыта экспозиция, посвящённая истории Кемерова и угольной промышленности Кузбасса. В октябре 2001 года с участием посла Нидерландов в России Тиддо Хофстее перед домом Рутгерса состоялось торжественное открытие памятной таблички, посвящённой основателям АИКа.

7.

Вот что в день памяти Евгении Антоновны Кривошеевой в октябре 2020 года сказал Владимир Сухацкий:

«...Хорошо помню её радиопрограммы об истории Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». Это было в середине 1980-х годов. Раз в месяц Евгения Антоновна приходила в студию областного радио и вдохновенно рассказывала о «кемеровских американцах», которые хотели создать на берегах Томи «Новую Пенсильванию». Она восторгалась основателями колонии Рутгерсом и Хейвудом, инженерами Струйком и Схермерхорном, другими колонистами. Когда Кривошеева рассказывала о «ревущих двадцатых», её глаза искрились от восхищения, и казалось, что это она сама была АИКовкой.

Её радиопрограммы выходили в эфир около 4 лет. И каждое своё выступление Евгения Антоновна заканчивала словами: «История Кемерова без АИКа – заурядна. АИК – это то, что делает город уникальным. У Кемерова должен быть музей АИКа».

Лично я считаю, что Евгения Антоновна создала целое направление в исторической науке – АИКоведение. Она – автор двух книг и сотен статей об АИК. Её цитируют практически все российские и зарубежные исследователи. У неё брали интервью журналисты «Уолл Стрит Джорнел» и «Нью-Йорк Таймс», голландские газеты и телекомпании. А это говорит о многом.

Евгения Кривошеева была человеком очень добрым и внимательным. Она привила мне любовь к истории Кемерова, а особенно к истории АИК. За что я ей бесконечно признателен...».

История АИКа, история города Кемерово, история Кузбасса настолько прочно стали основными темами творчества Владимира Сухацкого, что, казалось, ничто другое его не интересует. Впрочем, это и так, и не совсем так. Жизнь и интересы Владимира Александровича всё-таки шире, гораздо обширнее этой тематики. Но без исторических изысков не обходится почти ни одна его публикация или телевизионная передача.

Телевизионная – именно так. Ведь после десятилетнего «радиопериода», нескольких лет свободного творчества Владимир в 1997 году решил принять предложение бывшего полковника Кемеровского высшего военного командного училища связи (КВВКУС) Анатолия Анатольевича Григорьева, ставшего директором нового городского телеканала «ТВ-Мост», и занял должность главного редактора в этой организации.

«ТВ-Мост» был основан в Кемерово 19 августа 1997 года. Передатчик компания установила на крыше высотного здания недостроенной гостиницы «Турист» на проспекте Ленина (ныне гостиница «Кристалл»), а офис, съёмочные и монтажные студии находились на территории КВВКУС – на улице Федоровского.

Интернета тогда ещё не было. Готовые передачи и рекламные блоки записывались на видеокассету, после этого прикреплённый к ТВ-каналу солдат-срочник добирался с этой кассетой из училища до здания «Туриста», пешком поднимался на 17-й этаж. Там кассету вставляли в видеомэгнитофон, включали его. Так передачи «ТВ-Моста» выходили в эфир.

Работавший в компании рекламистом Сергей Колков припоминал:

«Владимир Сухацкий лёгких путей в жизни не искал. Неизвестно, каким образом, но этот романтик пера и микрофона «продал» прагматичному полковнику Григорьеву очень затратную идею: сделать местное телевидение преимущественно на «своём» продукте. То есть, не гнать, как все остальные, американские боевики и комедии, а,

наоборот, снимать свои авторские программы и из них сформировать ядро канала. Можем ли мы считать, что оба из них на момент принятия его решения были в ясном уме и твёрдом рассудке? А почему бы и нет!

Это было дорого во всех смыслах. Студия, свет, камеры и монтажная стоили космических денег. А ещё, чтобы привести всё это «железо» в движение, нужны были профессионалы: операторы, журналисты, ведущие, режиссёры, монтажёры.

Подобные технические и кадровые возможности в Кемерово были только у ГТРК, за спиной которой стояло государство. А тут – «голые» романтики! Удивительно, но всё у них получится! Им удалось реализовывать этот дерзкий замысел, без вложений от бюджета, без олигархов, успешно работать долгие годы на радость телезрителей».

Справедливости ради, напомним всё-таки, что в разные годы сетевыми партнёрами телекомпании были российские телеканалы – НТВ, РЕН ТВ и ТВ Центр.

У «ТВ-Моста» появилось немало «смотрибельных» передач. Среди них самыми-самыми были «Домино», «Видимости», «Знай себе цену» и другие. Но программы с участием Владимира Сухацкого пользовались особой популярностью.

Его всё больше увлекает история Кемерова. Он много времени посвящает изучению прошлого этого города. Здесь – и рассказы про АИК, и многое другое. От темы колонистов, строивших в Кузбассе новую жизнь, протянулась ниточка к темам краеведения. Он докапывается до самых истин и открывает для многих неизвестные и порой совершенно удивительные факты.

«Откопает новый факт, а потом интересно о нём расскажет и сделает какой-то «горячий пирожок», который будет интересен читателю, – подтверждает Сергей Колков. – И всегда очень легко делился сюжетами, информацией. Мы часами могли с ним разговаривать про какие-то темы, у него не было никогда жадности, закрытости на сюжеты и информацию. Когда я его спрашивал: «А вот этот сюжет можно взять?». – Он отвечал: «Да, конечно, бери, рассказывай, нет вопросов». Человек легко дарил и делился. По любой теме, касающейся Кемерова, особенно, о 1920-х годах...».

Если «радиушника» Сухацкого в 1980-х слушатели узнавали по голосу, то с 1990-х телезрители узнали его, как говорится, в лицо. На экране он был статен, безукоризненно одет, владел хорошими манерами и безупречной речью. Держался «в кадре» спокойно, уверенно вёл цикловые выпуски программы «От Щегловска до Кемерова». Его своеобразная манера подачи информации покорила зрителей. Многие с нетерпением ждали новых выпусков с его участием. Так, его друг, Андрей Тарапата, поделился впечатлением от своего первого знакомства с передачей Сухацкого:

– Когда увидел телепередачу «От Щегловска до Кемерова», которую на канале «ТВ-Мост» вёл Владимир, удивился, как ведущий грамотно, доходчиво и крайне интересно рассказывает историю. Пересмотрел все его передачи на тот момент и ждал следующих. Так я узнал об этом замечательном человеке. И подача информации была настолько увлекательна, да ещё щедро сдобрена тонким юмором, что никак не ассоциировалась с фамилией Владимира. Потом, конечно,

уже следил за всеми его передачами по ТВ, слушал и его радиoprogramмы «Ретроспектива», с увлечением читал его статьи в журналах. В нём была необычная, искренне человеческая искорка, которая притягивала и располагала к нему любого собеседника. Есть люди, в которых влюбляешься душой сразу и навсегда!

Уточним, «Ретроспектива» – это цикл передач, их Владимир Александрович вёл на радиостанции «Ретро FM Кемерово». Также у него были краеведческие выпуски «Прогулки по Кемерову» на кемеровском канале «Русского Радио».

Забегая немного вперёд, сообщу, что в 2010-х годах программа «От Щегловска до Кемерово» вместе с ведущим перекочевала на другой кемеровский телеканал – «Мой город». Здесь же Сухацкий вёл новый исторический проект «Кузбасс: от А до Я», который телеканал представил зрителям к 70-летию Кемеровской области. Роль студии для новых съёмок ведущего играл Каминный зал музея «Красная Горка».

Главный редактор «ТВ-Моста» пользовался у коллег практически непререкаемым авторитетом. «Снаружи» он был добрым, приветливым руководителем, говорили о нём коллеги. Но, если надо, мог так спросить – мало не покажется. Тем не менее, во главе угла у Сухацкого-начальника всегда было уважительное отношение к подчинённым. И ещё, большинство коллег подчёркивают необыкновенную работоспособность Сухацкого. Он мог десяток часов без перерыва «вкалывать» над очередным телевыпуском.

В публикации «Хранитель городских тайн» (интернет-издание «Региональное информационное агентство «Кузбасс», 08.06.2023) Лариса Кольцова, бывший редактор общественного и информационного вещания телеканала «Мой Город», подтверждает, что каждый выпуск Владимир Сухацкий готовил и прописывал самостоятельно от заставки и до финальных титров. И хотя сам он работал с полной отдачей, съёмочной группе было с ним легко».

Девизом передачи Владимир выбрал изречение, которое связывают с именем великого русского учёного Михайлы Ломоносова: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего», слегка изменив его по звучанию, но не по смыслу.

«Он всё делал сам, у него был личный фотоархив, бесценные, очень редкие фотографии... Он умел в интересной форме донести до зрителя какие-то факты и делал это настолько здорово, что люди засматривались. Это была одна из самых рейтинговых программ. С ним легко было, очень корректный, вежливый. Все были от него в восторге! Все его выходы в эфир были особенными, – подчёркивает Л. Кольцова. – Все выпуски были просто гениальными. Ещё он очень любил готовить, часто принимал участие в так называемых кулинарных передачах. Человек с богатым внутренним миром, опытом, знаниями. Так, как он, пожалуй, не умел никто на тот момент подавать информацию на телеканале.

8.

В 2009 году Владимир Александрович перешёл на работу консультантом музея-заповедника «Красная Горка». Этот период его жизни и творчества был одним из самых плодотворных.

Здесь талант журналиста, историка и краеведа Сухацкого заблистал всеми своими гранями. Музейщики подчёркивают его огромный вклад в развитие и самого музея,

и истории Кемерова, Кемеровского рудника, Кемеровской области в целом. За счёт его находок и связей расширялись музейные фонды, привлекая к «Красной Горке» внимание экскурсантов, исследователей, гостей из различных уголков нашей страны и зарубежья.

Благодаря знаниям, эрудиции и потрясающей коммуникабельности Владимира Александровича стали известны новые страницы о прошлой деятельности АИК «Кузбасс». Получены уникальные семейные фотографии и фонограмма выступления Себастьяна Рутгерса. Переведён на русский язык и передан в музей подробный список, содержащий более 400 фамилий зарубежных колонистов АИКа и краткие комментарии к ним, составленный Рут Кеннелл и Мэлли Кальверт.

Он придумал интересный проект «Прогулки с Владимиром Сухацким» по кемеровским улицам. Те, кому посчастливилось хоть однажды пройти с автором по городским улицам и переулкам, тропинкам и тротуарам, получали истинное удовольствие от этих ненавязчивых, но очень подробных лекций «на ходу», наполненных множеством неожиданных и занятных фактов, которые он умел подать с позитивной ироничностью.

К этой поре он стал настоящим знатоком Кемерова, прекрасно ориентировался в его истории и не уставал просвещать и горожан, и городских гостей. На этих экскурсиях сразу становилось понятно: Владимир Александрович искренне любит и ценит Кузбасс и его столицу. Своё трепетное отношение к родному краю он умел передать всем, кто общался с ним. В результате, земляки начинали понимать, что живут в лучшем месте на планете, а гости региона увозили с собой уважение к индустриальному центру Сибири.

Суहाцкий регулярно выступает с публичными лекциями в кемеровских городских и Государственной научной библиотеке Кузбасса имени В. Д. Фёдорова. Тут уж он, как говорят, «раскрывал карты» по полной программе, рассказывая, например, о тайне названия областной столицы: почему Кемерово – вовсе не Кемерово, от каких истоков следует исчислять городской возраст. И следовал его рассказ, подкреплённый проверенной фактурой:

– Началось всё с похода Ермака в Сибирь. Продвигаясь дальше на восток, казаки возводили на своём пути форты или остроги. Так, в 1665 году в районе нынешнего села Верхотомское, в 16 километрах от современного Кемерова, появился Верхотомский острог. Постепенно казаки осваивали и соседнюю территорию. Заимка одного из них по фамилии Комаров находилась на границе нынешних Кировского и Рудничного районов. Именно здесь впоследствии появилась деревня Комарово, давшая, на мой взгляд, изменённое со временем название нашему городу. А на другом берегу реки была деревня Щеглово, которую 18 сентября 1698 года отметил на новой карте Сибири тобольский картограф Семён Ремизов...

Подобных познавательных фактов Владимир Александрович всегда сообщал довольно много. Поэтому послушать замечательные истории о родном городе приходило огромное количество читателей библиотек, больших и маленьких горожан. Казалось, он знал всё о каждой городской улице и каждом переулке. И как тут было не полюбопытствовать?!

– До 1968 года на месте областной филармонии стоял дом Ивана Гавриловича Щеглова, одного из потомков старожильческого рода. К сожалению, дом снесли, когда начали готовить площадку для возведения учреждения культуры. Здесь же появились первые улицы: Щегловская (ныне Мичурина); Никольская (Советский проспект), названная в честь Никольской церкви, стоявшей на месте гостевого дома облминистрации, а народное название этой улицы – Скотопрогонная, ведь по ней гнали скот на заливные луга, которые начинались в районе «Карболита». Была улица Базарная (ныне Красная) – от неё до современной улицы 50 лет Октября тянулся большой базар...

Дополнением к рассказам Владимира Александровича становились видеоматериалы, выставка книг и периодики под общим названием «Кемерово, который мы не знаем».

Многие из своих публичных и печатных выступлений он сопровождал рефреном «Кемерово может стать городом-музеем». В противоположность суровому древнеримскому сенатору Катону Старшему, прославившемуся тем, что каждую свою речь на заседаниях сената он завершал одной и той же фразой: «А кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен!», – рефрен Сухацкого исполнен позитива и надежд на светлое будущее родного края. Логика проста и надёжна.

– У каждого города есть своя история, – неустанно подчёркивал он. – Это значит, что он может быть привлекателен для туристов. И мировой опыт тому подтверждение. В Ярославской области есть небольшой город Мышкин. В нём живёт около 5,7 тысячи человек. Но каждый год туда приезжают 140 тысяч туристов! Когда-то местный краевед придумал открыть в нём Музей мыши, единственный в мире. Или ещё пример: в Австралии есть город Виттен. Когда-то там добывали асбест. Промышленность практически уничтожила этот город, жить в нём стало опасно. Теперь он больше похож на пустыню. Но со всех концов мира туда едут туристы, чтобы посмотреть на «мёртвый город».

В Кемерове тоже есть «несколько «фишек» в истории», уверен Сухацкий, которые могут быть привлекательны для туристов.

– Во-первых, город считается столицей шахтёрского края, но в черте города нет ни одной шахты. Просто угольная промышленность стала частью нашей истории. Её нужно использовать для создания исторических достопримечательностей. Например, в штате Вирджиния, в городе Покахонтас, на месте прежних шахт открыли национальный исторический парк. С одной стороны, это музей горной промышленности. С другой стороны, там есть леса, горы. В этом городе живут 440 человек, а посещает его миллион туристов! Приезжают, чтобы покататься на велосипедах, байдарках, просто хорошо отдохнуть. А в Германии на шахте в городе Динслакене, возле Дюссельдорфа, открыли лесопитомник, где выращивают иву и тополь для биомассы. В Голландии же в старых штреках оборудовали специальные дорожки для экскурсий на велосипедах.

Нам тоже можно было бы создать свой национальный исторический парк от Томска и вверх по Томи. Он бы захватил остроги, Томскую Писаницу, Горелую Гору и продолжался до самого Новокузнецка. По сути, наша история похожа с Диким Западом: освоение Сибири, столкновения с местными жителями, телеутами и

шорцами. На этом тоже можно сыграть. Восстановить всё это, думаю, не будет слишком дорого...

Какие-то мечты Владимира сегодня претворяются в жизнь. Например, он предполагал создание в столице Кузбасса Музея угля. Сегодня такой музей появился на карте города и начал развиваться. Реализована другая его мечта: здание конторы Копикуза муниципальные власти Кемерова выкупили у частного лица и передали на баланс музея «Красная Горка».

Будем надеяться, что претворятся в жизнь и другие его предложения. Допустим, тот же самый день рождения Кемерова заслуживает более глубокого изучения и переосмысления. Владимир Александрович безо всяких обиняков настаивал на этом:

«Большинство городов ведёт свою историю с момента первого упоминания. Никто, например, не спорит с тем, что Москве больше 800 лет, потому что её впервые упомянули в Ипатьевской летописи от 1147 года. Это и есть официальная дата основания города. Новокузнецк (в прошлом Кузнецкий острог) отмечает 400-летие, Мариинску (в прошлом село Кийское) – 320. И только Кемерово не знает, сколько ему лет на самом деле. В мае 1918 года Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов решил преобразовать село в город Щегловск. Теперь все знают Кемерово как «город, рождённый Октябрем». И не берут во внимание, что на чертеже Ремезова Щеглово было упомянуто ещё в 1698 году. Если мы берём за основу первое упоминание о нём на карте Ремезова, получается, мы на пять лет старше Санкт-Петербурга. Споры не утихают до сих пор. Хотя нынешнее руководство уже признаёт, что на самом деле город у нас не такой молодой, как принято считать. По сути, в этом (2018-м) году мы отмечаем столетие городского статуса. Это как человеку вместо дня рождения отмечать день получения паспорта...».

Повторю, что я полностью согласен с этой железной логикой!

Надо обязательно отметить ещё одну черту характера нашего героя: он был горячим спорщиком. Если был в чём-то уверен, мог доказывать свою правоту на любом уровне – прямо и без обиняков, без скидок на должности и авторитеты. Примеров тому немало. Вот один из них. Осенью 2020 года, когда полным ходом шла подготовка к так называемому 300-летию Кузбасса, у Владимира Александровича родилась идея создать в Кемерове исторический парк на правом берегу Томи. Но в высоких кабинетах, заявил позднее Сухацкий, «превратили проект в полное безобразие».

«Моя идея заключалась в том, чтобы по типу московского сделать второе «Зарядье», но на берегу Томи в Кемерове: открыть музей истории угля в бывшей конторе Копикуза, разбить рельефный ландшафтный парк на пустыре между основным зданием музея «Красная горка» и конторой Копикуза. Пустырь занимает 15 гектаров, он был бы даже больше московского «Зарядья». Можно было перенести туда горно-шахтную технику, которая сейчас находится на территории «Красной горки». Также я думал о создании «золотого пояса Кузбасса», который бы объединил музей-заповедник «Томскую писаницу», Верхотомский острог, Горелую гору, новый парк, музей «Красная горка», памятник Эрнста Неизвестного и

Рудничный бор. Но предложенный властями проект оставляет много вопросов, – делился он своей тревогой в сетевом издании «ФедералПресс». – Не ясно, какую именно канатную дорогу: в бор или в промзону коксохимического завода, – собираются восстанавливать власти...

Также я категорически против установления скульптуры Варвары в бору, освоения территории Рудничного бора и восстановления канатной дороги туда, потому что это вызовет нашествие людей. Они погубят бор. Идея восстановить дорогу на коксохим хороша. Это интересно и любопытно. Хорошо было бы восстановить деревянную лестницу – спуск к реке. Но пока то, что называют Серебряным ручьём и чуть ли не достопримечательностью Кемерова, фактически канализационный сток».

(«ФП», 24.11.2020; <https://fedpress.ru/news/42/society/2626172>).

Владимир Сухацкий считает, что к 300-летию промышленного Кузбасса региональные и муниципальные власти не смогут реализовать свой проект: реконструкция школы ван Лохема и канатной дороги, – это дорого и долго. Поэтому к юбилею, скорее всего, откроют несколько экспозиций в конторе Копикуза и отсыплют дорогу:

«Я не против исторического парка, но вот каким он будет? Проект вызывает опасения и рефлексия. Поэтому я и мои коллеги-экологи настороже. Я хотел бы конкретики: дорожную карту реализации проекта, знать источники и объёмы финансирования, хотел диалога с общественностью. В конце концов парк-то делают для людей».

Хочу напомнить, что Сухацкий несколько лет являлся членом кемеровской городской комиссии по топонимике. И не было случая, чтобы на заседании этого уважаемого органа он отсиделся и не взял слово. Он не без основания считал, что власти должны активнее привлекать мнение рядовых кемеровчан к вопросам формирования облика города.

– Принимая во внимание историю Кемерова, я бы говорил не о памятниках, а об уличной скульптуре, – откровенно делился член комиссии Сухацкий своими размышлениями. – Я бы не делал непонятных «модниц», авангардных арт-объектов типа «Он и Она» и уж точно не ставил железных уродцев под табличками «подарок городу на 100-летие». Уместно вспомнить историческое прошлое Кемерова и сделать жанровые сценки из жизни села Щеглово. Например, можно воссоздать купцов и купчих знаменитого когда-то на всю Сибирь Щегловского базара. И тогда не возникнет вопрос: зачем здесь это стоит? В Мариинске, например, совершенно справедливо стоит памятник Картошке в честь мирового рекорда жителей по сбору картофеля в 1942 году. Вопросов нет... Хочу сразу подчеркнуть: я не против слоников, пингвинов и рыбок. Я за то, чтобы их не называли памятниками, чтобы они не были достопримечательностью города. Самое точное название таким объектам дал в середине прошлого века кемеровский летописец Иван Балибалов – «уличное украшение» и не более».

«Как остановить поток банальщины, от которой люди стали уставать? – размышляет он. – Все эти слоники со скворечниками появляются от незнания истории родного

города или её искажения. Это первая ошибка. Власти не хотят общаться с горожанами. В результате во дворах появляются убогие скворечники, на улицах – безобразные памятники, а на бетонных клумбах искусственные кипарисы. Город теряет своё лицо, а жители – историю. Жаль...».

По мнению краеведа, областной столице катастрофически не везёт с сохранением культурного и исторического наследия. Например, уже сказано, что ещё при советской власти снесли домик Щегловых, который находился в районе филармонии, пообещав перенести его в район Искитимки и сделать там музей... Ни музея, ни домика, к сожалению, нет до сих пор.

«Раз уж мы утратили это и не пытаемся восстановить, можно хотя бы сохранить то, что мы имеем сегодня! Например, «Маленькая Голландия» постепенно превращается в руины, зарастает бурьяном. А ведь – уникальное место, оно показывает переходный период становления города из села. Во всём мире есть понимание, что свою историю нужно беречь, поэтому там хранят историческое наследие и «монетизируют» его. Именно история делает город городом. У Кемерова, выходит, нет истории... Потому что даже её остатки беспощадно уничтожают», – публично возмущался Владимир Сухацкий.

9.

Его уход из жизни 1 апреля 2023 года был неожиданным. Для многих коллег, друзей, почитателей его таланта это стало настоящим шоком. Казалось, энергичному, активному Владимиру Александровичу износа не будет. А он тяжело болел, но жаловаться не любил...

«Очень жаль! – прочитал в социальных сетях. – Ещё столько городских дорог с его экскурсиями не пройдено, столько лекций не прослушано...».

Это так... Что ушло – не вернёшь. Однако, подумалось, Сухацкий был не только журналистом радио и телевидения, сценаристом и режиссёром документальных фильмов. Он ещё очень много писал. После него остались многочисленные публицистические заметки, очерки, статьи, переводы, которые, при желании, можно отыскать в подшивках областных, городских и районных газет Кузбасса, журнале «Огни Кузбасса», альманахе «Красная Горка», в федеральных и зарубежных изданиях.

Кроме всего прочего, Владимир – автор историко-публицистических изданий. В их числе книги: «Странный Кемерово» (2016), «Кемерово исторический и туристический» (2018), пьеса «Tovarisch курьер».

О Кемерове часто говорят как о городе химиков или угольщиков, дальше подобных ярлыков дело не идёт. А если хочется узнать о городе больше, то сталкиваешься с другой проблемой – отсутствием интересной справочной литературы. Это и подтолкнуло Владимира Сухацкого выпустить книгу «Странный Кемерово», которая представляет собой сборник исторических очерков, написанных в разное время, в них – события и курьёзы советского прошлого столицы Кузбасса. На страницах «Странного Кемерово» нет энциклопедических справок. Вместе с тем, для читателя здесь есть яркие зарисовки из повседневной жизни кемеровчан тех лет со всеми странностями и казусами, более 110 исторических фотоснимков.

«Меня всегда интересовала история Кемерово. Я пытался найти какие-либо занимательные книжки на эту тему, но в основном попадалась... документалистика, – объяснял он эту работу. – Я бы очень хотел увидеть человека, которому интересно читать скучные отчёты и прочую «официалку». В основном пишут о роли партии, а эта информация не раскрывает истории города как таковой».

В результате у него получился необычный путеводитель по Кемерову – исторический и туристический. В книге – о главных кемеровских достопримечательностях, его реальном возрасте, жителях и полезная информация о гостиницах, кафе и ресторанах, которая пригодится каждому путешественнику.

– Если путеводителя нет, то и города тоже – это всего лишь населённый пункт, в котором нечего посмотреть и показать. Когда у города есть интересная, пёстрая, парадоксальная история, то без путеводителя не обойтись! – говорил Владимир Сухацкий на презентации издания.

– Очень много среди кемеровчан тех, кто любит город. Есть и те, кто родились не здесь, приехали и стали жить, становясь коренными кемеровчанами. Потому что влюбляются в улицы и людей, влюбляются в ту атмосферу, которая есть у нас в городе. И сегодняшнее событие является историческим, – отмечал на этом же мероприятии мэр Кемерово того периода Илья Владимирович Середюк. – Путеводитель исходит от сердца и таланта влюблённого в Кемерово Владимира Сухацкого. Он и журналист, и историк, и искусствовед, а теперь ещё и экскурсовод. К своему путеводителю он шёл долгие годы, выверял его. Владимир посетил много стран и может сравнить города друг с другом. И он прав, если говорит, что город без путеводителя – не город...

Конечно же, в книге обязательное место нашлось рассказу о кузбасских колонистах. Эту тему Владимир продолжал разрабатывать до последних дней. В связи с этим,

Сухацкий пригласил на презентацию книги одного удивительного кемеровчанина – Доминика Тэса и представил его:

– Мы помним, что первыми иностранными колонистами в Кемерове были французы, нанятые Копикузом. Он же был франко-бельгийской компанией. Поначалу там преобладал иностранный капитал. Позже, в 1920-е годы, были АИКовцы: американцы, финны, шведы, голландцы. Для них этот город был чем-то вроде земли надежды, где они хотели найти своё счастье. Спустя 90 лет в Кемерово приехал подданный королевства Бельгия Доминик Тэс. Именно в Кемерове он нашёл свою Надежду – очаровательную кемеровчанку, которая стала его отдушиной. Вместе они открыли кафе «Бельгия», очень популярное место...

Упомяну ещё одну книгу В. А. Сухацкого: «Неизвестный Кемерово». Помимо большого количества фотодокументов книга содержит уникальные текстовые материалы, немалая часть которых собрана в западных архивах. Это и письма колонистов-иностранцев своим друзьям и родственникам, и выступления руководителей АИК «Кузбасс», и другие разнообразные документы, и записи «летописцев жизни, мечтателей и строителей «Города Солнца» в Сибири Анны Прейкшас и Рут Кеннелл, документы руководителя АИК Себальда Рутгерса. В «Неизвестном Кемерово» автор открывает нынешним кемеровчанам «новое старое» нашего города.

На это необычное издание обратил внимание и известный литературный критик, книголюб Валерий Андреевич Плющев. «Что в имени тебе твоём?..» – так названа его рецензия («Огни Кузбасса», № 1, 2017):

«...Вы хотите подробно узнать, какие продукты употребляли наши предшественники и как они их готовили? Значит, вам сюда, на страницы «Странного Кемерова», в отрывающий книгу и занимающий чуть не треть её объёма очерк «Чем богаты, тем и рады». А какие разделы завлекающие: «Кухня щегловских крестьян», следом «Кухня щегловских пролетариев». Ну и, конечно, есть страницы об «американской» кухне – разноплеменные колонисты из АИК тоже не духом святым питались, а аборигены умудрялись перенимать диковинные рецепты у пришлых.

Вот заковыченная глава «Маруся отравилась» – это о начале тридцатых, когда коллективизация гордо зашагала по стране, обернувшись голодом в разных регионах. Всё-таки в Кемерове жители не пухли от недоедания – промышленный город имел очень серьёзное значение для государства, рабочих необходимо было кормить, пусть даже по минимуму. Но кто же там отравился? Автор пишет: «Имелось три сорта конской колбасы, которым народ дал непочтительные названия: «Конница Будённого» (последствия применения ясны любому – В. П.), «Собачья радость» (тоже понятно, что радость только для четвероногих друзей – В. П.) и «Маруся отравилась». Несколькими строчками ниже разъяснение: «Её готовили из ливера, кишок, хрящей, кожи». И тут же напоминает, что в те годы довольно часто распевалась популярная дореволюционная песенка об отравившейся Марусе. Люди вложили смысл в причину её «отравы» – конская кемеровская колбаса.

А уже через пять лет, в 1939 году в Кемерово, между прочим, выпускалось 44 вида колбасных изделий!

Исследование «стола» кемеровчан доводится до нашего времени; и дефицит на продукты питания излѣта советского времени анализируется, и относительно благополучные продовольственные времена, и трудности военного времени, и ресторанная кухня, и домашняя – самое ценное, что читатель узнаѣт «что почѣм» было в разные годы. Автор книги, как представляется, прочитал-просмотрел кучу архивных материалов, старых газет и журналов, прослушал огромное количество рассказов поживших людей об их прошлом, чтобы щедро поделиться с нами, обобщив монбланы собранной информации.

...Через питание автор книги играючи переходит на нравы, поведение и поступки горожан. Как вы думаете, люди с удовольствием воспринимали передававшиеся с языка на язык рассказы о существовании продовольственных карточек 1-го типа, были и такие, и совсем не так давно, по которым обладатели – представители номенклатуры – получали продовольственные товары, включая заморские съестные чудеса, по минимальным, часто символическим ценам? Это вряд ли...

Ну а мичуринские эпопеи в нашем городе, по сути, начались ещё с Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». Ведь это иностранцы показали местным, что можно выращивать экзотические овощи и фрукты при нашем климате. Их последователи до сих пор радуют причастных кемеровчан разнообразием и разнообразием, совместно с домашними винами – всё производится из выращенного в Сибири, между прочим. Государству остаѣтся только не жадничать с землѣй. А то, помните, выкопали откуда-то норму – 3 сотки в руки и домик скворечного типа, дескать, выращивайте, кормите себя. В книге приводится любопытная статистика: в 1996 году, когда рынок благополучно схоронил продуктовый дефицит, 65 процентов семей в областном центре всё-таки продолжали питаться картошкой с личного подсобного хозяйства, 54 процента выращивали овощи в мичуринских садах и огородах. Этакие «городские крестьяне».

...Хорошо, когда так вкусно повествуется: «В домовой кухне от ресторана «Волна» пекли потрясающую сдобу, которую покупатели обычно съедали тут же, «не отходя от кассы», настолько вкусной она была». Или ещё: «...Кемеровский хлебокомбинат в 1939 году вырабатывал: «всевозможные пряничные изделия, баранки разных сортов, сушки, бублики, печенье разное. Булочные изделия: сайки, халы, дынки, венские торты, кексы, пирожные». Кто бы объяснил мне, что за дивность эти «халы» и «дынки»? Кстати, автор упоминает и такие кушанья, как «няня», «сальник», «сальтисон», «калья». Не знаю, не едал. А Сухацкий утверждает, что бабушки такое готовили...

Между прочим, Сухацкий даѣт возможность погордиться аборигенам Кузбасса, ведь именно отсюда пошла полторы тысячи лет назад гречиха (ну, кто же не едал гречневую кашу!) – дикорос, ставший почитаемой русским народом зерновой культурой.

...Можно узнать и о Себальде Рутгерсе – голландском коммунисте, который привѣз насельников-иностранцев на правый берег Томи... Или узнать о судьбе убеждённого анархиста из США Билла Хейвуда, вырвавшегося из американской тюрьмы и оказавшегося в Щегловске. А о Рут Кеннелл разве не любопытно

прочитать? О её отношениях с писателем Драйзером, о повести «Товарищ Костыль», уже написанной ею и явленной не так давно местному читателю во вполне приличном переводе с английского...

...Кстати, автор объясняет, почему такой заголовок у его труда: «Странный Кемерово». Читайте и узнаете. Завидую тем, кто будет знакомиться с этой любопытной книгой в первый раз».

А вот найти эту книгу, чтобы прочесть, не так-то просто. Её тираж – всего 200 экземпляров... Впрочем, есть же библиотеки, наконец, где сберегают для любознательного читателя этот бесценный труд.

Ещё об одной работе Владимира Александровича нельзя не рассказать. На этот раз – о театральной. 10 февраля 2012 года в кемеровском Театре для детей и молодёжи прошла необычная премьера – давали спектакль «Tovarisch курьер». А автор этой пьесы – Владимир Сухацкий.

Она написана по мотивам приключенческой повести «Товарищ Костыль» американской писательницы (автора нескольких детских книжек), о которой уже тут упоминали, Рут Эпперсон Кеннелл. Её повесть в 2008 году издана в Кемерове на русском языке. Кстати, на русский её перевели наш журналист и краевед Владимир Сухацкий и переводчик Сергей Сафронов.

«Tovarisch курьер» – это история о дружбе двух ребят, один – русский беспризорник Володя, другой – американский мальчик Дэвид, вместе с родителями приехавший из Америки в Кузбасс в 20-е годы прошлого века. Литературная история имеет реальную основу. И ребята, и многие другие персонажи списаны с людей, действительно работавших когда-то на руднике в Кузбассе. Для пытливого читателя это ещё и хроника жизни Щегловска (Кемерово) начала 1920-х годов. Из неё можно узнать, как открывали коксохимический завод, чем торговали на рынке, во что одевались.

Премьеру спектакля посетили ученики школ Кемерово, они впервые смогли увидеть кадры кинохроники и фотографии тех времён, окунуться в атмосферу жизни нашего города начала прошлого века, когда на берегах Томи ещё только всё начиналось.

Чтобы лучше понять «круто замешенное» сценическое действо, обратимся к рецензенту Ольге Штраус («Товарищеская игра с историей», «Кузбасс», 24 апреля 2012):

«...Инсценировкой повести работа Сухацкого не ограничилась. Он насытил драматургический материал документальными воспоминаниями колонистов, архивными изысканиями, редкими фото- и киноматериалами. В результате получилось довольно необычное, запоминающееся действо, которое трогает душу и завораживает взгляд.

...С одной стороны – это просто шикарное зрелище. Замечательная работа художника-постановщика (Светлана Нестерова) и художника по свету (Александр Брегеда) явила нам полное представление о том, как столкнулись тут, на берегах Томи, в 20-х годах «два мира – два образа жизни»: мир крестьянской Руси и индустриального Запада. Разные моды, разные уклады жизни, разные

представления о веселье, праздниках, гигиене, лакомствах – всё это показано выразительно и смачно. Причём показано не столько на уровне текста, сколько на уровне бессловесных этюдов. Вот сцена фотографирования на пристани, вот базарная торговля на площади, вот некая щеголиха из Щегловска (Наталья Ущеко) демонстрирует товаркам «шерстяные трусы, как у американок, которые сама себе связала» – и горячему любопытству, равно как и глумливому хохоту, нет предела.

Замечательный приём используется в этом спектакле: колонисты-АИКовцы сначала появляются тёмными силуэтами, за экраном, как фигурки в театре теней. Потом они растут в размере, увеличиваются и вдруг – раз! – являются с экрана на сцену «живьём», во всём своём импортном великолепии. В коротких штанах на манжетах, в забавных шляпках, в невиданных комбинезонах... А если ещё учесть, что на этом экране время от времени проецируются кадры документальной кинохроники или фотографии Красной горки начала 20-х, то и вовсе рождается странное чувство: всё, что происходит сейчас здесь, на сцене, – не выдумка авторов. Это работа настоящей машины времени, каким-то чудом перенёсшей нас на 90 лет назад, но оставившей в том самом месте, где мы сегодня находимся...

Кстати, смесь теневого театра и живого плана – это, пожалуй, вообще самая сильная сторона нового спектакля. Она – как очевидная метафора – показывает нам, как столкнулись и стали причудливо переплетаться «свои» и «чужие» быт и нравы. Понятно, в спектакле есть и любовь (между американским инженером-изобретателем Джоном Эллисоном (Максим Голубцов) и секретаршей рудника Верой Егоровой (Елена Миллер). Есть горячая подростковая дружба: русский беспризорник Володя (Алексей Морозов), потерявший ногу в своих «паровозных» скитаниях, и его сверстник Дэвид, сын главного инженера рудника Пламмера (Александр Акимов), действительно стали «неразлейвода».

Не зря в США, после выхода книжки «Товарищ Костыль», их стали уподоблять героям Марка Твена и даже называли «Том Сойер и Гекльберри Финн на берегах Томи». Есть в спектакле и детективная интрига (мальчишки пытаются распутать преступления расхитителей из партийно-хозяйственной элиты и едва не гибнут сами).

...Порой создаётся впечатление, что перед нами – не цельное действие, а набор мемуарных «случаев из жизни», бытовых зарисовок, которые удержала людская память или зафиксировали сухие исторические документы. При этом замечательно то упоение, с каким артисты пытаются воскресить, оживить для нас «давнопрошедшее», из которого все мы (в буквальном смысле!) вышли...».

Для Сухацкого эта постановка имела особое значение. Поэтому лучше всего передать детали этого немаловажного эпизода творчества нашего героя устами Светланы Осиповой, бывшего режиссёра и продюсера Кемеровского театра для детей и молодёжи:

«...Мы встретились с Сухацким в кемеровском парке «Антошка», он рассказал и про свою работу в музее «Красная Горка», и про то, что написал пьесу и хотел бы, чтобы её поставили в нашем театре. Мне понравилась идея сделать спектакль, я увидела, как это можно воплотить, и написала режиссёрскую экспликацию... Это была пьеса

об американцах, приехавших восстанавливать разрушенную гражданской войной Сибирь.

Я помню, как мы творчески спорили – так что: американцы в итоге спасали Кузбасс, а русские его разваливали и разворовывали? И он объяснял молодым актёрам, что пьеса, по сути, не про это – про то, как люди в Америке поддерживали идеи коммунизма и ехали чёрт знает куда, чтобы действительно строить и помогать. Вопрос в другом: как и чем потом это для многих обернулось в 1939 году?

Спектакль увидел свет... К его премьере готовились основательно. Владимир Александрович очень поддерживал и верил в меня. Ему было интересно, он находил время и приходил на репетиции, чтобы донести до актёров дух того времени, потому что у меня это получалось плохо.

Просуществовал спектакль недолго... У театра был свой репертуар. Более интересный, понятный и более драматургичный

. Мы переживали с Владимиром Александровичем, потому что уж кто-кто, а он, пожалуй, один из немногих, кто хотел не просто писать про историю Кемерово, а кричать про неё. Сейчас модно говорить про патриотизм. Пожалуй, он был от слова «настоящий», а не потому, что это нынче в тренде»...

Вместе с тем, «строгая» областная газета отмечает, что, «если к спектаклю подходить с позиций чисто театральных – очевидной станет его главная беда: литературная слабость драматического материала. Но в том-то и дело, что оценивать его только с таких позиций не хочется! Да и не надо».

Однако, уверен, в этой пьесе и есть весь Владимир Александрович Сухацкий с его накопленной колоссальной массой знаний – об АИКи в целом и его обитателях в частности – и желанием донести, передать эти знания нынешним поколениям кузбассовцев. Только тогда, по его мнению, течение истории будет цельным и непрерывным, не развалится на куски и кусочки бессвязных фактов. Это как всё та же история с днём рождения Кемерово: тех, кто жил здесь до 1918 года, взяли и «отрезали», будто их и не было, будто не они несколько столетий назад зародили здесь жизнь, которая медленно и постепенно «переросла» в сегодняшний день нашего любимого города...

Сухацкий с этим смириться так и не смог до самого последнего.

Кажется, о Владимире Сухацком, его жизни, работе, заслугах сказано почти всё. Между тем, вспомнилось ещё, что он лауреат премии Кузбасса (2013), премии имени И. А. Балибалова – за лучшую публикацию по краеведению. Того самого Ивана Алексеевича Балибалова, журналиста и краеведа, которого в 1950-70-е годы тоже называли летописцем Кемерово. Его книга «Кемерово» переиздавалась не менее пяти раз. Безусловно, Владимир Александрович внимательно её читал, а, значит, и учился по ней.

Ещё об одном кемеровском краеведе, литераторе, оставившем заметный след в жизни Сухацкого, нельзя не вспомнить справедливости ради: это Геннадий Евлампиевич Юров.

«Я не был близко знаком с Геннадием Юровым, о чём спустя год после кончины литератора, очень жалею. Всего несколько встреч, телефонных разговоров, пара интервью для документальных фильмов», – признавался наш герой в очерке «Геннадий Юров. Каким я его знал» («Огни Кузбасса», № 6 2017).

«...С начала 90-х и до 2000-х годов наши пути с Г. Юровым не пересекались. Но однажды у меня в руках случайно оказались несколько номеров альманаха «Красная горка», о котором раньше я ничего не слышал... Один из номеров альманаха сразу привлёк моё внимание. На обложке значилась главная тема выпуска «Окно в Нидерланды». «Ничего себе, – подумал я. – В кои-то веки кузбасским шахтёрам захотелось «в Европу прорубить окно»?!

Открыв книжку, увидел среди авторов имена голландских историков архитектуры, которых я очень хорошо знал. Это были – Ян Молема, Иван Невзгодин, Рудольфина Еггинк. Доктор Еггинк являлась другом нашей семьи. Наведываясь в Кемерово, Рудольфина останавливалась у меня дома. А голландского профессора Ивана Невзгодина я знал ещё тогда, когда он был студентом Новосибирской архитектурной академии.

Практически весь номер был посвящён деятельности голландских специалистов, которые работали в 20-е годы в Кемерове, будучи членами Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» (АИК). В то время я уже был заядлым «АИКоведом» и поэтому появление в местной печати статей голландских исследователей показалось мне событием знаковым и неординарным. Захотелось

узнать: «Кто же решился на публикацию «иностранщины»? Кто такой смелый? Кто главный редактор альманаха?»

Каково же было моё удивление, когда увидел фамилию – Г. Е. Юров!

Прошло ещё несколько лет. Как-то раз во Дворце шахтёров проходило важное мероприятие, посвящённое истории АИКа. Среди приглашённых были главный редактор альманаха Геннадий Юров и автор этих строк. Поздоровались издали, обменявшись кивками, а в перерыве вышли на улицу покурить. Поговорили ни о чём – то да сё. Не знаю, почему, но я вдруг спросил: «А чего это вы вдруг про сибирских голландцев стали писать?»

Поэт сразу насупился.

– А ты против Рутгерса что-то имеешь?

– Я – никогда! Для меня Рутгерс – святой человек. Я, можно сказать, его апологет.

– Кто-кто?

– Это тот, кто – поклонник, защитник, приверженец...

– Ну, тогда ладно, – снисходительно сказал литератор.

У Юрова было своеобразное чувство юмора... В тот день наш перекур затянулся до вечера. Мы пропустили все пленарные заседания, болтая об истории Красной горки и её обитателях. Помнится, Г. Юров сказал: «Конечно, исторический центр земли Кузнецкой – Томская писаница. Но сакральным центром является Красная горка. Всё самое хорошее исходит от этого места».

...За 13 лет Геннадий Юров издал 14 выпусков альманаха «Красная горка»... Если поставить эти толстые и тяжёлые журналы в ряд, то они смотрятся как многотомное собрание сочинений. Я бы назвал эту коллекцию Антологией историко-литературных произведений о Кемерове. Ну, а если отбросить в сторону все мои претензии и придирки к «юровскому» альманаху, я вынужден признать, что Г. Е. Юров создал уникальный краеведческий труд, составленный из ярких публицистических статей, интереснейших мемуаров, умных очерков, исчерпывающих информационных материалов. И в этом его огромная заслуга...

...Я отправил литератору рукопись книги, которую мы написали совместно с супругой, «Питание кемеровчан в XX веке». Отправил просто так, даже не на рецензию, а вроде как «для ознакомления».

На следующий день, в 7 часов утра, раздался телефонный звонок. «Говорит Юров, – услышал я сипловатый голос. – Ночь не спал. Вкусная вещица получилась. Я только название предлагаю изменить. Сделай – «Чем богаты, тем и рады». Так точнее будет. Давай, я тебе рекомендацию в Союз писателей напишу. Тебя в два счёта примут».

Название я поменял, а от рекомендации отказался. Я давно заметил: просто членство в каких-либо творческих союзах ума не прибавляет. Тем не менее, я воспринял слова Г. Юрова, как щедрый комплимент, о котором можно было только мечтать.

...Лет пять назад, после презентации очередного выпуска альманаха, тогда ещё главный редактор, отозвал меня в сторонку. Вроде как – «покурить».

«Есть у меня голубая мечта. Собрать бы все опубликованные статьи об истории Кемерово воедино и составить что-то типа хрестоматии. Можно в 2-3 томах. Я прям воочию вижу: это такие красивые-прекрасивые книжки. Ведь не один литератор или учёный-историк такую книжку не напишет, как написали сами кемеровчане. Я бы даже ради такого великого дела курить бы навсегда бросил, – сказал матёрый редактор и добавил, – ну, опять бы бросил».

Таким я и запомнил этого многоуважаемого человека, литератора и гражданина, Геннадия Евлампиевича Юрова...».

Может быть, и длинноватые получились заметки Сухацкого о Юрове. Но, не сомневаюсь, оно того стоит. Ведь, на мой взгляд, здесь не столько о Юрове, сколько о самом Сухацком.

О его уважительном отношении к коллегам, об объективности человека, знающего себе цену и умеющего ценить, а не завидовать талантам и умению других. О широте его натуры и сердечности, если хотите...

Сегодняшний Кемерово растёт стремительными темпами. Он всё сильнее отличается от небольшого промышленного посёлка, каким был раньше. Продолжает жить и развиваться, хоть в столице Кузбасса сегодня нет уже ни одной шахты. Город ищет другие пути и возможности для продолжения своей биографии... Только скоро ли найдётся человек, который сумеет полюбить наш город во всём его великолепии и во всех недостатках также, как любил его Владимир Сухацкий...

г. Кемерово,
август 2023 г.

«Я очень счастлив оттого, что в моей жизни
случился театр, состоялось кино...».
(Очерк творчества Евгения Сытого)

1.

«Цепь событий, следствие времени,
Разные части составляют целое.
Смысл один, в одном важном слове,
Но не известны подробностей более...».

Эти, написанные однажды то ли строчки песни, то ли – откровения, как нельзя лучше, на мой взгляд, объясняют происхождение имени нашего героя.

Вообще-то он – Женя Костюков. Появился на свет 23 мая 1969 года в шахтёрском городе Белово Кемеровской области. А почему стал Сытым? – часто задавали ему вопрос журналисты. История у псевдонима реальная. Она личная, из жизни, из детства. Всё дело – в родителях, вернее – в отце. Тот на семейных застольях любил вспоминать, как встречал жену с сыном-первенцем из роддома. Молодой папа, держа на руках кулёк с новорождённым, посетовал:

– Да что же он всё спит и спит?!

На что мама, якобы, ответила:

– Сытый он. Хорошо ему, вот и спит...

Эта семейная история запала ребёнку в память. А когда он вырос и стал играть в кемеровском студенческом театре «Ложа», где все молодые артисты придумывали себе псевдонимы, вспомнил о ней и назвался Сытым.

Так что сценическим именем Сытый обязан родителям.

2.

Женя родился в семье шахтёра Александра Костюкова. Говорят: рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше. Поэтому родители мальчика искали в Кузбассе лучшее место для жизни. Из Белова они сначала переехали в Киселёвск. Затем – в молодой город горняков Берёзовский. Здесь семья Костюковых прижилась. Женин отец стал работать бригадиром на новой шахте «Первомайская», которую ввели в эксплуатацию в 1975 году.

В Берёзовском Евгений провёл десять школьных лет, учился в школе № 16. Его творческий талант «проснулся» ещё в старших классах: без его участия не проходил ни один школьный вечер. Ни один школьный спектакль и смотр художественной самодеятельности не обходились без Женьки Костюкова.

Тогда же старшеклассник Евгений записался в театральную студию «Данко» при кемеровском ДК строителей. Получил в пьесе главную роль, ездил на репетиции. Правда, первый свой спектакль с главной ролью Костюков сорвал. «Потому что в день премьеры проходило городское первенство по футболу, – припоминал он, – где у меня тоже была главная роль нападающего в нашей команде. Команда победила! А вот в «Данко» я не вернулся – совестно было...», – признался сам.

Но в его жизни это, пожалуй, был единственный эпизод безответственного отношения к роли и к партнёрам по сцене...

Неслучайно же он родился под знаком Близнецов, которые обладают сильным характером, энергичны, независимы и общительны. Это интеллектуально одарённый знак. Рождённые под ним люди часто талантливы в литературе и актёрской профессии, любят быть в центре внимания. Вот и Женя рос с весёлым характером и темпераментным любопытством, мог легко перевоплотиться в любого героя школьной сцены, тянулся к творчеству.

Однако при выборе профессии семейные традиции поначалу одержали верх. Его театральные способности родителям были не по душе. Отец уверен: сын должен пойти по его стопам, стать, как минимум, инженером. Поэтому Костюков-младший отправился в Кемерово, где поступил на горно-электромеханический факультет Кузбасского политехнического института (ныне Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачёва). И даже учебно-производственную практику проходил на той шахте, где работал отец. И, может, стал бы он после окончания вуза инженером угледобывающего предприятия, коих в Кузбассе добрая сотня, если не был бы невероятно креативным человеком. Перемены в его жизни начались на втором курсе. Женин талант на факультете заметили сразу, в годы студенчества парень очень пригодился родной alma mater:

здесь творческий престиж вуза всегда ревностно высоко котируется – не меньше, чем его профессиональный или научный авторитет.

Во-первых, в политехе образца 1980-х сформировалась крепкая команда КВН. Лидеры молодёжного политеховского актива встречались в студклубе, придумывали сценарии, шутки, участвовали в КВНовских битвах всех уровней – от городского и областного, до федерального.

Будучи студентом КузПИ, Евгений активно участвовал в этой игре, «поднимая» оценки своей команды – команды «Сибирские богатыри», которая, кстати сказать, в 1994 году, первой из Кемеровской области вышла в высшую лигу КВН.

Во-вторых, Евгений увлёкся рок-музыкой, выступал в кемеровской рок-группе «Склады», где стал вокалистом и автором песен. В те годы не увлечься роком было просто невозможно. В Западной Сибири пик рождения подобных рок-сообществ пришёлся на 1983-1986 годы (а наш герой как раз в 86-м поступил в вуз). У них своя атмосфера – суровая, холодная, снежная. Она питала и вскармливала своих героев, чьи имена впоследствии стали известны всей стране.

Сергей Лавлинский, кандидат педагогических наук, преподаватель Института филологии и истории РГГУ рассказывает, что в 1986-м году в Сибири появилось такое явление, как «Рок-периферия»:

– Это – движение, целью которого была пропаганда рок-музыки через концерты и фестивали в сибирских городах. Главный координационный центр располагался в Барнауле. Мы в кемеровском рок-клубе поддерживали уже существующую инициативу и решили организовать такой фестиваль у себя. Он проходил на протяжении двух лет – в 1987-м и 1988-м. Выступления проходили в клубе ГРЭС и в ДК Строителей.

Евгений ходил почти на все концерты рок-исполнителей, которые также проходили в КемГУ, ДК Азота, Зелёном театре. Самые запоминающиеся выступления происходили на «репточках» или квартирах, где исполнялись так называемые «сейшены» (концерты).

Рок-группа «Склады» образовалась в самом начале 1990-х. Вместе с другими участниками группы – Константином Галдаевым и Максимом Какосовым – Женя объездил многие города Кузбасса и соседних регионов, исполнял свои песни в Юрге, Новосибирске, Томске, Барнауле. Группа просуществовала года четыре, но поклонники помнят творчество музыкантов до сих пор.

В одном из интервью Евгений Сытый объяснял, что «общим впечатлением от рок-музыки того времени были искренность, протест, ведь молодым нужны перемены... Многие песни были об этом. Не было коммерческой основы».

Но на тексты «Складов» имелась и иная точка зрения. Вот что вспоминает Дмитрий Петин, солист кемеровской рок-группы «Чайка по имени Джонатан»:

«При театре «Ложа» существовала уникальная группа «Склады» – частые участники проекта «Живаго». Они создали абсолютно безбашенную команду с идиотскими текстами, вроде «Поцелуй мне руки, е-е! Поцелуй мне руки, е!» И всё в таком духе. Они при этом были ни на кого не похожи...».

Эта непохожесть и создавала популярность будущему российскому актёру.

«Что ты читаешь буквы, слова?
Капли чернил, кляксы в тетради,
Что смог ты достичь, что имеешь в кармане?
Металлы, камни, бумаги не в счёт...».

Его актёрская карьера начиналась в Кемерове. Свои первые большие роли Евгений начал играть в студенческом театре-студии «Ложа», ещё учась в институте. А в 1991-м – уже после того, как получил диплом инженера и даже немного поработал на шахте по специальности, где окончательно понял, что добыча угля не для него, – он был «зачислен» на актёрскую ставку. И позднее стал и режиссёром, и художественным руководителем студтеатра. Родители были не в восторге от выбора сына в пользу творчества, но сам он этот выбор сделал осознанно и сворачивать с этого пути уже не думал.

Официальным рождением театра считается 1991-й, но очевидцы и участники уточняют, что кемеровский театр «Ложа» образовался раньше: уже в 1990 году первые зрители рукоплескали его выступлениям. И начиналось творчество будущих актёров вовсе не со спектаклей, а с миниатюр. Один из таких номеров назывался «Советские плакаты». Ещё номера: «Не влезай – убьёт», «Гражданская оборона», «Советские космонавты», – это были иронические и такие понятные зрительской аудитории репризы из советской жизни.

Создателем театра считается небезызвестный Е. В. Гришковец. «Ложа» образца первых лет существования работала во многих вариантах: и как театр, и как площадка для встреч, и как ночной клуб. Ведь в 1990-е годы у молодых кемеровчан не было большого выбора, где проводить своё свободное время. В «Ложе» даже ночные дискотеки проводили: с 23.00 субботы до 6.00 утра воскресенья.

При этом по городу распространяли слухи. А как же?! Раз «ложа», значит, там «развели» какое-то масонство. Рассказывали, как однажды зритель приехал в «Ложу» на такси. Водитель привёз его к месту и уточнил:

- А вы куда?
- В театр «Ложа...».
- Не советую...
- Почему?
- Там же секта!

Евгений как-то поделился в прессе, как впервые узнал о «Ложе». В 1990-м, он, 20-летний студент горно-электромеханического факультета Политеха, играл в команде КВН «Сибирские богатыри». Случайно попав на «ложевский» спектакль «Мы плывём» – первую постановку театра, с которой сам театр, в общем-то, и начался, – Сытый сразу влюбился в «Ложу».

Подошёл к режиссёру-основателю театра и попросился в труппу. Договорились так: Сытый сыграет в театре год, после чего станет ясно, будет из него толк или нет. Его первая роль – Народ в спектакле «Сингулярия тантум», Евгений попеременно олицетворял собой всех людей: был то железнодорожником, то лесником, то простым рабочим...

Год прошёл. Он в театре остался. А любовь к сцене только усилилась, последовали другие постановки, другие роли.

«Ложу» в то время называли «революцией в театральной жизни Кемерова». В ней не было классической драматургии. Не звенели традиционные звонки перед началом представления. Молодые актёры всегда опасались выглядеть серьёзно, старались делать спектакли ироничными, смешными. На сцене творилось что-то невообразимое: артисты из студенческой среды, включая и нашего Евгения, на четвереньках показывали дрессированных собачек, изображали джигитов на деревянных конях, слепых жонглёров. А перед зрителями ставили коробки с помидорами – на случай, если не понравится. Всё – в угоду эпатажу...

В 1991 году театр переезжает в седьмой корпус КузПИ (на кемеровскую улицу Демьяна Бедного) и становится театром-студией этого института. Здесь Сытый и трудился, принимая участие почти во всех постановках. Доброхоты ехидничали, что «Ложу» работала и работает при КузПИ, а в её составе – девять студентов из КемГУ, двое – из института культуры и лишь один, Евгений Сытый, – из Политеха.

Вспоминая молодость, Евгений говорил, что, если здесь и был интеллигентский стёб, всё равно, в 90-е «Ложу» была показателем хорошего вкуса. Зрителей тут всегда было немного. Она считалась пристанищем эстетов. Мало кто знал об этом месте, а на концерте могло быть человек 15 из тех, кто в теме. Особенно, когда там выступали экспериментальные музыканты. А когда в «Ложе» появилось кафе, оно стало одним из самых модных мест в Кемерове. Сюда ходили обеспеченные люди, отцы города, это приносило очень неплохие деньги: «А мы жили в театре коммуной. У нас всё было общее – и материальные ценности, и сами спектакли».

При этом сразу отмечу, что «Ложу» – лауреат многих всероссийских и международных фестивалей театрального творчества – в Бельгии, Австрии, Южной Корее, Великобритании. Её спектакли получали Гран-при и «Золотые маски» ведущих театральных конкурсов.

Специалисты обращали внимание, что секрет или «фокус крючка» «Ложи», на который «ловился» зритель, в том, что её участники: основатель театра, актёры Евгений Сытый, Сергей Наседкин, Александр Белкин, режиссёр Константин Галдаев, – «придумали театр не только как сообщество играющих людей, но и как метод. Это – театр без фиксированного на бумаге текста, театр обыденной речи, но без бытовых подробностей, простодушный в лучшем понимании этого слова...».

Нынешний руководитель «Ложи» Сергей Наседкин:

– Нам ничего в так называемом официальном театре не нравилось. Всё казалось неорганичным. Не цепляло, в общем. Мы были одержимы желанием добиться максимальной достоверности на сцене. Из этого всё и выросло – и эстетика, и способ создания спектаклей... В первом спектакле «Ложи» слов практически не было. Но потом они появились. И надо было как-то начинать с ними работать. А это очень сложно...

Максим Какосов, бывший режиссёр «Ложи»:

– Мы решили, что текст надо придумывать самим, чтобы произносить его органично. Есть стержень, небольшой синопсис (краткое изложение) – и поехало.

Придумываешь, придумаешь, и замысел потихоньку обростает словами. Разве можно плохо играть, когда говоришь то, что сам и придумал. Мы были неотделимы от тех персонажей, которых играли. И это было не похоже ни на один театр, который мы в своей жизни видели.

Фельетонной достоверности они пытались достигнуть и вне сцены. Однажды, когда актёры «Ложи» съездили за границу, они устроили в Кемерове «Полёт в Европу». Перед входом в театр поставили стулья, по бокам из картона сделали иллюминаторы – получился «самолёт». Согласно купленным билетам, в нём «были» и бизнес-класс, и эконом. В бизнес-классе «стюардессы» развозили пиццу и напитки. Полёт длился час.

В это время в гардеробе театра ходил Евгений Сытый в пальто, во внутреннем кармане которого был спрятан журнал «Плейбой», и за отдельную плату через маленькое отверстие он показывал желающим картинки. А в подвале они сделали комнату маньяка: в ванну налили воды, добавили красную краску и накидали туда детских игрушек. В другой комнате устроили «камеру пыток»...

Отсюда и вывод некоторых критиков о том, что, в сущности, «Ложа» – театр самодеятельный, хоть и нельзя так называть команду, которая спектаклями зарабатывает деньги. Он самодеятельный по своей эстетике, по природе своего обаяния и своих неудач.

Следуя логике муз – театральных покровительниц – Талии и Мельпомены, Евгений Сытый упорно «ковал» в Кемерове свою творческую судьбу.

Ох и помотало же его со спектаклями «Ложи» по городам и весям. В 1991 году, со спектаклем «Мы плывём», театр участвовал в фестивалях в Екатеринбурге, Санкт-Петербурге и Перми. Сытый в пьесе играл роль Моряка. Как тонко Евгений прочувствовал этот образ! Раньше эту роль исполнял актёр Павел Колесников. К сожалению, он был вынужден уйти из театра. С его уходом из театрального репертуара выпало сразу несколько постановок. Такое чуть было не случилось и со спектаклем «Мы плывём». Когда встал вопрос о дальнейшем существовании постановки, роль Матроса решили отдать Сытому. Выбор оказался верным, хотя и непростым.

– У нас не сразу всё получилось, – вспоминал Евгений. – Пришлось хорошенько попотеть. Но я доволен результатом...

В 1992-м была создана постановка «Сингулярная тантум» («Постоянное единственное число»), с которой театр был на фестивале в Екатеринбурге; Евгений исполнил в ней роль Народа. В 1993 году спектакли «Титаник» и «Полное затмение» театр представил на конкурсах в Перми и Сочи. В 1994-м со спектаклем «Осада» театр участвует в фестивале в городе Глазов. Сытый сыграл в этой постановке роль Ветерана.

В постановке «Зима», которая родилась в 1994 году в жанре «наглядной информации», Сытый играл роль Ермака. С этим спектаклем театр выступил на международном фестивале «Театральные опыты – 95» в Челябинске. В этом же году «Ложа» гастрольно гастролирует в городе Гент (Бельгия) со спектаклем «Мы плывём». С ним же театр приезжает на международный фестиваль «Focus-96» в городе Гмюнд

(Австрия). В 1996-м эту же пьесу кемеровчане представили на двух международных фестивалях в городах Чун-Чон и Массан в Южной Корее. Позднее в Москве «Ложа» со спектаклями «Закон природы» и «Планета неведомых сил добра» становилась лауреатом фестиваля «Новая драма»...

И это далеко не весь список мест, где побывал в те времена наш герой, и спектаклей, где он сыграл на сцене.

4.

В 1998 году основатель «Ложи» перебрался в Калининград. И вскоре художественным руководителем театра становится Константин Галдаев. Вместе с Евгением Сытым они приступают к постановке спектакля «Угольный бассейн». Эта работа имела такой большой успех, что о ней надо рассказать отдельно.

Она была выполнена в технике «verbatim». Если коротко, «вербатим» или документальный театр – это особый вид театрального представления, возникший в XX веке, где построение сюжетной линии основано исключительно на реальных событиях. Спектакли вербатим полностью состоят из реальных монологов или из интервью участников – свидетелей каких-либо событий, записанных создателем спектакля на диктофон. Эти «чужие» монологи актёры и произносят со сцены.

Брать интервью и использовать его как документ в спектакле первым, ещё в 1920-е годы, придумал российский драматург Сергей Третьяков с товарищами по творческому объединению «Левый фронт искусств». Однако потом этот опыт забылся. И теперь считается, что вербатим изобрели британцы.

В 1980-е годы, когда в Великобритании правила премьер-министр Маргарет Тэтчер, тамошние режиссёры начали делать первые спектакли, в которых актёры воспроизводили живую, необработанную художественно, прямую речь. Западные критики считают, что такой способ общения со зрителем возник из-за отторжения

молодыми европейцами системы двойных стандартов, умолчаний и лжи, которая сложилась в это время в Европе.

Сила вербатима в том, что через интервью можно сберечь и затем передать реальную личную историю человека. Именно это объясняет доверие людей к талантливым документальным спектаклям.

Отметим, справедливости ради, что многие спектакли «Ложи» сделаны в этом стиле. Техника вербатим наложилась на изначально практикуемый в театре метод коллективной импровизации, когда текст спектакля рождается не столько сценаристом, но самими актёрами – в процессе репетиций, а записывается гораздо позже, после череды представлений.

Евгений отмечал, что актёры «Ложи» действительно заранее выбирали тему, потом выходили на сцену и начинали диалоги. Так рождались спектакли. Сначала их никак не фиксировали. Но со временем всё же стали записывать, чтобы не забыть.

«Манеру нашего сценического существования московские критики определили как метод коллективной импровизации. Мы даже сами о таком не знали», – вторит ему Сергей Наседкин.

То, что они работают в стиле определения «вербатим», они узнали не сразу. Поэтому постановка «Угольного бассейна» стоит как бы особняком. Чтобы собрать материал для спектакля в стиле вербатим, артисты Галдаев и Сытый, вооружившись диктофонами, отправились в город Березовский – к шахтёрской родне, к знакомым горнякам.

Неделю «втирались в доверие» и вернулись в Кемерово с «подорванным» здоровьем, потому как вызвать горняка на откровенный разговор о забое можно лишь в процессе застолья. Затем, расшифровав свои записи, вместе с литературным критиком Яной Глембоцкой они создали текст пьесы, полный хорошего юмора и жизненной достоверности.

Евгений Сытый подчёркивал, что в 80-е годы «Угольный бассейн» можно было бы назвать спектаклем на производственную тему, где главные действующие лица – шахтёры. В 90-е пьеса больше напоминала стёб. Но именно она стала едва ли не классическим российским примером спектакля, созданного при помощи модной техники «вербатим». Сытый стал и соавтором, и сорежиссёром постановки. И сыграл в ней роль Бригадира.

«Угольный бассейн» – смешной и пронзительный спектакль о шахтёрской, а по существу, – о нашей с вами жизни. Три шахтёра в чёрных костюмах, белых рубашках и касках с шахтёрскими фонарями рассказывают о своей работе, о родственниках, друзьях, детстве.

«Минималистская строгость сценографии, – отмечается в одной из рецензий. – Чёрная сцена, чёрный задник и огромный чёрный куб, застывший над головами шахтёров немой напоминанием об опасностях профессии... Шахтёры сидят и рассказывают свои истории, лишь в одном эпизоде вдруг решая «поработать». С трогательным упорством они ставят коротенькие доски шалашиком, те каждый раз падают, шахтёры, не спеша, вновь пытаются поймать равновесие...».

Со сцены звучат рассказы про то, как устроена шахта, почему нельзя убивать крыс, как один шахтёр хотел жениться...

Лично мне больше всего понравилась в спектакле история молодого шахтёра о своем отце, который дважды в месяц, в зарплату, устраивал праздник – покупал груды пирожных «Картошка» и, с порога, начинал расстрел ими всей семьи. И сын вспоминал, как было здорово потом, до следующей отцовской зарплаты, соскребать со стен и есть остатки пирожных.

Заканчивается этот небольшой, кстати, спектакль монологом одного из героев о шахте будущего, весь коллектив которой состоит из директора, бригадира и одного рабочего. Их задача – по команде начальства включать подземных роботов...

«Перспективы прекрасные», – вздыхает персонаж Евгения Сытого, рисуя картину «счастливого будущего», заполненного роботами-автоматами, в котором не оказывается места для тысяч таких же, как он, шахтёров.

Своё победное сценическое и фестивальное шествие этот спектакль начал в год празднования «миллениума». Большая премьера спектакля состоялась на Московском фестивале молодой драматургии «Любимовка-2000». На фестивале «Сибальтера» в Новосибирске в этом же году спектакль получил первую премию и три специальных приза: «Новация», «За лучшую мужскую роль» (эту награду присудили всему коллективу!) и «За воплощение идеи независимого театра». В 2000 году «Угольный бассейн» участвовал в фестивале «Документальный театр» в Москве – на сцене Московского художественного театра имени А. П. Чехова.

В 2002-м, по приглашению лондонского театра «Роял Корт» и Британского культурного совета, театр «Ложа» со спектаклем «Угольный бассейн» отправляется на гастроли в Лондон. В том же году «Угольный бассейн» был представлен ещё на трёх фестивалях: «Сибирский транзит» (Иркутск), «Сибальтера» (Омск), «Новая драма» (Москва и Нижний Новгород).

– Лондон, Москва, Иркутск, Нижний Новгород, Новосибирск и так далее, – перечислял в беседе с журналистами Сергей Наседкин. – Куда только мы с «Угольным бассейном» не съездили. Спектакль стал частым гостем столичных фестивалей.

А вот Максим Какосов спустя почти двадцать лет после премьеры спектакля признался:

– Мы сделали «Угольный бассейн» в стиле verbatim. Ну, вы знаете, – документальный театр. Я вообще-то этот verbatim терпеть не могу. Всё это профанация какая-то. Поэтому мы только притворялись, что делаем документальный спектакль, а на самом деле никаких интервью не брали. Просто придумали всё – как обычно. Успешный проект получился...

Между тем, в 2004 году спектакль «Угольный бассейн» номинировался на «Золотую маску».

Евгению нравилась вот такая оценка спектакля: после одного из выступлений «Угольного разреза» к актёрам подошёл представитель крупной металлургической компании и спросил, нельзя ли сделать что-то подобное про его отрасль?

Насколько известно, мало какой из театров может похвастать таким серьёзным социальным заказом.

В 2003 году в «Ложе» был создан спектакль «Поккет Моби Дик», режиссёром которого стал Максим Какосов. С ним «Ложа» в этом же году успешно участвует в Московском международном фестивале «Н. Е. Т.» («Новый европейский театр»). После этого Какосова, что называется, заметили. И немного времени спустя друг и коллега Евгения – Максим Какосов покинул «Ложу» (и столицу Кузбасса тоже), художественным руководителем театра стал Сергей Наседкин. Вот тогда актёр Евгений Сытый активно взялся за сценографию и режиссуру в театре. Причём, весьма успешно. Немало на сцене «Ложи» состоялось постановок по его пьесам.

Так, в 2004-м зритель с удовольствием смотрит очередную пьесу «Ложи» под названием «Плохой спектакль», созданную Евгением Сытым. В 2005 году он поставил «Новогоднюю сказку», в 2007-м – спектакль «Закон природы».

В январе 2013 года театр «Ложа» начинает работу над спектаклем «Nota Bene» («Заметь хорошо»). Его режиссёром тоже становится Евгений Сытый. Спектакль, в котором молодые актёры в виде лекции рассказывают о падениях, Сибири, о погребё, матах и животных. Постановку показывают на фестивалях, где она получает Гран-при за лучший спектакль...

Театральному режиссёру Евгению Сытому есть что показать зрителю.

– Я благодарен судьбе, что попал в «Ложу», – говорил он. – Сейчас не представляю своей жизни без этого театра. Он меня многому научил. Это моя школа... И не только школа: театр – это моя жизнь.

И ещё Евгений утверждает, что «документальная драма в том виде, в каком её придумали в Англии, исходит из небесспорного соображения, что настоящая жизнь интереснее и важнее придуманной. «Ложа» играет не столько с реальностью, сколько с нашим (и своим) перед ней удивлением, которого вполне достаточно, чтобы превратить жизнь в театр. По-моему, «метод», изобретённый в «Ложе», – это в частном виде метод всего актуального искусства (от которого традиционный театр бесконечно далёк), а удивление – самый искренний из художественных жестов, возможных в театре сегодня».

5.

«Я видел то, что никто не заметил:

Линия в почве, капли на небе,
Взгляд на людей, что потухший как пепел,
И лист, что, сорвав, унёс быстрый ветер».

А потом его жизнь полностью поглотило кино. Не в одночасье, конечно, это случилось. А вот как начиналось.

Актёрские способности давно заметили и оценили не только его земляки, российские театралы. К нему присматривались и режиссёры кино. Шёл 2003 год. Тогда «Ложа» с постановкой «Угольного бассейна» поехала в Москву на фестиваль «Новая драма». Ребята выступали во МХАТе. Работали на сцене с полной отдачей: всё-таки – Москва, которой они очень хотели понравиться.

После спектакля к Евгению подошли московские кинорежиссёры, сценаристы и продюсеры Борис Хлебников и Алексей Попогребский, уже имевшие в своём послужном творческом списке пару художественных кинофильмов-короткометражек, и предложили ему роль в задуманном ими новом фильме с названием «Коктебель».

(После Хлебников признался в одном из интервью: «Как увидел Евгения в «Угольном бассейне», так и офигел!«).

Сытый подумал пару минут и согласился почитать сценарий. Тогда они передали ему сценарий фильма. Он его прочёл и сначала пожалел, что поторопился дать согласие: сценарий не произвёл впечатления. Однако... Вот как он сам вспоминает об этой самой первой своей роли в длинной истории его фильмографии:

– Через месяц мне звонок в Кемерово: «Прочёл?» – «Нет, я сценарий в гостинице забыл...». Выслали по «электронке» новый. Снова звонят: «Понравился сценарий?» – «Нет». «А сниматься будешь?» – «Буду». Это был «Коктебель».

Ему очень хотелось попробовать себя в кино.

Первый фильм с его участием – социальная драма – о путешествии отца и сына в поисках удивительного места под названием Коктебель. На своём пути они сталкиваются с разными людьми: «Им повстречался путевой обходчик, которого я сыграл. Всё прошло очень хорошо: я исполнил свою эпизодическую роль с третьего дубля...».

Зрителю и критикам понравился фильм, где двое осиротевших людей – Мальчик и Отец, потерявшие мать и жену, пробираются к морю. Едут в товарном вагоне, в кабине дальнбойщика. Останавливаются у случайных людей, добрых и недобрых, идут от дома к дому, через леса, поля, по дороге зарабатывая себе на еду латанием крыш. В Москве, в которой они жили, у них ничего не осталось. Отец, с горя по умершей жене, всё пропил. А у моря – надежда начать новую жизнь, попытаться вернуть утраченную веру в себя и доверие сына.

Незамысловатое кино, снятое без оглядки на что бы то ни было, кроме собственного настроения режиссёров, специалисты оценили высоко. Фильм «собрал» призы – фестиваля «Серебряный Георгий», XXV-го Московского кинофестиваля, XXXVIII-го Кинофестиваля в Карловых Варах (Чехия), Международного кинофестиваля «GoEast» в Висбадене (Германия)...

И Сытый своим кинодебютом, эпизодической ролью, как говорится, не испортил режиссёрской «борозды». Хотя сам процесс создания кино поначалу не очень пришёлся ему по душе. Ведь в «Ложе» он привык делать по-другому: там у актёра – много импровизации, которую он придумывает сам. А на киносъёмке от него требуют неукоснительно выполнять приказы режиссёра. Но тут надо отдать должное Хлебникову: ему понравилось работать с Евгением Сытым, возиться с ним, прислушиваться к его предложениям и даже соглашаться с этим упрямым...

Кто-то из участников киногоруппы потом откровенничал про первые съёмки Сытого: – Один из наших артистов так снимался в фильме «Коктебель»: у него роль была со словами – всего минут на пять, наверное. Но получилось так, что он всё равно

произносил текст, который придумал сам. Не смог иначе. И сценаристы, они же режиссёры, подумали-подумали и согласились...

После первого опыта нельзя сказать, что нашего героя начали наперебой приглашать на съёмочную площадку. Следующий раз наступил спустя три года. В 2006-м его снова позвал Хлебников и предложил роль второго плана в фильме «Свободное плавание». Кстати, Борис Игоревич пригласил сыграть в этом фильме и другого актёра «Ложи» – Сергея Наседкина.

Фильм о том, как в маленьком городке на берегу Волги живёт и работает на заводе двадцатилетний парень. Вскоре завод закрывается, и он идёт сначала в помощники к продавцу обуви на рынке, потом пытается стать штукатуром. Всякий раз новая работа не устраивает его. И он попадает в бригаду дорожных ремонтников... Роль бригадира дорожников Рослова сыграл Евгений Сытый, а Наседкин – мастера Володю.

Вот строчки из киносценария:

«Рослов докурил. Все встали. Рослов распрямил спину и раскинул руки. Все так же сделали, чтобы не получить по башке. Рослов улыбнулся. Все тоже улыбнулись, потому что поняли, что их пронесло, и настроение приподнялось. Рослов пошёл к инструментам. Все зашевелились, как улитки, и взялись за инструменты, словно руки переросли на жопу...».

Сытый блестяще сыграл эту небольшую роль. Его выделили критики на премьере фильма, состоявшейся 10 июня 2006 года в конкурсной программе кинофестиваля «Кинотавр».

Евгений ещё не раз снимался у Бориса Хлебникова, который просто влюбился в талант Сытого. Это были фильмы «Сумасшедшая помощь» – в 2009 году, где у Евгения Сытого главная роль – гастарбайтера из Белоруссии; «Короткое замыкание» (по новелле «Позор») – в 2009-м, Сытый в роли Мужа; «Пока ночь не разлучит» – в 2012 году, Сытый – Официант; «Долгая счастливая жизнь» – социальная драма 2013 года, здесь Сытый в роли Жени. В комедийном телесериале «Озабоченные, или Любовь зла» 2015 года Евгений предстал в роли депутата.

В драматическом фильме Хлебникова о врачах «Аритмия», вышедшем в 2017-м, Сытый снова в эпизодической роли – он реаниматолог. Между тем, картина участвовала в основной конкурсной программе кинофестиваля «Кинотавр»-2017 и была награждена Гран-при, а также – призом за лучшую мужскую роль и призом зрительских симпатий...

Список киноролей Евгения Сытого можно продолжать и продолжать. Всего он снялся более чем в 60 фильмах! Согласитесь, не каждому актёру выпадает такое количество киноработ.

Он снимался в кинодраме режиссёра Василия Сигарева «Жить» в 2012-м. В 2015 году играл в фильме-притче Андрея Прошкина «Орлеан». Есть и сериалы: «Озабоченные, или Любовь зла», «Пушкин», «Красные браслеты», «Вы все меня бесите», «Эпидемия». С его участием вышли на экран фильмы «Сердце мира», «О чём говорят мужчины. Продолжение», «Большая поэзия», «Проект «Анна Николаевна», «Зона комфорта», «Оторви и выбрось», «Три минуты молчания»...

6.

Были роли в кино, которыми Евгений гордился особо. Он снялся в роли слуги Якима в картине «Гоголь. Начало». В телевизионном эфире премьера фильма состоялась 22 декабря 2017 года – на телеканале «ТВ-3». На большой экран лента вышла в 2018-м.

«Гоголь. Начало» – лента мистическая. Она стала первой частью сериала «Гоголь», снятого режиссёром Егором Барановым по мотивам рассказов из сборника Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». В него также вошли те таинственные легенды о личности автора, которые родились ещё при его жизни. И Сытый исполнил здесь одну из ключевых ролей: он слуга писателя Гоголя – Яким Нимченко.

Сюжет картины повествует о жизни молодого Николая Гоголя. Писатель (актёр Александр Петров) из Петербурга приезжает на Полтавщину вместе со столичным следователем Яковом Гуро (Олег Меньшиков) – для расследования таинственных убийств девушек. Слуга Яким – один из немногих во всей Диканьке, кому Гоголь может довериться в борьбе с колдовскими силами зла.

Съёмочный процесс проходил осенью и весной в посёлке городского типа Михайловском и городке Изборске – в Псковской области. В лесу для кино построили деревню. А интерьеры «средневекового замка» снимали в Санкт-Петербурге, в знаменитом особняке Кельха. Работа над фильмом: написание сценария, подбор актёров и сами съёмки, – длилась три года.

Герой Сытого Яким появляется на экране едва ли не в каждой второй сцене. «Он по всем характеристикам, ну, как ...папа, – характеризует героя актёр. – Ведь Яким, по сценарию, находится при Николае Васильевиче с самого его рождения, заботится о нём с пелёнок... Старается уберечь его от неверных, в своём понимании,

действий». Рецензент отмечал, что «для крепостного он (Яким-Сытый) слишком много позволяет себе – спорит с барином, ворчит на него. Проявляя заботу, ведёт себя часто не как слуга, а как более старший и мудрый товарищ, дядюшка, или, действительно, папа...».

А Сытый считает, что он так и хотел сыграть Якима с самого начала, что и совпало с задумкой режиссёра: «Образ, можно даже сказать, будто для меня и был придуман. Я это почувствовал ещё до кастинга, который прошёл на одном дыхании. Мне ничего не пришлось додумывать и доделывать, оставалось только играть».

Исступлённым сторонникам классики фильм, может быть, и не понравился. Чтобы принять такого «вольного» Гоголя, нужна фантазия, чувство юмора, чтобы не придирается, например, к замочкам-молниям на сапогах героев, как это сделали некоторые зрители. Но актёр Евгений Сытый с ними не согласился:

– Да, в костюмах, и во многом было много условностей. Однако главное – действие и характеры, под которые и подбирали грим, одежду. Так, нашего Гоголя оставили без знаменитого носа его прототипа. Или, к примеру, следователь Гуро – выделяется ярко-красным пальто. (Вряд ли такие носили в ту пору). У моего Якима всё просто, по-мужицки: тулуп, сапоги.

Кстати, курьёзы всё же были. В первый сезон съёмок (а снимали сериал «Гоголь» две осени подряд) Яким-Сытый щеголял в настоящих сапогах с клёпками. А во втором сезоне тех сапог костюмеры уже не нашли, обули его в то, что было.

– Для меня сценарий был шикарней, – делился Евгений Сытый в интервью накануне премьеры фильма в Кузбассе. – Поэтому я стремился попасть в этот проект. Ведь это мистика, история, Гоголь! Я пришёл на съёмочную площадку и просто был шокирован тем, что специально для этих съёмок была построена деревня Диканька. Грим и костюмы тоже впечатлили. Да и сама атмосфера на площадке была какой-то особенной. Испытывал, конечно, огромное удовольствие, интерес. Всё это для меня было в первый раз, каждую минуту, каждую секунду я получал удовольствие от процесса. Знаете, такое чувство, как будто переместился на машине времени назад, лет эдак на 150...

Что скрывать, он давно мечтал попасть в такую классную историю – с такими известными партнёрами и такой ролью. «Больше всего я, конечно, взаимодействовал с главным героем. Сашка Петров хороший человек и актёр, с ним легко работать», – отмечал он.

Евгений вспоминает, что самой волнующей для него стала сцена с эпизодом, когда они ехали в Диканьку на лошадях, и он очень боялся свалиться с брочки. Дорожки – просёлочные, с кочками и ямами. После съёмок этого эпизода на руках и ногах у него были синяки.

Или вот ещё. В одной из серий была сцена похорон Гоголя. Там артисты: Яким, доктор, кузнец, – плачут над гробом. Но на съёмочной площадке, во время съёмок этой сцены, все почему-то смеялись до колик, до слёз. Вот эти «слёзы» и снимал оператор. «Российская газета» писала: «Гоголь. Начало» собрал деньги, которые его создателям не снились – почти 500 млн. рублей. Стратегия выпуска оставшихся серий «Гоголя» тут же была пересмотрена... Биография Гоголя предстаёт перед

нами в виде бульварного гиньоля, викторианского ужасика, сделанного нарочито варварскими методами. Литературный код гоголевской прозы не имеет почти ничего общего с визуальным кодом сериала, на ней базирующегося. Этот визуальный код родом если не из современности, то из той эпохи, которая говорит с посетителем кинотеатров на понятном языке. Удивительно, конечно, что никто не додумался проверить эту операцию раньше – тем более с Гоголем...».

Особо хочу подчеркнуть, что артист Евгений Александрович Сытый появился также и в последующих частях «Гоголя»: «Гоголь. Вий» (2018), «Гоголь. Страшная месть» (2018) и «Гоголь» (2019).

Российский сериал «Гоголь» не раз номинировался и выигрывал первенства на фестивалях. Например, победил на престижном мировом фестивале, принимающем самое разнообразное кино и видеопродукцию, – американском фестивале Accolade Global Film Competition, в номинации Award of Excellence (За выдающиеся достижения) – за выдающийся кинематографический уровень картины.

Жюри отметило «захватывающую сюжетную линию, прекрасную операторскую работу и невероятно достоверные спецэффекты».

Ну, и ещё хочется сказать о приключенческой короткометражке режиссёра Руслана Братова «Лалай-Балалай», снятой в 2017 году, где тоже сыграл Евгений.

Сюжет такой: ресторан закрывается, а герою фильма по имени Олег Маратович хочется праздника. Увлекая за собой своих подчинённых, уже не способных сопротивляться его обаянию, он отправляется на поиски приключений. И они, пьяные, попадают на крутящуюся карусель, которая не может остановиться. В тот момент, когда грань между отвагой и слабоумием оказывается окончательно стёрта, эта история в буквальном смысле закручивается совершенно неожиданным, достаточно комедийным, образом.

Однажды в интервью газете города Берёзовского «Мой город» Евгений сетовал: «Мне хотелось бы проявить себя в кино в комедийном амплу. А меня снимают в основном в драмах, в лучшем случае в трагикомедиях. А я – комик».

И вот теперь он очень правдоподобно исполнил одну из комичных «пьяных» ролей. Герои фильма забираются на карусель, становятся, прислонившись спинами к лепесткам барабана, плечом к плечу, как солдаты в бою, и вращаются, вращаются, вращаются... Маленький мальчик, который вместе с мамой видит их, хочет быть «как дяди». «Вырастешь, будешь», – отвечает мама спокойно и где-то даже одобрительно.

– Предыстория была такая, – вспоминал позднее Сытый. – Во время гастролей театра в Томске как-то после спектакля я, Павел Ворожцов и Руслан Братов вышли на улицу, разговаривали, делились идеями, и родился сюжет: друзья после ресторана пускаются во все тяжкие. Кульминацией становится катание на карусели в парке.

Завести – завели, а остановить не получилось. Только ещё сильнее раскрутились. Так и катались они всю ночь. Едва не погибли. Но закончилось всё хорошо. Вот такой лалай-балалай... Сами придумали, сами и сыграли. За плату работал только

оператор. Продюсировал проект известный актёр Григорий Добрыгин. Результат у фильма неожиданный и приятный – сразу две больших премии...

– Мне всегда очень важно – что и кого играть, – подчёркивал Евгений. – Просто мне почти всё время везло: режиссёры «попадали» в меня, я «попадал» в роли. Конечно, были и «непопадания» – пару-тройку раз. В одном случае сценарий мне категорически не понравился. В другом – люди, предложившие роль, оказались необязательными. И когда они сначала нарушили все договорённости, а потом всё-таки перезвонили, я был уже далеко и от места съёмок, и от роли. А однажды не справился с ролью фашиста – как не давался немецкий в школе, так и до сих пор... А самое точное попадание было, конечно, у Хлебникова – семь ролей сыграны в его фильмах...

Последняя его киноработа – в комедийном сериале «Товарищ майор», режиссёр которого опять старый друг – Борис Хлебников. В первом сезоне сериала Сытый исполнил одну из главных ролей.

В центре истории – некий майор ФСБ из отдела прослушки. Долгие годы он был частью государственной машины, не задавал лишних вопросов и делал своё дело. Дожив до 50 лет, вдруг понял, что люди – добрые, слабые и беззащитные. Они нуждаются не в слежке, а в помощи. И тогда он начинает появляться там, где его не ждут, и «причиняет добро» несмотря на то, что никто его об этом не просит.

Вот такое кино. Съёмки его завершились в 2021 году, но фильм ещё в производстве. Жаль, что сам Евгений его уже не увидит...

7.

Удивительно полнокровной творческой жизнью живёт все эти годы Евгений Сытый. И как говорится, «кино – это кино», но про театр он не забывает. Ведь театр – его судьба! В кемеровском театре-студии «Ложа» он продолжал активно работать до 2014 года.

Тот год вообще был каким-то особенным в судьбах многих людей. По мнению метеорологов, стал самым жарким за всю историю метеонаблюдений в мире. В России он шёл под знаком Года культуры. Был Годом российской культуры и в Великобритании. Годом науки Россия – Европейский Союз. 18 марта – состоялось воссоединение Крыма с Россией. В этом же году заключили договор о создании Евразийского экономического союза.

Ещё одна дата 2014 года – столетие начала Первой мировой войны. Именно с этой датой связаны перемены в театральной судьбе Евгения Сытого.

Александр Молочников, актёр, ставший самым молодым (в 22 года) режиссёром Московского художественного театра имени А. П. Чехова, в качестве режиссёрского дебюта задумал поставить спектакль под названием «19.14».

«Сегодня, оглядываясь на сто лет назад, страшно представить, насколько быстро развеялись иллюзии, когда вчерашние жители прекрасных европейских столиц попали на четыре года в окопы, где царили грязь, смерть и безумие, – писал о сюжете пьесы сам Александр Молочников. – Кажется, человечество постоянно забывает о том, что нет ничего страшнее войны, и в вечном стремлении её романтизировать раз за разом наступает на одни и те же грабли.

В спектакле мы рассказываем историю нескольких французских и немецких солдат. Их путь – от утопичных фантазий, фанатичного патриотизма, через взаимную ненависть и неизбежность истребления друг друга – к полному опустошению, потере каких бы то ни было нравственных ориентиров, саморазрушению.

Но не думайте, что вам представят какое-то преисполненное дидактического пафоса историческое действо, лекцию о человеческой жестокости. История рассказана в жанре кабаре, хозяин тут – конферансье, единственная его цель – развлекать зрителей песнями и весёлыми историями, по крайней мере, до тех пор, пока...».

Так вот, в 2014 году Молочников пригласил Евгения Сытого в свою дебютную работу в МХТ. Они познакомились незадолго до этого на киносъёмках.

– Одним из кинопроектов с моим участием и с участием Александра стал сериал «Красные браслеты», который снимался летом 2014 года. Там-то и состоялось наше знакомство с Александром Молочниковым, – напомнил Евгений. – Мне, конечно, было очень приятно получить его приглашение. И довольно неожиданно. Хотя, не поверите, моя жена пару лет назад видела сон, что она едет на спектакль с моим участием именно в этот театр...

Начинающему режиссёру понравилась игра кемеровчанина, и он позвал его в свой первый спектакль. В итоге наш земляк подписал с театром контракт. Репетиции постановки заняли 41 день. На генеральном прогоне присутствовал сам руководитель МХТ имени А. П. Чехова, народный артист СССР Олег Табаков. Увиденное он одобрил и похвалил, высказал участникам спектакля несколько пожеланий.

Вообще постановка была очень благосклонно принята зрителями и критикой. 3 октября 2014 года, после предпремьерного показа, Олег Табаков так выразил своё отношение к «19.14»:

«Мне хочется поддержать самую идею наших молодых (и не только молодых) актёров. Они вспомнили события вековой давности. В кабарежном жанре сочинили пьесу. Теперь-то известно, как из пустяков возникла кровавая мистерия, захватившая народы и континенты. Разве это можно забыть? Можно, к великому сожалению. Но для того и существует театр, чтобы напомнить. И кабаре для этой цели очень, мне кажется, годится».

Евгению Сытому в спектакле достались сразу три роли. Одна небольшая – эрцгерцога Франца Фердинанда, с убийства которого началась Первая мировая, а теперь начинается и спектакль. Вторая роль – тоже эпизодическая – француза, который уходит на войну. А вот третья роль – отца одного из немецких солдат, заставляющего сына-пацифиста идти на войну, – стала для Евгения в постановке основной.

– Отец, которого я играю, – сам бывший военный, и воспринимает войну, как праздник и веселье, – прокомментировал актёр. – Сын же у него – полная противоположность: любит читать, а идти воевать вообще не хочет. Отец его убеждает, говоря, если сын не пойдёт воевать, то предаст всех предков. А когда сын всё же уходит воевать, за ним вслед отправляется и отец. Его появление для сына

становится шоком. Он даже попросил своего друга нечаянно ранить отца, чтобы того отправили в лазарет, а потом домой, но всё получается по-другому...

В спектакле «19.14» Сытый играл ярко, темпераментно, талантливо. С этой постановкой МХТ проехал немало российских городов, артисты представляли его и в соседнем с Кузбассом Томске, и в родном Кемерове. Спектакль получил Премию «Звезда театрала» – 2015, которая считается единственной российской наградой в сфере театрального искусства, обладающей статусом независимой премии, потому что её лауреатов определяет самое массовое жюри – зрительская аудитория. В 2016 году спектакль «19.14» вошёл в лонг-лист премии «Золотая маска», став, по мнению экспертного совета, одним из самых заметных представлений сезона 2014-2015 годов.

В итоге, Сытый так «сросся» с Московским художественным театром, что с 2016 году стал постоянным членом его труппы.

В 2016 году в МХТ состоялась премьера спектакля режиссёра Виктора Рыжакова «Dreamworks* *Мечтасбывается». В нём – в стиле голливудского фильма – идёт разговор о вечных и простых человеческих ценностях: браке, любви, семье.

Евгений Сытый исполнил здесь роль Ламы Джона – буддийского ламы, который по происхождению является американцем. Режиссёр и актёрский ансамбль спектакля пытается заставить зрителя взглянуть на себя как бы со стороны, подумать о насущном и вечном. И если не услышать готовых ответов, то хотя бы задаться вопросами. По силе мотивации спектакль Виктора Рыжакова равнозначен трём визитам к психологу, – высказался один из театральных экспертов.

Следующей заметной работой Евгения в МХТ стало участие в постановке рок-спектакля «Бунтари». Автор и режиссёр этого действа Александр Молочников так охарактеризовал представление: «Бунтари» – рок-спектакль на исторические темы.

Именно рок-спектакль: музыка идёт сквозной линией и скрепляет пёстрое зрелище, сознательно сотканное из самых разнородных элементов. В нём участвуют персонажи России, которые носят известные фамилии: Лопатин, Перовская, Нечаев, Пестель, Пушкин, Каховский. Но все они – порождение фантазии и действуют по законам сновидения. Декабристы, народовольцы, «Музыкальный ринг» эпохи Перестройки, русский рок и панк-культура, – хотелось всё объединить в своеобразный джем-сейшн, в импровизацию на тему бунтарства. Бунтарства – как жизненной позиции. Бунтарства безнадёжного и прекрасного. Бунтарства, идущего рядом с предательством. Когда-то народовольцы пошли в народ, разочаровались в нём и погибли, ничего не достигнув, – это одна линия нашего сюжета. Другая – рок-культура недавних 1980-х – музыка бунтарей конца XX века, точно так же ушедших в небытие».

Понятно, что Женин талант, взращённый на «кавээновской» импровизации, на песнях группы «Склады», на сценарных принципах «Ложи», как нельзя лучше вписался в сюжетное действие такой постановки. «Бунтари», – отмечал он, – построены на сплошных аллюзиях и реминисценциях: из русской культуры, литературы и истории. Всё переплетается в замысловатый, ироничный и смешной, грустный и страшный калейдоскоп...». В спектакле он, как никто другой, чувствует себя в своей стихии. Так и видится, что сам Сытый принимал участие в написании сценария...

Ещё один спектакль МХТ с участием Сытого – «В. Ж.», – выпущенный в 2016 году режиссёром-постановщиком Ольгой Ворониной, собрал очень немалое число откликов в прессе, что говорит о большом интересе к необычной постановке.

В её основе – первый вариант пьесы Максима Горького «Васса Железнова» («Мать. Сцены»). Также использованы произведения писателя: «Исповедь», «Жизнь Клима Самгина», «Мои университеты», «Фома Гордеев», «Жизнь ненужного человека».

Вопросы, поставленные автором написанного более ста лет назад произведения, актуальны и сегодня. И их, как говорится, не счесть. Что необходимо, чтобы в семье царили любовь, взаимопонимание, порядок? Что правильнее: оберегать близких, решая их судьбу, или дать им возможность идти своим, возможно, неверным путём? Как случается, что родительская любовь пожирается эгоизмом? Почему женщины и мужчины теряют свою природную суть? Что безвозвратно утрачивают люди, отрываясь от земли?

Евгений Сытый, в лице своего сценического героя Михаила, вместе с коллегами по сцене пытается дать на них ответы. На примере истории распада одной семьи они показывают разрушения более глобальные. Эта постановка – разговор-размышление, в котором принимает участие и публика.

В одной из рецензий удалось найти впечатление самого героя нашего очерка от этой работы: «Интересно, когда репетируешь пару недель, а потом показываешь коллегам. В итоге все так увлеклись и вдохновились, что спектакль, вошёл в репертуар, приобрёл поклонников. Многие приходят смотреть нас снова...».

«За полтора года существования «В.Ж.» вокруг Вассы (актрисы Евгении Добровольской) собрался идеальный актёрский состав – те, кто уже не мыслит себя

без этой уникальной постановки: Игорь Хрипунов, Ксения Теплова, Николай Ефремов, Евгений Сытый», – отмечает один из театральных критиков.

Ещё одна роль, вернее, сразу несколько ролей Сытого на сцене МХТ – в спектакле-утопии «Светлый путь. 19.17».

«Сейчас репетирую в постановке Молочникова «19.17. Светлый путь», – писал Евгений Сытый друзьям в Кемерово осенью 2017-го. – Это аллегория, посвящённая 100-летию революции. В её основе роман-утопия Платонова «Чевенгур». У меня роль кухарки...». Хотя в ходе развития сценического действия Евгений то становился кухаркой, то физкультурницей, то солдатом, Чевенгуром...

Премьера состоялась в ноябре этого же года и была воспринята поклонниками театра и режиссёра очень неоднозначно...

В полукруглый портал мхатовской сцены постановщики «вписали» перевёрнутый купол – как бы символическую воронку, втягивающую в себя события и судьбы. По бокам вздымаются к колосникам «этажерки», каждая «полка» в нужный момент становится мини-сценой...

«Собственно пьеса представляет собой серию скетчей (коротких зарисовок), – читаем в газете «Известия» – Диалоги бедны и предсказуемы. Персонажи лишены «речевого лица» – если отдать речи Владимира Ильича (Ленина) Надежде Константиновне, никто ничего не заметит. Говорят много, быстро, порой невнятно, однако словесная бедность компенсируется остроумными пластическими характеристиками и драйвовым темпоритмом целого.

...25-летний режиссёр с шутками-прибаутками расстаётся с мифами столетней давности. Да и к худруку МХТ Олегу Табакову претензий быть не может. Он уже пояснил сомневающимся, что «спектакль – поколенческий. Содержательно и формально представляет в современном искусстве тех, кого иногда называют «непоротым поколением».

А вот мнение журнала «Театрал»:

«...Сюжет выглядит в спектакле схематичным. Режиссёр старался вместить в свою эпопею слишком многое: возвращение солдат с Первой мировой, уплотнение и высылку буржуев... борьбу с троцкизмом, репрессии... Беглость изложения обрекает спектакль на плакатность. И это, с одной стороны, вполне соответствует эстетике революции, говорившей с народом шершавым языком плаката, шествий и физкультурных маршей – эффектные массовые сцены в постановке тоже имеются. Но, с другой стороны, это лишает спектакль глубины и превращает его в набор остроумных скетчей. У Молочникова масса интересных находок, приёмов, художественных цитат и аллюзий, но всё так или иначе сводится к ироничному стёбу».

Думаю, что привередливость критики не повлияла на таланты героя нашего повествования. Ведь иногда и большие театры в поисках новизны «опускаются» до некой студенческой сцены. И... нередко оказываются правы.

Недаром же художественный руководитель «Ложи» и актёр Сергей Наседкин однажды подчеркнул: «Многие кемеровские профессионалы нас считают ненастоящим театром и всерьёз не воспринимают. Но нам это неважно.

Мало кого из актёров кемеровских театров пригласили сниматься в кино или поработать в МХТ имени Чехова. А наш Сытый, горняк по образованию, там работает. Зрителей всегда поражало в нём то, насколько он глубоко вживается в любые роли...».

8.

«Я знаю, что знаю многих меньше,
Но лишь у незнающего вера сильна.
И то, что казалось ненужным – нелишнее,
Но необходимое – страшная кара».

Евгения Сытого не стало 16 марта 2022-го. Ему было всего 52...

Последние два года актёр очень болел, но продолжал работать, даже когда было уже нелегко. «4 ноября 2021 года он вышел на сцену в последний раз, играл спектакль «№ 13D». В тот вечер из театра его увезла скорая, как оказалось – навсегда, хотя нам всем хотелось верить в чудо», – рассказывали коллеги.

Печальной новостью поделился Александр Молочников: «...Наш любимый Женя Сытый несколько лет болел, а полчаса назад ушёл... Мы безумно любим тебя, Женька. Когда будут силы, попробую написать побольше, ты дал этому море поводов. Живи вечно, даже если бы мы захотели, мы бы никогда не смогли забыть. Самый яркий и уникальный Сытый в мире...», – написал в соцсети Александр Александрович.

Евгений Гришковец: «Это был артист абсолютного, могучего, народного дарования. Дарование огромное. ...Всё, что Женя ни сделай, – обаятельно. Он может в течение съёмочного дня предложить 50 вариантов. Он артист, идеями фонтанирующий, но может сыграть что-то удивительное и не заметить этого, не запомнить. Сытый очень естественен и в жизни, и в кино.

Он документален. Он будто не замечает, что рядом стоит камера. То же и на сцене – будто нет никаких зрителей. То же и по отношению к ролям – он очень чувствует текст. Не думаю, что стоит делать из Сытого только народного персонажа. Ведь и Леонов лучше всего прозвучал в несвойственном материале – «Старший сын», «Слёзы капали», «Мимино». С Сытым то же самое. Если ему Эдгара По дать – тогда да, он может быть очень даже драматичным. ...Единственный, с кем его можно было бы сравнить, это народный артист СССР Евгений Леонов».

«Он никогда не учился на артиста, просто был им – талантливым, обаятельным, абсолютно бесстрашным», – говорится на сайте МХТ имени А. П. Чехова.

Ещё хочу добавить информацию о наградах, которых – за талант и трудолюбие – артиста удостоила Кемеровская область. Это – орден «Доблесть Кузбасса», серебряные медали «За веру и добро», «За служение Кузбассу», «70 лет Кемеровской области»...

– Я счастлив! – признавался Евгений Сытый (Костюков). – Я очень счастлив оттого, что в моей жизни случился театр, состоялось кино...

г. Кемерово,
апрель 2022 года

Олег Чернов: в поисках собственного лица

1.

На этого героя-земляка меня «натолкнул» писатель Гарий Немченко – учитель и товарищ, с которым мы общаемся часто, но всё по телефону. Нередко в этих беседах перебираем разных знакомцев, земляков-кузбассовцев, которых у меня – много, а у Гария Леонтьевича – хоть пруд пруди.

– Вот ты, Серёжа, родился и вырос в Прокопьевске? – утвердительно переспрашивает он, хотя давно знает ответ. – А всех ли известных прокопчан знаешь?

Начинаем считать вместе. Мой счёт заканчивается довольно быстро, а Гарий извлекает из памяти всё новые, неожиданные для меня имена и фамилии. Например, называет писателя Олега Губенко:

– Как же ты не знаешь его?! Он же был заместителем командира казачьего батальона имени генерала Ермолова, в 1996-м участвовал в боевых действиях в

Чечне, – выдаёт подробности Гарий Леонтьевич. – Лет с десяток был атаманом Минераловодского отдела Терского казачьего войска. Памятник герою Бородинской битвы, военному и государственному деятелю Алексею Ермолову он поставил в Минеральных Водах. Православный храм воздвиг. Написал несколько книг о русском казачестве. Когда меня в Минводах завезли к нему в гости, он стол накрыл. Мы посидели, расслабились, разговорились. Я его спрашиваю: «Олег, а сам-то ты родом откуда?» «Из маленького шахтёрского городка, – отвечает, – в Сибири. Да ты и не слышал. Прокопьевском называется...». Тут я вскочил и кричу: «Прокопа! Как не знаю?! Знаю! Я же весь Кузбасс прошёл!» И мы с ним обнялись, как родные...

– Но не он один оттуда родом, – посмеявшись, продолжил Немченко. – Вот ты многосерийный фильм «Морские дьяволы» смотрел?

Кто же хоть раз хоть одну серию из этого нескончаемого сериала не видел?! Конечно, смотрел, – отвечаю.

– Помнишь, там одного из главных героев называют Батей?

– Помню. Высокий такой, фактурный. И что? Он тоже...

– Ну, да! – поражается Гарий моему плохому знанию земляков. – Из вашей Прокопы!

– А его-то ты откуда знаешь?! Неужто и с ним лично знаком? – удивляюсь я.

– Нет, – отвечает Гарий Леонтьевич, и я чувствую, как в трубке звучит сожаление. – Я его высмотрел в телепередаче «Песни от всей души». Смотрю, парень такой фактурный, лицо угловатое, мужественное. А голос! Он песню хорошую спел «На горе стоял казак – он Богу молился. За свободу, за народ низко поклонился». Про бабушку свою рассказал, оказывается, она родом с Кубани, из станицы Камышеватской Ейского района... А сам-то он, оказывается, из Прокопьевска! Этим запомнился. Вас, прокопьевских, разбросано по свету! Ты к нему присмотришь, актёр он хороший.

Вот я и решил присмотреться к артисту Олегу Чернову, малой родиной которого, как и моей тоже, стал Прокопьевск или Прокопа, как называют город местные...

2.

Родился Олег 23 июня 1965 года в Прокопьевске, в те годы – сплошь угольном. Ведь именно здесь тогда действовали почти два десятка шахт, где горняки добывали лучшие в мире марки коксующихся углей.

Сам актёр признавался, что у него было самое обычное детство: бегал с друзьями по дворам, лазил по крышам гаражей и сараев, играл в «войнушку» с самодельным оружием из веток или деревянных палок. В те годы маленький Олег и предположить не мог, что через много лет он с настоящим боевым пистолетом в руках «объявит» преступности настоящую войну, пусть даже всего лишь на экране.

В век информационных технологий в интернете при желании можно «откопать» всё что угодно. Нашлась на бескрайних просторах «всемирной паутины» и та телепередача, о которой говорил Гарий Немченко. Она вышла в эфир 5 июня 2022 года. В ней актёр уверяет, что об актёрской профессии в детстве, если и мечтал, то не вслух. Родители Олега работали на одной шахте: отец Николай спускался в

угольный забой, мама трудилась в администрации этого предприятия. Ранее его отец проживал в Горьковской (ныне Нижегородской) области и приехал в Кузбасс на заработки. А мама – из семьи казаков, родилась и выросла на Кубани. После войны её родителей, по словам Олега, репрессировали, и всю семью вместе с детьми сослали в Сибирь. У Олега есть ещё младшая сестра Наталья, которая тоже связала свой жизненный путь с прокопьевской шахтой.

В 1972-м Олег пошёл в школу № 1 имени космонавта Бориса Волинова. Эта школа и сейчас считается одной из лучших в городе. Именно здесь когда-то учился будущий покоритель космоса. Помнится, в одном из классов стояла парта с табличкой об этом факте.

– Сложная была жизнь, – вспоминает детство Олег, – но я не могу сказать, что грустная. Было много интересного...

А я-то точно знаю, как настойчиво и умело в городе, в Кузбассе, да и во всей стране в советские годы героизировали шахтёрский труд! Сам занимался этим в редакции прокопьевской городской газеты «Шахтёрская правда», которую в тот период в городе выписывала буквально каждая семья. Даже глядя на моих родителей – шахтёров, я с раннего детства прекрасно понимал, что быть шахтёром – и почётно, и выгодно: уважение в глазах общественности, друзей и соседей, награды за добросовестную работу, хорошая зарплата, привилегии, включая ранний выход на пенсию, размер которой был вполне достойным. Словом, иди по стопам родителей – не ошибёшься...

Шахтёрский город особого развлечения для молодёжи не имел, хотя власти старались не отставать от времени. Так, в микрорайоне Тырган стоял прекрасный ледовый Дворец спорта, где играла команда профессионалов «Шахтёр», выступавшая в первой лиге страны. Тысячи зрительских мест здесь часто заполнялись до отказа. Я не раз бывал на матчах, болел за свою команду. Здесь же работали секции фигурного катания. Был в городе прекрасный, хорошо оборудованный для лёгкой атлетики и других видов спорта, стадион «Шахтёр». А прокопьевский Дворец спорта знали не только в Кемеровской области, но и за её пределами. Отсюда вышло немало чемпионов страны, Европы и мира. В старших классах я сам занимался здесь в секции тяжёлой атлетики, где уроки нам, пацанам, давал тренер, мастер спорта СССР Лев Петрович Сергеев.

Поэтому, если кто-то предпочитал в подростковом или юношеском возрасте хулиганить на улице, обычно имел дело с прокопьевской милицией. А многие всерьёз дружили со спортом. Ко вторым относился и Олег, он в разные годы занимался плаванием, лыжами, боксом, баскетболом и даже пулевой стрельбой. Все условия для этого в городе были.

Он не собирался становиться профессиональным спортсменом, хотя все данные для этого у парня были: высокий рост, крепкая фигура, сильные мышцы. Мечтал петь в школьном вокально-инструментальном ансамбле, благо и голосом, и слухом природа его не обделила. А после школы хотел поступать в медицинский.

– Мне в школе хорошо давалась биология, – утверждает он. – Я её, наверное, как бы «чувствовал»...

Так как учился он неплохо, то сразу после окончания десятилетки решил исполнить свою мечту. Летом 1982-го приехал в Кемерово, чтобы попасть на стоматологический факультет Кемеровского мединститута. Только ждала его неудача: сдал все экзамены, но не прошёл по конкурсу – недобрал всего один балл. Однако упрямый парень решил не отступать и через год добиться своего. Сам Олег признаётся: «Я поступил в этот вуз не с первого, а лишь со второго раза. А чтобы не сидеть пропущенный год на шее у родителей, работал на скорой помощи».

Через год всё сложилось удачно. Правда, его зачислили на санитарно-гигиенический факультет КГМИ. Но проучился Олег в меде всего года три, при этом даже брал годовой академический отпуск. И... понял, что ошибся с выбором профессии. Тут сказала и его вольная студенческая, внеродительская, так сказать, жизнь, и разные соблазны. «Да и химия меня подкосила, – признавался бывший студент меда. – Она, видимо, отомстила мне за то, что я в школе так и не усвоил до конца, как же устроены атомы и как они взаимодействуют между собой...».

Кончилось тем, что он бросил институт и вернулся в Прокопьевск. Какой-либо определённой цели у парня не было. Он называет этот период «периодом непонятности», когда не разумеешь, что делать и чем заниматься.

Устроился разнорабочим на шахту, которая находилась за городом. Профессия тяжёлая, но крепкий Чернов с ней справлялся. Работа шла вахтами: пять дней – шахта, пять – выходных. Горняцкий коллектив – сообщество непростое. Кое у кого за плечами были и тюремные сроки. Здесь, рассказывает Олег, он многое узнал о другой стороне бытия, здесь впервые попробовал, что такое чифир. Да и в свободное время не знал, куда себя деть, встречался с друзьями, вместе курили, выпивали.

Казалось, всё в его жизни могло бы пойти иначе...

В это же время пришедший к власти в СССР Михаил Горбачёв объявил в стране перестройку и ускорение. Вся держава с замиранием сердца слушала замечательные речи генсека, его призывы и обещания. Помнится, я и сам попал под обаяние этого человека. Я как раз в 1985-м стал главным редактором прокопьевской газеты «Шахтёрская правда». И всему нашему коллективу редакции после очередного выступления последнего генсека КПСС думалось, что мы сможем горы свернуть. Только свернуть получилось не горы – свернули шею советской экономике, и она пошла вразнос. Впрочем, сейчас не о том...

На шахте Олег пробыл около года, а после нашёл себе другое занятие – стал ночным сторожем в городском краеведческом музее. И, между прочим, первое время с удовольствием добирался вечерами до прокопьевского городского рынка, именуемого в народе базаром. Здесь, у трамвайной остановки, весь первый этаж пятиэтажного кирпичного дома и занимает музей. Бывало, ночами Олег даже и представить не мог, что пройдёт не так уж много времени, и в музее – рядом с фотографиями выдающихся прокопчан – появится и его фото.

А пока, расставшись с музеем, он поработал санитаром в городской психиатрической лечебнице, поиграл в баскетбольной команде ТПУ. Так пролетел ещё целый год – год колебаний, разочарований и надежд.

Вскоре, отслужив срочную службу, из армии вернулся друг его детства Александр Костин. Они стали часто видаться, вздыхали о прошедших днях, болтали о том и о сём, делились планами на будущее. Александр со школы мечтал стать артистом. Олегу это тоже казалось заманчивым. Ведь однажды кто-то из авторитетных взрослых, посмотрев на него, заметил: фактурная внешность, такому бы на сцену... Засели эти слова парню в голову.

– Так чего же, Олег, гробить своё здоровье на шахте или ещё где? – резонно предполагал друг, – можно, например, устроиться в городской драмтеатр монтировщиком сцены. Давай-ка, пойдём туда вместе!

И они отправились в Прокопьевский драматический театр имени Ленинского комсомола, твёрдо решив стать работниками «закулисья». Этот шаг и стал поворотным в судьбе Чернова. На дворе стоял 1987 год.

3.

Специалисты утверждают, что, если хочешь досконально узнать театр изнутри, для начала стань рабочим сцены (он же монтировщик или техник-механик). Когда-то эта специальность была весьма популярна в театральных кругах. Рабочими сцены устраивались, например, те, кто провалил экзамены в театральное училище, и те, кто любил театральную жизнь. В советские времена трудно было найти актёра, который не подрабатывал бы в театре на полставки, таская и устанавливая декорации.

Олег Чернов никаких экзаменов в театральное училище не проваливал. Тем не менее, с энтузиазмом взялся за новое дело. Он быстро уяснил, что труд театрального рабочего не так-то прост. И уж точно – в театре незаменим. Бригада в прокопьевском драмтеатре была, что называется, комплексная: приходилось заниматься не только монтажом декораций, но и установкой света, звука, и другими задачами, которые выдвигал режиссёр.

Вместе с товарищем они сразу поняли, что самый сладкий сон монтировщика – спектакль, который проходит в единой планировке. Но это – большая редкость. Нередко к спектаклям прокопьевской труппы создавали сложные декорации, которые устанавливали иногда по восемь часов. И, кстати, оказалось, что монтаж декораций – далеко небезопасное дело.

Не зря же сегодня, чтобы стать профессиональным театральным рабочим, надо учиться в училище на менее четырех лет. Почти как в институте. Правда, в советские времена было проще.

Однако и тогда, и сейчас именно от монтировщиков зависела и зависит безопасность актёра на сцене – плохо установленные и незакреплённые декорации весом иногда в сотни килограммов могут при случае и покалечить...

Нашим монтировщикам приходилось запоминать и тексты пьес, чтобы знать, после какой реплики опустить занавес или, скажем, повернуть круг. Вообще в театральной среде принято считать, что самыми лучшими – преданными и профессиональными – театральными рабочими становятся те, кто в душе всегда мечтал стать актёром. И наоборот...

– За это ещё и хорошо платили, – подчёркивает Олег.

Парни присутствовали на репетициях, тщательно присматривались к игре актёров, слушали наставления режиссёра-постановщика. Словом, можно считать, что, поработав в театре, Олег прошёл своеобразную начальную школу актёрского искусства. И «театральный вирус» окончательно проник парню в кровь: «Я приболел театром», – смеётся он.

4.

В прокопьевской драме друзья отработали год. Перезнакомились со всеми местными знаменитостями и с теми, кто приезжал сюда на гастроли. И приняли решение – попробовать свои силы в театральном вузе.

Чернов предложил Костину поступать в Новосибирск. Однако Александр переубедил: поедem в Красноярск, где студентам проще найти жильё – там им выделяют общежитие.

Вот так Олег, которому к тому времени исполнилось 24 года, отправился в Красноярск. И с первой попытки – успешно пройдя все три творческих тура – стал студентом театрального факультета Красноярского государственного института искусств (сегодня Сибирский институт искусств имени Дмитрия Хворостовского).

К слову сказать, его другу и «искусителю» Александру, с раннего детства мечтавшему стать артистом, не удалось преодолеть конкурсный отбор...

КГИИ хорошо известен как крупный учебный, творческий, научный и методический центр музыкального, художественного, хореографического и театрального искусства. Из его стен вышли мировые и российские знаменитости – оперный певец Дмитрий Хворостовский, скульптор, художник-график, ювелир и дизайнер Даши Намдаков, актёр и режиссёр-постановщик Андрей Пашнин, композитор Ирина Белова и многие другие.

Олег выбрал здесь специальность актёра драматического театра и кино. Учился легко, с интересом. Однокурсники его уважали и любили. Выделявшийся среди них и ростом, и независимым характером, он стал негласным лидером студентов, тем более что был старше многих лет на семь.

А руководство факультета, напротив, настораживали лидерство и самостоятельность Чернова, смелость его суждений и взглядов на многие вещи и явления. Может, к этому прибавлялась и ревность педагогов или какие-то другие причины, но после второго года обучения Чернова отчисляют из вуза. Впрочем, он сам дал повод: пропустил очень важную репетицию – контрольный прогон спектакля. Ему этого не простили...

Олег признаётся, что такой поворот его сильно «тряхнул». Он был растерян, но не раздавлен. Напомню, он был упрямым. Какое-то время после отчисления ходил по красноярским театрам, пытаясь найти работу. Встретился со своим, теперь уже бывшим, педагогом, чтобы выяснить отношения или, как говорится, расставить точки над «i».

– Мы поговорили с ним по-мужски, – откровенно выкладывает Олег. – Только переменить уже ничего было нельзя. Но он дал мне рекомендательное письмо во Владивостокский театральный институт. Меня, мол, там гарантированно зачислят переводом...

Чернов начал было собираться к переезду на «край земли». Однако, передумал, потому что в его судьбу снова вмешался Его величество случай...

5.

Как-то вечером он встретился с одним знакомым и довольно авторитетным артистом. Посидели, покумекали о жизни. Старший товарищ предложил Чернову такой вариант: отправиться в противоположную сторону – в небольшой старинный городок Вольск в Саратовской области, где есть свой драмтеатр. Там, уверял знакомый, можно и работать на сцене и одновременно учиться на театральном факультете в Саратовской консерватории имени Л. В. Собинова – на курсе, который вёл режиссёр этого же театра. «Даже подъёмные тебе выплатят за переезд», – этот аргумент, пожалуй, пересилил все остальные.

Олег сдал купленный до Владивостока билет и из Восточной Сибири двинулся в европейскую часть страны. В Вольске его уже поджидали. Ему выплатили подъёмные, предоставили жильё и зачислили в театр. «Вот такая «синица» оказалась в моей руке! – усмехается он. – Зато освоение театральной науки пришлось по разным причинам отложить...».

Места, конечно, там превосходные. Вольск расположен на правом берегу Волги. Красота окружающих меловых холмов, местами поросших лесом, видна практически из любой части города.

При этом добыча известняка, мела, глины, опока, песка для цементной промышленности ведётся прямо в черте города. Да и цемент производят тут же. Ведь Вольск, наряду с Новороссийском, – старый центр цементной промышленности России.

Драмтеатр в Вольске был основан ещё во второй половине 1930-х как колхозно-совхозный театр. Здесь в своё время трудились известные режиссёры и актёры, сложились свои неизменные провинциальные театральные традиции. Например, малочисленность труппы восполнялась за счёт студии, организованной по типу драматических курсов. Студийцев использовали как статистов и рабочих сцены. Вскоре Олег Чернов начал играть здесь свои первые роли.

Между тем, городок был намного меньше не только Красноярска, но и Прокопьевска, который, кстати, по площади равен Парижу. Чтобы по-настоящему полюбить Вольск, наверное, надо было здесь родиться. Чернову очень скоро стало и скучно, и грустно от воспоминаний о бурной студенческой жизни в столице Восточной Сибири. Хотелось чего-нибудь подобного, но развернуться в провинциальном Вольске не удавалось. Тут ещё и обещанная учёба в вузе всё откладывалась по разным причинам. А без диплома о высшем образовании, известно, как без рук...

С этим надо что-то делать, иначе заплесневеешь, решил Олег. Он задумал съездить в Саратов, разузнать, что там и как. Выбрал свободное время, сел на речное пассажирское судно с космическим названием «Ракета», доехал по Волге до Саратова и пришёл в Саратовскую консерваторию. Здесь его поразило буквально всё: архитектура старинных зданий, история учебного заведения, уходящая корнями в 70-е годы XIX века. Его так и потянуло учиться в этом месте.

Первым, кого он встретил, оказалась Валентина Александровна Ермакова, народная артистка СССР, лауреат Государственной премии. Она вела на театральном факультете мастерство актёра. Она согласилась послушать, как он читает отрывки из произведений, декламирует стихи. Чернов справился с этим уверенно и профессионально.

– Она послушала меня и сказала: «Если сможешь без скандала уволиться из театра, я тебя возьму в консерваторию», – восстанавливает Чернов в памяти подробности саратовского отрезка жизни.

Ему удалось уйти из Вольского театра и его зачислили на второй курс театрального факультета консерватории. Он уверен, что В. А. Ермакова сыграла в его творческой судьбе ключевую роль. Впрочем, и сам театральный факультет Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова славится на всю страну. Его выпускники работают в учреждениях культуры и искусства России и зарубежья, Москвы и Санкт-Петербурга. Своими ролями покоряли зрителей на сценах разных театров народные артисты России Г. Цинман, И. Стецюр-Мова; заслуженные артисты России Э. Данилина, Р. Файзулин, В. Мамонов, В. Назаров и другие. Саратовская театральная школа по праву считается одной из самых известных и перспективных театральных школ России.

Именно Валентина Александровна имела к этому самое непосредственное отношение. Ермакова вела мастерство актёра, являлась художественным руководителем факультета. Среди её учеников народный артист России Евгений Миронов, заслуженные артисты России Галина Тюнина, Игорь Баголей, Владимир Калисанов и другие актёры театров. Валентина Ермакова на протяжении всей жизни была активным общественным и театральным деятелем, неоднократно избиралась председателем Саратовского отделения Всероссийского театрального общества. (Последний выпуск Валентины Ермаковой состоялся в 2002 году. К сожалению, она уже ушла от нас).

Трёхлетнее пребывание в стенах консерватории интересно тем, что Олег набирался здесь актёрского ума-разума, вникал в профессиональные аспекты и особенности. Благо было у кого. На курсе он по праву считался лучшим. С удовольствием репетировал роли в студенческих постановках.

Крупнейший по численности жителей город на Волге, Саратов был ему интересен своей древностью и культурой. Здесь, помимо консерватории, было куда сходить: театры оперы и балета, драмы, юного зрителя, цирк, филармония. Много музеев: Саратовский художественный музей имени Александра Радищева, музей Константина Федина, музей-усадьба Николая Чернышевского. В городе на Волге – большое количество памятников архитектуры конца XVII – начала XX веков. А консерваторию называют третьей консерваторией в России.

Иногда вечерами он звонил родителям в родной Прокопьевск, узнавал от них новости с малой родины, рассказывал об учёбе. Прикидывал, куда направится после получения, наконец-то, вузовского диплома. Потому что в саратовскую драму его не особо звали, да он и сам не хотел. Чувствовал, что в той атмосфере, которая царила в коллективе местного драмтеатра, ему пришлось бы в лучшем случае выступать на вторых ролях. Но Олег уже не был начинающим театральным

«мальчиком на побегушках», вполне мог играть и главных героев. Хотелось попробовать свои силы на полную катушку.

И после окончания 1994 году театрального отделения он оказался... в Омске.

6.

Как поясняет сам Олег, в столицу Западной Сибири он попал благодаря некоей театральной бирже, которая в то время организовалась в Курске при местном театре. Антрепренёры со всей России съезжались в Курск, чтобы лично пообщаться с желающими пополнить или сформировать свои труппы. Некоторые вузы присылали туда видео выпускных спектаклей, которые могли бы отсматривать работодатели из других театров и выбирать себе актёров, предлагая им работу.

В год выпуска Олега на эту биржу приехали директор с режиссёром Омского академического театра драмы. Они посмотрели спектакль с участием Чернова. Фактурный парень им очень понравился. Они принялись обрабатывать его и напрямую, и через педагога, доказывая, что лучше театра в России нет, что Омскую драму признают одной из самых интересных и ярких провинциальных сцен в стране. Здесь смело ставят лучшие российские и мировые пьесы. На постановки из-за границы сюда приглашали самых интересных режиссёров: И. Цивиньску и Г. Барановского – из Польши, М. Фрида – из Швеции, П. Ланди – из Италии; художника Алехандро Луна – из Мексики.

И Олег согласился поехать туда, где обнаружилось много интересного.

Действительно, в 1990-х Омский драматический постоянно выезжает на престижные международные фестивали, часто гастролирует за рубежом. Проводит акции «Театральные сезоны Сибири». В рамках этого проекта в Омск приглашают выдающихся мастеров российской сцены – И. Смоктуновского, М. Ростроповича, А. Демидову, А. Филиппенко, О. Басилашвили, О. Остроумову, С. Юрского, Н. Тенякову. Интересные творческие коллективы, в том числе из других государств, бывают на его сцене: «Театр Новы» из Польши, Репертуарный театр из Милуоки (США), «Бледные лица» из Ганновера, театр современного танца «Дженнифер Мюллер Уоркс» (США), чешский «Театр на Забрадли», японский театр «Сэйн роли эндза».

И Олег устроился на службу в Омскую драму и очень скоро стал выходить на сцену в главных ролях.

В Омске публика очень любит театр. Театральные традиции здесь крайне сильны. Город считается одним из наиболее театральных городов в Сибири – здесь работает 14 театров! А местный театр драмы является не только старейшим городским театром, но и одним из старейших в России: он появился в 1870-е годы. За свою историю театр получил семь «Золотых масок» – это тоже о чём-то говорит!

Олега приняли очень хорошо, поскольку одна из давних традиций театрального Омска заключается в том, что здесь стремятся открывать новые имена, не имеющие ещё сценической судьбы. После переезда Чернову выделили служебную квартиру, что по тем временам было хорошим подспорьем. У него появился свой постоянный угол, куда можно прийти после спектакля, расслабиться, в нормальных условиях выпастыся, чтобы завтра снова выйти на сцену в хорошей форме.

Олег Чернов играл практически во всех ведущих спектаклях, в том числе – Иоанна Крестителя в «Саломее», Артемьева в «Живом трупe», Моряка в «Человек, животное и добродетель», Горецкого в «Волках и овцах», Пепла в «На дне».

С Омской драмой ему повезло: здесь признали его талант, он оказался востребованным. Это придавало сил. Театр много гастролировал, и Олег вместе с ним ездил по стране, несколько раз побывал за рубежом.

В одной из телепередач «Мой герой» на Центральном телевидении Чернов вспоминал свои самые первые зарубежные гастроли в маленьком государстве Коста-Рика в Центральной Америке. Там проживает небольшая русская диаспора. Театр давал два спектакля в столице страны Сан-Хосе. Зрители принимали русских артистов очень хорошо, неистово аплодировали.

«Это была фантастика, – рассказывал Олег. – Помню, однажды утром я сидел на балконе номера гостиницы, смотрел на потрясающие виды окрестных гор, рассматривал сверху индейский базар, где продавали всякую всячину, в том числе разного цвета пончо (традиционная латиноамериканская верхняя одежда в форме большого прямоугольного или квадратного куска ткани с отверстием для головы посередине). И понял, что могу сидеть на этом балконе с чашкой кофе всю жизнь! Непрерывно смотреть на этот мир, на великолепные горы и пить замечательный кофе...».

Мне кажется, что тогда это всё-таки был самообман. Пока что Олег не мог ещё усидеть на месте. Ему хотелось двигаться, перемещаться в пространстве и времени в поисках чего-то нового.

Он работал на омской сцене с большим удовольствием, и не заметил, как пролетели четыре театральных сезона. Вот это да! – однажды снова задумался он. – Ты этого хотел в жизни, парень из Прокопьевска?

Ему казалось, что чего-то не хватает. Остроты, жизненного перца что ли?! Однажды его позвали на Омское телевидение – попробоваться в качестве ведущего передачи. Он подумал, и согласился. Из театра уволился, перешёл на новую работу – в телередакцию. Трудился на ТВ, почти год вёл программы. А жить пришлось на студии – прямо в рабочем кабинете. После ухода из театра ведомственную квартиру у него забрали, а снять другую всё не получалось.

Между тем, Олегу шёл 34-й год. И он снова решил переехать, чтобы изменить свою жизнь.

– Омск – странный город, – уверяет Чернов. – Вам об этом скажут и сами омичи. Если его полюбишь, то оттуда трудно физически всё бросить и уехать. Чувствую, что в Омске корни уже прорастают. И тогда я задумался: если я оттуда сейчас не уеду, то уже не уеду никогда. И я решился...

7.

Бывает, люди меняют место жительства так: ткнут наугад пальцем в карту, – куда попал перст, туда и едут. Наш герой недолго раздумывал, куда поехать на этот раз. Однажды он увидел музыкальный клип с видами Санкт-Петербурга и буквально заболел этим городом. Питер снился ему каждую ночь, поэтому в один прекрасный момент он побросал в дорожную сумку свой нехитрый скарб и взял билет в город своей мечты. Решил покорить ещё одну столицу – Северную Пальмиру. Хотелось пожить в окружении европейской архитектуры, попробовать свои силы на одной из петербургских сцен, аргументировать и себе, и другим, что может стать первым и здесь...

Были ли у него связи в тамошнем театральном мире? Нет. Ждал ли там кто-нибудь бывшего прокопчанина? Тоже нет. Думаю, что были амбиции и желание хорошего провинциального актёра достичь нового апогея, доказать себе: я могу!

Всё же, когда Олег в 1998 году приехал в Питер, вышел с вокзала на проспект, то испугался: «По улице серой лентой шла не очень трезвая толпа. Мужики распинывали по сторонам пустые пивные бутылки». Он оторопел: «Куда же я попал?!» На культурную столицу страны это мало походило. Правда, потом его успокоили – оказывается в день его приезда в городе проходил традиционный пивной праздник.

– С другой стороны, город мне очень понравился своими улицами, зодчеством, фасадами домов. Я походил по нему и понял, что готов осесть здесь надолго, может быть, навсегда. Подкатило то же чувство какого-то удовлетворения, что и в Сан-Хосе. Только здесь на душе было намного спокойней, ведь всё же я – на родине, в России...

Почему наш герой первым делом отправился в Театр на Васильевском острове?

Наверное, потому, что это – один из самых молодых театров Санкт-Петербурга. Хотя зарождение театрального искусства в этой исторической части города относится к седой старине. Русский государственный публичный театр на Васильевском

острове был учреждён ещё в 1756 году. Его первым директором стал великий русский писатель и драматург Александр Петрович Сумароков, который в середине XVIII века создал репертуар для русской сцены. Нынешний Театр на Васильевском и славные традиции продолжает, и заявляет о себе как о современном творческом коллективе. Новый театр родился в 1989-м и получил название «Экспериментальный Театр Сатиры». Говорят, организаторы сыграли на амбициях чиновников: в Москве, мол, есть театр Сатиры, а в Петербурге нет. Как же так?! В его репертуаре – отечественная и зарубежная классика, современная драматургия, драма и комедия, фарс и классическая мелодрама. Также детские спектакли – для малышей и для подростков.

Во-вторых, этот храм «музы пламенной сатиры» всегда себя позиционировал как театр приезжих. В общем, в театре на Чернова придирчиво посмотрели, послушали, испытали. И – зачислили на театральную службу. Он считает, что ему повезло работать на Васильевском.

Ведущим артистом он стал не сразу, для начала пришлось исполнить несколько ролей второго плана. Но довольно скоро петербургские театралы и режиссёры оценили талант Чернова, сыгравшего в таких значимых спектаклях «Экспериментального», как «Дон Жуан» (роль Гусмана), в «Пеппи Длинный чулок» (сыграл Папу), «Любовь втроём» (Ник), «Ариадна» (Юноша), «Небо падших» (Павел Шарманов), «Сила привычки» (Укротитель фортепьяно), «Эзоп» (Агностос)...

Олег полюбил Санкт-Петербург. И город тоже принял его. Хотя взаимность возникла не сразу: «Питер нужно завоевывать, – делится жизненным опытом актёр. – В отличие от Москвы, этот город более закрытый, консервативный. Тебя здесь просто так не принимают, долго испытующе смотрят и придирчиво оценивают твой талант, умение, мастерство. Тут, например, кто-нибудь из «знакомых» ещё с детства по телику больших артистов подходит к тебе, будто только что заметив тебя после удачного дубля, и исключительно тогда говорит: «Ну, вот теперь, здравствуй, Олег!» Конечно, это дорогого стоит...».

Оказалось, что у Чернова огромное комедийное обаяние, отмечают теперь его коллеги, любит шутить и смеяться, иногда повеселить партнёров.

8.

Но самое большое везение в его жизни заключалось в том, что, не успев он в Питере выйти на сцену, как его уже пригласили на кинопробы. Это было участие в съёмках одной из серий третьего сезона нашумевшего сериала «Улицы разбитых фонарей». Точнее, продолжение бесконечного криминального сюжета о рабочих буднях сотрудников 85-го отделения петербургской милиции. Герои кино – обычные оперативники, которым не чуждо ничто человеческое. У каждого, помимо работы, есть и личные дела, проблемы, заботы. Но при этом они – настоящие «менты», у них опасная и тяжёлая работа без выходных, праздников и материального поощрения.

Олега «углядел» режиссёр этого сериала Григорий Жихаревич. Ему для малозначимой роли нужен был высокий, плечистый молодой человек. Чернов со своим ростом 182 сантиметра его вполне устроил. И вот в 2000 году Олег сыграл

свою первую эпизодическую кинороль: некоего Лёню, сотрудника службы безопасности банка. Сам же Олег считает, что с этим эпизодом он вытащил свой счастливый лотерейный билет. И предложения сниматься в кино посыпались, как из рога изобилия.

В 2001 году у него была роль оперативника в одной из серий третьего сезона сериала «Агент национальной безопасности». Дальше – больше! Эпизодов была, как говорится, целая куча – в сериалах и в обычных фильмах: «Агентство НЛС», «Ключи от смерти», «Убойная сила», «Время любить», «Пейзаж с убийством», «Тайны следствия», «Женский роман».

Где-то с 2003-го ему стали предлагать кинороли среднего плана в фильмах «Любовь императора», «Чужое лицо», «Господа офицеры», «Неудержимый Чижов», «Потерявшие солнце», «Большая прогулка», «Брежнев», «Гибель империи», «Опера-2. Хроники убойного отдела». В них он – мент, военный, бандит, комсомолец... Олег от предложений поучаствовать в съёмках не отказывается. Работать он любит, а заодно постигает азы киношных съёмок.

На вопрос: нравится ли ему сниматься в кино? – всегда отвечал:

– Да, нравится. Хотя мне и театр нравится. Это, на мой взгляд, как бы две стороны одной медали. Кино – это очень интересно. Тут важно, как тебя снимают, какой стороной ты стоишь к камере, как «держишь» лицо. И много ещё подобных нюансов...

К 2004 году на него обратили не только кинорежиссёры, но и зрители. Многие отмечали тогда, что внешность этого актёра вполне вписывается в определение «брутальный мачо». В основном он востребован в жанре криминального детектива. Зачастую режиссёры видят его только в образе сотрудника милиции или полиции, или военного. И это амплуа постоянно сопровождает питерского актёра. Он – один из самых желанных актёров в этом жанре, и за плечами у него уже почти полтора десятка схожих проектов.

Честно говоря, другой на его месте мог бы и загрустить от такого однообразия, но только не Чернов. Он снова и снова соглашается на очередной кастинг и упрямо идёт на съёмочную площадку. Будто ждёт свою удачу. И не ошибается.

В 2004 году киногруппа с его участием приступает к производству первого сезона военизированного приключенческого сериала «Морские дьяволы».

Героиня сериала Дарья Юргенс, она же – Багира, запомнила первый день съёмок:

– Начали мы снимать самую первую серию «Дьяволов» 3 июня 2004 года. Очень хорошо запомнила эту дату, потому что 28 мая моей дочери исполнился год, и уже через несколько дней я была на съёмках. Это огромный период моей жизни, и он оставил неизгладимый след. На этом проекте все мы стали близкими людьми...

Режиссёр первых серий Алексей Праздников пригласил Чернова на главную роль: он – Иван Булатов с псевдонимом Батя, командир отряда «Тайфун», подводный диверсант-разведчик вымышленного спецподразделения ВМФ России.

Вообще по сценарию в отряде четверо бойцов спецназа. Их называют «морскими дьяволами». Они действуют на земле, в воде и в воздухе. Понятия «братство»,

«дружба», «офицерская честь» – для них не просто абстракция, а то, чем они дорожат и ради чего готовы пожертвовать жизнью.

Сюжет самой первой серии таков: на ракетном полигоне обнаружено некое постороннее устройство слежения. Сюда срочно перебрасывают группу «Тайфун». Первая серия под названием «Подлёдный лов» вышла в эфир в 2005 году. И – понеслось!

– Думали, – делился с журналистами режиссёр, – получится проходное кино. И хватит его на один сезон. Но... не тут-то было! Сериал так «зацепил» зрителя, что кинокомпания «Гамма продакшн» решила продолжать производство...

Начались многомесячные командировки на съёмки сериала. Если первые сезоны снимали в четырёх странах: в России, Египте, Эстонии и Дании, то с шестого сезона сериал снимается только в России: в Геленджике, Санкт-Петербурге, Калининграде, Новороссийске. Также в сериале есть кадры гор Закавказья.

Оказалось, что российские места при определённой фантазии запросто можно выдать за другие страны. Например, Скандинавию, куда герои сериала отправились в одном из сезонов, нашли на окраине Петербурга. Современный малоэтажный Курортный район выглядел как раз так, как многие себе представляют скандинавские городки. Дальний Восток и даже Японию и вовсе «обнаружили» под Выборгом, где от пейзажей просто дух захватывает.

С арабскими странами, где также побывали «дьяволы», оказалось сложнее, и съёмочной группе пришлось лететь в Египет. Места, необходимые для съёмок, были найдены довольно быстро, в отличие от марганцовки, которая требовалась пиротехникам для подводных взрывов. Марганцовки в Египте не оказалось, пришлось доставить её сюда из Петербурга.

Постепенно «Морские дьяволы» насчитывали без малого два десятка сезонов. А зрители всё требуют продолжения. Олег Чернов: «На встречах со зрителями, как минимум, всегда спрашивают о продолжении. Например, вчера в такси спросили, будет ли продолжение? Такая зрительская аудитория интересная, большая. Редко какой сериал смотрят люди в возрасте от 7 до 70 лет».

Для съёмок «Морских дьяволов» Олег и его коллеги прошли специальное обучение, так как сериал изобилует сценами, где надо выполнять сложные трюки. Приходилось осваивать дайвинг, погружение под воду на десятки метров. Изучали мастерство рукопашного боя, искусство маскировки.

Конечно, большинство сложных сцен с прыжками из машины, с моста и прочими кульбитами выполняли каскадёры, но актёрам тоже досталось немало непростых кадров. Вот гдегодились Чернову спортивные навыки, полученные в Прокопьевске.

При этом, говорит он, первые серии «Дьяволов» приводят его в настоящее умиление. Там Олег сравнивает себя с молодым солдатом, который только проходит курс молодого бойца. Но со временем звезда проекта превратился в настоящего воина-профессионала, в морского контр-адмирала. И, конечно, ему приятно читать такие, например, отзывы зрителей на сайте кино-театр.ру: «Мы с ребёнком являемся горячими поклонниками «Морских дьяволов». Ну не снимают

сейчас уже фильмы про мушкетёров! Снимают про спецназовцев! И надо заметить, качественно снимают, смотреть увлекательно и интересно. Очень харизматичные актёры. Олег Чернов (Батя), Дарья Юргенс (Багира), Владимир Ярош (Физик), Антон Гуляев (Кот), Дарья Циберкина (Мура), Михаил Тарабукин (Риф). Талантливые же все люди. Сериал успешный, народ его оценил».

Вот ещё мнение: «Прикольный сериал, весёлый, цепляющий. Да, может не самый профессиональный и документальный по отображению жизни морского, даже подводного спецназа. Но с самой простой задачей: вдохновлять мальчишек, может быть, исключительных девчонок, и побуждать простых среднерусских зрителей вроде меня болеть за героев, попутно занимаясь бытом, – он справляется на все сто».

Хотя и критики от зрителей идёт навалом. Однако тут ответ один: не нравится – переключи канал! А пацаны, действительно, смотрят с удовольствием и хотят быть похожими на этих бравых героев. Одно это уже можно поставить сериалу в заслугу. Между тем, у Олега Чернова число киноработ уже приближается к 90.

Он периодически снимается и в полнометражном кино. Так, из последних работ – у него главные роли: в криминальном фильме «В зоне риска» (2012), в мелодраме «Повороты судьбы» (2013), в биографической ленте «Людмила Гурченко» (2015), в детективе «Теория невероятности» (2015), в боевике «Гранит» (2021).

Он даже занимается дубляжом. В 2009 году его голосом говорил герой фильма «12 раундов» Дэни Фишер, которого исполняет Джон Сина (известный американский борец в стиле реслинг). В мировой ленте «007: Координаты «Скайфол» (2012) Олег дублировал Рауля Силву, которого играет Хавьер Бардем, – противника Джеймса Бонда.

«Хавьер Бардем мне интересен как актёр, – рассказывает наш герой. – Главной моей задачей было не испортить его замечательную игру в этой истории. По-моему, мне

это удалось, и я очень рад. Насчёт Бонда даже не думал, его и так замечательно дублирует мой друг и коллега Валерий Соловьёв».

Творческий образ в большинстве этих работ – всё тот же: волевые целеустремлённые мужчины, сотрудники правоохранительных органов, военные и герои спецназа. По словам Чернова, это амплуа не тяготит, поскольку отвечает его характеру и личности.

О многочисленных клипах с его участием скажем лишь коротко. Чернов не раз играл в видеороликах звёзд отечественной эстрады – Лолиты, Киркорова, Жасмин, Маликова. Даже эти небольшие роли он считает не менее важными, чем работу в кино и театре, и на съёмочной площадке выкладывается полностью...

9.

Несомненно, работа в театре и кино наложила свой отпечаток и на характер нашего героя, и на его личную жизнь.

Он поясняет: «Совру, если скажу, что популярность мне не нравится. Это – составляющая успеха любого актёра, и sluкавит тот актёр, который скажет, что не стремится к этому. Это, в конце концов, плод наших трудов! И – да, моя популярность помогает мне быстрее решать некоторые бытовые вопросы».

В личной жизни Олега Чернова было четыре официальных брака. Сам он считает, что все они были не по расчёту, а только по любви.

Свою первую жену Людмилу он встретил в театре Прокопьевска – актриса входила в театральную труппу. Расписались они в 1988-м, в этом браке родился первый и единственный ребёнок артиста – сын Николай. Когда Олег объявил жене о своём решении поступать в театральный вуз, жена была против. Чернов хотел перевезти семью и поселиться в студенческом общежитии. Но, Людмиле эта идея не понравилась, она наотрез отказалась ехать в Красноярск. И семья распалась. В то время сыну было всего несколько месяцев. Родителям не удалось сохранить нормальные отношения. Людмила была категорически против встреч сына и отца. Олег пытался наладить нормальные отношения, но не получилось. Поэтому Олег не видел ребёнка лет двадцать. Первая их встреча состоялась, когда парень стал уже совсем взрослым. Найти взаимопонимание оказалось очень сложным делом...

Со второй супругой Анастасией Светловой Чернов познакомился в театральном институте – она училась с ним на одном курсе. Их дружба началась буквально с первого дня, а официально они оформили свои отношения на выпускном курсе: «Наши отношения развивались стремительно. Быстро расписались, выпили по пробке «Метаксы» и побежали на наш дипломный спектакль «Саломея»...

Их брак продолжался четыре года, потом они мирно расстались. Отношения остались дружескими. Поскольку Анастасия – тоже актриса, они иногда пересекаются в общих проектах, к примеру, в сериале «Морские дьяволы».

Третью жену Олега звали Ирина. Брак с ней длился на протяжении десяти лет. Олег всё это время был очень востребованным артистом, буквально перепрыгивал из одного сериала в другой. Постоянные командировки и очень частое отсутствие дома – всё это снова привело к расставанию. Ирина устала быть всё время одна, и подала на развод.

Четвёртой женой Олега Чернова стала Марина Блейк, знакомство с которой состоялось в начале 2010-х на съёмочной площадке сериала «Инспектор Купер». «Мы сидели в одном вагончике, общались, и я обратил на неё внимание, – рассказал Олег. – Перед очередными съёмками «Купера» возник свободный вечер, я набрал её номер, и мы встретились. С тех пор не расстаёмся по сей день».

Супруги тоже подолгу бывают в разлуке, потому что Марина работает в Москве, а Олег – в Санкт-Петербурге.

Ни в одном из трёх последних браков у артиста нет детей.

10.

Не откажешь в популярности этому человеку из Прокопьевска.

Его давно узнают на улицах и в общественных местах: «В Москве даже больше, чем в Питере узнают, а уж в провинции, где телевизор – единственное развлечение, на улице трудно находиться. Я не жалуюсь, мне приятно, всегда с удовольствием ставлю автограф, фотографируюсь – это же часть моей профессии».

Известно, что успешного человека окружает множество друзей и просто знакомых. Чернов – успешный. Друзей у него немало:

– У меня много друзей-актёров, режиссёров и других собратьев по цеху. И в кино, и в театре. И я ими очень дорожу, хотя, к сожалению, видимся мы нечасто. Но всё-таки есть же телефон и интернет, чтобы общаться. А работы друзей можно увидеть на экране и на сцене. Я чаще радуюсь за них, чем огорчаюсь. И это приятно.

Друзья же ценят в нём не только профессиональные качества. Так, актёр Михаил Тарабукин, говоря о Чернове, подчёркивает:

– Он очень тонкий, душевный человек. Прекрасный артист, замечательный партнёр, очень терпеливый, очень интеллигентный.

И таких «очень» набирается немало. Коллегам женского пола Олег очень симпатичен. Он спокойный, подчёркивают они, в нём есть тот магнит, который на экране очень манит любую женщину. А его мужественность – не только на экране, она – и в жизни...

Он пожил в разных местах, городах. Но всегда чувствовал, что вот здесь он – временно. Все думали, наконец-то, Олег нашёл место для постоянного проживания – Санкт-Петербург, что он оседет здесь навсегда. И успокоится. Однако это не так, вернее, не совсем так. Прошло несколько лет и...

– Мы искали домик под Питером, а поступило хорошее предложение из Московской области, – улыбается Чернов.

И он перебрался на постоянное место жительства в Подмосковье. Получается, снова переехал. Хотя, в Санкт-Петербурге бывает часто – по работе: «Сажусь на электричку и через пять часов я уже в Питере. Живу между двумя городами».

Жизнь актёра расписана по съёмочным проектам, иногда – на год-полтора вперёд. Так что до сих пор нередко приходится ездить, перемещаться в пространстве. Хотя...

Приходит пора, когда хочется остановиться. Молодёжь всё чаще называет его Олегом Николаевичем. А сам он так много мотался по свету, был такой активный, что сейчас полюбил пусть и нечастое, но – бездельничанье. Говорит: «Хочется

побыть дома, ни о чём не думать, ничего не предпринимать». Это удивительное состояние, когда отдыхает от бесконечных нагрузок на съёмочной площадке твоё тело, руки, которым не надо грести под водой или цепляться за уступы скал, отключается от проблем голова, ведь не нужно заучивать очередной текст сценария или прикидывать, как лучше выполнить задачу, поставленную режиссёром.

– Не могу насытиться бездельем, – будто сам себя уверяет лёгкий на подъём Олег.
– Полюбил засыпать, когда хочу. Иногда это бывает в 3-4 утра. И просыпаюсь тоже, когда хочу, часов в 11 утра. Мне это кажется нормальным рабочим графиком бездельника. Потом гуляю с собаками, стригу газон, занимаюсь делами во дворе.

Посёлок, где он живёт, находится в лесу. И у него теперь есть ощущение, что там, за городом, настоящая жизнь только и начинается.

– Раньше у меня всё было наоборот. Мне казалось, что настоящая жизнь – это вечная круговерть, кипение съёмочного дня, беготня. Казалось, если я не бегу куда-то, то напрасно теряю время. А теперь я будто замедляюсь, прислушиваясь к природе, к звукам за окном и чувствую какую-то непрерывность бытия...

Он вдруг почувствовал иную сторону существования. Из городского асфальта и каменных джунглей приблизился к живой природе, лучше которой ничего выдумать нельзя. И она поражает его своим неисчерпаемым смыслом, создаёт несуетный философский настрой:

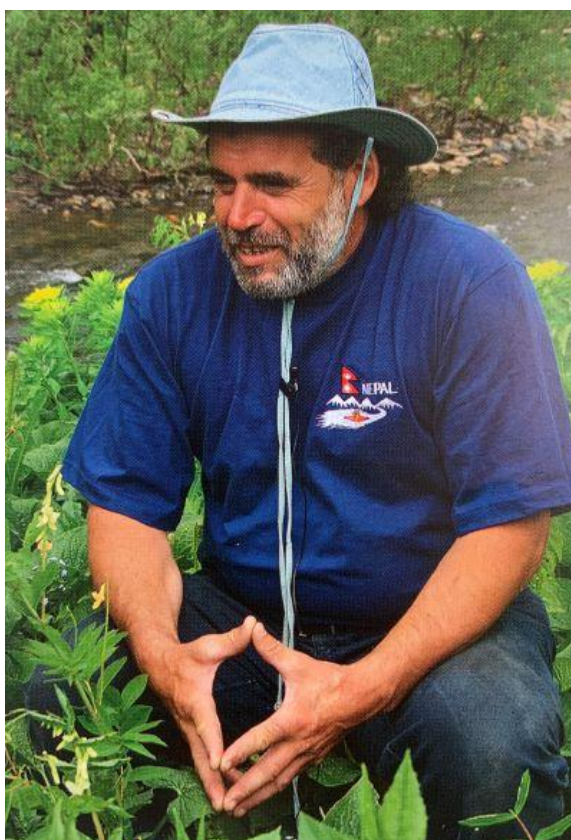
– Теперь я наблюдаю воочию существование леса и поля, птиц и облаков. Вижу смену времён года, как происходят перемены в природе и то, как быстро на самом деле всё это совершается. Не успеешь насладиться майскими птичьими голосами, им на смену приходит лето – июнь, потом июль. И вдруг уже – август! И природа «выдохнула», разродилась урожаем, развалилась, такая довольная. Ей – хорошо и она начала готовиться к зимней спячке. И если за всем этим пристально наблюдать изо дня в день, то приходишь к мысли, что, с одной стороны, – это вечность, с другой – скоротечность всего земного. И так всё быстро пролетает, что не успеваешь оглянуться, задуматься – а оно уже позади! Поэтому надо остановиться, посмотреть назад, взглянуться в перспективу, осмыслить своё место в этом мире.

Задумываешься о вечности. Думаешь: кто же ты здесь? Так, прохожий, который заскочил в эту нескончаемую вечность на какую-то секунду, и – почти мгновенно исчезнешь...

г. Кемерово,
июль – август 2022 г.

Михаил Шевалье и его Поднебесные Зубья

«Это счастье, что мне нет покоя», – признавался Михаил Шевалье в одном из интервью. Жизнь известного междуреченца – в Кузбассе его хорошо знали и дети, и взрослые – не была усыпана розами. Но он не привык сдаваться и отступать перед трудностями, поэтому всегда побеждал.

– В туризме очень важны подъезды и подходы, – через областную газету делился он своим опытом. – В Поднебесных Зубьях уникальная транспортная составляющая: активная часть туристического маршрута начинается буквально сразу же после выхода из электрички на станции Лужба, а через сутки ты уже в горах. Помню, когда мы только начинали ходить в горы, чтобы приехать на Алтай, тратили несколько суток. Неделями сидели в аэропорту, чтобы попасть в Саяны. А чтобы в Читинскую

область попасть на туристический маршрут, дали взятку подполковнику авиации, и тот нас загрузил в бомболюк. Так и летели в горы на военном бомбардировщике». И, конечно же, Поднебесные Зубья – одно из самых красивых мест мира: прекрасные горы, чистейший воздух, потрясающая природа. И разнообразные по категории туристические маршруты: от самых лёгких, по которым с удовольствием ходят даже маленькие дети, до сложных, что под силу только опытным туристам.

«Уже много лет традиционно перед первым большим снегом, а выпадает на Поднебесных горах он намного раньше, чем в городах и весях Кузбасса, из своего московского офиса с приятным волнением звоню моему многолетнему товарищу по перу и походному братству, действительному члену Русского географического общества Мише Шевалье, – вспоминает бывший ТАССовец и редактор областной газеты «Кузбасс» Виктор Кладчихин. – И слышу его восторженно бодрящий, по-особому картавый голос, который не узнать невозможно: «Виктор Спиридонович, друже мой! В приютах и станах областного центра детского туризма всё здорово. На сегодняшний день (разговариваем 2 октября) уже приняли с начала года 5900 детей, что составило 30500 человеко/дней...». Подсчёт этот прост. Получается, что каждый подросток, юноша или девушка, отдохнул у него в походах в среднем по пять дней».

Человек-вдохновение, человек-энергия, человек-восхищение, – так многие отзываются о нём. Михаил Михайлович всю свою жизнь посвятил горам. Поднебесные Зубья стали его родным домом.

Шевалье – коренной, местный. Он не только истово любил свою малую родину, он жизнь отдал, служа ей.

Ах, Миша, Михаил, Михаил Михайлович – знаменитый кузбасский путешественник и основатель приютов для туристов на юге Кемеровской области. Осиротел без тебя туристический Кузбасс...

Родился 26 февраля 1957 года в большой немецкой семье, прибывшей в Междуреченск строить город. Окончил профессионально-техническое училище (машинист горно-выемочных машин) и курсы педагогов дополнительного образования. Работал машинистом комбайна на шахте «Распадская». Трудился в местной поисково-спасательной службе – спасателем МЧС. Руководил междуреченским филиалом областного центра детского туризма.

Председатель Кемеровского филиала международной общественной организации «Академия детско-юношеского туризма и краеведения», руководитель детско-юношеской общественной организации «Общество юных краеведов «Кузбасс», член Русского географического общества. Мастер спорта СССР по спортивному туризму. Основатель движения «Вершины воинской славы». Учредитель и редактор газеты «В дорогу».

Отмечен областной медалью «За служение Кузбассу» и другими областными и городскими наградами. Обладатель уникальной награды – медали Всероссийского гайдаровского содружества «За верность А. Гайдару»...

Это всё о Михаиле Шевалье.

Те из товарищей-журналистов, которые «глубже погружались» в его биографию, знают, что до 1980-х Михаил никакой знаменитостью не был.

Он сам вспоминал, как пришёл на участок № 2 междуреченской шахты «Распадская» с направлением из училища. Шахта-гигант только формировалась, кандидатов работать на ней отбирали тщательно. Чем-то он смог покорить начальника участка Виктора Гордеева. Тот похлопотал за молодого машиниста комбайна. И Михаила направили в именитую механизированную бригаду горняков Героя Соцтруда Владимира Григорьевича Девятко. В известном на всю страну коллективе Миша Шевалье стал кем-то вроде «сына полка».

А вскоре группа междуреченских шахтёров собралась в турпоход – на Таймыр. Денег на поход не выделили. Бригада решила сброситься по 50 рублей и «на свои» отправить парней – а с ними и Шевалье – в те заполярные края. Местные газеты тогда писали, что поход прошёл с триумфом, о молодой шахте и о шахтёрском Междуреченске узнали даже в самых отдалённых посёлках Заполярья. Наверное, это был первый в жизни Михаила «взрослый» поход.

Как вспоминал междуреченский писатель Юрий Панов, «были у Миши все задатки стать вожаком бригады, и эта бригада не затерялась бы в середнячках. Но жизнь повернула иначе...».

Шевалье всегда-то был ершист и задирист в отстаивании общечеловеческих, выражаясь высоким «штилем», интересов. Когда в июле 1989 года в Междуреченске «закипела» шахтёрская забастовка, он не мог остаться в стороне, слишком уж достали многие проблемы в их маленьком городе.

На центральной площади страсти кипели, как на раскалённой сковороде. На митинге составляли общий протокол к верховной власти СССР: кричали, включали требования не только шахтёров, но и медиков, строителей, коммунальщиков...

Шевалье тоже выступал:

– Первое, – создать Междуреченский район. Второе, – прекратить варварскую добычу золота. Третье, – создать природный парк «Поднебесные Зубья».

Его предложения тоже вписали в протокол. А в октябре 1989 года Совет Министров СССР принял постановление об учреждении Междуреченского района!

Каждый человек хоть раз в жизни сталкивается с нелёгким выбором, когда надо решать, по какой дороге двигаться дальше. Недаром в сказках: направо пойдёшь... или налево пойдёшь... Однажды оказался перед такой развилкой и Михаил:

«В своё время я встал перед сложным выбором: стать профессиональным туристом (меня приглашали на Северный полюс) либо заниматься детьми. Я выбрал второе. До меня ведь никто не занимался организацией детского отдыха, тем более для детей-сирот. А я очень люблю детей, и они ко мне тянутся. Вспоминаю случай, когда один мальчик со слезами на глазах просил меня усыновить его. Такое не забудешь!..»

И ещё он полюбил горы. Он считал их своими. Среди высоких каменных склонов и ущелий он хорошо чувствовал себя: появлялась уверенность в собственных силах, в человеческих возможностях.

У него и друзья были под стать. Вот – об одном из них. Когда Михаил ещё только-только «прикипал» к туризму, на одном из слётов встретился с известным уже краеведом, путешественником Виктором Моисеевым – журналистом газеты «Кузбасс». Неуёмным, равнодушным защитником природы, как и сам Шевалье. Вместе ходили в горы, сидели у костра. К сожалению, эта дружба прервалась из-за ухода Виктора Максимовича из жизни.

Говорят, оба мечтали о развитии детского туризма в Междуреченском районе, чтобы дети всей Кемеровской области ездили сюда, ходили в походы горными тропами, изучали родной край, его природу, учились любить и беречь её и соблюдать природные законы.

И Шевалье всерьёз взялся за организацию детского туризма, туризма с социальным уклоном, когда к нему – Михаилу Михайловичу – в горы поднимаются ребяташки из детских домов, из интернатов: «Пусть не все, пусть хоть десяток из тех ребят сойдёт с дистанции в наркоманию, в никуда...».

Все мы и наши жизненные устремления – родом из детства.

– Первый раз я пошёл в поход, когда мне было восемь лет, – улыбаясь, рассказывал Михаил. – Взял меня с собой старший брат.

Тогда не было у них ни палаток, ни спальников. Они ночевали в старом, не действующем уже, лагерном пункте для заключённых, со второго этажа которого Миша случайно упал. «Именно тогда в мою детскую голову пришла мысль: когда вырасту, буду строить тёплые уютные домики для туристов, без мух и комаров, чтобы им после длительного перехода было где ночевать».

Так родилась детская мечта, которая потом прочно вошла в его жизнь. Туристы вообще, а дети особенно, должны в походах отдыхать в нормальных условиях, – такую задачу он поставил себе сам. И созидатель по натуре, Михаил строит сеть горных приютов в отдалённых посёлках области – Ортоне, Майзасе, Камешках, Тёбе – на Поднебесных Зубьях. С удобствами, которые не уступают некоторым городским.

Приют – деревянный двухэтажный домик. На первом этаже – кухня: стол, мойка, шкафы, скамейки, печь; на втором – места для отдыха, где дети спят в спальниках. На территории есть туалеты, веранды, котелки, дрова, баня.

– Конечно, палатке нужно поставить памятник, но это уже вчерашний день, – считал Шевалье. – Прежде всего, приюты я создавал для детей. Ребёнка после долгого перехода нужно привести в тепло и сухость, чтобы он отдохнул, восстановился и пошёл дальше. Наши приюты находятся в трёх-шести километрах друг от друга – как раз то расстояние, которое дети способны преодолеть без труда.

Свой первый приют он начал строить в 80-е:

– С 1980 года вся моя профессиональная деятельность связана с Поднебесными Зубьями. Тогда кроме энтузиазма у меня ничего не было – ни денег, ни материалов. Но был богатый опыт за плечами: работа в поисково-спасательной службе Кемеровской области, работа с детьми и огромная любовь к туризму. Я понимал, что начинать нужно со строительства приюта у ручья Высокогорный – именно в этом месте собирается больше всего туристов. На свой страх и риск за помощью

решил обратиться напрямую к начальнику департамента культуры и туризма администрации области Владимиру Бедину. И мне помогли – дали денег. Мы на вертолётах закинули материалы и приступили к строительству. За полгода первый приют «Высокогорный» был построен!

Вскоре Михаил стал директором Междуреченской городской станции юных туристов и натуралистов, в структуру которой входили приюты «Тайжа-Су», «Поднебесный», «Соболиный», «Глухариный», «Алгуй», «Амзас», «Гайдаровец», «Крылары», база отдыха в районе посёлка Майзас.

Надо сказать, напористость и уверенность в собственных силах не раз помогали ему. В качестве спонсоров он привлекал шахты, разрезы, лесхозы и другие предприятия. Привлекал и друзей: «Строю приюты на собственные средства, либо мне помогают мои друзья. В честь них я приюты и называю, чтобы людям было приятно!»

К началу 2017 года под его началом было уже 28 туристических станций. За счёт того, что дети ночуют в приютах, им не нужно носить с собой палатки, котелки и ещё какие-то тяжёлые вещи, надрываться, таская неподъёмные рюкзаки. А это значительно облегчает путешествие, повышает интерес к созерцанию окружающей природы.

Строя приюты, Шевалье, кстати, тем самым создаёт и рабочие места для местных жителей. Причём, нередко приглашает на работу подростков, даже таких, которых взрослые относят к категории трудных. Есть у него, между прочим, и предпринимательская жилка. Но своя, особенная...

Всё даётся ему непросто. Да и городские чиновники, которые и в горах-то, может быть, ни разу не бывали, тормозят дело, вставляют палки в колёса энергичного «двигателя» по имени Михаил Шевалье. Потому что кому-то он показался несимпатичным, кому-то – слишком нахрапистым.

К 1999 году у него разладились отношения с руководством Междуреченска, и ему пришлось оставить работу директора городской станции юных туристов и натуралистов. Часть приютов пришлось передать в другие структуры, которые занимались не социальным, а чисто коммерческим туризмом, зарабатывая буквально на всех видах услуг...

Шевалье же был «заточен» на детский туризм. И придумал новый проект. Помню, как в конце 1990-х Михаил приехал ко мне в Кемерово, пришёл в администрацию области, где я тогда был начальником комитета по работе со СМИ и пресс-секретарём губернатора.

– Помоги, Сергей! – чувствовалось, как тяжело переживает за дело. – Весь детский междуреченский туризм похерить хотят. Нельзя так!

Поделился болью, убедил, заразил, можно сказать, своими идеями и предложениями. «Согласен! – говорю. – Пойдём, надо дело спасать». И мы пошли к заму губернатора, которая курировала эти вопросы.

И вот родилось отличное решение, поддержанное и губернатором, – создать в Междуреченске филиал областного Кузбасского центра детского и юношеского туризма и экскурсий. Возглавить его предложили Михаилу Шевалье. Это придавало

и ему, и его делу хороший статус и защиту, бюджетную поддержку. Михаил Михайлович предложение принял. Больше того, в начале 2000-х годов он решил передать все свои строения на баланс этого государственного учреждения.

Не все знакомые поняли и приветствовали его шаги. Ему говорили: Миша, смотри, тебя обманут, заберут всё и – в отставку тебя. Он отмахивался – некогда мне бояться и сплетни сводить, работы много. И очень гордился своим проектом.

На сегодняшний день это, действительно, уникальный реализованный проект, аналогов которому в России нет. Характерно также, что его результат интересен и доступен разным детям: и тем, у кого не хватает денег, и тем, кто уже побывал в иных странах. Но больше других Михаила по-прежнему заботят дети, оставшиеся без родителей, им он готов отдавать всё – свой энтузиазм и своё личное время, и кров.

Позже он так объяснил своё решение передать приюты в областную собственность: – Как частный предприниматель, я бы смог бесплатно провести по горным маршрутам сто, максимум двести детей-сирот. А при поддержке области – тысячу, а то и больше! И за эту бесценную возможность я безмерно области благодарен. Они же (департамент образования) ко мне в Поднебесные со всего Кузбасса детей повезли!

И ещё он считал, что в собственности области у приютов – выше шансы прожить дольше:

«Вот умру я – сразу же появится куча наследников и начнут делить то, что я с таким трудом создал. А мне этого не хочется. Да и сил, и энтузиазма у меня уже одного не хватает! К тому же сейчас у государства всё меньше и меньше денег на оздоровительные проекты для детей. Большая часть детских лагерей уничтожена. Когда в восстановление будут вкладывать деньги? – неизвестно. А детей нужно вывозить за город, чтобы они набирались здоровья. Я считаю, в нынешних условиях для Кузбасса подобная система приютов – просто палочка-выручалочка. К тому же дети не только ходят по маршруту, но и учатся здесь жить самостоятельно, рубить дрова, топить печь, ухаживать за домашними животными, огородом...», – перечислял Шевалье корреспонденту газеты «АиФ – Кузбасс».

А цели богатеть у него просто не было. Вот и всё толкование этой бурной, живой, как ртуть, натуры.

– Он был очень щедрым, – вспоминает о друге один из старейших журналистов области, путешественник, фотограф Юрий Дьяконов. – Щедрым, но очень справедливым. Удивительно, но в наш меркантильный век деньги для Миши ничего не значили.

Кстати, в одном из фотоальбомов Юрия Васильевича я прочитал о Шевалье: он – «русский немец с французской фамилией». Такая вот супер энергичная «гремучая смесь», при этом – не меркантильная.

Рассказывали, как Михаил приезжал в детский дом Новокузнецка или Прокопьевска, чтобы предложить детям летние походы в горы Кузнецкого Алатау по проложенным маршрутам. Расписывает, бывало, детдомовскому руководству прелести природы, ночёвки в палатках или в горных домах. (Ему было чем

гордиться: за сезон проводил тысячи детей-сирот, инвалидов. И за многие годы работы – ни одного смертельного случая. Хотя там – не курорт, а тайга).

– А сколько это будет стоить? – недоверчиво переспрашивали его детдомовские директора. Ведь с бюджетными деньгами много не напутешествуешься.

– Всё абсолютно бесплатно! – приятно удивлял их Шевалье. – Сухой паёк детям выдадите, проезд обеспечите – и всё. Нам за поход ничего не нужно платить...

Вообще многие отмечают, что слово «бесплатно» было одно из любимых в его лексиконе. Вроде бы, деньги сегодня решают всё. Но лично для него деньги мало что значат: «Нельзя, чтобы ребёнок-сирота для кого-то стал ходячим бюджетным рублём...». Ему получается договориться, если надо, и с бесплатным вертолётom, и с бесплатными продуктами для юных туристов и мало ли с чем ещё. Его напора и умения убеждать, если нужно, хватает на многое.

Если необходимо, он мог грудью встать на защиту. Например, на защиту природы, гор и рек, которые считал родными.

Однажды в сопредельном с Кемеровской областью Верхотомском леспромхозе Красноярского края решили рубить лес на самой границе с нашим регионом. Уже, выяснил Шевалье, проложили до лесосеки дорогу. Он помчался электричкой в Балыксу, осмотрел готовый к валке леса участок и ахнул. Будущая лесосека, мало того, что проходила по водоохранной зоне реки Казыр, – здесь очень большой массив кедра.

Михаил Михайлович собрал друзей-активистов, организовал пикет из спасателей природы. Дорогу на лесосеку перекрыли палатками. Пикетчиков, а там были и юные туристы, пугали, устрашали ружьями, тракторами, грозили милицией, уголовным делом, расправой... Не помогло! Лесорубы отступили, а победители, можно сказать, спасли реку.

Как-то раз ранней весной, в походе, в реке Балыксу Михаил увидел подозрительного цвета воду, хлынувшую поверх льда. Он повёл группу вверх по берегу и вышел к водоотстойникам золотарей. Отсюда грязь стекала в речку – приток Томи. Шевалье, не задумываясь, поднял большой скандал. В газетах, в том числе в «Кузбассе», появились его гневные статьи в защиту природы. Добытчиков золота остановили.

– Мы отстаивали! – с гордостью заявлял он потом.

Для него отстаивать что-то важное для людей – много значит. Он для этого ни сил, ни времени, ни здоровья не пожалеет. Например, железнодорожники решили с января 2007 года отменить убыточную электричку на Бискамжу – посёлок в Аскизском районе Республики Хакасия. А это – путь для выхода и связи с большим миром сотен обитателей таёжных посёлков, тысяч дачников, туристов, любителей природы, собирателей даров тайги.

Михаил взялся отстаивать электричку. Создал инициативную группу, собрал тысячи подписей под обращениями к губернаторам Кузбасса и Красноярского края. И руководители регионов А. Г. Тулеев и А. И. Лебедь пришли к решению – сохранить маршрут.

Или вот ещё случай. В 2013 году в приют «Снежный барс» прибыли вооружённые люди, выпили, отмечая какое-то торжество, и устроили на радостях стрельбу. А на соседнем туристическом стане находилась детская группа, их руководитель испугался за детей и на всякий случай «вызвонил» Шевалье. Тот поднял отряд спецназа, который из Кемерово срочно прибыл на вертолёт в Лужбу, и задержал пьяных с ружьями.

Обошлось без пострадавших. Но с тех пор говорили: пока на Поднебесных есть Шевалье, там будет порядок. Михаила за глаза начали называть главным полицейским гор, мол, в горах полиции нет, зато есть Шевалье. Да, он в душе – романтик-идеалист, но придерживается железного правила: порядок на его территории – это безопасность тех, кто едет на Поднебесные Зубья сам или отправляет туда детей.

Своё любимое дело – горный туризм – он развивал исключительно в интересах людей, особенно детей. Ради этого готов был, как говорится, горы свернуть. Работал, как упрямый вол, невзирая на трудности, сложности, людскую зависть, на сплетни и пересуды. Если уж решил делать добро, то не привык оглядываться...

Однажды за это едва не поплатился свободой.

Шевалье строил сеть горных приютов на реках Томь, Амзас, Алгуй, Малый Казыр, Алтыазыр. Находил спонсоров, организовывал строителей, вкалывал из последних сил, доставляя в горы стройматериалы для домиков.

К этим приютам в горах, на берегах рек и ручьёв, вели едва приметные тропы. Кругом каменные вершины да тайга. Строил и радовался: тысячи ребятишек будут отдыхать здесь, устав от переходов, налюбовавшись красотами природы, гордиться, какая необъятная и красивая у нас страна, – считал довольный собой Шевалье-мастер. Только не учёл, что даже в таких отдалённых уголках бывают границы, незримые глазу, но которые лучше не переступать без разрешения. Короче,

оказалось, что часть приютов расположены не на территории Кузбасса, а «перешагнули» региональные пределы и оказались на земле соседней Хакасии. Этим и воспользовались его «благожелатели»...

Нашлись доброхоты из турфирмы-конкурента, зарабатывающие на коммерческом туризме, и написали в прокуратуру Аскизского района Хакасии: Шевалье поставил приюты самовольно, срубил ценную древесину. И в 2006 году, кажется, в Хакасии, на Михаила Михайловича завели уголовное дело.

Из материалов дела: «...Шевалье М. М. произвёл незаконную порубку леса, а именно пихты, путём перепиливания ствола деревьев бензопилой «Урал» до полного отделения ствола дерева от корня». Михаилу предъявили обвинение в том, что он нанёс соседнему региону ущерб в размере свыше 2 миллионов рублей. Это он-то – яркий, громкий и поразительно добрый человек?! Он вначале даже не придавал значения вызову в суд: некогда, занят богоугодным делом. Дошло до того, что его доставили в суд в наручниках, как опасного уголовника...

За Мишу Шевалье тогда поднялись все, кто только мог. Наверное, в такой вот переломной ситуации он по-настоящему узнал, сколько людей любят и ценят его непростой характер, его огромный вклад в развитие детского туризма.

За него перед судом ходатайствовала администрация Кемеровской области, на выездное судебное заседание в хакасский посёлок Верхняя Тёя приехали ветераны с орденами. Журналистов было столько, что любой политик бы позавидовал.

Прокуратуре не удалось доказать, что Шевалье занимался самовольной рубкой леса. Весь стройматериал, потраченный на строительство приютов, был завезён со стороны, а не заготовлен незаконно здесь же в лесу. И Михаила отпустили.

Тогда прокурор Аскизского района подал новый иск «в защиту интересов Российской Федерации и неопределённого круга лиц», просил обязать Шевалье освободить незаконно занятые лесные участки на территории Балыксинского лесничества и снести самовольно возведённые строения. Причём, требовал, чтобы он сломал приюты за свой счёт!

На суде Михаил доказывал, что обращался в федеральное Агентство лесного хозяйства с заявлением – предоставить земельные участки под приюты ему в аренду, но не получил ответа. Что построены приюты в интересах детей. Что он передал их безвозмездно государственному учреждению...

Взывали к суду представители администрации Кемеровской области: не надо ломать домики, с таким трудом возведённые в горах для детей, ведь их могут использовать и хакасские туристы, а детский туризм – это альтернатива и алкоголизму, и наркомании...

Более тысячи писем от детей-сирот, от взрослых пришли в Хакасию. И везде одно: убедительно просим не ломать постройки, разрешить судебный спор в пользу детей.

Наконец, даже директор того самого Балыксинского лесхоза стал просить: «Нарушение совершено Шевалье не в корыстных целях, а с благими намерениями – для организации детского отдыха... Осуществив снос построек, согласно решению

суда, мы не прекратим походы туристов и отдыхающих по этим местам, но тогда приюты придётся возводить заново... Изгнав его, мы получим бесконтрольный туризм с вытекающими последствиями... Просим суд рассмотреть наше предложение о предоставлении ответчику времени на оформление необходимых документов на право владения возведёнными постройками».

Тем не менее, строгий Аскизский районный суд не внял разумным предложениям и удовлетворил иск прокурора о сносе приютов. Верховный суд Хакасии оставил это решение без изменения... Ведь Шевалье, вроде бы, нарушил закон. Да и вообще, ломать же – не строить!

Почему, как благоразумный человек, он в своё время не занялся вплотную оформлением участков? – гневно вопрошал обвинитель. Подумаешь, потерял бы на согласованиях пару-тройку лет. Ничего за это время с желающими путешествовать не случилось бы, посидели бы дома, подождали бы. Поэтому, пусть теперь этот романтик с его идеалистическими представлениями о туризме ломает то, что построил...

А Михаил – борется, апеллирует на несправедливый судебный вердикт. Злится, нервничает, однако, бьётся за правду, как умеет. Хотя бороться с несправедливыми решениями очень непросто, и всё это отнимает немало времени и нервов. Но и здесь правда нет-нет да переходит на его сторону. Как вот это решение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Хакасия от 1 апреля 2008 года (выбрали же день!):

«Приговор суда апелляционной инстанции Аскизского районного суда от 23 января 2008 года в отношении Шевалье Михаила Михайловича отменить. Дело направить на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд, в ином составе судей...».

Через несколько лет после этой истории Михаил вспоминал:

– Конкуренты обвинили меня в самовольном захвате земель. Был суд, вынесли постановление о сносе приютов! И, действительно, приехали приставы с бензопилами и спилили несколько домов! Представляете?! Мы их с таким трудом строили! Тогда за нас вступился Аман Тулеев. И за год нужные документы были оформлены, а дома вновь отстроены.

Несмотря на суды, на проблемы, на постоянные «палки в колёса», он с завидным упрямством ведёт вперёд главное дело жизни. Что ж, в том, что оппоненты иногда называли его «сумасшедшим», есть определённый резон. Он действительно непостижим для своих противников. Но, думаю, на свете не так уж много людей, которые могут сказать, как Шевалье:

– Я всегда был правдолюб и боролся за справедливость до конца. И ни о чём не жалею. И пусть не всегда всё получалось, пусть порой не складывалось так, как хотелось, но я очень счастливый человек! Потому что живу всю жизнь в любви к своему делу! – и он энергично рубит рукой воздух.

А потом с удовлетворением докладывает:

– Ежегодно у нас отдыхает порядка 6000 детей. Только за прошлое лето отдохнуло около 2500 детей. Приезжают со всех городов Кузбасса и в любое время года – и по федеральной программе (дети-сироты и оставшиеся без попечения родителей),

и дети из всевозможных туристических секций, кружков. Пребывание у нас бесплатное! Для этого нужно подать заявку, которую рассматривает специальная комиссия. Скажу вам честно: желающих попасть к нам очень много. Новогодние каникулы уже полностью расписаны...

Всё-таки друзей у него много больше, чем оппонентов-завистников. Его, ершистого, резкого, деятельного, ценили, любили и по-настоящему уважали очень и очень многие. Практически, все, кто хотя бы раз пересекался по жизни с этим человеком. Прежде всего, это – тысячи детей. Он по-отечески заботился о них, и они тянулись к нему. «Дядя Миша, Михаил Михайлович», – величали его маленькие путешественники. И за одно это он готов был отдать всё на свете.

Друзья вспоминали: например, дарят Шевалье «крутую» тёплую куртку.

– Спасибо, дорогой! – мнёт Михаил дарителя в медвежьих объятиях. А на следующий день эта куртка уже на каком-то пацане – Миша решил, что тот слишком легко одет для похода...

Он вспоминал один «детский-недетский» случай. Несколько лет назад пацанёнок «увёл» у него бинокль. Михаил знал, кто, но молчал. Два года мальчишка мучился, боролся с собой. Наконец, прислал бинокль. В письме просил прощения.

– Не потерянный человек! – доволен Шевалье.

«Трудные» дети тянулись к нему. И он находил время протянуть в ответ свою спасительную руку. Как и должно быть у спасателя, каковым в прямом смысле являлся он в системе МЧС. Сколько людей, попавших на Поднебесных Зубьях в экстремальные условия, он смог вывести на нужную тропу. Сколько ребят, оставшихся без родителей, таких не по-детски трудных, на которых взрослые, может быть, махнули рукой, он за время горных путешествий наставил на нормальную жизнь...

– У меня много единомышленников и сторонников, – искренне верил Михаил, – таких же энтузиастов, как я, которые готовы помогать, вкладывать свои личные деньги. Это помогает жить и бороться.

Он не ошибался.

У него в друзьях были десятки ведущих журналистов, и не только Кемеровской области, всегда готовых поддержать и помочь в трудную минуту. Благодаря «собратьям по перу» Михаил принял решение издавать свою туристическую газету «В дорогу», где он был и главным автором, и главным редактором. Свежие выпуски этого издания с удовольствием читали вечерами те, кто останавливался на ночлег в его приютах.

Именно у Шевалье зародилась традиция – давать своим приютам имена людей. Среди туристических станов есть названные в честь знаменитых горняков Героя Кузбасса Михаила Найдова и Николая Рубана, заслуженных путешественников России Павла Гридина и Сергея Сакова и других.

Любил бывать у него в горах российский писатель и журналист, кемеровчанин Владимир Мазаев – и один из приютов получил от Шевалье имя «Мазаевский стан».

Вот необычная запись от 10 июня 2010 года в интернет-блоге «Вредный старикашка», который вёл в своё время кемеровский журналист, заядлый рыбак и турист Василий Попок:

«Люблю бывать где-нибудь в Кузнецком Алатау (Поднебесные Зубья расположены именно там) или Шории. Пусть будет Мрассу, Уса, любая из Терсей. Середина июня – вылет бабочек. Небо шелестит белым. Вечерами прибрежные пихты одеваются как бы в снег – чешуекрылые устраиваются на ночлег. Чебаки беснуются – жор. Аж на берег выпрыгивают. Солнце – ёкарный бабай! На лысине можно картошку печь. Через неделю приеду с обугленной мордой.

– Где был? – спросят. – На юге?

– Да, идите вы со своим югом! Это Миша Шевалье зовёт в гости.

Ну, и в путь!»

Или ещё одна запись Василия Борисовича:

«Нынче на Поднебесных много снегу. К весне он слежался в бетон и таять даже не думает. Впрочем, весна на Поднебесных начинается в мае и даже не в первых числах. Представьте себе: солнце, плюсовая температура и снег. Загореть можно за полдня. Жду, чтобы завтра выехать в Междуреченск, а оттуда в горы. На Поднебесные Зубья, они же Тигир Тиш (так Зубья звучат на языке местного народа – шорцев).

Не знаю, удастся ли забраться высоко – горник из меня нынешнего, как из морковки мельник. Но и просто посидеть на крылечке у Миши Шевалье в приюте «Кузбасском» – это наслаждение. Сына агитирую. Но этот неподъёмный увалень ни на что не променяет свой интернет».

«Вчера заехал Михаил Шевалье с Борисом Химичем и Владимиром Яковлевичем Северным, – записал Попок в апреле 2017 года в своём блоге. – Чайку попили и посоображали насчёт приюта «У Василия Попка» в Поднебесных Зубьях. Собственно, домик готов и там уже ночует турьё. Осталось баню построить...».

Через год Василий Попок с досадой сообщил:

«В приюте «У Василия Попка», который построил мой друг Михаил Шевалье, некие вандалы выбили окна и изодрали именной аншлаг. Понимаю, что и у меня, и у Михаила полно недоброжелателей и врагов. Но н....а приют портить? Вряд ли я когда-нибудь теперь туда доберусь, не в тех физических кондициях. Туда Миша водит молодёжь, детей – для них домик в горах... А эти! Пришли и нагадили! Странные люди. Если вообще люди...».

Настоящие варвары, вскипал в таких случаях и Шевалье, ведь так непросто забросить в горы материалы для ремонта!

Появился в Поднебесных горах и приют имени журналиста Юрия Дьяконова. Он расположен в одном из живописнейших мест Кузнецкого Алатау – в районе пересечения ручья Высокогорный и реки Малый Кызыр. Здесь имеются удобные и нужные туристам постройки: двухэтажный дом, баня, навес и туалет.

Не раз бывал в горах у Шевалье и сам Юрий Васильевич, который лишь недавно – в силу возраста – оставил любимые горные тропы. О дружбе с Михаилом

Михайловичем, о разных приключениях в горах может рассказывать часами. Он своими глазами не раз видел Шевалье в деле:

– Однажды наша группа во главе с Мишей, в которой было полтора десятка детей и пять-шесть взрослых, в горах попала под ливневый дождь. Предстояло вброд перебраться через речку, а уровень воды в ней рос прямо на глазах. Люди запаниковали, появился страх, особенно у ребятишек, перед водной преградой. Один Шевалье не растерялся.

Время шло к вечеру, и он приказал ставить палатки для ночлега. Поставили палатки, устроились кое-как. Дождь не прекращался, шёл всю ночь, лишь к утру стих. А реку переходить надо. Один из наших опытейших туристов попробовал перебраться в одиночку, но не дошёл до противоположного берега – его понёс поток, он едва сумел выбраться.

По одному не получится, сказал Миша. И скомандовал нам – для переправы разбиться на тройки. Так по трое, придерживая друг друга, все перешли реку. Сам он раз пять сгонял туда-сюда, поддерживая ребят, помогая им. Если бы мы поддались панике, от которой он нас удержал, ничего бы не вышло. Кстати, за время работы Михаила Шевалье с туристами у него ни разу не было ЧП, где пострадали бы люди. Он хорошо понимал, что там, где человеческая жизнь особенно хрупка, в экстремальных таёжных условиях – требуется не деловая хватка, а порядочность и надёжность...

– Потом он велел развести костёр, чтобы обогреться, просушиться, – продолжает Дьяконов. – Костёр вышел на славу! Миша любил для детей делать такие большие костры, чтобы пламя – вверх метров на пять. Говорил, это пацанам особенно запомнится. Смотрю, ребятишки согрелись, развеселились... И между прочим, в таких туристических походах дети обучаются всем премудростям полевой жизни...

Есть в Поднебесных горах приют имени журналиста Виктора Кладчихина, проживающего теперь близ столицы нашей родины. Есть приюты имени редактора из Новокузнецка Александра Белокурова и газетчика из Кемерово Виктора Моисеева.

Несколько лет в Кузбассе воплощают патриотическую идею: присваивают безымянным вершинам Кузнецкого Алатау и Горной Шории имена героев Великой Отечественной войны. Проект называли «Вершины воинской славы». Михаил помогал реализации настоящего замысла, чем только мог.

Эту инициативу поддержали на всех уровнях и государства, и Кемеровской области. За годы её реализации правительством Российской Федерации присвоены имена героев нескольким безымянным вершинам.

Под этот проект Шевалье с помощниками выработали туристические маршруты, создали инфраструктуру. Например, строения приюта «Кузбасский» – он тут базовый – разбросаны теперь между двумя приметными точками – вершиной дважды Героя Советского Союза Афанасия Петровича Шилина и вершиной Героя Советского Союза Михаила Михайловича Куюкова. Появилась в Кузнецком Алатау «Гора Назарова» в честь Героя Советского Союза Александра Петровича Назарова.

На вершинах имени Героев Советского Союза Виктора Александровича Гнедина и Степана Харитоновича Марковцева тоже установлены мемориальные плиты.

На 2022 год планируется водрузить на одной из безымянных вершин Кузнецкого Алатау мемориальную плиту в честь Героя Советского Союза Михаила Гавриловича Хорькова. В восхождении будут участвовать ученики кузбасских школ, во время похода ребята узнают об истории родного края и подвигах своих соотечественников в годы войны.

«На заморских песках никакого патриотизма мы в детские души не зароним. Любовь к Родине – она сугубо домашняя, гражданином наш юный земляк становится здесь, на этих крутых тропах, – писал в поддержку проекта Виктор Кладчихин. – От здешних вечерних костров западают в душу первые искорки любви к своей Родине. Западают и начинают теплиться. Для этого в том числе и начато движение «Вершины героев», оно дополнило кузбасскую педагогику великим смыслом, получило отклик уважаемых товарищей взрослых...».

Много сил отдал Шевалье и развитию так называемого «гайдаровского» направления в горном туризме. «Гайдар, можно сказать, «сопровождает» туристов в разных районах Кузнецкого Алатау, – подчёркивает в интервью газете «Кузбасс» академик Международной академии детско-юношеского туризма и краеведения, географ Владимир Яковлевич Северный. – В Лужбе приют носил имя «Гайдаровец», на Межказырском хребте есть перевал Гайдара, вершина Гайдара. На слиянии Большого Казыра и Алтыазыра построен приют «Адмиральский». Назван в честь адмирала Тимура Гайдара. Да, было активное движение, связанное с поисками материала о пребывании здесь писателя Аркадия Гайдара (псевдоним известного писателя Аркадия Голикова, автора повести «Тимур и его команда» и других известных детских книг), который воевал здесь в Чановских отрядах... Благодаря междуреченцу, мастеру спорта по туризму Михаилу Шевалье это движение развилось в полную силу, и, по сути, всё, что перечислено выше, осуществлялось по инициативе Михаила. Он, кстати, был одним из инициаторов экспедиций в Кузнецкий Алатау и Тимура Гайдара, и его сына Егора».

Именно благодаря усилиям Михаила Шевалье именем Аркадия Гайдара названа вершина высотой 1888 метров в Кузнецком Алатау. Остаётся напомнить, что контр-адмирал Тимур Гайдар – это сын писателя, а Егор – внук писателя, был председателем правительства России в 1990-х, проводил в стране либерально-экономические реформы, прозванные «шоковой терапией»...

В России есть общественное молодёжное объединение «Гайдаровское Содружество», которое многие годы занимается созданием книги памяти Мальчишей, проводит международную Гайдаровскую экспедицию-поиск «Мальчиши Великой Отечественной».

За особый вклад в сохранение памяти об авторе «Тимура и его команды» Михаилу Шевалье вручили специальную медаль Гайдаровского содружества – «За верность А. Гайдару», которая была учреждена в 2016 году – к 75-летию героической гибели писателя-воина. Михаил Михайлович стал единственным в области обладателем этой награды, которую ему вручил на заседании в новокузнецкой городской библиотеке имени Н. В. Гоголя известный географ-краевед Сергей Тивяков.

Жизнелюб Шевалье стойко и упорно сопротивлялся тяжёлой болезни. Человек-легенда Михаил Шевалье ушёл от нас 27 января 2022 года. «Рыцарь гор», уникальный турист Кузбасса, а, может быть, и всей России всего месяц не дожил до своего 65-летия.

Для друзей, знакомых, особенно для детей в памяти он останется энергичным, ярким, неравнодушным человеком, который всегда был полон энтузиазма, любил то, что делает. Трудно даже сказать, кто, более чем он, сделал для развития туризма в Кемеровской области. Созданная им в Кузбассе система социального горного туризма для детей и юношества, надеемся, будет действовать и дальше.

«Мало кто из кузбасских журналистов не бывал на Поднебесных Зубьях и не встречался с Мишей Шевалье, не видел созданную им там целую вселенную детского туризма. В этого человека невозможно было не влюбиться. Это был фонтан позитивной, созидательной энергии. И фамилия какая! Когда я первый раз услышал её, то подумал, что это дружеская кличка, отражающая характер неукротимого человека», – написал в память о нём в своём интернет-аккаунте бывший собкор «Известий» в Кузбассе Борис Синявский.

Соратники-туристы Кузбасса в память о Шевалье предложили назвать его именем 100-метровый водопад, который расположен на реке Озёрной в районе Поднебесных Зубьев – на границе Кемеровской области и Республики Хакасия. Предлагая это, журналист, турист, создатель путеводителя «100 чудес Кузбасса» Антон Миронов также высказал идею создать туристический маршрут с прохождением через этот водопад и назвать его тропой Шевалье.

Почему бы и нет! И почему бы один из туристических станций не именовать приютом «У Михаила»? Думаю, он не обиделся бы на это. Или одной из безымянных гор

Поднебесных присвоить имя «Вершина Шевалье»? Заслужил Михаил Михайлович всем своим жизненным примером бескорыстного служения своему делу. Ведь это – его горы!

С волнением и грустью читаю его заметки:

«...Вот я, Михаил Шевалье и ещё один известный турист – Юрий Ионов идём со станции Лужба 20-километровым маршрутом на ручей Высокогорный. Здесь вечно бродят стада любителей походов на Поднебесные Зубья. Сентябрьские дни в горах жаркие, а ночи – ледяные...».

Как он любил эти дни и ночи в горах!

О Михаиле Шевалье у многих из нас есть своя история. «Здравствуйте все, и здравствуйте всегда!», – часто любил говорить он при встрече. Каким же разным, но счастливым человеком он остаётся в нашей памяти...

г. Кемерово,
март 2022 г.

Мы не один пуд соли вместе съели... (Памяти Николая Самошонкова)

Кабинет на пятом этаже Кемеровского обкома партии, окна которого выходили на здание областного комитета госбезопасности, я ещё не успел толком «обсидеть»: только что в июне – с должности редактора газеты «Шахтёрская правда» в Прокопьевске – был назначен завсектором печати, теле- и радиовещания отдела пропаганды и агитации обкома.

Сменил на этом посту Александра Васильевича Семёнова. Всего же в моём «громадном» секторе было две единицы – заведующего и инструктора. Ставка инструктора была свободна.

– погоди, – сказал мне после назначения заместитель заведующего отделом пропаганды Владислав Прокопьевич Бехтер, – мы тебе настоящего «штыка» подберём.

Знает он, мол, одного хорошего парня, тот тоже в газете поработал...

И вот спустя недели две-три к нам пришёл Самошонков. Выше среднего роста, поджарый, жилистый, чуть сутуловатый, импульсивный. Он даже походку имел необычную: быструю, будто танцующую.

– Привет! Меня зовут Николаем, – представился он. – Назначен к тебе инструктором. И так крепко пожал руку, что сразу почувствовалось – спортсмен! С тех пор, кстати, в нашем секторе «завелась» двухпудовая гиря, которую Коля под одобрительные возгласы сослуживцев каждый день выжимал по несколько десятков раз по очереди каждой рукой. И вообще, он был как ртуть – стремительный не только в движениях, мог быстро перелопатить несколько годовых подшивок городских или районных газет и написать аналитическую записку по их публикациям.

И общался с собеседником некоей своеобразной скороговоркой, не всегда сходу понятной участнику разговора, но, видя, что человек не «въехал», Николай смеялся и повторял слова уже помедленнее. Первое время я тоже плохо разгадывал, что он хочет сказать, постоянно переспрашивал. Коля не обижался, знал свой недостаток, усмехаясь, терпеливо произносил всё снова. Вскоре я привык к пулемётному стилю его разговора и к тому, что без улыбки Самошонкова не бывает, что бы ни случилось. Главное, у него всегда было хорошее настроение, которым он, не скупясь, делился с окружающими.

В конечном счёте, мы с ним, как говорится, не один пуд соли вместе съели. И когда его весной 2016-го не стало (а случилось это внезапно, по крайней мере, для меня), очень захотелось сказать о нём доброе слово. Тогда родилась небольшая повесть под названием «Сибиряки на Варварке» – это про нас с ним, про наши общие дела, про нашу жизнь и работу. Хотя, больше, конечно, про него – про Кольку Самошонкова.

Если честно, там многое – ни убавить, ни прибавить. Публикация вышла в 2021 году в сборнике рассказов с одноимённым названием («Сибиряки на Варварке». Повести и рассказы. – г. Владимир, 2021). Так что в этих заметках нет-нет да буду ссылаться на выдержки из этих «Сибиряков». (Пусть простит такой подход въедливый читатель...).

Николай родился 4 февраля 1955 года в городе Таштагол, что на самом юге Кемеровской области. В школе учился на отлично. С раннего возраста серьёзно увлёкся боксом. Секцию бокса вёл известный мастер этого вида спорта Юрий Айларов. Коля обожал тренера, мог про него часами рассказывать. И тренировался очень обстоятельно, упорно, ведь тренер не без основания имел на прилежного ученика хорошие виды.

Таштагольская школа бокса до сих пор в чести среди профессионалов, экспертов, просто знатоков и болельщиков. Достаточно вспомнить имя таштагольца Юрия Арбачакова – советского боксёра наилегчайшего веса, чемпиона СССР, Европы и мира среди боксёров-любителей конца 1980-х. Он же с 1992-го по 1997-й становился чемпионом мира среди профессионалов по версии Всемирного боксёрского совета (WBC). Заслуженный мастер спорта СССР, ему присвоено особое звание «Выдающийся боксёр СССР».

Ю. Я. Арбачаков тоже начинал у Юрия Семёновича Айларова. Многие «птенцы» этого наставника настойчиво тренировались, желая взлететь высоко. Среди них был и юный Николай. Настырные тренировки привели к тому, что он вместе с другими таштагольскими боксёрами становился победителем областных соревнований, результативно участвовал в первенствах не только Кузбасса, но и Сибири, Дальнего Востока... За победу в сложных поединках Самошонкову, который по мнению не только тренера, но и коллег-спортсменов всегда отличался на ринге лидерскими качествами и силой характера, присвоили звание «Кандидат в мастера спорта СССР».

Семья Самошонковых в Таштаголе была хорошо известна. Отец Николая Василий Егорович возглавлял передовую бригаду проходчиков Таштагольского рудника, где и сегодня добывают железную руду для металлургов Новокузнецка. В 1966 году он был удостоен высшей степени отличия за труд в СССР – звания Героя Социалистического Труда. Кроме золотой медали «Серп и Молот» также имел самую высокую государственную награду – орден Ленина и грамоту Президиума Верховного Совета СССР. Избирался делегатом на XXIV съезд КПСС.

Сын очень любил и уважал отца. Николай Васильевич всегда, как мог, поддерживал его и помогал...

После окончания в 1972 году школы-десятилетки Коля работал в мехцехе Таштагольского рудоуправления. Потом его призвали на срочную службу в Советскую Армию. Там же приняли в члены КПСС. Два года – с 1973-го по 1975-й – тянул он солдатскую лямку в одной из московских частей, мечтая, кстати, об учёбе в вузе, ведь его со старших классов всерьёз привлекали темы информационной и общественной политики. Поэтому после демобилизации направился в Казань, где поступил на факультет журналистики местного государственного университета.

Он и здесь учился на отлично. Хотя, ветреный с виду, студент Самошонков в свободное от занятий время мог позволить себе самый бесшабашный поступок. Например, на спор мог влезть на Спасскую башню Казанского кремля, чтобы потрогать стрелки огромных часов с «малиновым» звоном, установленных в верхнем ярусе, за что получал соответствующий нагоняй. Но в постижении учебных дисциплин был прилежен, как никто. Потому его диплом об окончании университета в 1980 году получился красного цвета – диплом круглого отличника.

После этого дипломированный специалист вернулся в Таштагол, устроился литературным сотрудником – на репортёрском сленге «литрабом», а по-простому корреспондентом – в городскую газету «Красная Шория». Издание в то время возглавлял заслуженный работник культуры РСФСР редактор Вениамин Иванович Лебедев, которого все почему-то называли Геннадием Ивановичем. Редактором он был опытейшим – до этого прошёл хорошую школу в главной областной газете «Кузбасс». Пусть «Красная Шория» и находится на периферии нашего региона, она всегда была на хорошем счету.

Здесь делали первые шаги известные мастера печатного слова: народный писатель Белоруссии Виктор Козько, прозаик Сергей Ковякин, российский поэт Олег Максимов, кузбасские журналисты Алексей Калинин, Борис Жарков, Виктор Сохарев. Газета не раз становилась лауреатом республиканских и всекузбасских

конкурсов, в том числе победителем областного конкурса «Золотое перо» в номинации «Газета, добившаяся лучших творческих показателей». Журналисты газеты Ольга Щукина, Александр Духанин становились победителями межрегиональных профессиональных состязаний.

Так что Николаю было у кого поучиться если не теории, то практической журналистике. И он старался, часто ездил по местным предприятиям и горняцким посёлкам Темиртау, Тельбес, Мундыбаш, бывал в горнорудных шахтах. Своими заметками, статьями, корреспонденциями помогал таштагольцам решать задачи экономического и социального развития.

В апреле 1982 года Николая приняли в Союз журналистов СССР. (Как указано в учётной карточке члена этой творческой организации Самошонкова, его литературный псевдоним был «Н. Васильев»). Скоро его назначили заведующим отделом редакции, а потом и заместителем редактора газеты.

Но при этом он не забывал заниматься и любимым делом – исследовал проблемы информационной политики СССР, читал книги и журнальные статьи по теории этого вопроса. А тут из обкома партии пришло предложение о том, что «Красная Шория» может направить одного из сотрудников учиться на очном отделении журналистики в Высшей партийной школе в Новосибирске. Редактор, не задумываясь, рекомендовал Николая.

В ВПШ он тоже учился на пятёрки и в 1987 году снова получил красный диплом – уже о втором высшем образовании. А следом и был назначен тем самым инструктором сектора печати, о чём я уже рассказывал вначале.

Несмотря ни на что, работу нашего сектора трудно было назвать рутинной. Конечно, сегодняшнее информационное поле Кузбасса не сравнить с тем, что было в середине 1980-х. Тем не менее, в числе средств массовой информации того времени в Кемеровской области на предприятиях и в организациях выходили в свет 99 многотиражных корпоративных газет. В городах и районах Кузбасса действовали 30 редакций городских и районных газет. Были также Кемеровское областное телевидение с филиалом в Новокузнецке, областное радио, которое имело свою региональную сеть с редактором в каждом муниципалитете.

Редкая неделя для нас с Николаем обходилась без командировок. Чаще ездили по одному, чтобы кто-то постоянно находился на рабочем месте. А поводов для поездок было хоть отбавляй: жалобы читателей на редакцию, конфликты между руководством города и газетой, срывающийся ремонт редакционных или типографских помещений, нарушения графиков выпуска изданий и так далее – это из негативной части нашей работы. Но были и позитивные моменты: допустим, юбилей со дня выхода в свет первого газетного номера или круглая дата у какого-нибудь ветерана журналистики, и тогда надо от имени областного руководства достойно поздравить, вручить юбиляру заслуженную награду.

Иногда нам выпадало съездить куда-нибудь и вдвоём. Вспоминается, как однажды зимой мы с ним оказались в Таштаголе, в редакции «Красной Шории». А вечером редактор Лебедев повёз нас на свою заимку за городом, где до жути натопил баню.

Он натянул на голову войлочную шапку и напарил нас так, что я после уличного морозца, да ещё с непривычки просто осоловел. А им, таштагольцам, хоть бы что! Они долго потом надо мной похихатывали...

Примерно через год работы в секторе мы объехали все без исключения территории нашей области, а некоторые не по одному разу. Перезнакомились со всеми редакторами и многими журналистами районных, городских и областных печатных изданий, телевизионщиками и радийщиками, собкорами центральных СМИ. Чем могли, помогали им...

Конечно, всё это происходило в тех условиях, в тех рамках. Но огромную роль газет, ТВ и РВ в нашей жизни мы хорошо понимали, доверяли опыту большинства редакторов, поэтому в разных конфликтных ситуациях всегда старались быть на их стороне. Проводили областные семинары для кузбасской прессы, выступали с докладами перед слушателями парткурсов в областном Доме политпроса.

Обком КПСС, а, следовательно, и Кемеровскую область тогда возглавлял Вадим Викторович Бакатин. Руководитель с опытом, однако с авторитарным стилем работы, он достаточно жёстко, даже высокомерно относился к подчинённым. Это проявлялось и на общих аппаратных совещаниях аппарата обкома, и на разных встречах у него в кабинете.

Сотрудников обкома он знал в лицо и по имени. К примеру, на большой аппаратной летучке в овальном зале обкома начинает раздавать задания отделам и секторам. Звучит задание и отделу пропаганды, в том числе нашему сектору. Мы с Николаем, сидя в самом верхнем ряду зала, тут же шёпотом начинаем обсуждать, как лучше приступить к выполнению.

«Черемнов, – вдруг раздаётся на весь зал из президиума голос Бакатина, – вы чего там шепчетесь с Самошонковым? Если у вас есть что сказать, выходите сюда! Руководителя области они перебивают... Виктор Васильевич (Рябов, заведомо агитации и пропаганды Кемеровского обкома партии), разберитесь с ними, накажите и доложите мне!»

После совещания мы бегом к Бехтеру:

– Владислав Прокопьевич, мы же никого не перебивали, по делу шептались...

– Ладно, – успокаивает он. – Обойдётся, думаю, но Рябову всё же расскажите. Зайдёте к нему после меня, я его подготовлю...

После Бехтера, опустив головы, идём в кабинет Рябова.

– Д-допрыгаться хотите? – слегка заикаясь выговаривает нам Виктор Васильевич. – От «самого» замечание получаем на ровном месте. Ставлю вам на вид. Задание своё слышали? Если к вечеру не подготовите хорошую справку по работе СМИ области, накажу сильнее...

Мы с Колей перемигиваемся: обошлось! И вот уже он на весь коридор нашего пятого этажа хохочет и расписывает коллегам, как нас песочил первый секретарь.

Каждое утро всё время, что В. В. Бакатин руководил регионом, он начинал с чтения обзора свежих центральных и областных газет. А приходил первый секретарь на работу около восьми часов, начинал разбирать поступившие документы, письма, особо серьёзные жалобы от населения. Считалось, что читать сами газеты ему

некогда. Поэтому, к его приходу наш сектор должен был успеть подготовить ему этот обзор газет, который, выражаясь более современно, можно назвать ежедневным дайджестом прессы на 2-3 страницы текста.

Мы с Николаем по очереди приходили на работу в начале седьмого утра. Здесь уже поджидал бессменный Бехтер с охапкой газет: «Правдой», «Известиями», «Советской Россией», «Социалистической индустрией», «Кузбассом», «Комсомольцем Кузбасса». Кое-что из публикаций он успел наметить. Тот из нас с Колей, кто дежурил, садился за печатную машинку (компьютеров ещё не было). Бехтер диктовал, мы печатали, нервничали из-за ошибок или опечаток, приходилось тщательно подчищать их вручную – Бакатина опечатки очень сердили.

Но и в конце рабочего дня покоя сотрудникам обкома не было, так как Вадим Викторович уходил домой не раньше 20 часов. И весь аппарат обкома сидел на рабочих местах – на всякий случай, вдруг кто-нибудь понадобится «первому». Сидели, томились и ждали, когда же он закончит. Сидел в ожидании и наш пятый «идеологический» этаж. Рябов сидел, Бехтер, мы с Колей и другие сотрудники.

Мартусов сидел в ожидании. Он вскоре после Самошонкова перешёл в отдел пропаганды из спортивной организации. Был он тогда простым парнем, ещё не доведённым службой во властных структурах области до важного состояния, которого мы тогда называли просто Саней, Сашей, Александром. Чтобы как-то скоротать время, иногда Александр с Николаем по заданию замзавотделом оперативно устремлялись в магазин. И после их возвращения с определённым «уловом» у мужской части отдела поднималось настроение, тогда мы могли находиться на работе хоть до полуночи.

Время от времени эти же сотрудники устраивали в отделе спортивные уроки и даже соревнования. Коля, допустим, снимал пиджак, закатывал рукава и, ослабив галстук, показывал приёмы бокса. Он становился в боксёрскую стойку и начинал бой с

тенью, пританцовывая на чуть согнутых ногах, бил невидимого соперника левой, потом правой, снова левой. Каждый удар сопровождал резким выдохом сквозь зубы, получалось что-то вроде: «Пых, пых, пых, пых...». Или брался за гирю, о чём сразу узнавал весь обкомовский этаж. Он так опускал её на пол, что грохот гулко разносился по коридору.

Бывало, спорили до хрипоты на какую-нибудь политическую тему. Или делали на спор символические ставки на того же Самошонкова. Ведь в некоторых спортивных упражнениях он не знал себе равных, показывая просто фантастические результаты. Допустим, в отжимании руками от пола. В «Сибиряках на Варварке» об этом сказано так:

«Больше всего он любил делать что-нибудь на спор, особенно с незнакомыми людьми. Например, предлагал пари, что отожмётся от пола восемьсот сорок раз. Незнакомцы охотно покупались на это, ведь ни один здравомыслящий человек не мог себе этого представить. Минут через сорок человек понимал, что неутомимый Сомов (прототипом этого героя повести и был Николай Самошонков) выполнит обещание, и шёл в магазин...».

Только не зря на кольце царя Соломона была выгравирована надпись «Всё проходит и это пройдёт». В октябре 1988 года М. С. Горбачёв назначил Бакатина министром внутренних дел СССР. И Вадим Викторович отбыл в Москву, а первым секретарём Кемеровского обкома КПСС избрали Александра Григорьевича Мельникова, который до этого успел поработать и первым секретарём Томского обкома партии, и заведующим отделом строительства ЦК КПСС. Как и В. В. Бакатин, он тоже был строителем по образованию, но, в отличие от предшественника, остался человеком интеллигентным, мягким, обходительным, с широким кругозором и обширными знаниями. К подчинённым относился с уважением. Свежие газеты читал сам. И наши ежеутренние и ежевечерние бдения закончились. Реформаторы в Центральном Комитете партии старались следовать в фарватере современного развития, внедрять новые подходы и методы работы, хотели знать мнение граждан, чтобы принимать нужные решения. И рассылали рекомендации в регионы. В связи с этим отдел пропаганды и агитации переименовали в идеологический. А в декабре 1988 года изменения коснулись и нашего сектора печати – теперь он стал называться сектором средств массовой информации и изучения общественного мнения.

Теперь у меня в подчинении оказалось три человека. Двое из них начали заниматься социологией. Для этого мы наладили тесную связь с социологическим подразделением Кемеровского госуниверситета, которое возглавляла Елена Алексеевна Морозова (сейчас – доктор экономических наук, профессор, научный руководитель КузбассЦИОМа и социологического центра КемГУ). Получали их исследования, сами организовывали телефонные, уличные опросы кузбассовцев. Писали записки руководству обкома.

Сил у нас, конечно, имелось маловато, но новое направление было интересным. Увлёкся им и Николай: на основании полученных результатов делал расчёты, составлял таблицы. Даже от газетных проблем начал отходить, за что я его критиковал... Но что поделать?! Его к себе тянула наука, и сам он тянулся к науке...

Когда в июле 1989 года в Кемеровской области началась забастовка шахтёров, в Кемерове проходил Всесоюзный семинар журналистов, пишущих на угольные темы.

В семинаре участвовало сотни полторы человек: представители Минуглепрома СССР, Союза журналистов из Москвы, редакций центральной прессы. Конечно же, и наши кузбасские соборы центральных газет, репортёры со всех угольных городов и посёлков области. Мы с Самошонковым по полной были задействованы в организации и проведении семинара.

Мероприятие должно было продлиться несколько дней. Открытие семинара прошло нормально. Но с утра на второй день сообщили, что накануне, 10 июля 1989 года, – кажется, это был понедельник – около 300 шахтёров Междуреченска отказались спускаться в шахту и предъявили администрации около двух десятков требований. Главные из них – по оплате труда, установлению единого выходного дня, обеспечению горняков мылом...

Министерских и центральную прессу с нашего «симпозиума» как ветром сдуло: все понеслись в Междуреченск. Большой зал заметно поредел. Мы с Николаем чувствовали себя как на иголках, но, надо же было как-то доводить словно специально под забастовку организованное мероприятие до конца. «Скомкали» программу заседания, кое-как завершили его. И... началась самая беспокойная при генсеке М. С. Горбачёве полоса нашей жизни.

Пока в Москве разбирались, что к чему, забастовка в считанные дни охватила все шахты Кемеровской области. Михаил Сергеевич срочно выступил на сессии Верховного Совета СССР, назвал требования шахтёров Кузбасса справедливыми, заявил, что ЦК партии и правительство страны «могут дать твёрдые гарантии удовлетворения требований шахтёров Кузбасса». Министр угольной промышленности Михаил Щадов направил телеграммы на шахты Кузбасса, тоже обещая немедленно выполнить требования шахтёров. Однако, это вызвало лишь дополнительный взрыв недовольства и волну новых забастовок угольщиков уже по всей стране.

Наш сектор, как и вся область, ежевечерне смотрел по областному телевидению острые репортажи Александра Колпакова. Мы с Николаем до хрипоты судили и рядили, что же будет дальше. Помню, как стояли на крыльце обкома и ждали, когда многоголовая колонна чумазных кемеровских горняков в рабочих спецовках дойдёт из Рудничного района до площади Советов. Выражения лиц всех ожидающих, включая сотрудников милиции, были тревожными. Но как только на площади показались первые нестройные тёмные ряды бастующих, многие из нас заулыбались. Впереди колонны с гордо поднятым над головой красным знаменем шёл первый секретарь Кемеровского горкома партии Владимир Иванович Овденко. Его парадный костюм с галстуком резко контрастировал с шахтёрскими одеждами. Позже Николай немало острил по этому поводу...

Несколько жарких летних дней мы внимательно слушали сменяющих друг друга многочисленных ораторов – шахтёрских лидеров, московских и местных

чиновников, включая и начальника Кемеровской железной дороги Амана Тулеева (он ещё недавно возглавлял отдел транспорта обкома КПСС и его кабинет на четвёртом этаже обкома находился аккурат под нашим идеологическим отделом. Кто же тогда мог знать, что через каких-то восемь лет он станет губернатором Кемеровского региона), – а потом шли к себе в кабинет на пятом этаже и спорили, спорили...

После шахтёрских забастовок будто «прорвало» зарубежную прессу. В Кузбасс устремились съёмочные группы и репортёры всех мастей из Японии, Германии, Канады, США и других государств. Думаю, раньше такого интереса к жизни отдельного региона Советского Союза не было. Им всем хотелось знать, как живут шахтёры, в каких условиях работают, чем питаются, как отдыхают, как лечатся и так далее, и тому подобное.

Сопровождать иностранных журналистов в поездках по Кузбассу поручали нашему сектору. Ездил с ними и я, но чаще это удовольствие выпадало Николаю. Помню, как он хохотал, рассказывая в лицах о растерянности каких-нибудь японцев из-за того, например, что в центральной гостинице Прокопьевска вода в кранах выше второго этажа не выдавливают, и, чтобы помыться или воспользоваться туалетом, им приходилось бегать на нижние этажи...

Николай в этот короткий период, когда события сменялись со скоростью ярких картинок крутящегося калейдоскопа, всё чаще говорил, что хочет попробовать свои силы в политической науке. Собирал вырезки из газет (у нас газетами – и федеральными, и нашей области – были забиты все стеллажи, а каждый день поступали новые газетные вороха), делал выписки. Сама жизнь подбрасывала ему материал для размышлений и анализа.

Ещё одно событие произошло после забастовок. В обкоме – по настоянию Москвы – решено было внедрить новшество: создать пресс-центр областного комитета КПСС, чтобы оперативно информировать СМИ, а через них и население области, о своей работе, о принятых для жителей важных решениях.

Сейчас среди пресс-центров журналисту не протолкнуться: любое маломальское предприятие или организация имеют свои пресс-службы или хотя бы специалиста по связям с прессой, общественностью или под каким-то другим названием (PR-менеджер, пиарщик и так далее), но суть у всех одна. С колокольни сегодняшнего дня кажется, что без PR-служб никогда не обходилось. На самом деле, жили и без них.

Не раз приходилось слышать версии о том, кто и где в Кузбассе создал первый пресс-центр. Спорить не буду, но мне думается, первым был Кемеровский обком КПСС. Пресс-центр здесь организовали 1 апреля 1990 года. Меня назначили руководить им. С этого времени в моей жизни началась некая череда пресс-центров.

Первые заметки обкомовского пресс-центра для газеты «Кузбасс», областного радио и телевидения мы с Николаем сочиняли вместе. Потренировали наши газетные навыки. Иногда текст очередного пресс-релиза нам надиктовывал первый

секретарь обкома. Мы писали о задачах «перестройки» и обновления партии. Однако, как известно, это уже ничего не могло изменить. Экономика страны работала всё хуже, денег у людей становилось всё меньше, дефицит возникал буквально на всё. Обстановка накалялась.

Вскоре в пресс-центре обкома появились новые лица: небезызвестный Евгений Красносельский (перешёл в обком с должности главного редактора областной молодёжной газеты «Комсомолец Кузбасса») и Александр Даньшин (в ту пору увлекался тележурналистикой. Сейчас преподаёт историю юриспруденции в КемГУ). Втроём – Евгений, Александр и я – начали делать еженедельную информационную программу «10 + 20» на телеканале Кемеровской студии телевидения.

А Николай полностью ушёл в проблемы социологии. Вскоре наши с ним пути совсем разошлись: тяга к науке перевесила, – в 1990 году он поступил в аспирантуру на кафедру политологии Академии общественных наук при ЦК КПСС (ныне – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации). И Самошонков уехал учиться в Москву.

Многие чиновники – и я не исключение – хоть однажды бывали по разным поводам в этой Академии, что на проспекте Вернадского, 84 (станция метро «Юго-Западная»). Две огромные башни жилых высоток этого учебного заведения ещё не так давно были видны практически с любой точки юго-запада столицы. У подножия высоток расположился четырёхэтажный «сэндвич» учебных корпусов. Вся огромная территория Академии обнесена металлическим забором – не перелезть. Условия для учёбы и отдыха слушателей просто отличные. Здесь в своё время подтягивали уровень знаний партийных и советских работников, а сегодня получить здесь высшее образование может любой желающий.

Николай перебрался в Академию вместе с женой Любой. А сыновей Кирилла и Василия они перевезли на это время к бабушке с дедушкой в Ворсму – небольшой древний городок в Нижегородской области. Дети приезжали к родителям в Москву на каникулы.

Для проживания Самошонковым в общежитии Академии выделили двухместную комнату со всеми удобствами. В Академии всё было солидно. По коридорам главного учебного заведения ЦК КПСС в 1990-е годы мужчины, как правило, ходили в костюмах и при галстуках. В корпусах присутствовал лоск «советского шика». Прекрасная столовая за небольшие деньги могла удовлетворить практически любой гастрономический вкус.

Однажды я побывал в командировке в Академии: участвовал в каком-то семинаре. Коля часа полтора водил меня по коридорам и лестничным маршам, катал в многочисленных лифтах – знакомил с сотней, не меньше, учебных помещений, кучей разных кафедр, большим и малым актовыми залами, библиотекой...

Повторюсь, учиться Николай любил. Легко справлялся с рефератами и другими заданиями, успешно сдавал экзамены. Помнится, шутил: «Сначала я прилежно работаю на зачётку, а потом она начинает работать на меня». Выбрал тему будущей диссертации и трудился над ней. Кроме того, успевал ещё подрабатывать, в

свободное время ходил в спортзал. Общительный, он обзавёлся десятками новых знакомств. Поскольку здесь учились люди со всей страны, у него появились друзья из Москвы и из многих регионов. Общественная жизнь в Академии была ключом, проводились различные интересные мероприятия. Здесь часто выступали известные спикеры – ведущие политики, партийные деятели, члены правительства. Многие закрытые ранее темы теперь звучали в аудиториях открыто и остро.

Николай старался не пропускать лекции таких спикеров, а после активно обсуждал с сокурсниками услышанное. Поговорить было о чём... Но всё же на первом месте у аспирантов оставался учебный процесс. Николай готовился к защите на соискание степени кандидата наук, опубликовал автореферат. И в сентябре 1993 успешно защитил диссертацию «Средства массовой информации как фактор воздействия на политический процесс». Высшая аттестационная комиссия приняла решение о присвоении Николаю Васильевичу Самошонкову учёного звания кандидата политических наук.

Словом, вышло так, что приехал Николай в Москву аспирантом при М. С. Горбачёве, а уехал назад в Кузбасс кандидатом наук при Б. Н. Ельцине. (Помните же: в 1985-м начались «перестройка», «ускорение», «гласность», а уже в декабре 1991-го не стало Советского Союза?!). Но Николай не унывал, поступил на работу в Кемеровский государственный университет, где начал преподавать журналистику.

У меня в жизни за этот период тоже произошло немало перемен. Известно, что первый президент России Б. Н. Ельцин объявил курс на демократию и поэтому в ноябре 1991 года запретил компартию. Мы с несколькими коллегами по обкому не стали дожидаться этих «демократических» перемен и ещё летом 91-го создали первую областную негосударственную телерадиокомпанию с названием «Агентство информации Кузбасса».

Её директором стал бывший заместитель управляющего делами обкома партии Евгений Михайлович Баранов. Я был в АИКа главным редактором. С Евгением Красносельским, Александром Даньшиным и другими журналистами и операторами мы делали телепередачи, выходили в эфир на весь Кузбасс на так называемой «третьей кнопке».

Без ложной скромности отмечу, что наши программы зрители, уставшие от «официоза» государственного телевидения, смотрели с удовольствием, рейтинги передач АИКа были высокими.

С Николаем мы в этот период изредка общались по телефону. Приятно было слышать в трубке всегда бодрую скороговорку старого товарища. В АИКа я проработал около двух лет, а затем учредители АИКа разошлись во мнениях о дальнейшей судьбе компании. Поскольку я с ними не согласился, решил уйти.

Это случилось в октябре 1992-го. Я стал менеджером по полиграфии и малой рекламе во Внешнеэкономическом акционерном обществе «Кузбассимпэкс». Генеральным директором этого АО был известный в регионе руководитель – горняк Михаил Иванович Найдов, который до этого трудился председателем Кемеровского облисполкома. АО торговало углём, металлом, древесиной и другими ресурсами.

Нельзя не напомнить, что жизнь в России начала 1990-х и так была не мёд, но именно в 1992 году, когда президент Б. Н. Ельцин вместе с правительством премьера Е. Т. Гайдара начали реформы, большинство товаров и продуктов поначалу оказалось в дефиците. Цены в магазинах росли буквально каждый день. В отличие от семей менеджеров высшего звена АО, где я трудился, моя семья едва сводила концы с концами – зарплаты не хватало ни на что... Но безработица в регионе была такая большая, что приходилось терпеть и довольствоваться малым. Я с новыми коллегами пытался организовать какой-нибудь бизнес. Увы! Ничего не получалось от слова «совсем». Видно, предпринимательская жилка у меня напрочь отсутствует.

Об этом же мне говорил и Николай. Мы с ним однажды больше часа разговаривали по телефону о житье-бытье. Он снова перешёл на государственную службу: молодого кандидата наук взяли в областную администрацию, которую тогда возглавлял назначенец Б. Н. Ельцина, член руководства Совета рабочих (забастовочных) комитетов Кузбасса М. Б. Кислюк.

А весной 1994 года случилась такая напасть: М. И. Найдов принял решение сократить рекламную службу «Кузбассимпэкса». И я оказался без работы. Принялся искать новое место – ничего не получалось: там, где мог бы приложить своё профессиональное умение, свободных мест не было. В дворники идти не хотелось. А двоих детей надо кормить каждый день.

Месяца два промучился дома у телефона, обзванивая потенциальных работодателей. Совсем было опустил руки, стал чернее тучи, похудел, плохо спал и мало ел. И тут неожиданно позвонил Николай (он уже трудился заместителем начальника информационно-аналитического управления – начальником отдела по СМИ администрации области). В «Сибиряках на Варварке» я описал всё это достаточно подробно. Поэтому процитирую:

«Привет! – раздался в трубке знакомый голос. – Тут есть для тебя хорошее предложение, – привычной скороговоркой начал Николай без лишних расспросов. – Ты же знаешь, какой месяц на дворе?

– Ну, апрель 94-го, – даже не поздоровавшись с Сомовым, угрюмо ответил...

– Ха-ха-ха! – не обращая внимания на тон, рассмеялся Николай. – Забыл? Только что прошли новые выборы в новое областное Заксобрание?

– Да не хожу я на эти ваши выборы. Дальше что?

– А то! В Собрание прошли не те, кого наша администрация намечала. Слышь, за оппозицию народ проголосовал...

– Слава Богу, прозревают люди...

– А председателем они, знаешь, кого выбрали, – не обращая внимания на мой голос, бодро докладывал Николай. – Помнишь, кто в последние годы облизполком возглавлял?

– Неужели?! Его же сам президент страны задвинул...

– Так то – президент, а то – избиратели! Ха-ха-ха, – радостно смеялся Сомов. – Оглушительная победа! Без вариантов, понимаешь... Сам победил и целую команду депутатов за собой притащил. Мне он, кстати, тоже нравится...».

Речь, конечно же, шла про Амана Тулеева и его команду кандидатов в депутаты, с которой он одержал феноменальную победу на выборах первого созыва регионального парламента нового образца – Законодательного Собрания Кемеровской области.

А. Г. Тулеева я хорошо запомнил по работе в обкоме партии, где он был заведомом транспорта и связи. Когда он трудился начальником Кемеровской железной дороги, тоже встречались. Высокий, стройный, молодой красавчик-брюнет, он не мог не нравиться. С людьми общался доходчиво, говорил убедительно, простым «сочным» языком. Носа, казалось, не задирал, умел вникать в проблемы человека и, если уж обещал кому-то помочь, слово держал. Открыто критиковал заскорузлость партийной верхушки, предлагая, как надо бы вести дело.

В начале 1990-х его избрали в облсовет народных депутатов, где он сразу же стал председателем. Потом он одновременно с этой должностью был и председателем исполнительного комитета областного Совета депутатов.

В апреле 1991 года Тулеев выдвинул свою кандидатуру на первых выборах президента России. Набрал семь процентов голосов избирателей, занял четвертое место (после Б. Ельцина, Н. Рыжкова и В. Жириновского, обогнал кандидатов В. Бакатина и А. Макашова).

В августе 1991 года Тулеев поддержал ГКЧП, за что и был отправлен Ельциным в отставку. Тогда же вместо облизполкомов в стране создали областные администрации во главе с губернаторами.

Тулеев на время исчез из политической тусовки. А, может, я просто не следил за его движениями? И за выборами в новый парламент области не следил, стал было аполитичным. Оказывается, в регионе избрали новую законодательную власть во главе с Тулеевым!

Снова возвращаюсь к документальным абзацам повести:

«Им руководитель пресс-службы срочно нужен! – прокричал в трубку Колька. – Я тебя нахвалил! Да кроме тебя и некому... Они уж кого только из журналистов не приглашали! – Сомов перевёл дыхание. – Побаивается народ с ними связываться. А ты, знаю, сможешь... Так что приходи завтра в обед к ихнему замку. Её Ниной Владимировной зовут. Симпатичная! Сидит на третьем этаже в бывшем облсовете. Не заблудишься. Пропуск я тебе заказал, – и он повесил трубку.

...Действительно, приняли на работу сразу. Высокая, стройная Нина Владимировна (зампред Заксобрания) вышла из-за стола, протянула для рукопожатия узкую ладонь.

– Садитесь, – пригласила и сразу перешла к делу. – Мы вас помним по партийной работе. Предлагаем возглавить пресс-центр... или пресс-службу... Да вы лучше моего знаете, как это точно называется. И ещё. Председателю нужен пресс-секретарь. Будете и эти обязанности выполнять. Не возражаете?»

Я приступил к работе в тот же день. Приказали отсидеть на совещании, которое вёл Тулеев, а потом сделать информацию для прессы. Выслушал монолог председателя, сделал пометки в блокноте. Обратил внимание, что тот на вид стал солиднее, голос – ещё твёрже, формулировки – жёстче; раза два в ходе совещания он сердито стучал ребром ладони по столу, жестко одёргивал тех, кто не соглашался с его предложениями...

После совещания Тулеев попросил меня задержаться.

– Рад, что будем работать вместе, – произнёс он искренне. – Но работы много... Не боишься?

И, не дожидаясь ответа, прямо предупредил:

– Я в оппозиции к этой власти. Они меня не жалуют, я ведь правду говорю про кровь российского парламента, про распад Союза, развал экономики, про нищету народа. По-другому не могу! Не могу самому себе и людям врать! Поэтому они нас – мою команду – будут «прессовать», депутатам Собрания наобещают золотые горы. Может, и на тебя давить будут... Ты как?

– Да я... – привстал я.

– Верю, сиди. Знаю, школа у тебя хорошая. Но в информации по мне, без обид, акценты должны быть чёткие. Бери бумагу, записывай...

Так с подачи Самошонкова началась у меня новая жизнь и нелёгкая работа. Почти каждую неделю я ездил с председателем по городам и весям нашего региона. Ветераны, начинающие бизнесмены, руководители разных мастей и уровней встречали Тулеева с радостью, замирали, слушая его зажигательные речи о том, какой должна быть настоящая жизнь у тех, кто добросовестно работает...

Я готовил его интервью, проводил брифинги и пресс-конференции, писал ответы на бесконечные вопросы журналистов, строил информацию для редакций, статьи для газет. А когда Законодательное Собрание приобрело видеокамеру, начал сам снимать репортажи для информационной телепрограммы «Пульс» ГТРК «Кузбасс»

(сейчас это «Вести-Кузбасс»), телередакцию информации тогда возглавлял главный редактор Павел Коваленко.

Насидевшись без дела, я «пахал» с удовольствием, дополнительный адреналин получал ещё и от того, что практически в каждом городе или районном центре, куда бросал этот рабочий вихрь, встречал знакомых местных редакторов, журналистов, с которыми сошёлся ещё за годы труда в секторе печати. Многие из них тоже симпатизировали Тулееву, и это облегчало публикацию наших статей и заметок в местных СМИ.

А когда у меня поднакопился видеоархив, Самошонков посоветовал делать на телеканале ГТРК «Кузбасс» информационную программу о работе областного парламента. Поехал я с этим предложением на Телецентр – прямо в кабинет к председателю ГТРК «Кузбасс» Геннадию Михайловичу Митякину (с ним я тоже давно был знаком), и тот на удивление быстро согласился дать для областных депутатов полчаса эфирного времени в неделю, резюмировал: «У нас же в новой Конституции принцип разделения властей есть или как? Посему для депутатов время в эфире выделим».

Передачу я назвал «Форум». И начал вкладывать в неё весь свой профессиональный опыт – сам снимал на камеру, сам расписывал сценарий, сам был ведущим. А монтировали «Форум» мы вместе с главным режиссёром областного телевидения Валентиной Фёдоровной Кротенко. Одному делать еженедельную «получасовку» непросто, но интересно. Безусловно, основными в ней были новости от председателя Законодательного Собрания. Аман Гумирович часто сам подробно рассказывал зрителям, какие очередные решения приняла депутатская власть для земляков.

В каждом выпуске «Форума» приходилось тщательно продумывать сюжеты. Так как прикрыть передачу могли в любой момент, придравшись к какой-нибудь мелочи. Ведь в администрации региона за деятельностью Тулеева и его команды следили ревниво и тщательно. Как говорили, о любом его шаге «влево» или «вправо» сразу же докладывали в Москву, на самый верх, надеясь, что, если однажды президент уже отправлял его в отставку, почему бы не сделать это ещё раз.

За два года моей работы в Заксобрании первого созыва в эфир вышло не меньше сотни «Форумов». К сожалению, большинство видеовыпусков программы не сохранилось, но те, что удалось сберечь, я передал в муниципальный архив города Кемерово. Может быть, когда-нибудь они будут востребованы...

В этот период мы с Николаем регулярно встречались, сидели за «рюмкой чая», обменивались мнениями. Всякий раз отмечали, что развал экономики в Кузбассе продолжается, что шахтёры помогли этой власти встать у руля, а после началось такое реформирование угольной отрасли, что в результате многие шахты объявили неперспективными и закрывают под диктовку Международного валютного фонда, который и выделяет на это деньги.

И вот кузбасский чудо-уголь лучших в мире марок провозглашают банкротом...

– И шахты закрывают, и деньги тырят, – негодовал обычно смешливый Николай. – Противно! Надо в губернаторы такого, как Аман...

Самошонков нашёл для себя отдушину – наряду с основной работой в областном управлении продолжал преподавать на кафедре журналистики Кемеровского государственного университета. У него со студентами установились нормальные отношения: судя по откликам его бывших учеников, студенты Николая Васильевича уважали, над его остротами смеялись.

Он вместе с завкафедрой, моим бывшим однокашником Анатолием Владимировичем Клишиным, и меня привлёк к преподаванию на этой же кафедре. Два семестра я вёл там занятия по проблематике организации работы пресс-служб.

Вскорегодились московские контакты Самошонкова. Новая власть формировалась не только в регионах. Вместо расстрелянного танками осенью 1993 года парламента страны в Москве создали Федеральное Собрание Российской Федерации. Две его палаты: верхнюю – Совет Федерации и нижнюю – Государственная Дума – выбрали в один из декабрьских дней 1993-го. Тулеев тоже участвовал в выборах в верхнюю палату российского парламента от региона и ожидаемо выиграл. Так что он был одновременно и председателем Законодательного Собрания области, и членом федерального парламента от своего региона – российским сенатором.

Совет Федерации первого созыва был необычным. Сенаторы три дня подряд заседали, потом следовал двухнедельный перерыв, и снова три дня – на принятие федеральных законов.

А каким «пёстрым» был состав! И простые рабочие, и юристы, общественные лидеры и новые губернаторы. А сколько в СФ было руководителей национальных республик, враз объявивших себя президентами! На лицах тех сенаторов не было чванливости. Они на заседаниях, бывало, открыто спорили. Смело и задиристо преодолевали «вето», которое накладывал президент страны на законы, которые ему не нравились...

Всё это я узнал после того, как начал делать свой «Форум». Однажды Тулеев приказал мне:

– Будешь ездить со мной на заседания Совета Федерации. Снимать мою работу в Москве, брать интервью у известных политиков. Вопросы им задавай самые разные. И обязательно спрашивай у них, как они относятся к нашему региону и лично ко мне... Согласен?

Кто же от такого откажется?! Каждые две недели мы вместе стали летать в столицу. На улице Большая Дмитровка я познакомился с пресс-центром Совета Федерации. Своей любительской видеокамерой наловчился снимать зал заседаний с балкона для прессы. Аман Гумирович отсюда выглядел, как все сенаторы. Зато обыватели потом в телепередаче видели, как народный любимец был на «ты» с известными в стране людьми.

А в перерывах заседаний бесчисленные журналисты налегали на разных знаменитостей, задавали им всякие вопросы. Тут и я пристраивался рядом, записывал умные комментарии членов и гостей парламента, которые становились затем украшением «Форума».

За короткое время умудрился взять интервью у председателя Совета Федерации Владимира Шумейко, председателя Конституционного суда России Валерия Зорькина, его коллеги – председателя Верховного суда Вячеслава Лебедева, знатных губернаторов – орловского Егора Строева, белгородского Евгения Савченко, свердловского Эдуарда Росселя, президента Татарстана Минтимера Шаймиева и десятков других. И всегда каждому задавал один и тот же вопрос... Ответы в большинстве были благожелательные.

Но вскоре от председателя Заксобрания поступила новая команда:

– Мне надо, чтобы ты вышел на федеральную прессу. Ищи связи! Пусть берут у меня интервью по любым вопросам...

Задача непростая. На просьбу помочь с контактами знакомых федеральных журналистов Николай почесал затылок, достал из кармана потрёпанный блокнотик, задумчиво полистал.

– Вот оно! – и он назвал имя заведомо еженедельника «Собеседник» Ольги Белан.

– В Академии вместе учились. Я ей звонок сделаю. Попрошу...

У еженедельной общественно-политической газеты «Собеседник» популярность была сумасшедшая: в киосках «Союзпечати» за свежим номером выстраивались очереди. Она выходила не только в РФ, но и за пределами России (в Риге, Минске, Ереване, Тель-Авиве).

Словом, созвонились, договорились, что она возьмёт интервью у Тулеева, когда он в очередной раз будет в Москве. Мой шеф, узнав, что известное издание готово напечатать его интервью, крепко пожал мне руку.

...Материал вышел в газете ровно через две недели после общения Тулеева с корреспондентом. Во всю первую полосу номера красовался цветной портрет Амана Гумировича, а на пятой странице напечатали его объёмное интервью под заголовком «Я мог бы сделать больше». Вот строки из той публикации:

«Я считаю, что добывающие отрасли, военно-промышленный комплекс, село, энергетика – в обязательном порядке должны быть в руках правительства. Это – государственная собственность. Остальное – даже при желании не заберёшь, дай Бог с этим управиться, потому что речь идёт о восстановлении разрушенного народного хозяйства. Причём сейчас это будет намного тяжелее, чем было после Великой Отечественной войны. Тогда дух был – народа-победителя, а сейчас дух упаднический, никто ни во что не верит...». (Белан, О. Аман Тулеев: «Я мог бы сделать больше.» Собеседник. 1994. – № 27, июль).

Бывала у московских командировок и неофициальная часть. Однажды летним вечером 1994 года во время одной из парламентских поездок Тулеев скоординировал мне одеться поприличнее и взять с собой всю технику: едем на некое мероприятие. Оказалось, что он (выходит, вместе со мной!) приглашён на 50-летие лидера КПРФ Геннадия Зюганова. Отмечали юбилей в неприметном, но большом и уютном ресторане. Тулеев, сориентировавшись среди многочисленных гостей, шепнул мне, что снимать, оказывается, никого не надо: «Просто ешь, пей...».

Изящно сервированные столы растянулись длинными рядами. Аман Гумирович сидел за одним столом с именинником, а мне выпало место рядом с художником-

графиком и портретистом, народным художником СССР Александром Шиловым. Перед каждым гостем лежали красивые белые листки, на которых золотым тиснением напечатали длинный перечень блюд.

Сумку с аппаратурой я поставил под ноги и взялся за нож и вилку. А когда мы с Александром Максовичем немного насытились и начали обмениваться мнениями по поводу юбиляра, выяснилось, что мой сосед остроумный и интересный собеседник. И вот во мне начали бороться два желания: хотелось и незаметно взять на память лист с меню юбилейного обеда, и записать интервью с Шиловым (когда ещё такая возможность выпадет?!). Увы, ничего не вышло. Лощёный официант из-под самого моего носа увёл полиграфический шедевр с неподражаемым гастрономическим списком. Потом объявили перерыв, и я был готов всё-таки включить видеокамеру ради короткой беседы с известным художником, но он торопливо откланялся, сославшись на занятость, и ушёл...

Газеты – серьёзные СМИ, – размышляли мы с Николаем, который, казалось, полностью переключился на Заксобрание. – Но телек-то смотрят миллионы! Телек для «раскрутки» политиков намного эффективнее.

В Совете Федерации столько журналистов с разных телеканалов по коридорам слоняются, ждут перерыва: вдруг в перерыве заседания кто-нибудь из сенаторов выдаст сенсацию. Тут они, как мухи на мёд, облепят его и давай вопросы подкидывать. А если тележурналистов «настроить» на нужного человека? Как бы между прочим сообщить им: сегодня Тулеев хочет важное заявление сделать...

– Посмотришь, в перерыве они побегут к Аману... – не сомневался Колька. – А его предупреди...

В Совфеде Тулеев числился в Комитете по делам Севера и малочисленных народов. С этой темой в прессе не особо разбежишься. «Я подумаю, о чём сказать, – согласился наш спикер. – Главное, пусть пресса подходит».

И вот показавшегося из зала заседаний Амана Тулеева тут же окружили журналисты, протягивая к нему диктофоны, микрофоны, микрофонные «удочки», нацелили объективы телекамер. Он держался бодро, уверенно.

– Да, – отвечая на первый вопрос, тряхнул гривой густых волос. – Мы начали рассматривать проект нового Уголовного кодекса России, – я тоже веду запись на видеокамеру и вижу, как выражение его лица изменилось, появилась озабоченность и даже ярость политика, не перестающего думать об интересах людей, а он продолжает. – А теперь я хочу спросить всех вас: мы для чего этот важнейший документ хотим принимать: для защиты страны от преступности или в интересах этих самых преступников, запугавших уже всех и вся? Этот же вопрос, если бы мог, я хотел бы задать и нашему президенту. Считаю, что принимать Кодекс в этом виде нельзя! – и Тулеев начал убедительно доказывать свою точку зрения...

Вечером в номере гостиницы «Россия», где во время заседаний Совета Федерации проживали сенаторы и их помощники (сейчас на месте этой исчезнувшей гостиницы обустроен культурно-просветительский центр «Зарядье»), мы с Тулеевым, щёлкая пультом телевизора, пересмотрели все вечерние выпуски

новостей. Его показали почти по всем каналам. Конечно, каждый выдал сюжет по-своему. В парламентском репортаже на первом федеральном он лишь мелькнул в кадре, при этом репортёр отметил, что мнения сенаторов на законопроект разошлись. Зато так называемое «Независимое телевидение», которое народ образно прозвал «Некрофил-ТВ» за бесконечные передачи об убийствах, криминальных разборках «братков», за бандитские сериалы, дал большой «кусок» интервью Тулеева, подробно изложив его точку зрения.

В регионе авторитет Тулеева среди народа был высоким. Рос его рейтинг и на федеральном уровне. Безусловно, это нравилось не всем. Но мне нравилось. Об этом мы и говорили при встречах с Николаем. Он выдал мне ещё несколько своих проверенных контактов из центральных газет и информационных агентств. Так, удалось тесно сработаться с редакцией федеральной газеты «Труд», агентством «Интерфакс», которые не упускали случая процитировать Тулеева.

В Парламенте РФ журналисты сами тянулись к Аману, зная, что не откажет, смело и оригинально ответит на любой острый вопрос. Тут завязалась и наша многолетняя дружба с Натальей Бехтиной с «Радио России», наладились устойчивые связи с газетой «Советская Россия», другими московскими СМИ.

В 1996 году А. Г. Тулеев снова решил участвовать в выборах президента России, собрав в свою поддержку свыше 1,2 миллиона подписей избирателей. Вместе с ним ЦИК зарегистрировал ещё 10 кандидатов на этот пост. Понятно, что основными соперниками являлись действующий президент Борис Ельцин и лидер КПРФ Геннадий Зюганов. Тулеев тогда соотносил себя с левыми силами, связанными с КПРФ. Ожидалось, что в конце кампании Тулеев снимет свою кандидатуру в пользу Зюганова, но, в случае снятия с выборов Зюганова, от КПРФ на выборы до конца шёл бы именно Тулеев.

В эти дни в нашей пресс-службе было жарко. Председатель Кемеровского ЗС с небольшой командой сновал по стране, встречаясь с избирателями. В это же время – в соответствии с «Законом о выборах президента Российской Федерации», предвыборные аудио- и видеоролики нашего кандидата должны были публиковать на государственных теле- и радиоканалах во всех регионах России, а это – от Калининграда до Владивостока – более 80 субъектов РФ.

Сделать сами ролики было делом несложным: я записал и смонтировал эмоциональное, напористое выступление Тулеева с конкретными предложениями о том, как обустроить Россию. Но как доставить ролики в конкретные региональные телерадиокомпании? В каждой из них утверждён свой временной график теле- и радиовыступления каждого кандидата.

Николай где-то в недрах Кемеровской телестудии выпросил для меня телефонный справочник всех телерадиокомпаний, входящих в ВГТРК «Россия». Мы расчертили на квадраты – по числу регионов – листы ватмана и начали обзванивать ГТРК республик, краёв и областей, заполняя эти квадраты точными датами и временем выхода в эфир нашего кандидата. Учитывая часовые пояса страны, это непростая задача. Доставлять туда вовремя плёнки с записями А. Г. Тулеева взялся боевой

ветеран газеты «Кузбасс» Максим Гаврилович Щербаков со своими помощниками. И с задачами мы справились! По мнению известного российского политолога и политтехнолога Глеба Павловского, «Тулеев на тех выборах стал более опасным противником для Ельцина благодаря имиджу рабочего вожака и демократического лидера горняков».

Поэтому Кремль решил: с этим надо что-то делать. Начали оказывать на Тулеева давление. И вот накануне выборов Аман Гумирович снял свою кандидатуру, формально призвав своих избирателей голосовать за Зюганова.

Это было знойным летом 1996-го. Областные депутаты поуходили в отпуска, но аппарат Законодательного собрания продолжал работать. Мы с Николаем, бывало, «расслаблялись» при встрече, закрывшись у меня в кабинете. Рассуждали и предполагали, что будет дальше. Самошонков всё чаще намекал, что собирается уволиться из администрации и уехать в Москву...

– А что, – прогнозировал Коля, – обратится Аман напрямую к избирателям, порвёт на себе рубаху, призовет: голосуйте, дескать, за «левых»! При его рейтинге – вот тебе недостающие Зюганову проценты.

– Но он из игры уже вышел, – возражал я. – Кто его теперь к телеку подпустит?!

– В политике так просто из игры выйти невозможно. Например, его может вместо себя в эфир вывести кандидат...

Да, всё было непросто. В эти дни в Кемеровском аэропорту негласно совершил временную остановку самолёт с премьер-министром правительства России В. С. Черномырдиным. Виктор Степанович вызвал в депутатский зал аэропорта председателя Заксобрания Кузбасса А. Г. Тулеева и предложил ему стать министром, возглавив Министерство Российской Федерации по делам Содружества Независимых Государств. Разговор между ними проходил в закрытом режиме. Аман Гумирович предложение принял. По телевизору об этом сразу же объявили на всю страну. «Им» важно было сказать это до второго тура...

В своих мемуарах А. Г. Тулеев пишет:

«Я и Москву-то всегда терпеть не мог. А куда ты денешься? Напомнил (Черномырдину), что у меня отношения с президентом не самые тёплые. Но, если утвердит, соглашусь. Сказал тогда Черномырдин, что это не мои проблемы, и он всё решит. И вот так я и стал министром иностранных дел СНГ».

Президентские выборы прошли в два тура. Второй тур состоялся 3 июля 1996 года. Б. Н. Ельцин одержал победу, получив 40,2 миллиона голосов (53,82 процента); Г. А. Зюганов набрал 30,1 миллионов голосов (40,31 процента).

Я нашёл текст последнего пресс-релиза, который диктовал мне А. Г. Тулеев, покидая кресло спикера Законодательного Собрания Кемеровской области первого созыва: «Несмотря на отчаянное противодействие, бесконечные «палки в колёса» депутатам, срывы сессий со стороны администрации региона и лично действующего губернатора, Законодательное Собрание первого созыва рассмотрело 197 вопросов. Они касались трудовой занятости жителей, их социальной защиты, охраны здоровья, финансовых, бюджетных и хозяйственных проблем региона...

Однако из 60 законов, принятых депутатами, губернатор подписал только одну треть. Он фактически распустил областной парламент и всячески препятствует организации новых выборов... В этих условиях Тулеев решил принять предложение Кремля и войти в правительство страны в качестве министра по делам Союза Независимых Государств или СНГ. «Многие из вас хорошо помнят нашу дружную общую жизнь в СССР, – подчеркнул А. Г. Тулеев. – Я постараюсь на новом уровне делать всё, чтобы из той жизни можно было взять в сегодняшнюю, безрадостную для большинства населения, жизнь всё самое лучшее. Чтобы восстановить былое доверие и дружбу между нашими народами. Чтобы защитить интересы российских соотечественников, волею судьбы оказавшихся за рубежом».

Следующие мои дни пролетели в какой-то нескончаемой суете, бесконечных комментариях по телефону для СМИ о принятом Тулеевым решении. Кто-то из журналистов выступал с резкой критикой, не выбирая выражений, кто-то – с ехидной иронией, мол, «перешёл от критики к сотрудничеству с президентом». «Кто знает? – написала одна из популярных газет. – Может быть, Тулеева ждёт блистательная административная карьера». И это, пожалуй, было самое сдержанное мнение.

А Тулеев назначил прощальные «посиделки». На турбазу Кемеровского высшего военного командного училища связи, скрытую в густой тени листвы берёзовой рощи на берегу небольшого уютного озера, он собрал десятка три тех, с кем тесно работал эти два года. Веселья за накрытым столом было немного. Поднимали тосты за успехи Тулеева на новой работе, за регион. В речах сквозили грустные ноты.

День, помнится, стоял солнечный, в помещении было душно, несмотря на раскрытые настежь окна. И Аман Гумирович решил выйти на воздух, поманил за собой меня. Мы прошли по тропинке в сторону воды, оказались на заросшем кустарником берегу. Однообразие пейзажа здесь нарушала одинокая огромная сосна, её широко раскинувшиеся крепкие узловатые корни с одной стороны скрывались под водой, с другой создали на земле причудливого осьминога. Мы присели на тугое сплетение корней, посматривая на спокойную гладь озера.

– Люблю гулять по лесу. Только редко удаётся, – сказал Тулеев. – У тебя какие планы на ближайшие месяцы? – спросил он.

– Да, какие там планы, – ответил я...

– А если я тебя в Москву позову, приедешь? Мне там свои люди нужны, своя пресс-служба

– Поеду! – отвечаю. – Конечно, поеду!

– Только я тебя позову не сразу. Не завтра. Мне надо осмотреться.

И тут я вспомнил про Кольку:

– А могу я с собой позвать товарища? Он не просто так, а пиарщик. Вдвоём легче будет!

Тулеев кивнул: «Можно. Под твою ответственность».

Потом у меня начался отпуск. А вскоре незаметно подкатила осень. Однажды в снулый осенний четверг в моём кабинете зазвучал междугородний звонок: «Это

Москва, приёмная министра, – сказал приятный женский голос. – Соединяю вас с министром...

– Привет, – послышался деловой голос Амана. – Извини, нет времени долго говорить. В общем, на следующей неделе жду в столице. Тебе приёмная сейчас телефон даст. Приедешь, сразу звони, встретимся. Давай!

Всего секунд десять...

Николая уговаривать не пришлось. Он уволился с должности заместителя начальника информационно-аналитического управления администрации области. И в один из осенних дней 1996-го мы полетели в Москву. Вместе с нами ехала и Надежда Степановна Крюкова, которую тоже позвали в Минсотрудничество. (Позднее она трудилась заместителем губернатора Кемеровской области). Возбуждение зашкаливало. Тем более, что генеральный директор АО «Кемеровское авиапредприятие» Иван Иванович Валов сделал нам царский подарок. Узнав, куда и зачем мы направляемся, он выделил нам из своего начальственного резерва бесплатные билеты.

Министерство по делам СНГ располагалось в большом красивом пятиэтажном доме на улице Варварка, 7, что недалеко от Китай-города. Постройка конца XIX века производила впечатление. Улица ещё недавно называлась именем Степана Разина, но теперь в Москве всё переименовывали, возвращали старые названия. Через улицу, напротив министерства и дальше по Варварке, находился короткий строй церквей, среди них небольшой православный Храм Святой Великомученицы Варвары. А за ним высилась громада знакомой уже, самой большой не только в нашей стране, но и в Европе, гостиницы «Россия», где мы часто «квартировались»,

приезжая на заседания Совета Федерации. Если шагать по Варварке вдоль фасада Торгового дома, галереи Гостиного двора, исторических торговых рядов, то через несколько минут упираешься в Красную площадь там, где стоит храм Василия Блаженного. Как говорится, куда уж в Москве ещё «центрее»?!

...Когда я впервые вошёл в кабинет министра по делам СНГ, помещение показалось прямо-таки необъятным. Тулеев сидел в дальнем углу за большим письменным столом и разбирал документы, перекладывая их из одной папки в другую. «Проходи, садись, – кивнул. – Я сейчас», – и снова уткнулся в бумаги.

Я пристроился на стуле за приставным столиком и с любопытством огляделся. Одна стена кабинета состояла из окон, выходящих на гостиницу «Россия». Почти всю другую стену занимала карта страны с выделенными на ней регионами. Стены отделаны панелями светлого дерева. В этом же стиле – длинный стол для совещаний. Над головой министра – портрет президента в деревянной рамке.

Аман Гумирович поднялся из-за стола, пожал руку.

– С приездом! Давай пересядем за стол совещаний. Не люблю министерское кресло! Я понял, ты не один... А ты за этого парня ручаешься? Ведь он работал против нас в областной администрации!

– Все бы так «против» работали, – возразил я и начал рассказывать, как помогал Самошонков.

– Ладно, под твою ответственность, – перебил Тулеев. – Я отделу кадров сказал, чтобы они тебе и твоему Николаю должности подобрали. Вот с жильём пока не знаю, чем помочь. Тут вам самим надо что-то придумать. Я готов позвонить, куда скажете, письмо рекомендательное написать.

– Да мы разберёмся, – заверил я.

– Дня вам хватит на обустройство? Мне надо, чтобы ты как можно скорее приступил к делу. От прессы отбоя нет. А я не хочу давать комментарии направо и налево кому попало. Мне надо знать, с кем можно иметь дело... Я тут пресс-секретаря из министерства выгнал! Два раза в месяц на работу ходил: в аванс и в получку! Я, говорит, доктор наук. А на хрен мне этот доктор, мне работа с прессой нужна! – раскипятился Аман Гумирович. – Поэтому, давай, приступай! Кстати, бери-ка ручку и бумагу, я тебе прямо сейчас информацию продиктую.

Я только и успел почесать за ухом... На следующий день это сообщение вышло небольшой заметкой в газете «Труд», куда вчера по старой дружбе мы с Николаем успели скинуть заметку. У Тулеева сразу поднялось настроение, когда увидел газету: «Вижу, можешь!», – похвалил министр. Так начались для нас с Самошонковым министерские будни...

Рабочие места нам выделили в кабинете здесь же на «министерском» этаже. В нём уже сидела наша землячка и коллега по бывшему теперь уже Законодательному Собранию Людмила Скрябина. Она была и рада, и, наверное, не рада нашей шумной компании. Ещё одна встреча в министерстве воодушевила нас: по приглашению А. Г. Тулеева здесь трудился начальником управления стратегии Министерства бывший первый секретарь Кемеровского обкома КПСС, бывший секретарь ЦК КПРФ Александр Григорьевич Мельников. Человек светлого ума и

большого опыта, немало его аналитических записок с конкретными предложениями были подготовлены для министра.

Тулеев вызывал меня к себе в кабинет и утром, и днём, и вечером. Я сидел на многочисленных совещаниях, едва успевая строчить пресс-релизы. Мы с Самошонковым составили справочник газет, телеканалов и радио, где новый министр с его непривычными для официальной Москвы «открытыми» методами работы пользовался большим спросом. Николай рассылал по факсу релизы на специальном бланке нашего министерства, на котором мы указали для обратной связи номера телефонов и адрес электронной почты пресс-службы. Список СМИ, желающих получать информацию из министерства, рос с каждым днём...

Очередной абзац для этого очерка возьму из «Сибирияков на Варварке»:

«На работе всё шло нормально, а вот холостяцкий быт был неустроен. Особенно трудно дались первые московские дни. Снимать жильё в столице оказалось накладно. Николай предложил первое время пожить в знакомой ему по аспирантуре гостинице Академии госслужбы, на юго-западе города. «У меня там куча знакомых, денег за ночлег не потребуют», – заверил он. Туда и отправились со своими чемоданами. Но за последнее время порядки здесь сильно изменились по сравнению с безалаберными советскими временами.

С трудом удавалось вечером после работы проходить в гостиницу через тройной кордон бдительной охраны. Знакомые Николая каждый день меняли им гостиничные номера, «шифровали», как они выражались. И друзьям приходилось то и дело перетаскивать с места на место так и нераспакованные чемоданы. «Какой тут отдых... Думай, Николай, как нам свой быт обустроить. Ты Москву лучше знаешь».

Так прошли первые две недели. С такими ночёвками мы, конечно, измучились. В первые вечера Николай ходил на вечеринки, которые проходили в гостинице Академии с завидной регулярностью, встречался со старыми друзьями. А я пораньше укладывался спать, ведь завтра ждал новый напряжённый рабочий день. Скоро и Коля подустал от кочевой жизни, смешливости у него поубавилось.

Надо было решать жилищный вопрос. И у Самошонкова родилась идея: «В Москве есть Институт инженеров железнодорожного транспорта, – соображал он, когда мы в обеденное время прогуливались по одной из улочек у Старой площади. – В общежитии вуза должны быть пустые комнаты – ректорский фонд – для гостей или для преподавателей. А наш Тулеев был начальником железной дороги. Вот что нам нужно! Мы в администрации такие вопросы решали по спецсвязи. АТС «номер один» или по-народному «вертушка», с её помощью любого начальника найти можно...».

Николай знал, что говорил.

Утром в министерской приёмной мы нашли справочник абонентов «АТС № 1». В нём фамилия ректора МИИЖТа Владимира Григорьевича Иноземцева сыскалась быстро. Я сам решил провести с ним переговоры. По «вертушке» ректор разговаривал приветливо, сказал, что лично с Тулеевым не знаком, но много о нём слышал, и согласился после обеда встретиться с помощником министра для

решения жизненно важного вопроса. Потом мы долго сочиняли ходатайство ректору от имени министра, подбирали такие слова, чтобы «бумага», как выразился Николай, «сработала». Уж больно надоело каждый вечер пробираться на ночлег на «границы фолы». Пора уже и чемоданы распаковать.

Напечатали текст на министерском бланке, поставили фамилию Тулеева, который обещал содействие.

– Не слишком слезливо получилось? – спросил Аман Гумирович, прочитав послание ректору. – Хотя, москвичей на испуг не возьмёшь, а на эмоции, глядишь, и получится.

...До улицы Образцова мы добрались на метро, вышли на станции «Менделеевская», прошли пешком по знаменитой Марьиной Роще. В приёмной ожидали совсем недолго. Ректор, высокий стройный мужчина средних лет с седыми висками, в ладно сидящей чёрной форме железнодорожного начальника, мерил широкими шагами свой кабинет.

– Рад, что у министра такие молодые, интересные помощники. О Тулееве слышан. Как о железнодорожнике, я о нём высокого мнения. Он руководил самой крупной дорогой в СССР. И неплохо... Так, чем могу, как говорится?

Я протянул ему фирменную министерскую папку. Хозяин кабинета раскрыл её, долго читал послание министра. Ещё раз внимательно посмотрел на нас и сказал: «Надо помочь коллеге».

...16-этажная «свечка» общежития возвышалась на той же улице, что и сам институт. Вход на ректорский – второй – этаж располагался отдельно от общестуденческого. Поэтому здесь было тихо. Комендантша выдала нам заветный ключ. И мы вошли, наконец, в своё жилище.

Комната превзошла все ожидания. Небольшая, но оборудованная всем, что нужно для двух временных холостяков, – две кровати, письменный стол с самым большим по тем временам ламповым телевизором, занимающим половину столешницы, холодильник, объёмный шкаф для одежды, тумбочки, стулья. Из прихожей одна дверь вела в ванную, другая – в новенький санузел. Чего ещё желать после скитаний в поисках ночлега?!

Мы в тот же вечер сгоняли на другой конец Москвы за чемоданами. Нагладили рубашки и развесили их на плечиках в шкафу. Приняли душ. В коридоре обнаружили кухню с посудой, кастрюлями, электропечью. От радости Николай даже провёл свой позабытый бой с тенью и знакомыми звуками: «Пых, пых, пых, пых...». Теперь мы вечерами спокойно смотрели московские новости под домашний борщ, который я варил в большой кастрюле нам на целую неделю, безмятежно чистили «пёрышки», готовясь к утренней смене, лёжа в кровати, спокойно планировали действия на новый день. На работу стали теперь ездить так: несколько остановок – на трамвае, потом ещё две – на метро от «Проспекта Мира» до «Китай-города». Были и другие варианты, но по любому выходило минут сорок, что для Москвы считается очень быстро.

Правда, утром часы пик казались безумным столпотворением народов в метрополитене, на входе или выходе из туннелей которого нас просто несло по

инерции в заданном муравейником направлении, только успевай переставлять ноги, чтобы не затоптали. Зато Николаю нравилась эта суета: «Я в метро мышцы разминаю», – посмеивался он.

Впрочем, по дороге мы успевали купить свежих газет и за пару перегонов умудрялись просмотреть в них новости: «пробегали» глазами заголовки, первые предложения публикаций и уже были в курсе главных фактов. Затем в кабинете дочитывали подробности, накидывали на бумагу короткий обзор, и я шёл докладывать министру о событиях дня. Тулеев придавал этим ежедневным обзорам особое значение, они помогали ориентироваться в московской суете.

Часто попадалась информация об их министерстве и самом министре. Тут уж Аман Гумирович требовал подробностей или сам прочитывал поданную заметку. Часто это были «перелицованные» газетчиками на свой лад тексты наших пресс-релизов. Тулеев довольно хмыкал: «Молодец, но не расслабляйся...».

Особых усилий уже и не требовалось: Тулеев, можно сказать, был нарасхват. Если предыдущий российский министр по делам СНГ вёл себя, как рассказывали его бывшие подчинённые, «ниже травы, тише воды», то об А. Г. Тулееве и о работе нашего министерства в прессе проходило столько всего, что хоть отбавляй. Он сам часто комментировал ситуацию с соотечественниками, которые в результате Беловежского соглашения в одночасье оказались за рубежом. Открыто заявлял, что некие силы внутри нашей страны продают оружие обеим сторонам конфликта между Арменией и Азербайджаном. Предлагал разные варианты, как России выгодно вернуть «советские» долги Казахстана или других новых независимых государств, забрав у должников нужную нашей стране собственность в виде предприятий или санаториев...

Словом, темы были одна другой острее. И журналистам хотелось получить комментарии из первых рук. С «печатными» коллегами нам ещё как-то удавалось справляться, готовя ответы на заданные газетчиками вопросы. Иногда я комментировал точку зрения министра по телефону. Центральные газеты тех дней редко обходили вниманием проблемы СНГ.

Сложнее оказалось с разросшейся как грибы после дождя московской «электронной» журналистикой. Ей Тулеев нужен был «живьём»: в кадре или у микрофона. А назначить время для интервью с министром непросто – его рабочий график был плотным, состоял из длинной череды совещаний как у самого Тулеева, так и в других «высоких» правительственных кабинетах. Назначенные уже интервью срывались, откладывались, переносились, журналисты высказывали неудовольствие не только нашей пресс-службе, пару раз открыто покритиковали министра за «уход от острого разговора».

– Давай «теликов» звать в субботу, – предложил Николай. – Аман же ходит на работу по субботам. Сидит с бумагами...

– Может, ты и прав, – отвечаю, – хотят «эксклюзив», пусть жертвуют баней.

И мы стали приглашать тележурналистов и «радийщиков» на субботу.

Тулеев не возражал. Единственное, требовал, чтобы вопросы, по крайней мере, основные темы интервью, поступали заранее. Иногда в выходные нам удавалось

организовать две-три беседы электронных СМИ с министром. И «телеочередь» начала хорошо продвигаться. При этом число выходных и у нас с Николаем сократилось.

За неделю мы порядком выматывались. Поэтому в воскресенье предпочитали отлёживаться в своём номере: спали, ели, читали, смотрели телевизор. Когда ехали в Москву, фантазировали, что обойдём все музеи и театры столицы. На самом деле всё оказалось гораздо прозаичнее. И когда стало казаться, что мы уже не выберемся из формулы «дом – работа», Самошонков предложил для разнообразия нанести визит своей теще.

Сказано – сделано. Мы отработали в министерстве больше месяца. Впереди были три выходных, связанных с праздником Октябрьской революции. Новые власти России его уже не отмечали, как в советские времена, но дни отдыха ещё не отменили. И мы поехали в Ворсму.

От московского автовокзала до этого небольшого городка на реке Кишма, что в Павловском районе Нижегородской области, автобус шёл всю ночь и привёз пассажиров на место ранним утром. Пустынную центральную городскую площадь окружали двухэтажные здания с облупившимися фасадами. Большой грубо отёсанный серый камень, надпись на котором сообщала, что город основан казаками в 1588 году, лежал рядом с огромной лужей. Но ясный рассвет обещал, что наступающий день будет солнечным.

Пока шли до места, Николай рассказывал, что через городок за века прокатилось немало войн, что при Советах здесь стабильно работали два завода: на одном выпускали ножи, на другом – медицинструменты: «Продукцию и тех, и других на весь СССР поставляли, не успевали производить. И для хирургов, и для стоматологов, и для ветеринаров. Случалось делать и особенные, – торопливо, как обычно, горячась, рассказывал он. – А теперь всё встало. Говорят, импортное завозить дешевле. Как так?! Весь город на этих заводах работал. А теперь народ болтается без дела или в сараях да подвалах кустарно мастерит что-нибудь, лишь бы выжить... Куда катимся?!»

Так за разговорами дошли до тёщиной кирпичной пятиэтажки, поднялись на этаж. Одна из дверей внезапно распахнулась, и на площадку быстро вышла невысокая седая женщина лет шестидесяти:

– А я смотрю с балкона: ты или не ты? Ты, зятьёк! Сердце матери не обманешь, – запричитала она. – А это товарищ твой? Ты уж нас представь...

Колина тёща всю жизнь учила детей в школе, сейчас была на заслуженном отдыхе. Их квартира оказалась довольно большой, из трёх светлых комнат. В каждой стояла какая-нибудь мебель, виселись книжные полки.

Стол организовали посреди большой комнаты. Несмотря на раннее время, на столе появилась глубокая тарелка с дымящейся ароматной горкой домашних котлет, блюдо, наполненное с одной стороны толчёной картошкой, с другой – солёными огурчиками и маленькими помидорками. В хрустальной посудинке угнездились маринованные грузди, в селёдочнице – селёдка, украшенная луковыми колечками.

А ещё – колбасная и мясная нарезка. В плетёной тарелке куски белого и чёрного хлеба. Ох, и поели же мы тогда! Как водится, выпили за встречу. Поговорили и выяснили, что в этой российской глубинке нашего Тулеева уважают. А после нас уложили отдыхать...

Потом тесть водил нас в баню к Петровичу, куму своему. А вечером мы попали на день рождения к тёщиной сестре, которая жила в просторном частном доме, полном гостей по случаю праздника. Словом, программа нашего визита была обширная. А люди, которые попадались нам в Ворсме, были простыми, добрыми, хлебосольными.

На следующий день Николай потащил на городскую площадь, на рынок. День снова выдался яркий, солнечный, по-ноябрьски холодный. Ряды деревянных прилавков были полны товаров. В основном здесь предлагали овощи, соленья, варенья, мясо, сало. Но Николай всё тянул меня к ножевому ряду. Тут за прилавками стояли одни мужики, в основном, хмурого вида. Они молча разглядывали покупателей, не нахваливали свою работу, терпеливо ожидая спроса.

Каких ножей только не было! Ножички размером с напёрсток чередовались с теми, у которых имелись хитро спрятанные выкидные лезвия, их, в свою очередь, «перебивали» внушительных размеров тесаки и топорики. На прилавках лежали треугольные, квадратные, пятиугольные «складни». Один был выполнен в форме звёздочки с несколькими лучами.

Разговорившись с одним из мастеров-продавцов, я узнал, что к тому моменту, когда Советский Союз приказал долго жить, в Ворсме, на заводе «Октябрь» производили девяносто процентов всех советских ножей. Особо ценились подарочные ножи для руководителей СССР, начиная со Сталина. Только местные умельцы снабжали Советскую Армию большим набором спецножей. Для различных родов войск и флота делали: боцманский, строповый, сапёрный, нож взрывника, шлюпочный, командирский. Производили и охотничьи, кухонные, туристические, рыбацкие, филейные, кортики, с выкидными лезвиями...

Ворсминцы часто, к удивлению, спрашивали о министре. И это был, по ощущениям, не дежурный интерес, а искреннее желание узнать о Тулееве что-нибудь необычное, интересное, чтобы лучше представлять себе политика. Мы рассказывали подробности его жизни и работы в Сибири и в Москве. И нередко слышали в ответ: «Зря он снял свою кандидатуру с выборов в президенты, я бы проголосовал за него...».

Однако праздники имеют обыкновение заканчиваться. И рано утром в понедельник мы с Николаем вышли из автобуса на московском вокзале. Предстояло совершить пару небольших, но сложных марш-бросков, ведь тёща под завязку нагрузила московских «холостяков» продуктами домашнего производства.

Помню, как Николай вышагивал по утренней Москве, сгибаясь под тяжестью мешка с картофелем на левом плече и громадной сумкой, набитой банками с соленьями-вареньями и кульками с едой в правой руке. Я едва тащился за ним, тоже нагруженный как верблюд. С трудом спустились в метро, сели в вагон. Буквально переползая по переходам на нужную ветку «подземки», кое-как добрались до

станции «Китай-город». Решили сразу идти на работу, добираться до общежития уже не было времени.

Под удивлёнными взглядами прохожих с мешками и сумками прошли по Варварке, так и заявили в министерство. А после работы, выпросив у министерского завхоза машину, увезли тёщины дары домой, нажарили картошки и, наевшись до отвала, развалились на кроватях, долго лениво перебрасывались воспоминаниями о поездке и жизни людей в маленьком городке российской глубинки...

На работе, между тем, было «жарко». Тулеев ставил перед сотрудниками конкретные задачи и требовал неукоснительного, а главное, быстрого исполнения. С этим-то как раз были проблемы у многих работников. Всего в министерстве трудилось ни много ни мало около четырёхсот человек. Привыкшие месяцами жить в «полудрёме» при бывшем руководителе ведомства, они в своём большинстве и не могли действовать иначе...

Аман Гумирович поменял нескольких своих замов, начальников ведущих департаментов. Взамен приглашал специалистов из числа отставников МИДа, из бывшего ЦК бывшей правящей партии. Новые эксперты старательно подхватывали идеи министра, предлагали для министерства реальные действия. Тулеев не любил абстрактные дела и нулевые результаты. Если до него Минсотрудничество считалось довольно символической структурой, то он был намерен наполнить его живыми делами и инициативами.

Особенно много усилий министр вкладывал в процесс сближения России с Белоруссией. В то время многие были уверены, что единое государство россиян и белорусов появится буквально вот-вот, что это вопрос нескольких месяцев, ну, может, ближайшего года. По распоряжению министра над решением этой задачи начали работать лучшие спецы ведомства. Тулеев проводил одно совещание за другим, ездил в Минск, пробивал свои предложения в правительстве.

Эта тема не сходила с повестки и в российских, и московских СМИ. Мы на эту тему собирали пресс-конференции министра в главных офисах ТАСС, «Интерфакса». Организовывали приглашение министру в популярнейшую передачу «Доктор Угол» на телеканале НТВ, убеждали Тулеева, что о лучшей трибуне нечего и мечтать, и вечером везли его на прямой эфир к ведущему Игорю Угольникову. А следом министра требовали в эфир журналисты телеканала ТВ-6, который располагался в телецентре «Останкино». Приглашения Тулееву участвовать в программах шли от телевизионщиков «REN TV», «Пятый канал», Российского телевидения, межгосударственной телерадиокомпании «Мир». Словом, мы крутились, как умели. Но и министр, кажется, был доволен.

Интересно, что в Министерство по делам СНГ потянулась небезызвестная творческая интеллигенция. Министерские старожилы утверждали, что раньше такого никогда не было. А тут, видим, на совещаниях у министра киноактрису, заслуженную артистку РСФСР Наталью Варлей (а ведь она в 1996-м во время президентских выборов поддерживала Геннадия Зюганова). Бывал в гостях у Тулеева актёр и режиссёр, народный артист СССР Ролан Быков, которого я

сфотографировал на память вместе с министром. Однажды в министерском заседании принимал участие поэт и писатель Сергей Михалков. Живой классик, вальяжно развалившись на своём стуле, изредка вставлял реплики в выступление министра, а все остальные не столько слушали Амана Гумировича, сколько тарасились на Сергея Владимировича...

Но далеко не всё складывалось так, как хотел министр. Критика министерства тоже шла с разных сторон. Критически были настроены некоторые коллеги Тулеева в правительстве, «цеплялись» за его острые словечки, писали на него жалобы российским президенту и премьеру.

Сам Аман Гумирович позднее признавался: «В правительстве меня очень сложно приняли. Но я там был за счёт Черномырдина. Я всем ему обязан. Он и страсти все улаживал. До драки иной раз доходило. Москвичом я, конечно, так и не стал. Муравейник. У меня там всё было: госдача, машина – живи... Москвичом надо родиться. А когда переезжаешь туда, всё равно инородный, не свой».

Даже в самом министерстве не все разделяли его взгляды, ведь каждому в душу не заглянешь. Да и когда ему этим заниматься? Тут хочу вспомнить один яркий случай. Однажды в наш кабинет решительно вошли двое высоких, крепких мужей. Я не раз сталкивался с ними в министерских коридорах, знал, что они трудятся в одном из департаментов, всегда кивал им в знак приветствия и не обращал внимания на колющие взгляды в ответ. А сейчас они вошли так, что дверь едва не слетела с петель. Тёмные пиджаки расстёгнуты, галстуки сдвинуты на сторону, лица покраснелись, запахло водочным перегаром. Мы с Николаем от неожиданности вскочили со стульев.

– Понаехали тут валенки из Сибири! – сжимая кулаки, напирал один.

– погоди, пока не бей! Дай, я им скажу, – второй ухватил товарища за рукав. Но тот вырвался и замахнулся на меня. Коля не мог этого стерпеть. Подскочил к зачинщику и молча ткнул его кулаком ниже пояса. Тот выпучил глаза, коротко охнул и, хватая воздух перекошенным от боли ртом, начал медленно складываться пополам.

Всё произошло так быстро, что его спутник не понял, что случилось:

– Мы поговорить пришли, а вы сразу драться!

Николай засмеялся и поднял руки, будто сдаваясь:

– Если поговорить, проходите, милости просим. А я подумал, бить нас заявили... Прошу прощения. Больше не буду. У нас, сибиряков, характер жёсткий, но отходчивый...

Короче, сгоняли в буфет, купили выпивки, закуски, достали заготовку с тёщиным салом и куском домашней колбасы. Сели, разговорились.

– Ваш шеф многих здесь раздражает, – заедая салом, вскоре разоткровенничались гости. – Приехал из глубинки, а устанавливает в министерстве свои законы: всё ему быстрее, чуть что – увольняйте без лишних разговоров. Своих кругом расставляет. Мы, москвичи, так не привыкли. Многие тут работают с первого дня, как контору организовали, специалисты в международных делах! Десять раз отмерят, прежде чем отрезать... Пресса сроду не знала наперёд о наших шагах. А теперь – сплошные заявления, пресс-конференции. Всех торопят: быстрее документы пишите. А если

ошибка? Кто будет виноват? Многие поговаривают об уходе. Мы тоже увольняться настроились. Да вот решили отношения выяснить...

Не стесняясь, рассуждали о наводнивших Москву «варягах», разрушающих московский образ жизни, о сплетнях в правительстве и подковерной борьбе, которая идёт там ежедневно. Сами гости, правда, в конце концов признались: один приехал в столицу с периферии, окончил здесь вуз, с тех пор работал в разных ведомствах, пока не попал в министерство; другого привезли в Москву родители, когда он был ещё старшеклассником, его отца перевели сюда на работу, и он стал москвичом...

Кстати, перестановки в правительстве в 1996 году были настолько частыми, что наш с Николаем министерский телефонный справочник был весь исчерпан. Когда я делал свои утренние доклады министру о новостях, нередко начинал со свежих назначений Кремля. Нередко руководители министерств узнавали о своих отставках из всезнающих СМИ. И Тулеев нет-нет да уточнял по утрам: «Меня ещё не уволили?»

Слякотная московская зима между тем вступила в свои законные права. На входах в метро и подземных переходах хлюпала вода вперемешку с раскисшим снегом и песком, с ядовитым химреагентом, именуемым в народе «смерть башмакам». Сырой московский холод доставал нас и в общежитии. От большого окна сквозило так, что по комнате гулял холодный ветер. Не спасала горячая чугунная батарея. Когда, придя с работы, мы пытались согреться, это удавалось сделать только, если лечь в постель одетыми и поверх одеяла накинуть ещё и покрывало.

Мы решили одно из воскресений посвятить борьбе за тепло. Провели переговоры с комендантом общежития, выбили у неё кучу тряпья. Выросшие в обычных частных домах, мы помнили, как с осени родители «конопатили» оконные рамы, вставляли «вторые» окна и заклеивали в них щели полосками старых газет, обмазав клейстером, сваренным из обычной муки. Так мы и сделали, приготовили из муки клейстер, позаткнули тряпками щели в окне, заклеили их бумажными лентами. В комнате сразу потеплело, батарея теперь отапливала не московскую улицу – наше скромное жилище. Больше того, Николай выпросил у коменданта ещё по одному одеялу.

– Теперь точно перезимуем! – смеялся он, вручая мне новенькое верблюжье одеяло.

Зимние перемены коснулись и нашего министерства. В январе наступившего 1997 года министра А. Г. Тулеева утвердили ещё и заместителем председателя правительственной комиссии по вопросам СНГ, а в феврале к его министерской должности добавили обязанности российского представителя в исполкоме Сообщества России и Белоруссии. После этого в министерстве, пожалуй, не осталось подразделения, которое не участвовало бы в разработке документов для создания Союза России и Белоруссии: «Мы стоим у истоков образования Союзного государства. Он выгоден нашим странам, нашим народам и политически, и экономически – для объединения материальных и интеллектуальных возможностей

двух наших государств», – излагал Тулеев свою точку зрения в вечерних теленовостях.

Тулеев давал очередное интервью, не сидя в кресле за министерским столом, а стоя посреди своего кабинета, что придавало его комментариям особую убедительность. Мы с Николаем отмечали, что шеф в кадре держался уверенно, стильно выглядел в новом клетчатом пиджаке. Министр вообще редко засиживался в кабинете, регулярно бывал в МИДе, министерстве обороны, других ведомствах, выезжал в республики СНГ – Молдавию, Украину, Закавказье, конечно же, в Минск. Причём, в поездки брал с собой всего одного-двух помощников – не любил длинных «шлейфов» из секретарей и советников, как иные руководители правительственных ведомств. Поэтому о результатах переговоров, о договорённостях и решениях он сам сообщал мне потом. Я переводил эти сообщения на язык пресс-релизов для редакций.

Отмечу лишь, что приходилось бывать с Тулеевым в разных министерствах и ведомствах – там, где он считал, что нужна фото- или видеосъёмка. Побывал на заседании кабинета министров в Доме правительства на Краснопресненской набережной, где прессе разрешили на несколько минут зайти в «тот самый» зал. Однажды снимал, как Аман Гумирович совещался в МИДе на Смоленской-Сенной площади. Ездил с Тулеевым в Минобороны на улице Знаменка, 13, поздравлять с 60-летием министра обороны Игоря Николаевича Родионова. Из-за московских пробок мы запаздывали к назначенному времени, поэтому почти бегом добирались до кабинета юбиляра по бесконечным коридорам оборонного ведомства, украшенным картинами с батальными сценами.

Впрочем, бывали и исключения, и нам с Самошонковым выпадали интересные командировки за пределы столицы. Об одной из них хочу рассказать.

Ближе к весне начали готовиться к традиционной встрече делегаций приграничных областей России, Беларуси и Украины. В 1990-е встречи обычно проходили на границе трёх стран, в одной из областей: Харьковской, Гомельской или Белгородской. Весной 1997 была очередь российского Белгорода, сюда в гости должны были приехать белорусские и украинские соседи во главе с руководителями регионов. Нашу сторону Аман Тулеев вызвался возглавить сам.

В министерстве готовились серьёзно, министр собрался произнести речь о сближении славянских народов на новых принципах независимости государств. Тезисами занимались лучшие министерские мозги. Пресс-служба тоже получила от Тулеева задание: «Надо как можно шире осветить в прессе эту встречу. Она очень важна для нас...». Кстати, министр нашёл и спонсоров, чтобы профинансировать поездку журналистов. Иначе, из-за нехватки денег, многие редакции не направили бы с нами своих репортёров.

...Через несколько дней пёстрая толпа журналистов и министерских чиновников толпилась мартовским вечером на Курском вокзале. Перрон был заставлен видеокамерами, штативами, сумками и портфелями. Поезд «Москва-Белгород» отходил через полчаса, а к месту назначения прибывал рано утром. Купе были двухместными. Я ехал с каким-то солидным обозревателем из центральной газеты. Выпили мы с ним коньячку, поговорили про нашего министра и улеглись спать. А

проснулись, когда поезд подходил к Белгороду. За окном было уже светло, мимо проплывали пейзажи незнакомого города.

На привокзальной площади делегацию ждали автобусы. Привезли нас в большой Дворец культуры. В главном зале убрали привычные ряды сидений, вдоль стен расставили столы в виде буквы «п». Места в середине этой буквы предназначались для российской делегации, справа сидели гости с Украины, слева – из Белоруссии. В зале стоял гул, перекрываемый оживлёнными возгласами: гости громко представлялись друг другу, радостно обнимались со старыми знакомыми. Мы с Николаем рассадили журналистов на галёрке, где устроили места для прессы, расставили в зале телеоператоров так, чтобы не мешали работе собрания.

Вскоре в зал стремительно вошёл Тулеев в сопровождении белгородского губернатора Савченко, за ними поспевали руководители Харьковского и Гомельского регионов. Тулеев – высокий, в тёмном костюме, на тщательно отутюженных стрелках брюк нет ни складки. Я вообще стал замечать, что в Москве он стал одеваться с иголки, и уже вряд ли бы вышел вечером гулять по Красной площади в «адидасе», как бывало вечерами во времена его сенаторства.

В «Сибиряках на Варварке» эта встреча описана с документальной точностью. Поэтому, процитирую:

«Первому дали слово министру... Выступал он, как всегда, напористо, образно, с удовольствием. Говорил: «Есть старая народная мудрость – дружба и братство лучше богатства. Предки наши хорошо помнили, что дружба как стекло, разобьёшь – не сложишь!» Зал с нескрываемым интересом слушал российского министра. А он говорил о братстве, дружбе славянских республик, о том, что надо не сворачивать, а развивать на новой – независимой – основе культурные и экономические связи. При этом он заверил, что российское государство всегда серьёзно будет заниматься проблемами русскоязычного населения, оказавшегося в ближнем зарубежье.

– ...Мы уверены, что старый друг лучше новых двух! – в завершение опять повернул он мысль, с которой начал. – Предлагаю всем нам всегда помнить этом, – и зал разразился аплодисментами.

...После нескольких часов обмена мнениями расторопные официанты накрыли обед прямо здесь же, в зале. На сцене начался концерт артистов, которых делегации привезли с собой...».

А на следующий день всех повезли на экскурсию в посёлок Прохоровка, где в Великую Отечественную, в июне 1943 года, было крупнейшее танковое сражение. В память об этом здесь основан большой музей-заповедник «Прохоровское поле». Высокую белую звонницу в этот ясный мартовский день было видно издалека. Мы ехали вдоль того самого знаменитого поля, где проходила битва. И казалось, что этому необъятному, широкими волнами уходящему вдаль пространству, вместившему когда-то тысячи изрыгающих яростный огонь железных машин, нет конца.

Возле звонницы все вышли из автобусов. На площадке у памятника уже стоял министерский «ауди». Министр с белгородским губернатором, задрав головы вверх, рассматривали грандиозное сооружение. Девушка торопливо рассказывала

им: «Прохоровское поле чтут наряду с Куликовым и Бородинским. Эту звонницу открыли в 1995-м, к 50-летию Победы, её высота 59 метров. Стены – четыре мраморных пилона, символизируют четыре года войны. На вершине купола позолоченная фигура Богородицы. Видите, надпись на церковнославянском? Это из Библии: «Нет большей любви той, как положить жизнь за друзей своих». Колокол звонит каждые двадцать минут... А теперь проедем в посёлок, к храму...».

...В Прохоровке нас поразили высокий белоснежный храм святых апостолов Петра и Павла. Грандиозное сооружение наверху завершалось единственным куполом с золочёной главой, ослепительно блестевшей в солнечных лучах на фоне голубого небосклона.

Под стать и внутреннее убранство церкви. Светло и просторно, глаз радуют яркие фрески, которые повсюду. Иконы и росписи на иконостасе алтаря сделают честь любому кафедральному собору. Вдоль внутренних стен тянутся мраморные плиты с рядами имён и фамилий. От их количества рябило в глазах. Здесь больше семи тысяч имён воинов, погибших в боях под Прохоровкой. И их число с каждым годом растёт... Тулеев и Савченко взяли из рук подошедшего монаха свечи и направились к иконе апостолов. Оба постояли в центре зала, склонив головы.

Возле храма мы с Николаем организовали подход министра к прессе. Тулеев коротко, энергично подвёл итоги визита. Снова и снова возвращался к тому, что бывшие страны СССР должны дружить, а славянские народы – в особенности. «Ведь в том сражении под Прохоровкой были и русские, и украинцы, и белорусы. Вы имена-то в храме посмотрите... Они же тогда родину не делили, бились с фашистами бок о бок. Вот о чём нам всегда надо помнить!»

После Белгорода пресса целую неделю публиковала репортажи и статьи о встрече приграничных областей. Главным героем, конечно, был Тулеев. Мы с Колей тогда попали в приказ, которым министр объявил благодарность организаторам белгородской поездки.

...Между тем, весной 1997-го в правительстве кадровая чехарда усилилась. Президент упразднил несколько министерств. Вице-премьерами стали Чубайс, Немцов, Кох, Булгак, которые заменили зампредов правительства Илюшина, Потанина, Заверюху, Лобова. Вместо Евгения Ясина министром экономики был назначен Яков Уринсон... Я знал далеко не всех, Николай же встречался с ними на лекциях в Академии, поэтому раздавал им ехидные характеристики.

Президент только успевал подписывать кадровые документы. По Москве ходила присказка: пришёл утром министр на работу, а секретарша говорит: «Зачем пришли, Иван Иванович? Вас президент уже уволил, сама по телевизору слышала!»

Про наше министерство тоже ходили слухи. Однако к концу марта кадровая лихорадка начала стихать, утвердили новую структуру правительства, распределение обязанностей между его зампредами. Министерство по делам СНГ устояло...

Однажды министр спросил: «Ты решил в Москве постоянно прописаться? А я, если помнишь, обещал вернуться в регион, если там объявят выборы губернатора».

– Так не объявили ещё...

– Не объявили, – согласился Тулеев. – Но объявят! Над этим надо работать. А мы должны говорить с земляками, чтобы не забывали. В общем, думай, как? Надо кузбасскую прессу к делу привлечь.

Да, Тулеев не прерывал связи с регионом. В приёмной министра постоянно сидели гонцы из Кузбасса: директора шахт и объединений, сельских предприятий, депутаты, главы территорий. Он их принимал, брался решать их вопросы в разных министерствах. А когда ему удавалось пробить какие-то преференции для Кемеровской области, мы сразу же писали пресс-релиз и отправляли его в Кемерово. Передавали по старой памяти в Законодательное Собрание, там наш текст подхватывала консультант Светлана Солод и рассылала по кузбасским СМИ.

В недрах нашей пресс-службы родилась идея пригласить в министерство группу ТВ из родного региона для съёмок интервью с министром. Для начала решили остановиться на Новокузнецке, пообещали им отличный эксклюзив: министр и о работе в Москве расскажет, и о том, как по родине скучает, как помогает региону решать проблемы через связи в правительстве... Тулеев идею поддержал. И вскоре в Москву прилетели новокузнецкий журналист Ростислав Бардокин с оператором.

Аман Гумирович согласился обсуждать самые острые темы. Говорил без бумажки, как всегда, объясняя сложные политические проблемы понятным языком, давал остроумные оценки тому, что происходит в жизни страны. Подробно рассказал о своей министерской работе... Ростислав буквально засыпал его вопросами.

Мы с Николаем тихо сидели в сторонке, внимательно слушали беседу. Наконец, собеседники перешли к региональной теме. Тулеев похвалил мэра города за то, что вникает во все городские проблемы, постоянно общается с жителями. Они с Ростиславом так подробно обсуждали новокузнецкие дела, что стало понятно: Аман не порывал с регионом, знал, чем он живёт и дышит.

Был доволен беседой и Бардокин.

За несколько недель в министерстве побывали ещё несколько съемочных групп из городских телекомпаний нашего региона. После выхода интервью министра в эфир Коля делал «контрольные» звонки знакомым в тот или иной город, которые подтверждали: земляки слушают Тулеева с большим интересом, не забыли, ждут его возвращения на родину.

Однако выборы губернатора в Кузбассе всячески тормозили. Уже во всех российских регионах состоялись губернаторские выборные кампании. А в Кемеровской области этот процесс всё откладывался. Почему? Обыватели объясняли это только одним: «действующий» хочет удержаться в кресле подольше, ведь на выборах люди за него не проголосуют...

Просчитывали ситуацию с регионом и в Кремле. Боялись нового социального взрыва горняков, изучали возможных кандидатов на губернаторскую должность, высчитывали, кому народ симпатизирует, кто сможет изменить настроение кузбассовцев...

Майские праздники 1997-го промелькнули незаметно. В один из вечеров меня срочно вызвали к министру. По привычке подхватил дежурный блокнот, авторучку

и помчался по коридору. Тулеев нервно прохаживался по кабинету, заложив руки в карманы брюк, молча кивнул: проходи, садись. Сказал, что мне надо возвращаться в Кемерово.

– Меня в Кремль вызывали, – сообщил он. – Спрашивали, не передумал ли я возвращаться в регион. Словом, опять назревают перемены. Да и поднадоело в столице... Только это пока не для прессы. А тебе (мне, то есть) сейчас уже надо ехать... – и он подробно принялся объяснять, чем нужно заниматься там, на месте. – Николай пока пусть здесь за двоих трудится. А потом сам решает, как ему жить дальше.

Вечером в общежитии мы с Колей обсудили ситуацию со всех сторон.

– Только пока об этом никому, – предупредил я. – Вот выйдет указ президента... А выйдет, похоже, скоро... Затянулась наша московская командировка. Если честно, и мне домой хочется, соскучился, устал от кочевой жизни. Так что завтра за билетом пойду... С Министром договорились, что ты будешь работать здесь до конца. Утром также будешь ему делать обзоры. Постарайся попроще и внятно. Как только указ выйдет, напишешь заявление «на выход». Я вас дома буду ждать, там снова вместе поработаем. Ты как?

Николай засмеялся:

– Мы же как иголка с ниткой.

Долго не спали в ту ночь, болтали о своей московской жизни, смеялись, вспоминая всякие случаи, вздыхали по незаметно пролетевшим месяцам в столице. Москву посмотреть по-настоящему так и не успели: ну, побывали за это время один раз в Театре Советской Армии с его самой большой в стране сценой, пару раз – в музее Вооружённых Сил, и то лишь потому, что они находятся недалеко от нашей общаги. В кино дважды сходили. Да, забыл, что однажды в выходной день бывший начальник кузбасской ГАИ Анатолий Григорьевич Казаков свозил нас с Колей на своей «волге» в Сергиев Посад.

Лишь в обеденные часы мы обследовали каждый уголок на Красной площади, изучили улицы и переулки возле Старой площади, Китай-города, заглянули, наверное, во все расположенные тут храмы и часовни. Гуляли по Ильинке, Варварке, Рыбному и Большому Черкасскому переулкам. Ходили на Биржевую площадь, по Богоявленскому переулку шагали до Никольской улицы, часто в ГУМе ели мороженое.

Прямо за углом министерства начинался Никольский переулок, где возвышался пятиглавый храм святителя Николая Чудотворца «Красный Звон». Мы заходили и в это православное святилище с простыми серыми стенами, высокой колокольней. И местный церковный служака однажды объяснил нам значение не совсем обычного названия. Оно шло от красивого звона колоколов храма. Среди них когда-то был колокол с изображением трёх лилий, пометой 1573 года и латинской надписью. Считали, что колокол был взят царём Алексеем Михайловичем в трофей во время Польской войны. А потом колокол вывезли в Коломенское...

Накануне моего отъезда в Кемерово мы с Николаем снова вошли в пропахшую ладаном полутьму короткого притвора этого храма, купив по свечке, встали у

алтаря. Со стен на нас сурово взирали неясные лики святых, проступающие со старых, с трудом сохранившихся фресок. Посетителей почти не было, в полутьме виднелись лишь несколько фигур, в основном, женских.

Мы уже знали, что святыней храма считается икона святого Николая – единственная, дошедшая с дореволюционных времен. Возле неё – в центре иконостаса – горели лампы, напротив иконы, возле амвона, стоял большой подсвечник, на нём неспешно колыхались огоньки трёх-четырёх догорающих свечей. Поставили и мы свои туда.

– Вот же дурацкое воспитание, – прошептал Коля, – не могу перекреститься...

Я вернулся на родину в мае. Начало лета провёл на своём крохотном – 2,5 сотки – садовом участке. Он, кстати, располагался встык с Колиным, таким же маленьким. Мы приобрели участки в садовом товариществе «Ягодка», что в сторону микрорайона Южный, ещё в горбачёвскую перестройку по совету Александра Васильевича Семёнова, теперь работавшего в газете «Кузбасс». Его участок был по соседству. И он настоял, чтобы мы стали обладателями земли, которая «если что, с голоду помереть не даст». Совет оказался мудрым и дальновидным. На участках у нас с Николаем стояли старые, подгнившие местами, щитовые домики, были яблони, малина, смородина с крыжовником да по две-три грядки разной зелени. Ещё наши жёны лелеяли здесь цветы. На моём огороде даже малюсенькая банька стояла, в которой мы с Самошонковым иногда от души парились...

Я сидел на веранде садового домика и писал статьи о министре по делам СНГ, вечерами созванивался с Николаем, торопливо записывал его бодрую информацию, которую утром превращал в пресс-релиз, чтобы передать его в местные СМИ. Лучше других эту информацию публиковала ветеранская газета «Земляки».

Эти несколько недель я снова числился как бы безработным. Но министр помнил об этом. Поэтому время от времени небольшие средства для нашей семьи выделял из какого-то фонда помощи один из добровольных помощников Амана Тулеева Владимир Васильевич Красильников, работавший заместителем начальника УВД по Кемеровской области. С ним мы встречались в небольшом кабинете, принадлежащем, судя по всему, Законодательному Собранию области, обменивались новостями.

Он тоже был в курсе всех событий. Поэтому главной темой наших разговоров было предстоящее назначение Тулеева в Кузбасс. Ждали этого со дня на день, но всё же Указ президента России о новом губернаторе Кемеровской области прозвучал неожиданно. Документ был подписан 1 июля 1997 года. Как стало известно, отставленный губернатор ещё накануне съехал из региона, а верхушка его команды поразбежалась. На следующий день новость не сходила с экранов телевизоров, её опубликовали все центральные газеты. Вот что написала об этом, к примеру, газета «Коммерсантъ»:

«Результатом вчерашней встречи Бориса Ельцина с руководством правительства и президентской администрации стало кадровое решение, которое трудно назвать

рядовым. Ельцин освободил от должности губернатора Кемеровской области Михаила Кислюка. На его место назначен министр по делам СНГ, экс-председатель Законодательного Собрания области Аман Тулеев.

Михаил Кислюк, остававшийся до вчерашнего дня последним назначенным Ельциным российским губернатором, перестал им быть. А остававшийся до вчерашнего дня единственным оппозиционером в правительстве Аман Тулеев стал единственным назначенным губернатором. ...В целом новый губернатор оценил решение президента так: «Это здравый подход, здравость чувствуется во всём». Что думает обо всём происходящем отставленный Кислюк и на какую «другую работу» (как сказано в президентском указе) он перейдёт, пока неизвестно.

Зато то, что думают о губернаторе Кислюке в столице, известно давно. Особенно ему досталось на заседании президиума правительства в прошлый четверг. Тогда Анатолий Чубайс, говоря о выплатах пенсий в регионах, ситуацию в Кемеровской области назвал «отвратительной». Причём настолько, что нужны, по словам первого вице-премьера, «кадровые решения». Они и последовали.

...Местный конфликт некоторое время назад вроде бы разрешился в пользу отставного губернатора: Законодательное Собрание было распущено, а Тулеев переехал в Москву. Казалось, всё будет относительно спокойно до самых губернаторских выборов – после долгих согласований и громких скандалов возрождённое недавно Законодательное Собрание области назначило их на 19 октября.

И в Кемерово, и в Москве мало кто предрекал победу на выборах Кислюку. ...Конечно, у Тулеева гораздо больше шансов стать избранным губернатором. Вчера экс-министр подтвердил, что «точно хотел принять участие в выборах в октябре и примет обязательно». Тулеев по-прежнему очень популярен в Кузбассе. («Уволен Кислюк, назначен Тулеев», «Коммерсантъ», № 101 от 2 июля 1997, стр. 3).

Сам Аман Гумирович не раз рассказывал в своих многочисленных мемуарах о том, как встречался с президентом Б. Н. Ельциным накануне своего назначения в Кузбасс:

«Иду к Ельцину. Сидит. Свитер у него такой был на пуговках. И он начинает: «Аман, ну всякое у нас с тобой было, давай забудем». Я уже стою и думаю: «Что ж ты хочешь мне сказать, раз так начинаешь?» И он твёрдо говорит, что мне нужно вернуться в Кузбасс. Я ошарашен. Думаю: «Как это?» Здесь у него голос изменился. Чувствую, он искренне переживает. Объясняет, что страну разорвали на две части, а я в Кузбассе вроде как свой. И тут же говорит Ястржембскому (тогда пресс-секретарь Ельцина) так, будто бы меня и нет рядом: «А что мы теряем? Он всё равно против реформы. Поедет – башку свернёт. Мы скажем, что, мол, вот видите, они только болтать и могут. А я демократ, послал его, а он провалил всё. Мы прогадываем?» Тот ответил, что нет... Ельцин продолжает: «А если он потянет, опять хорошо. Скажем, мол, видите, нам чихать, лишь бы проблему решить». Так и решили. Я спросил, как там вообще с деньгами. Говорю: «300 миллиардов надо, не меньше! Что я без денег приеду? Что я там делать буду? Меня там разорвут. Люди полгода уже не получали пенсии, зарплаты. С чем я буду выходить к людям? С лозунгами, что ли?» Пообещал, что поможет. Но в итоге ничего нам не дали, естественно».

...Мы с Николаем созвонились, поздравили друг друга. Он сообщил, что немного задержится в столице – надо завершить работу, оформить увольнение в министерстве (кстати, и моё – тоже, ведь моя трудовая книжка пока лежала в министерском отделе кадров). Ладно, говорю, завершай и возвращайся, тут работы будет невпроворот.

Вечером мне позвонил Владимир Васильевич Красильников:

– Поедешь со мной в Новосибирск, будем там губернатора встречать. С ним согласовано. Он решил возвращаться домой через Новосибирск. Видеокамеру не забудь, будешь снимать для истории...

И вот ранним летним утром мы поехали. С нами депутат ЗС, прокопчанин Анатолий Арыков, за рулём «паркетника» знакомый по Заксобранию водитель Саша. Едем, волнуемся, обсуждаем: как-то состоится эта встреча. Московский самолёт прилетел в Толмачёво по расписанию. Мне удалось снять, как Тулеев сходит по трапу на сибирскую землю, приветствует земляков. Потом он попросил выключить камеру, мол, вид у него заспанный после дальней дороги.

Мы уселись в машину и понеслись домой. На границе областей – там, где стоит стела с названием нашего региона – решили перекусить. Расстелили скатерть-самобранку прямо на траве. Вышел отличный пикник. Лето было в самом разгаре, на загляденье солнечный день. А Тулеев, прибыв в этот день в притихшее главное здание администрации Кемеровской области, сразу же начал решать кадровые вопросы. Вскоре я получил назначение на должность начальника управления обл администрации по работе со СМИ, (журналисты по привычке называли наше подразделение пресс-службой губернатора), досталась мне по совместительству и роль губернаторского пресс-секретаря.

Помнится, что прежний состав пресс-службы «растворился», будто его и не было. Мне удалось уговорить не покидать пока рабочие места только видеооператора Андрея Деменёва и консультанта Вячеслава Шилова. Первые несколько дней мы втроём кое-как справлялись с валом информации о первых губернаторских шагах и решениях. Тулеев требовал немедленной публикации этих новостей на региональном телевидении, радио, в газетах.

Я перемещался с одного совещания на другое, забегал минут на десять на пятый этаж в пресс-службу, чтобы надиктовать очередные релизы Шилову или Деменёву, которые они набирали на компьютере. И снова мчался на третий этаж в кабинет губернатора. Первые дни пролетали так стремительно, что казалось, некогда перевести дыхание.

Хорошо, что приехал Николай, как всегда бодрый, энергичный, в хорошем настроении, можно сказать, готовый наилучшим образом выполнить любое задание. И стал моим заместителем. Потом вышла на работу в наше управление Ольга Рожкова, ещё специалисты подтянулись, и дело завертелось, как в хорошем информационном агентстве. Мне приходилось по два-три дня в неделю, а иногда и больше, ездить с губернатором по Кузбассу. Я знал, что на Николая в работе можно положиться – не подведёт, больше того, всегда предложит, как сделать лучше. Мы с ним так организовали потоки информации внутри администрации, чтобы к нам

стекались новости со всех департаментов и управлений. И начали выпускать информационные ленты – по десять-двенадцать релизов в каждой – по несколько раз в день. Многие новости стали сопровождать фотографиями. Для редакций СМИ это было очень удобно.

Хочу напомнить, что социально-экономическая обстановка в Кузбассе в 1997 году была крайне тяжёлая. Здесь развалили буквально всё: не было ни одной нормально работающей отрасли. Стояли закрытые шахты, едва сводили концы с концами металлургии, подвели под ликвидацию химические предприятия, бездействовали строители, лежало на боку сельское хозяйство. Не только бюджетники и работники промышленности по многу месяцев не получали зарплату, – пенсию и ту ветеранам не платили.

Это был коллапс, доставшийся в наследство Тулееву. По всему региону прокатывались волны бесконечных митингов, на которых народ требовал работы и денег. На площади Советов в Кемерове акции протеста шли ежедневно. Толпы учителей сменяли сотни врачей, митинговали рабочие закрытых заводов, им на смену выходили пенсионеры. Казалось, этому не будет конца. Губернатор выходил к людям, объяснял, убеждал, доказывал, просил потерпеть.

Сегодня многое из тех страшных девяностых годов забылось. Но не всеми. Бывший собственный корреспондент «Первого канала» в Сибирском федеральном округе, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Новосибирского государственного технического университета Константин Александрович Антонов в статье «Тулеев был одним из ярких героев российской политики» (сетевое издание «Клуб регионов», <http://club-rf.ru/42/opinions/1338>) пишет о том, что «хорошо помнит, как президент России назначал губернатором Кемеровской области А. Г. Тулеева в качестве «кризисного управляющего». К 1997 году Кузбасс представлял из себя регион, где множество угольных предприятий были закрыты, экономика других отраслей и социальная сфера тоже «лежали на боку», серьёзные проблемы сотрясали строительную и сельскохозяйственную и другие сферы

регионального хозяйства, областной бюджет был пуст. Руководителю области во многом приходилось начинать с нуля. Тулеев сумел преодолеть проблемы, вывести регион из кризиса...».

И в этом тяжелейшем, едва ли не сумасшедшем процессе возрождения Кузбасса наша пресс-служба занимала далеко не последнее место. Мы были в гуще событий, составляли всё новые и новые заметки, чтобы рассказать людям о начавшихся переменах. Сообщали о том, как в ручном режиме возвращено к жизни ещё одно производство, о том, как губернатор сумел привлечь в экономику частные инвестиции, сколько за прошедшие сутки поступило налогов в бюджет и в какие бюджетные сферы эти средства распределены. Губернатор работал без выходных – без выходных трудились и мы с Николаем.

19 октября 1997 года прошли первые в истории Кемеровской области выборы губернатора. Ожидаемо победил А. Г. Тулеев, набрав почти 95 процентов голосов избирателей. Есть в этом результате и усилия нашего управления...

Николай не раз прикрывал мою спину, за это я ему бесконечно благодарен. Ведь работа в должности пресс-секретаря – интересная, насыщенная, но, как правило, – на износ. Обычно в этом занятии нет не только выходных, часто – и отпусков тоже нет. Рабочий день не нормирован. Ты должен постоянно быть на связи с шефом, поэтому, даже когда уединяешься в туалетной комнате, телефон желательно иметь при себе.

И на ночь телефонную трубку кладёшь под подушку: мало ли что. Могут поднять в ночь-полночь, потому что случилось ЧП, авария, и надо срочно бежать или ехать и рассказывать прессе, а, значит, населению, есть ли пострадавшие, как устраняются последствия...

А ещё – нельзя пропустить ни одного мало-мальски значимого местного события, надо добиться, чтобы его обязательно осветили в прессе... Ещё – ежедневно надо отсидеть на десятке совещаний, и не просто отсидеть, а написать о каждой информации для СМИ, доходчиво изложив самую суть. А ещё – постоянно растолковывать гражданам и СМИ принятые властью решения и меры в интересах населения, которые иногда сами-то чиновники не понимают. Ещё – следить за общественным мнением, за репутацией администрации и её составляющими, за тем, чтобы вовремя дали ответ на критическую публикацию, да чтобы он был толковым и конкретным, не похожим на отписку. Ещё...

И несть числа этим «ещё». Наверное, поэтому у пресс-секретарей часто происходит серьёзное профессиональное выгорание... Так что ничего общего с «тёплым местом» это место не имеет. И если бы не поддержка Коли, его живое участие, лёгкий характер, умение шуткой разрядить напряжённую атмосферу, как знать, не сломался ли бы я в самые первые месяцы в этой «мясорубке».

Ещё об одном аспекте вспоминаю: наше с Самошонковым желание объединить общими делами и идеями разношёрстное журналистское сообщество региона. Тут нам пригодился партийный опыт. Ведь за годы руководства Кузбассом предыдущего губернатора наши коллеги разобщились, не стало для них областных мероприятий, кустовых летучек, старые приятели-редакторы СМИ редко

встречались, не обсуждали жизнь с её проблемами, не обменивались опытом, как раньше бывало, за «рюмкой чая». А ведь это им нужно как воздух! Трудно сказать, почему этого не делали: лень или неумение организовать...

Безусловно, областной семинар для СМИ организовать и провести не так просто. Надо выбрать тему, место, время. Не каждый город, к примеру, захочет принять у себя, скажем, сто репортёров, провести для них экскурсии, угостить обедом. Подготовка такого семинара занимает не одну неделю. Но мы это начали делать на регулярной основе.

Привлекли к организации таких мероприятий информационно-методический отдел (был и такой в составе управления по работе со СМИ) во главе с Тамарой Николаевной Поповой. Николай, вспомнив, что он ещё и кандидат наук, делал на таких семинарах обзоры прессы, хвалил журналистские удачи, подсказывал коллегам из редакций ошибки. В результате мы получили, как минимум, корпоративное понимание общих задач, к решению которых Кузбассу надо стремиться, разъяснение того, как власть собирается этого достичь. Ведь по большому счёту цели у власти и прессы сходятся – это желание улучшить жизнь людей...

Быстро прошли три года нашей совместной с Николаем работы в областной администрации. Обо всём не расскажешь. Хотя стоит напомнить, что в областном бюджете появилась новая строка – программа «Пресса» – на поддержку СМИ области, на приобретение бумаги, на техническое перевооружение редакций и многое другое. Журналистов стали чаще награждать областными наградами. Появились областные конкурсы творческого мастерства. Возникла программа поддержки семей журналистов, улучшения их жилищных условий.

Но, к сожалению, всё проходит. Подошёл к концу и наш с Николаем совместный этап работы. Самошонов всё чаще стал говорить о том, что хотел бы продолжить занятие наукой, исследованием социальных аспектов деятельности прессы, сообщил, что его снова зовут в знакомую уже Академию на юго-западе Москвы, предлагают преподавать её слушателям. Кроме того, намеревался заняться докторской диссертацией.

Как было удержать его?! И мы расстались. Первое время Николай часто звонил из столицы, интересовался нашими делами. Потом звонки стали реже. Но связи мы не прерывали. Николай жил всё в той же гостинице Академии – в одной из двух высоток, что на проспекте Вернадского у станции метро «Юго-Западная». Как уточнил его старший сын Кирилл, Николай Васильевич работал консультантом, экспертом в области информационной политики. И, конечно же, занимался своей докторской.

Впрочем, судя по нашим телефонным разговорам, он оставался всё таким же лёгким на подъём, смешливым и уверенным в себе. Ходил в спортзал, где до седьмого пота поднимал тяжести. На спор мог постоять на руках на кромке крыши высоченной академической гостиницы. Часто привечал гостей – земляков из Кузбасса. Мне самому посчастливилось однажды воспользоваться этим его

качеством. В середине нулевых годов я попал в группу руководителей пресс-служб и пресс-секретарей органов государственной власти сибирских регионов, которая побывала на учёбе в Берлине. Когда рано утром вернулся в Москву, оказалось, что самолёт из Шереметьево на Кемерово вылетает только поздно вечером. Был свободен весь день и решил позвонить по знакомому номеру.

– Конечно, приезжай безо всяких, – раздался радостный голос Николая, – буду ждать! Вася (его младший сын) вынесет тебе пропуск на ресепшн...

В номере Николая было светло и чисто. Сам он сидел на небольшом диванчике у невысокого столика, заставленного закусками и напитками. Улыбающийся Коля, не вставая, подал руку:

– Извини! – хохотнул, встать не могу, – сломался...

– Ногу что ли сломал? – участливо уточнил я.

– Ага! – обрадовался он моей догадке. – Только не одну, а сразу обе.

И Коля, как всегда, торопливо, с юмором поведал, как на тренировке уронил на себя тяжёлую штангу. Перелом обеих нижних конечностей. Было очень больно, но он стерпел.

– Да ты не думай, – успокаивал он меня, – гипс скоро снимут. Буду как новый.

Мы выпивали, закусывали и без умолку рассказывали каждый о себе. Николай показывал пальцем на стопку журналов «Социология власти» и по вопросам философии, из которой я выдёргивал нужный ему. Он открывал журнал с очередной своей статьёй и начинал читать. Потом махал рукой, откладывал журнал в сторону и наполнял наши рюмки...

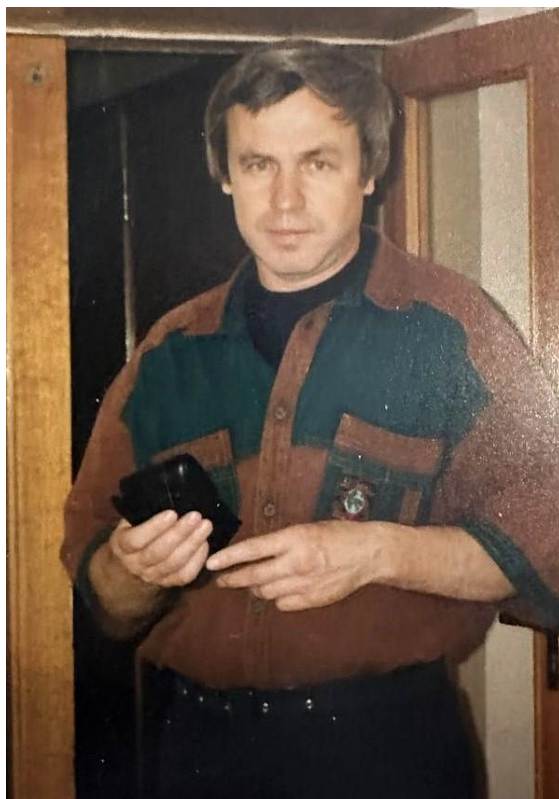
Кроме того, оказалось, что он помогает многочисленным диссертантам в подготовке монографий. «Это вон та пирамида книг, – похвалился он. – Но кроме того, я и сам занимаюсь исследованиями, поиском путей дальнейшего духовного развития страны. А это, знаешь, как непросто! – Николай поднял вверх указательный палец. – Да ладно, что я всё о себе? Расскажи, как там в Кузбассе...».

Словом, проговорили весь день. Правда, в середине дня его сын Василий сводил меня на обед в замечательную академическую столовую. Да и Коле требовался перерыв.

После этой встречи мы не виделись несколько лет. По телефону Николай объяснял, что докторская у него готова, но её защита по разным причинам откладывается. Однажды с какой-то оказией передал журнал с очередной своей статьёй. Он до сих пор лежит у меня на одной из книжных полок. Статья называется «Свободная циркуляция социальной информации как фактор стабилизации российского общества» (Самошонков Н. В., Социально-гуманитарные знания, № 4, 2002).

Начало десятых годов для нас обоих сулило немало проблем. В 2011 году – после восемнадцати лет работы с Тулеевым – я перешёл из областной администрации в АО «Холдинговая компания «Сибирский деловой союз». Но через пару лет и отсюда пришлось уйти. Несколько месяцев поисков работы на кемеровской бирже труда нормального результата не дали. Очередной этап моей безработицы продлился до весны 2015-го, когда вдруг пришла весточка из Владимирской области:

владимирский губернатор Светлана Юрьевна Орлова позвала к себе на работу. Мы с женой засобирались на новое место. И звонок от Николая был неожиданностью: – Привет! Ты дома? Я сейчас подъеду, – прокричал он в трубку весёлым голосом, как будто мы расстались только вчера.

Минут через тридцать к нашему подъезду подкатила иномарка, а ещё через минуту мы тискали друг друга на лестничной площадке. Николай смеялся и радовался встрече, шутливо вставал в боксёрскую стойку, целясь мне в плечо, делал выпад правой, левой, и я снова слышал его знакомое: «Пых, пых, пых...». В квартиру заглянул только на минуту, чтобы поздороваться с моей Галиной. Наотрез отказался сесть за стол и потащил меня в машину.

За рулём сидел незнакомый мужик с добродушным выражением на лице. Кажется, он был из того же таштагольского сообщества боксёров, что и Самошонков, а, может, их объединяло что-то ещё, я так и не понял. Николай разложил на заднем сиденье нехитрую закуску, достал коньяк, пластиковые стаканчики...

Внешне он казался всё таким же жизнерадостным, но чувствовалось, что перемены в жизни наложили на него свой отпечаток. Рассказал, что последнее время живёт у родственников в Таштаголе, занимается какими-то сделками. Несколько недель провёл у знакомого на маральей ферме в Горном Алтае. Обещал и меня свозить в эти красивые заповедные места. От вопроса о докторской диссертации отмахнулся. Пообещал приехать к нам во Владимир, как только мы как следует устроимся.

От него, как всегда, исходил оптимизм, способный перекрыть любую безысходность. И, готов признать, я «подзарядился» его жизнерадостностью.

Проговорили мы примерно час. Коля разлил остатки коньяка и заторопился с отъездом:

– Надо, надо, надо, – как всегда протараторил скороговоркой. – Ещё дел невпроворот... – и они уехали.

Это была наша последняя встреча. Во Владимире нас приняли очень хорошо. Мне предложили должность заместителя председателя комитета по работе со СМИ администрации Владимирской области. Наш комитет в журналистском народе, как и везде, называли пресс-службой, что, собственно, так и есть.

А Николай... В начале мая, а точнее второго числа этого месяца 2016 года он скоропостижно скончался в Таштаголе. Я узнал об этом ранним утром, собираясь на работу. Жена подала мне телефон прямо в ванную, сказав, что от чего-то спозаранку звонит Василий Самошонков. От Васи мы и узнали печальную весть. Николаю всего-то шёл 62-й год...

Свои соболезнования семье и близким через газету «Кузбасс» выразили губернатор А. Г. Тулеев, коллегия администрации Кемеровской области, областной Совет народных депутатов. Похоронили Николая на малой родине.

Кроме воспоминаний о нашей совместной жизни и работе у меня осталось несколько его книг. Одна из них – о его любимом боксе. Называется «На ринге – боксёры Кузбасса» (Кемерово, 1998). Есть, повторюсь, журнальные статьи с его научными исследованиями и другие его издания и публикации.

Интересна выписка из одной из давних его характеристик: «Отличается лидерскими качествами и силой характера. Самошонков Н. В. стремится к ярким впечатлениям и старается делать всё в быстром темпе, но при этом чётко и правильно. ...Имеет высокие требования к окружающим и старается им следовать. Не любит проявлять слабость, медлительность и несобранность, стремится к высоким достижениям и целям, может вести за собой окружающих и не поддаваться влиянию со стороны. Стойко выносит все жизненные испытания и препятствия и крайне редко проявляет слабость и становится ведомым...».

Но я чаще всего представляю его как неуёмного оптимиста и просто лёгкого на подъём товарища...

г. Кемерово,
декабрь 2024 г.

Об авторе

Сергей Черемнов родился 12 января 1956 года в Прокопьевске.

Окончил филологический факультет Кемеровского госуниверситета, отделение журналистики Сибирского института социального управления и политологии.

Работал корреспондентом, заведомом промышленности, собкором областной газеты «Кузбасс». Был главным редактором

городской газеты «Шахтёрская правда» в Прокопьевске. Заведовал сектором печати, телевидения и радиовещания Кемеровского обкома партии. Работал главным редактором первой областной негосударственной телерадиокомпании «Агентство информации Кузбасса – АИК».

С середины 1990 годов возглавлял пресс-службу Законодательного Собрания Кемеровской области первого созыва, затем в Москве руководил пресс-службой российского Министерства по делам СНГ. Около пятнадцати лет был начальником управления по работе со СМИ администрации Кемеровской области – пресс-секретарём губернатора Кузбасса. В 2015-2020 годах трудился заместителем председателя комитета по работе со СМИ администрации Владимирской области.

Член Союза журналистов СССР и России. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат премии Кузбасса.

Автор серии очерковых сборников «Творческие люди»; книг по истории журналистики Кузбасса; литературных сборников рассказов «На картошку» (2015), «Ёршик с ангиной» (2018), «Партийный хит сезона» (2019), «Сибиряки на Варварке» (2021); «Капчагайские рассказы» (2024), «Городские деревенские» (2025); повестей «Галкину» (2020), «Бонины радости» (2020), «Спасти шахтёров» (2023).

Оглавление

Письма ей подписывали просто: «Кемерово, газета «Кузбасс», Бабанаквой».....	4
Ойкумена Владимира Беряева.....	19
А споры-разговоры мы вели обо всём на свете.....	39
Валерий Гужвенко: «Читайте нашу газету, в ней всё напечатано».....	48
Юрий Дьяконов: «Настоящая журналистика – с высокими нагрузками».....	60
Юрий Зыков – Кулибин Яшкинского района.....	80
Александр Карин: от Прокопьевска до Парижа	93
Axis mundi или Ось мира Валерия Макаровича Кимеева.....	124
Борис Кобзарь: «Люблю следить за всеми изгибами своего карандаша».....	151
Читая Андрея Королёва	168
Виктор Королёв: «Мог ли Бальзак стать шурином Пушкину?»	185
Василий Кравчук – книга на ладони	194
Ипостаси Евгения Красносельского	221
Олег Курочкин, который не изменил своему призванию.....	274
Валерий Немиров – он же Савва Михайлов, Глеб Соколухин, Пека Дементьев, Калина Гречанинов, Добрыня Обломович, Никита Потогонов и другие	312
Валерий Никифоров: «У фотографа вместо кисти – луч света».....	334
«Павловский метод» Сергея Михайловича.....	346
Любимое Слово Василия Попка.....	357
Юрий Светлаков: «Пусть дух открытий не покинет вас»	379
Владимир Сухацкий любил Кемерово как никто	418
«Я очень счастлив оттого, что в моей жизни случился театр, состоялось кино...». (Очерк творчества Евгения Сытого).....	449
Олег Чернов: в поисках собственного лица.....	470
Михаил Шевалье и его Поднебесные Зубья.....	488
Мы не один пуд соли вместе съели... (Памяти Николая Самошонкова)	504
Об авторе.....	549

Сергей Черемнов

Своё призвание

**Избранные очерки
из серии сборников
«Творческие люди»**

Массово-публицистическое издание

Электронная книга

Компьютерная вёрстка, оформление и создание pdf автора

Редактор Нина Михайловна Инякина

Консультанты:

Галина Николаевна Черемнова

Наталья Георгиевна Круглякова

В книге использованы фотоиллюстрации
из личного архива автора, а также

А. Блотницкого, Н. Ермаковой, Н. Бабарицкого, Ю. Дьяконова,
А. Карина, Р. Карманова, Н. Инякиной, Н. Милютиной,
К. Самошонкова и Internet.

Подготовлено к публикации 19.08.2025 г.